Откуда пошла Русская Земля

Какъ стала быть.

Изданіе М. О. Вольфа.

P.O. russ. 66-1

KV

<36607656940015

<36607656940015

Bayer. Staatsbibliothek

ОТКУДА ПОШЛА
РУССКАЯ ЗЕМЛЯ
И
КАКЪ СТАЛА БЫТЬ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ ПОВѢСТЯХЪ

А. РАЗИНА и В. ЛАПИНА.

ТОМЪ I.

Съ рисунками Н. Дмитріева-Оренбургскаго.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

1878.

P.O. russ. 66-1

Bayerische
Staats Bibliothek
München

Razin

Печатано въ типографіи М. О. Вольфа (Спб., по Фонтанкѣ, № 59).

6/ 45
7gl 78/6749

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

стр.
1. Славяне и Варяги (860 г.) . 1
2. Цареградская гроза (866—941 г.) 50
3. Денница спасенія (945—969 г.) 98
4. Добрыня Малковичъ (977—988 г.) 147
5. Святополкъ Окаянный (1015—1019 г). 195
6. Королевна Ингигерда (1019—1054 г.) 243
7. Изяславъ Скиталецъ (1064—1078 г.) 291
8. Кровавыя слезы (1097 г.) 338
9. Мономахова кручина (1125 г.) 385
10. Кучково на Москвѣ (1147 г.) 431
11. Улита Кучкова (1147—1174 г.) 470
12. Полкъ Игоревъ (1185 г.) 518
13. Изгой (1189 г.) . 560

только не принуждайте давать судъ; и первое дѣло: судъ безъ расправы все равно, что лукъ безъ стрѣлы, что ладья безъ веселъ. По моему выходитъ, ужь если разсудилъ, то и расправься такъ какъ по суду вышло; а если нѣтъ власти расправиться, такъ лучше не срамиться. А другое дѣло: у насъ завсегда судья виноватъ и терпитъ похмѣлье не въ своемъ пиру, а въ чужомъ. Вотъ тоже не хуже вашего въ прошломъ году выбрали меня судьей наши съ пороговъ и Ижора съ невскаго устья. Я, грѣшнымъ дѣломъ, разсудилъ какъ умѣлъ и вышла у меня Ижора, народъ смирный, тоже изъ Чуди бѣлоглазой, права. И что-же? Наши-же, съ пороговъ, меня и побили, отчего такъ разсудилъ. А третье дѣло: что же Новгородъ за судья матушкѣ нашей Назьѣ? Вѣдь мы всѣ, и прадѣды наши, съ Назьи пошли, такъ не вѣрнѣе-ли будетъ намъ къ ней судиться ѣздить, а не то, чтобы ее судить? Есть и четвертое дѣло, господа честные: рѣчь идетъ у васъ не о соболяхъ, не о золотникахъ; объ этомъ и разговору-бы не было. У васъ посѣяно было вѣно, а выросла война и ссора. Обѣ стороны уперлись не за соболей, а за то, что вотъ я самъ себѣ господинъ, а своего носа ко мнѣ не суй и тебѣ я не поклонюсь ни въ чемъ.

Какъ ни отговаривался старикъ отъ рѣшенія спора, но спорщики ничего не хотѣли слушать.

— Нехорошо, отецъ, нехорошо,—говорилъ съ важностью Богомилъ;—мы сюда пришли не старшинствомъ считаться и выбрали тебя не за то, что ты городской старшина. Городъ намъ не указъ, и Назья знаетъ не хуже кого другаго, что она здѣсь въ переднемъ углу сидитъ. А за то мы тебя выбрали, что у тебя умъ и разумъ есть, и не купленный, а свой, и за то, что Новгородъ моложе Назьи и моложе Ловати, и отъ суда не постарѣетъ онъ, не станетъ старше отца, дѣда и прадѣда.

Долго отнекивался Гостомыслъ, потомъ еще разъ подробно

переспросивъ обѣ стороны, немножко подумалъ и наконецъ сказалъ:

— У насъ въ городѣ, дѣдушка Богомилъ, вѣно какъ-то ужь не то стало. У васъ, подъ деревьями, вѣно, по старинѣ, платится родителямъ или родичамъ, если дѣвушка выходитъ изъ своего рода въ другой, а если остается въ родѣ и выходитъ замужъ за родича, то считается, что грѣхъ — вѣно взять, и тогда женихъ только даритъ родню невѣсты чѣмъ захочетъ, безъ торгу. Вамъ, положимъ, безъ этого нельзя. Отдать дѣвушку изъ своего рода въ чужой невыгодно: работница для рода пропадаетъ, а за мужемъ станетъ работать на чужой родъ. Стало быть тотъ, кто ее беретъ, долженъ заплатить за ея прокормъ, за все то время, какъ она на свѣтѣ живетъ. А въ городѣ у насъ другое дѣло. Всѣхъ родовъ живетъ у насъ пять, и стали ужь путаться, со счету сбиваться; да и опять-же дѣвушекъ въ городѣ много, народъ у насъ гулящій, непосѣдъ: тотъ на Волгѣ съ казарами торгуетъ, тотъ за товарами уѣхалъ на Бѣлоозеро, въ Весь, тотъ въ Кривичахъ продаетъ, тотъ съ Варягами шляется. Дѣвушки и сидятъ, и мы за нихъ вѣна не просимъ, а пожалуй еще и приданое даемъ, а ужь по крайней мѣрѣ за невѣстой идетъ столько приданаго, сколько отъ жениха заплачено въ вѣно. Такъ бы и въ деревняхъ надо: пусть-бы одинъ родъ бралъ дѣвушку у другаго безо всякаго выкупа, безъ вѣна, потому это дѣло мѣновое: сегодня мы у нихъ взяли дѣвушку, а завтра они у насъ возьмутъ, и — въ разсчетѣ. Стало-быть мой совѣтъ такой, чтобы Назья ничего не платила, съ уговоромъ, что и Ловать ничего не заплатитъ, если и имъ случится вывезти невѣсту съ Назьи.

Крѣпко призадумались обѣ стороны, когда Гостомыслъ отвѣсилъ имъ свои поклоны на закуску. Бориславъ и старики его неласково простились съ хозяиномъ, сердито спустились по тропинкѣ крутаго берега къ Волхову и съ гнѣвомъ стали

усаживаться въ свою ладью. Пока дожидались они своей молодежи, замѣшавшейся въ городскіе хороводы, такъ какъ былъ третій день праздника, гнѣвъ старика понемногу выступалъ наружу.

— Разсудилъ! — ворчалъ онъ себѣ въ бороду, но понемногу говорилъ громче и громче. — Вотъ ужь разсудилъ! А еще говорятъ — умъ-разумъ некупленный! Это у него, выходитъ, не разумъ въ головѣ, а солома одна. Хороша голова — соломой набита!.. Вѣна не брать! Да если такъ, такъ лучше на свѣтѣ не жить! Голова! Да развѣ онъ установилъ вѣно, что онъ его отмѣняетъ? Съ прадѣдовъ нашихъ, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, вѣно установлено, а онъ: не надо! И точно что солома! Отцами и дѣдами установлено, а онъ: не надо! Чудное дѣло! Это не судъ, не правда, а одна только кривда! Это онъ только въ угоду старой лисицѣ Богомилу такъ рѣшилъ дѣло, чтобы эта Назья поганая только насъ, озерныхъ, на смѣхъ подымала, чтобы нашему роду прохода нигдѣ не было. Это я знаю, это не спроста, потому что у кого-же языкъ поворотится противъ старины слово сказать? У нихъ это давно задумано, чтобы наше озеро Ловати да Волхову въ кабалу отдать. Чуть зима, такъ гдѣ же рыбки половить, какъ не на озерѣ? А въ заморозки гдѣ тростнику нарѣзать, какъ не на озерѣ? Что же? Въ кабалу мы имъ не дадимся, это ужь пусть они не думаютъ....

— Да, замѣтилъ задумчиво одинъ бѣлый какъ лунь старикъ: — старину колебать не годится! Кто старину колеблетъ, тотъ самъ въ старики не попадетъ!...

— Онъ пусть лучше не думаетъ старину поколебать, — подхватилъ Бориславъ; — что дѣды установили, того пустыми рѣчами не сдвинешь, боги этого не потерпятъ. Вѣно! Вѣно установлено потому, что нашему роду, напримѣръ, нужна жена и работница — ну и заплати за нее, если въ своемъ родѣ нѣтъ. И вѣкъ будетъ міръ стоять, и вѣно будетъ стоять!...

Старики разжигали другъ друга и гнѣвъ ихъ расходился до того, что Бориславъ своими руками прорубилъ дно у ладьи Богомила и велѣлъ одному изъ молодцовъ принести съ берега навозу и разбросать его по лавкамъ ладьи. Раздосадованные старики, очень довольные тѣмъ, что повредили богомиловцамъ и нанесли имъ оскорбленіе, отчалили отъ берега.

Богомилъ, совершенно довольный рѣшеніемъ, побесѣдовалъ еще съ Гостомысломъ и потомъ вмѣстѣ съ нимъ пошелъ посмотрѣть хороводы. Обошли они два конца, посмотрѣли два хоровода; но подходя къ третьему, услышали, какъ Ловать обидѣла, опозорила не только старшину-князя съ Назьи, но и самого старшину-князя Гостомысла, у кого Богомилъ въ это время былъ гостемъ. Тутъ волосы поднялись на головѣ у Гостомысла. Какъ? Оскорбить такъ тяжко гостя, пріѣхавшаго въ Новгородъ, да еще по такому святому дѣлу, какъ полюбовный третейскій судъ? Да какъ Дажбогъ вытерпѣлъ это страшное нарушеніе уважаемыхъ обычаевъ? Какъ весь Новгородъ не вспыхнулъ отъ такого неслыханнаго оскорбленія своего старшины-князя?

А сгоряча Бориславъ забылъ, что онъ оскорбляетъ не однихъ прямыхъ противниковъ своихъ, но въ тоже время вооружаетъ противъ себя весь новый городъ. И народъ въ немъ вспыхнулъ, только что разошелся объ этомъ слухъ; хороводы разстроились, густая толпа обступила Гостомысла; а онъ кланялся въ поясъ Богомилу, прося его прощенія за обиду. Одинъ изъ толпы, горячая голова, по имени Вадимъ, крикнулъ: «Не кланяйся, отецъ! Не надо!» И весь городъ загремѣлъ тоже самое: «не кланяйся!» Это значило, что вѣче беретъ дѣло на себя и расправится съ оскорбителями. Старшина повиновался, выпрямился, поправилъ на себѣ шапку изъ черныхъ соболей съ краснымъ верхомъ изъ цареградскаго шелку, и велѣлъ къ завтрему готовить ладьи. Кто-то

крикнулъ было, что можно-бы и сегодня снарядиться, но старшина повторилъ приказъ и спорить никто не смѣлъ.

Къ счастью Ловати, въ новомъ городѣ было нѣсколько молодыхъ людей, пріѣхавшихъ изъ-за озера на праздникъ. Они видѣли, что роду ихъ грозитъ великая опасность; нѣкоторые бросились въ лодки и поплыли домой, чтобы повѣстить своихъ и успѣть спасти что можно; другіе видѣли, что враговъ будетъ много, и съ полуночи и съ полудня, кинулись внизъ по теченію, подбивать тамошній родъ противъ Новгорода; третьи имѣли знакомства и связи съ Весью, народомъ бѣлоглазымъ, жившимъ отъ верховьевъ Мсты до Бѣла-озера; не смотря на дальній путь, и боясь, что ссора пойдетъ надолго, они пустились по Мстѣ, отъискивать союзниковъ между Весью. Но большая часть молодыхъ людей торопилась прямо домой черезъ озеро. Они гребли изо всѣхъ силъ, какъ будто новгородцы уже сѣли въ свои лодки. Когда они выбрались въ озеро и уже можно было поставить паруса, лодки сблизились и пошли разговоры:

— Вишь, какъ осерчали!—говорилъ одинъ.

— Разорятъ, братецъ ты мой, и дохнуть не дадутъ!—замѣчалъ другой.

— А все этотъ Бориславъ, козлиная борода! Расходился на старости лѣтъ, а какъ-то придется расхлебывать?

— И вѣдь пособить-то некому: развѣ на Шелонь удариться?

— И то! Шелонь молодцы, народъ озерной, какъ и мы, конечно нашу руку потянутъ, а на нихъ новгородцы-то не очень горячо ударятъ, потому что за Шелонью Псковъ стоитъ: сила!

— Дѣло! Заворачивай, ребята, въ Шелонь! У кого тамъ есть рука?

Крутымъ поворотомъ рулеваго весла двѣ пары взяли на западъ, въ устье Шелони, впадающей тоже въ Ильмень.

Въ одно время съ Бориславомъ, плывшимъ домой не торопясь, въ устье Ловати вошли и лодки вѣстниковъ войны. Старшина князь сначала не вѣрилъ, потомъ говорилъ, что это все хитрость Богомила, что это онъ съумѣлъ поднять на него новгородцевъ. Но когда ему разсказали какъ было дѣло въ Новгородѣ, онъ понялъ, что Гостомыслу нечего было больше дѣлать, какъ велѣть готовить ладьи.

Между тѣмъ народъ собирался на вѣче, а это дѣлалось не скоро, потому что селенія по озеру и по устью Ловати разбросаны были далеко, а Бориславовъ родъ силенъ: въ немъ нашлось бы болѣе полуторы тысячи домовъ. Сходкѣ по настоящему не о чемъ было разсуждать, потому что ссоры съ сосѣдями въ то время происходили очень часто и всегда онѣ кончались миромъ, только послѣ сильной потасовки и тяжкаго разоренія иногда одной стороны, а чаще обѣихъ. Справиться съ Новымъ-городомъ нечего было и думать, особенно потому, что съ другой стороны надо было ждать нападенія Назьи. Поэтому, только что собралась на берегу порядочная кучка народу и Бориславъ спросилъ: кого-же міръ захочетъ выбрать воеводой, чтобы вести воиновъ, то поднялись согласные крики, обвинявшіе его въ томъ, что онъ погубилъ весь свой родъ, что теперь не до войны, когда враговъ набирается пятеро и шестеро на одного. Старшинѣ послышалось даже, будто нѣкоторые голоса говорили: не выдать-ли его Гостомыслу головою? Ясно, что надо было уходить.

По всему берегу поднялась суматоха неслыханная: ребята кричатъ, бабы причитаютъ и бранятъ старшину за то, что онъ довелъ свой родъ до такой бѣды. Снаряжали лодки и въ нихъ укладывались рыболовныя сѣти и немного добра, которое оставалось похуже. Все-же, что было по дороже: мѣха, цареградскія монеты, запасы хлѣба, все было зарыто, какъ водится, съ заговорами и волхвованіями, въ лѣсу, въ крѣпкихъ и вѣрныхъ мѣстахъ. Нельзя было взять на легкія лодки

только коровъ и овецъ. За то въ лѣсъ къ пастухамъ были посланы два старика, отлично знавшіе всѣ мѣста по берегу, чтобы перегнать стада на Шелонь, къ сосѣднему и дружественному роду столѣтняго старшины князя Крока.

Цѣлый вечеръ, всю ночь и весь слѣдующій день лодки выходили въ озеро къ Шелони, а устье Ловати пустѣло. Старшина Бориславъ, по обычаю, долженъ былъ отплыть послѣднимъ. Со страхомъ поглядывалъ онъ на озеро и торопилъ остальныхъ своихъ родичей.

Новгородцы, выходя на берегъ, нашли только опустѣлые дома, кое-что изъ деревянной посуды, разную домашнюю мелочь, кое-гдѣ бродившихъ куръ, которыхъ заботливыя хозяйки не успѣли переловить, и нѣсколько праздношатающихся свиней. Прежде всего найдена была изба старшины и сожжена. Затѣмъ новгородцы разсыпались по берегу и подпаливали вдругъ по нѣскольку лачугъ; другіе стрѣляли куръ, и короткія стрѣлы ихъ на близкомъ разстояніи пронизывали насквозь испуганныхъ пожаромъ хохлушъ. Тутъ гурьба молодыхъ людей свѣжевала свинью и готовилась ее жарить, а тамъ другая толпа со смѣхомъ преслѣдовала одичалаго борова, осыпая его стрѣлами, и бѣдный звѣрь, на которомъ попавшія стрѣлы торчали новою щетиной, съ визгомъ бросался въ разныя стороны. Здѣсь нѣкоторые молодцы разметываютъ горячую золу быстро сгорѣвшей избы старшины и копаются подъ печкой, надѣясь отыскать тамъ что нибудь запрятанное изъ дорогаго добра; въ другомъ мѣстѣ пожилой огромный новгородецъ нашелъ отлично сдѣланный маленькій деревянный мечъ-игрушку и смѣется съ товарищемъ надъ этимъ невиннымъ оружіемъ.

Такъ гуляли новгородцы, пока было что жечь и истреблять, а между тѣмъ избранный на этотъ походъ воевода Моиславъ совѣщался съ охотниками какъ-бы пробраться въ лѣсъ и тамъ пошарить. Моиславъ былъ извѣстнымъ головорѣзомъ

въ Новѣгородѣ, и за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ самъ вызвался сопровождать въ Царьградъ проѣзжую варяжскую дружину. Тамъ онъ поступилъ въ греческую службу, много воевалъ, прошелъ огонь и воду и вернулся на родину. Подручнымъ своимъ онъ выбралъ молодаго, но уже извѣстнаго подвигами Вадима. Этотъ-то Вадимъ и вызвался пробраться черезъ лѣсъ на Назью повѣстить тамошней молодежи, какъ оскорбленъ былъ въ городѣ ихъ старшина и какъ уже гуляютъ новгородцы на озерѣ. Дѣло было опасное, потому что въ лѣсу можно было наткнуться на засаду. Но Вадимъ охотно брался за это дѣло, а Моиславъ-воевода разъ десять повторялъ ему, чтобъ онъ отыскалъ только Стемира, который съ варягами ходилъ, и сказалъ бы ему, что на устьѣ Ловати ждетъ его безухій Моиславъ.

— Такъ и скажи: ждетъ Моиславъ безухій. Онъ уже знаетъ. Ну, Дажбогъ тебѣ пособляй! Ступай, да такъ и скажи: ждетъ, молъ, на озерѣ сидитъ.

И долго послѣ того по лѣсу бродили вразсыпную и попарно новгородцы и богомиловцы, и подъ густыми соснами и елями встрѣчались съ непріятелями, и лилась кровь и совершались убійства... какъ будто людямъ тѣсно стало на землѣ. А простору дѣвать было некуда!

Въ тотъ день, какъ съ устья Назьи ушли на озеро лодки съ Стемиромъ и его вооруженными товарищами, къ стрѣлкѣ приставалъ небольшой челнокъ. Когда онъ подтянулся поднятымъ носомъ къ песчаной отмели берега, съ кормы его поднялся высокій худощавый человѣкъ, одѣтый въ длинный широкій балахонъ изъ толстаго чернаго сукна. Изъ-подъ надвинутаго на самые глаза колпака виднѣлось болѣзненно-блѣдное лицо съ ясно-голубыми впалыми глазами и рыжею бородою. Тонкій острый носъ выдавался впередъ, точно у покойника, а синіе круги подъ глазами показывали, что путникъ истомленъ далекимъ путешествіемъ. Онъ медленно вы-

украсть, если это было нужно, для приличнаго угощенія странника.

Гость поклонился ей не такъ низко и торжественно, медленно осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ. Любуша смотрѣла на него съ удивленіемъ и приняла сдѣланный имъ знакъ за какой-то невѣдомый для нея пріемъ волхвованія. Однако при этомъ она узнала стараго знакомца.

— Ужь не Рангвальдъ-ли ты, старый пріятель?—спросила она, всматриваясь въ знакомое, но сильно измѣненное худобою лицо гостя.

— Я былъ, правда, Рангвальдомъ, — отвѣчалъ онъ неторопливо и спокойно,—когда еще благодать Божія не осѣнила мой бѣдный разумъ; а нынѣ во святомъ крещеніи рабъ Божій Родіонъ.

Пока Любуша приготовляла ему ржаныя лепешки и жарила окуней, Родіонъ разспрашивалъ ее о сродникахъ, о томъ, что дѣлаетъ Богомилъ, давно-ли вернулся Стемиръ, что дѣлаетъ добрая вѣщунья Предслава и двѣ ея внучки; узналъ и причину войны, которая затѣялась съ сосѣдями, узналъ и о Людмилѣ, молодой женѣ Путши (вѣдь мальчишкой былъ, какъ я собрался въ Царь-градъ), а когда рѣчь дошла до того, отчего сынишка ея зоветъ себя перуновымъ, Любуша разсказала ему вотъ что:

— Это все по злобѣ Богомиловой жены вышло: она давно меня не долюбливаетъ, а Стемира не было съ нами: его варяги захватили и угнали съ собой въ Греки. Богомилова-то жена бездѣтная, а у меня Хоринька-то вонъ какой красавчикъ, купавый; и задумала она его погубить. Весною, въ праздникъ Красной Горки, она возьми да и шепни Богомилу, что Хориньку моего надо принести въ жертву Перуну; онъ, видишь ты, любитъ лучшую жертву. По слову Богомила, міръ и выбралъ Хориньку. Я—бѣжать. И знаю я, что малецъ мой русалочкой блаженной будетъ, Чуромъ праведнымъ и

могучимъ, что богу Перуну-Сварогу угодна будетъ такая жертва, да мнѣ какъ безъ него быть? Вѣдь полоснутъ кривымъ ножомъ по этой-то бѣленькой шейкѣ, и поднимутъ на колесо, и зажгутъ костеръ, и повалитъ дымъ, и затрещитъ костеръ, запылаетъ, а народъ мѣрно по пѣснѣ, забьетъ въ ладоши. Каково это матери-то? Ушла я съ Хоринькой въ лѣсъ; вѣче нашу избу сожгло, вмѣсто Хориньки зарѣзали бѣлаго козленка, а сынокъ мой теперь не нашъ, а перуновъ. Если громъ его въ это лѣто не убьетъ, такъ онъ опять будетъ нашъ.

Родіонъ, слушая это, перекрестился и сказалъ:

— Отпусти имъ Господи! Не вѣдаютъ что творятъ!

Подкрѣпившись обѣдомъ, Родіонъ досталъ изъ котомки своей образъ Божіей Матери, прикрѣпилъ его въ уголку убогой хижины, сотворилъ передъ нимъ продолжительную и усердную молитву, спокойно улегся на мягкой постели изъ еловыхъ вѣтвей, покрытыхъ овчинами и заснулъ.

Любуша этимъ временемъ захватила съ собой Хорька и побѣжала къ ближайшей сосѣдкѣ своей Предславѣ разсказать кое-что о своемъ гостѣ. Старый Улѣбъ, мужъ Предславы, только-что воротился съ рыбной ловли и ѣлъ свой любимый овсяный кисель.

— И какой онъ сталъ чудной! — говорила Любуша: — точно какъ будто и не онъ. Говоритъ, что онъ уже не Рангвальдъ, а Родіонъ какой-то, а такого имени даже не бываетъ. Мудрено что-то такое говоритъ, а какъ поѣлъ, да собрался спать, вынулъ дощечку небольшую, вотъ этакую, сдѣлалъ на себѣ знакъ и поцѣловалъ ее. Я и думаю: заговоръ это у него отъ дурнаго глаза, что-ли, отъ хворости, отъ бѣдъ и напастей въ путешествіи. Только послѣ эту дощечку онъ привѣсилъ въ углу и палъ передъ ней на колѣна. Поглядѣла я, и что-же ты думаешь? На дощечкѣ, точно какъ будто вотъ когда въ спокойную воду посмотришься, такъ видно ясно:

изображена Мать съ Дитятею на рукахъ. Ликъ у нея такой свѣтлый, ясный, добрый, а младенецъ сидитъ, словно задумался, и смотритъ, смотритъ точно живой. Передъ этой дощечкой какъ онъ стоялъ, какъ онъ шепталъ, какъ онъ преклонялъ голову къ землѣ, это я тебѣ и и разсказать не могу. Вѣдь мы знаемъ Рангвальда, что онъ за человѣкъ: жосткій, суровый, одно слово — варягъ. Другимъ онъ сталъ человѣкомъ и въ разговорѣ-то: мягче гораздо и по-женски какъ-то, ласковѣе. А передъ этой дощечкой, передъ образомъ Матери,—будто ласковый младенецъ какой передъ матерью: и проситъ, и покоряется, и молитъ, и вѣритъ, и любитъ, и надѣется.... Нельзя разсказать, что это такое было: свѣтъ какой-то новый по его лицу прошелъ; и жосткаго Рангвальда нашего ни за что-бы не узнать... А Мать съ Младенцемъ смотрятъ на него такъ милосердно и ласково... Очень хорошее что-то сдѣлалось съ нашимъ Рангвальдомъ, и не кудесничество это какое новое, не волхнованье, нѣтъ, ты, бабушка, этого не говори... Чудное что-то дѣлалось и хорошее...

Предслава призадумалась и рѣшила про себя, что это новый цареградскій способъ волхвованья, которому ей, извѣстной въ цѣломъ краѣ вѣщуньѣ и кудесницѣ, слѣдуетъ поучиться у гостя.

На другой день рано утромъ Предслава пошла навѣстить Рангвальда и, по обычаю, принесла ему гостинецъ, сотъ, наполненный янтарнымъ душистымъ медомъ. Варягъ показалъ столько радости при видѣ старухи, столько искренней благодарности за ея заботы о его выздоровленіи, что вѣщунья удивилась. Суровый Рангвальдъ не былъ такъ благодаренъ и въ то время, когда она только что поставила его на ноги, а съ тѣхъ поръ прошло цѣлые четыре года, такъ что можно-бы успѣть и позабыть.

— Вотъ Кто заплатитъ тебѣ въ будущей жизни!— Такъ

кончилъ Родіонъ, съ благоговѣніемъ смотря на икону, и, сложа руки, шепотомъ прочелъ молитву.

Предслава смотрѣла на него пытливо, но не разспрашивала ничего, а рѣшилась прежде отвести гостя къ тому ключу, изъ котораго она умывала его во время болѣзни, и тамъ, у громовой криницы, поговорить съ нимъ по-душѣ. Родіонъ охотно согласился, и они пошли. Слѣдомъ за ними пошла Любуша, а за нею, крѣпко держась за подолъ, маленькій Хорь. Внучки Предславины, замѣтивъ, что гость направляется къ самой торной изо всѣхъ лѣсныхъ дорожекъ, къ громовой криницѣ, пошли слѣдомъ. Гостю надо было уважить хозяевъ и поклониться почитаемой въ родѣ святыни, и этотъ обрядъ совершался всегда при мѣстныхъ жителяхъ: они являлись туда безъ всякаго зова, какъ на маленькій семейный праздникъ. Эта криница, или этотъ ключъ, по преданію, выбитъ былъ изъ земли стрѣлою Перуна, почему въ немъ и осталась навсегда часть живительной и цѣлительной силы верховнаго божества. Нѣкоторыя изъ сосѣдокъ, примѣтивъ направленіе гостя, не торопясь, шли туда же: имъ хотѣлось и гостя посмотрѣть, и оказать ему почетъ своимъ присутствіемъ, и просто — провести полчаса въ пріятной бесѣдѣ. Старый Улѣбъ, налаживая свой челнъ, замѣтилъ куда идетъ народъ, и тоже потащился слѣдомъ, бросивъ молотокъ и тростникъ, которымъ онъ законопачивалъ щели.

Громовая криница была у подошвы отлогаго пригорка. Еще при дѣдахъ посаженные дубы разрослись великолѣпнымъ большимъ кругомъ, а въ серединѣ, пуская корни въ разсѣлины большаго камня, изъ-подъ котораго бѣжалъ студеный родникъ, разросся крупнолистный, раскидистый ольховый кустарникъ, обвѣшанный усердными почитателями Перуна. Тутъ были и цареградскія давно вылинявшія ленты, и сережки, золотыя, серебряныя и мѣдныя, и стрѣла, вынутая изъ опасной, но благополучно зажившей раны, и переража-

вѣвшій мечъ, воткнутый въ землю еще дѣдомъ нынѣшняго старшины-князя, и много разныхъ мелочей. За дубами тянулся во всѣ стороны темный боръ.

Весело болтая, Предславины внучки догнали гостя, разсмотрѣли его подробно, подивились его широкому черному одѣянію, его худобѣ и большому острому носу, успѣли обогнать всѣхъ и напиться изъ журчащаго родника. За ними подошла Предслава, подняла руки къ небу и, шепча какія-то слова, повергласъ ницъ передъ бьющею изъ земли струею воды.

Родіонъ все время смотрѣлъ на нее съ грустью и сожалѣніемъ; а когда она зачерпнула воды и поднесла ее гостю, чтобъ онъ напился и умылся, то онъ осторожно отстранилъ рукою берестянный ковшъ старой вѣщуньи и сказалъ:

— Бабушка, голубушка, отставь это, вылей ты свою поганую воду! Это дьявольская вода! Я испилъ отъ родника истины, вкусилъ отъ вѣчной правды и вѣчнаго спасенія, и не стану осквернять себя поганымъ питьемъ языческимъ.

— Что ты, что ты, грѣховодникъ!—сказала торопливо Предслава, закрывая ему ротъ костлявою рукою. — Что ты толкуешь? Извѣстно, въ Царѣградѣ своя есть криница громовая, у насъ своя, только она отъ этого не хуже стала, Перуномъ данная вода, а ты—и поворотился у тебя языкъ!— говоришь: поганая. Испортили тебя въ Царѣ-градѣ, съ толку сбили; а ты вотъ умойся, родимый, да попей, и пройдетъ.

— Не испортили, бабушка, а глаза открыли, да и не люди открыли, а Божья благодать просвѣтила меня, —отвѣчалъ Родіонъ, тихо взялъ старуху за руку, отвелъ ее на нѣсколько шаговъ и усѣлся съ нею на камнѣ. — Потолкуемъ по душѣ какъ ты говорила; а я, по правдѣ сказать, за тѣмъ и изъ Царя-града ушелъ, чтобы толковать по-душѣ со всѣми здѣшними добрыми людьми и со всякимъ, кто можетъ вмѣстить въ себѣ слова истины. Поди и ты сюда, Любуша, а

Хорька своего подай мнѣ: я покажу ему, за что человѣкъ долженъ держаться душею, что спасло міръ и всѣхъ людей. Поди ко мнѣ, малецъ; вотъ символъ нашего спасенія...

Онъ ласково взялъ мальчика себѣ на колѣна, вынулъ висѣвшій у него на шеѣ серебряный крестъ и далъ ему въ руки.

— Это ты отчего-же такое носишь? — спросила Любуша:—мой Хорь тоже носитъ на шеѣ рыбій зубъ, отъ лихорадки, и корень мать-и-мачиха отъ сглазу. А это что?

— Это крестъ, дитя мое, память крестнаго страданія и смерти Сына Божія, воплотившагося отъ Дѣвы Маріи. Я самъ былъ также слѣпъ, какъ и вы, тоже ходилъ во тьмѣ какъ пріѣхалъ въ Царь-градъ. Поступилъ я въ варяжскую дружину и служилъ, и дрался, и вмѣстѣ съ товарищами справлялъ вашъ зимній праздникъ, Коляду. Пошли мы разъ вдвоемъ съ товарищемъ такъ, отъ нечего дѣлать, посмотрѣть, какъ этотъ самый праздникъ справляютъ греки. Насъ впустили, безъ всякаго спора, въ большую каменную храмину какихъ вы и не видывали: вдвое больше всего этого круга изъ дубовъ, и сверху всего этого крыша. Какъ мы вошли, такъ стало даже жутко, и по головѣ точно будто мураши побѣжали: все золото, все камни дорогіе; народу тьма и всѣ молчатъ, и слушаютъ чей-то сладкій мягкій голосъ... и дымъ клубится благовонный. Не успѣли мы осмотрѣться—запѣли. Гдѣ, кто запѣлъ, невѣдомо, только такъ сладко, тихо, вотъ какъ ручей журчитъ, когда возлѣ него засыпаешь, и въ просонкахъ не разберешь, вода это по камнямъ пробирается, птицы-ли гдѣ поютъ... И какъ запѣли, такъ народъ, сколько его тамъ ни было въ храминѣ, палъ на колѣна... И вотъ поютъ громче, громче, да такъ согласно, какъ будто съ неба льется эта пѣсня и всѣхъ насъ обдаетъ... Я вмѣстѣ съ другими палъ на колѣни и забылъ о нашемъ грозномъ богѣ Торѣ или о вашемъ сердитомъ Перунѣ, и душа моя почуяла, что

все это ложь, обманъ, что есть иной Богъ, истинный и всеблагій... Какъ служба кончилась и какъ мы вышли, куда пошли, ничего этого не помню. Душа у меня ныла и просила истины. Я ходилъ какъ въ воду опущенный, пока меня не направилъ на путь истинный одинъ старецъ пустынникъ съ горы Аѳонской. За нимъ я пошелъ бы на конецъ свѣта: старецъ кроткій, мягкій, незлобивый какъ грудной младенецъ. Такъ я позналъ истинный свѣтъ, истиннаго Бога, и жалко мнѣ стало васъ, добрыхъ людей, блуждающихъ во тьмѣ, и рѣшился я идти къ вамъ и открыть вамъ глаза. Всѣ ваши боги, Перунъ, Дажбогъ, Туръ, Велесъ, Дидъ, Ладо, все это ложь, обманъ...

Мало-по-малу народу собралось довольно много; онъ расположился кучками вокругъ Родіона и съ любопытствомъ слушалъ его рѣчи. Никто на него за эти рѣчи особенно не сердился, никто особенно не вѣрилъ; и только отъ разсказа о страшномъ судѣ нѣкоторымъ стало страшно; да еще дики и странны казались слушателямъ слова любви и братскаго согласія въ устахъ суроваго варяга.

Поэтому, когда слушатели расходились, они толковали вкривь и вкось.

— Совсѣмъ не тотъ сталъ человѣкъ, — говорила женщина сосѣдкѣ:—какъ будто вовсе и не варягъ! Что это съ нимъ сдѣлалось?

— А вотъ видишь ты, —отвѣчала сосѣдка;—лежалъ онъ у насъ больной долго, нутро-то у него все и выболѣло, а Предслава, она вѣдь у насъ хитрая, и вложила ему новое нутро, телячье. Вотъ онъ и раскисъ.

— Вотъ дуры-то! --замѣтилъ Улѣбъ, услышавъ такое объясненіе:—извѣстно, что городъ то норовъ. Это что онъ говоритъ, цареградскій толкъ, больше ничего. Забылъ свое, родное, вотъ и все. А на счетъ того, какъ тамъ хорошо все это устроено, такъ это я не отъ перваго отъ него слышу.

— Это у него съ глазу, — говорила маленькая сгорбленная старушонка своей дочери, крупной здоровенной бабѣ. — Предслава поправитъ его, это ничего. И не такихъ еще она поправляла...

Но слова любви, слова братскаго участія ко всѣмъ людямъ запали въ нѣкоторыя сердца, какъ сѣмя, брошенное въ землю. Особенно Предслава и Любуша долго послѣ того толковали между собой о перемѣнѣ, какая случилась въ ихъ давнишнемъ другѣ...

Черезъ нѣсколько дней, когда Стемиръ воротился изъ похода и занялся заготовкою на зиму сѣна, Родіонъ взялся помогать ему въ этомъ съ большою охотой. Но Стемиръ принужденъ былъ отослать его домой, потому что въ его исхудаломъ тѣлѣ оставалось очень мало силы: онъ скоро уставалъ и въ сильной одышкѣ часто садился на землю, чтобы перевести духъ. За то у него было много времени для бесѣды съ Любушей и съ маленькимъ Хоремъ. Онъ открылъ Любушѣ кто та прекрасная Матерь съ Предвѣчнымъ младенцемъ, передъ изображеніемъ которыхъ онъ такъ горячо молился. Онъ уговорилъ Предславиныхъ внучекъ не бояться играть съ Хорькомъ, хотя онъ еще не вышелъ изъ-подъ руки Перуна. Онъ каждый день костлявою, бѣлою рукою своею утромъ и вечеромъ осѣнялъ Хоря крестнымъ знаменіемъ, и мать находила, что мальчикъ съ тѣхъ поръ становится здоровѣе, ѣстъ лучше и спитъ крѣпче. Только Стемиръ иногда дружески подсмѣивался надъ Родіономъ и ни за что не хотѣлъ его называть иначе, какъ Рангвальдомъ. Предслава, закоренѣлая язычница, постоянно съ нимъ спорила и не соглашалась.

— Богъ такъ Богъ и есть, — говорила она, когда оставалась съ нимъ на-единѣ; — только по твоему Богъ никакъ не называется, а по нашему — Перунъ-Сварогъ, и у него два сына, Сварожичи: Дажбогъ — солнце красное и Огонь — кормилецъ...

— Не богохульствуй, язычница нераскаянная,—говорилъ Родіонъ:—Богъ единъ, вѣченъ, всеблагъ, вездѣсущъ. Богъ сотворилъ молнію, Перуна твоего, и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды, и всѣхъ тварей, и человѣка....

Но старуха уже семьдесятъ лѣтъ признавала многихъ боговъ, и потому никакъ не соглашалась съ цареградскимъ толкомъ.

А между тѣмъ Ловать была разорена, унижена и запросила мира. Богомилъ вернулся домой и затѣялъ новую избу строить: оставалось только утвердить миръ. И вотъ на Назьѣ заговорили, что шелонскій старшина-князь, столѣтній Крокъ, послѣ завтра будетъ самъ и привезетъ миръ, а съ Назьи перевалитъ черезъ озеро, свезетъ миръ въ Новгородъ. Поэтому приготовлялись большія торжества. На стрѣлкѣ складывали сухой костеръ; сытно откармливались баранъ, козелъ и бѣлый пѣтухъ для жертвоприношенія, а женщины и дѣвушки доставали наряды изъ лѣсныхъ тайниковъ; вмѣстѣ съ шелонскимъ княземъ должны были пріѣхать и гости съ устья Ловати.

Въ назначенный день народъ собрался на стрѣлкѣ и послѣ полудня на дальнемъ поворотѣ рѣки показался челнокъ съ бѣлымъ платомъ на мачтѣ, а за нимъ довольно большая ладья въ шесть веселъ. На кормѣ ея между двумя стариками сидѣлъ столѣтній шелонскій князь съ рулевымъ весломъ и правилъ такъ-же легко и сильно, какъ молодой рыбакъ. На немъ была высокая шапка изъ черныхъ соболей, чистая бѣлая рубашка съ краснымъ кушакомъ, а сверху, въ накидку, наброшенъ длиннополый кафтанъ изъ толстаго сѣраго сукна. Обутъ онъ былъ въ лапти, искусно сплетенные изъ кожаныхъ бѣлыхъ ремешковъ, и такими же ремнями опутаны были ноги почти до самыхъ колѣнъ. Бѣлые волосы и пожелтѣлая длинная борода украшали умное лицо, изрытое глубокими морщинами и покрытое столѣтнимъ загаромъ. Князь Богомилъ

съ стариками стоялъ у самаго берега, въ томъ мѣстѣ стрѣлки, гдѣ должны были пристать гости.

Едва только княжеская лодка притянулась къ отмели, два молодые гребца подхватили князя на руки, ступили съ нимъ въ воду, вынесли на берегъ и поставили. Старикъ медленно снялъ шапку, поклонился Богомилу, другой поклонъ отвѣсилъ міру, выпрямился и опять накрылъ голову. По обычаю, Богомилъ и народъ не отвѣчали на его поклоны, ожидая мирныхъ предложеній. Плывшіе за его ладьею челноки сближались, но становились одинъ возлѣ другаго кучей, не приставая къ берегу.

— Отецъ Богомилъ и весь честной родъ, — сказалъ старецъ:—съ устья Ловати отъ отца Борислава и всего его рода озернаго поклонъ. — Старикъ опять поклонился. — Попущеніемъ Перуна - Сварога проливалась между вами кровь, и много пролито крови. Вспоминать-ли за что эта кровь проливалась? Если вы вспомнили, то мнѣ не-по-что было къ вамъ приходить; а если вспоминать не хотите, то я привезъ вамъ миръ и братскую дружбу.

Богомилъ отвѣчалъ:

— Ради шелонскаго князя и рода его, мы позабыли, за что проливалась кровь, а кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ. Изъ рукъ отца Крока принимаемъ миръ и братскую дружбу на вѣки вѣковъ.

Тутъ онъ снялъ шапку и поклонился. Въ тоже время захлопали въ ладоши и закричали всѣ люди на берегу и на лодкахъ. Берегъ ожилъ; лодки гостей торопливо приставали къ стрѣлкѣ, и бывшіе враги, давъ слово не вспоминать стараго, смѣшались въ дружную толпу.

Старый Крокъ былъ приниженъ, когда просилъ мира; но какъ только обрядъ кончился, онъ занялъ принадлежащее ему и по старшинству, и какъ гостю, первое мѣсто. Богомилъ съ поклономъ вручилъ ему жертвенный ножъ, когда они подо-

шли къ костру, гдѣ приготовлены были жертвы. Кругомъ толпился народъ. Князь Крокъ затянулъ жертвенную пѣсню, въ которой славилъ обоихъ Сварожичей и просилъ ихъ принять жертвы и передать ихъ Перуну. Старики подхватили, а за ними грянулъ весь народъ хоромъ. Въ тоже время хороводъ медленно подвигался кругомъ, въ направленіи солнца. Когда жертвы были убиты и сложены на костеръ, оба старшины подожгли его съ двухъ сторонъ и вмѣстѣ съ прочими стариками пали ницъ передъ огнемъ.

На другой день князь Крокъ простился съ княземъ Богомиломъ и спѣшилъ въ Новгородъ, который тоже ждалъ мира. По Ловати посольство спустилось благополучно; но на озерѣ сильная буря разметала лодки, едва не потопила и сильно измочила пловцовъ. Старый Крокъ, весь мокрый, продѣлалъ и въ Новѣгородѣ тоже самое, что на Назьѣ; но Гостомыслъ держалъ себя лучше Богомила: онъ не только отвѣчалъ на всѣ поклоны старца, но еще раньше его снялъ свою шапку и ниже его кланялся. На крутой берегъ поднялся Крокъ не останавливаясь и не переставая разговаривать съ хозяиномъ. Тутъ узналъ онъ, что въ Новѣгородѣ собралось много старшинъ сосѣднихъ родовъ, чтобы обсудить нѣсколько важныхъ вопросовъ.

Незадолго передъ тѣмъ въ порогахъ Волхова явился гонецъ съ устья Ловати — требовать помощи противъ Новгорода и Назьи. За тѣмъ же самымъ гонецъ былъ на Мстѣ и поплылъ выше, поднимать другіе роды все на Новгородъ и хотѣлъ пробраться дальше, въ Весь, на Бѣло-озеро. Князья-старшины съ вооруженною стражею рѣшились сами побывать въ Новѣгородѣ и посмотрѣть что и какъ. Въ тоже время пришли послы изъ Пскова просить защиты противъ Изборска, который сталъ отбивать у псковичей всю озерную торговлю съ Чудью и съ Наровой. Случайно столкнулись они тутъ же съ послами изъ Ладоги, съ самаго устья Волхова. Эти

пришли просто за хлѣбомъ, потому что у нихъ весь озимой посѣвъ въ прошлую гнилую зиму вымокъ, такъ что урожая нельзя было ждать никакого. Такъ стариковъ собралось много, и было о чемъ потолковать. Особенно пріятно имъ было толковать съ Гостомысломъ, потому что это былъ человѣкъ привѣтливый, сговорчивый, уступчивый, примирительный; онъ любилъ порядокъ и терпѣть не могъ крутыхъ мѣръ. Не разъ сосѣдямъ случалось выбирать его посредникомъ въ очень важныхъ дѣлахъ, и нерѣдко удавалось ему помирить несогласныхъ. И старшина-князь любилъ давать судъ сосѣдямъ, а его родъ, новгородцы, гордились своимъ княземъ. Сосѣднія финскія племена, Чудь, на невскомъ устьѣ, и Весь, на Бѣлѣ-озерѣ, считали его вѣрнымъ и надежнымъ совѣтникомъ; и дальше къ югу, по великому пути въ греки, въ Кривичахъ, въ Смоленскѣ и Полоцкѣ, его имя произносилось съ уваженіемъ.

Въ особой избѣ собрались старшины и представители многихъ дружественныхъ родовъ; въ туже избу позвалъ Гостомыслъ и измоченнаго дождемъ и волнами Крока.

— Слава Перуну-Сварогу!—сказалъ входя въ избу Гостомыслъ:—вотъ отецъ Крокъ привезъ намъ миръ съ Ловати; одна обуза съ плечъ свалилась, и какъ-то легче теперь на душѣ. Просимъ милости, отецъ. Сядь да отвѣдай медку: обогрѣйся.

Крокъ при входѣ поклонился во всѣ стороны и сѣлъ на первую попавшуюся скамью. Почти всѣ собравшіеся старшины были ему знакомы: съ однимъ онъ воевалъ Чудь, съ другимъ, лѣтъ сорокъ передъ тѣмъ, три года сряду торговалъ по Волгѣ, доходилъ до самаго ея устья, до хозарскаго города Итиля; съ третьимъ ходилъ на Каменный Поясъ, добывать золоторогаго тура, проходилъ два года, узналъ доподлинно, что такихъ туровъ на свѣтѣ нѣтъ, за то привезъ такихъ черныхъ лисицъ, какихъ до того не видывано; съ иными

просто встрѣчался на совѣщаніяхъ, а псковскіе посланники нерѣдко гащивали у него на Шелони.

Сначала толковали о старинѣ, о трудныхъ временахъ; но Гостомыслъ повернулъ рѣчь къ дѣлу.

— Нѣтъ, сказалъ онъ послу: — а ты скажи-ка лучше, какъ это Изборскъ васъ обижать сталъ? Говорятъ, торговать не пускаетъ въ Чудь?

— Изборскъ-то? А Изборскъ носъ поднимаетъ, вотъ что. Самъ ты скажи: Изборскъ сыномъ приходится Пскову, или нѣтъ?

— Пущай сыномъ, или хоть зятемъ. А что?

— А сынъ долженъ уважать отца, или не долженъ? Ты скажи.

— И говорить нечего: безъ этого міръ стоять не будетъ.

— То-то-же. А они, изборцы-то, не стали къ намъ Чудь пускать. Изборскъ-то въ узкомъ мѣстѣ стоитъ и острова тутъ по озеру. Такъ они желѣзо-то у нихъ и скупаютъ, нашимъ-же хлѣбомъ имъ платятъ, да послѣ намъ-же и перепродаютъ. Годится это такъ дѣлать? Скажи ты самъ...

— Это точно, не по-сосѣдски, нехорошо.

— Нѣтъ, что тутъ по-сосѣдски? Ты скажи, изъ Пскова выселился Изборскъ, или нѣтъ? Сыномъ онъ Пскову приходится, или нѣтъ?

— Постой, погоди, отецъ! — пристаетъ старшина, съ волховскихъ пороговъ: — приходитъ ко мнѣ гонецъ изъ Бориславова рода. Такъ и такъ, говоритъ: Новгородъ идетъ войной на Ловать, а ты — выручать кидайся. Хорошо, думаю, а самъ никакъ въ толкъ не возьму — за что такъ вдругъ война? Спрашиваю, изъ чего у васъ дѣло пошло и какъ что было? Онъ и понесъ околесную: и Новгородъ у него загордился, и Назья старшинствомъ похваляется, и то, и другое. Насилу я у него выспросилъ дѣло, да и думаю: это чтобъ я на моего друга закадычнаго на князя Гостомысла новгород-

скаго руку поднялъ? Я вѣдь всегда по душѣ поступаю. Пойду прямо къ нему, да спрошу: Эй, хозяинъ, дяденька Гостомыслъ! Правда, что ты загордился, носъ сталъ подымать?...

— Гордиться мнѣ нечѣмъ, развѣ тѣмъ, что Новгородъ великій почтилъ меня выборомъ въ свои старшины. Я самъ по себѣ ничего, а какъ Новгородъ, такъ и я. А если городъ противъ деревни немножко носъ поднялъ, такъ ужь тутъ ничего не подѣлаешь. Въ деревнѣ жизнь не постоянная, опасливая, а въ городѣ народъ сидитъ твердо. Деревня такъ уже устроена, что мало-мальски вражда какая загорѣлась,—народъ бѣжитъ въ лѣсъ, или вдаль по рѣкѣ, или вотъ какъ Ловать—чрезъ озеро. А городъ за тѣмъ и поставленъ, чтобы изъ него уже ни шагу, чтобы въ случаѣ бѣды въ немъ отсидѣться можно было. Какъ народъ срубилъ городъ, такъ и засѣлъ крѣпко, и избы себѣ поставилъ попрочнѣе, и богатство, у кого что есть, все на виду, потому что изъ города ужь не уйдешь, не бросишь его врагу на сожженіе. И не мудрено, что городъ противъ деревни и постояннѣе, и крѣпче. Да не въ томъ дѣло, а въ томъ, чтобы деревни наши помирить, чтобы не было этого разоренья, какъ разорили нынче Ловать. Это хитрое дѣло, никакъ и ума не приложу. Чужихъ людей, да не сосѣдей, помирить еще можно, между чужими людьми споръ бываетъ простъ и на чистоту, такъ что его можно въ трехъ словахъ разсказать, а споръ между родными не въ примѣръ труднѣе. Спорятъ и не соглашаются, кажется, о пустякахъ, объ одномъ словѣ, а посмотришь поближе, такъ этого слова лучше и не тронь, а копай глубже. Доберешься до начала и выйдетъ, конечно вздоръ, какой нибудь, что двѣ бабы за пустое лукошко подрались пять лѣтъ тому назадъ. И объ этомъ-бы, кажется, толковать нечего, да за бабьей-то дракой въ пять лѣтъ накопилось, что въ хорошемъ хлѣву навозу, и жосткихъ словъ, и косыхъ взглядовъ, и крупныхъ обидъ, замѣшалась и зависть одного рода къ другому,

и гордость тоже: не хочу, молъ, не только покориться, а чтобы и виду не было, будто я покоряюсь: знай, дескать, нашихъ, и мой родъ не хуже твоего, и не только не хуже, а можетъ быть и лучше... А развѣ вотъ какъ: если два человѣка въ родѣ поспорятъ, то прямо идутъ къ старшинѣ и судятся. Старшина разберетъ все дѣло, выслушаетъ, дастъ имъ наговориться всласть и разсудитъ дѣло по-совѣсти. Ну, это и хорошо. Если два рода поспорятъ, надо бы тоже къ старшинѣ идти на судъ, да бѣда въ томъ, что нѣтъ старшины надъ родами, и всякій родъ самъ себѣ господинъ. Не разъ случалось, и всякій изъ насъ это видалъ, выберутъ кого ни есть изъ третьяго рода, отдадутъ дѣло ему на судъ, и покорятся, и бывало, что споръ оканчивался благополучно. Такъ не установить-ли намъ, чтобы кто ни есть изъ старшинъ рѣшалъ всѣ споры и пусть ужь ему покоряется всякій спорщикъ, если не умѣетъ самъ помириться...

Столѣтній Крокъ всталъ и низко поклонился хозяину.

— Спасибо на добромъ словѣ,—сказалъ онъ;—только ужь уволь меня старика: вотъ скоро помру, такъ тогда пусть Шелонь идетъ въ кабалу Новому-городу, а при мнѣ нѣтъ, этому не бывать!

Встали и другіе старшины, обиженные, гнѣвные.

— Это выходитъ, чтобы Псковъ Новому-городу поклонился? Этакъ и міръ стоять не будетъ!.. Новаго-то города и въ свѣтѣ еще не было, какъ Псковъ былъ уже старикомъ....

— Въ кабалу мы идти не согласны!..

— Удружилъ! Наговорилъ! Бочку меду далъ выпить, да ведерко дегтю на закуску... Краснобай!...

— Спасибо за угощенье, князь Гостомыслъ; да мы не рыба; крючекъ-то выплюнемъ!...

— Руки коротки, дяденька! Не забудь, что Волховъ-то нашу мстинскую воду пьетъ...

Гостомыслъ хотѣлъ говорить, вывернуться какъ нибудь,

но ему не дали. Среди шума и крика старшины вышли изъ избы. Второпяхъ садились они въ лодки, отчаливали, и уже начинали перебраниваться съ народомъ, остававшимся на берегу.

— Плотники! кричали одни.

— Луковники! кричали другіе:—луку, зеленаго луку!...

— Ершеѣды озерные!—кричали третьи.

— Козла воеводой посадили!—слышалось съ берега.

И лодки поплыли, и долго еще слышались безтолковые гнѣвные крики.

Все лѣто ни войны, ни мира не было между родами, но не было и дружбы: похоже было, что быть войнѣ великой.

Время приближалось къ зимѣ. Заготовленное сѣно стояло въ стогахъ; обмолоченный хлѣбъ ссыпанъ былъ въ ямы; охотники приготовляли разные капканы, ловушки и поставушки для лова пушныхъ звѣрей. Съ юга, изъ Царя-града, прошли три или четыре ватаги варяговъ, прослуживъ и поторговавъ «въ Грекахъ» года по три и по четыре. Отошло по этому случаю нѣсколько шумныхъ базаровъ, на стрѣлкѣ у Назьи и приближалась пора, когда великій путь «въ Греки» становился пустыннымъ и глухимъ на цѣлые пять мѣсяцевъ.

Въ это время къ старшинѣ Богомилу нежданно-негаданно явился гонецъ отъ Гостомысла съ чудиномъ Карномъ. Этого чудина прислали дружественные роды съ устья озеро Нево, Ижора и Водь, повѣстить о новомъ неслыханномъ дѣлѣ: пришли варяги и на невскихъ порогахъ стали рубить острогъ, какъ будто собирались зимовать. Никогда этого не было. Пройдутъ бывало, поторгуютъ или пограбятъ какую нибудь мелочь, чего не успѣютъ жители запрятать, захватятъ одного, много двухъ человѣкъ въ работники, да и дальше. А тутъ острогъ рубятъ, да и жителей сгоняютъ на работу!... Чтобы

разсказать точь въ точь какъ было дѣло, присланъ и очевидецъ, гонецъ изъ Чуди, Карнъ. При такомъ необычайномъ случаѣ, Гостомыслъ рѣшился созвать большой совѣтъ поговорить о дѣлѣ; для этого зоветъ въ Новгородъ Богомила, а также Стемира, который знакомъ съ разными варяжскими хитростями и повадками. Стемиръ собрался тотчасъ и вмѣстѣ съ Богомиломъ поплылъ внизъ по Ловати. Только-что лодка ихъ собралась выйдти въ озеро, какъ навстрѣчу—нѣсколько варяжскихъ ладей.

Такая встрѣча въ позднее осеннее время была необычайна. Варяги пробирались къ югу всегда въ началѣ весны, пользуясь половодьемъ, во время котораго дальше могли плыть по неглубокой Ловати, чтобы, спустившись по Днѣпру, успѣть перевалить черезъ море въ Царьградъ еще лѣтомъ, потому что осеннія бури тамъ опасны. Чего же имъ надо было теперь?...

Стемиръ легко узналъ своего стараго знакомца, конунга Труана, стоявшаго на кормѣ передовой ладьи, а съ нимъ еще Рюара и Ивора, съ которыми воевалъ вмѣстѣ въ грекахъ. Они перезвали его въ свою ладью и не останавливаясь пустились вверхъ по Ловати.

Стемиръ былъ очень радъ увидѣться съ своими старыми товарищами и съ конунгомъ Труаномъ. Года четыре тому назадъ они силою забрали его съ собою въ походъ, но держали какъ товарища и возвращаясь на родину отдали ему часть добычи и оставили на стрѣлкѣ. Отъ нихъ теперь Стемиръ узналъ, что на невскихъ порогахъ въ новомъ острогѣ осталось двадцать четыре варяга; повыше волховскихъ пороговъ тоже заложенъ острогъ и въ немъ будутъ зимовать шестнадцать варяговъ; въ Новѣгородѣ оставлено человѣкъ сорокъ; на устьѣ Назьи тоже будетъ острогъ для зимовки, а остальные съ самимъ Труаномъ пойдутъ дальше и остановятся въ Кривичахъ, въ городѣ Смоленскѣ, оберегать волокъ и

строить новыя ладьи на Днѣпрѣ. И все это дѣлалось, чтобъ облегчить великій путь въ греки. Обыкновенно было такъ, что варяги, поднявшись по Ловати, перетаскивали свои ладьи по сухопутью въ Двину, тамъ плыли, и опять сухимъ путемъ тащили ладьи въ Днѣпръ. Чтобъ избавить себя отъ тяжкой работы перетаскиванья лодокъ, они рѣшились оставлять ихъ въ Ловати, переходить волокъ на-легкѣ, садиться въ другія лодки на Днѣпрѣ и плыть дальше. Но чтобы ладьи были безопасны, надо было укрѣпиться, спокойно и удобно зимовать. Труанъ уже не разъ проходилъ по великому пути, зналъ мѣста и хотѣлъ оставить Двину вовсе въ сторонѣ. Стемиру это очень понравилось: онъ съ перваго раза не понялъ, что если варяги осядутъ на землѣ, то уже не уйдутъ, и придется всѣмъ родамъ, живущимъ по великому пути, имъ покориться. Ему казалось только, что пріятно будетъ жить по сосѣдству съ добрыми товарищами, съ храбрыми воинами, и что съ ними можно будетъ еще разъ-другой навѣдаться въ богатую Грецію, поторговать тамъ хорошо, или пограбить, смотря по тому, что будетъ выгоднѣе.

Но пока они плыли по Ловати, начинались уже морозы; погустѣвшая вода текла лѣниво; по берегамъ, въ затишьѣ, окраины затягивались уже льдомъ, такъ что на устьѣ Назьи пришлось остановиться. Труанъ приказалъ вытянуть ладьи на прибрежный песокъ, а за ночь Ловать покрылась уже тонкимъ слоемъ прозрачнаго льда.

Такъ варяги въ первый разъ остались зимовать на Ловати. Это было въ 859 году.

На другой же день, пока земля еще не совсѣмъ скована была морозомъ, Труанъ приказалъ ставить острогъ неподалеку отъ стрѣлки. Рубились столѣтнія деревья, вѣтви съ нихъ обрубались, потомъ бревна стаскивались въ одно мѣсто, и заостренныя съ одного конца, другимъ вкапывались въ землю. Это была трудная и мѣшкотная работа, и потому варяги

тотчасъ потребовали помощи жителей. Богомилъ приказалъ своему роду помогать гостямъ, и работа закипѣла.

Предслава съ утра отыскивала и поджидала Богомила, она не хотѣла подойти къ нему, пока онъ толковалъ съ варягами; но только что онъ освободился и пришелъ въ свою избу перекусить, Предслава остановила его на порогѣ. Она была страшна. Сѣдые волосы ея были растрепаны; по лицу и по рукамъ сдѣлано нѣсколько свѣжихъ кровавыхъ надрѣзовъ; глаза на выкатѣ; загрязненное бѣлое покрывало сдвинуто на сторону; босыя ноги въ крови. Взглянувъ на нее, Богомилъ остановился, будто окаменѣлый, и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Что ты дѣлаешь, отецъ!? Что ты дѣлаешь!?—говорила страшная старуха:—въ кабалу варяжскую отдалъ ты свой родъ, въ вѣчное рабство ты отдалъ своими руками и по доброй волѣ своихъ дѣтей родныхъ! Или ума ты рехнулся? Или Дажбогъ отвратилъ отъ насъ навсегда ликъ свой ясный?...

Богомилъ еще съ утра смутно понималъ, что дѣлается что-то неладное, и боялся самому себѣ объяснить дѣло такъ ясно, какъ толковала его Предслава. Какъ обухомъ пораженный въ лобъ, опустилъ онъ голову, вошелъ въ избу и какъ разслабленный опустился на скамью. Ему все стало ясно; онъ былъ зашибленъ горемъ; онъ упрекалъ себя хуже чѣмъ Предслава.

— Пусть-ка наши попробуютъ,—говорила старуха,—не пойдти завтра на работу, бревна таскать: анъ не смѣютъ не пойдти, и пойдутъ, какъ рабы полонянники пойдутъ, оттого что старшина-князь своими руками въ неволю ихъ отдалъ. А если кто не пойдетъ, такъ они плетью погонятъ, какъ скотину; да и старшину погонятъ плетью на работу, чтобъ онъ примѣръ показывалъ своему роду, какъ надо повиноваться господину своему Труану.

— Что же дѣлать? Что же дѣлать?—шепталъ Богомилъ,

ухватясь за голову.—Ихъ не одолѣешь! Такой людной ватаги у насъ никогда еще не проходило!..

— Какъ что дѣлать?.. Старшина князь спрашиваетъ старуху, что ему дѣлать? Что на душѣ лежитъ, то и дѣлай. Поди ты къ Труану, снеси ему дары, поклонись ему и скажи: Оставьте насъ, мы народъ бѣдный, мы народъ малый, у насъ нѣтъ ни цареградскихъ, ни хозарскихъ богатствъ. Оставьте насъ, мы любимъ свои лѣса, свои болота. На что вамъ они? Ступайте, какъ всегда проходили, въ Царьградъ, и пусть онъ хоть весь будетъ вашъ со всѣми своими богатствами, а намъ оставьте только наши лѣса.

Бѣдная старуха не знала еще, что завоевателя нельзя отклонить словами, что варяги собираются осѣсть на великомъ пути, потому что имъ это удобно и выгодно. Но Богомилъ повѣрилъ старухѣ, собралъ что у него было запасено бѣличьихъ и горностаевыхъ мѣховъ, взвалилъ все это на племянника и пошелъ съ нимъ къ тому мѣсту, гдѣ работалъ его родъ вмѣстѣ съ варягами надъ постройкой варяжскаго городка. Тамъ Труанъ сидѣлъ на бревнѣ и съ усмѣшкой слушалъ рѣчи Рангвальда, во святомъ крещеніи Родіона, который говорилъ ему о вѣчномъ спасеніи, о будущей жизни и о суетѣ всѣхъ благъ мірскихъ. Въ это время подошелъ къ нимъ Богомилъ и отвѣсилъ конунгу, какъ гостю, поклонъ.

— Конунгъ великій Труанъ!—сказалъ старшина тихимъ голосомъ: — Что мы тебѣ сдѣлали, мудрый варягъ? Чѣмъ прогнѣвили мы твою силу? За что разгнѣвался на насъ твой родъ? Или мы злое что вамъ сдѣлали? Или мы не соблюли обычая и гостей варяговъ принимали недружелюбно? Или мы не пріютили больнаго варяга? Что мы тебѣ сдѣлали? За что чело твое нахмурилось и, какъ Перунъ-Сварогъ, ты строишь на насъ темную тучу, которая не пройдетъ ни отъ солнца Дажбога, ни отъ Мараны разлучницы? И чего вамъ надобно

на бѣдной рѣчкѣ Назьѣ? У насъ нѣтъ ни парчей цареградскихъ, ни золота, ни самоцвѣтныхъ камней. Лѣсъ нашъ родимый у насъ, да пчелы, да звѣрь лѣсной дикій, вотъ все наше добро. Шкуръ тебѣ надо звѣриныхъ? Вотъ я принесъ: бери, вставай и уходи, мудрый варягъ! Не гонимъ мы тебя какъ гостя, конунгъ великій. Если любо тебѣ, то погости зиму, поживи, но не руби, не строй этого города. Гостямъ мы всегда рады; родъ мой великъ; на десять дымовъ не придется и одинъ твой воинъ. Живите по домамъ. Хлѣба у насъ вдоволь, рыбы у насъ много, бараны есть жирные, медвѣди и лоси въ лѣсахъ. Ловите ихъ, или родъ мой будетъ вамъ ловить, и живите въ довольствѣ до весенней поры. Но не городите этого города, не рубите этого тына: всякая тычинка въ душу нашу острымъ концомъ впивается!..

— Что онъ такое говоритъ?—спросилъ Труанъ, обратясь къ Родіону. Тотъ перевелъ ему рѣчь на скандинавское нарѣчіе и прибавилъ уже отъ себя просьбу о томъ, чтобы Труанъ оставилъ мирные берега Назьи.

— А что онъ такое принесъ съ собою? — спросилъ Труанъ.

— Это подарки тебѣ, дары, — отвѣчалъ съ упрекомъ Родіонъ.

Варягъ своими руками перебралъ и пересчиталъ каждую шкурку. Оказалось болѣе пяти-сотъ шкурокъ бѣличьихъ и столько же горностаевыхъ.

— А сколько дымовъ во всемъ его родѣ? Спроси-ка его.

Богомилъ отвѣчалъ, что въ его родѣ четырнадцать сотенъ избъ.

— Ну вотъ и хорошо,—сказалъ Труанъ, и всталъ;—такъ скажи же ты ему, что это я беру, а за зиму чтобы мнѣ было добавлено, чтобы съ каждаго дома пришлось по бѣлкѣ и по векшѣ. Теперь всего недостаетъ девяти сотенъ. Такъ

и скажи. Тоже скажи, что гостя гнать не годится и что я стану гостить сколько мнѣ надобно.

Горько призадумался бѣдный Богомилъ, выслушавъ переводъ Родіона; потомъ слезы потекли по его щекамъ, голова опустилась на грудь: онъ весь задрожалъ и сѣлъ на землю тамъ же, гдѣ стоялъ.

Но онъ мѣшалъ работникамъ, которые возились при постройкѣ. Одинъ изъ варяговъ, несшій впереди другихъ тяжелое бревно, толкнулъ его колѣномъ въ плечо и свалилъ старика, не замѣчавшаго, что вокругъ него дѣлается. Родіонъ помогъ бѣдняку подняться на ноги и отвелъ его домой.

Предслава пришла домой, разбитая горемъ. Внучки, увидя ея истерзанное лицо, испугались и бросились ее обнимать. Старый Улѣбъ ждалъ ее съ нетерпѣніемъ. Она рыдала и съ трудомъ отвѣчала на разспросы Таны и Люлюши.

— Бабушка! милая! Разскажи, что же тамъ на стрѣлкѣ дѣлаютъ варяги? Убили они кого изъ нашихъ? Или опять уводятъ въ Царьградъ?

— Хуже, глупенькая! Дань наложили.

— Что же, бабушка? У насъ всего много. Мы имъ дадимъ.

— Ну, вотъ видишь, что глупенькая! Не мѣховъ жалко, не меду, не воску, а стыда и позора жалко!..

— Не плачь, бабушка милая! Что же за бѣда! Имъ нужны мѣха, вотъ мы имъ и дадимъ, и больше ничего...

— Экая ты какая! Поймай ты вотъ птичку вольную, выдери ты у нея изъ крылышка одно перышко, — оно бы и ничего; а свяжи ты ей крылышки, или обрѣжь, да всякій день выдергивай еще по перышку, хоть изъ хвостика... Птичка-ли это будетъ?

— Какая птичка, когда летать не будетъ?

— Ну вотъ такъ-то и мы. Жили мы волей вольною, какъ птички небесныя, а вотъ пришли варяги, да крылышки намъ

и скрутили, и у всѣхъ у насъ теперь руки связаны и подрѣзаны... Прошло золотое наше времячко!..

— Вздоръ мелешь, баба! — замѣтилъ тутъ угрюмый Улѣбъ; — Ловать не потекла изъ озера назадъ въ Кривичи! Земля славянская не вся еще вверхъ дномъ стала, и не всѣ мы еще вымерли! Ну, пусть у насъ на стрѣлкѣ строится чужое гнѣздо: захватили насъ эти варяги врасплохъ, и все тутъ... И всегда такъ бывало, что мы соберемся съ духомъ поздненько, да за то крѣпко. Неужели таки у насъ ни рукъ не стало, ни мечей, ни топоровъ?... Не тужи, баба, не убивайся! Вотъ и внучекъ моихъ въ слезы ввела... Поди ко мнѣ, Люлюша, поди сюда, Тана! Не вѣрьте вы бабѣ! Прогонимъ мы этихъ рыжихъ, останемся опять одни русые на подборъ. Не такова русая наша земля, чтобы не подняться, если Перуну-Сварогу и угодно было ее пригнуть...

И костлявыми руками своими онъ гладилъ русыя головки внучекъ, и мозолистыми ладонями вытиралъ имъ глаза...

Стемиръ вернулся домой съ работы довольно поздно и съ горькою усмѣшкой сказалъ Любушѣ:

— Ну, моя бѣдная! Слышала?

— Дань положили, — отвѣчала сердито кроткая Любуша.

— И поработали мы всѣмъ міромъ по приказу... чего споконъ-вѣку не бывало,—прибавилъ помолчавъ Стемиръ.— Поработали, и на то спасибо не сказали, и завтра велѣли приходить на работу.

— Перестань, Стемиръ, горевать, а вотъ поѣшь-ка лучше: смотри, какихъ я тебѣ блиновъ напекла.... Нашли рабовъ эти гости, чтобы на нихъ работать! Да вѣдь недолго они погостятъ, Стемиръ? Правда? Вѣдь недолго? Вѣдь найдутся у насъ и руки на нихъ, и копья, и топоры?

— Вишь ты у меня прыткая какая!—сказалъ Стемиръ, дружески глядя на свою жену:—только не знаешь ты этихъ

варяговъ, душа моя. Ихъ немного, едва ли насчитаешь одного на насъ десятерыхъ, да сила въ нихъ велика. Обычны они къ бою, и когда надо, то стоятъ такъ дружно, что будь хоть сто на одного, они не подадутся. У нихъ такой зарокъ и законъ постановленъ, чтобы всякій разъ одолѣть; а у насъ этого нѣтъ: и привычки нѣтъ драться, и недружно стоимъ. Въ дракахъ своихъ, домашнихъ, у насъ всякій за себя стоитъ, будто отъ себя воюетъ, а они стоятъ и идутъ стѣной, и ничѣмъ ихъ не проймешь, пока всѣхъ до одного не переколешь. Ну, и мечи же у нихъ хороши: своими глазами видѣлъ, какъ размахнется, такъ барана пополамъ перерубитъ и съ потрохами совсѣмъ. Трудно, трудно будетъ намъ справляться...

— Да вѣдь не въ овечье-же стадо они попали,—сказала Любуша:—неужели наши мужи, какъ бараны, будутъ смирно протягивать шею, когда варягамъ вздумается пробовать свои мечи? Если такъ, то бабы возьмутся за топоръ, а то лучше не жить...

Поздно ночью пришелъ и тихо постучался въ дверь новгородскій молодецъ Вадимъ и до свѣту ушелъ куда-то. Поразсказалъ онъ много не веселаго: на Волховѣ въ порогахъ варяги выбрали мѣсто, начали городъ рубить. Говорятъ: хотимъ погостить, а сколько погостимъ — неизвѣстно. Толкуетъ народъ, что будутъ рубить не городъ, а погостъ. Труанъ сталъ просить, чтобъ помогли, а старшина и развѣсилъ уши. Согналъ свой народъ, а кто-то и заупрямился, чуть-ли не Лютъ, что такъ шибко торговалъ съ Чудью бѣлоглазою. Варягъ ударилъ его подъ затылокъ, а онъ обернулся да и отрубилъ варягу руку. Скрутили его и привели къ Труану. Для примѣра другимъ онъ этому Люту да еще девятерымъ головы снесъ, тѣла безъ головъ закопали у самой стѣны этого новаго погоста, а головы всѣ взоткнули на тычинки своего городка. Въ Новѣгородѣ было не такъ: Гостомыслъ встрѣтилъ Труана какъ самаго почетнаго гостя, а дружину велѣлъ

разобрать по домамъ и угостить. Варяги заупрямились-было, да онъ съумѣлъ какъ-то ихъ умаслить. Выходитъ ни то ни се, не то, чтобы покорился, не то чтобы въ союзъ съ ними вошелъ. На его голову оставили въ Новѣгородѣ сорокъ варяговъ; будутъ они жить въ сборной избѣ, а Гостомыслъ взялся самъ поставить вокругъ нихъ тынъ, для всякаго, говоритъ, случая. Труанъ заикнулся-было на счетъ дани, по одной бѣлкѣ и по одной векшѣ съ дыма, а Гостомыслъ сказалъ, что онъ на это никогда не согласится, что для общаго дѣла, для успѣшной торговли съ Царь-градомъ этого мало и что онъ даетъ вмѣсто двухъ, по три шкурки отъ дыма, и вышло не дань, а даръ. Онъ послалъ Вадима повѣстить всѣмъ, чтобы ласкать варяговъ какъ гостей и слушать какъ господъ, чтобъ они спали спокойно и, главное, чтобы привыкли спокойно спать. Когда придетъ пора, выберутъ денекъ и во всѣхъ новыхъ погостахъ истребятъ варяговъ въ одинъ день. Гостомыслъ повѣститъ когда это будетъ, а до тѣхъ поръ сидѣть смирно.

Когда ледъ на Ловати окрѣпъ, Труанъ оставилъ въ новомъ городкѣ человѣкъ двадцать съ Иворомъ, собралъ сколько можно было лошадей и уѣхалъ въ Кривичи, туда гдѣ Ловать, близь болотистыхъ истоковъ своихъ, становится мелка и уже не поднимаетъ варяжской лодки. Тамъ, среди небольшаго славянскаго рода Кривичей, заложилъ онъ еще городокъ и отправился дальше, къ Днѣпру.

Прошелъ праздникъ Коляды: шкурки въ дань собрали и отдали. Весенній праздникъ Красной Горки отошелъ нерадостно: варяговъ не встрѣчали уже какъ проѣзжихъ купцовъ съ цареградскими товарами, а какъ враговъ, скрывались отъ нихъ и только насильно отдавали хлѣбъ и прочіе товары. Отошелъ и Купальный праздникъ, и во время лѣтнихъ работъ Ловать, и Назья, и Пороги начали мягче прежняго смотрѣть на чужеземцевъ. Многіе ворчливые старики на-

ходили даже, что оно и не совсѣмъ худо, оттого что молодежь нынче вовсе отъ рукъ отбилась, все наровитъ ссориться, а при варягахъ нѣтъ, не смѣетъ. А дань, говорили они, это пустяки: пару шкурокъ отдалъ и знать ничего не знаю, по крайности не боюсь, что придутъ какіе нибудь озорники сосѣди, да ни съ того ни съ сего выжгутъ домъ. Другіе не соглашались съ этимъ. Пары шкурокъ не жалко,—говорили они;—въ наши поставушки попадается звѣря столько, что иной разъ дѣвать некуда, а главное дѣло, что они занозой у насъ засѣли и надобно намъ эту занозу вонъ выдернуть. У меня съ сосѣдомъ ссора, и никому до этого нѣтъ дѣла, я самъ эту ссору покончу какъ знаю: захочу—помирюсь, не захочу — подерусь. Наше это дѣло и чужому человѣку не слѣдъ мѣшаться...

Наступила опять зима. Самые дѣятельные люди ждали ее съ нетерпѣніемъ, посылали отъ себя гонцовъ къ Гостомыслу, спросить: когда же? Но онъ все наказывалъ обождать, не спѣшить, чтобы всѣмъ ударить въ одинъ день.

И наконецъ этотъ день былъ назначенъ: положено снести погосты въ тотъ самый день, когда на рѣкахъ тронется ледъ. Такъ и сдѣлали. Въ Новѣгородѣ, только-что ледъ тронулся, противъ сборной избы стояли рядомъ сорокъ человѣкъ варяговъ, связанные по рукамъ и ногамъ. Они ждали, что сейчасъ-же имъ одному за другимъ начнутъ снимать головы, потому что и сами такъ распорядились-бы съ своими плѣнниками. Правда, что они нерѣдко продавали плѣнниковъ въ неволю, но только такихъ, которые были добры и послушны; а варяга никто не купитъ. Они ждали смерти безъ страха; они бранили своихъ побѣдителей, смѣялись надъ ними и всячески старались оскорбить, чтобы поскорѣе покончить дѣло. Вооруженная стража въ три ряда окружала ихъ плотною стѣною, ожидая появленія старшины. Наконецъ князь Го-

Къ стр. 41.

Ладьи готовы — сказалъ князь Гостомыслъ.

стомыслъ вышелъ. Онъ снялъ шапку и низко имъ поклонился.

— Почтенные гости! — сказалъ онъ кротко: — прошла ваша пора и настала наша. Но мы не желали и не желаемъ вамъ зла. Пока вы только проходили по нашему великому пути, мы жили мирно. Идите же и теперь съ миромъ, но не возвращайтесь къ намъ больше: впередъ мы будемъ «сами въ себѣ володѣти» и васъ къ себѣ не пустимъ ни за что. Мы русые люди и рыжихъ намъ ненадобно. Ладьи готовы; мои люди вывезутъ васъ за невское устье и тамъ оставятъ на низменномъ Котлинѣ островѣ. Придутъ другіе варяги и увезутъ васъ за море. Но скажите всему своему роду и всѣмъ варягамъ, что здѣсь нѣтъ больше пути въ греки, что кромѣ смерти варягу ждать здѣсь нечего. Простите, почтенные гости! Простите!

Онъ опять имъ поклонился и приказалъ вести ихъ къ ладьямъ.

Черезъ два дня одно за другимъ стали приходить извѣстія съ варяжскихъ погостовъ. Вездѣ была сильная драка, вездѣ погибло много славянъ, но варяги были всѣ истреблены до послѣдняго. Съ Назьи пріѣхалъ Стемиръ, берегомъ, потому что ледъ на озерѣ не пропускалъ еще лодки, и Гостомыслъ принялъ его какъ роднаго. —

— Ну, сказывай прежде всего, много-ли нашихъ погибло?

— Нашихъ легло человѣкъ слишкомъ пятьдесятъ, а они легли всѣ двадцать четыре.

— И какъ-же? На копье взяли, или хитрость какую придумали?

— Какъ есть на копье. Раздѣлились мы, вишь-ты, пополамъ: у старшины дружина, у меня дружина. Я засѣлъ въ лѣсу, а старшина вышелъ прямо съ берега. Ну, какъ водится, пустили стрѣлы съ огнемъ, еще пустили по другой,

по третьей. Человѣка два изъ варяговъ принялись тушить, а остальные выскочили и стали всѣ въ рядъ, да на нашихъ бѣгомъ. Пока они схватились, мы изъ лѣсу тоже бѣгомъ, да и окружили ихъ. Ничего, жарко-таки было. Однако справились. Послѣ того мы вражескую избу разметали, городъ ихъ изрубили, ихъ всѣхъ въ землю зарыли, тутъ-же, на ихъ погостѣ, а тѣла нашихъ, какъ водится по обычаю, сожгли во славу Перуна-Сварога, всѣхъ вмѣстѣ, и костеръ изъ варяжскаго города соорудили.

— Ну вотъ и слава Сварожичамъ! — отвѣчалъ Гостомыслъ: — остается одно великое дѣло: какъ народу соберется отъ разныхъ погостовъ побольше, то надо будетъ подумать: дальше-то что будетъ? Не пришли-бы они расплачиваться, не вздумали-бы они попробовать опять съ насъ дань собирать? Вѣдь, съ нихъ станется, народъ они упорный!

А между тѣмъ Гостомыслъ, не теряя времени, собралъ изъ своихъ молодцовъ дружину охотниковъ, человѣкъ въ полтораста, приказалъ имъ засѣсть на островкѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ озеро Нево начинаетъ течь къ морю, и безъ пощады истреблять всякій отрядъ варяговъ, какой ни покажется. Вооруживъ ихъ какъ можно лучше, онъ обѣщалъ имъ еще подмогу. Другому такому же отряду велѣлъ онъ засѣсть на устьѣ Волхова, чтобы добивать тѣхъ, кто успѣетъ проскользнуть мимо островка. Этотъ отрядъ онъ отдалъ Стемиру, потому что онъ зналъ всѣ варяжскія хитрости и повадки.

Ликованіе по всей землѣ было великое и праздникъ Красной Горки въ этомъ году былъ такъ шуменъ и радостенъ, какъ еще никогда не бывало. На Назьѣ старый Богомилъ какъ будто ожилъ: выпрямился его сгорбленный станъ, опять засверкали его потухшіе глаза, и собравшійся на стрѣлкѣ родъ съ прежнимъ почтеніемъ разступился передъ нимъ, когда онъ въ бѣлой рубашкѣ своей и въ собольей шапкѣ подходилъ къ костру, воздвигнутому для жертвоприношеній.

Сначала онъ прочелъ обыкновенное воззваніе къ Перуну-Сварогу, а потомъ держалъ своему роду такую рѣчь:

— Дѣти мои милыя! Спасибо вамъ отъ всей земли за подвигъ ратный. Спасибо. Великое горе было по всей землѣ; Перунъ-Сварогъ, во гнѣвѣ своемъ, отвратилъ отъ насъ ликъ свой грозный, ибо тяжко прогнѣвали мы его. Не тѣмъ прогнѣвали мы его, что весь прошлый годъ жертвъ не приносили: мы не смѣли, мы не были вольны, а только вольный народъ можетъ обращаться къ Перуну-Сварогу. Раньше еще, всѣми грѣхами нашими прогнѣвали мы Сварога, и тѣмъ, что жалѣли ему жертвъ, не давали ему избранниковъ его, а приносили скотовъ. Прогнѣвался онъ на насъ и отдалъ нашъ родъ въ руки варяговъ. Родъ избралъ Перуну жертву; мы не хотѣли найти ее, хоть изъ-подъ земли достать, и вотъ въ тотъ же годъ, припомните это, въ тотъ же самый годъ варяги осѣли на великой словенской землѣ. О Перуне-Свароже! Какъ заслужить намъ твою милость?

Старшина-князь поднялъ руки къ небу и потомъ повалился ницъ. Весь народъ, сколько его ни было на стрѣлкѣ, повалился вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ были въ самомъ дѣлѣ увѣрены, что Перунъ прогнѣвался на нихъ, и многіе вспоминали, какъ въ праздникъ Красной Горки, ровно два года тому назадъ, Перунъ избралъ себѣ въ жертву маленькаго Стемирыша, Хорька, и не получилъ своей жертвы.

Страшное молчаніе всего повергшагося на землю народа, по мнѣнію славянъ, означало, что въ это время Перунъ-Сварогъ выбираетъ себѣ жертву.

— Хорька! Хорька! — завопили вдругъ многіе голоса; весь народъ подхватилъ это имя и поднялся на ноги.

А Любуша съ Хорькомъ была недалеко. Въ одинъ мигъ ихъ разлучили, красавца-мальчишку взнесли на костеръ, сверкнулъ острый кривой ножъ и алая кровь широкою струею потекла на дрова. Русая, кудрявая головка поникла. Огонь

закрылъ кровавое дѣло, и когда костеръ догорѣлъ, старуха Предслава внимательно подобрала бѣленькія легкія перегорѣлыя косточки.

Въ это время Стемиръ, спокойно сидя въ новгородской сборной избѣ, толковалъ со стариками различныхъ родовъ. Умный Гостомыслъ направлялъ разговоры и велъ дѣло. Всѣ понимали, что надо было защитить и запереть входъ на великій путь въ греки. Новгородцы одни не могли нести всей тягости защиты, и старики охотно соглашались, что всѣ роды одинаково должны были вносить свою долю крови въ дѣло общей обороны. Всѣмъ дружинамъ приходилось являться въ Новгородъ и оттуда уже смѣнять сторожевые полки на озерѣ Нево. Рѣшено было, что смѣна будетъ каждый мѣсяцъ, а на первое время усилить сторожевые полки, чтобы сразу осадить варяговъ, если они снова попытаются завоевать себѣ великій путь. Старшины и старики были очень довольны такимъ рѣшеніемъ и разъѣхались по домамъ, чтобы тотчасъ выслать подкрѣпленія къ новгородскимъ сторожевымъ отрядамъ, а Стемиръ поплылъ на озеро Нево. Но у старшинъ еще дорогою начали являться противорѣчія и неудовольствія. Шелонскій старшина, преемникъ столѣтняго Крока, разговорился съ своимъ племянникомъ о новгородскомъ рѣшеніи. Договорились до того, что племянникъ сказалъ:

— Ловокъ онъ тоже! Чужими руками думаетъ жаръ загребать! Новгородъ, вишь, надо ему оборонить, такъ вся словенская земля слугъ ему подавай, а онъ станетъ самъ распоряжаться.... Вотъ Труанъ какой нашелся!...

— Полно врать-то! — возразилъ старшина, — а развѣ Шелонь тоже дань не платила? Ты самъ развѣ не приносилъ шкурокъ на Назью, на погостъ? Не кланялся варягамъ?

— Дань! Что же за важность дань! Отдалъ пару шкурокъ и правъ, и знать ничего не хочу. А тутъ эти ершеѣды озер-

ные, новгородцы, носы только поднимаютъ, да вмѣсто бѣличьихъ шкурокъ крови человѣческой требуютъ, и все вѣдь на свою только защиту!...

Многіе славянскіе роды сдерживали свою вражду изъ опасенія варяжскаго вмѣшательства; а только что варяги были изгнаны, принялись за оружіе. Жители Изборска и Пскова давно порывались посчитаться изъ-за того, что Изборскъ отбиваетъ отъ псковичей торгъ съ Чудью бѣлоглазою. Старшина съ рѣки Мсты давно собирался пощипать сосѣднюю Весь; но за что именно началась между ними вражда, никто не могъ-бы сказать. Когда-то, вѣроятно, была какая нибудь причина, давно всѣми забытая, изъ-за этой причины была какая нибудь месть съ одной стороны, а потомъ, съ другой, отместка; дальше и дальше и дѣло дошло до кровавой расправы. Затаенныя ссоры разыгрались свободно, только что роды начали володѣть собою. Прибавилось къ этому неудовольствіе на Новгородъ, который будто-бы присвоивалъ себѣ власть — распоряжаться вооруженными силами всей земли. Союзники не стали высылать въ сторожевые полки обѣщанной помочи; другіе роды думали принудить ихъ къ этому силою, и лилась кровь. Къ этому прибавились еще домашнія неурядицы въ родахъ. Такъ на Назьѣ, Стемиръ, узнавъ о гибели своего кудряваго Стемирыша, вспыхнулъ какъ греческій огонь, прибилъ своего старшину-князя и едва его не убилъ. Послѣ долгаго пребыванія своего въ Греціи, онъ разучился принимать приказанія Перуна за непреложныя и отвыкъ уважать старшину, въ которомъ соединялась власть отца и верховнаго жреца. Многіе земляки приняли сторону Стемира и загорѣлось междоусобіе. Бѣдной, убитой горемъ Любушѣ не стало житья въ родномъ селѣ, и потому Стемиръ перевезъ ее въ Новгородъ и отдалъ на попеченіе Родіону, который тамъ нашелъ себѣ пріютъ въ семьѣ самого Гостомысла.

Старшины, утомленные борьбою съ сосѣдями, въ непрерывномъ ожиданіи нападенія и конечнаго разоренія, стали помышлять о томъ, чтобы какъ нибудь привести дѣла въ порядокъ. Первымъ пріѣхалъ въ Новгородъ, посовѣтоваться съ Гостомысломъ, старшина Богомилъ, едва поправившійся отъ полученныхъ побоевъ.

— Житья нѣтъ, отецъ!—говорилъ онъ Гостомыслу, разводя руками: — молодежь вовсе отъ рукъ отбилась, передралась, перессорилась, разбѣжалась и, главное, отца своего знать не хочетъ...

— Что-же, отецъ? — отвѣчалъ Гостомыслъ: — уже не лучше-ли было варяжское время?.. Они хорошо умѣли мирить: безъ разговоровъ—голову долой!

Но мало-по-малу вѣсти приходили хуже и хуже: изборцы вплоть до земли выжгли Псковъ; шелонцы прогнали старшину и не дали ни одного человѣка въ сторожевой полкъ на озеро Нево, обвиняютъ Гостомысла и хотятъ воевать Новгородъ; Мста передралась съ Весью; въ Кривичахъ, близь Смоленска, легло съ двухъ сторонъ почти сто человѣкъ лучшихъ воиновъ; самъ передовой и сторожевой полкъ провинился: отогналъ двадцать четыре барана съ волховскихъ пороговъ; Меря на половину ушла внизъ по Волгѣ, въ Мурому...

Въ бесѣдѣ, въ сѣтованіяхъ стариковъ однажды принялъ участіе и Родіонъ, прозванный въ Новѣгородѣ варягъ-голубиная-душа.

— Есть у насъ въ землѣ варяжской, какъ и у васъ, разные роды,—сказалъ Родіонъ:—Свеи (шведы) часто воюютъ съ англянами и ходятъ воевать въ чужія земли; урмане (норвежцы, мурмане) часто нападаютъ на русь, готы часто задѣваютъ и урманъ, и русь, и свеевъ. И много есть другихъ родовъ, и часто бываетъ вражда между ними. И разный въ этихъ родахъ обычай: у свеевъ обычай суровый и жадный до

крови; да вы знаете ихъ: Труанъ и его дружины были изъ свеевъ. Готы еще жесточе свеевъ, но на великій путь они, кажется, не заходили: имъ дорога въ другую сторону, черезъ море. А есть варяги — могучій родъ, хотя числомъ онъ не великъ, и зовуть его *русь*. Обычай у нихъ, правду сказать, суровый, твердый, но справедливый, а главное дѣло они умѣютъ воевать по-варяжски. Словенскія земли въ военномъ дѣлѣ поотстали отъ сосѣдей, такъ надо догонять, а для этого надо позвать умѣлыхъ людей, да у нихъ и поучиться: мало-ли найдется охочихъ людей, которые на мирное дѣло не годятся. Вотъ и пусть пріучаются.... Если вашей землѣ нужны защита и правда, то зовите ихъ....

При этихъ словахъ въ сборной избѣ поднялся шумъ неслыханный.

— И видно, что варягъ! Гляди-ка что посовѣтовалъ! — кричалъ одинъ.

— Нашелъ правду, отъ варяга-то?—кричалъ въ тоже время другой.

— Пусти ихъ опять сюда, такъ вѣкъ не выживешь! — вопилъ тутъ-же третій.

— Они станутъ передовой полкъ держать! — замѣтилъ кто-то.

— Да онъ самъ видно изъ Руси! Сказывай, русь ты или нѣтъ?—приставалъ кто-то къ Родіону.

— Сами мы русые!—замѣтилъ еще кто-то.

— Отъ Труана-бы только защитили: придетъ, такъ всѣхъ вырѣжетъ.

— А полки-то для чего мы держимъ на озерѣ? Оборонимся!

— Станемъ дома рыбу ловить, а они воевать будутъ! Платить станемъ по уговору.

— А точно, что воевать они здоровы!

— Наймемъ ихъ, какъ Царьградъ нанимаетъ, вотъ и все!

— Найми, поди, варяга! А онъ на тебя хомутъ надѣнетъ.

— По крайней мѣрѣ порядокъ будетъ! А теперь что! Молодежь отъ рукъ отбилась.

— Да, узнаешь порядокъ, какъ голову снесутъ!

Крикъ и споры долго не унимались. Почтенные старшины охрипли, а Гостомыслъ сидѣлъ пригорюнившись и упорно молчалъ, пока наконецъ къ нему не обратились нѣкоторые изъ стариковъ.

Гостомыслъ дождался, чтобы собраніе немного поутихло, и началъ такъ своимъ тихимъ голосомъ:

— Господа старшины все сказали, а мнѣ худому чего-же еще говорить? Кто у насъ справится съ нашими порядками? Въ передовомъ полку народу у насъ мало; осень на исходѣ; того и гляди, что нагрянетъ этотъ Труанъ, и тогда не только Новагорода не останется, и кости наши подберетъ и въ рѣку покидаетъ. Прошу, молю: отцы старшины! дружины мало! Одному Новугороду не въ моготу такіе полки держать на озерѣ. А если тамъ не устоимъ, то вся земля пропала. А гдѣ же устоять, когда мы и драться-то не умѣемъ, какъ сосѣди. По моему глупому разуму выходитъ такъ, что уже намъ приходится нанять варяговъ и платить имъ, сколько тамъ уговоръ будетъ. Мы имъ и льготы кое-какія положимъ, чтобы только сидѣли смирно, да, главное дѣло, чтобы другихъ не пускали на великій нашъ путь. Труановы варяги только мѣшали намъ торговать и ни почемъ сбывали непокупное, невымѣненное, а награбленное добро. И не много имъ надо: если будемъ жить въ мирѣ, то не мудрено будетъ наторговать такъ, чтобы по шкуркѣ съ дыма имъ заплатить. Главное, чтобы отъ Труана и его свеевъ оборониться, да намъ самимъ поучиться воинскому дѣлу, а порядокъ мы уже заведемъ. Правду сказалъ мстинскій старшина, что они воевать здоровы; а мы тѣмъ временемъ дома стали-бы рыбку

ловить, хлѣбъ сѣять, торговать, а наши охочіе люди поучились-бы у нихъ воевать. Видно уже такія времена пришли, что надо умѣть воевать. А впрочемъ, я знать ничего не знаю и рѣшать не берусь. Пусть отцы-старшины рѣшаютъ, только намъ безъ наемнаго войска, какъ хотите, плохо!

Нѣсколько дней сряду собирались старшины, толковали, спорили до слезъ, десять разъ выслушали Родіона, который расхваливалъ своихъ родичей, Русь, и наконецъ рѣшили: не дожидаясь заморозковъ, отправить на море большое посольство, и съ нимъ Родіона, розыскать Русь и призвать ихъ.

Такъ и сдѣлали.

Весною 862 года отъ посольства явился въ Новѣгородѣ передовой гонецъ. Онъ извѣщалъ, что Родіонъ разъискалъ своихъ родичей, уговаривалъ ихъ не мало и уговорилъ. Съ тремя дружинами идутъ три брата и сядутъ одинъ на Наровѣ, другой на Волховѣ, третій на Вытегрѣ, чтобы варягамъ запереть всѣ три пути въ славянскія земли. Старшій братъ Рюрикъ: онъ сядетъ на главномъ пути, на Волховѣ; второй, Синеусъ, по Вытегрѣ или гдѣ нибудь на Бѣлѣ-озерѣ; третій, Труворъ, займетъ Нарву, или гдѣ удобнѣе будетъ на Чудскомъ озерѣ. Тогда Труану и другимъ варягамъ—какъ ушей своихъ не видать великаго пути въ греки.

2.

ЦАРЕГРАДСКАЯ ГРОЗА.

(866—941 г.)

Раннею весною, когда рѣка Двина начала вздуваться и поднимать разрыхлѣвшій, въ иголки обратившійся ледъ, на возвышенномъ берегу ея толпилось много народу. Мужчины таскали дрова и складывали ихъ большимъ костромъ; женщины плакали и громко причитали. Съ горы, изъ огороженнаго высокимъ тыномъ городка, смотрѣлъ на эту суматоху суровый Иворъ, княжой мужъ, посаженный въ Полоцкѣ еще княземъ Рюрикомъ съ небольшою варяжскою дружиною. А вся дружина не выходила изъ городка, была въ полномъ вооруженіи и готовилась къ защитѣ. Неподалеку отъ городка, на томъ-же берегу, стояло тихое, опустѣвшее село: народъ весь ушелъ изъ него на берегъ: въ этотъ день надо было сжечь тѣло Вельмудра, воина, убитаго вчера въ спорѣ.

А Вельмудръ извѣстенъ былъ не только всему полоцкому селу, но его знали и на Ловати, и въ Новѣгородѣ, и въ Муромѣ, и въ Ладогѣ. Это былъ великій воинъ. Онъ пошелъ по своей доброй волѣ въ княжескую дружину и всѣ рюриковскіе походы ходилъ вмѣстѣ съ его варягами. Когда

строили городъ возлѣ полоцкаго села, онъ съ княжимъ мужемъ Иворомъ собиралъ дань по Волгѣ, съ тамошней Мери. Въ дружинѣ Ивора варяговъ было человѣкъ двадцать, а остальные, человѣкъ пятьдесятъ или больше, были изъ славянъ, изъ кривичей, изъ ижоры, охотники, народъ непосѣдъ, по своей охотѣ собравшійся къ княжеской дружинѣ. И дѣло было выгодное: дань на князя данью, а сборщикамъ перепадали кое-какіе излишки, такъ что дружина за данью ходила охотно. Собиралось мѣховъ большіе вороха, и все это везлось въ Новгородъ, а оттуда уже князь снаряжалъ новый походъ, въ Царьградъ, мѣнять добытое добро на цареградскіе дорогіе товары. Въ Греки отпускались только дружинники-варяги и тѣ изъ воиновъ, которые особенно отличались въ походахъ: это была и выгодная, и неопасная, и видная служба, потому-что можно было попасть на глаза самому князю и войти въ дружину. И варяги строго различали дружину отъ войска: въ дружинѣ все варяги на подборъ, а въ войскѣ всякій другой народъ. Вельмудръ совсѣмъ сжился съ варягами, служилъ одну съ ними службу, и всѣ товарищи говорили, что какъ только очистится мѣсто, онъ попадетъ въ дружину. А въ полоцкой дружинѣ всего было двадцать пять человѣкъ съ самимъ Иворомъ, княжимъ мужемъ, такъ что попасть въ нее было не легко. Между тѣмъ Вельмудръ жилъ дружно съ товарищами, но жилъ не въ городѣ, а на селѣ, своимъ домкомъ, и выступая въ походъ, оставлялъ дома жену, Свандру, малолѣтняго брата Буривоя и двухъ-лѣтняго сынишку Акуна. Свандра управлялась дома одна, держала раба, приведеннаго мужемъ изъ Мери, и немного надѣялась на помощь племянника, Буривоя: онъ умѣлъ только за коровами присмотрѣть. А она, бывало, и сѣно уберетъ, и хлѣбъ сожнетъ и вымолотитъ, и справлялась не хуже инаго мужчины.

Но случись бѣда—отворяй ворота. Дѣло было къ веснѣ; на рѣкахъ ледъ сталъ дряблымъ, рѣка посинѣла, и въ По-

лоцкѣ стали собираться въ Греки. Иворъ, княжой мужъ, сидѣвшій въ городѣ на мѣсто князя, сказалъ, что пойдетъ и Вельмудръ. Онъ въ Царѣградѣ не бывалъ, и очень обрадовался. Вечеромъ приходитъ къ нему Турдъ, варягъ, дружинникъ, товарищъ во всѣхъ походахъ, и говоритъ:

— Слушай-ка, землякъ! Мы съ тобой помѣняемся. Ты въ Грекахъ не бывалъ, дѣло тебѣ новое, опять-же и черезъ море переваливать надо, опасно, а мнѣ все это ничего. Ты отпросись у Ивора, скажи, что дѣла по хозяйству, жену не хочется оставить: всю зиму въ походѣ былъ, а теперь опять въ походъ и невѣдомо когда вернемся: я за тебя и пойду, а ты за меня здѣсь мою службу нести будешь. Оно и спокойно тебѣ будетъ; и привольно, не то что трепаться опять цѣлый годъ слишкомъ по рѣкамъ, да по морямъ...

— Постой, землякъ, постой! — отвѣчалъ Вельмудръ: ты человѣкъ умный, это я знаю; да вѣдь и я тоже не въ темя битъ. Конечно, твоя правда, что дома оно спокойнѣе будетъ; да подъ лежачій камень и вода не бѣжитъ: изъ Грековъ-то я привезу сколько добра! И не выговорить! А на счетъ того, что оно спокойнѣе, такъ вѣдь тоже служба-то въ городѣ не легка.

— Ну, такъ и ты постой, землякъ! — возразилъ Турдъ: — изъ Грековъ бываетъ, точно, привозятъ много добра, а бываетъ тоже, что тамъ голову оставляютъ. Я вѣдь тоже твоего добра даромъ не хочу: вотъ тебѣ, получай двадцать двѣ дигремы и ступай къ Ивору, отпрашиваться отъ цареградскаго похода. — При этомъ Турдъ вытащилъ изъ-за пазухи старую облѣзлую бѣличью шкурку и сталъ ее развертывать, чтобы достать накопленныя имъ арабскія монеты.

— Гривны эти ты при себѣ держи, — отвѣчалъ Вельмудръ; — а двадцать двѣ гривны за такой походъ — это ты мнѣ на смѣхъ говоришь: не двадцать двѣ гривны я изъ Грековъ привезу. А что-же ты заплатишь за то, что я Царяграда

не увижу? А за то, что я въ дружину не попаду? И какъ же въ дружину попасть тому, кто въ Грекахъ не бывалъ?

— Ну, не хочешь, не надо!.. А я думалъ по-товарищески тебѣ услужить; вижу: бѣдный человѣкъ всю зиму на полюдьѣ убивался, дань собиралъ, прiѣхалъ домой отдохнуть, не успѣлъ повернуться, а тутъ опять иди. Жена соскучится, братишка отъ рукъ отобьется: его пора бы и попридержать... А я бы за тебя словечко замолвилъ Ивору.

— Иворъ меня, братъ, довольно хорошо знаетъ. Онъ видѣлъ, что я въ Муромѣ ни за кого не хоронился и службу свою справлялъ не хуже кого другаго.

— Чтожъ? Ужь не я ли хоронился? не за тебя ли, русая харя?

Слово за слово, Турдъ хватилъ Вельмудра въ животъ ножомъ и выскочилъ изъ хаты.

Бѣдная Свандра бросилась къ мужу: онъ лежалъ на глиняномъ полу, обливаясь кровью. Осмотрѣвъ рану, женщина тотчасъ поняла, что она смертельна; а между тѣмъ Буривой выбѣжалъ изъ избы и поднялъ крикъ на все село: сбѣжались сосѣдки, сошлись сосѣди, услышалъ въ чемъ дѣло старшина-князь Боричъ и потихоньку поплелся посмотрѣть раненаго. Онъ умиралъ. Возлѣ него стояла на колѣняхъ жена, а съ другой стороны двѣнадцатилѣтнiй братъ, Буривой.

— Вотъ изъ этого похода не вернусь, — говорилъ умирающiй въ предсмертной одышкѣ: — Буривой, вѣкъ свой не забывай, какой великiй на тебѣ долгъ лежитъ! А выростетъ Акушка, и ему втолкуй великiй долгъ...

Онъ такъ и умеръ, все твердя о долгѣ, то есть о кровавой отместкѣ варягу Турду или его сродникамъ, если онъ умретъ раньше. Старшина-князь отправился домой, обдумывая, какъ же ему быть: идти-ли къ Ивору и требовать казни убiйцы, или оставить это дѣло на душѣ брата и сына.

На другой день надо было жечь тѣло убитаго и все село

принимало участіе въ этомъ печальномъ праздникѣ. Когда костеръ былъ почти сложенъ до верху, дряхлый старшина вышелъ изъ своей избы и отправился въ гору, къ варяжскому городку. Тамъ стоялъ Иворъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ отодвинуты были два бревна, такъ что образовалась довольно широкая дверь. Боричъ не снялъ своей высокой собольей шапки, не поклонился княжому мужу, а подошелъ къ нему близко и сказалъ:

— Земля требуетъ крови убійцы, мудрый варягъ! Твой мужъ Турдъ убилъ Вельмудра; подай мнѣ убійцу.

— Ступай съ миромъ, старикъ, — отвѣчалъ Иворъ: — я знаю, что дѣло было въ ссорѣ, Вельмудръ выхватилъ мечъ, а Турдъ защищался. Турдъ правъ, и я его не выдамъ.

— Земля будетъ вопить и колебаться, если не дашь мнѣ убійцу. Люди видѣли оружіе убитаго: оно висѣло на стѣнѣ, нетронутое. Жена его тоже говоритъ. Подай мнѣ убійцу.

— Старшина-князь изъ ума выжилъ. Вѣритъ женщинѣ: ей умирать не хочется, она и говоритъ. А если земля заколеблется, такъ я ее сдержу вотъ этимъ, такъ и знай! — и онъ поднялъ при этомъ свой широкій тяжелый мечъ.

Дряхлый Боричъ опустилъ голову, повернулся и сталъ потихоньку спускаться съ горы въ ту сторону, гдѣ толпилась туча народу и высился высокій костеръ. Молодые люди принесли челнокъ Вельмудра и уставили его на кострѣ; другіе несли старыя рыболовныя сѣти, оставляя тѣ, которыя были поновѣе, и тоже складывали ихъ наверху. Бабы, между тѣмъ, не теряя дорогаго времени, живо толковали между собою. Надо было рѣшить два важныя дѣла: выдастъ-ли убійцу Иворъ? и другое, поважнѣе: у Вельмудра осталась вдова, взятая имъ года три тому назадъ изъ Смоленскаго села, стало быть здѣсь, въ Полоцкѣ, она была чужая и послѣ его смерти ей не куда было дѣваться. Въ такихъ случаяхъ всѣми оставленнная женщина сжигалась обыкновенно на

одномъ кострѣ съ покойнымъ мужемъ, или уходила въ свой родъ обратно. Всегда сама вдова выбирала какъ ей быть, и родичи ничего ей не совѣтовали: она была подъ рукою Перуна и къ ней никто не подходилъ до конца похоронъ.

— Вотъ это вамъ, дѣвки, урокъ, — говорила маленькая сгорбленная старушонка: — что ей дѣлать теперь? Куда дѣваться? Одна дорога—на костеръ. И по дѣломъ: не бросай своего рода, не уходи въ чужой! И казнись!...

— Есть и другая дорога, бабушка, — замѣтила востроглазая дѣвушка:—въ Смоленскъ ей дорога; у нея тамъ родня богатая, сестры есть, братъ...

— Да, поди-ка, сунься она въ Смоленскъ! — отвѣчала старуха, будто гнѣваясь на молодую: — сестры замужемъ, у брата своя семья, отецъ и мать померли. Да что ей тамъ дѣлать? Кому ее надо, когда она сама отреклась отъ своего рода-племени? Какъ только заплачено вѣно, такъ дѣвушка—отрѣзанный ломоть, и назадъ ее ничѣмъ не приставишь. Костра ей, гляди, не миновать низачто.

— Ужь и костеръ!—отвѣтила востроглазая:—а сама-то, бабушка, ты изъ словянъ, вѣдь, съ Шелони, и овдовѣла лѣтъ двадцать тому назадъ, а вѣдь ходишь-же, и ничего, еще другихъ на костеръ посылаешь....

— Вотъ дура-то простоволосая!—отвѣчала разгнѣванная старуха:—я съ Шелони! Конечно, я не здѣшняя, да развѣ мнѣ приходилось костра отвѣдать, когда у меня дѣти были? Дѣтей надо было вскормить, вспоить, послѣ мужа-то, а она костеръ! Четверо сыновъ у меня осталось, четыре такіе молодца, что всему Полоцку на удивленье, а что стали-бы они безъ меня дѣлать? И что это, какъ я посмотрю, нынче за народъ молодой сталъ неразумный, стараго обычая не знаютъ и знать не хотятъ!..

— Это ты, бабушка, напрасно на насъ нападаешь, — сказала со смѣхомъ другая дѣвушка; — маленькій Акунъ

развѣ не ея сынъ? А Буривой развѣ не у нея на рукахъ остался? Мы знаемъ, что Свандру никто не заставитъ насильно на костеръ лѣзть и что дорога въ Смоленскъ не дальняя...

— Смотри ты у меня! — обратясь къ ней, закричала старуха: — ужь и ты не хочешь-ли въ Смоленскъ? Вотъ, сколько дѣвку ни корми, все въ лѣсъ глядитъ!

— Нѣтъ, бабушка милая. Въ лѣсъ я не гляжу, а знаю только, что Свандра не маленькая была, какъ уговорилась съ Вельмудромъ; вѣдомо ей было, что ее ждетъ въ случаѣ смерти мужа, и стало быть крѣпко-же она его любила, беззавѣтно, безъ торгу... и хорошо ей было жить съ такою любовью къ мужу!...

— Хорошо-ли, нѣтъ-ли, а вотъ каково-то будетъ за эту жизнь расплачиваться?...

Тутъ отъ села появилась толпа молодыхъ людей: на нѣсколькихъ жердяхъ покрытыхъ густою постелью изъ свѣжихъ вѣтвей, молодые люди несли тѣло, покрытое бѣлою простынею. За тѣломъ шагахъ въ десяти шла вдова, одинокая, покинутая всѣми. Если кому и жалко было ея, если кто и хотѣлъ утѣшить бѣдную и протянуть ей руку, то обычай не позволялъ этого: она должна была оставаться одна до тѣхъ поръ, пока сама не рѣшала своей участи. Толпа, окружавшая костеръ, разступилась, и носильщики, поднимая ношу свою выше головы, съ трудомъ взобравшись на дрова, опустили тѣло на самой рединѣ, въ челнокъ. Тогда старому Боричу подали копье, топоръ, лукъ-со стрѣлами, мечъ. Все это одно за другимъ уложено было возлѣ покойника.

Во время этихъ приготовленій, вдова сидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ костра, на землѣ, охвативъ свои колѣна руками и опустивъ на нихъ голову. Земляки широкимъ кругомъ охватывали костеръ и бѣдную одинокую вдову. Она сидѣла молча, неподвижно, и невѣдомо о чемъ она думала, или можетъ быть ожидала только когда затрещатъ дрова и

сучья костра. Вся толпа молчала и задвигалась только тогда, когда старшина-князь Боричъ взмахнулъ зажженною сосновою вѣтвью и бросилъ ее на костеръ. Запѣли печальную пѣсню и медленно задвигались всѣ кругомъ, въ одну сторону, противъ направленія солнца. Старый Боричъ удалился, прошелъ сквозь толпу и направился къ селу за маленькимъ Акуномъ. Онъ хотѣлъ, по обычаю, взять ребенка, принесть его къ вдовѣ и вмѣстѣ съ нимъ вывести ее изъ хоровода. Костеръ понемногу разгорался, пылалъ ярче и ярче, а вдова сидѣла не шевелясь и не поднимала головы. Всѣ глаза смотрѣли на эту скорбную вдову, и пламя костра, раздуваемое вѣтромъ, то обдавало ее дымомъ, то освѣщало яркимъ краснымъ свѣтомъ. То бѣлымъ, то краснымъ пятномъ свѣтилась она на травѣ, и слушала заунывную пѣсню, и слышала какъ понемногу осѣдаютъ горящія дрова, переложенныя сухимъ хворостомъ. Женщины, не теряя дорогаго времени, совѣщались о томъ, чего слѣдуетъ ожидать.

— Да, какъ-же,—говорила одна:—нашли дуру! Полѣзетъ она въ огонь! Гляди, тетка! Вотъ разгорѣлось-то! Неужели въ такую печку живому человѣку лѣзть?

— И полѣзетъ, — отвѣчала старушонка, — потому что одна эта дорога ей и осталась. Здѣсь никому ее не надо, а отъ своего рода-племени она отреклась. И полѣзетъ, когда дѣваться некуда. Проговоривъ это торопливо, старуха подхватила общую пѣсню.

— Ничего, отсидится! — замѣтилъ молодой парень:— баба она молодая, жить еще можно; да и сынишку безъ нея вскормить будетъ некому.

— Эка народъ! — заворчала старушонка: — некому! А міръ-то на что? Міръ—великъ человѣкъ, вскормитъ и подниметъ кого хочешь....

Между тѣмъ, пока погребальный хороводъ густою стѣною двигался противъ солнца, сквозь толпу пробирался ветхій

Боричъ съ двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ, а за нимъ какъ-то робко и нехотя подвигался Буривой, и дикимъ волченкомъ поглядывалъ изъ-подъ надвинутыхъ бровей во всѣ стороны. Старшина сталъ между костромъ и вдовой, позвалъ ее и отдалъ ей на руки маленькаго Акуна. Бѣдная вдова схватила его, да такъ и впилась въ него своими поцѣлуями: ребенокъ спасалъ ее отъ неминуемой смерти.

Протяжная похоронная пѣсня сдѣлалась живѣе, громче, толпа задвигалась быстрѣе, но разступилась, когда вдова проходила домой съ своимъ Акушкой на рукахъ и въ сопровожденіи Буривоя, который все поглядывалъ волченкомъ.

Старики видѣли его дикіе взгляды и говорили между собой:

— Ну, напляшется этотъ Турдъ, какъ у этого волченка зубы выростутъ. Только-бы дожить! Посмотрѣлъ-бы я, какъ онъ ему горло перекуситъ!...

— Вотъ и толкуй про варяжскую правду! Ихъ звали для суда, чтобы правду на землѣ поставить, а они только своимъ мирволятъ. Поди-ка, сдѣлай это нашъ братъ кривичъ или словенинъ! Всѣмъ родомъ пришлось-бы эту бѣду расхлебывать.

— Извѣстно. Вотъ въ Новѣгородѣ, чего только не было, какъ Вадимъ варяга убилъ? Народу избили они пропасть, а сколько ушло, такъ и не счесть! Бросили дома, родъ и бѣжали, кто въ Смоленскъ, кто въ Кіевъ.

— Да, братъ! князь Рюрикъ шутить не любитъ....

Черезъ нѣсколько дней пришелъ изъ Новагорода слухъ, что князя Рюрика не стало (879 г.), а сталъ княземъ сродникъ его Олегъ и что правды будетъ на землѣ больше. Разсказывали, что Олегъ своею рукою зарубилъ одного варяга за то, что тотъ во Псковѣ вырвалъ серьги у бабы изъ ушей; бери что положено: дань, ну, бери небольшую прибавку, на кормленіе, а своихъ грабить не моги. Были еще слухи, что

ближнимъ ему человѣкомъ сталъ не варягъ, а славянинъ, именемъ Стемиръ, первый приставшій къ Рюриковой дружинѣ: у него со своимъ старшиной или съ своимъ родомъ вышла какая-то рознь. Восемнадцать лѣтъ прослужилъ онъ при Олегѣ, и теперь сталъ его правою рукой, пуще всякаго варяга.—При такихъ слухахъ княжой мужъ Иворъ заторопился въ Новгородъ, а старшина-князь Боричъ тоже началъ сбираться, чтобы добыть голову убійцы, Турда. Но старикъ не добился своего. Князь Олегъ обѣщалъ казнить убійцу, съ честью отпустилъ старшину домой; но потомъ стало слышно, что Турдъ посланъ куда-то изъ Полоцка въ другое мѣсто на службу. Такъ дѣло и заглохло; только волченокъ Буривой все поглядывалъ изъ подлобья и глаза его свѣтились какъ у кошки, когда дряхлый Боричъ напоминалъ ему о великомъ долгѣ мщенія.

Прошло три года. Большая княжеская дружина съ большимъ воинствомъ изъ славянъ пришла въ Полоцкъ. Отдохнули не долго и ушли въ Смоленскъ. Немного поотсталъ отъ своего князя за какими-то дѣлами воевода Стемиръ, и совсѣмъ-было собрался садиться въ лодку, какъ захватилъ его за рукавъ молодой человѣкъ. Сѣдой воевода оглянулся и очи его засверкали грозно; но и молодой человѣкъ смотрѣлъ на него не сморгнувъ.

— Чего тебѣ, щенокъ?—спросилъ воевода.

— Возьми меня съ собой,—отвѣчалъ такъ же сердито мальчикъ.

— А что тебѣ съ большими дѣлать?

— Воевать надо учиться, чтобы великій долгъ заплатить. Изъ щенка выйдетъ добрый песъ....

— Берись за весло,—сказалъ немного подумавъ Стемиръ, и вскочилъ въ лодку.

Такъ пятнадцатилѣтній Буривой поступилъ на службу и надолго оставилъ свой родимый Полоцкъ. Князь Олегъ съ

дружиною и съ войскомъ пришелъ къ Смоленскому селу и на горѣ велѣлъ поставить острогъ. Жители приняли его дружелюбно: въ восемнадцать лѣтъ и до нихъ дошелъ слухъ, что въ Новѣгородѣ за княземъ Рюрикомъ житье стало хорошее, спокойное, а за Олегомъ будетъ еще лучше. Платить дань они согласились, потому что варяжскіе воины, проходя всякій годъ съ княжескими товарами въ Царьградъ, все равно брали что хотѣли, а иной разъ таки крѣпко обижали. Буривой служилъ усердно, увивался все больше около варяговъ, и разспрашивалъ о походахъ, о разныхъ городахъ, гдѣ живутъ княжьи мужи съ дружинами, и мимоходомъ спрашивалъ не слыхать-ли гдѣ Турдъ, бывшій товарищъ его отца. Отъ кого-то услыхалъ онъ, что Турда послали на другой конецъ земли, въ Муромъ, а что ихъ дружина идетъ теперь не туда, а совсѣмъ въ другую сторону, что князь пошелъ по великому пути въ Греки.

Въ самомъ дѣлѣ, снарядили много лодокъ, спустили ихъ въ Днѣпръ, и князь Олегъ, и дружина его и войско поплыли внизъ по теченію.

— Погляжу я что это за Кіевъ!—говорилъ князь Олегъ своему воеводѣ Стемиру. —Это бездонная бочка какая-то: сколько народу выходитъ изъ Новагорода, а возвращается многимъ-ли больше половины? Про кого ни спросишь, все въ Кіевѣ, да въ Кіевѣ. Словно заколдованное мѣсто какое, что народъ тамъ остается. Варяговъ сколько тамъ осталось и засѣло! Ну пусть-бы въ Царѣградѣ оставались: уже этотъ городъ одинъ такой и есть. А Кіевъ?

— Я былъ въ Кіевѣ,—отвѣчалъ Стемиръ,—и не разъ: когда ходилъ въ Греки еще съ свеями, когда мы сами собой владѣли, а другой разъ ходилъ лѣтъ десять тому назадъ съ княжескою казной. Надо такъ сказать, что Кіевъ, точно, хорошъ, да и стоитъ онъ на краю: по сю сторону Кіева все лѣса, а за нимъ пошла все степь, до самаго моря. До этой

степи живутъ все славяне, а въ степи не живетъ никто, а такъ, бродитъ разный народъ. Выходитъ, что Кіевъ на краю славянской земли, и край тамъ богатѣйшій: рѣка широкая, впятеро больше Волхова, и мѣсто такое, что въ немъ собираются варяги, когда хотятъ идти въ Греки. До Кіева можно плыть Днѣпромъ хоть въ одиночку: народъ по берегамъ живетъ мирный, ребенка малаго не обидитъ; а отъ Кіева такъ нельзя. Тамъ народъ непостоянный, кочевой, народъ разбойникъ, и безъ вѣрной дружины соваться туда нечего: оберутъ, убьютъ, и слѣдъ простылъ. Приходится всякому купцу, если собирается въ Царьградъ, подождать въ Кіевѣ, чтобы народу набралось побольше, а тогда ужь и идти. Особенно одно тамъ есть мѣсто—пороги, плыть никакъ нельзя, такъ мы ладьи перетаскиваемъ берегомъ. Вотъ тутъ-то разные торки да печенѣги и нападаютъ, и бываетъ, что крови прольется не мало. Такъ оно и выходитъ, что Ладога, гдѣ Рюрикъ первый свой городъ поставилъ,—начало, а Кіевъ—конецъ великаго пути.

— И что-же? Похожъ этотъ Кіевъ на Новгородъ?—спросилъ князь.

— Онъ много красивѣе и много богаче Новагорода. Купецъ всякій тамъ толчется, выжидая времени, и товаровъ всякихъ несчетное множество и мастера всякаго довольно, и все-таки нельзя сказать, чтобы порядку не было: съ тѣхъ поръ, какъ наши тамъ засѣли, Аскольдъ съ Диромъ, все-таки богатымъ людямъ живется хорошо.

— Посмотримъ, что это за варяги. Я, помнится, ихъ видалъ.

— Пожалуй, ты-бы ихъ припомнилъ; только нѣтъ, этому прошло четырнадцать слишкомъ лѣтъ, а ты тогда молодъ былъ, мало вникалъ въ людей: тебѣ и двадцати лѣтъ не было: Рюрикъ захватилъ великій путь съ сѣвернаго конца, изъ Грековъ обратные варяги все идутъ, да идутъ и намъ

не мало съ ними было возни: кого пропускали опять на родину, кто оставался у насъ служить въ дружинѣ, а кого и переколоть пришлось. Вотъ и вызвались Аскольдъ съ Диромъ запереть великій путь съ юга, и отпустилъ ихъ князь. Запереть-то они заперли, да чуть-было не заперли намъ и самаго Царяграда. Накопилось у нихъ въ Кіевѣ варяговъ-то много: сила великая, дѣвать некуда. И пошли воевать самый Царьградъ. Все шло хорошо, только немного на погоду понадѣялись, а поднялась буря, лодки раскидало, потопило: едва они ноги унесли: изъ десяти можетъ быть одинъ воротился.

— Слыхалъ я про этотъ походъ,—отвѣчалъ задумчиво Олегъ,—и думаю, что этотъ Аскольдъ и молодецъ, да немножко легковатъ. Если потяжеле снарядить походъ, то какъ не взять дани съ этой богатой и дряблой Византіи, что зовутъ за что-то Царемъ–градомъ? Пустяки это. Царемъ–градомъ будетъ нашъ Новгородъ, если только мы не заснемъ и вотъ немного поосмотримся: изъ вашего брата, изъ славянъ, воины выходятъ лучше варяговъ, если къ вамъ руки приложить. Вотъ, погоди, осмотримся хорошенько въ здѣшней землѣ, а тамъ заглянемъ и въ Византію.

— Что же, можно и въ Византію, — отвѣчалъ Стемиръ съ полнымъ спокойствіемъ, потому что онъ привыкъ во всемъ соглашаться съ своимъ княземъ и исполнять его приказанія, какъ бы они трудны ни были.

Плаваніе по Днѣпру было продолжительно, потому что Олегову каравану приходилось часто останавливаться. Напримѣръ, стоитъ на берегу многолюдное село; народъ копошится, рыбку ловитъ, землю пашетъ, за скотомъ ходитъ, пчелъ разводитъ.

— Что вы за народъ?—спрашиваетъ князь Олегъ.

— Радимичи мы, батюшка!—отвѣчаетъ съ поклономъ мужикъ въ бѣломъ суконномъ озямѣ.

— Кому вы дань даете?

— А кому прилучится, батюшка! Мы народъ смирный, бѣдный народъ: кто посильнѣе, тотъ и беретъ. Когда ваша братья варягъ сорветъ, когда козары придутъ, сорвутъ же. Убѣгаемъ тоже въ лѣса, когда тяжко станетъ, да въ лѣсахъ голодно бываетъ и холодно, потерпимъ, ну опять выберемся на берегъ къ родимымъ полямъ.

— Ну такъ впередъ вы мнѣ будете дань давать, а я уже васъ никому въ обиду не дамъ,—отвѣчаетъ князь.

— Хорошо, батюшка, будемъ давать,—отвѣчаетъ мужикъ съ низкимъ поклономъ; — только кто же ты такой будешь, батюшка?

— Я новгородскій князь и всему великому пути въ Греки князь, Олегъ.

— Слушаемъ, батюшка! Только ты въ обиду-то насъ не давай; а то вовсе житья нѣтъ: какъ горохъ у дороги мы здѣсь, кто ни идетъ мимо, всякій сорветъ. Вовсе обворовали насъ, окаянные... Вотъ и въ прошломъ году твои люди съ товаромъ шли съ твоимъ, такъ тоже ободрали: медомъ нагрузили двѣ ладьи полнехоньки... Ужь ты защити, отъ своихъ-то больше защити!

— Ладно, ладно! Какъ свои будете, такъ ужь разорять не стану: я люблю, чтобы мои люди въ достаткѣ жили.

— Кормилецъ нашъ! будь отцомъ роднымъ!

Въ этотъ разъ князь дани не сбиралъ, а только обѣщалъ защиту и спѣшилъ къ Кіеву. Но на одномъ заворотѣ рѣки, тамъ, гдѣ она становится шире отъ впаденія другихъ многоводныхъ рѣкъ, князь увидѣлъ острогъ, состроенный по-варяжски: толстымъ, кверху заостреннымъ тыномъ, на высокомъ мѣстѣ берега, обнесено было нѣсколько избъ.

— Это что за городъ, Стемиръ? — спросилъ князь. Ужь не изъ нашихъ ли кто? И видно недавно? Вонъ на тынѣ головы натыканы, и все черныя, ни одной нѣтъ вовсе бѣлой. И село такое большое, славное, возлѣ города.

Но Стемиръ тоже не видѣлъ этого города. Послали на село людей взять языка, и привели къ Олегу старуху. Онъ осердился и спросилъ у нее: гдѣ-же народъ?

— А разбѣжался, батюшка, разбѣжался,—отвѣчала она жалобно;—увидали такъ много людей, ну и ушли. Очень уже насъ обижаютъ, ваша братья, разбойники. Придутъ, оберутъ, скотъ съѣдятъ и уйдутъ. Ну и ушли, а я ужь осталась, за добромъ присмотрѣть. Да и какое добро! Все растащили! Ватага за ватагой такъ и валятъ! И все-то съ насъ, да съ насъ...

— А чей городъ?

— А городъ, батюшка, варяжскій, изъ Кіева поставленъ, и не такъ давно. Пришелъ года три назадъ озорникъ такой, что и сказать нельзя, Алвадъ прозывается, облюбовалъ это мѣсто, и давай городъ ставить. А мѣсто-то это у насъ святое, Перуновъ бугоръ это у насъ. Ему говорятъ: святыня, нельзя трогать, а онъ рубитъ городъ. Кое-кто изъ нашихъ и поспорилъ, ну они и сдѣлали по-варяжски, головы поснимали. На угольной-то тынинѣ голова самого старшины князя вдѣта.... Чтобъ имъ разбойникамъ провалиться и съ городомъ совсѣмъ!

Варягъ Алвадъ не хотѣлъ сдаться, и Олегъ тотчасъ распорядился. Лодки мигомъ опустѣли, и стройное воинство стало на берегу, подъ горой, на которой стоялъ высокій почернѣлый отъ непогоды тынъ съ черными головами на нѣкоторыхъ верхушкахъ. Болѣе тысячи воиновъ стали въ ряды; одинъ отрядъ пошелъ въ обходъ, другой сталъ прямо подниматься въ гору. Изъ-за тына вышелъ высокій плечистый варягъ съ громаднымъ тяжелымъ мечомъ и съ двухъаршиннымъ щитомъ и крикнулъ по-варяжски:

— Есть ли между вами не трусъ? Выходи одинъ на одинъ! Кто одолѣетъ, тотъ городомъ и владѣй!

— Экой пузырь дождевой!—ворчалъ Стемиръ, оборачи-

ваясь назадъ и ища въ рядахъ своего пріятеля Гуды. А тотъ присѣлъ на землю и подвязывалъ себѣ размотавшійся лапоть.—Да гдѣ же этотъ Гуды бѣлоглазый?

Бѣлоглазый Гуды былъ родомъ чудинъ, угрюмый, молчаливый, необыкновенный силачъ. Стемиръ подружился съ нимъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, когда прохожая варяжская ватага захватила его съ собой въ Царьградъ, а Гуды, молодымъ парнемъ, былъ еще прежде тою же ватагой захваченъ съ невскаго устья.

— Сейчасъ! — отвѣчалъ бѣлоглазый, неторопливо закрѣпляя лапотный ремень. Онъ всталъ, взялъ свою палицу, свой щитъ и вышелъ на встрѣчу варягу.

— Гуды, голубчикъ! Оставь ты отъ этого пузыря хоть немножко, на память! — кричалъ ему вслѣдъ Стемиръ. Но чудинъ, съ переваломъ, неторопясь, шелъ впередъ, и не отвѣчалъ ничего. Сошлись; Гуды взмахнулъ вверхъ палицей, ударилъ, но ловкій варягъ отскочилъ въ сторону и длиннымъ мечомъ своимъ задѣлъ чудина по плечу: кровь показалась; но послѣ прыжка варягъ долженъ былъ ступить еще шагъ въ сторону, чтобъ не упасть, а Гуды успѣлъ еще разъ размахнуться своей тяжелой палицей уже не вверхъ, а какъ-то въ сторону, угодилъ варяга въ бокъ и отбросилъ его мертваго шаговъ на пять подъ гору. Дружина крикнула, сдѣлалось замѣшательство, а Гуды присѣлъ на землю. Стемиръ подошелъ къ нему въ испугѣ, потому что ему страшно было потерять такого богатыря; но онъ увидѣлъ, что чудинъ опять перевязываетъ лапоть и ворчитъ: «Развязывается, проклятый!»

Остальные варяги съ своимъ начальникомъ Алвадомъ вышли изъ острога и положили на землю оружіе. Городъ Любечъ былъ взятъ и Олегъ поспѣшилъ къ Кіеву. Черезъ нѣсколько дней показались вдали на прелестныхъ холмахъ цѣлые ряды домовъ, позади ихъ высокій тынъ варяжскаго

города. Всѣ дома окружены были садами. На берегу стояли многими сотнями греческія и славянскія ладьи, работанныя въ Новѣгородѣ. На пристани суетилось много народу; мѣстами мелькалъ варяжскій воинъ изъ Аскольдовой дружины. Олегъ плылъ впереди всѣхъ своихъ лодокъ, и только что изъ-за излучины рѣки увидѣлъ богатый городъ, какъ велѣлъ всѣмъ остановиться и причалить за горою къ берегу, чтобы изъ Кіева не видно было какая большая сила къ нему подходитъ.

— Ну, и какъ же теперь?—спросилъ Стемиръ.

— Прежде всего надо Аскольда этого и Дира къ рукамъ прибрать, — отвѣчалъ князь; — подойдемъ купцами, вызовемъ ихъ, а тамъ посмотримъ.

— Да не пойдутъ!..

— А ты скажи, что изъ Новагорода отъ Олега бѣжалъ: придутъ.

— Зачѣмъ бѣжалъ? Посломъ отъ Олега лучше объявлюсь.

Такъ и сдѣлали. Стемиръ выбралъ самую большую ладью, отобралъ изъ дружины и изъ войска людей побойчѣе, щиты и копья велѣлъ спрятать въ ладьѣ, и посадилъ своихъ людей въ весла съ одними мечами. Олегъ, одѣтый просто, такъ же, какъ другіе, сѣлъ къ рулю, и ладья направилась къ пристани. Тамъ было уже не мало народу, ожидавшаго гостей. Армяне спрашивали нѣтъ ли продажныхъ рабовъ; купцы изъ Генуи предлагали за привозныя арабскія дигремы какой угодно товаръ, паволоки, кольца, жемчугъ, такъ что и въ Царьградъ незачѣмъ было ѣхать. Курчавые, черные, съ крючковатыми носами люди втихомолку спрашивали нѣтъ ли какихъ рѣдкихъ товаровъ, особенно черныхъ куницъ, и если можно рабовъ, только не старше двѣнадцати лѣтъ. Пока эта переторжка продолжалась на пристани, Стемиръ высмотрѣлъ въ толпѣ варяжскаго воина и шепнулъ ему, что

у него товаръ есть къ самимъ князьямъ Аскольду и Диру, прямо изъ Новагорода. Воинъ пошелъ на гору, къ князьямъ, а на берегу покупатели не унимались. Армянскій гость пробрался сквозь толпу къ Стемиру и шопотомъ увѣрялъ его, что онъ можетъ купить всякій товаръ выгоднѣе самихъ князей, потому что они этого дѣла не понимаютъ и могутъ, пожалуй, притѣснить гостей. Но Стемиръ не слушалъ ничего, потому что товаръ у него былъ чисто княжескій и никому кромѣ самихъ князей ненужный. Наконецъ Аскольдъ и Диръ пришли съ небольшой стражей. Новгородскіе гости окружили ихъ; князья тотчасъ замѣтили что-то недоброе, схватились за мечи; но имъ не дали обнажить оружіе: они пали мертвые подъ ножами варяговъ, которые тотчасъ же вскочили въ свою лодку и отчалили отъ берега. Купцы разбѣжались; поднялся крикъ; кто остался живъ изъ стражи, побѣжалъ въ городъ созывать товарищей; а между тѣмъ изъ-за горы выплывали одна за другою болѣе ста лодокъ съ воинами Олега, и Гуды, невзятый на этотъ разъ въ княжескую ладью, ревѣлъ что-то издали и размахивалъ своей толстой палицей, налитой свинцомъ чебурацкимъ.

Варяговъ собралось на берегу очень много; нѣкоторые изъ нихъ подняли тѣла убитыхъ князей и товарищей и понесли на гору, а остальные приготовились къ отчаянной дракѣ. Но когда новгородскія лодки стали скопляться больше и больше, когда они могли насчитать болѣе тысячи воиновъ, то поняли, что это было не простое разбойничье нападеніе, а большая дружина. Съ берега многіе варяги узнали Олега, знаменитаго сродника князя Рюрика, узнали также Стемира, его сподвижника, и увидѣли, что съ ними ни драться, ни спорить невыгодно. Посовѣтовавшись и покричавъ немного между собою, они выслали впередъ четверыхъ воиновъ, которые подошли къ самой водѣ, воткнули въ песокъ свои копья и мечи, положили щиты, вошли въ воду по самыя

5*

колѣна и поклонились княжеской лодкѣ. Князь Олегъ подплылъ къ нимъ поближе и сказалъ:

— Аскольдъ и Диръ были дружинники наши, а вздумали владѣть сами собою. За это они получили достойную казнь. Вашъ законный князь—я, а послѣ меня будетъ вотъ этотъ.

При этомъ одинъ изъ воиновъ поднялъ пятилѣтняго сына Рюрикова, Игоря, и посадилъ его къ себѣ на плечо. Всѣ остававшіеся на берегу варяги воткнули въ землю свои мечи, побросали щиты и подошли къ берегу. Такъ Олегъ былъ признанъ господиномъ въ Кіевѣ.

Слухъ объ этомъ прошелъ тотчасъ же по всему городу, и на другой день съ разсвѣтомъ купцы стали проситься повидать князя Олега, поклониться ему и поднести дары. Козарскій купецъ Кендеръ привелъ ему въ даръ красиваго коня съ великолѣпнымъ арабскимъ сѣдломъ; вчерашній армянинъ принесъ на серебряномъ блюдѣ кусокъ парчи; вчерашній же генуэзецъ кланялся бочкою вина, и всѣ они просили принять и дары и поздравленія, и не оставить ихъ своимъ покровительствомъ. Даровъ набралось столько, что Олегъ и не зналъ куда ихъ и дѣвать; но Стемиръ очень спокойно распоряжался уборкою всего добра и только хвалилъ гостей за то, что у нихъ заведенъ хорошій порядокъ. За гостями пошли хозяева земли, земскіе люди. Они несли хлѣбъ, муку, скотъ; кто приносилъ ягненка, кто велъ за ногу свинью. Пришелъ и главный жрецъ Перуна-Сварога, Бурладъ, худощавый съ огромною бородою старикъ: онъ принесъ шкурку козленка, сегодня принесеннаго въ жертву передъ истуканомъ за князя Олега и за несокрушимость его меча, а провожавшіе его помощники пропѣли какую-то веселую пѣсню. Олегъ всѣхъ ихъ принималъ милостиво и отпускалъ съ ласковымъ словомъ. Послѣ всѣхъ пришелъ и простой мужичекъ и принесъ князю

какой-то тупой кусокъ желѣза. Принимая его, Олегъ спросилъ: что это такое?

— Оковка эта съ сохи, сошникомъ называется; этимъ, батюшка князь, мы, селяне, землю пашемъ, хлѣбъ изъ земли добываемъ. На этомъ кускѣ желѣза вся земля стоитъ, и торгъ держится, и дружина твоя имъ жива. Такъ это тебѣ на память: не забудь ты и насъ, селяниновичей!..

Старикъ поклонился простымъ пояснымъ поклономъ, а князь отвѣчалъ ему такимъ низкимъ поклономъ, какъ никому еще въ тотъ день не кланялся, и сказалъ:

— Слава тебѣ, селяниновичъ, за твой вѣковѣчный тяжкій трудъ; а забыть мнѣ сельскаго труда нельзя, да и какъ его забыть, когда это древо великое, а все остальное на немъ цвѣточки, да мошка, да червь, и только по самой малости плодъ сладкій...

Въ этотъ день было великое пированье у князя на всю дружину. Довольный городомъ, довольный легкимъ успѣхомъ, довольный ясною, теплою погодой, князь сказалъ Стемиру:

— Неужели Царьградъ еще богаче и краше Кіева?

Воевода усмѣхнулся и отвѣчалъ:

— А вотъ медвѣдь больше ли будетъ, чѣмъ мышенокъ полевой? Весь Кіевъ городъ съ пригородомъ можно упрятать въ тамошній дворецъ, и еще много мѣста останется, а тамошній купецъ, если бы захотѣлъ, купилъ бы одинъ всѣхъ здѣшнихъ купцовъ съ потрохами.

— Понавѣдаемся!—сказалъ князь, призадумавшись:— надо только побольше здѣшняго народу обучить военному дѣлу, да прибавить дружины.

— Отчего жъ? Понавѣдаться можно, — отвѣчалъ Стемиръ.

Но князь Олегъ собрался въ Царьградъ только черезъ двадцать три года послѣ этого разговора, потому что и дома

у него было много дѣла. Великій-то путь онъ прошелъ, обѣщалъ защищать людей и не давать ихъ въ обиду, а исполнить это было не такъ-то легко: и далеко, и трудно добраться къ нимъ, и еще труднѣе добраться до обидчиковъ, которые обирали людей и уходили. Такъ былъ ненадеженъ народъ по рѣкѣ Припети, протекающей между вѣчными лѣсами: древляне, народъ свирѣпый, непокорный, подъ своими деревьями не хотѣли признавать никакой власти. Но князь Олегъ не терпѣлъ, чтобы по его рѣкѣ Днѣпру и по ея притокамъ жили люди, не признающіе его княземъ. Онъ пошелъ на нихъ въ ладьяхъ, примучилъ ихъ: древляне обѣщали ему платить всякій годъ по одной черной куницѣ съ дыма. Тутъ варяги воевать съ успѣхомъ не могли: потому что война нужна была чисто славянская. Варяги умѣли драться и стоять стѣной, въ открытомъ полѣ, а съ древлянами они ничего сдѣлать не могли: они уходили въ свои лѣса, прятались тамъ, и только-что варяги уходили, они собирались какъ ни въ чемъ не бывало, ставили новыя избы на мѣсто сожженыхъ и опять пробирались по Припети на Днѣпръ и обижали мирныхъ сѣверянъ. Чтобы воевать съ ними въ лѣсахъ, дружина не годилась, а посылалось войско, и вотъ какъ велась тогда эта лѣсная война.

Древлянское селеніе выжжено; народъ разбѣжался и сидитъ гдѣ-то въ лѣсу; въ тотъ же лѣсъ вошли вразсыпную новгородскіе воины и—ничего не слышно: лѣсъ безмолвенъ, какъ будто въ немъ нѣтъ живой души. Только иволга стонетъ, да сѣрые дрозды треща перелетаютъ съ вершины на вершину. А можетъ быть гдѣ-то стрѣла, безмолвно пущенная съ тугаго короткаго лука, воткнулась въ человѣческую грудь, прикрытую только льняною бѣлою рубашкой, или въ зоркій глазъ, смотрѣвшій не въ томъ направленіи, гдѣ былъ врагъ; можетъ быть въ двухъ, въ трехъ мѣстахъ лежатъ уже мертвыя тѣла, и волкъ сыромахъ жадно нюхаетъ воздухъ, чтобы

бѣжать на готовую свѣжую добычу. Вотъ среди мертвой полуденной тишины, въ лѣсной чащѣ, вдали, раздается протяжный, страшный ревъ будто смертельно раненаго человѣка, когда въ мученіяхъ тяжелой раны и безсильной злобы вылетаетъ духъ изъ могучаго тѣла... Вотъ ползетъ въ высокой травѣ на четверенькахъ какъ будто странный какой-то звѣрь. Спина его покрыта круглымъ щитомъ, сшитымъ изъ воловьей шкуры вчетверо. На головѣ желѣзный шишакъ; въ правой рукѣ два легкія копья, употребляемыя для бросанія ими въ живую цѣль; въ лѣвой—короткій, не длиннѣе полутора аршина лукъ и пара стрѣлъ; грудь прикрыта лоскутомъ кольчуги, связанномъ и вокругъ шеи и за спиною мочальными веревками. Онъ движется медленно, съ лисьей осторожностью, безъ малѣйшаго шуму. Забравшись въ кустъ, онъ поднимается на ноги, обутыя въ мягкія лапти, осторожно раздвигаетъ вѣтви руками и зорко смотритъ во всѣ стороны, наладивъ стрѣлу и слегка натягивая тетиву своего тугаго лука. Пронизавъ глазами лѣсную чащу, онъ опять безъ шуму пробирается дальше. Вотъ земля становится сырѣе, кусты мельче, и открывается небольшое озеро съ низменными берегами, поросшими тростникомъ. Опытный воинъ знаетъ, что здѣсь-то и надо ожидать непріятеля, а также что въ такихъ-то глухихъ мѣстахъ жители зарываютъ въ землю или запрятываютъ въ кусты свои дорогія вещи. Изъ ближнихъ къ озеру кустовъ окидываетъ онъ глазами гладкую поверхность воды и старается примѣтить гдѣ нибудь неестественно погнутый тростникъ или не вѣтромъ повернутые листы водяныхъ растеній. Малѣйшее отступленіе отъ первобытнаго, дикаго положенія растеній могло бы указать опытному воину, что тутъ врагъ сидитъ. Ему часто случалось самому по цѣлымъ днямъ подстерегать непріятеля, спрятавшись въ воду по самую шею, покрывъ себѣ голову какимъ нибудь водянымъ растеніемъ, и прятать въ воду и голову, если приближающійся

непріятель былъ не подъ силу. Не разъ случалось ему просиживать, спрятавшись такимъ образомъ, по нѣскольку часовъ, держа во рту тростинку, сквозь которую проходилъ воздухъ, необходимый для дыханія, когда сильнѣйшій непріятель располагался на берегу отдыхать... Но вотъ тростникъ въ одной сторонѣ задвигался, кто-то ползетъ... Лукъ натянутъ съ такою силой, что жилы на рукахъ, кажется, готовы лопнуть,—и въ травѣ показывается большая выдра съ рыбою въ зубахъ и спокойно располагается обѣдать. Терпѣливый воинъ медленно опускаетъ лукъ и съ прежнею осторожностью пробирается кустами вдоль берега, порою останавливаясь и прислушиваясь къ каждому малѣйшему лѣсному шуму.

Вотъ вдали какъ будто взвыла струна тетивы, какъ будто охнулъ кто-то, падая въ кустарникъ и шурша вѣтвями. Съ быстротою осторожнаго, но рѣшительнаго волка идетъ онъ кустами по направленію шума, высматриваетъ, спѣшитъ, останавливается, и въ одинъ мигъ мѣткая стрѣла его впивается въ заднюю часть шеи непріятеля, который только-что поднялся, набивъ свой колчанъ стрѣлами убитаго новгородца. Съ воплемъ оборачивается раненый, вновь натягиваетъ свой лукъ, но не видитъ притаившагося въ кусту врага, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, чтобы самому спрятаться, но толстая новгородская стрѣла плотно втыкается ему въ грудь, какъ тяжелая свайка крѣпко вонзается въ землю, и онъ падаетъ, обливаясь кровью. На вопль подстрѣленнаго товарища сбѣгаются еще два древлянина; сзади слышенъ какой-то шорохъ, и осторожный новгородецъ притаился какъ мертвый, выжидая, что будетъ. Но съ этой стороны свои; вотъ Стемиръ въ цареградскомъ шишакѣ, вотъ молодой Буривой, съ ними еще четверо. Съ другой стороны въ кустахъ мелькаетъ трое и больше. Еще стрѣла пролетѣла изъ куста въ кустъ, выскакиваетъ воинъ съ короткимъ копьемъ въ рукѣ и бросается впередъ съ крикомъ: «Съ нами Новгородъ!» За нимъ кида-

ются товарищи, а древляне, не ожидая смертельнаго столкновенія, спасаются бѣгствомъ, бросая копья свои, и луки, и топоры, и стрѣлы. Вотъ одинъ изъ бѣглецовъ споткнулся и упалъ... Побѣдители останавливаются, поднимаютъ его, и съ той минуты плѣнникъ изъ свободнаго человѣка становится рабомъ Стемира. Онъ пойдетъ вмѣстѣ съ другимъ товаромъ на продажу въ Царьградъ или въ Итиль.

Одинъ только Буривой не остановился возлѣ упавшаго древлянина, а бѣжалъ за бѣглецами, сталъ ихъ нагонять понемногу, на бѣгу натянулъ лукъ и пустилъ имъ стрѣлу въ догонку. Посмотрѣлъ онъ какъ упала малосильная стрѣла между деревьями и вернулся къ своимъ. А Стемиръ между тѣмъ сдѣлалъ привалъ; на кличъ его пришелъ и Гуды и притащилъ убитаго барана, котораго онъ все утро носилъ за своимъ пріятелемъ. Развели огонь неподалеку отъ ручья и принялись за стряпню.

— Это ты куда бѣгалъ?—спросилъ Стемиръ у Буривоя:— показать имъ какіе мальчишки ихъ воюютъ? Нѣтъ, братъ, если врагъ бѣжитъ, то не трогай, пусть его бѣжитъ: для начала припугнуть слегка можно чтобы ходчѣе бѣжалъ; а потомъ брось, устанешь только, либо въ засаду попадешь. И не разъ это случалось, и со мной случалось, такъ что самъ насилу ноги уносилъ.

— А стрѣла у нихъ хорошая,—проговорилъ одинъ изъ новгородцевъ, перебирая подобранное оружіе древлянъ: — стрѣла вѣрная, легкая, и язва надѣта крѣпкая на три угла. Какъ будто коротковата немного, а ничего, колотая стрѣла, какъ наша.

— Какъ же можно, наша стрѣла, или хоть къ примѣру греческая; у грековъ стрѣла тонкая, длинная, совсѣмъ несообразная,—возражалъ другой.

— Эхъ, милый ты человѣкъ! — отвѣчалъ первый;— стрѣла дѣлается по луку. У нихъ видишь нравъ такой, что

лукъ требуется длинный, а намъ такого лука дѣлать нельзя, и древлянамъ нельзя, потому что дѣло у насъ больше въ лѣсу, промежъ деревьевъ, такъ съ длиннымъ-то лукомъ не изворотишься въ кустахъ-то. А по длинному луку и стрѣла длинна: какъ ты изъ длиннаго то лука короткой стрѣлой стрѣлишь?

— Не про то я говорю,—отвѣчалъ другой;—а что на тонкую стрѣлу насадить нечего. Какую ты язву на нее насадишь? Великъ ли будетъ наконечникъ? Несообразно вовсе: его и въ руки-то взять нечего.—И онъ показывалъ свои мозолистыя громадныя руки.

— Ну нѣтъ, братъ, не говори! Видалъ я какъ люди отъ греческихъ стрѣлъ падаютъ! — возразилъ Стемиръ: — ѣдкая стрѣла, съ занозой, никакъ ты эту язву изъ раны не вытеребишь: стрѣлу то вытащилъ, а желѣзка тамъ осталась, вотъ и живи съ нею какъ знаешь. Нѣтъ, стрѣла у нихъ ничего, мѣткая.

— А вотъ на счетъ мѣткости.... И заговорили воины о мѣткости, и пошли упражняться: тотъ раскалывалъ вершинку молодой ели пополамъ, тотъ вызвался попасть въ горлинку, которая стонала тутъ-же недалеко на вершинѣ дерева; третій говорилъ, что главное дѣло сила, чтобъ кость переломить, если въ кость попадетъ, и не пожалѣлъ стрѣлы, всадилъ ее вершка на три въ толстое дерево. Вспомнили о страшной силѣ Гуды и захотѣлось всѣмъ посмотрѣть, далеко ли онъ всадитъ стрѣлу. Дали ему самый тугой лукъ; онъ только сломалъ его, и съ глупой усмѣшкой сталъ разсматривать изломъ.

— Нѣтъ, братъ Гуды! —сказалъ Стемиръ, ударивъ его по плечу:—не годишься ты на эти тонкости. Не за свое дѣло и браться нечего: станемъ ужь мы лучше съ тобой ломить палицей, какъ тогда трехъ-то грековъ съ одного маху? Помнишь, какъ опалили насъ огнемъ въ Царѣградѣ?

И Гуды, съ удовольствіемъ ухмыляясь, обернулся къ барану, который жарился надъ огнемъ, и сталъ его поворачивать.

Но вотъ и древляне были примучены, и сѣверяне, и радимичи, и дреговичи; у князя Олега стало скопляться столько мѣховъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ они подешевѣли въ Царѣградѣ, и купцы стали давать за три сорока тоже, что прежде давали за одинъ сорокъ. Призадумался князь, и придумалъ нельзя-ли теперь послать свои товары къ хозарамъ. Разсчиталъ онъ очень вѣрно. Прежде сѣверяне и радимичи платили дань хозарамъ, а теперь стали платить ему, стало быть хозары теперь безъ мѣховъ. Какъ-то въ концѣ зимы онъ и говоритъ Стемиру:

— Плохо идетъ въ Царѣградѣ наша торговля: мѣховъ и всякаго добра посылаемъ вдесятеро противъ прежняго, а получаемъ-ли втрое-то? Такъ не послать-ли половину въ Итиль?

— Отчего-же, это можно!—отвѣчалъ Стемиръ:—лодки Днѣпромъ пойдутъ сначала до нашего моря, до Русскаго, потомъ пойдутъ моремъ до Тмуторокани, войдутъ въ малое море, въ Сурожское, а въ то море пала рѣка Донъ. Бывать я не бывалъ, а слыхалъ отъ вѣрныхъ людей. По той рѣкѣ пойдутъ хозарскіе города: Саркелъ есть на той рѣкѣ, говорятъ купцы — богатый городъ. Оттуда въ рѣку Волгу, переволокъ будетъ небольшой, лодки перетащимъ, и въ Волгу. Это тоже наша рѣка: меря и мурома, слава Перуну, данники наши, по той рѣкѣ. И пала та рѣка въ море Хвалынское, а у самаго моря на ней и стоитъ козарская столица Итиль. Отчего-же? Это можно. Нашимъ, конечно, не случалось; но хозарскіе и сурожскіе купцы и корсунскіе ходятъ же этимъ путемъ....

Такъ и рѣшили, что половина княжескаго товара пойдетъ по новому пути, прямо въ Итиль, а когда въ Царѣ-

градѣ товару будетъ меньше, то и цѣна ему будетъ другая, выгоднѣе. Но Буривой былъ все-таки недоволенъ: ему хотѣлось поскорѣе побывать въ Муромѣ, скорѣе увидѣть Турда, убійцу брата, и заплатить ему великій долгъ. Великій долгъ, завѣщанный ему братомъ, ни днемъ, ни ночью не давалъ ему покою: онъ возмужалъ, сдѣлался силенъ, онъ узналъ всѣ хитрости варяжскія и уловки во время боя, и надѣялся навѣрное одолѣть стараго богатыря Турда. Дальше откладывать ему не хотѣлось; онъ боялся, чтобы Турдъ какъ нибудь не умеръ своею смертью или не одряхлѣлъ: а на дряхлаго человѣка у него не поднялась-бы рука. Кровомщеніе въ тѣ времена считалось дѣломъ и похвальнымъ, и обязательнымъ: считалось, что за кровь надобно заплатить кровью, око за око, зубъ за зубъ, и человѣкъ не могъ быть покоенъ, не могъ самого себя считать честнымъ человѣкомъ, если онъ не заплатилъ лежащаго на немъ великаго долга. Постоянно думая объ уплатѣ, человѣкъ сживался съ этою мыслью, она становилась его любимымъ дѣломъ, и при первой возможности исполнялась. Чтобы какъ нибудь не пропустить удобнаго времени для мщенія, человѣкъ, на которомъ лежалъ этотъ долгъ, долженъ былъ воздерживаться отъ ссоръ, потому что за ссорой могла выйти драка, и человѣкъ могъ погибнуть, не заплативъ великаго долга; а это было крайнимъ, послѣднимъ стыдомъ. По этому и Буривой былъ угрюмъ, но никогда ни ссорился съ товарищами, уступалъ, и одному почтенному старцу этимъ очень понравился. Старецъ этотъ однажды, какъ начались оттепели, встрѣтилъ Буривоя недалеко отъ берега и вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Къ хозарамъ собираешься, юноша? — спросилъ его старецъ. — Это доброе дѣло, послужи князю, поработай ему чистымъ сердцемъ, ибо нѣсть власти яже не отъ Бога. Ты меня не знаешь, можетъ быть, юноша, а я тебя давно полюбилъ. Видѣлъ я не разъ, какъ ты незлобивъ духомъ, какъ

ты прощаешь обиды и какъ охотно отходишь отъ зла, и сердце мое радовалось: хорошимъ, добрымъ христіаниномъ ты будешь, когда истинный свѣтъ тебя просвѣтитъ...

— Ну, и я тебя знаю, отецъ!—отвѣчалъ Буривой:— ты жрецъ христіанскій. Я эти слова слыхалъ, вы все говорите о какомъ-то свѣтѣ, о какой-то правдѣ, только я ничего не понимаю...

— Правда лежитъ въ насъ самихъ, сынъ мой, — сказалъ священникъ: — это совѣсть, вложенная въ насъ Господомъ Богомъ, и если въ нее проникнетъ еще свѣтъ истиннаго ученія Христова, то для такой души уготовано будетъ несказанное блаженство въ будущей жизни.

— Какое-же это ученіе? — спросилъ Буривой съ любопытствомъ.

— Ученіе великое, ученіе безсмертное, сынъ мой! Ученіе это обновляетъ человѣка, даетъ ему невыразимое спокойствіе, умиряетъ его душу... Твоя кроткая душа готова для принятія ученія нашего Спасителя: я самъ видѣлъ, какъ ты прощаешь обиды, и Спаситель сказалъ: любите враговъ вашихъ, прощайте ненавидящихъ васъ, творите добро тѣмъ, кто дѣлаетъ вамъ зло... Ты уже чувствуешь это, сынъ мой, душа твоя уже готова для принятія великаго ученія...

— Ты съ ума сошелъ, старикъ! — сказалъ Буривой, остановясь на дорогѣ: — какъ ты сказалъ? Любите враговъ вашихъ? Я воинъ, я богатырь, я не могу любить того, кого я долженъ погубить. У меня есть врагъ, заклятый врагъ, котораго я зарѣжу. Развѣ я могу его любить?

— Полно, полно, сынъ мой, успокойся! Не говори такихъ нечестивыхъ рѣчей! Когда благодать Божія освѣтитъ тебя, ты увидишь, что ты ходишь во тьмѣ, и ужаснешься своимъ заблужденіямъ. Господь Богъ, пославшій на землю своего Сына, повелѣваетъ прощать обиды....

— Я прощу? я? Я отдалъ всю свою жизнь, чтобы по-

скорѣе всадить ему широкій ножъ въ горло, я сплю и вижу то блаженное время, когда снимется съ меня этотъ великій долгъ... Ты развѣ не понимаешь, что съ этимъ долгомъ на плечахъ мнѣ стыдно, стыдно!..

— Спаситель нашъ своимъ ученіемъ и крестною смертію снялъ съ насъ всѣ эти кровавые, языческіе долги, сынъ мой! Онъ повелѣлъ намъ любить ближняго какъ самого себя.

— Я самъ вырву себѣ изо лба свои собственные глаза, если увижу моего врага и оставлю его въ живыхъ! Я вырву изъ себя свое собственное сердце и заколочу ему въ глотку, чтобы его погубить!... Ступай своей дорогой, старикъ, учи своему ученью овецъ, а не богатырей!—И Буривой, какъ волкъ, сверкнувъ глазами, быстро пошелъ къ лодкамъ.

Старецъ поплелся на гору, къ своей церкви Иліи Пророка, возлѣ которой онъ жилъ, и горько размышлялъ о томъ, что еще много времени должно пройти, пока эти желѣзныя сердца смягчатся и свѣтъ истиннаго ученія найдетъ себѣ дорогу сквозь твердую кору языческихъ убѣжденій, въ суровыя, заскорузлыя души.

— Нѣтъ, подумалъ старикъ:—надо прежде усовѣстить и обратить Перунова жреца Бурлада: это онъ съ своими человѣческими жертвами такъ ожесточаетъ сердца!

И священникъ взялъ правѣе, къ холму, на которомъ стоялъ истуканъ Перуна: недалеко отъ него помѣщалось и жилье верховнаго жреца. Онъ засталъ хозяина со всей семьей за обѣдомъ.

— А, почтенный отецъ Степанъ!—вскричалъ верховный жрецъ, увидѣвъ входящаго священника:—добро пожаловать! Хлѣба соли откушать! Въ кои-то вѣки вздумаешь завернуть!

Священникъ осѣнилъ знаменіемъ креста трапезу, самъ перекрестился и сѣлъ.

— Я къ тебѣ, отецъ Бурладъ, по великому духовному

дѣлу пришелъ, — сказалъ священникъ: — надо переговорить!

—Это дѣло хорошее, —отвѣчалъ жрецъ; —я про божественное люблю поговорить, особенно если съ кѣмъ изъ другаго толка. А вотъ прежде отвѣдай-ка леща! Рыбка ничего, хорошая. А то уже эти козлята да пѣтухи жертвенные надоѣли пуще снѣгу. Ты-же, кстати, нашего жертвеннаго не ѣшь.

Послѣ обѣда отецъ Степанъ прямо приступилъ къ дѣлу и спросилъ:

— Ты мнѣ прямо скажи, твой истуканъ требуетъ человѣческихъ жертвъ или нѣтъ?

— Экой ты упорный!—отвѣчалъ Бурладъ:—тысячу разъ говорилъ я тебѣ, что истукану ничего не нужно и я истукану не поклоняюсь. Этотъ истуканъ здѣсь только для видимости, а поклоняюсь я и всѣ наши поляне богу Перуну жизнедавцу, и свѣтлымъ его дѣтямъ: Дажбогу, солнцу красному, и Тавсеню, огню, нашему кормильцу. Дажбога изображать нечего, истукана ему не дѣлается, а все-таки на кострѣ мы ставимъ колесо. Выходитъ и кругло, какъ Дажбогъ, и будто солнышко колесомъ вокругъ земли катается. И никто Перуна-Сварога не видитъ, только вотъ лѣтомъ въ грозу, какъ молнія бьетъ, такъ это его взоръ сверкаетъ. А истуканъ тутъ только для видимости, и нуженъ больше для простаго, темнаго народа. Велесъ опять, скотній богъ, тому тоже дѣлается истуканъ, для видимости, а истукану ничего не нужно...

— Хорошо, это я все слыхалъ не разъ. Ну хорошо, положимъ не истуканъ, а Перунъ твой: зачѣмъ ему человѣческія жертвы?

— А то какъ же, по вашему? Такъ козленочками да пѣтушками только и отдѣлываться? Нѣтъ, отецъ мой, это бѣдновато будетъ для такого великаго бога, какъ Перунъ-Сварогъ. Вѣдь это не Велесъ какой-нибудь, не Дидъ, не

Ладо. Онъ же и любитъ человѣческія жертвы, и если долго ихъ не даемъ, такъ и самъ ихъ выбираетъ. Ты вѣдь самъ умный человѣкъ, подумай. Перунъ грозный богъ, всемогущій, и что за благодать бываетъ, какъ Перунъ по небу прокатится и побываетъ на землѣ хотя однимъ своимъ взглядомъ, молніей! И всякая хворость отъ него пропадаетъ, и дышать легче, и на что ужь у меня кости стары, такъ и старымъ костямъ легко станетъ. Ты ему покорись, и не гнѣви, не мудри, а то онъ и тебя самого можетъ выбрать. Отъ него вѣдь не схоронишься нигдѣ, ни въ лѣсу, ни въ полѣ, ни въ шалашѣ; въ лѣсу добудетъ, подъ землей достанетъ, а выберетъ человѣка, такъ въ избѣ возьметъ и избу спалитъ. Какъ можно, ему нельзя безъ человѣческой жертвы! И то мы въ послѣднее время стали жалѣть людей-то, а то ли бывало при отцахъ, да при дѣдахъ? Человѣкъ по полсотнѣ въ жертву приносили, а не то, что нынче. Да послушай и теперь, что на нашемъ островѣ дѣлается, на великомъ островѣ Рюгенѣ, что на Варяжскомъ морѣ стоитъ. Тамъ самый ключъ нашей славянской вѣры. Такъ тамъ по сей часъ по двѣсти человѣкъ жгутъ; это Перуну-Сварогу угодно и люди отъ этого подолгу живутъ...

— Ну, я тебя выслушалъ, отецъ Бурладъ, — сказалъ священникъ;—теперь-же и ты меня выслушай. Богъ единъ...

— Знаю! слыхалъ! Это ты мнѣ можетъ быть сто разъ свой цареградскій толкъ толковалъ. Ну и оставь; у меня свой толкъ, у варяговъ свой, у тебя свой, греческій, у козаръ опять свой, у мусульманъ опять свой, и не тронь...

— Какъ не тронь? Ты народъ ожесточаешь, ты въ своихъ бѣсовскихъ жертвахъ передъ нечистыми своими идолами кровь человѣческую проливаешь, какъ скотину рѣжешь человѣка: отъ этого народъ жестокъ сердцемъ становится, грубъ, неукротимъ....

Верховный жрецъ Перуна разсмѣялся и сказалъ:

— А какъ на счетъ меду, отецъ Степанъ? Весна-то запоздала, пожалуй дорогъ будетъ!

И какъ ни хлопоталъ, какъ ни бился отецъ Степанъ, онъ не могъ опять навести разговора на то, зачѣмъ пришелъ. Верховному жрецу нельзя было согласиться ни на какіе доводы по одному уже тому, что это ему невыгодно было: онъ не хотѣлъ уступить ничего изъ языческаго своего толка, потому что онъ отказался-бы такимъ образомъ отъ самого себя, отъ своего мѣста, насиженнаго и теплаго.

Хоть и поздно, весна таки пришла, а на праздникѣ Красной горки, въ жертву Перуну принесены были два полонянина. Отъ князя Олега пошли лодьи въ козары съ самимъ Стемиромъ, съ Буривоемъ и со многими варягами, новгородцами, полянами, радимичами, со всякимъ сборнымъ народомъ, который по своей охотѣ шелъ на службу князю. Другія лодьи пошли въ Царьградъ, много ушло народу торговаго съ своими товарами, и Кіевъ опустѣлъ, и все лѣто какъ будто отдыхалъ, ожидая только осени. А осень принесла страшныя вѣсти. Съ луговой стороны Днѣпра пастухи прибѣжали сказать, что идутъ угры, и всю степь покрыли своими кибитками. Идутъ съ ними большіе табуны коней, идутъ верблюды, идутъ коровы, овцы, а люди забираютъ встрѣчныя чужія стада. Горько пожалѣлъ князь Олегъ, что нѣтъ съ нимъ стараго богатыря Стемира, вѣрнаго товарища. Но пришлось обходиться безъ него; хорошо еще, что былъ дома племянникъ, Рюриковъ сынъ Игорь: ему было въ это время почти двадцать четыре года и воинское дѣло ему было привычно. Дядя часто пускалъ его на полюдье, не рѣдко случалось, что при сборѣ дани тѣ или другіе данники возставали и Игорь всегда умѣлъ ихъ усмирять. На этотъ разъ приходилось только собрать сильную рать и не подпускать угровъ близко къ Кіеву. Рать была собрана, но бѣда миновала очень скоро. Угровъ тѣснили печенѣги, такіе-же кочев-

ники, и маграмъ было не до войны, а только-бы какъ нибудь спастись отъ непріятеля. Шумный станъ ихъ постоялъ дня три у Кіева, потомъ они переправились черезъ Днѣпръ и пошли дальше, и пропали изъ глазъ, и слуху о нихъ не было больше, пока не окрѣпло на Дунаѣ сильное царство угровъ или венгерское. Олегъ былъ очень радъ, что такъ прошли многочисленные враги; онъ не боялся встрѣтить ихъ въ полѣ, онъ вѣрно разбилъ-бы эту кочевую орду; но онъ берегъ и копилъ свои силы для своего излюбленнаго, давно заготовляемаго похода въ Царьградъ, или, можетъ быть, въ Итиль, если только козарскій городъ богаче. Поэтому Олегъ нетерпѣливо ждалъ возвращенія своего торговаго посольства изъ Итиля. Стемиръ вернулся осенью и привезъ много денегъ; но по его разсказамъ выходило, что козарамъ далеко до грековъ.

— Что это за городъ?—говорилъ онъ;—и города нѣтъ никакого, а такъ только, стоянка кочевая. У князя ихъ, каганомъ прозывается, точно что есть хоромы, большія, каменныя и стѣной великой обнесены, а больше ничего и нѣтъ. Стоятъ эти хоромы на нашей рѣкѣ, на Волгѣ, у самаго почти Хвалынскаго моря, а кругомъ шатры войлочные, — вотъ и весь городъ. Тутъ на Царьградъ ничего таки и непохоже: въ Царѣградѣ этихъ каменныхъ палатъ столько, сколько тамъ кибитокъ, а этихъ божницъ тамошняго толка—безъ числа. У кагана точно, сила велика, можетъ быть велики и богатства; но въ Царѣградѣ иной простой купецъ богаче будетъ. Если-бы къ Царюграду по настоящему руки приложить, то всего добра въ десять лѣтъ не вывезти въ Кіевъ... Шутка-ли, говорятъ люди, что Царьградъ пятьсотъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ недвижно стоитъ и все богатѣетъ; а Итиль нынче стоитъ, а завтра народъ всталъ и ушелъ. Царьградъ—другое дѣло: со всего свѣта въ него богатства такъ и плывутъ, всякій день. зиму и лѣто, потому что проливъ тамъ не замерзаетъ, и

какъ въ затишьѣ песокъ осѣдаетъ на дно, такъ и тамъ осѣдаютъ богатства. Къ Царюграду, — какъ-же можно сравнить?—есть къ чему руки приложить: золотое дно...

И Олегъ разсчитывалъ, сколько еще времени пройдетъ, пока у него будетъ два съ половиною сорока тысячъ. Это было такое громадное войско, какого онъ еще никогда не видывалъ; но онъ придумалъ такое большое число и считалъ, что съ нимъ онъ одолѣетъ всякій на свѣтѣ городъ, хотя бы онъ былъ сильнѣе десяти Царьградовъ. Но такую многочисленную рать было не легко приготовить: разные вятичи, древляне, поляне, были можетъ быть отличные воины по своему; но Олегъ желалъ воиновъ такихъ же, какъ варяги, способныхъ биться въ открытомъ полѣ, стѣна на стѣну, тяжелыми варяжскими мечами, воиновъ закаленныхъ, которые не побѣжали бы отъ первой вражьей удачи. А такую дружину приготовить было не легко. Онъ призывалъ охотниковъ и отъ Бѣлаозера, отъ Мери, и отъ Ростова, и кривичей, и даже нѣсколько дикихъ ятвяговъ и литовцевъ были въ его войскѣ, но изъ всѣхъ вмѣстѣ выходило воинство громадное по-старому, а по требованіямъ Олега все еще недостаточное.

Онъ даже начиналъ сердиться.

— Чего вы смотрите, какъ ѣздите на полюдье?—говорилъ онъ, отправляя на сѣверъ Игоря и Буривоя:—видите народъ, видите который годенъ, силенъ, молодъ, ну и заманивай его. Ты, Игорь, иди въ Псковъ, тамъ народъ крупный, такъ и присматривай, и тащи въ Кіевъ. Кто пойдетъ охотой, съ того дани не брать, и чтобы его домъ такъ дани и не платилъ, пока онъ въ войнѣ. А ты, Буривой, такъ ужь и быть, иди къ Мурому: давно тебѣ туда хочется. И тамъ посматривай, и чуть человѣкъ хорошъ показался, хвали Кіевъ, хвали князя: развѣ въ самомъ дѣлѣ князь къ вамъ немилостивъ? Смотри, я буду ждать, что ты придешь съ данью и приведешь отборныхъ богатырей...

Буривой обѣщалъ, но на душѣ было у него иное дѣло: онъ видѣлъ уже Муромъ, онъ ждалъ нетерпѣливо времени, когда снимется съ него великій долгъ, отъ котораго до сихъ поръ ему худо спалось по ночамъ и было стыдно. По пути заѣхалъ онъ на родину и нашелъ въ Полоцкѣ почти еще совершенно бодрою Свандру, жену своего брата, и племянника, двадцатипятилѣтняго Акуна. Онъ былъ земледѣломъ, умѣлъ стрѣлять изъ лука, зналъ обыкновенныя воинскія хитрости славянскихъ племенъ, и съ большимъ уваженіемъ встрѣтилъ своего дядю, уже зрѣлаго, опытнаго варяжскаго воина.

— На Муромѣ, въ полюдьѣ, ты стало быть старшимъ воеводой будешь?—спрашивалъ Акунъ.

— Какъ есть!—отвѣчалъ Буривой угрюмо, вспоминая, что въ Муромѣ его ждетъ другое важное дѣло, уплата великаго долга: надо было убить стараго Турда. — А ты вотъ что, племянникъ! Собирайся со мной въ полюдье, ты мнѣ нуженъ будешь.

— Какъ это въ полюдье?—вмѣшалась Свандра:— это Акушку-то моего въ полюдье? Да куда же ему такому малому, такому глупому въ полюдье?...

Матери двадцатишестилѣтній сынъ казался молодымъ парнемъ. Но княжой мужъ Буривой былъ не изъ уступчивыхъ; онъ позвалъ къ себѣ полоцкаго старшину и велѣлъ ему снарядить къ походу молодаго человѣка. Противъ приказа княжаго мужа спорить не приходилось и Акунъ отправился съ дядей. И всю дорогу суровый Буривой твердилъ своему племяннику, что на него ляжетъ великій долгъ, если ему, Буривою, не удастся кровомщеніе. Плохой воинъ и нѣсколько робкій человѣкъ, Акунъ совсѣмъ пріунылъ отъ такого наказа и подумывалъ, какъ-бы съ дороги куда нибудь бѣжать.

— Какъ-же это будетъ, дяденька?—говорилъ онъ;—если тебя убьютъ, такъ какъ же мнѣ-то устоять? Это тотъ самый Турдъ, что батюшку убилъ? Такъ куда-же мнѣ-то соваться?...

Но Буривой не понималъ, чего же тутъ колебаться, что же еще думать, когда должно очистить совѣсть и необходимо заплатить великій долгъ? Какова-же была радость бѣднаго Акуна, когда, еще далеко не доходя Мурома, кто-то изъ Мери сказалъ, что княжой мужъ Турдъ на медвѣжьей охотѣ такъ попался косматому муромцу, что тотъ переломалъ его совсѣмъ и хотя самъ издохъ, но и врага своего уходилъ. Буривой отъискалъ шкуру этого звѣря, купилъ ее у какого-то стрѣльца втридорога и съ тѣхъ поръ всегда носилъ на шишакѣ медвѣжью голову: ея верхніе клыки приходились прямо надъ его глазами. Акунъ повеселѣлъ, и когда конченъ былъ сборъ дани, ушелъ въ Полоцкъ. Буривой охотно отпустилъ его, потому что не ожидалъ отъ него большаго проку.

А между тѣмъ войско собиралось, походъ готовился, и уже греческіе купцы провѣдали объ этомъ и боялись за свои торговыя дѣла. Съ осени заказаны были въ Новѣгородѣ новыя лодьи, счетомъ двѣ тысячи, такъ чтобы въ каждой лодьѣ помѣстилось по сорока человѣкъ. А новгородскіе плотники издавна славились отличною постройкой судовъ. Въ степяхъ у торковъ и печенѣговъ скуплено было много лошадей, и раннею весною, только что Днѣпръ очистился отъ льда, пришли заказанныя суда, забиравшія приготовленныхъ воиновъ по всему теченію, отъ Смоленска до Кіева. Сверхъ того берегомъ пошло двадцать тысячъ конныхъ и съ ними самъ Олегъ. Вышла вся эта сила на взморье и, придерживаясь берега, пошла къ Царюграду.

Въ тогдашнее время походъ былъ однимъ только разореньемъ, и сколько несчастныхъ погубило войско Олегово — никто не считалъ. Незащищенный городъ попадался — жителей избивали, а имущество грабили. И въ наше время война—великое несчастіе, а тогда люди хвалились грабежомъ и великою добычею. Все равно было, вооруженъ непріятель или безоруженъ: его надо было избивать, и избивали: жгли

людей, рѣзали, бросали въ огонь, топили въ морѣ, мучили. Потомъ, когда у имущества не оставалось ни одного хозяина, его уже можно было брать себѣ, выбирая на досугѣ то, что получше. Ближе и ближе подходили къ Царюграду, идя по берегу великаго пролива, и вотъ наконецъ вдали видѣнъ богатый городъ.

Олегъ шелъ берегомъ съ коннымъ войскомъ и, остановясь у какого-то монастыря, призадумался.

— Что-же они сидятъ, точно куры ночью на насѣсти, и не выходятъ въ поле? Они боятся, что-ли, или замышляютъ какую нибудь хитрость? Пошевели-ка мозгами, старый Стемиръ, скажи, что они задумали? Неужели еще не провѣдали? Мало-ли народу бѣжало, и хотя мы нѣкоторыхъ ловили, да вѣдь много и ушло.

— Какъ же мнѣ угадать, что они задумали,—отвѣчалъ старый Стемиръ.—Когда у человѣка въ жилахъ кровь, то онъ въ вѣкъ не угадаетъ что думаетъ человѣкъ съ водою въ жилахъ. А не ждутъ-ли они опять помощи Дѣвы, какъ было при Аскольдѣ? Не ждутъ-ли что станутъ дѣлать жрецы? При Аскольдѣ, сказывалъ мнѣ греческій жрецъ въ Кіевѣ, ихъ главный жрецъ, называемый патріархомъ, вынесъ ризу Святой Вѣчной Дѣвы и погрузилъ ее въ море. Отъ этого поднялась буря и разметала всѣ Аскольдовы корабли. Надо-бы какъ нибудь остеречься, чтобы и съ нами этого не случилось.

— Ну что-же сдѣлаешь противъ бури? Велѣть развѣ лодьи на берегъ вытаскать? Да это мы сдѣлаемъ поближе къ городу. Впередъ!

И воинство тронулось, и монастырь запылалъ, и воины разсматривали дорогіе сосуды, похищенные въ греческой церкви, и съ трудомъ перетаскивали въ лодьи тяжелыя серебряныя паникадила и снятые оклады образовъ.

Подошли наконецъ къ самой цареградской гавани, нашли,

что она заперта цѣпями, и остановились. Тутъ Олегъ приказалъ Буривою вытащить лодьи на берегъ, боясь, что неожиданно поднимется страшная буря. Въ это время отворились въ Царѣградѣ желѣзныя водяныя ворота и изъ-за нихъ выплыла богатая лодья, изукрашенная золотомъ и шелками. Гребцами на ней были варяги, давно служившіе въ греческомъ войскѣ. Они были безъ оружія и везли къ Олегу какихъ-то трехъ великихъ вельможъ греческихъ, одѣтыхъ въ пурпурныя мантіи, съ золотыми браслетами, съ кольцами и съ многими самоцвѣтными камнями. Они спросили князя Олега и тотъ подошелъ къ берегу. На немъ была бѣлая холстинная рубашка, а сверхъ нея надѣта колчуга. На головѣ варяжскій шишакъ, въ рукахъ копье и мечъ. Съ нимъ подошли къ грекамъ и нѣсколько десятковъ воиновъ изъ дружины. Старшій изъ греческихъ пословъ началъ говорить рѣчь: хвалилъ силу и мужество князя Олега, удивлялся многочисленному его воинству, и говорилъ, что императоры греческіе Леонъ и Александръ готовы заключить съ нимъ миръ, какой онъ самъ захочетъ. Долго говорилъ посолъ, такъ что Олегъ усталъ его слушать, прервалъ, и спросилъ одного изъ варяговъ, стоявшихъ въ лодкѣ, что онъ такое говоритъ?

— Мира проситъ,—отвѣчалъ варягъ,— и говоритъ, что князь самъ назначитъ сколько выдать ему окупа за миръ.

— Скажи имъ,—отвѣчалъ Олегъ,—что я требую по двѣнадцати гривенъ на лодью.

Греки поклонились и сказали, что они эту дань заплатятъ, только-бы онъ, князь Олегъ, отошелъ отъ города. Но хитрый Олегъ замѣтилъ, что греки чуть усмѣхнулись на его запросъ и слишкомъ скоро согласились. Къ тому же они и заговорили между собой:

— Стоило изъ-за этакой бездѣлицы поднимать такую возню!—сказалъ старшій другому по-гречески.

— Дикарь, видно, мало смыслитъ въ деньгахъ, — отвѣчалъ другой.

Словъ ихъ разговора князь не понималъ, но по ужимкамъ онъ видѣлъ, что грекамъ весело, что они довольны чѣмъ-то.

— Прибавь-же имъ, что на моихъ мужей въ городахъ я требую сверхъ того по сорока гривенъ на городъ! —вскричалъ онъ гнѣвно.

Греки на все согласились и войско Олега отошло отъ города.

— Я, дяденька Стемиръ, продешевилъ! — сказалъ онъ угрюмо своему товарищу, удаляясь отъ города.

— Чтожъ, это точно, что дешево спросилъ: втрое-бы дали. Этотъ Царьградъ посмотри-ка, сколько въ немъ богатства!

— Да, продешевилъ! Перемѣнить-бы надо, да та бѣда, что нельзя мѣнять княжескаго слова. Ну, да ты пойдешь за гривнами, такъ тамъ увидишь, что набавить можно.

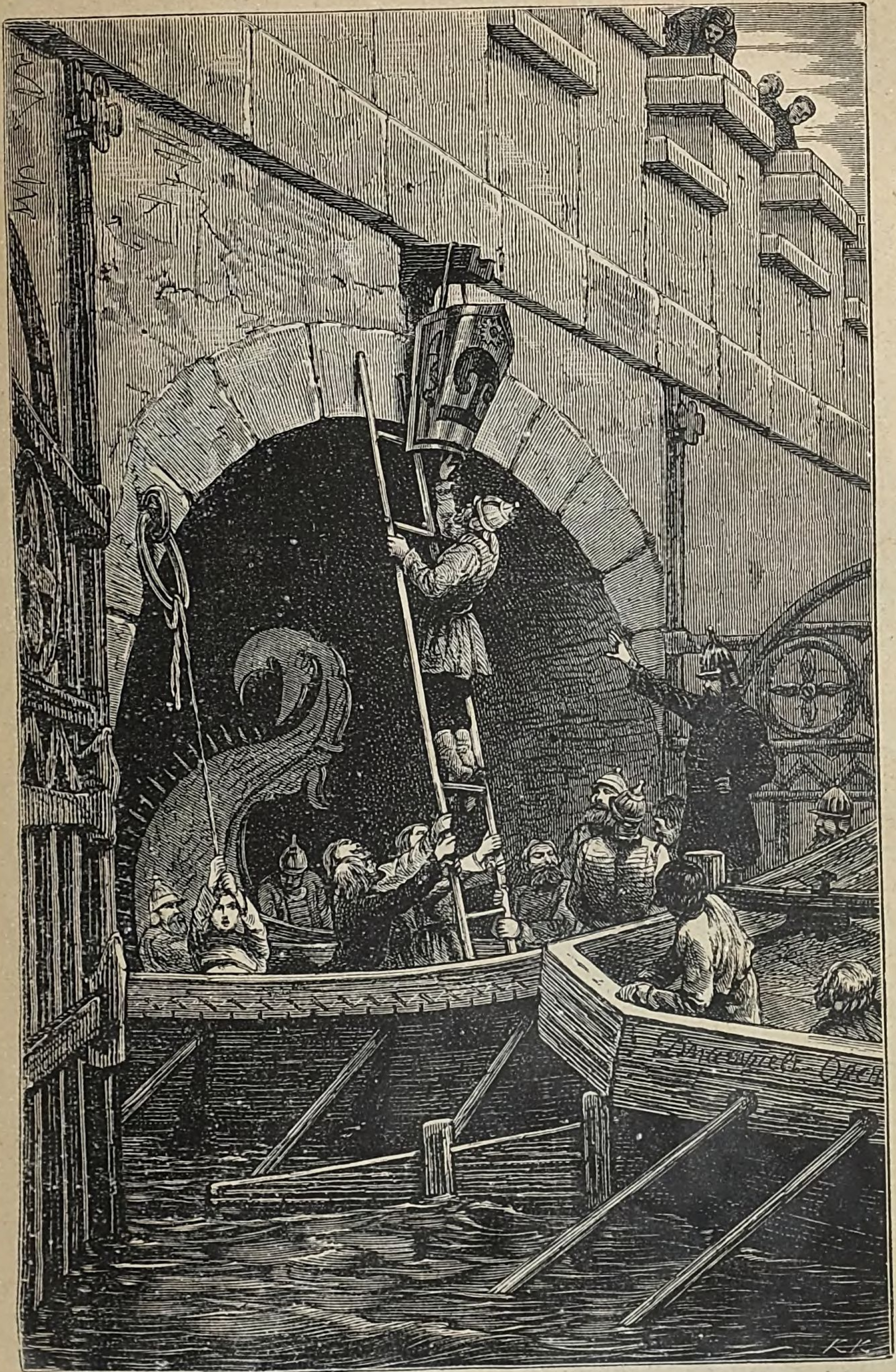
— Нѣтъ, князь, твоего слова я мѣнять не стану,—отвѣчалъ Стемиръ, — это не пригоже; а развѣ что нибудь выговорить нашимъ гостямъ, какъ они будутъ приходить въ Царьградъ?—такъ это можно будетъ. Я такъ думаю: они насъ тутъ съ товаромъ слишкомъ долго держатъ, чтобы выторговать что нибудь; такъ пусть они нашихъ гостей кормятъ и поятъ все время до продажи товара: вотъ этакъ я думаю можно будетъ.

— Да выговори, чтобъ они въ баняхъ мылись сколько хотятъ: говорятъ, здѣсь бани хороши.

— Чтожъ, это можно будетъ, да на обратный путь чтобы имъ всегда были и снасти, и якоря, и паруса, сколько кому надобно.

— Ну, тамъ еще что нибудь придумаешь, а то продешевилъ: ну что этому Царюграду значитъ двѣнадцать гривенъ!... Ну, да ты тамъ устроишь. Возьмешь ты съ собой

Къ стр. 89.

Стемиръ съ товарищами на воротахъ повѣсили щитъ князя Олега.

Карла и Фарлафа: они бывалые люди, Царьградъ знаютъ; Рулава тоже возьми, его старика надо потѣшить: тоже будто и дѣло дѣлать будетъ; не худо и Веремида взять: онъ тебѣ подскажетъ что нибудь, тоже вѣдь не въ темя битъ. Кстати и товары наши захвати: тутъ ихъ лодокъ двадцать будетъ: посольство посольствомъ, дань прими всю, а торгъ торгомъ. Да не забудь узорочья разнаго побольше, да парчей, да жемчугу, да камней самоцвѣтныхъ: Ольгу нашу потѣшить надобно, да и другихъ женщинъ тоже. А ужь особенно Ольгу: она у насъ такая добрая да хорошая. Съ тѣхъ поръ какъ мы собираться стали въ греческій походъ, она почти никакой обновки не видала.

Стемиръ съ товарищами успѣшно справили свое посольство, затѣмъ поторговали выгодно и, главное, скоро, и уходя, на воротахъ повѣсили щитъ князя Олега: пусть греки помнятъ, что русь приходила, и погостила, и дань взяла, стало быть когда надо будетъ— опять понавѣдается.

— Снимутъ!—замѣтилъ Буривой.

— Чтожъ, пусть снимутъ, это можно. Да каково-же будетъ и снимать-то? Вѣдь онъ имъ руки сожжетъ! Нѣтъ, богатства у нихъ много, наживутъ опять то серебро, что мы взяли; что мы побрали по храмамъ, опять заведутъ; щитъ Олеговъ снимутъ и бросятъ въ море, а уже того мѣста, гдѣ онъ виситъ,—никакимъ топоромъ не вырубишь. Это, братъ, какъ пятно на душѣ человѣческой, что и послѣ смерти лежитъ на человѣкѣ. Нѣтъ, въ памяти людской русскій щитъ не снимется съ цареградскихъ вратъ, пока міръ на свѣтѣ стоитъ, пока земля не разсыплется пылью...

— Спасибо, что все это выторговалъ,—говорилъ Олегъ, когда Стемиръ разсказывалъ ему какой у него сталъ уговоръ съ греками:—скажи-же ты мнѣ, что мы имъ за это обѣщали?

— А мы имъ пообѣщали тоже не мало, — отвѣчалъ Стемиръ; —и первое дѣло—не входить въ городъ съ ору-

жіемъ и входить только въ одни ворота, всякій разъ съ приставомъ, и чтобы нашихъ было не болѣе пятидесяти человѣкъ. Ну, чтожъ, это можно. Второе дѣло:—гостямъ даютъ они кормы, а не гостямъ не даютъ. Говорятъ, что нашихъ много приходитъ туда наниматься на службу, и живутъ на готовыхъ кормахъ, а на службу нейдутъ. Третье дѣло: —я чуть было и переговоровъ не разорвалъ, такое дѣло придумали: кто придетъ къ Царюграду, тотъ непремѣнно живи у монастыря Св. Мамы, и всякаго, кто ни придетъ, они станутъ записывать, по имени и по отчеству. Какъ записывать? Что такое записывать? Имя-то человѣчье прослушаетъ, да что-то такое на грамотѣ и нацарапаетъ: говоритъ самое это имя. Ну, это мнѣ не понравилось. Зачѣмъ это имъ имя то человѣческое на грамотѣ царапать? Говорятъ: желаемъ знать сколько народу изъ Кіева, сколько изъ Чернигова, изъ Переяславля, изъ Полоцка, изъ Новагорода, изъ Ростова, кто изъ какого города, и сколько всего кормовъ выдавать. И думается мнѣ, не кудесничество-ли это какое, и не было-бы какого худа, какъ имя человѣчье такъ къ грамотѣ привяжутъ? Какъ это такъ? Человѣкъ пріѣхалъ въ Царьградъ, поторговалъ сколько ему надо, уѣхалъ во-свояси, а имя его тамъ къ грамотѣ привязано, будто онъ на веревочкѣ ходитъ. И велѣлъ я себѣ нацарапать на лоскуточкѣ: Стемиръ. Дали мнѣ этотъ лоскутокъ, гляжу: красными черточками, словно кровью, начертано такъ немножко, значки какіе-то. Подивился я, какъ это такъ? Не вретъ-ли грекъ? Однако нѣтъ, не вретъ. Позвалъ я прохожаго, должно быть купецъ изъ Багдада: на головѣ у него такъ много наверчено; говорю: гляди, что тутъ такое начертано, а онъ взглянулъ и говоритъ такъ твердо: Стемиръ. Даже горячо мнѣ стало держать этотъ диковинный лоскутокъ. И думаю я: что если злой человѣкъ такъ-то вотъ мое имя возьметъ, да сожжетъ: вѣдь худо мнѣ будетъ, пожалуй всего сведетъ и покоробитъ. И смекаю такъ

самъ про себя: нашего брата не очень-то проведешь. Черти мнѣ имя вашего князя, Леонъ! Тебя самого какъ звать? Спиридонъ? Черти: Спиридонъ. Взялъ я этотъ лоскутокъ да и стиснулъ, — ничего, изорвалъ—ничего: стоитъ Спиридонъ, только ухмыляется, я подошелъ къ огню, да лоскутки и зажегъ: ничего. Ну, говорю, ладно! Пиши, черти имена! Съ грамоты ничего не станется. Вотъ развѣ послѣ человѣкъ сохнуть начнетъ, а пока что на глазахъ, такъ грамота не вредитъ. И еще тамъ много толковали о винахъ, о клятвахъ, о наслѣдствахъ...

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Стемиръ пожалѣлъ, что съ грамотой онъ не знакомъ: уговаривался онъ съ греками на словахъ, и вмѣстѣ съ товарищами клялся Перуномъ и своимъ мечомъ; были и свидѣтели; но старый Рулавъ умеръ, возвратясь въ Кіевъ; Веремидъ пошелъ на полюдье, то есть за данью, а Карлъ съ Фарлафомъ и Стемиръ заспорили о томъ, какъ же говорили въ Царѣградѣ, какъ постановили: кто долженъ принимать клятву, истецъ или отвѣтчикъ? Князя Олега обезпокоили, а онъ и не знаетъ, кто по уговору долженъ клясться. Пошли споры, разспросы; чуть не доходило до драки. Все дѣло вышло изъ-за отрубленнаго уха.

Приходитъ къ Стемиру греческій гость, и приноситъ кусокъ своего лѣваго уха, больше половины, а изъ остатка течетъ кровь. Лепечетъ что-то, размахиваетъ руками, а Стемиръ ничего не понимаетъ. Долго онъ съ гостемъ бился, заставлялъ его говорить по-славянски, и наконецъ прогналъ. Черезъ нѣсколько времени приходитъ тотъ же гость съ попомъ Степаномъ, который греческій языкъ разумѣлъ хорошо.

Священникъ пояснилъ, что гость жалуется на полочанина, пріѣхавшаго въ Кіевъ съ товаромъ. Полочанина этого звали Акуномъ. Привезъ онъ въ ладьѣ медъ, хорошій медъ, и сталъ продавать его греку. Уговорились въ цѣнѣ, и сталъ Акунъ съ товарищемъ перетаскивать боченки къ греку въ

подвалъ. Сосчиталъ сто и двѣнадцать, а грекъ насчиталъ сто и семь. Поспорили, Акунъ вытащилъ опять боченки изъ тѣснаго подвала, да вмѣстѣ со своими вытащилъ и пять боченковъ, купленныхъ раньше. Заспорили, понемногу разгорячились, грекъ ничего худаго не сдѣлалъ, а Акунъ отрѣзалъ ему больше половины уха. Потребовали на судъ Акуна; онъ пришелъ вмѣстѣ съ своимъ дядей Буривоемъ.

— Ты отрѣзалъ ему ухо?—спросилъ Стемиръ.

— Я,—отвѣчалъ оробѣвшій мужикъ.

— Плати ему пять гривенъ серебра! Такой договоръ у насъ съ греками.

— Это за половину-то греческаго уха? — спросилъ Буривой.

— Помолчи, Буривой, погоди. Уговоръ былъ: кто ударитъ другаго мечомъ или чѣмъ другимъ, платитъ пять гривенъ.

— Такъ пусть и онъ мнѣ пять гривенъ заплатитъ: онъ меня прежде чѣмъ другимъ ударилъ! —вскричалъ Акунъ.

— Чѣмъ онъ тебя ударилъ?

— А боченкомъ. Провались ты со своимъ медомъ, говоритъ: да и хвать меня боченкомъ по головѣ, даже искры изъ глазъ посыпались. Ну, тутъ я тоже схватился за ножъ, неловко по уху попалъ.

— Ударилъ ты его боченкомъ по головѣ?

Но грекъ отрекся и готовъ былъ принять клятву на евангеліи, что онъ Акуна не трогалъ.

Тогда Стемиръ рѣшилъ, что по греческому договору дѣло должно рѣшиться клятвой. По уговору клянется отвѣтчикъ, стало быть Акунъ. Но отецъ Степанъ увѣрялъ, что отвѣтчикъ здѣсь грекъ, стало быть онъ и клятву долженъ дать.— Сначала отвѣтчикомъ былъ Акунъ, когда грекъ искалъ на немъ за свое ухо. Акунъ признался и заплатилъ пять гривенъ, по договору. Потомъ Акунъ сталъ искать на грекѣ за

ударъ боченкомъ: ищетъ Акунъ, отвѣтчикомъ сталъ гость: онъ и присягаетъ. Стемиръ призадумался и не зналъ на чемъ рѣшить. Въ это время въ избу вошелъ самъ князь и вникнувъ въ дѣло сталъ выспрашивать, какъ же именно говорено было на договорѣ. Позвали Карла и Фарлафа; но они плохо помнили договоръ, а Фарлафъ посовѣтовалъ, безъ всякаго договора, отрѣзать Акуну полъ-уха и выгнать обоихъ.

Олегъ наконецъ разсердился.

— Ну ужь эти мнѣ греки!—сказалъ онъ:—съ своимъ договоромъ! А дѣлать нечего, безъ договора и торгу никакого не будетъ, и станемъ мы мѣхами хоть печи топить! Хорошо-же! Написать мнѣ весь договоръ на грамотѣ и грамоту мнѣ привезти. Когда понадобится, пусть мнѣ отецъ Степанъ и прочитаетъ, что къ чему придется. Изъ нашихъ, кажется, онъ одинъ грамоту и знаетъ... Или хоть-бы ты, Буривой, поучился: ты тутъ моложе насъ всѣхъ.

А у Буривоя въ бородѣ начинала пробиваться сѣдина, и онъ никакъ не могъ сообразить, какъ это онъ станетъ учиться грамотѣ.

Не мало было случаевъ, когда князю Олегу понадоблялось справиться о договорѣ: торговля съ Царемъ-градомъ годъ отъ году увеличивалась; безпрестанно случалось, что грекъ умретъ въ русской землѣ, то русскій умретъ въ греческой, и наслѣдники разыскиваютъ имущество: какъ тутъ быть? Что кому давать? Случалось, что грекъ уведетъ съ собой раба въ Царьградъ, и хозяинъ его тамъ разыщетъ. Тутъ что по договору дѣлать?... И онъ приказалъ собираться въ Грецію новому большому посольству, написать тамъ на грамотѣ новый договоръ. Это посольство отправилось въ 911 году.

Царьградъ переполошился: четырнадцать судовъ съ вооруженными людьми вошли въ гавань и не хотѣли пристать у монастыря Св. Мамы, а шли прямо къ водянымъ воротамъ.

Когда посламъ сказали, что нельзя видѣть царя всякому, когда вздумается, Стемиръ обидѣлся и сказалъ, что если такъ, то онъ пожалуй уйдетъ назадъ въ Русь, а князь Олегъ придетъ самъ. Такъ хорошо-ли оно будетъ?—Ловкіе греки однако уладили дѣло, уговорили главнаго посла и представили его царю на другой день. Много было у Стемира съ греками разговоровъ, переговоровъ, пока наконецъ не написали такой договоръ:

1) Первымъ дѣломъ—да умиримся мы съ греками, да любимъ другъ друга отъ всей души и не дадимъ никому изъ подручныхъ нашихъ князей обижать васъ; но постараемся на сколько можно соблюдать дружбу. И вы, греки, да храните всегда любовь неподвижную къ нашимъ князьямъ русскимъ и всѣмъ сущимъ подъ рукою свѣтлаго Олега. А если случится какая вина, то быть дѣлу такъ:

2) Всякой винѣ должны быть свидѣтели, а если свидѣтелей нѣтъ, то клятва. Даетъ клятву не тотъ, кто ищетъ, а отвѣтчикъ, и всякій клянется по своей вѣрѣ.

3) Если русинъ убьетъ христіанина, или христіанинъ убьетъ русина,—да умретъ на мѣстѣ. Если убійца домовитъ и успѣетъ бѣжать, то его имѣніе отдать ближнему сроднику убитаго; но жена убитаго получаетъ свою законную часть. Когда убійца уйдетъ, а имѣнія не останется, то судъ не кончается, пока онъ не найденъ и не казненъ смертью.

4) Кто ударитъ другаго мечомъ или чѣмъ другимъ, да заплатитъ пять литръ серебра по закону русскому; неимущій да заплатитъ что можетъ; да сниметъ съ себя и одежду, что носитъ, и да клянется по вѣрѣ своей, что ни ближніе, ни друзья не хотятъ его выкупить изъ вины: тогда судъ прекращается.

5) Когда русинъ украдетъ что у христіанина или христіанинъ у русина и воръ будетъ пойманъ, но станетъ отбиваться, то хозяинъ украденнаго можетъ вора убить и взять

свое назадъ, и за убійство не отвѣчаетъ; если воръ отдается, то связать его и за украденное взять втрое.

6) Когда вѣтромъ выкинетъ греческую ладью на чужую землю и случимся тутъ мы, русь, то охранимъ ее вмѣстѣ съ грузомъ, отправимъ въ греческую землю и проводимъ черезъ всякое страшное мѣсто до безстрашнаго. Когда ей нельзя вернуться въ отечество за бурею или мелководьемъ, то поможемъ гребцамъ и выведемъ ладью до ближней пристани русской. Товары съ ладьи пусть продаются, а когда пойдутъ въ Грецію наши послы, или гости для торга, то приведутъ туда и ладью и отдадутъ что выручено за товары.

7) Если найдутся въ Греціи между невольниками русь или на Руси найдутся греки, то отпустить ихъ на волю и взять за нихъ то, что купецъ заплатилъ или что на рынкѣ стоитъ невольникъ. Полоняники тоже возвращаются на родину и за каждаго платится двадцать златыхъ. Кто изъ руси захочетъ служить въ Царѣградѣ, тотъ можетъ оставаться въ греческой землѣ.

8) Если невольникъ изъ Руси уйдетъ, или будетъ украденъ, или отнятъ подъ видомъ купли, то хозяинъ можетъ вездѣ взять его; а кто противится обыску, тотъ виноватъ.

9) Когда русинъ на службѣ царю христіанскому умретъ въ Греціи, не распорядивъ своего наслѣдства, и родныхъ съ нимъ не будетъ, то прислать его имѣніе въ Русь къ милымъ ближнимъ; а если сдѣлаетъ распоряженіе, то отдать тому, кому укажетъ.

10) Если между купцами и другими русскими людьми будутъ виноватые и если потребуются они въ Русь для казни: то царь христіанскій долженъ ихъ отправить въ Русь и насильно.

Когда Олегъ получилъ эту грамоту, то онъ былъ очень доволенъ и долго разсматривалъ красныя, киноварью писан-

ныя письмена. Потомъ онъ позвалъ отца Степана и велѣлъ ему читать грамоту.

— Такъ онъ читаетъ? спросилъ онъ Стемира, когда была прочитана первая статья.

— Такъ,—отвѣчалъ Стемиръ:—отъ слова до слова какъ будто при немъ было писано.

— Только ты напрасно такъ росписалъ, будто мы ихъ будемъ любить отъ всей души. Это не такъ, этого и писать не надо было.

— Вотъ что, князь: грамота такъ только пишется, а на дѣлѣ этого нѣтъ и быть не можетъ. Греки мнѣ что-то такое толковали, я толкомъ не помню: надо, говорятъ, такъ писать, чтобы выходило то что есть не такъ какъ оно есть, а какъ бы оно должно быть, стало быть, чтобы писано было такъ да не такъ.

— Что же вы мнѣ за вздоръ привезли? А? Зачѣмъ же вы ѣздили? Для чего я васъ четырнадцать мудрецовъ посылалъ? И чего-же вы тамъ цѣлый годъ гостили? Чтобы привезти мнѣ то, чего нѣтъ, хоть оно что-то и есть? Ну, братъ Стемиръ! Ухитрился ты!

— Чтожъ! это точно, не ухитрился,—отвѣчалъ Стемиръ;—а все оттого, что ты виноватъ. Не четырнадцать мудрецовъ ты послалъ, а четырнадцать богатырей. И что мы за переговорщики такіе нашлись? Мы тебѣ собрали русскую землю, мы тебѣ эту землю оберегаемъ, держимъ недвижно, въ случаѣ бѣды всѣ до одного головы свои положимъ, а чтоже съ грекомъ въ переговорахъ подѣлаешь? Онъ хитеръ. Ты ему толкуешь свое, онъ напишетъ не то; ты ему опять свое, а онъ перемѣнитъ, передѣлаетъ, замутитъ, и опять не то. Снова толкуешь ему что намъ надо, а онъ прикинется, будто теперь-то все понялъ, и напишетъ опять то чего не надо. Устанешь съ нимъ, точно противъ теченія цѣлый день гребешь. Видитъ онъ это, и ведетъ въ христіанскій храмъ

смотрѣть службу, или въ царскіе дворцы, смотрѣть горницы. Тутъ, надо правду сказать, было что посмотрѣть. Золото горами лежитъ, въ стѣны вдѣлано; серебру нѣтъ никакого числа, такъ что наша дань, что мы взяли послѣ похода, имъ была легка, какъ бы Кіеву собрать десять бѣличьихъ шкурокъ. На завтра опять-бы надо собраться о дѣлѣ толковать, а у нихъ праздникъ. Ну, поведутъ и насъ. Народу тьма, пурпуръ на всѣхъ, золото, а пуще всего меня удивляли хоромы. Изъ камня состроены дома, и крыша на нихъ сведена каменная, невѣдомо какъ и держится: того и гляди сядетъ на людей вся эта каменная шапка. А они ничего, привыкли. Вотъ тоже храмъ у нихъ одинъ, соборнымъ называется, а тоже Св. Софія, такъ подумаешь: человѣку этого въ вѣкъ не выстроить: въ срединѣ любой самый высокій развѣсистый дубъ станетъ со всѣми вѣтвями и листьями, и все-таки просторно будетъ. Ну и служба у нихъ другая, потому что у нихъ и Богъ не тотъ, не Перунъ: служатъ тихо такъ, смиренно, не то что нашъ Бурладъ, что мечется передъ жертвеннымъ костромъ точно угорѣлый. Такъ ужь это все у нихъ красиво, что красота эта испортила перваго нашего богатыря, Буривоя. И всегда-то онъ былъ угрюмъ и задумчивъ, а тутъ повстрѣчалъ онъ земляка въ храмѣ Св. Ирины. Землякъ-то въ него и вцѣпись и сталъ ему свой цареградскій толкъ толковать. Ну чтожъ, думаю себѣ, пусть его толкуетъ: вольному воля. Сколько дней тамъ прошло, глядь, пропалъ мой Буривой. Искали его мѣсяца три, а онъ самъ и явился, да явился такъ, что лучше бы не приходилъ: блѣдный, худой, кожа да кости, глаза ввалились, весь одѣтъ въ широкомъ черномъ одѣяніи. —Ты-ли это, говорю, Буривой? — А онъ, по христіански взялъ, да и осѣнилъ меня крестомъ. «Я» говоритъ, «пришелъ проститься съ милыми ближними, хотя они и язычники поганые.» Прощается съ нами, каждому въ ноги кланяется, проситъ прощенья. Это они его окре-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

стили, да въ монахи. Теперь онъ на горѣ Аѳонской монахомъ. И такъ мнѣ его стало жаль, такъ жаль, что я отдалъ бы этимъ грекамъ всѣ ихъ дары, что на мою долю достались, только бы мнѣ воротить Буривоя. Желѣзная у него была рука, какъ быть богатырю, и душа желѣзная, русская. Повидался я съ нимъ еще разъ. Что-же? Говоритъ тихо, мяса не ѣстъ, вина и меду не пьетъ; тихій сталъ, какъ овечка, а въ глазахъ пропалъ этотъ огонь, что я такъ любилъ въ немъ. Такъ вотъ они что сдѣлали эти греки. А договоръ они написали какой имъ надо было, это извѣстно. Вотъ когда бы мы тоже грамоту разумѣли, такъ оно было бы другое дѣло. Начерталъ свое слово, оно и сидитъ, и ужь ты какъ ни вертись, а оно сидитъ крѣпко, будто ты его по тысячѣ разъ въ день повторяешь. А безъ грамоты мы куда же годимся? Съ непріятелемъ съ какимъ хочешь биться, это мы можемъ. А вотъ противъ этой грамоты—нѣтъ, негодимся.

Крѣпко призадумался князь Олегъ великой силѣ грамоты, и не разъ послѣ того думалъ, что надо-бы ему эту грамоту завести тоже и въ Кіевѣ, для великихъ княжескихъ дѣлъ.

Но если онъ и обдумывалъ это великое дѣло, то ничего не успѣлъ для него сдѣлать, потому что въ слѣдующемъ году онъ умеръ, и старый Бурладъ на его кострѣ зарѣзалъ человѣкъ восемь плѣнныхъ ятвяговъ, половцевъ, а тажке и славянъ.

3.

ДЕННИЦА СПАСЕНІЯ.

(945—969 г.)

Дѣло шло къ веснѣ. Днѣпръ совсѣмъ посинѣлъ и переправа по льду стала ненадежна. Тихій теплый вѣтеръ дулъ съ юга и словно шубой одѣвалъ. Проталины выростали не по днямъ, а по часамъ; по оврагамъ, подъ глубокимъ снѣгомъ, слышалось глухое журчанье воды, тотъ рокочущій шопотъ, отъ котораго молодымъ людямъ становится легко и весело, а старики сладко потягиваются, будто въ просоньѣ. Еще дня два такой теплыни, и Днѣпръ вздуется и пройдетъ. А князя Игоря все нѣтъ: замѣшкался что-то на полюдьѣ у древлянъ, пошелъ «въ дань», и не возвращается. Воеводу своего Претича онъ отослалъ почти со всею дружиною, а самъ остался въ Коростенѣ, и съ нимъ всего человѣкъ сорокъ отроковъ, правда отборныхъ молодцовъ, да что же они сдѣлаютъ въ случаѣ бѣды? Если сегодня или завтра не будетъ, то запоздаетъ еще на полмѣсяца, потому что рѣки не пустятъ; особенно рѣка Тетеревъ шутить не любитъ.

Въ это время княгиня Ольга уже дней пять жила въ своемъ любимомъ Вышгородѣ. На берегу Днѣпра нѣтъ мѣста

красивѣе Вышгорода: высокая лѣсистая гора поднялась изъ Днѣпра; кругомъ дубовые и липовые лѣса, пчела ведется привольно, а хлѣбопашество даетъ зерно самъ-тридцать. Терема въ Вышгородѣ высокіе, кладовыя помѣстительныя, погреба выкопаны обширные и меда въ нихъ стоятъ многолѣтніе. Въ дальнихъ закоулкахъ погреба есть бочки сорокалѣтнія: уже слишкомъ сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ князь Игорь, возвращаясь съ полюдья, привезъ изо Пскова молодую жену, а дядя Олегъ поставилъ ей на высокой горѣ красивый теремъ и поселилъ возлѣ него два большія села всякой челяди. Это было любимое жилье княгини, особенно потому, что въ лѣсахъ кругомъ было много всякой дичи, оленей, кабановъ, медвѣдей, а князь Игорь, потѣшаясь охотой, любилъ заѣзжать въ Вышгородъ отдыхать со своими отроками. Чтобы залучить его въ Вышгородъ, княгиня усердно молилась домашнимъ богамъ Диду и Ладу, никогда не забывала приносить имъ жертвы, молилась и Велесу, скотьему богу, чтобы водилась въ ея лѣсахъ дичь, любимая княземъ; но онъ чаще бывалъ въ Вышгородѣ, чѣмъ въ другихъ городкахъ, у другихъ женъ, не по Велесову велѣнью, а потому что княгиня Ольга была и красивѣе всѣхъ, и всѣхъ умнѣе, и всѣхъ добрѣе. И теперь, на старости лѣтъ, любила она вспоминать счастливые дни, когда она ожидала мужа....

Вотъ въ лѣсу раздаются звуки роговъ, вотъ среди лая собачьяго, среди конскаго ржанья и многихъ другихъ трубъ, слышенъ серебристый, переливчатый звукъ веселаго рога: это трубитъ начальникъ отроковъ княжескихъ Свѣнельдъ, молодой, красивый богатырь, всегда сопровождавшій князя и страстный любитель охоты. Вотъ въѣзжаютъ охотники на широкій дворъ; милый мужъ слѣзаетъ съ коня и входитъ въ высокую гридницу; за нимъ идетъ Свѣнельдъ съ орлинымъ взглядомъ, съ серебряной трубой черезъ плечо, на тридцать лѣтъ моложе князя, твердый какъ булатъ, вѣрный какъ огонь,

стройный какъ тополь. За нимъ разная мелочь: молодой Претичъ, Буслай, тяжелый какъ глыба богатырь изъ Новагорода, Асмудъ, смоленскій уроженецъ, мужикъ умный, но тяжеловѣсный, Руальдъ, варягъ душой и тѣломъ, грубый какъ воловій щитъ, Рычаръ, Тудкаръ, еще варягъ, прозванный соколъ-воронье перо. Между ними Свѣнельдъ блисталъ какъ мѣсяцъ между мелкими звѣздами: онъ былъ въ большой милости у Игоря съ тѣхъ давнихъ поръ, какъ еще восемнадцатилѣтнимъ юношей взялъ на копье у угличанъ городъ Пересѣченъ. Съ тѣхъ поръ ему и порученъ былъ сборъ древлянской дани, потому что она была самая опасная.

Но это все была старина. Теперь Ольгѣ пятьдесятъ семь лѣтъ отъ роду; она живетъ уже не для себя, а для своего любимаго сына. Онъ остался въ Кіевѣ съ своимъ кормильцемъ Асмудомъ, ожидая, въ мѣстѣ съ другими, возвращенія отца, престарѣлаго князя Игоря, а княгиня поѣхала къ себѣ распорядиться кое-чѣмъ по хозяйству: посмотрѣть какъ выставлены ульи изъ омшаниковъ, какъ простояли зиму хоромы, какъ одѣвается лѣсъ. Она любила подышать весеннимъ свѣжимъ воздухомъ, полюбоваться молодою зеленью, взглянуть какъ ломаетъ Днѣпръ... Изъ высокаго терема въ Вышгородѣ это было хорошо и далеко видно.

Какъ-то вечеромъ княгиня, одѣтая въ теплую соболью шубку, сидѣла у открытаго окна. Въ той же горницѣ сидѣла боярыня Люлюша, жена святославова кормильца Асмуда, Тана, жена боярина Блуда, Лада, жена воеводы Претича, и двѣ любимыя сѣнныя дѣвушки ея, Зузуля, бойкая востроглазая псковитянка, и красивая, стройная, кроткая Катерина. Княгиня грустно смотрѣла въ окно на дальнюю степь за рѣкой, гдѣ люди ея работали, спѣша по послѣднему пути, пока еще можно, перевезти изъ-за Днѣпра стоговъ пять сѣна: половодье должно было ихъ размыть и унести... «А шестая нитка жемчугу вокругъ косы была обвита, — говорила вое-

водша Люля,—какъ собрались, такъ я вижу, что моя-то дочь поприглянѣе всѣхъ будетъ. Молодежь такъ и облѣпитъ ее, какъ пчелы вокругъ сота. Танинъ сынокъ такъ и увивается, зоветъ ее плясать; Мистиша, свѣнельдовъ младшій сынъ, въ уголъ забился, откуда съ нея глазъ не спускаетъ... Да и старики поглядывали, и жалѣла я, что отца не было: отъ князя нельзя было ему отлучиться, а то-бы полюбовался дочкой.

— И я любовалась твоей дочкой, Люлюша,—замѣтила Така,— а надо тоже сказать, что любовалась и Свенкаловой молодой женой. Она родомъ черниговская, и надѣтъ на ней былъ сарафанъ, еще отъ матери достался. Паволока цареградская еще Олеговыхъ временъ, и такъ надо сказать, что такой добротной паволоки нынче и въ Царѣградѣ не дѣлаютъ: какъ есть лубокъ, такая толстая, и золотомъ заткана: будто все листы золотые по алому шелку раскинулись...

Въ это время теплый южный вѣтерокъ влетѣлъ въ окно и принесъ далекіе звуки серебристаго цареградскаго рога. Княгиня встрепенулась.

— Что это за диковина! —сказала она: сегодня утромъ только Свѣнельдъ уѣхалъ въ Кіевъ, а теперь и назадъ? Ужь не бѣда ли какая случилась? Нѣтъ ли чего худаго съ Святославомъ? Бѣги, Зузуля, вели ему идти въ теремъ прямо. Да нѣтъ, погоди, его не дождешься: сама пойду.

Княгиня едва успѣла сойти съ лѣстницы, пройти черезъ большую гридницу, гдѣ челядь собирала ужинъ, и выйти на крыльцо, какъ Свѣнельдъ и за нимъ сынъ его Мистиша, на взмыленныхъ коняхъ, влетѣли на широкій дворъ.

— Что такое случилось? Говори скорѣй! — кричала съ крыльца княгиня, пока Свѣнельдъ слѣзалъ съ лошади и всходилъ на лѣстницу.

— Ничего особеннаго не случилось, княгиня,—отвѣчалъ Свѣнельдъ, входя за нею въ гридницу;—мнѣ, кажется, не

въ первой заѣзжать въ Вышгородъ по два раза въ день. А времена нынче стоятъ трудныя, такъ вотъ и пріѣхалъ.

— Какія трудныя времена? Что ты бредишь, воевода?

— Ничего не брежу; а вотъ съ древлянами бы чего не было...

— Да говори скорѣе что случилось? Пріѣхалъ князь?

— То-то худо, что нѣтъ князя. Прибѣжалъ оттуда перуновъ жрецъ: говоритъ, древляне обидѣлись за прибавочную дань, однако заплатили; это и Претичъ сказывалъ, а когда князь отпустилъ дружину и остался самъ-сорокъ, то они сначала притаились, а потомъ разсвирѣпѣли и — нехорошее дѣло сдѣлали...

— Что же они сдѣлали?

— А то сдѣлали, что нѣтъ больше князя Игоря...

— Ну?..

— Нѣтъ князя, а ты наша княгиня.

А княгиня не вдругъ поняла въ чемъ дѣло и смотрѣла на Свѣнельда большими глазами. А тотъ продолжалъ:—Святослава нашего я въ Кіевѣ посадилъ на столъ, и послалъ за тобой. Да велѣлъ идти сюда небольшой дружинѣ, человѣкъ съ пятьсотъ, съ Свенкаломъ, поберечь Вышгородъ: какъ бы древляне не вздумали на насъ пойти, не подумали бы, что съ нами теперь легко справиться. Претича посадилъ въ Кіевѣ, и съ нимъ тысячи полторы...

— Такъ князя убили? — спросила Ольга.

— Убили.

— А что было древлянъ въ Кіевѣ захватили?

— Да это что! — отвѣчалъ Свѣнельдъ: — время не такое нынче, всѣ по послѣднему пути уѣхали во-свояси, всего-то человѣкъ десять гостей захватили, не больше.

— Ну, такъ ѣдемъ въ Кіевъ.

— Напрасно, княгиня, такъ спѣшить; вечеръ надвигается, солнце сѣло, а Свенкалова дружина подходитъ: она

такъ взмѣситъ дорогу, что ночью трудненько будетъ пробираться. По моему лучше тронуться отсюда завтра со свѣтомъ, а сегодня дать мнѣ поужинать. Цѣлый день въ хлопотахъ былъ въ Кіевѣ, и не вспомнилъ про ѣду.

— Будь по-твоему, воевода; поужинаемъ. Малуша! Подавай-ка что у тебя есть, да не забудь нацѣдить Свѣнельдова меду, изъ самыхъ дальнихъ.

Не смотря на полученное неожиданное извѣстіе, хорошая гостепріимная хозяйка сказалась и тутъ. — За ужиномъ Свѣнельдъ заговорилъ о томъ, какъ древлянъ казнить:

— Мы имъ такія поминки по Игорѣ устроимъ, что будутъ помнить пока свѣтъ стоитъ, чтобы во всей землѣ русской слышно стало, каково бываетъ за гибель князя. Конечно, онъ былъ неправъ, поскупился, не хотѣлъ отдать доли на дружину и отослалъ войско, а самъ остался съ немногими отроками; опять и тѣмъ неправъ, что захотѣлъ лишнее взять, да все же расправляться-то такъ съ княземъ нельзя.

— Ну, ты ужь ихъ не очень,—сказала добродушная княгиня; но боярскіе жены вступились:

— Какъ не очень?—говорила Люлюша?—и какъ это ты такъ сказала, матушка княгиня? — Око за око, святое дѣло!

— Неужли ихъ по головкѣ за это погладить? —говорила Тана; — князей станутъ убивать, такъ воеводы ни почемъ пойдутъ.

— Что вы, что вы, боярыни, — отвѣчала княгиня: — развѣ я говорю погладить? Что надо, то надо, казнить тамъ сколько по закону слѣдуетъ, только свыше закона ничего не дѣлать. За кровь должна пролиться кровь, это и малый ребенокъ знаетъ, только князя Игоря этимъ не воскресишь.

— Это, матушка княгиня, ты не дѣло говоришь, — сказалъ Свѣнельдъ, отхлебнувъ изъ турьяго рога стариннаго меду; — въ законѣ нашемъ, то есть въ обычаѣ, мѣры никакой не положено и мстить надо до послѣдняго человѣка. Злое

дѣло случилось въ Коростенѣ, такъ надо намъ этотъ Коростенъ съ лица земли стереть и жителей до послѣдняго истребить. И не пригоже тебѣ за древлянъ заступаться, какъ будто Игорь тебѣ и не мужъ былъ, какъ будто онъ вовсе чужой. Мы привыкли такъ, что у насъ хорошій человѣкъ тотъ, кто за свой родъ горой стоитъ. Ты у насъ теперь княгиня, первый человѣкъ въ русской землѣ, такъ намъ надо, чтобы нашъ первый человѣкъ поступалъ хорошо. А что же это будетъ за хорошо, когда не очень? Еще если бы князя Игоря убили какъ нибудь сгоряча, а то нѣтъ, ему дали такую казнь, какъ вотъ казнятъ разбойниковъ: его деревьями раздернули. А ты говоришь: не очень. Какъ ты тамъ прикажешь, такъ оно и будетъ, а мой совѣтъ такой, чтобы въ это кровавое дѣло не мѣшаться: душа у тебя мягкая, глядя на кровь, ты сейчасъ раскиснешь; а безъ крови тутъ никакимъ способомъ обойтись нельзя. Такъ оставь ты это дѣло намъ, твоимъ вѣрнымъ воеводамъ, и все будетъ сдѣлано такъ, что послѣ всякій скажетъ: ну, княгиня Ольга съумѣла постоять за свой родъ. Посмотри ты на самаго простаго человѣка, на какого нибудь днѣпровскаго рыбака, такъ и тотъ за свой родъ стоитъ и постоять умѣетъ, а тебѣ, княгинѣ, надо въ этомъ примѣръ показывать. Вотъ дождемся весны, рѣки пройдутъ, тогда видно будетъ что дѣлать. Къ намъ они пожалуй что не пойдутъ, не совсѣмъ еще они съ ума сошли; ну такъ намъ придется къ нимъ понавѣдаться...

Послѣ ужина княгиня въ своей опочивальнѣ говорила все о томъ же съ своими дѣвушками Катериной и Зузулей.

— Сама я не люблю этой крови, Катенька, да вѣдь нельзя: у меня сынъ княземъ будетъ, они и его пожалуй убьютъ, подумай-ка...

— Ты, княгиня, меня объ этомъ не спрашивай, — отвѣчала Катерина;—я этихъ дѣлъ не знаю и не понимаю; а знаю

только что Спаситель сказалъ: творите добро злодѣямъ вашимъ, любите ненавидящихъ васъ...

— Хороша-бы я была,—сказала княгиня,—если бы полюбила древлянъ и стала имъ дѣлать добро. Всякій тогда сказалъ бы: хороша жена! Мужа убили, а она творитъ убійцамъ добро, да еще любитъ ихъ. Мнѣ вѣдь въ люди глазъ показать нельзя будетъ. Къ тому же мы знаемъ какъ въ Царѣградѣ эти дѣла дѣлаются, хотя тамъ и одинъ съ тобою греческій толкъ: виноватыхъ казнятъ не хуже нашего.

— Не знаю, не понимаю, — повторяла Катерина; — только когда подумаю объ этихъ казняхъ, такъ страшно становится и все хочется за всѣхъ васъ, язычниковъ, Богу молиться, чтобы Онъ васъ простилъ и просвѣтилъ.

— Чтожъ, моя родная? — отвѣчала княгиня: — помолись, помолись тутъ, не уходи, а я погляжу да послушаю. Я люблю смотрѣть какъ ты молишься, потому что ты, вѣрно, крѣпко вѣришь.

И Катерина громко молилась за княгиню, за Святослава, и называя ихъ погаными, просила о ихъ просвѣтленіи истиннымъ ученіемъ Христовымъ. Старая княгиня заснула, не дождавшись конца молитвы, но чувствовала съ нѣкоторымъ страхомъ, что то невидимое Существо, къ которому обращалась христіанка, находится гдѣ то здѣсь, близко, и слышитъ обращаемыя къ Нему слова.

Черезъ нѣсколько дней, когда Днѣпръ очистился ото льда, вслѣдъ за льдомъ приплыла къ Кіеву изъ Коростена большая древлянская лодья и въ ней двадцать пословъ отъ князя Мала. Сторожамъ на берегу строго наказано было, чтобы не сказывать ничего про Свѣнельда, а говорить, что его нѣтъ въ городѣ, уѣхалъ съ мѣсяцъ назадъ къ Любечу и не бывалъ. Въ самомъ дѣлѣ, древляне больше всего боялось этого воеводы: онъ много лѣтъ собиралъ съ нихъ дань и хорошо зналъ этотъ народъ; его боялись. Пріободрились послы, какъ услы-

хали, что нѣтъ Свѣнельда, и потребовали къ себѣ на берегъ Претича. Ему они сказали: «Послала насъ древлянская земля, сказать княгинѣ Ольгѣ: мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ какъ волкъ, а наши князья добры, распасли древлянскую землю. Чтобы уставить миръ, выходи за мужъ за нашего князя Мала.

— Ну, не знаю!—отвѣчалъ Претичъ задумавшись. Онъ былъ храбрый воинъ, искусный воевода, но когда приходилось вести переговоры, онъ задумывался и не зналъ, что сказать. Какъ то случайно онъ вспомнилъ однако, что княгиня стара, обрадовался этому и сказалъ:—а развѣ вы не знаете, что княгинѣ пятьдесятъ семь лѣтъ отъ роду?

— Не наше это дѣло, — отвѣчалъ старшій посолъ; а мы должны сказать княгинѣ Ольгѣ, что намъ приказано отъ древлянской земли. А еслибъ это наше дѣло было, то я сказалъ бы, что и князь Малъ не молодъ, ему за шестьдесятъ, и замужество тутъ такъ только говорится. Это значитъ, что пусть древлянская земля съ полянами будетъ за-одно, какъ одна земля, какъ мужъ и жена. Это значитъ — мы за миромъ пришли и должны поговорить съ княгиней.

— Княгини здѣсь нѣтъ, — отвѣчалъ Претичъ; — она въ Вышгородѣ, пять дней тому назадъ уѣхала, а вы мимо проѣхали. Если вамъ княгиню нужно, такъ плывите назадъ: всего-то верстъ семь, не больше будетъ.

Посольская лодья отчалила и стала съ большимъ трудомъ на веслахъ подниматься противъ теченія быстраго Днѣпра, а Претичъ, повернувъ коня, быстро поднялся въ городъ, гдѣ ожидалъ его Свѣнельдъ.

— Ну, чего же имъ надо? — спросилъ Свѣнельдъ.

— Княгиню надо, — отвѣчалъ Претичъ; — поѣхали въ Вышгородъ.

— Какъ же ты ихъ выпустилъ, дяденька? — вскричалъ

Свѣнельдъ въ негодованіи: — развѣ можно было выпустить этихъ разбойниковъ?..

— Да вѣдь имъ княгиню надо, — отвѣчалъ простодушный Претичъ.

Свѣнельдъ отвернулся, махнулъ рукой и велѣлъ подать себѣ коня.

Княгиню онъ засталъ на лавочкѣ, въ саду, на самомъ обрывѣ, гдѣ гора начинаетъ круто спускаться къ Днѣпру. Она сидѣла на тепломъ весеннемъ солнышкѣ и любовалась какъ по-немногу Днѣпръ выходилъ изъ береговъ, затоплялъ противуположные низменные луга, захватывая таловые кусты и расходясь все шире и шире.

— Какія-то вѣсти онъ намъ везетъ? — сказала княгиня, услышавъ вдали переливчатые звуки серебрянаго цареградскаго рога. — Сбѣгай, Малуша, скажи сторожамъ гдѣ я, чтобы проводили воеводу прямо сюда.

Малуша была семилѣтняя дочь вышгородской ключницы, и служила на побѣгушкахъ; во время прогулокъ княгини она всегда была съ нею. Рѣзвая дѣвочка вскочила и побѣжала, но невзначай захватила съ собой конецъ нитки отъ клубка, который мотала. Клубокъ выскочилъ изъ корзинки, покатился, полетѣлъ съ обрыва и быстро разматываясь пропалъ въ кустахъ, росшихъ по косогору. Боярыня Люлюша заворчала, разсердилась на рѣзвую дѣвочку и стала толковать о томъ, что нынче уже времена такія пришли, дѣти совсѣмъ отъ рукъ отбились, и, главное дѣло — ничего не помнятъ, старшихъ не уважаютъ, тогда какъ княгиня сама своими руками мотала этотъ клубокъ. Но добродушная княгиня только улыбалась, поглядывала то на прыгавшій подъ гору клубокъ, то на дѣвочку, прыгавшую по садовой дорожкѣ. Свѣнельдъ подошелъ, поцѣловалъ руку княгини и сѣлъ возлѣ нея на скамью.

— Поздравляю, княгиня, съ новымъ счастьемъ, — ска-

залъ онъ весело: древляне прислали намъ сватовъ, сватаютъ нашу вдовую княгиню за своего князя Мала.

— Что ты шутки шутишь, воевода, или они вовсе угорѣли? — спросила княгиня.

— Не шутка это, княгиня, и древляне не угорѣли: это у нихъ такой обычай, убійство мужа прикрывать замужествомъ вдовы, будто бы для того, чтобы ее утѣшить, а также и отместки они боятся, такъ вотъ и прислали пословъ переговариваться, нельзя ли какъ изъ отместки вывернуться. Ихъ надо бы взять, да сюда везти, а воевода Претичъ отпустилъ ихъ водой. Если они не передумаютъ и съ дуру пристанутъ въ Вышгородѣ, то дальше ужь не уйдутъ...

— Ну васъ! — сказала княгиня, махнувъ рукою: — хоть бы мой Вышгородъ не пачкали кровью. Знаю я, Свѣнельдъ, что это нужно, да крови-то я не люблю. Пусть бы они лучше передумали!

— Какъ это можно, матушка-княгиня! — возразила боярыня Люлюша: — око за око — святое дѣло, и ужь я бы ихъ на твоемъ мѣстѣ на мелкіе кусочки вотъ этими своими руками изрѣзала.

— За это я боярыню Люлюшу хвалю, — замѣтилъ Свѣнельдъ, одобрительно кивая головой; — только если матушка-княгиня крови не хочетъ, то мы должны ея волю исполнить. А главное для насъ дѣло — чтобы ни одинъ человѣкъ съ этой лодьи не ушелъ, чтобы въ Коростенъ не подали вѣсти, а то они упрутся и приготовятся. Съ послами тамъ и съ гребцами всего двадцать человѣкъ, такъ всѣхъ сюда надобно...

— Такъ сдѣлаемъ вотъ какъ, — вмѣшалась опять Люлюша, — велимъ ихъ сюда на лодкѣ принесть, будто-бы для важности, да и удавимъ...

— Какая ты гадкая, боярыня! — сказала княгиня: — Ну васъ! дѣлайте какъ знаете, я пойду. Брось ты клубокъ-то, негодная! Еще сама за нимъ подъ гору скатишься! Пойдемъ.

Княгиня ушла, а Свѣнельдъ остался съ боярыней держать совѣтъ. Онъ зналъ, что никто не придумаетъ ничего злѣе того, какъ придумаетъ злая баба. Передъ вечеромъ послы приплыли къ Вышгороду и съ берега послали простаго рыбака сказать княгинѣ, что древлянскіе послы хотятъ съ ней повидаться. Рыбака до княгини не допустили, а боярыня Люлюша велѣла привести въ теремъ троихъ старшихъ пословъ. Такъ и сдѣлалось. Встрѣтила ихъ боярыня, поклонилась имъ чуть не до земли и сказала:

— Господа послы великаго князя Мала! Ваша рѣчь люба княгинѣ Ольгѣ, и въ самомъ дѣлѣ, мужа ей не воскресить. Она хочетъ почтить васъ завтра передъ своими людьми, и когда они придутъ за вами, то велите нести себя въ лодьѣ на рукахъ.

И опять боярыня низко поклонилась посламъ.

Только что они ушли на берегъ, на теремномъ широкомъ дворѣ люди принялись копать большую глубокую яму, такую, чтобы въ ней помѣстилась вся древлянская лодья. Къ утру глубина ямы дошла до полуторы сажени, а земля была отнесена въ сторону. Когда солнце взошло, люди княгини пошли звать пословъ въ теремъ на великую честь, а они заупрямились и отвѣчали:

— Не ѣдемъ мы на коняхъ, ни на возахъ, и пѣшкомъ нейдемъ: несите насъ въ лодьѣ.

На это посланники отвѣчали:

— Мы люди невольные; князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя.

Притащили три большія длинныя жерди и привязали двѣ по концамъ лодьи, одну посрединѣ, за каждый конецъ взялось человѣкъ по семи, и понесли, а послы сидѣли въ лодьѣ и важничали. Въ самомъ дѣлѣ, было изъ-за чего имъ важничать и радоваться. Убіеніе князя должно было повести за собою если не конечное разореніе Коростена, то навѣрное войну,

во всякомъ случаѣ бѣдственную, а тутъ они своимъ посольствомъ покончили все миромъ, да еще вызовутъ къ себѣ въ Коростенъ княгиню, а съ ея сыномъ Святославомъ поступятъ какъ хотятъ. Когда ихъ выносили на широкій дворъ, Люлюша стояла на крыльцѣ и считала, всѣ ли двадцать человѣкъ сидятъ въ ладьѣ. Когда послы были уже надъ ямой, носильщики бросили ихъ: колья переломились, веревки пооборвались и лодка съ людьми упала въ яму. Всѣ упавшіе жестоко ушиблись и стонали тамъ внизу, вылѣзая одинъ изъ подъ другаго. Въ тоже время сильная стража окружила яму и человѣкъ двѣсти мужиковъ явились съ лопатами. Вмѣстѣ съ ними подошла и боярыня Люлюша и нагнувшись къ нимъ, спросила довольны ли они честью? Послы отвѣчали:

— Охъ! хуже намъ Игоревой смерти!

Тутъ двѣсти лопатъ земли съ каменьями полетѣли въ яму, тотчасъ же еще двѣсти, еще, еще, и скоро не стало слышно стоновъ: всѣ, и послы, и ихъ гребцы, были засыпаны землею, и далеко еще было до обѣда, какъ на мѣстѣ ямы поднялся порядочный бугоръ земли.

— Осквернилъ ты мой милый Вышгородъ! — говорила послѣ Ольга Свѣнельду: — Не въѣду я и не войду на широкій дворъ впредь никогда, а буду подъѣзжать изъ саду, къ малому крыльцу.

— Пойми ты, княгинюшка, что это надо было, — отвѣчалъ воевода. Надо было примѣръ показать, надо, чтобъ и здѣшніе люди знали каково бываетъ за такое великое злодѣяніе.

— Знаю все, вѣрю, — отвѣчала княгиня; — а ужь воля твоя, и окошки эти велю задѣлать, чтобы не видать этого бугра: все мнѣ будетъ казаться, что бѣдняки тамъ ворочаются и поднимаютъ землю.

Воевода засмѣялся, улыбнулась и боярыня Люлюша. Въ тѣ суровыя времена жизнь человѣческая цѣнилась ни во что,

и женщины были также суровы какъ мужчины. Если бы отъ имени княгини не было совершено очень многихъ убійствъ въ отместку за смерть мужа, то, по тогдашнимъ нравамъ, это было бы все равно какъ теперь по покойникѣ не отслужить надлежащаго числа панихидъ. Это было нужно, княгиня это знала, не мѣшала Свѣнельду и боярынѣ распоряжаться такъ, какъ требовалъ обычай, но ея мягкая душа возмущалась противъ жестокости, даже необходимой. И этимъ еще дѣло не кончилось.

Въ тотъ же день отправилось въ древлянскую землю посольство будто бы отъ княгини Ольги; а послалъ его Свѣнельдъ. Онъ велѣлъ посламъ сказать въ Коростенѣ:

— Если точно вы хотите меня, княгиню, взять за вашего князя, то за такимъ великимъ дѣломъ присылать надо и людей великихъ, выбрать первыхъ людей изо всей древлянской земли. Кіевъ меня отпуститъ съ великимъ почетомъ, только надо, чтобъ и сваты отъ васъ пришли самые почетные. Безъ этого Кіевъ меня не отпуститъ.

Собрались коростенскіе люди, потолковали, выбрали сорокъ лучшихъ мужей и послали къ Ольгѣ съ подарками. Опять въ Кіевъ пришло древлянское посольство, но Свѣнельдъ уже не послалъ ихъ въ Вышгородъ, а распорядился самъ: истопили баню, позвали гостей мыться и сожгли вмѣстѣ съ баней. Послѣ того Свѣнельдъ послалъ сказать жителямъ Коростена, все-таки отъ имени Ольги:

— Иду къ вамъ; наварите побольше меду, я поплачу надъ могилою мужа и отпраздную тризну.

Черезъ нѣсколько дней къ Коростену приплыло съ десятокъ кіевскихъ лодокъ, въ передней, разубранній по-цареградски паволоками и золотымъ шитьемъ, ѣхала княгиня Ольга въ длинномъ бѣломъ вдовьемъ одѣяніи, и съ ней боярыни и дѣвушки; въ другихъ лодкахъ были отроки, но немного, такъ что поѣздъ въ самомъ дѣлѣ былъ какъ будто

свадебный. Князь Малъ встрѣтилъ Ольгу на пристани съ поклонами и проводилъ ее на лѣсную опушку, на то мѣсто, гдѣ зарыто было тѣло Игоря. Княгиня поплакала и велѣла на могилѣ насыпать высокій курганъ. Когда это было сдѣлано, началось празднество, именуемое тризной. Граждане Коростена усѣлись на курганѣ и стали пить, а отроки княгини Ольги имъ служили, наливали вино. А между тѣмъ въ лѣсу, одѣтомъ уже лѣтнею зеленью, скоплялись другіе люди: они выходили изъ лодокъ далеко отъ Коростена и лѣсомъ пробирались къ тому мѣсту, гдѣ на высокомъ курганѣ коростенцы пировали въ память покойника и упивались. Въ лѣсу былъ самъ Свѣнельдъ; по его строгому приказу, воины расходились по мѣстамъ не говоря ни слова, и сотники шопотомъ отдавали приказаніе, какъ и кому становиться. Когда гости опьянѣли, отроки княгини стали кланяться и пить за ихъ здоровье; тогда княгиня сѣла на лошадь и поѣхала съ своими женщинами черезъ лѣсъ къ рѣкѣ. Тутъ раздался на опушкѣ звонкій серебряный рогъ и двѣ тысячи воиновъ бросились бѣгомъ, чтобы пьянымъ жителямъ отрѣзать дорогу въ городъ. Княгиня ударила плетью свою лошадь, чтобы поскорѣе удалиться отъ побоища, но Свѣнельдъ съ отборною дружиной ее догналъ, а позади ихъ раздавались свирѣпые клики воиновъ и хрипѣніе убиваемыхъ пьяныхъ древлянъ. Обильно политъ былъ кровью курганъ князя Игоря: въ него впиталась кровь изъ пяти тысячъ человѣческихъ тѣлъ. Боярыня Люлюша не смѣла отстать отъ княгини, но почасту оглядывалась, любуясь на избіеніе. Она радовалась, потому что этотъ пиръ былъ ея выдумкою.

— А не забылъ ты, воевода, — сказала она: — велѣть намъ привезти женихову голову?

— Молчи, волчиха!—вскричала разгнѣванная княгиня и опять ударила плетью по лошади. Торопливо сѣла она въ первую попавшуюся лодку; боярыни поспѣшили за нею, и

уже давно кончилось побоище, давно плыли онѣ по теченію; невозмутимая тишина воцарилась кругомъ, и овсянки, празднуя весну, спокойно распѣвали среди свѣжей зелени, а въ ушахъ княгини все раздавался гулъ голосовъ двухъ-тысячной свирѣпой толпы, и этотъ гулъ вдругъ прорѣзывался чьимъ-то ужаснымъ визгливымъ воплемъ. И всю дорогу, вплоть до Кіева, княгиня не говорила ни слова. И напрасно старалась она всматриваться въ бѣлыя облачка, вслушиваться по ночамъ въ первые запѣвы соловья, а днемъ въ томное воркованье горлицъ по лѣсистымъ берегамъ: чуть только забудется немного—опять въ ушахъ стоитъ гулъ толпы и чей-то страшный вопль, надрывающій душу.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, Свѣнельдъ началъ-было готовить войско, чтобы идти воевать всю древлянскую землю; но княгиня ни за что не хотѣла согласиться, и споръ продолжался довольно долго.

— Нельзя такъ этого дѣла оставить, — говорилъ усердный воевода:—древляне вовсе отъ рукъ отобьются, дани платить не станутъ, и тогда нашимъ товарамъ изъ Новагорода, изъ Смоленска, изъ Полоцка проходу не будетъ. Этого такъ оставить нельзя; этакъ все владѣніе врозь пойдетъ, и то, что Олегомъ княземъ собрано, разсыплется прахомъ.

— Давно ты меня знаешь, Свѣнельдъ? — спросила наконецъ княгиня строго и сурово.

— Знаю съ тѣхъ поръ, какъ я вернулся отъ угличей, изъ-подъ Пересѣчена, — отвѣчалъ воевода.

— А видалъ ты, умѣетъ княгиня Ольга на своемъ поставить, когда захочетъ? — продолжала она.

— Я, матушка-княгиня, войску велю разойтись, — весело отвѣчалъ Свѣнельдъ: — я, матушка-княгиня, это такъ только сказалъ, и воевать древлянъ вовсе не надо; а вотъ если бы медку велѣть подать вышгородскаго, такъ это я могу.

— То-то, упрямая голова! — сказала съ обычною ласко-

востью своею княгиня, и тотчасъ велѣла маленькой Малушѣ бѣжать къ большой, велѣть подать свѣнельдовскаго меду.

— Все лѣто этого года (945 г.) княгиня Ольга спокойно провела въ Вышгородѣ, окруженная своими боярынями и дѣвушками. Лѣто было время неудобное для важныхъ дѣлъ, напр. для объѣзда земли: множество рѣкъ, озеръ и болотъ во владѣніяхъ Ольги мѣшали обыкновенной ѣздѣ на лошадяхъ, потому что переправъ не было, мостовъ не было, и всякій родъ жилъ еще самъ по себѣ. Зимою, напротивъ, вездѣ дорога, вездѣ черезъ рѣку готовая переправа и болота не мѣшаютъ проѣзду. Къ тому-же и въ Вышгородѣ не мало было дѣла: прежде всего нужно было присматривать за ученьемъ Святослава, смотрѣть, чтобы его кормилецъ Асмудъ не спускалъ глазъ съ своего питомца, чтобы не давали ему подъ верхъ слишкомъ горячихъ коней, чтобы не плавалъ онъ въ слишкомъ быстрыхъ мѣстахъ Днѣпра. Святославъ грамотѣ не учился, потому что это было не нужно, да и мало кто зналъ въ то время на Руси, что такое грамота. За то, готовясь быть владѣтелемъ великой русской земли, онъ обучался всему тому, что дѣлало неутомимаго и храбраго воина. Бѣдная княгиня бывала по этому въ великомъ затрудненіи. Ея мягкая душа совѣтовала ей дать Святославу и воспитаніе мягкое, и въ то же время она знала, что владѣтелю такой великой земли нужно быть готовымъ и отразить безпокойнаго сосѣда, и покарать непокорнаго, и нагнать страхъ на людей, которые не захотятъ платить дани. Шестилѣтній Святославъ, поэтому, садился на степнаго коня, только что приведеннаго съ Хопра, отъ печенѣговъ, и управлялъ имъ какъ старый воинъ; онъ переѣзжалъ черезъ Днѣпръ одинъ, въ маленькомъ челнокѣ, и раззорялъ птичьи гнѣзда въ прибрежныхъ кустахъ; онъ умѣлъ уже стрѣлять изъ маленькаго лука и металъ легонькое тростниковое копье и почти всякій разъ попадалъ въ цѣль. По седьмому году Асмудъ хотѣлъ взять его на охоту, посмотрѣть

какъ люди одолѣваютъ дикаго звѣря, но княгиня неохотно на это соглашалась.

— Погодите вы, кровопійцы, — говорила она нерѣшительно: — успѣетъ еще онъ насмотрѣться на кровь, когда подростетъ; а что онъ теперь? младенецъ неразумный, и если съ этихъ поръ привыкнетъ проливать кровь, то что-же это будетъ, какъ онъ выростетъ?

Святославъ слышалъ эти послѣднія слова, когда возвращался, отъискавъ залетѣвшую далеко мимо цѣли стрѣлу, и сказалъ:

— Я, мама, ужъ умѣю проливать кровь: вчера мнѣ отроки зайченка принесли, а я въ него такъ ловко попалъ стрѣлой, что тутъ и растянулся. Спроси дядьку Асмуда.

— Тутъ не кровь важна, княгиня, а опасность, — отвѣчалъ Асмудъ; — кровь тутъ ни причемъ, а намъ нужно, чтобы онъ привыкъ къ опасности, чтобы въ когтяхъ у звѣря онъ дышалъ такъ-же спокойно, какъ у матушки за обѣдомъ, чтобъ и тогда съумѣлъ сообразить какъ ему извернуться. Вѣрь ты мнѣ, матушка-княгиня: — вся наша жизнь въ томъ и проходитъ, чтобы такъ или иначе изъ чьихъ нибудь когтей вывертываться; а кто успѣваетъ? Конечно только тотъ, кто не потеряется, стало быть кто къ опасному положенію привыкъ.

— Вотъ и видно, что Святославъ тебѣ чужой,—возразила испуганная княгиня, — что ты такъ легко говоришь про звѣриные когти.

— Эхъ, матушка-княгиня! Да вѣдь я самъ тутъ буду и сколько еще народу будетъ, который и къ опасности привыкъ, и рогатиной владѣть умѣетъ, и мечомъ....

— Ой, не говори ты объ этакихъ страстяхъ!

— Неужли-же я, матушка-княгиня, не уберегу своего питомца? Онъ у меня будетъ на охотѣ также точно безопасенъ, какъ у тебя въ теремѣ, только, конечно, знать этого

не будетъ. Не такія нынче времена, княгиня, чтобы владѣтель такой большой земли, какъ земля русская, могъ сидѣть спокойно, сложа руки. Народъ становится бурливъ, непокоренъ; вонъ древляне убили князя, а тамъ пожалуй Новгородъ скажетъ, что онъ знать не хочетъ Кіева, а тамъ Любечь отложится.... Охотники найдутся; вонъ въ Полоцкѣ Рогволодъ пожалуй возьметъ и Любечъ, и Смоленскъ, онъ это любитъ... Вѣдь оно и жалко будетъ, какъ питомецъ мой Святославъ обѣднѣетъ, и не на что ему будетъ нитки жемчугу купить молодой женѣ, какъ выростетъ, да вздумаетъ жениться.

— Я и не говорю, что не надо, — оправдывалась княгиня, въ самомъ дѣлѣ напуганная мыслью, что ея сынъ изъ богатаго владѣльца многихъ земель, сдѣлается бѣднякомъ,— только, я говорю, спѣшить-то некуда. Послушай, вѣдь ему седьмой годъ!...

— Самая пора и есть,—отвѣчалъ неуклонный Асмудъ:— какъ къ хлѣбу надо привыкать съ малыхъ лѣтъ, такъ надо привыкать и къ опасности. Можно и послѣ привыкнуть, я знаю, только это будетъ не то: видали мы это мужество напускное въ Сициліи, какъ служили въ цареградскомъ войскѣ, только оно не то: это будто личина на человѣкѣ, а не самъ человѣкъ. А личина, всѣмъ извѣстно, дѣло непрочное, иной разъ и спадаетъ. Кровь! Что такое кровь? Это красная вода, больше ничего. Къ крови-то онъ у меня привыкъ: всякій разъ водилъ я его смотрѣть перуновы жертвоприношенія, особенно когда рабовъ побольше рѣжутъ: это онъ ничего, привыкъ, а мнѣ теперь опасности нужны для моего питомца. Какой-же я кормилецъ послѣ этого буду, если объ этомъ не позабочусь? И вотъ осень подойдетъ, такъ уже ты, матушка-княгиня, намъ не препятствуй, на медвѣдей походимъ; а покамѣстъ, до осени, поглядимъ тутъ по близости кабановъ, а то такъ и волковъ посмотримъ: твои-же стада отъ волковъ убавляются...

Вторая великая забота княгини Ольги было хозяйство. Она устроила свой Вышгородъ какъ богатую игрушку, любила и берегла своихъ пчелъ, свои стада, своихъ рабочихъ, и крѣпко смотрѣла, чтобы ея люди жили въ достаткѣ, ни въ чемъ не нуждались и не упускали хозяйской работы. Во все она входила сама, хотѣла все видѣть своими глазами; хорошіе работники любили ее, дурные боялись, хотя самая большая угроза въ устахъ княгини состояла въ томъ, что она продастъ виноватаго въ Царьградъ. Она любила посмотрѣть и на всходы овса, и любовалась васильками во ржи, и нерѣдко своими руками набирала незабудокъ, и приносила въ теремъ большія связки цвѣтовъ. Съ нею постоянно были боярыни, жены кіевскихъ воеводъ; между ними она особенно отличала Тану, жену воеводы Блуда. Это была веселая, бойкая боярыня, которая своею болтовней умѣла иногда разсѣять задумчивость Ольги. Другую боярыню, Люлюшу, она не очень-то любила, но терпѣла и ласкала потому, что ея мужъ, тяжолый, угрюмый воевода Асмудъ занималъ важное мѣсто: онъ былъ кормильцемъ единственнаго сына ея Святослава. Боярыня Лада, кроткая жена Свѣнельда, рѣдко бывала въ Вышгородѣ и жила почти постоянно въ своемъ богатомъ кіевскомъ домѣ, но два сына ея, Лютъ и Мистиша, постоянно были при княгинѣ и старшій изъ нихъ, Лютъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти былъ начальникомъ особой княгининой дружины. Наѣзжала еще въ Вышгородъ, и нерѣдко, боярыня Стрекоза, младшая изо всѣхъ, жена Претича, молодаго воеводы. Но она являлась больше для того, чтобы поразсказать кіевскія новости или показать новые товары, привезенные изъ Цареграда, и пока не доходила до княгини, успѣвала вдоволь наговориться съ боярынями, а то такъ съ ключницей Малушей, и уѣзжала домой, чтобы тамъ знакомымъ разсказать подробно что дѣлается въ Вышгородѣ.

Вотъ однажды среди лѣта пріѣхала она въ Вышгородъ, и

съ нею армянскій купецъ съ большимъ возомъ цареградскихъ товаровъ, а княгиня съ Малушей въ это время была на пасѣкѣ. Боярыня Стрекоза боялась пчелъ да и неловко было везти на пчельникъ товары. Въ ожиданіи княгини, она разговорилась съ Таной и Люлюшей, и усердно работала языкомъ.

— Нѣтъ, боярыни, посудите, каковъ нашъ Свѣнельдъ! Какой дерзкій! Пріѣхалъ этотъ армянинъ къ Кіеву и заявилъ тіуну, какъ слѣдуетъ, что товары у него прямо изъ Цареграда, такіе-то и такіе-то. Ну, понятное дѣло, въ такую пору гость прямо изъ Цареграда — дѣло дорогое, всякій ему радъ, потому что вѣдь вы знаете, по нашимъ глупымъ договорамъ, русскимъ купцамъ зимовать тамъ не позволяется, приходятъ они туда весной, уходятъ позднею осенью, и тогда у насъ товаровъ куча; а вотъ теперь-то они и дороги, когда ихъ вовсе нѣтъ. Набралось на пристани народу, грековъ этихъ цѣлая толпа, разспрашиваютъ про своихъ, и изъ нашихъ сестеръ кое-кто; признаться сказать, пошла и я. Мнѣ-то немного и нужно: хотѣлось подобрать немного жемчугу къ тѣмъ поднизямъ, что въ прошломъ году у грека купила, потому что неровны вышли жемчужины, которыя противъ лѣвой брови приходятся: вотъ Тана видѣла, ни на что не похожи. Спустилась я съ горы, подхожу къ лодкѣ, а со мной отрокъ. Ну, народъ видитъ кто такая идетъ, разступается, даетъ дорогу, все это какъ слѣдуетъ, ничего, хорошо. Глядь въ лодку, а тамъ Свѣнельдъ ужъ хозяйничаетъ: сидитъ не хуже того, какъ покойный князь Игорь сиживалъ, а армянинъ передъ нимъ разсыпается, ту паволоку развернетъ, другую развернетъ, третью, сколько его душенькѣ угодно. И что я тамъ видѣла, боярыни, такъ это и повѣрить нельзя: паволока — шелкъ, такого цвѣту вотъ какъ на травѣ звонцѣ цвѣтъ бываетъ; это если глядишь прямо; а повернешь немного, такъ цвѣтъ другой, зарей утренней отдаетъ, и по этому-то

полю все львиныя пасти того-же цвѣта, только немножко потемнѣй. Еще повернешь этакъ бокомъ въ другую сторону— опять другой цвѣтъ, и львиныя пасти будто ужъ посвѣтлѣй. Залюбовалась я, глядя на этотъ уборъ; ничего бы, кажется, за него не пожалѣла: красота! А Свѣнельдъ — не онъ-ли ужъ у насъ князь на Руси? — свернулъ, отложилъ. Хорошо, думаю, что-то дальше будетъ? А онъ смотритъ еще, да все говоритъ: ты мнѣ дряни-то не показывай, а что лучше давай! Отложилъ пять кусковъ и спрашиваетъ: А лучше есть? Смотри! Помнишь меня?.. Ну, стало быть отобралъ все, что было лучше. Сталъ послѣ перебирать кубки. Ему, пьяницѣ, это главное дѣло: выбралъ большущій стеклянный, а подъ нимъ дно съемное серебряное и крышка серебряная, а на ней звѣрь заморскій сдѣланъ страшный такой, языкъ крючкомъ высунулъ. Взялъ еще чару небольшую, серебряную. Чтоже вы думаете? Вѣдь и до жемчугу добрался, пересыпаетъ его какъ песокъ! Ужъ эти мужчины! Ничего они въ нашихъ дѣлахъ не понимаютъ, а тоже суются. Отобралъ сколько то тамъ, я ужъ не доглядѣла, да и не хотѣлось мнѣ очень-то всматриваться, чтобы чего не подумалъ. Всталъ, да и велѣлъ нести все къ себѣ. И прощайте, и дѣлу конецъ. Это гдѣ же у насъ законъ и послѣ этого кто же у насъ князь? Сказанъ законъ: со всякой лодки отбирается на князя столько-то, и князь или теперь княгиня, оборышей себѣ не возьметъ, извѣстное дѣло. Неси, говоритъ, ко мнѣ! Отрокъ взялъ и понесъ. Ужъ я хотѣла ему поклониться и сказать: батюшка князь! И насъ мелкихъ людишекъ твоихъ не забудь! Да удержалась, не сказала, чтобы чего нибудь послѣ не вышло. А мужъ мой все говоритъ, что я никогда не умѣю удержаться. Нѣтъ, мы тоже смекаемъ кое-что, и чего не надо, не скажемъ! Вотъ, велѣла я армянину взять лучшій товаръ, что осталось, да княгинѣ и привезла.

— Душенька Стрекоза! Посмотримъ теперь, пока княгиня не воротилась! — сказала Тана.

— Нельзя, какъ можно! А вдругъ княгиня войдетъ, и не хорошо будетъ.

— Чтоже тутъ худаго? — замѣтила Люлюша; — мы станемъ все раскладывась, будто для нея приготовляемъ, а покамѣстъ и посмотримъ на-досугѣ и выберемъ.

— Выбирай сколько хочешь, — замѣтила Стрекоза, — а ужъ не будешь носить того, что досталось Ладѣ Свѣнельдовой. И куда ей, этакой пучеглазой?..

Княгиня застала своихъ боярынь за раскладываньемъ дорогихъ паволокъ и сама занялась нѣсколько времени цареградскими товарами. Боярыни наперерывъ хвалили то, что она себѣ выбирала, и Стрекоза не вытерпѣла, замѣтила, что все это очень хорошо, только все-же не такъ, какъ паволоки Лады Свѣнельдовой, и на разспросы княгини повторила свой разсказъ о Свѣнельдовомъ незаконномъ поступкѣ на армянской лодкѣ. Княгиня выслушала все до конца и призадумалась. Не нарядовъ ей было жалко, потому она о нарядахъ мало и думала; она соображала, не слишкомъ-ли много милостей оказываетъ она Свѣнельду и не сталъ-бы народъ по этому говорить какихъ нибудь пустяковъ. Люлюша Асмудова поспѣшила вставить ядовитое словцо:

— Не наше это дѣло, — сказала она, — и пусть Свѣнельдъ дѣлаетъ что хочетъ, только вѣдь мы любимъ тебя, матушка-княгиня, и больно нашему сердцу, что княгинѣ приходится оборыши выбирать послѣ какой нибудь новгородской красавицы.

Боярыня позабыла, что онѣ втроемъ, до прихода княгини, отложили себѣ по два лучшіе куска. Княгиня еще больше задумалась, потому что ядовитыя слова дѣйствуютъ на всѣхъ, особенно на добрыхъ, довѣрчивыхъ людей, которые никогда не подозрѣваютъ, чтобы кто нибудь съ намѣреніемъ подли-

валъ яду. Ольга давно, болѣе двадцати лѣтъ любила Свѣнельда и отличала его какъ самаго усерднаго изъ княжихъ мужей, и ей непріятно было подумать, что человѣкъ, пользовавшійся полнымъ ея довѣріемъ, сдѣлалъ такое мелкое, дрянное дѣло, для жены, которую онъ давно уже не любитъ. — Обѣдъ прошелъ скучно, а боярыни все понемногу подливали яду въ разстроенную душу княгини, такъ что она вышла изъ-за стола и готовилась идти отдыхать голодная и сердитая. Какъ на зло въ это время раздался въ дали звонкій голосъ серебрянаго рога. Княгиня вся вспыхнула: обобранная хозяйка и оскорбленная женщина готовилась дать страшный урокъ человѣку, который осмѣлился ее обмануть. Она стояла посреди горницы спиной къ боярынямъ, а онѣ переглядывались между собою; боярыня Люлюша улыбалась злобно, какъ лисица, когда она смотритъ на беззащитнаго тетеревенка, притаившагося въ травѣ.

Свѣнельдъ вошелъ въ горницу шумно, какъ всегда, и сказалъ:

— Повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Прости княгиня, опоздалъ къ обѣду.... Но онъ замѣтилъ гнѣвный взглядъ княгини и остановился, съ недоумѣніемъ смотря то на нее, то на молчаливыхъ боярынь, которыя кусали себѣ губы.— Что такое случилось, княгиня? Говорите-же кто нибудь! — сказалъ бояринъ.

— Меня обокрали, — отвѣчала княгиня, гнѣвно смотря ему въ глаза.

— Какъ? кто? Чего-же смотритъ Лютъ? А Малуша чего смотритъ?

— Нѣтъ, воевода, не то! Въ Кіевѣ меня вчера обокрали и украли не паволоки, не жемчугъ, не чары, человѣка у меня украли... Я ему вѣрила, а теперь не вѣрю...

— Кто измѣнилъ тебѣ, княгиня?—спросилъ Свѣнельдъ, начиная что-то подозрѣвать.

— Иди обѣдать съ дружиной, бояринъ Свѣнельдъ,—сказала спокойно Ольга.

— Хорошо, матушка-княгиня, пойду, не безпокойся,—отвѣчалъ нѣсколько испуганно бояринъ:—тебѣ видно, нездоровится: уйду, уйду! Вели только Малушѣ убрать тутъ у дверей: я привезъ цѣлый ворохъ цареградскаго товара.

— Стой, Свѣнельдъ! не уходи! Какого товара? —спросила радостно княгиня.

— Такъ, кое-что я вчера тебѣ отобралъ у армянина купца.

— Показывай! показывай скорѣе! —повторила княгиня въ такомъ гнѣвномъ нетерпѣніи, что воевода удивился: никогда онъ не видывалъ, чтобы Ольгу такъ занимали наряды.

— Такъ, такъ, —говорила она, любуясь на ткани: — львиныя пасти, и отливаетъ тремя цвѣтами. Такъ, вотъ эта съ мелкой травкой. Такъ, на крышкѣ звѣрь заморскій серебряный, и еще маленькая чара... Голубчикъ Свѣнельдъ! Мнѣ на тебя эти бѣлобокія птицы наговорили,—сказала княгиня, показывая головой на боярынь.

— Эхъ, княгинюшка! Неужли ты меня со вчерашняго дня знаешь, что послушала сорокъ!

Съ этихъ поръ всѣ три боярыни, не любившія Свѣнельда и раньше, сдѣлались его заклятыми врагами, а чрезъ нихъ и мужья ихъ, трое воеводъ, стали замышлять, какъ-бы отъ любимца избавиться. А это было не трудно. Воевода всякій день ѣздилъ въ Вышгородъ, и хотя отъ Кіева это всего семь верстъ, но изъ нихъ не меньше половины шло лѣсомъ. Свѣнельдъ ѣздилъ чаще всего одинъ, вооруженъ былъ только мечомъ, щита почти никогда не бралъ, такъ что прикрывала его только кольчуга да тяжелый шеломъ, а въ дружинахъ было много людей, не любившихъ воеводу за разные приговоры, большею частію справедливые, но иногда и слишкомъ торопливые. Такъ, напримѣръ, года за

три передъ тѣмъ вышелъ такой случай. Въ дружинѣ Свѣнельда былъ всякій народъ, и люди любили у него служить, потому что работы было много, да за то и доставалась за работу знатная добыча. Третья часть дани шла всегда воеводѣ и дружинѣ, за самую работу на полюдьѣ. Изъ этой части Свѣнельдъ бралъ себѣ очень мало, почти все отдавалъ на дружину, тогда какъ другіе воеводы брали себѣ половину, иногда и больше, а воинамъ оставалось не много. По этому дружина и берегла, и любила Свѣнельда, и богатѣла. Однажды, на полюдьѣ гдѣ-то, близь Шексны, поссорились два воина Куртъ и Гринъ съ двумя другими, Острикомъ и Урсикомъ, и всѣ четверо, окровавленные, пришли къ нему судиться. По обычаю, прежде всего надо выслушать свидѣтелей; но свидѣтелей не было. По тому-же обычаю, можно было обвинить чужеземца, варяга, только по показаніямъ семерыхъ свидѣтелей, а для обвиненія славянина довольно было двухъ. Куртъ и Гринъ считали себя чужеземцами, и хотѣли воспользоваться своимъ правомъ, чтобъ обвинить своихъ противниковъ. Но воевода не хотѣлъ ихъ признать варягами.

— Нѣтъ воевода, это несправедливо,—говорилъ на судѣ Куртъ;—мой отецъ былъ коренной варягъ; мой дѣдъ изъ варяжской земли съ княземъ Рюрикомъ вышелъ, такъ какой-же я славянинъ?

— Мой отецъ, — прибавилъ Гринъ,—нанялся служить князю Олегу, и этому нѣтъ и тридцати лѣтъ: мы какъ есть варяги, и по закону вдвоемъ можемъ свидѣтельствовать, что ссору и драку затѣялъ Острикъ.

— Постой, погоди! — сказалъ Свѣнельдъ: — Кого изъ васъ прежде ударилъ Острикъ? Тебя? Хорошо; а свидѣтели этому были кто-же? Надо двоихъ. Онъ, а еще кто? Ты-же? Нѣтъ, братъ, такого закона нѣтъ. А еслибъ и былъ, такъ вы у меня дружина, и я знать не хочу здѣсь кто откуда. И какіе вы варяги? Развѣ вы варяги? Вы—гуси: своему вое-

водѣ выдумали законъ показывать! Тутъ, братъ, на полюдьѣ, одинъ законъ: воевода. А чтобы вы меня другой разъ не вздумали закону учить, рѣшено вотъ такъ: все, что досихъ поръ на вашу долю досталось, дѣлится дружинѣ, а Урсикъ съ Острикомъ по третьей долѣ своего добра отдадутъ вамъ: пусть другой разъ съ гусями не дерутся. Пошли вонъ! Буслай, присмотри, чтобы такъ и было сдѣлано.

Послѣ этого приговора, обиженная сторона осталась недовольна, и Гринъ съ Куртомъ перешли на службу въ дружину воеводы Претича. Но и тамъ за ними осталось данное Свѣнельдомъ прозвище, гуси, а за это Гринъ и Куртъ считали своего прежняго воеводу своимъ злѣйшимъ врагомъ.

Въ дружинѣ Асмуда было тоже человѣка два-три сердитыхъ на Свѣнельда, въ дружинѣ Блуда тоже, а когда стало слышно, что бояре перессорились съ Свѣнельдомъ, то на днѣпровскомъ берегу, а иногда тоже у Аскольдовой могилы стали иногда собираться человѣкъ по пяти, по шести дружинковъ или мечниковъ боярскихъ; всякій разъ являлись между ними *гуси* и о чемъ-то подолгу они толковали. Сначала думали они, что съ воеводой надо покончить на охотѣ и свалить вину на медвѣдя; но Свѣнельдъ ѣзжалъ на охоту всегда съ своею дружиной, и чужому человѣку труднѣе было подобраться къ нему, чѣмъ медвѣдю, потому что дружина стояла за него горой. Потомъ рѣшили подстеречь его въ лѣсу, на дорогѣ въ Вышгородъ, и напасть шестерымъ богатырямъ съ обѣихъ сторонъ, потому что биться съ нимъ одинъ-на-одинъ никто не смѣлъ. Куртъ и Гринъ отобрали самыхъ сильныхъ людей изо всѣхъ на него сердитыхъ, и оставалось только выбрать день. А Свѣнельдъ, конечно, ничего этого не зналъ, и ѣздилъ въ Вышгородъ попрежнему, когда хотѣлъ или когда было нужно.

Вотъ однажды и случилось, что Мистиша, второй сынъ Свѣнельда, былъ за какимъ-то дѣломъ въ Кіевѣ и кстати за-

ѣхалъ къ отцу Порфирію, священнику въ греческой церкви Св. пророка Иліи, чтобъ отъ него привезти Катеринѣ, любимой сѣнной дѣвушкѣ княгини, маленькій хлѣбецъ, изъ котораго всегда вырѣзанъ былъ треугольный кусочекъ: Катерина всегда такъ рада бываетъ такому хлѣбцу и такъ сердечно за него благодаритъ молодаго богатыря. На бѣду, отца Порфирія не было дома: ушелъ съ дарами къ какому-то больному, какъ сказала попадья. День былъ жаркій, и Мистиша радъ былъ немного отдохнуть, полежать подъ густыми поповскими яблонями и дождаться хлѣбца. Рядомъ, за церковнымъ домомъ, была Аскольдова могила, и съ той-то стороны, лежа въ кустахъ, услышалъ богатырь тихій говоръ:

— Никогда онъ раньше обѣда не поѣдетъ, — говорилъ одинъ голосъ.

— Не бывалое дѣло, чтобы онъ уѣзжалъ поутру. Пожалуй завтра еще не поѣдетъ,—говорилъ другой.

— Это уже все равно, только главное дѣло, чтобы прежде всего четыре стрѣлы въ коня. Если буланый не свалится, то все равно, трудно ему будетъ съ нимъ справиться. Тутъ и выскочимъ.....

Дальше голоса стали говорить вовсе шопотомъ, потомъ послышались чьи-то шаги и все смолкло. Мистиша, какъ лежалъ, закинувъ себѣ руки за голову, такъ словно окаменѣлъ.

— Неужели это на отца замышляютъ? — думалъ онъ; — буланка, это одна только лошадь изо всѣхъ, которая почти всякій день бываетъ въ Вышгородѣ, отцовская лошадь, купленная у Итильскаго купца и выведенная откуда-то издалека, изъ арабскихъ земель. И вотъ была-бы слава великая, еслибъ онъ, молодой богатырь, ростомъ и дородствомъ весь въ отца, только еще не знаменитый никакимъ ратнымъ дѣломъ, побилъ отцовскихъ недруговъ, а сколько ихъ тамъ, двое, трое или четверо, все равно!

Крѣпко призадумался объ этомъ Мистиша, и не слышалъ, какъ попъ Порфирій вернулся домой и вышелъ въ садъ.

— А, добрый молодецъ,—сказалъ священникъ;—вѣрный посолъ чистой голубки нашей изъ Вышгорода! Ай заснулъ, умаялся? Готовъ, готовъ у меня хлѣбецъ: вотъ лежитъ въ горницѣ подъ образомъ, завернутъ въ чистый платъ. Вези, мой сынъ, вези, и пусть со временемъ и тебя осѣнитъ благодать Господня.

Какъ поднялся Мистиша, какъ онъ спряталъ хлѣбецъ, любимый Катериной, какъ онъ доѣхалъ до Вышгорода, этого ничего онъ не помнилъ. Катерина какъ будто разбудила его, когда стала благодарить. Онъ встрепенулся, но она замѣтила, что онъ самъ не свой.

— Что ты, Мистиша? Какъ будто у тебя что-то тяжелое есть на душѣ: никогда я тебя такимъ хмурымъ не видала. Что случилось?

— Ничего не случилось, голубка моя,—отвѣчалъ молодой человѣкъ и тряхнулъ головой, какъ будто сбрасывалъ съ себя какую-то тяжесть.

— Неправда, неправда,—вскричала Катерина и схватила его за руку, чтобъ онъ не ушелъ:—развѣ ты думаешь, что меня можно обмануть, когда я тебя люблю... какъ брата? Говори, что случалось?

Любящая женщина уговорила его признаться, что онъ задумалъ на завтра великій и опасный подвигъ, чтобы спасти жизнь отца. Но въ чемъ было дѣло, молодой богатырь никакъ не хотѣлъ сказать.

— На такое дѣло я тебя благословляю, мой голубь! — сказала Катерина; — только-бы чистое дѣло было, и Богъ тебѣ поможетъ; если къ тому моя грѣшная молитва угодна будетъ Богу, то и она прибавитъ тебѣ силы за троихъ. Съ Богомъ, мой милый, мой голубь...

На другой день задолго до обѣда Мистиша пріѣхалъ въ

Кіевъ къ отцу; а тому подвернулось много дѣла: онъ судилъ на княжескомъ дворѣ, и были дѣла, которыхъ нельзя было отложить. Этимъ воспользовался Мистиша: онъ надѣлъ отцовскую кольчугу, тяжелый отцовскій шеломъ, повязалъ его мечъ и нѣсколько разъ вынималъ его изъ ноженъ и помахивалъ имъ, примѣняясь къ его тяжести; не забылъ надѣть и серебряный рогъ. Осѣдлавъ буланку, онъ проворно поѣхалъ по вышгородской дорогѣ и скоро въѣхалъ въ лѣсъ. Арабскій конь былъ и красивъ, и быстръ, и послушенъ, такъ что жалко стало коня молодому богатырю.

— Но, думалъ онъ, дѣлать нечего, если только конемъ придется заплатить за отцовскую жизнь, такъ оно будетъ еще не дорого. Надо только соскочить съ коня во время, а то пожалуй упадетъ неловко, ногу придавитъ, тогда заколятъ какъ поросенка. И что скажетъ Лютъ, когда узнаетъ, какъ я бился? И какъ встрѣтитъ меня Катерина? У ней такіе большіе сѣрые задумчивые глаза...

Вдругъ взвыла въ лѣсу тетива, другая, третья: богатырь соскочилъ съ коня и выхватилъ мечъ. Раненый конь взвился на дыбы, и помчался по знакомой дорогѣ, а изъ придорожныхъ кустовъ выскочило шесть удальцовъ. Не вдругъ успѣли они напасть, а сначала накинулись двое, больно оцарапали Мистишу въ двухъ мѣстахъ и легли подъ его тяжелымъ мечомъ. Наскочили еще трое спереди, одинъ сзади, и не долго длился бой. Одного еще уложилъ, еще одному на весь вѣкъ знакъ оставилъ, а задній врагъ рубнулъ его по обѣимъ подколѣнкамъ, и богатырь свалился какъ снопъ. Наскочили на него трое, одинъ рубнулъ по боку, разсѣкъ кольчугу, пробилъ ребра, но наповалъ не убилъ; повернули лицомъ вверхъ, чтобы покончить его въ горло, и испугались, замѣтивъ, что это не тотъ, не Свѣнельдъ ненавистный, а любимый товарищами молодой воинъ Мистиша. Растерялись разбойники, побѣжали въ лѣсъ, а богатырь остался на мѣ-

стѣ, истекая кровью. Немного времени прошло, какъ наѣхалъ на побоище Лютъ съ дружиною, человѣкъ въ пятнадцать. Прибѣжавшій буланка всполошилъ весь Вышгородъ, и на выручку Свѣнельда бросились всѣ, кто скорѣе успѣлъ. Разспросили раненаго, какъ что было, сняли съ него шеломъ и кольчугу, перевязали раны и понесли; трое остались при убитыхъ, а двое поскакали въ Кіевъ повѣстить воеводу. Въ одномъ убитомъ узнали Курта, а изъ бѣглецовъ Мистиша назвалъ Свѣтозара изъ дружины Блуда и Грина, изъ Претичевыхъ мечниковъ. Не успѣли они показаться въ Кіевѣ, какъ ихъ захватили, и Свѣнельдъ самъ поѣхалъ на другомъ конѣ въ Вышгородъ.

Тамъ княгиня Ольга себя не помнила отъ гнѣва: дорога изъ Кіева въ Вышгородъ стала опасна; почти подъ стѣнами ея города убиваютъ людей, и кого-же? Молодаго человѣка изъ ея собственной дружины, а хотѣли убить самого воеводу! Не удивительно, что княгиня прогнѣвалась больше, нежели при слухѣ объ убіеніи Игоря: тутъ сама она видѣла раненаго, слышала какъ онъ хрипло задыхался, дала ему поцѣловать свою руку, сама поцѣловала его въ блѣдныя уста, хвалила его подвигъ и въ тоже время боялась, не случилось-бы чего въ лѣсу съ самимъ воеводой....

Къ вечеру Мистиша умеръ, а съ утра княгиня потребовала казни его убійцъ.

— Нельзя, княгиня — отвѣчалъ угрюмо Свѣнельдъ, — по закону, или я ихъ долженъ убить или братъ покойнаго.

— Какой тутъ законъ!—возразила разгнѣванная Ольга:— они не простые убійцы: шестеро напали на одного! Конечно, еслибы не ранили его такъ подло въ ноги, то онъ уложилъ-бы ихъ всѣхъ. И напали они не на этого отрока, напали на моего воеводу Свѣнельда, на моей землѣ, подъ моими стѣнами! Ужь не взять-ли мнѣ съ нихъ виру, по восьмидесяти гри-

венъ? Нѣтъ, воевода, я этого и слышать не хочу. Око за око—святое дѣло, говоритъ Люлюша? Нѣтъ, за этакое око десять, двадцать очей мнѣ давай! Пусть Кіевъ знаетъ, что съ княгиней Ольгой нельзя такихъ шутокъ шутить, пусть эти дружинники знаютъ, что моего воеводу тронуть все равно, что на мою жизнь покуситься...

Черезъ два дня было собрано человѣкъ двадцать, знавшихъ про злой умыселъ. Въ Кіевѣ, на перуновой площади, сложенъ былъ высокій широкій костеръ; тѣло Мистиши положено было по срединѣ, а вокругъ него зарѣзано двадцать преступниковъ и всѣ эти тѣла были уничтожены огнемъ. На праздникѣ боярыня Люлюша причитала громче всѣхъ. И долго послѣ того пѣвцы слагали и пѣли пѣсни про удалаго Мистишу и про то, какъ онъ спасъ своего отца отъ вѣрной смерти.

Княгиня Ольга воротилась въ Вышгородъ печальная и застала свою Катерину еще болѣе печальною.

— Полно горевать, Катерина, — говорила Ольга; — такой смерти, какъ умеръ нашъ Мистиша, желаютъ всѣ мужчины, смерть богатырская, смерть за отца. Я знаю, что ты любила нашего молодаго богатыря, да что-же дѣлать! Посмотри, не мало еще отроковъ въ моей дружинѣ: хоть-бы и братъ его Лютъ...

— Матушка-княгиня,—начала Катерина, опускаясь передъ Ольгой на колѣна:—отпусти меня въ Царьградъ: мнѣ надо много грѣховъ замаливать, надо моего покойника изъ геены огненной вымолить. Я пойду въ монастырь, день и ночь буду молиться за него...

— Бѣдная ты моя! Привыкла я уже очень къ тебѣ, какъже я тебя отпущу? И развѣ я тебѣ мѣшаю тутъ молиться по твоему толку? Молись...

— Нѣтъ, княгиня, отпусти меня! Вѣдь онъ былъ язычникъ, такъ за него весь остатокъ жизни моей ежеминутной молитвы еще можетъ быть мало будетъ. Язычникъ, некреще-

ный, ты не знаешь этого, княгиня! Въ будущей жизни онъ будетъ мучиться...

— Что ты? Что ты, грѣховодница! Ему-то мучиться? Онъ былъ честный, храбрый воинъ, никакого дурна не сдѣлалъ и умеръ богатыремъ, и за нимъ въ другую жизнь пошло двадцать виновныхъ въ его смерти. Перунъ приметъ витязя, и будетъ онъ дѣдомъ великимъ, покровителемъ всего своего рода...

— Перунъ! Бѣдная ты язычница, княгиня! Ты не знаешь, что Перунъ твой не богъ; это идолъ, деревянный, а къ Богу единому, истинному одинъ путь только и есть, истинная вѣра Христова. О томъ-то я и буду молиться денно и нощно, чтобы не ваша бѣсовская, языческая, перунова сила его взяла... вѣдь я тогда съ нимъ не увижусь въ будущей жизни и онъ будетъ вѣчно страдать... Отпусти меня, княгиня! Мнѣ на свѣтѣ больше нечего дѣлать!

— Какая ты у меня мудреная, Катя!—сказала княгиня раздумчиво:—заладила одно: на свѣтѣ больше нечего дѣлать, какъ молиться... Погоди, голубка моя; вотъ я сама поѣду въ Царьградъ и возьму тебя: посмотримъ тамъ на мѣстѣ, что это у васъ за толкъ особенный... А понравится тамъ, ну и останешься, бросишь меня: я никого не принуждаю мнѣ насильно служить.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и всеизцѣляющее время изгладило морщины на лбу брата покойнаго; княгиня стала легче думать о смерти Мистиши; только у отца не расправлялось нахмуренное чело, да бѣдная Катерина все плакала. Она считала даже, что ежедневныя слезы по убитомъ сдѣлались ея обязанностью, и однажды горько себя укоряла въ томъ, что среди разговоровъ и заботъ забыла поплакать, и поэтому плакала горше прежняго. Но потомъ она стала забывать свои слезы чаще и чаще, и осталась съ нею неразлучною и постоянною тихая грусть, которая такъ шла къ ея большимъ,

глубокимъ, задумчивымъ глазамъ, отѣненнымъ огромными почти черными рѣсницами.

Зиму прожила княгиня въ Кіевѣ, а весною перебралась въ свой любимый Вышгородъ и мирно любовалась, какъ деревья одѣваются молодымъ листомъ и какъ Днѣпръ, взломавъ свой ледъ, вздувается и широко захватываетъ раздолье луговой стороны. Но она уже знала, что недолго проживетъ она въ своемъ любимомъ загородномъ домѣ, и что скоро придется ѣхать вверхъ по Днѣпру, чтобы устраивать землю. Слышно стало, что вездѣ заводятся великіе непорядки. Древляне не хотятъ платить положенной дани; въ Смоленскѣ княжой мужъ Снуръ не присылалъ ничего уже третью весну; въ Новѣгородѣ народъ бурлитъ, а княжой мужъ Рычаръ натравляетъ одинъ конецъ на другой и любуется побоищами. На рѣкѣ Лугѣ славяне обижаютъ чудь, а иногда чудь обижаетъ славянъ; на рѣкѣ Мстѣ Весь все куда-то уходитъ въ даль чтобы не платить дани, а можетъ быть и для того, что воеводы на полюдьѣ обижаютъ.

— Поглядѣла-бы я когда нибудь, какъ это вы дань собираете,—говорила она какъ-то зимою Свѣнельду:—и если мы у однихъ беремъ мѣха, а у другихъ медъ, у третьихъ воскъ, то что-же мы-то имъ даемъ за это? Или такъ только, возьмемъ, да и уйдемъ—живите какъ знаете.

— Посмотрѣть можно,—отвѣчалъ Свѣнельдъ,—и въ самомъ дѣлѣ тебѣ надо проѣхать немного, чтобы народъ видѣлъ свою княгиню. А что мы имъ даемъ за ихъ дань, такъ это я въ толкъ не возьму; еслибы мы ихъ данниками были, такъ мы бы имъ и давали, а вѣдь данники-то они, стало-быть они и давать должны, а мы брать. А какъ это имъ за дань да еще давать, это я плохо разумѣю: ничего не даемъ.

— И это имъ не обидно?—спросила княгиня.

— Какъ это обидно?—отвѣчалъ воевода:—даютъ, и нельзя не давать, если они данники, даютъ, чтобы знали, да

помнили чьи они. Чего же имъ еще надобно? Дань не тяжелая, платятъ въ такое время, когда это не трудно, и не обижаются... А чтобы имъ давать, этого я какъ-то и не слыхивалъ.

— Не мѣха имъ давать, воевода, не медъ, не воскъ,— отвѣчала княгиня,—давать имъ судъ и правду, вотъ что давать, такъ я разумѣю.

— А, понимаю! Судъ мы даемъ, княгиня, это такъ. Судимъ и правду даемъ. Да, да, да, за это самое и дань беремъ, теперь я понимаю. Пріѣдешь, такъ, напримѣръ сказать, ну хоть въ Весь, на Мсту. Станешь въ какомъ большомъ селѣ, ну хоть въ Тѣ-кюле; это у нихъ такъ зовется, а у насъ просто Балаги! Встрѣчаетъ старшина князь: они все еще у нихъ князьями называются. Дань у него уже собрана, возьмешь, сосчитаешь, а тамъ идетъ одинъ обиженный управы искать, идетъ другой, третій, и судишь какъ по обычаю или по закону слѣдуетъ. Тутъ надо, главное дѣло, старшину не трогать; они его сами выбрали, пусть сами и справляются въ своихъ малыхъ дѣлахъ. А вотъ есть у насъ княжія дѣла, большія, ну тѣхъ имъ оставлять нельзя: разбой, убійство. Изъ-за этого съ старшинами ссоры бываютъ, чтобы княжихъ дѣлъ не судили. Ну, погоняешь иного старшину, возьмешь съ него пеню, чтобы не въ свои сани не садился, ну и дальше. Если которое село дани не платитъ; ну, беремъ «на потокъ»: тутъ ужь не прогнѣвайся, бываетъ нехорошо. Да вотъ увидишь, княгиня, если сама потрудишься хоть недалеко проѣхать.

— Нѣтъ, воевода: недалеко мнѣ не за чѣмъ; по близости здѣсь все хорошо, я знаю, а вотъ каково тамъ, вдали, гдѣ нибудь въ Муромѣ, или на Бѣломъ озерѣ. Я вѣдь давно хозяйничаю въ Вышгородѣ, такъ знаю, что особенно надо смотрѣть за дальними бороздами. Такъ и сдѣлаемъ: съ осени, пока можно по водѣ, проѣдемъ Днѣпромъ, а тамъ если бу-

демъ живы, дальше поѣдемъ на саняхъ. Можетъ быть и Псковъ поглядимъ, мою родину...

Но Свѣнельдъ не далъ княгинѣ дождаться осени, потому что дорога была дальняя и дѣла много.

— Правда твоя, матушка-княгиня, что въ такомъ большомъ хозяйствѣ, какъ русская земля, хозяйскій глазъ нуженъ; безъ хозяйскаго глаза не жди порядка; только вотъ бѣда: еслибы ты всѣ села вздумала сама объѣздить и всѣ дѣла сама судить, то объѣхавши всѣ, опять въ первое вернулась-бы чрезъ двадцать пять лѣтъ, не раньше, вотъ какая это большая земля. Стало быть самой-то посмотрѣть не мѣшаетъ, а главное дѣло надо держать вѣрныхъ, хорошихъ людей, чтобы княжьи мужи были вѣрны какъ самъ князь. Ну и будутъ люди жить да похваливать...

Среди лѣта княгиня Ольга съ отборною дружиной и съ большимъ войскомъ, съ Святославомъ, съ его кормильцемъ Асмудомъ, съ самимъ Свѣнельдомъ выступила въ походъ. Прежде всего нужно было воротить подъ княжескую русскую руку бунтовщиковъ древлянъ. Безъ этой земли Кіеву обойтись было нельзя. Древлянская земля начиналась недалеко отъ Кіева, захватывала Днѣпра, такъ что выходила черезполосица; къ тому же они не хотѣли платить дани. Но бунтовщики сами собрали большое войско и выступили противъ княгини. Тутъ пришлось Святославу обновить новенькую кольчугу, сдѣланную по росту семилѣтняго ребенка, надѣть мѣдный шишакъ и взять въ руки коротенькое боевое копье. Отпуская сына впередъ, княгиня долго его держала, все прощалась, все твердила Асмуду и Свѣнельду, чтобъ они помнили кого они ведутъ въ сѣчу, не забывали, что у нея одинъ сынъ и есть...

— Ты знаешь самъ, Свѣнельдъ, — говорила она воеводѣ, — каково это потерять сына. Самого себя дай искрошить, а Святослава не выдай...

— Старому богатырю этого и сказать нельзя, княгиня: не выдай, — отвѣчалъ угрюмо Свѣнельдъ. — Выдаютъ кого нибудь рабы, а мы — свободные люди. Ты просишь меня, чтобы я не былъ рабомъ? Надо-ли говорить объ этомъ?

— Знаю, ну, ты! Сейчасъ и вспылилъ. Я говорю только: береги.

— Я, мама, еще самъ его поберегу, если его одолѣвать начнутъ! — отвѣчалъ семилѣтній Святославъ.

— Ахъ, ты, звѣренышъ мой милый! — сказала Ольга, обняла крѣпко сына и все-таки не отпускала его. Наконецъ Свѣнельдъ отъѣхалъ впередъ и затрубилъ въ свой серебряный рогъ. Святославъ при звукѣ рога такъ и рванулся отъ матери и бросился къ коню, котораго держали подъ уздцы два отрока. Его подсадили, дали ему въ рученки коротенькое боевое копье и онъ поѣхалъ рысью впередъ, рядомъ съ Асмудомъ. Древлянское войско приближалось имъ навстрѣчу; позади ихъ двигалась русская рать. Святославъ бросилъ копье; оно пролетѣло между ушей коня, но упало близко. Свѣнельдъ и Асмудъ сказали тогда: «Князь уже началъ; потянемъ, дружина, за княземъ!» Оба войска смѣшались. Въ переднихъ рядахъ бились богатыри и маленькому князю нечего было тамъ дѣлать: Асмудъ осторожно держалъ его въ двухъ шагахъ отъ сѣчи, а глазенки его горѣли, и онъ крѣпко сжималъ въ рукѣ обнаженный маленькій мечъ. Долго продолжался бой, и наконецъ древляне побѣжали и заперлись по городамъ. Цѣлое лѣто простояло войско подъ Коростеномъ; наконецъ городъ былъ сожженъ и жители перебиты. Но это было еще не все; приходилось хозяйственно устроить древлянскую землю, установить уставы и уроки, что кому платить, гдѣ кому судиться. Древлянская земля велика, и всю зиму Ольга тамъ простояла. Она ничего не хотѣла пропустить не устроивъ, и потому времени потребовалось много. Къ тому же и Асмудъ задержалъ: древлянская земля была

очень богата дичью, особенно медвѣди и кабаны густо населяли неисходные тамошніе лѣса, а князю нужно было привыкать къ опасностямъ охоты. Когда убитъ былъ первый медвѣдь, въ котораго и молодой охотникъ успѣлъ всадить свое копье, ему, по старинному обыкновенію, вымазали лицо теплою кровью убитаго звѣря, и въ такомъ видѣ явился онъ къ матери, и съ торжествомъ подалъ ей медвѣжьи уши. За нимъ десять отроковъ на длинномъ шестѣ, продѣтомъ въ связанныя ноги медвѣдя, принесли убитаго звѣря и положили его къ ногамъ княгини. Святославъ торжествовалъ какъ именинникъ, и въ этотъ день былъ великій пиръ: отборная дружина съѣла медвѣдя до костей, а угощалъ самъ князь. А княгиня была еще болѣе довольна: ея сынъ-младенецъ становился юношей, неустрашимымъ и сильнымъ, и материнское сердце радовалось.

Распоряженіе хозяйствомъ огромнаго владѣнія понравилось княгинѣ Ольгѣ; на слѣдующій годъ она оставила Святослава въ Кіевѣ и отправилась на сѣверъ. Съ нею постоянно были ея боярыни, ея воевода Свѣнельдъ и своя собственная дружина. Въ Псковѣ застала ее весна и она осталась тамъ цѣлый мѣсяцъ, разбирая разные мѣстные споры и особенно стараясь помирить Псковъ съ Изборскомъ. Эти два города ссорились давно, со временъ Гостомысла и Рюрика, и нужно было вмѣшательство сильной власти, чтобы дѣло между ними не дошло до кровопролитія. Сани ея остались въ Псковѣ, и тамошніе жители хранили ихъ на память о доброй княгинѣ, которая выслушивала каждаго, утѣшала какъ умѣла, слагала дани и судила нелицепріятно. Оттуда она побывала въ Изборскѣ, перевалила черезъ озеро и переѣхала на рѣку Лугу. Здѣсь была дальняя глушь ея владѣній, и княжьи мужи дѣлали, что хотѣли. Бѣдный, измученный поборами народъ встрѣтилъ ее какъ избавительницу. Въ два дня поставлена ей была свѣтлая изба, чтобы дорогая

гостья погостила подольше. Къ этому погосту сталъ сбѣгаться народъ большими толпами поглядѣть свою хозяйку, поклониться княгинюшкѣ и пожаловаться на волковъ-княжихъ-мужей. Княгиня устроила что было можно и переѣхала въ другое мѣсто, ближе къ Новугороду, къ селу Тесову. И тутъ поставили ей въ два дня погостъ, и покрыли его тесаными бревнами, и погостила княгиня долго, вникая въ мужицкое хозяйство, входя во всѣ нужды бѣдныхъ людей. Въ Новѣгородѣ встрѣтилъ ее княжой мужъ Рычаръ, старый богатырь, бывшій еще любимцемъ Олега. Жалобъ особенныхъ не было; житье показалось княгинѣ богатое, народу много, только одного не понимала Ольга, отчего это въ Новѣгородѣ концы съ концами не сходятся, и всѣ пять концовъ врозь глядятъ: при ней самой чуть не вышла драка.

— Удивляюсь я,—говорила она Рычару,—какъ ты ихъ не помиришь: живутъ въ одномъ городѣ, какъ овцы въ одной овчарнѣ, а ссорятся какъ волки въ одномъ логовѣ. Неужли ты этого простаго дѣла не умѣешь сдѣлать?

— Всѣми силами стараюсь, княгиня, чтобъ они почаще ссорились,—отвѣчалъ съ усмѣшкою Рычаръ;—и слава Перуну, это мнѣ удается. Видишь-ли, я здѣсь сижу слишкомъ тридцать лѣтъ, и насмотрѣлся на этотъ Новгородъ. Въ немъ сошлись пять родовъ и сѣли они въ пяти концахъ. Когда долго нѣтъ между ними никакой ссоры, и все идетъ мирно и тихо, тогда я никакъ въ толкъ не возьму зачѣмъ я то здѣсь сижу: они привыкли выбирать своего старшину, посадника, и безъ княжого мужа обходятся хорошо, забываютъ даже Кіевъ и мало что слыхали про Вышгородъ. А это намъ невыгодно. Вотъ и натравишь какого нибудь молодца побойчѣе: задеретъ, ему отплатятъ, за него станетъ цѣлый конецъ, защищать своего поднимется другой конецъ, передерутся, кое-кому ребра переломаютъ, въ Волховъ спустятъ человѣкъ пятокъ. А я посматриваю: это ничего, худаго тутъ

нѣтъ. Вступится посадникъ, захочетъ мирить, ну и ему немножко бока помнутъ. Тогда они и вспомнятъ старинную дорюриковскую пѣсню, что «порядка у насъ нѣтъ,» и «всталъ родъ на родъ», вспомнятъ кстати, что въ Кіевѣ у нихъ есть князь, а въ городѣ княжой мужъ сидитъ. И придутъ, ну и разсудишь ихъ по ихъ обычаю, если нужно голову другую снесешь, которыя намъ не съ руки, глядишь, и пойдетъ все какъ по маслу. Нѣтъ, княгиня! Зачѣмъ мирить? Пока свѣтъ будетъ стоять, въ Новѣгородѣ концы съ концами не должны сходиться...

Много земель своихъ объѣздила княгиня, и воротилась въ Кіевъ уже на третій годъ. Святославъ ее встрѣтилъ прежде всѣхъ: выросъ, похорошѣлъ, кровь съ молокомъ; ему былъ уже одиннацатый годъ, бояринъ Асмудъ не зналъ какъ и нахвалиться своимъ питомцемъ и разсказывалъ просто чудеса о его неутомимости, о его мужествѣ. И потекла опять прежняя тихая жизнь, лѣтомъ въ Вышгородѣ, зимою въ Кіевѣ, и старость подходила къ княгинѣ своими предательскими шагами, медленно, вѣрно; но Ольга нелегко поддавалась старости; она была бодра, дѣятельна, всякій день смотрѣла свою дружину, навѣщала лѣтомъ пчельники и сѣнокосы; зимою иногда сама судила на княжескомъ дворѣ, и уже безъ всякаго страха отпускала сына на охоту.

Мало-по-малу она однакоже стала чаще прежняго думать о смерти и говорить съ своей Катериной о будущей, загробной жизни, и однажды даже велѣла проводить къ себѣ черезъ малое крыльцо отца Порфирія.

— Отчего-же черезъ малое крыльцо? — спросила обрадованная Катерина,—неужели русская княгиня боится передъ всѣми людьми своими отвернуться отъ тьмы и обратиться къ свѣту?

— Ладно, ладно! Я уже знаю, что дѣлаю! — отвѣчала Ольга;—я только хочу посмотрѣть не лучше-ли твоего онъ

мнѣ растолкуетъ вашъ цареградскій толкъ, вотъ и все. Тебя я что-то не очень понимаю...

Передъ отцомъ Порфиріемъ будто молнія сверкнула, когда Катерина передала ему приказъ княгини. Онъ обрадовался, заторопился и невольно представлялось ему, что за княгиней онъ обратитъ къ истинному ученію и Святослава, потомъ бояръ, потомъ весь народъ, и мысленно надѣвалъ уже на себя епископскую митру. А возвратясь отъ княгини, онъ говорилъ женѣ, что старая княгиня кротка и добра, какъ ангелъ, и что ея мысли готовы воспринять евангельскія истины. Вскорѣ онъ еще разъ былъ призванъ, потомъ еще и еще, и однажды говорилъ дома такъ:

— Увидишь, что княгиня Ольга будетъ денницею спасенія для всей русской земли. Великая душа ея раскрылась для евангельской проповѣди и ея дѣянія и помышленія стали уже христіанскими; но по гордынѣ она совершенная язычница. Какъ-то упомянулъ я ей о святомъ крещеніи, она говоритъ: «Не ты-ли думаешь меня крестить, отецъ Порфирій? Не твоя-ли попадья будетъ мнѣ крестною матерью?» Есть на землѣ владѣтель христіанскій, великій и богатый, не менѣе чѣмъ она сама, княгиня, такъ ему подобаетъ эта честь, и владыкѣ нашему патріарху византійскому. Приготовляется путешествіе въ Царьградъ, и сама княгиня изволитъ отправиться. Но какъ-бы тамъ ни было, черезъ меня, грѣшнаго, благодать Господня коснулась княжескаго сердца, и великое событіе совершится на нашихъ глазахъ. И всегда я замѣчалъ, между этими язычниками, что душа и добрая, и честная, и великая бываетъ душа, но гордыня, это порожденіе діавола, дольше всего не уступаетъ требованіямъ святой нашей вѣры... Да и то сказать, какъ ждать кротости, смиренія отъ этихъ богатырей, у которыхъ на умѣ только кровопролитія, побѣды, рѣзня, сила...

Въ 955 году, въ концѣ лѣта, двадцать большихъ лодей

стояло на Днѣпрѣ, неподалеку отъ берега. Одна изъ нихъ была изукрашена по-цареградски; надъ кормою была горница, покрытая пурпурнымъ шелкомъ съ золотыми кистями. Въ ней собралась ѣхать княгиня съ двумя боярынями и съ двумя дѣвушками; въ другихъ лодкахъ, по-проще, ѣхали еще боярыни, прислуга, отроки княгини, послы, и уложены были богатые дары для византійскаго царя. Весь Кіевъ вышелъ на берегъ провожать любимую княгиню, вышелъ и перуновъ жрецъ, вышелъ и отецъ Порфирій. Впереди всѣхъ стоялъ Свѣнельдъ, когда княгиня садилась въ челнокъ, чтобы переѣхать на лодью. Онъ послѣ всѣхъ поцѣловалъ княгинѣ руку и пожелалъ ей счастливаго возвращенія, а она сказала ему:

— Ты мнѣ отвѣтишь и за землю мою и за сына, а сынъ прежде всего. Если придется, такъ лучше растеряй мнѣ землю, а сынъ чтобы былъ цѣлъ. Да помни, ему шестнадцать лѣтъ, а смотри какъ за шестилѣтнимъ, глазъ не спускай. Ну, прощайте!

Караванъ княгини тронулся; народъ началъ расходиться; въ толпѣ столкнулись отецъ Порфирій съ перуновымъ жрецомъ. Они не очень любили другъ друга.

— Кажется скоро на моей улицѣ будетъ праздникъ,— сказалъ отецъ Порфирій.

— Ну чтожъ! И будетъ,—отвѣчалъ жрецъ;—вашъ цареградскій толкъ самая подходящая вѣра для женщинъ, а витязи, богатыри, бойцы никогда не оставятъ вѣры Перуна, Сварога, Дажбога, Велеса...

Плаваніе Ольги по Днѣпру и по Черному морю было не совсѣмъ удачно. Были бури, были дожди, и ея лодья сильно пострадала; особенно пурпурная отдѣлка кормовой горницы истрепалась и износилась такъ, какъ будто служила нѣсколько лѣтъ. Какъ бы то ни было, въ концѣ августа русскія лодьи приближались къ византійской гавани, къ Золотому Рогу, наполненному великимъ множествомъ судовъ. Къ рус-

скимъ судамъ въ гавани опредѣленъ былъ особенный приставъ: онъ тотчасъ явился на лодкѣ съ десятью вооруженными людьми и велѣлъ судамъ поворачивать правѣе, къ монастырю св. Мамы. Въ другихъ мѣстахъ наши лодьи останавливаться не могли; такъ было постановлено во всѣхъ договорахъ. Приставу кричалъ съ лодьи княгини Лютъ, что они не купцы, пріѣхавшіе изъ Руси, и не обыкновенное какое нибудь посольство, а сама княгиня пріѣхала посѣтить византійскаго царя.

— Тамъ послѣ разберутъ, — отвѣчалъ торопливо приставъ;—а мое дѣло—поставить суда къ мѣсту. Какая тамъ у васъ княгиня?

— Сама княгиня Ольга,—отвѣчалъ съ лодьи Лютъ.— Сама, понимаешь, толстопузый! Олега помните? Такъ эта такая же, какъ онъ, только Ольга. Ты къ царю своему сбѣгай, такъ онъ пріѣдетъ встрѣтить.

— Да, сбѣгай!—ворчалъ приставъ:—заворачивай правѣе, говорятъ! Мнѣ изъ-за васъ мѣсто что-ли потерять?.. Какъ пристанете къ берегу, смотрите, чтобы никто не смѣлъ сходить на берегъ: я сейчасъ пріѣду, всѣхъ перепишу поименно, тогда и торгуйте.

Приставъ спѣшилъ къ начальнику гавани сказать, что двадцать судовъ русскихъ прибыли, что онъ сейчасъ ихъ перепишетъ. Потомъ онъ поспѣшилъ домой обѣдать, легъ, какъ водится, отдохнуть, а проснувшись поужиналъ, и такъ какъ было уже темно, легъ совсѣмъ спать. На слѣдующее утро онъ явился у церкви св. Мамы съ своимъ писаремъ и велѣлъ ему идти къ русскимъ лодкамъ повѣстить, чтобы народъ выходилъ для поименной переписи. Прежде всѣхъ вышли двадцать пословъ, потомъ сорокъ три купца, потомъ два переводчика, родомъ греки, потомъ собственный княгининъ переводчикъ, сынъ отца Порфирія, далѣе шли восемнадцать боярынь и дѣ-

вушекъ и наконецъ сама княгиня, а подъ руку велъ ее сынъ Свѣнельда, Лютъ.

— Проходи, проходи, старушка! — говорилъ торопливо приставъ;—кто тамъ еще?

И одинъ за другимъ были переписаны отроки княгини, гребцы, работники, всѣ до послѣдняго человѣка. Случай былъ необыкновенный: русскія женщины рѣдко являлись въ Византіи, а тутъ ихъ было съ княгинею девятнадцать. Боясь, чтобы не вышло какой непріятности по службѣ, приставъ пошелъ къ своему начальнику гавани и показалъ списокъ. Начальникъ подумалъ тоже, не вышло-бы чего нибудь, и поѣхалъ къ своему начальству, то поѣхало выше, а на третій послѣ того день императоръ Константинъ Багрянородный услышалъ о прибытіи въ гавань русской княгини Ольги и о томъ, что она, будто-бы, намѣрена принять христіанскую вѣру. Тотчасъ-же къ ней назначенъ былъ священникъ Григорій, знавшій славянскій языкъ, и по разсчету времени приказано приготовить представленіе княгини Ольги императору на 9 сентября. Но патріархъ Ѳеофилактъ взглянулъ на это дѣло иначе: въ намѣреніи княгини Ольги принять христіанскую вѣру онъ видѣлъ надежду на распространеніе истинной вѣры среди огромнаго народа, уже думалъ о выборѣ священниковъ, епископа, о перепискѣ книгъ для русскихъ церквей, и былъ взволнованъ пріятнымъ ожиданіемъ. Онъ приказалъ священнику Григорію явиться къ нему тотчасъ по окончаніи бесѣды съ княгинею, чтобы разспросить его о ней, съ тѣмъ, чтобы завтра ѣхать къ императору и условиться съ нимъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ. Священникъ Григорій вечеромъ прибылъ въ патріаршій дворецъ и не былъ допущенъ, потому что Ѳеофилактъ былъ занятъ другими дѣлами, такъ что пришлось отложить докладъ до завтра. А на другой день была торжественная служба въ Софійскомъ соборѣ, и только послѣ обѣда Григорій добился представленія.

— Говори, что ты нашелъ? сказалъ ему патріархъ.

Послѣ установленныхъ земныхъ поклоновъ, Григорій отвѣчалъ:

— Принимаю смѣлость доложить вашему высокопреосвященству, что княгиня Ольга совершенно готова для принятія крещенія; она знаетъ основныя истины...

— Хорошо, хорошо,—сказалъ съ нетерпѣніемъ Ѳеофилактъ:—она-ли та самая Ольга, которая, по слухамъ, есть владѣтельная княгиня всей Русской земли? И что она, дикарка совершенная, или нѣкоторая образованность проникла туда по крайней мѣрѣ у владѣтелей земли?

— Дикарка совершенная, какъ ваше высокопреосвященство изволили очень мѣтко выразиться; образованности никакой, ни читать, ни писать не умѣетъ и находится уже въ преклонныхъ лѣтахъ: ей не менѣе 65 лѣтъ. Не смотря однако-же на дикость, необразованность, въ ней видна привычка повелѣвать и ожидать немедленнаго повиновенія. Она меня приняла съ видомъ настоящей царицы и довольно гнѣвно спросила: долго-ли еще ей ждать царя? Я уразумѣлъ потомъ, что она ожидаетъ посѣщенія его величества императора Константина.

Патріархъ снисходительно улыбнулся и отпустилъ отца Григорія, прибавивъ:

— Увидишь сегодня Ольгу, такъ скажи, что патріархъ прислалъ поклонъ, а на завтра приглашаетъ на церковное торжество. Да велѣть завтра, чтобъ была архіерейская служба и соборъ освѣтить всѣми свѣчами. Ступай.

На другой день множество придворныхъ дамъ съѣхалось въ Софійскій храмъ посмотрѣть старуху-дикарку, пріѣхавшую принимать крещеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ подходили къ княгинѣ и милостиво заговаривали съ ней: но каково-же было ихъ удивленіе, когда отвѣты дикарки, переводимые отцомъ Григоріемъ, показали въ княгинѣ необыкновенный умъ и

большую находчивость. Вечеромъ при дворѣ только и было разговоровъ, что о княгинѣ; даже одинъ министръ замѣтилъ, что неловко держать ее такъ долго на русской пристани у св. Мамы. Императоръ Константинъ согласился, что объ этомъ можно будетъ подумать. Нѣкоторые умные люди думали даже, что слѣдовало-бы отвести ей одинъ изъ царскихъ загородныхъ дворцовъ и принять ее какъ великую владѣтельную особу, пышнѣе даже чѣмъ она заслуживаетъ, потому что такимъ образомъ, подъ предлогомъ союза, можно будетъ получить отъ нея большое вспомогательное войско въ случаѣ новой войны въ Сициліи. Этимъ пренебрегать не слѣдуетъ, потому что эти русы дерутся удивительно.—Царица тоже хотѣла увидѣть княгиню Ольгу и жалѣла, что пріемъ былъ назначенъ на среду, 9 сентября; но перемѣнить было уже невозможно, потому что всѣ дни были заняты и расписаны церемоніймейстеромъ. Онъ хотѣлъ было угодить царицѣ и отложить пріемъ пословъ Хавдаса до среды, а княгиню принять въ субботу, но ему замѣтили, что онъ мѣшается въ военныя дѣла, а это можетъ для него худо кончиться. Такъ и осталась княгиня ожидать въ лодьѣ наступленія девятаго числа. Въ этотъ день она была перевезена на византійскихъ судахъ черезъ гавань и въѣхала въ водяныя ворота. Войдя во дворецъ, Ольга прошла черезъ нѣсколько покоевъ и въ большой посольской палатѣ стала у перилъ; за нею стали послы и купцы. Византійскій царь сидѣлъ въ золотыхъ креслахъ, а кругомъ него стояли бояре цареградскіе, одѣтые одинъ богаче другаго. Императоръ сказалъ на своемъ языкѣ:

— Добро пожаловать, княгиня! Мы рады твоему посѣщенію и рады особенно за святую нашу церковь. Погости у насъ и узнай нашу вѣру и наши обычаи.

Переводчикъ передалъ ей эти слова по-русски. Она отвѣчала:

— Погощу у патріарха, царь, и у св. Софіи; я пріѣхала

ради святой правды, а не учиться обычаю; обычай у меня въ Кіевѣ честнѣе здѣшняго.

Переводчикъ, ловкій придворный человѣкъ, не хотѣлъ передавать эти слова такъ, какъ они были сказаны, и наговорилъ по-гречески что надо было по-вѣжливости. Послѣ того княгиню повели черезъ разные покои въ большую круглую горницу; здѣсь она сѣла и отдохнула. Не много времени прошло, ее опять повели въ покои царицы. Въ большой горницѣ сидѣла она на тронѣ, а возлѣ нея въ золотомъ креслѣ, сидѣла ея невѣстка; кругомъ стояли богато разряженныя придворныя дамы. Ольга вошла, кивнула головою царицѣ и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ царедворца въ золотой мантіи и отвѣтовъ, перевранныхъ переводчикомъ, она ушла недовольная. Но скоро ее воротили, упросили опять идти въ покои къ царицѣ. Тутъ только предложили кресло Ольгѣ, и начали говорить безъ особой важности. Пришелъ и царь. Стали обѣдать. Княгиню посадили за столъ съ придворными боярынями; но тутъ она замѣтила, что переводчикъ говоритъ не ея настоящія рѣчи, и потребовала къ себѣ своего переводчика, Петрушу, сына кіевскаго священника.

— Стой здѣсь, —сказала княгиня;—и сказывай, что они говорятъ, а что я говорю, толкуй вѣрно, безъ утайки. Я раза три сказала имъ такъ, что надо-бы опомниться, а ихъ толмачъ, вижу я, не то передаетъ: они и усомъ не ведутъ, а только важности больше напускаютъ.

Въ концѣ обѣда княгиня встала, велѣла сказать царю, что она пойдетъ отдыхать, и велѣла себя везти домой, въ лодью, къ церкви св. Мамы.

На разспросы придворныхъ дамъ, переводчикъ отвѣчалъ, что онъ не смѣлъ передавать отвѣтовъ княгини, которые были совершенно противны установившимся при дворѣ порядкамъ, что она необыкновенно умная, хотя вовсе необразованная женщина, поняла это и своему переводчику наказы-

вала переводить вѣрно. Къ счастію, царица уже не обращалась къ ней больше ни съ какою рѣчью. За обѣдомъ поднесли ей золотую тарелку, украшенную драгоцѣнными камнями и на ней 500 новенькихъ серебряныхъ монетъ; такъ она эти деньги велѣла раздать греческой стражѣ и гребцамъ, которые перевезли ее на ту сторону, къ ея лодьямъ. Константинъ Багрянородный милостиво улыбался, когда ему разсказывали это, и поручилъ княгиню патріарху. На его представленіе, что слѣдовало-бы его величеству самому быть воспріемникомъ княгини отъ купели, царь милостиво согласился, но велѣлъ отложить церемонію недѣль на пять, такъ какъ ему нужно было посѣтить нѣкоторые города по Мраморному морю и пробыть нѣсколько времени въ Никеѣ, по придворнымъ и военнымъ дѣламъ.

И пять недѣль сряду княгиня Ольга училась новому закону, всякій день присутствовала при богослуженіи, и когда раздавались слова: «оглашенные изыдите», она удалялась, смиренно-покорная велѣнію церкви. Наконецъ кончилось время ея искуса, и обрядъ св. крещенія былъ надъ нею совершенъ самимъ патріархомъ, и княгиня Ольга наречена Еленою. Новая христіанка, обновленная душою, уже не гнѣвалась на надменный, горделивый пріемъ, оказанный ей вторично при дворѣ Константина Багрянороднаго, когда она 18-го октября опять обѣдала во дворцѣ. Она уже торопилась въ свой мирный Кіевъ отъ шума и крика византійской гавани, отъ пышности и торжественности двора. Она хотѣла подѣлиться съ своими приближенными, особенно съ своимъ сыномъ, великимъ, почувствованнымъ ею обновленіемъ и тѣмъ миромъ, которымъ наслаждалась ея душа съ того времени, какъ она познала Бога истиннаго. Не замѣчала она непогодъ морскихъ во время путешествія, не боялась бурь, потому что твердо надѣялась на истиннаго Бога, и въ самомъ дѣлѣ приплыла къ днѣпровскому устью благополучно.

Къ стр. 146.

Обрядъ св. крещенія былъ надъ нею совершенъ самимъ патріархомъ, и княгиня Ольга наречена Еленою.

Становилось уже холодно, снѣгъ покрывалъ берега Днѣпра, когда княжеская лодья подчалила къ крутому кіевскому берегу, гдѣ Свѣнельдъ хлопоталъ устроивать сходни, а Святославъ, съ своимъ кормильцемъ Асмудомъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ мать. Она вышла на берегъ и прежде, нежели здороваться съ сыномъ и съ воеводами, отыскала глазами крестъ на церкви св. пророка Иліи и набожно помолилась. Тогда она благословила сына и поцѣловала его, благословила Свѣнельда и дала ему поцѣловать свою руку. Счастливая, радостная, спокойная, довольная, поднялась она пѣшкомъ по крутизнѣ къ княжескому двору, позвала отца Порфирія, отслужила молебенъ съ водосвятіемъ и велѣла окропить святою водой всѣхъ до одного людей и всѣ до одной горницы. Когда капли святой воды упали на чело Святослава, онъ улыбнулся.

— Ничего, мой сынъ, ничего,—сказала княгиня, слѣдившая за сыномъ во время службы:—ты еще не христіанинъ, но ты будешь христіаниномъ, тебя осѣнитъ благодать Господня...

И нерѣдко послѣ того княгиня возобновляла разговоръ объ этомъ великомъ дѣлѣ съ сыномъ: молодой богатырь не соглашался съ матерью и все говорилъ, что если онъ въ угоду ей и приметъ крещеніе, то дружина будетъ смѣяться, потому что христіанская вѣра годится только для женщинъ. Перуновъ жрецъ видно хорошо воспользовался ея отсутствіемъ и успѣлъ втолковать всякому, особенно дружинѣ, какъ неприлично храброму витязю быть христіаниномъ.

— До того-ли мнѣ, матушка-княгиня,—говорилъ онъ нерѣдко матери:—у насъ вотъ рядомъ живутъ сосѣди, славяне, вятичами называются, а дань платятъ хозарамъ: этому не бывать, этого я не вытерплю, надо хозаръ прогнать. А тамъ, дальше гораздо, на Волгѣ, есть злой городъ Болгары: онъ намъ мѣшаетъ торговать съ Итилемъ; болгары тамъ разсказываютъ про насъ сказки, будто мы ѣдимъ человѣчье мясо:

я имъ покажу, что мы охотнѣе ѣдимъ конину, а дураковъ не пропускаемъ, бьемъ. Да и мало-ли мнѣ будетъ дѣла, настоящаго, богатырскаго дѣла, а ты живи спокойно съ своимъ новымъ цареградскимъ толкомъ. Да по-моему, пускай всякій живетъ съ какимъ хочетъ толкомъ, только-бы мнѣ не мѣшалъ, да дань платилъ исправно. Вотъ за этимъ толкомъ я буду смотрѣть крѣпко, потому что дружина у меня будетъ большая.

Княгиня плакала о заблужденіи сына и горячо молилась, чтобы Господь открылъ его сердце свѣту истины. Когда Святославу исполнилось двадцать пять лѣтъ, ему надоѣли мирные и уже слишкомъ привычные подвиги на охотѣ, онъ собралъ большую дружину и ушелъ воевать хозарскаго хана или кагана, взялъ богатый хозарскій городъ на Дону, Бѣлую Вѣжу, потомъ побѣдилъ ясовъ и касоговъ и ходилъ нѣсколько лѣтъ сряду. Разорилъ и разграбилъ Болгары, спустился по Волгѣ до Итиля, побѣдилъ вятичей и наложилъ на нихъ дань и вернулся въ Кіевъ, но не за тѣмъ, чтобъ отдыхать.

Въ Кіевѣ дожидался его Калокиръ, посолъ изъ Византіи. Царю византійскому грозила великая бѣда отъ другихъ болгаръ, пришедшихъ съ Волги и жившихъ на Дунаѣ. Болгары шли на Царьградъ и греческія наемныя войска съ трудомъ ихъ сдерживали. Царь вздумалъ поднять на нихъ русскаго князя, и выбралъ для этого посломъ Калокира, пославъ съ нимъ въ Кіевъ и нѣсколько боченковъ золота. Калокиръ былъ очень ловкій грекъ, увѣрилъ Святослава, что дунайская Болгарія гораздо лучше и выгоднѣе его скучнаго Кіева, что онъ, Калокиръ, при помощи Святослава сдѣлается въ Царьградѣ царемъ и тогда отдастъ изъ византійской казны несмѣтныя сокровища... Но не сокровища повели Святослава на Дунай, онъ былъ витязь, душою и тѣломъ; идя въ походъ, возовъ за собой не возилъ, ни котловъ, потому что мяса не варилъ, но изрѣзавъ тонкими ломтями конину, или звѣрину, или говядину, пекъ на угольяхъ; шатра у него не было, а спалъ онъ

на конскомъ потникѣ, положивъ сѣдло подъ голову. Ничего ему не было нужно, кромѣ войны, походовъ, завоеваній, побѣды. Онъ послалъ сказать болгарамъ на Дунай: хочу на васъ идти!—пошелъ, завоевалъ болгарскую землю, и сѣлъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Въ это время оставались въ Кіевѣ малолѣтніе сыновья его, Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ, и при нихъ престарѣлая княгиня Ольга, и при ней воевода Претичъ. Свѣнельдъ ходилъ съ Святославомъ: съ тѣхъ поръ, какъ княгиня сдѣлалась христіанкою, старому богатырю скучно стало въ Кіевѣ.

И княгиня долго еще управляла своими землями и благодѣтельствовала своимъ людямъ. Церковь признала ее святою, лѣтописецъ называетъ ее нашею *денницею спасенія*.

4.

ДОБРЫНЯ МАЛКОВИЧЪ.

(977 — 987 г.)

Въ началѣ лѣта 977 года Новгородъ, какъ всегда бывало, опустѣлъ. Кто побойчѣе, тотъ ушелъ торговать въ Ладогу, или въ Кіевъ, иные выбрались на свои пашни, кое-кто пустился за море, иные принялись ловить рыбу, а многіе вышли на озеро строить лодьи. Плотничье дѣло давно было любимою и привычною работою новгородцевъ; съ низу, т. е. изъ Кіева, народъ охотно покупалъ лодьи новгородской постройки: онѣ были и легки, и ходки, и самая сильная волна не заливала ихъ, а покорно поднимала на свою косматую пѣнистую спину. Городъ почти опустѣлъ; но въ кузницахъ работа кипѣла по прежнему, а купцы-домосѣды поджидали варяжскихъ гостей, чтобы вымѣнивать цареградскій товаръ и свои мѣха на заморское серебро и золото. Изъ Кіева кое-кто ждалъ товаровъ по водяному пути. Купцы возвращались съ низу съ товарами, и не одна дѣвушка поджидала ихъ съ затаенною мечтою о красивомъ платкѣ или о самоцвѣтныхъ сережкахъ.

Прежде всѣхъ очень спѣшно, на-легкѣ, вернулся богатый купецъ Угоняй и, почти ни съ кѣмъ не говоря, прошелъ на княжой дворъ, къ своему другу закадычному, Добрынѣ Малковичу.

— Дѣла нехорошія!—сказалъ Угоняй:—князя Олега Святославича уходили, не было-бы худа и намъ.

— Свѣнельдъ?—спросилъ угрюмо Добрыня.

— Онъ и есть, а то кому-же? Неужели-же самъ Ярополкъ? Вѣдь это только на князей все сваливаютъ, а гдѣ-же ему? Добрѣйшая душа, весь въ бабушку пошелъ, да и лѣтъ-то ему немного, восемнадцать-то есть-ли?

— Конечно, Свѣнельдъ!—замѣтилъ задумчиво Добрыня.— Да ему иначе и нельзя было. Какъ сына Люта у него убили, года два тому назадъ, такъ онъ тосковалъ, говорятъ, какъ женщина. Этакій-то старый богатырь, да больше года ничего не пилъ, ни съ кѣмъ не говорилъ. Вѣдь этотъ у него былъ послѣдній, а младшаго убили давно, еще при княгинѣ Ольгѣ. Надо правду сказать, богатыри-же у него и дѣти были! Я тогда былъ въ княгининой дружинѣ, товарищемъ ихъ былъ. И былъ этотъ Лютъ въ большой милости у княгини... Я тебѣ говорилъ, что это убійство Люта не добромъ кончится, вотъ оно и оказалось. Какъ-же что было? сказывай.

— Какъ? Извѣстно войной. Люта убили два года тому назадъ, и сказали, какъ водится, на князя, а князю Олегу не было и пятнадцати лѣтъ. Это все продѣлки стараго дурака Претича. Олегъ-то былъ его питомцемъ, и ненависть у него старинная къ этому Свѣнельду: при княгинѣ Ольгѣ въ великой онъ былъ силѣ, и всѣхъ мелкихъ бояръ держалъ, примѣрно, въ черномъ тѣлѣ, а въ самомъ-то корнѣ дѣла лежала какая-то бабья сплетня: боярыня Стрекоза, жена Претича, вѣдь похожа немножко на старую беззубую змѣю, такъ черезъ нее что-то тамъ у нихъ вышло въ старые годы. На охотѣ въ лѣсу и встрѣчаетъ этотъ Претичъ самого Люта, и придрался къ тому, что не въ своемъ лѣсу охотится. Что ужь у нихъ тамъ было, это никому не извѣстно; только говорятъ, что Люта изъ-за куста стрѣлой убили. А иные сказываютъ, что Лютъ съ самимъ княземъ поспорилъ, ну, да не въ томъ сила.

Привезли тѣло въ Кіевъ, справили тризну, все какъ слѣдуетъ, а примѣрно черезъ годъ Свѣнельдъ опомнился и давай добывать Претича, добывалъ всѣми способами, и не добылъ. Онъ, вѣдь, не изъ храбрыхъ, затворился въ Овручѣ и носу не показываетъ. Свѣнельдовы люди по мѣсяцу его подстерегали, однако и въ глаза не видали: не отходитъ отъ питомца, да и все. Тогда Свѣнельду за бѣду стало, и началъ онъ мутить старшаго брата, Ярополка: не высылаетъ Олегъ дани изъ своей Древлянской земли. Какая тутъ дань? Одинъ братъ получилъ имѣніе отъ отца, другой братъ получилъ имѣніе, и живи, ѣшь, пей, веселись, а кому какое дѣло, кто раньше родился? Никакого тутъ нѣтъ смыслу, чтобъ Овручъ платилъ дань Кіеву. Насъ вотъ у отца было трое, а старшій никогда не подумалъ тянуть что нибудь съ младшихъ. Я получилъ въ удѣлъ дворъ на торговой сторонѣ, да судовъ десятка полтора, а на городской сторонѣ удѣлъ старшаго брата, и владѣемъ, и другъ друга не трогаемъ. А Свѣнельдъ выдумалъ съ Овруча дань въ Кіевъ, и къ намъ въ Новгородъ за этимъ засылали....

— Ну, на Новгородъ-то у нихъ руки коротки!—вставилъ свое замѣчаніе Добрыня Малковичъ.

— И я тоже говорю. Собрали въ Кіевѣ дружину, собрали дружину въ Овручѣ. Съ кіевской стороны кормилецъ Ярополковъ Блудъ, а съ нимъ не много ни мало, какъ самъ Свѣнельдъ съ своею дружиною. Ему нужды нѣтъ, что за восемьдесятъ лѣтъ, а онъ бодрѣе нашего брата молодыхъ. А изъ Овруча выступилъ Олегъ съ своимъ горемычнымъ кормильцемъ Претичемъ. Гдѣ-же тутъ справиться? Мнѣ сказывали люди, что впереди всѣхъ врѣзался въ непріятеля Свѣнельдъ; за нимъ слѣдомъ, по пятамъ, первые въ Кіевѣ богатыри, Алешка Поповичъ, да Андрихъ Добрянковъ; за ними, по пятамъ-же, еще трое, за ними четверо, тамъ пятеро, и такъ вся дружина. И врубился Свѣнельдъ, и добирался черезъ тѣла цѣликомъ до Претича, стало-быть прямо на князя. Тѣ видятъ,

что дѣло-то не ладно — на утекъ, а за ними и вся дружина стадо-стадомъ бросилась бѣжать. Это дѣло извѣстное: кто-же станетъ драться, когда воевода бѣжалъ? И бѣжали они, крѣпко торопились, такъ торопились, что Свѣнельдъ, и Блудъ, и князь Ярополкъ, и дружина за ними едва поспѣвали. А ровъ-то вокругъ города глубокій, а мостъ черезъ него узкій, они и столпились, и посыпался народъ съ моста какъ горохъ: чуть не гору тѣлъ подъ мостъ насыпали. Вошли въ городъ и кіевляне, спрашиваютъ князя, нѣтъ князя; спрашиваютъ кормильца, Претича, и его нѣтъ. Стали искать, не нашли, а проискали цѣлый день до ночи. А на другой день одинъ древлянинъ сказалъ: «Я видѣлъ, какъ вчера столкнули его съ моста». Стали разбирать тѣла подъ мостомъ, рыли цѣлый день до полудня, и вытащили лошадей и людей — не упомню, что-то много. Нашли тѣло князя Олега, понесли въ княжій домъ, а Свѣнельдъ стоитъ, глазъ не спускаетъ съ ямы; все ждалъ, не найдется-ли Претичъ. Ну, и его нашли, поглубже, стало-быть онъ проворнѣе князя бѣжалъ. Плюнулъ на него Свѣнельдъ, прочь пошелъ. А въ княжемъ домѣ Ярополкъ надъ братомъ сидитъ, плачетъ. Олегу-то всего семнадцать лѣтъ было, усъ едва начиналъ пробивать; а Ярополкъ всего годомъ старше покойника былъ. Какъ вошелъ Свѣнельдъ, такъ князь и говоритъ: «Порадуйся, вотъ чего ты хотѣлъ». А Свѣнельдъ вовсе не того хотѣлъ; ему надо было только въ лицо убитому Претичу плюнуть.

— Ну и все? — спросилъ Добрыня, подождавъ, не станетъ-ли его собесѣдникъ говорить еще. — Чего ты задумался?

— Нѣтъ, ничего, — отвѣчалъ Угоняй, — я думаю только, какъ это Свѣнельдъ перемѣнился. Видѣлъ я его ранней весной, передъ походомъ, такъ онъ былъ бодръ и прямъ, будто ему сорока лѣтъ не было, а вернулся, такъ старикъ-старикомъ, сгорбился, колѣни дрожатъ, и пересталъ носить мечъ: ходитъ съ клюкой. Видно, вся бодрость-то была ему нужна на то,

чтобы до Претича добраться, за сына отплатить, а теперь старость свое взяла и скрючила человѣка.

— А на Новгородъ какъ-же, думаютъ? — спросилъ Добрыня: — вѣдь еще одинъ братъ есть, такъ и его не вздумаетъ-ли Кіевъ убить?

— Вотъ объ этомъ-то намъ, старымъ новгородцамъ, поговорить надобно, —сказалъ Угоняй.—Кажется въ Кіевѣ теперь некому замышлять на Новгородъ, а всѣ люди говорятъ, словно въ одинъ голосъ. Воевода Блудъ, княжескій кормилецъ, не очень-то храбрый воинъ; а кромѣ него—первой, другой, да и обчелся. Богатыри есть, это точно, а людей нѣтъ. Свѣнельдъ одряхлѣлъ такъ, что жалость смотрѣть, а кромѣ него все мелочь. И полно будетъ боярину Блуду съ кіевской округой справляться, не то что сюда, въ этакую даль замышлять. Анъ нѣтъ, говорятъ люди, что будетъ походъ на Новгородъ. Никому этотъ походъ не надобенъ, можетъ быть никто его не хочетъ, а всѣ говорятъ, порываются, будто самъ Кіевъ встаетъ на Новгородъ, правду тебѣ говорю. И помяни ты мое слово, не даромъ это. Говорятъ: «одна земля». Да мало-ли чего нѣтъ! И весь-то свѣтъ одна земля, такъ всю ее и подавай одному князю? Что-же это такое будетъ? И опять дань, что-ли, будетъ Новгородъ Кіеву платить? И убьютъ они, что-ли, нашего молодаго князя? И что такое будетъ, и какъ оно будетъ, я этого и не придумаю. За тѣмъ и поспѣшилъ сюда изъ Кіева, товаръ приказалъ везти своимъ людямъ, а къ тебѣ поспѣшилъ, чтобы вмѣстѣ подумать.

— Да, есть надъ чѣмъ призадуматься, —сказалъ, помолчавъ нѣсколько времени, Добрыня:—и прежде всего, что бы тамъ ни было, а я своего племянника въ обиду не дамъ, а съ нимъ не хотѣлось-бы давать въ обиду и Новгорода. Я родился хоть и не въ Новѣгородѣ, а полюбилъ здѣшнее мѣсто какъ родное. Видишь-ли, мой отецъ, ты его помнишь, былъ изъ Любеча, а матушка изъ здѣшнихъ мѣстъ. На несчастье наше,

мать моя полюбилась княгинѣ Ольгѣ и взяла она ее къ себѣ, и жила она въ Вышгородѣ ключницей, и при себѣ держала тамъ сестренку мою Малушу, а меня отослала сюда, къ дядѣ Стояну, то-есть онъ ей братъ. Вотъ и жили мы; я сталъ привыкать къ здѣшнимъ людямъ, къ дѣламъ, къ порядкамъ, и все пошло-было хорошо. На бѣду матушка умерла, а въ ключницы поставила княгиня сестру мою, Малушу. Князь Святославъ часто наѣзжалъ въ Вышгородъ, сестра ему понравилась; онъ, не сказавшись старой княгинѣ, возьми, да на сестрѣ моей и женись. Какъ узнала это старая княгиня, такъ чуть всего Вышгорода въ Днѣпръ не выворотила. И рветъ, и мечетъ, и слышать не хочетъ, чтобы князь женатъ былъ на рабѣ. Одна жена у него была изъ варяжскаго рода по отцу, Руальда, она и теперь жива; другая была чешка, изъ Чешской земли, а третья вотъ моя сестра, Малуша. Такъ зачѣмъ не Руальда, зачѣмъ не Гильдегарда какая нибудь, а просто Малуша. Согнала она съ глазъ долой невѣстку, дала ей село Будутино, и строго-на-строго запретила въ Кіевѣ показываться. Поѣхалъ я отсюда повидаться съ сестрой-княгиней, когда у ней былъ уже сынокъ Владиміръ, и засталъ ее больнехоньку. Мы тогда съ ней вдвоемъ на свѣтѣ остались: и дядя Стоянъ померъ. Пріѣзжаю, а она при смерти, и отдала мнѣ сынка, племянника-то моего. И съ тѣхъ поръ я съ нимъ не разставался: по второму году взялъ, кормилъ, поилъ, а село Будутино, какъ Малуша умерла, княгиня отняла у внука и отдала на греческую церковь. Вотъ съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ, я съ Владиміра глазъ не спускалъ, не отходилъ отъ него ни на шагъ, и еслибы ему понадобилось Волховъ поднять на Днѣпръ, Варяжское море поднять на Русское — подниму! Девять лѣтъ было Владиміру, какъ я его сюда привезъ, княземъ новгородскимъ, и если Новгородъ насъ съ нимъ съ тѣхъ поръ не полюбилъ, если именемъ княжескимъ какая неправда здѣсь дѣлалась, то видно Новугороду нужны княжескіе на-

мѣстники, а не князья, надобенъ мечъ, а не рука, больше по нраву приходится шеломъ, чѣмъ голова. А я, видишь-ли что, отъ племянника своего, князя Владиміра Святославича не отстану: пятнадцать лѣтъ я полагалъ въ него свою душу, такъ уступить его Кіеву теперь не приходится, потому что люблю я его какъ свою душу.

Добрыня горячился больше и больше, а Угоняй, слушая его, думалъ: «Толкуй, толкуй, старая лисица! Не какъ душу любишь ты князя Владиміра, а какъ свой карманъ. Въ семь-то лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ малолѣтній Владиміръ сталъ у насъ считаться княземъ, сундуки-то набилъ, такъ что ломятся. Знаю, знаю, братъ, что не дуракъ! Не тѣснилъ, не прижималъ, бралъ въ мѣру, и въ Новѣгородѣ найдутся тебѣ сторонники; только намъ-то отъ этого не легче... Все-таки эту кашу придется Новугороду расхлебывать: князья ссорятся, а у людей головы болятъ».

— Вѣстимо, вѣстимо!—сказалъ онъ вслухъ:—какъ-же тебѣ князя не любить, когда ты его отъ молодыхъ ногтей вскормилъ и выходилъ! Да за князя Владиміра весь Новгородъ какъ одинъ человѣкъ встанетъ, а вѣдь это не Овручъ какой нибудь. Бѣда только въ томъ, что теперь-то у насъ народу маловато: разбрелись новгородцы, а съ своей-то дружиной много-ли постоишь? Тысячѣ человѣкъ противъ двадцати тысячъ не долго устоять.

— А развѣ такъ уже близко? Развѣ сряду и пошли?—спросилъ Добрыня, уставившись въ Угоняя угрюмо и внимательно.

Княжескій кормилецъ зналъ очень хорошо, что Угоняй въ Новѣгородѣ имѣетъ многихъ сторонниковъ, и на слова его смотрѣлъ, какъ на голосъ половины города. А богатый новгородецъ имѣлъ въ виду прежде всего избавить Новгородъ отъ грозившей ему войны, стало быть отъ разоренія торговыхъ и неторговыхъ людей.

— Сряду они не пошли,—отвѣчалъ Угоняй,—а лодьи готовить стали, это я своими глазами видѣлъ. Про Новгородъ и говорить нечего: встанетъ какъ одинъ человѣкъ за своего князя; да маловато насъ теперь, вотъ наша бѣда! Разошелся весь народъ, вотъ бѣда-то какая!

— Правда, что разошелся!—отвѣчалъ раздумчиво Добрыня:—еслибы до заморозковъ подождать, то совсѣмъ было-бы другое: мы встрѣтили-бы Кіевъ съ такимъ почетомъ, что онъ и въ ворота свои не попалъ-бы, какъ овручскіе бѣглецы. А теперь нѣтъ, нельзя...

— Отчего нельзя? И теперь-бы можно!—сказалъ Угоняй;—да вотъ бѣда, невѣрно будетъ это дѣло. Народу наберемъ, да тутъ не счетъ важенъ, а каковы люди. Вотъ и подъ Овручемъ: не будь Свѣнельда и его сорока четырехъ богатырей, еще неизвѣстно, кого столкнули-бы съ моста, Ярополка или Олега? А гдѣ у насъ Свѣнельды? Развѣ Воробей Стояновичъ выручилъ-бы, да вѣдь и онъ, пожалуй, ушелъ.

— Да, станетъ Воробей сидѣть дома! Въ Болгары ушелъ по своему дѣлу, тоже за товарами,—отвѣчалъ сердито Добрыня:—я самъ и до озера провожалъ. Нѣтъ, это дѣло надо бросить: народу вовсе нѣтъ...

— А какъ-же намъ быть-то, отецъ родной, Добрыня Малковичъ?—сказалъ Угоняй.

Ему хотѣлось поторопить рѣшеніе, благопріятное для спокойствія Новагорода, и въ тоже время онъ боялся, чтобы упрямый кормилецъ не замѣтилъ излишней торопливости.

— Да вотъ что: станемъ дѣлать по-старинѣ,—отвѣтилъ Добрыня:—спросимъ на вѣчѣ, что Новгородъ скажетъ? А какъ Новгородъ скажетъ, такъ и будетъ.

Добрыня надѣялся, что городъ скажетъ что нибудь благопріятное для его племянника.

Угоняй отправился домой и тотчасъ послалъ за своими

подручными людьми. Къ нему сошлось человѣкъ семь знакомыхъ; онъ объяснилъ имъ въ чемъ дѣло и прибавилъ:

— Вамъ нечего толковать, что война дѣло убыточное, разорительное, и побить намъ Кіевъ никакимъ образомъ нельзя, а если нельзя побить, то все равно придется платить прежнюю дань, двѣ тысячи гривенъ въ годъ. Стало быть, что бы тамъ ни говорилъ Добрыня, твердить, что воевать нельзя, мы не согласны. Такъ и молодцамъ сказать. Завтра съ утра будутъ скликать вѣче, такъ похлопочите, чтобы разноголосицы не было.

На завтра объявлено было на сходѣ, что Новугороду грозитъ кіевское вторженіе и что надо будетъ или покориться Кіеву, или воевать. Разсказано было и о томъ, какъ Ярополкъ вооружился на Олега и какъ тѣло князя найдено было подъ кучею другихъ тѣлъ.

— Что-же? Мы за князя своего стоять готовы!—послышались голоса, преданные Добрынѣ.

— Неужли Новгородъ уступитъ Кіеву?—говорили другіе.

— Съ кѣмъ стоять-то? Люди-то гдѣ?.. Завтра подступятъ!.. Идутъ!.. Рады за князя!.. Нашолъ Кіевъ данниковъ!.. Свѣнельдъ идетъ самъ!..

Кричали много, кричали до надсады, но съ самаго начала замѣтно было, что люди войны не хотятъ. Они и перекричали, и Добрыня пошелъ домой крѣпко задумавшись. Пятнадцать лѣтъ сряду онъ былъ княжескимъ кормильцемъ, семь лѣтъ сряду онъ сидѣлъ въ Новѣгородѣ и правилъ именемъ Владиміра, накопилъ себѣ большія богатства, и потому хотѣлъ еще больше и больше. А тутъ приходилось отъ всего отказаться. Это было обидно, и упрямый кормилецъ скрежеталъ зубами, чувствуя свое безсиліе. Но онъ умѣлъ разсчитывать: не даромъ столько лѣтъ велъ торговыя дѣла при дядѣ Стоянѣ. И сталъ онъ дѣлать такой разсчетъ: нанять хорошую варяжскую дружину, закованную въ желѣзо отъ маковки до пятокъ, не

пожалѣть денегъ, ну хоть всѣ отдать. Привести ихъ, да и притиснуть этихъ крикуновъ новгородцевъ, особенно прижать эту лисицу Угоняя, а потомъ, прибавивъ княжескую дружину и новгородцевъ, — притиснуть можно будетъ и Кіевъ, тогда и деньги вернутся въ сундуки, и князь Владиміръ возвеличится, стало быть его кормильцу опять-таки хорошо. Только гдѣ-же взять варяговъ по-лучше? Кое-какіе въ Новѣгородѣ шатаются безъ дѣла, а надобно отборныхъ. Просто хоть къ нимъ въ ихъ землю ѣхать приходится... Да отчего и не ѣхать? Прежде всего надо Владиміра выручить изъ надвигающейся грозы, потому что безъ князя кормилецъ все равно, что лодка безъ воды: на дрова только и годится. Ну, конечно, надо къ варягамъ удариться и съ Владиміромъ...

Черезъ два дня опять была сходка. Народъ провожалъ молодаго князя и его кормильца — за море.

— Князь желаетъ Новугороду добра, князь не хочетъ, чтобы изъ-за него вышла война, разореніе Новугороду,—говорилъ Добрыня:—князь покидаетъ Новгородъ, чтобъ не идти противъ старшаго брата.

Нѣкоторые изъ новгородцевъ жалѣли, что уѣзжаетъ молодой князь, и въ самомъ дѣлѣ чуть не со слезами провожали его къ лодьямъ, и надѣляли его благими пожеланіями.

— Туда и дорога!—говорилъ послѣ проводовъ Угоняй, своему сосѣду Путятѣ:—княжескій-ли посадникъ, или княжескій кормилецъ, или самъ князь, это все единственно, самъ ты посуди: расходъ одинъ и тотъ-же.

— Погодите-же вы, плотники!—говорилъ въ тоже время Добрыня: — захотѣлось вамъ посадника? Такъ я вамъ такого варяга желѣзнаго посажу, что у васъ кости затрещатъ!

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени воевода Блудъ съ самимъ княземъ Ярополкомъ и съ небольшою дружиною пришелъ въ Новгородъ, посадилъ тамъ княжаго мужа или посадника, и спокойно возвратился въ Кіевъ. По прежнему,

Новгородъ сталъ платить Кіеву тысячу гривенъ, да отпускать пятьсотъ гривенъ на содержаніе новгородскихъ гридней или княжескихъ мечниковъ.

Такъ прошло три года. О князѣ Владимірѣ приходили въ Новгородъ рѣдкіе слухи черезъ наѣзжихъ варяжскихъ купцовъ: что онъ живетъ въ Норвегіи, у тамошней королевы Астриды, что у нея сынъ Олофъ, лѣтъ на пятокъ моложе Владиміра, подружился съ русскимъ княземъ, и живутъ хорошо, а Добрыня тоже съ нимъ, и вовсе сталъ варягомъ, и одѣвается по тамошнему, и говоритъ по-варяжски, такъ и рѣжетъ. Одно лѣто онъ отпускалъ князя на варяжскихъ лодьяхъ за море, и тотъ вернулся съ добычей. Потомъ разсказывали, будто другой варяжскій конунгъ, Эрикъ, выгналъ и Астриду, и брата ея, воеводу Сигурда, и сына ея Олофа, и съ русскимъ княземъ, а самъ сталъ королемъ. Только-что этотъ слухъ прошелъ въ Новгородѣ, стали что-то путать, разсказывали, что у Сигурда много сторонниковъ ушло вмѣстѣ съ нимъ, и будто идутъ съ Добрынею на Новгородъ. Такому вздору никто не вѣрилъ; но Угоняй говорилъ, что съ этой лисицы все станется. А за слухомъ, какъ снѣгъ на голову, бѣглецы изъ Ладоги принесли вѣсть, что въ рѣку Волховъ ворвались варяжскія суда—видимо-невидимо, и на передней ладьѣ видѣли князя Владиміра: смотритъ соколомъ; бородка и усъ опушились молодымъ пухомъ; стоитъ, опершись одной рукой на длинный варяжскій мечъ, а другую положилъ на плечо дядѣ своему Добрынѣ, а дядя возлѣ него сидитъ на лавкѣ. Черезъ три дня послѣ этого слуха новгородцы увидали самого князя и съ нимъ сотни двѣ отборной дружины, одинъ сильнѣе другаго. Народъ замѣтилъ, что позади князя, рядомъ съ Добрыней, ѣхала какая-то боярыня, не то княгиня, пожилыхъ лѣтъ, а по другую сторону—мальчикъ лѣтъ четырнадцати, краснощекій варяжонокъ. Вскорѣ узнали, что боярыня эта королева Астрида, а варяжонокъ ея сынъ Олофъ. За нимъ ѣхалъ одинъ,

настоящій богатырь, братъ королевы, самъ Сигурдъ, а за нимъ дружина шла пѣшкомъ.

Посадникомъ князя Ярополка сидѣлъ тогда въ Новѣгородѣ воевода Икморъ, дружина при немъ княжеская на половину разошлась кто на промыслы, кто куда, и остался народъ плохонькій, такъ что на варяговъ идти съ ними нечего было и думать. Какъ быть? Пришлось покориться. Онъ и вышелъ встрѣтить князя Владиміра и поклонъ ему справилъ по-старинѣ. Князь милостиво поклонился ему и велѣлъ распорядиться, чтобы дружинѣ его приготовить ужинать. За Икморомъ стоялъ купецъ Путята, съ хлѣбомъ-солью, а за нимъ Угоняй, съ другими богатыми новгородцами.

— Солнышко наше красное опять восходитъ! Добро пожаловать!—сказалъ Путята и положилъ хлѣбъ-соль подъ ноги княжескому коню.

— Изъ этого Путяты толкъ будетъ,—подумалъ Добрыня:—а лисица Угоняй за другихъ хоронится. Погоди, братъ, доберемся до тебя!..

Съ того-же дня Новгородъ понялъ, что варяги не своя братья, княжескіе мечники или гридни: кормить и поить надо было эту ораву. Къ королевѣ Астридѣ набрали прислугу, и ее надо было кормить и поить; Олофу набрали небольшую дружину, отроковъ, и ее корми. На варяговъ еще при Олегѣ сходило съ Новагорода по триста гривенъ въ годъ, а тутъ приходилось по двѣсти въ мѣсяцъ.

Икморъ, посадникъ Ярополка, остался ни при чемъ, и Добрыня боялся, что онъ понапрасну только будетъ мутить; къ тому-же опытный кормилецъ княжескій началъ замѣчать, что новгородцы ходятъ понурые, угрюмые. Надо было что нибудь придумать, и вотъ вздумалъ Добрыня потѣшить Новгородъ, созвать сходку и постановить какое нибудь пріятное рѣшеніе. Но для этого надо было посовѣтоваться съ городскими стариками, и княжескій дядя вдругъ нежданно-нега-

данно посѣтилъ купца Угоняя. А у того кстати сидѣлъ сосѣдъ Путята. Хозяинъ не зналъ куда и посадить, и какъ получше принять и угостить Добрыню. Молодая хозяйка, Запава, принесла меду, вина заморскаго, кланялась, а хозяинъ увѣрялъ, что этотъ день будетъ ему на весь вѣкъ памятенъ. Добрыня говорилъ съ старымъ пріятелемъ, какъ казалось, по душѣ, пріятель говорилъ тоже чистосердечно, но обѣ старыя лисицы были себѣ на умѣ.

— Ужь такъ мы рады, такъ рады княжескому приходу, что и сказать нельзя,—говорилъ Угоняй;—и такъ любовались на княжескую дружину, что вовсе заглядѣлись: богатырь къ богатырю на подборъ.

— Правда, что дружина ничего,—отвѣчалъ Добрыня:—есть кое-кто съ руками, а иной и съ головой. Только вотъ бѣда: тяжеленька дружина эта для Новагорода, тяжеленька, и душа у меня болитъ по Новугороду. На Новѣгородѣ такую обузу оставлять не приходится, а куда ее дѣвать, ужь я никакъ не придумаю. Сидѣть ей тутъ для охраны нашего князя не приходится: народъ безпокойный, отъ нечего дѣлать пожалуй надѣлаетъ бѣды...

— Что ты, что ты, отецъ родной, Добрыня Малковичъ!—возразилъ добродушнымъ голосомъ Угоняй:—отъ твоихъ варяговъ, да бѣда! Никакой не надо быть бѣды, пусть живутъ себѣ, да князя оберегаютъ. И не тяжело Новугороду: велики-ли деньги двѣсти съ чѣмъ-то гривенъ въ мѣсяцъ, да харчи... Что-же это за тяжело?

Путята съ удивленіемъ посмотрѣлъ на хозяина, который только-что передъ приходомъ Добрыни говорилъ ему совсѣмъ другое.

— Ну, нѣтъ, по-моему это не такъ!—сказалъ онъ угрюмо:—Новугороду оно точно что тяжело, и Новгородъ этого долго не снесетъ. При первыхъ князьяхъ мы этого не сносили, и теперь выдержимъ не долго.

— Вотъ люблю,—вскричалъ Добрыня:—это ты чисто по новгородски говоришь. Надо бы намъ князю поклониться, чтобъ онъ своихъ варяговъ отсюда убралъ.

— Зачѣмъ намъ князю кланяться, когда самъ княжой кормилецъ такъ говоритъ?—сказалъ со смѣхомъ Путята.

— А за тѣмъ,—отвѣчалъ Добрыня,—что князь теперь не маленькій, двадцатый годъ ему пошелъ и воля стала у него своя: дядю своего не очень-то слушаетъ. На Кіевъ идти, пошелъ-бы, можетъ быть, да съ одною дружиной, безъ войска, далеко-ли уйдешь?

— Такъ не сдѣлать-ли вотъ какъ?—сказалъ Угоняй, понявшій очень хорошо, что Добрыня задумалъ походъ и хочетъ въ Новгородѣ набирать войско. Угоняю это не нравилось, но иначе отъ дружины избавиться было нельзя, и потому онъ хотѣлъ кстати избавить Новгородъ отъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ людей.—Кликнуть кличъ, собрать войско, осенью подойдетъ кое-кто изъ молодцовъ, ихъ захватить въ дружину, да по первому пути и двинуться. Да и пора проучить этотъ Кіевъ, уже очень онъ противъ Новгорода зазнался. Этотъ бояринъ Блудъ судитъ и рядитъ здѣсь больно круто.

— Не знаю что скажетъ князь,—сказалъ Добрыня:—во всемъ его воля, а поговорить съ нимъ объ этомъ можно будетъ.

— Ужь ты уговори его, кормилецъ нашъ!—сказалъ съ поклономъ Угоняй,—а до тѣхъ поръ мы рады-радехоньки варягамъ, какъ отцамъ роднымъ рады! Кормы и деньги собирать будемъ вотъ какъ, со всякимъ удовольствіемъ!

— Поговорю, поговорю князю,—сказалъ Добрыня, и долго еще совѣтовался съ своими пріятелями о сборѣ войска, о томъ, кого придется взять въ дружину, о торговлѣ, о молодомъ Олофѣ и о неслыханномъ богатырѣ Сигурдѣ, о Рагдаѣ и о Воробьѣ Стояновичѣ.

— Вотъ мы и вздохнемъ по-вольнѣе, когда вся эта орава отхлынетъ,—сказалъ Угоняй сосѣду Путятѣ, когда ушелъ

домой княжескій дядя.—И какъ вѣдь эта старая лисица все подстроилъ!—«Не знаю что скажетъ князь!»—говоритъ. Да, какъ же, не знаетъ онъ!.. Князь молодъ, привыкъ сквозь его руки смотрѣть на все, и въ такомъ тонкомъ дѣлѣ, гдѣ надо съ Новгорода войско взять, и подавно безъ старой лисицы ему не обойтись. Да погодите, волки этакіе ненасытные! Въ Кіевѣ тоже не дремлютъ люди; тамъ есть и Алешка Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ, и Буслай, изъ нашихъ, новгородецъ коренной: они съ этимъ Сигурдомъ поспорятъ, и еще неизвѣстно, кто кого... Вотъ еслибъ они другъ дружку вплоть до хвоста съѣли, такъ намъ это было-бы куда какъ хорошо...

Раннею зимою (980 г.) собралось войско: Новгородъ, Волховскіе пороги, Ловать, Псковъ, Изборскъ, а также Чудь и Кривичи поставили войска десять тысячъ человѣкъ; огромный обозъ съ оружіемъ выступилъ изъ Новагорода, вмѣстѣ съ нимъ вышло войско, за нею дружина и съ нею самъ князь съ кормильцемъ Добрынею и съ воеводою Сигурдомъ. По этому случаю жрецъ Богомилъ принесъ Перуну благодарственную жертву и веселье въ Новѣгородѣ было великое. Передъ походомъ князь отослалъ въ Кіевъ бывшаго Ярополкова посадника Икмора сказать тамошнему князю: «Владиміръ идетъ на тебя, готовься къ войнѣ.»

И Кіевъ весь заволновался, какъ море въ непогоду. «Какъ Новгородъ смѣетъ на Кіевъ идти!—говорили одни.—Пригородъ на городъ поднялся!—говорили другіе.—Яйца курицу учатъ!—Плотники зашевелились, пилы имъ въ руки, а не мечи!—Ершеѣды озерные!..» Крикамъ не было конца, и войско собиралось охотно.

Между тѣмъ Владиміръ съ дружиною и съ войскомъ подвигался къ югу и доходилъ уже до Полоцка. Съ дороги Добрыня послалъ отроковъ къ полоцкому князю Рогволоду, сватать его дочь Рогнѣду за князя Владиміра. На это Рогволодъ отвѣчалъ, что Рогнѣда просватана уже за кіевскаго князя

Ярополка и отдана Владиміру не будетъ. Добрыня опять послалъ сказать, что Ярополку княземъ не быть, а княземъ въ Кіевѣ будетъ Владиміръ, такъ все равно Рогнѣда будетъ за кіевскимъ княземъ. Рогволоду въ Полоцкѣ сидѣлось хорошо и не хотѣлось ему ссориться ни съ которымъ изъ сосѣдей. Онъ призвалъ дочь и сказалъ ей чего требуетъ Владиміръ.

— Никогда, ни за что не выйду за рабынича!—такъ отвѣчала Рогнѣда. Такой отвѣтъ отроки отнесли и Добрынѣ, а княжескій дядя терпѣть не могъ, чтобы ему напоминали его незнатное происхожденіе, и потому «исполнился ярости».

— Я же вамъ покажу, заморскіе коты, какой у меня сынъ рабыни, какой я самъ братъ рабыни и рабъ! Дяденька Сигурдъ! Потѣшь-ка свой мурманскій мечъ, покажи какая у насъ дружина. Этотъ Рогволодъ, къ тому же, засѣлъ здѣсь и дани никому не даетъ вотъ ужь больше двадцати лѣтъ: это не порядокъ, земля эта вся наша.

Какъ перунъ бьетъ по лѣсу и валится лѣсъ какъ трава подъ косой, такъ ударилъ Сигурдъ съ своею желѣзною дружиною на отроковъ Рогволода, и все смѣшалось въ кучу, надъ которой поднимались длинные варяжскіе мечи. Два сына князя Рогволода были скошены, самъ Рогволодъ палъ, а бѣдная Рогнѣда издали видѣла эту свалку, сидя въ своемъ теремѣ, и видѣла, что на княжескій дворъ въѣзжаетъ шагомъ непріятель. Вотъ какой-то старикъ съ быстрымъ взглядомъ слѣзаетъ съ коня. Вотъ юноша-красавецъ, варягъ, соскочилъ съ коня; вотъ богатырь варягъ съ громаднымъ мечомъ, снялъ шлемъ и вытираетъ потъ. Вотъ еще какой-то молодой варягъ съ соколинымъ взглядомъ, съ молоденькой бородкой. Вотъ еще и еще богатыри.—

Который же изъ нихъ ненавистный сынъ рабы, съ гадкимъ носомъ, съ плоскимъ лицомъ, съ мутнымъ взглядомъ? И гдѣ же отецъ? Гдѣ братья? Что съ ними сдѣлалось? Отчего ихъ нѣтъ? И сжалось сердечко бѣдной

дѣвушки, и задрожало какъ пойманная птичка, и опустилась ея красивая головка. Но вотъ слышны шаги по лѣстницѣ, слышно, идетъ тяжелый вооруженный человѣкъ. И схватила Рогнѣда острый ножъ, чтобъ избавиться отъ дерзкаго сына рабы... Дверь отворяется, и входитъ не рабыничъ, а тотъ красавецъ съ соколинымъ взглядомъ, съ пушкомъ вмѣсто бороды, съ молоденькимъ усомъ.

— Ты Рогнѣда?—спросилъ молодой витязь.

— Гдѣ мой отецъ?—спросила гнѣвная Рогнѣда.

Но красавца-витязя она не боялась, ей пуще всего страшно было, не вошелъ бы къ ней сынъ рабы съ мутнымъ взоромъ, на него-то и готовился ножъ.

— Отчего ты за меня, красавица, не хотѣла замужъ идти?—спросилъ витязь.

— Меня обманули! —отвѣчала, потупивъ очи, красавица.—Мнѣ сказали, что ты сынъ рабыни!

Владиміръ женился на красавицѣ Рогнѣдѣ, а среди праздниковъ умный дядя Добрыня Малковичъ готовилъ все, что нужно для дальнѣйшаго похода, и вскорѣ дружина съ войскомъ выступила къ Кіеву. Еще до праздника коляды Владиміръ прошелъ Вышгородъ и не доходя Кіева версты три, окопался снѣгомъ на Дорогожичѣ, близъ самой опушки лѣса, гдѣ былъ убитъ Мистиша. Воевода Блудъ тоже затворился въ Кіевѣ съ Ярополкомъ; и пошли тайныя пересылки. Добрыня послалъ къ Блуду вѣрнаго слугу своего сказать, что между братьями война—дѣло Перуну неугодное, что надо-бы дѣло уладить полюбовно, что и самому воеводѣ Блуду лучше будетъ, если онъ перейдетъ къ Владиміру и будетъ ему вмѣсто отца. Кормилецъ Ярополка былъ дурной человѣкъ. Онъ не надѣялся одолѣть Добрыню съ варяжскими богатырями, и не прочь былъ перейдти на сильную сторону. Для этого онъ началъ запугивать своего молодаго питомца. Кіевъ готовъ былъ стоять

противъ Новагорода на смерть, а воевода Блудъ все пугалъ Ярополка, что кіевляне что-то дурное замышляютъ противъ него.

— Чего-же имъ умышлять на меня? — спрашивалъ довѣрчивый Ярополкъ:—я слышалъ, что Кіевъ не любитъ Новагорода, и всѣ готовы биться.

— Не вѣрь ты имъ, князь, — отвѣчалъ воевода: — они только морочатъ насъ, думаютъ провести, а мы въ обманъ не дадимся. Я слышалъ, вотъ и Алешка Поповичъ собирается въ варяжскую дружину къ Владиміру передаться, а тогда намъ просто бѣда. Уйдти въ Рѡдню, больше дѣлать нечего, толькобы отъ этихъ предателей подальше. А что про этого варяга Сигурда разсказываютъ, такъ просто страсти: мечъ у него заколдованъ девятью колдунами и тридцать разъ перекаленъ въ толченомъ цареградскомъ жемчугѣ, а ковали его... Да что мечъ! Противъ меча есть щитъ, а вотъ противъ предателя нѣтъ никакой защиты...

Долго уговаривалъ Блудъ князя Ярополка, и тотъ повѣрилъ, что весь Кіевъ готовъ его предать и отдаться Владиміру. Ночью онъ уѣхалъ съ дядей и съ небольшой дружиной въ городъ Рѡдню, а Владиміръ съ Добрыней вступилъ въ Кіевъ. Тутъ пошелъ пиръ на весь міръ, и особенно угощалась дружина съ самимъ княземъ. Богатыри изъ Ярополковой дружины ждали, что Владиміръ ихъ позоветъ, и вотъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ Добрыня, кликнулъ кличъ. Отозвалось десятка три витязей, и пошли на княжій дворъ, и стали тамъ первыми гостями. И всякій день было пированье, почестный пиръ, а и было столованье, почестный столъ.

А въ Рѡднѣ бѣда была великая. Небольшое войско Владиміра стояло вокругъ маленькаго города, а тамъ уже не было хлѣба, дружина пріѣла лошадей и глодала мерзлыя кости. Бояринъ Блудъ опять приступилъ къ Ярополку и сталъ уговаривать:

— Помирись ты, князь, съ братомъ, возьми ты, что онъ

уступитъ. Отъ голоду люди уже стали пухнуть, и намъ, видно, не отсидѣться.

Но Ярополкъ не рѣшался: его вѣрный слуга Варяжко отговаривалъ его и всякій день раза по три толковалъ, что всего лучше уйдти къ печенѣгамъ, захватить ихъ съ собою цѣлую орду и прогнать варяговъ. Это было заманчиво; но когда онъ вспоминалъ разсказъ о Сигурдѣ, который разрубалъ пополамъ всадника вмѣстѣ съ конемъ, то ему казалось, что лучше помириться съ братомъ и взять у него, что уступитъ. Наконецъ голодъ сталъ одолѣвать и его, и онъ поѣхалъ къ брату вмѣстѣ съ кормильцемъ Блудомъ. А Добрыня все зналъ, что дѣлается въ Рòднѣ, зналъ, что князь Ярополкъ выѣхалъ, ѣдетъ, скоро будетъ.

Среди пира Владиміра и его дружины, Добрыню вызвали изъ-за стола, и никто этого не замѣтилъ. Вызвалъ Блудъ, пріѣхавшій съ Ярополкомъ. Добрыня только мигнулъ двумъ варягамъ, указывая имъ на князя, сказалъ, что это злѣйшій врагъ князя, и тѣ убили молодаго человѣка, не задумавшись ни на минуту. А пиръ Владиміра продолжался, и гусляръ громкимъ голосомъ пѣлъ про то, какъ князь-солнышко Святославъ Игоревичъ билъ греческаго царя Ивана Цимисхія, и какъ печенѣги побѣжали отъ Кіева, когда прослышали, что идетъ князь Святославъ. Въ гридницѣ раздавались веселые крики богатырей и дружины, а рядомъ слуги-рабы, со смѣхомъ и шутками, убирали тѣло и посыпали пескомъ пятна, сдѣланныя пролитою братнею кровью. Добрыня, возвратясь на пиръ, понялъ, что дѣло сдѣлано, что его питомецъ сдѣлался одинъ владѣтелемъ русской земли, и что эти веселые варяги, пирующіе за княжескимъ столомъ, больше не нужны.

— Куда-бы дѣвать эту вредную ораву? думалъ онъ, оглядывая столы, на которые уже склонилось десятка полтора опьянѣвшихъ головъ. Такого народу найдемъ и своего, если поискать хорошенько; а эти только объѣдать станутъ. Еще

хорошо, еслибы воевать надо было; а теперь надо отдохнуть, осмотрѣться, устроиться. Много ихъ очень, и вѣдь всякому плати деньги; а дѣлать нечего, меньше нельзя было взять съ собой... Оно можно-бы и меньше, да дѣло не было-бы такъ вѣрно и не сдѣлалось-бы такъ легко...

На завтра было опять пированье, почестный пиръ, на послѣзавтра опять, и такъ всякій день дружина пировала съ княземъ, а войско расходилось по домамъ. Варяги успѣли набаловаться такъ, что стали считать князя своимъ намѣстникомъ, своимъ посадникомъ въ Кіевѣ.

— Мы тебя, князь, посадили въ Кіевѣ,—говорили самые рѣчистые изъ нихъ въ началѣ одного пира;—и городъ-то нашъ. Ты на это не смотри, это ничего, ты тоже нашъ и всѣ мы тутъ свои люди. Посадили, ну, и сиди, а мы съ Кіева возьмемъ себѣ дань. Они тебѣ платятъ, ну и хорошо, пусть платятъ, а себѣ мы возьмемъ, потому что городъ нашъ, и возьмемъ дань гривны по двѣ съ человѣка. Больше намъ не нужно, мы народъ добрый, а по двѣ гривны съ человѣка—оно намъ хорошо будетъ. Сколько это будетъ, ты тамъ, дяденька Добрыня, на досугѣ сосчитай, а по двѣ гривны возьмемъ.

Черезъ нѣсколько дней эти пустыя рѣчи довели до драки: избалованные варяги стали требовать съ богатаго купца-кожевенника по двѣ гривны съ него и съ пятидесяти рабочихъ на его заводѣ. У купца столько денегъ не было; онъ отказался платить, а варяги стали бить его людей. Человѣкъ пять было уже убито, когда прибѣжалъ на мѣсто драки самъ Добрыня Малковичъ, одинъ и безъ оружія. Онъ разогналъ варяговъ спокойными и мудрыми словами:

— Вы насъ посадили въ Кіевѣ, храбрые витязи, ваша правда, и вамъ слѣдуетъ дань, это такъ; только съ кого-же? Съ насъ берите, съ князя, съ меня, только не со всякаго встрѣчнаго. Это уже несправедливо. А то съ одного вола придется по три и по четыре шкуры, какъ всякій станетъ взыски-

вать съ одного богатаго человѣка. Дайте срокъ, мѣсяцъ, что-ли, соберемъ сколько вамъ слѣдуетъ и выдадимъ. Князь вашъ данникъ, а не Кіевъ.

Но въ тотъ-же день Добрыня позвалъ къ себѣ богатыря Тремора, корыстнаго и умнаго человѣка, и спросилъ, не хочетъ-ли онъ ѣхать въ Новгородъ намѣстникомъ или посадникомъ княжескимъ? Тотъ согласился съ великою радостью, потому что видѣлъ богатство Новагорода и разсчитывалъ, что тамъ легко будетъ нажиться. На другой день Добрыня позвалъ Тунгельма, самаго бойкаго говоруна изо всей варяжской дружины, запѣвалу всѣхъ варяжскихъ криковъ, и спросилъ, не захочетъ-ли онъ въ посадники въ Полоцкъ?

— Другаго некого туда послать,—говорилъ Добрыня:—тамъ, по Двинѣ, ближе къ морю Варяжскому, еще много мѣстъ вовсе безданныхъ, живетъ народъ дикій, латышъ, и надо его обложить данью. Туда нельзя кому попало ѣхать, потому что тутъ нужна и рука крѣпкая, и голова здоровая. Какъ хочешь, а кромѣ тебя ѣхать некому.

И Тунгельмъ съ удовольствіемъ поѣхалъ въ Полоцкъ. На другой день еще двое варяговъ уѣхали, одинъ въ Мурому, другой въ Весь, на Бѣлоозеро, да такъ человѣкъ двадцать старшихъ, умнѣйшихъ варяговъ и разъѣхалось. Остались варяги стадо стадомъ, и съ ними Сигурдъ богатырь. Но Сигурдъ давно былъ пріятелемъ Добрыни и зналъ, зачѣмъ княжескій дядя разсылаетъ лучшихъ варяговъ и зачѣмъ въ Кіевъ скопляется много войска, а русскихъ богатырей созываютъ отовсюду.

— Такъ-то дѣло будетъ на чистоту!—говорилъ ему Добрыня:—врагамъ твоимъ и шевельнуться нельзя, какъ тѣлу безъ головы, развѣ такъ только, подергаются по малости. Обѣщалъ я имъ въ мѣсяцъ собрать дань, и мѣсяцъ этотъ на исходѣ. А слѣдуетъ имъ по полгривны на брата жалованья, и все тутъ. Какъ-же теперь намъ быть? Дани они не увидятъ,

какъ своихъ ушей, это ужь разумѣется; по полгривнѣ князь имъ прибавитъ на дорогу, дастъ лодьи, снасти, хлѣба на всю дорогу и пусть себѣ ѣдутъ въ Царьградъ. Тамъ такому народу рады будутъ, потому что для драки они годятся; лучше и желать не надобно; а намъ драться не съ кѣмъ, а въ случаѣ чего и свой народъ есть. Такъ ужь ты, дяденька Сигурдъ, поговори имъ какъ въ Царѣградѣ хорошо, и привольно, и богато, и жить весело, а на счетъ дани, чтобъ они и думать забыли. А въ случаѣ если заупрямятся, такъ у насъ есть и Алешка Поповичъ, и Андрихъ Добрянковъ, и Рагдай, и еще наберется десятка два, три, четыре удальцовъ. Тебя будутъ они съ собой звать, такъ вѣдь какъ-же тебѣ оставить племянника Олофа и сестру-королеву Астриду? А они пусть прокатятся въ Царьградъ, попробуютъ съ него дани спросить, такъ ихъ тамъ по головкѣ погладятъ.

— Хорошо, дяденька Добрыня,—отвѣчалъ Сигурдъ;—ты это умно разсуждаешь, только я боюсь, не забылъ-ли ты одинъ должокъ: съ кѣмъ-же я поведу моего Олофа въ норвежскую землю? Уговоръ-то забылъ?

— Что ты, что ты, отецъ родной! Мнѣ-то забыть уговоръ? Поведемъ молодаго Олофа, посадимъ королемъ на мурманской землѣ, это сказано, это свято, нерушимо. Только сказано было: какъ приспѣетъ въ возрастѣ, а приспѣетъ онъ лѣтъ черезъ шесть, семь. Такъ-ли я говорю? А неужли Кіевъ все это время варягамъ дань платить станетъ? Подумай-ка, такъ-ли это будетъ? А что мы посадимъ его королемъ, когда приспѣетъ, такъ уже ты въ этомъ не сомнѣвайся.

— Ну, то-то! — сказалъ Сигурдъ: — это я такъ только, напомнилъ, чтобы не выронить чего изъ памяти. А что ты своего-то войска въ Кіевъ нагналъ, такъ оно ничего, не худо про всякій случай. Народъ-то у насъ вольница, всякій самъ себѣ господинъ, и нашего брата слушаются только пока имъ угоденъ: немножко грозы на нихъ не мѣшаетъ.

Когда Днѣпръ прошелъ, и водяной путь къ морю очистился, шесть большихъ ладей съ большими запасами и съ оставшимися въ городѣ варягами отчалили отъ берега. Съ ними были и провожатые изъ русскихъ, чтобы показать дорогу, а кстати и послы. Старшему изъ нихъ строго наказано было втайнѣ сказать царю, что князь Владиміръ посылаетъ ему сто восемьдесятъ варяговъ, первыхъ богатырей мурманской земли, но что ихъ въ городѣ оставлять нельзя, а лучше всего разослать по разнымъ мѣстамъ, отъ грѣха. Вмѣстѣ имъ быть не годится, и князь Владиміръ по сосѣдству и по дружбѣ такъ велѣлъ сказать.

Какъ гора съ плечъ свалилась у Добрыни, когда ушли эти люди. Наступилъ праздникъ Красной Горки, и можно было дать народу погулять на просторѣ и безопасно. Къ этому дню греческій мастеръ изготовилъ и новый идолъ Перуна. Вырубленъ онъ былъ очень искусно изъ лучшаго дуба, голова отлита изъ чистаго серебра, глаза вставлены изъ камней самоцвѣтныхъ, а усъ золотой. Подняли его на мѣсто въ самую Красную Горку, и хороводы славили Перуна Сварога, а жрецы приносили многія жертвы. Зарѣзанныхъ воловъ тутъ-же жарили и народъ ихъ съѣдалъ, а людей, принесенныхъ въ жертву, сожигали на высокихъ кострахъ. Отошла Красная Горка, поставили неподалеку отъ Перуна новаго Мокоша, такого страшнаго, что малыя дѣти отъ него отворачивались, а по ночамъ не спали. Опять были праздники, хороводы. Послѣ того поставили Дажбога, высокій столбъ, а на столбѣ солнце бронзовое съ позолоченными лучами. Ему приносились только цвѣты, зерна и колосья, у кого оставались прошлогодніе невымолоченые. И не мало еще идоловъ ставили, и праздникамъ идольскимъ конца не было, а съ полудня начинался у князя Владиміра Краснаго-Солнышка почестный столъ, и гусляры славили подвиги Мистиши, который спасъ отъ смерти отца своего Свѣнельда, и самъ погибъ при этомъ, или князя Свя-

тослава, какъ онъ съ грековъ бралъ дань и княжилъ въ Переяславцѣ и побѣждалъ въ Доростолѣ.

Настало лѣто, и Владиміръ съ своею кіевскою дружиной поплылъ вверхъ по Днѣпру воевать свирѣпыхъ ятвяговъ. Перевалилъ въ Двину, въ Полоцкѣ не засталъ безпокойнаго воеводу Тунгельма, потому что онъ ушелъ воевать латышей и ливь между Варяжскимъ моремъ и Чудскимъ озеромъ. Богатырямъ его не полюбилась война съ ятвягами. Дикари скрывались въ своихъ лѣсахъ, пускали мѣткія стрѣлы въ дружину и пропадали въ чащѣ. Некуда было дѣвать силу богатырскую, и отъ ятвяговъ пришлось уходить почти ни съ чѣмъ. Пробираясь къ полудню, князь искалъ верховьевъ Припети или какой другой рѣки, текущей въ Днѣпръ, набрелъ на городъ Червенъ, и такъ какъ у дружины его чесались руки, то городъ и былъ взятъ. Набрели на Перемышль, взяли и его. Напрасно намѣстники польскаго короля Мечислава говорили, что за такое нападеніе король Мечиславъ разоритъ русскій Кіевъ: дружинѣ надо было дать дѣло. Потомъ князь Владиміръ выбрался на Припеть, прошелъ въ Днѣпръ и вернулся въ Кіевъ къ самымъ осеннимъ праздникамъ.

Передъ истуканомъ Перуна сложенъ былъ большой костеръ; хороводъ затянулъ свою пѣсню; козленокъ и пѣтухъ были уже зарѣзаны, но огня жрецы еще не зажигали: надо было человѣческой жертвы. Жрецы лежали ничкомъ передъ истуканомъ и ждали, чтобы Перунъ открылъ имъ, кого онъ желаетъ себѣ въ жертву, то есть обдумывали, кого-бы имъ выгоднѣе погубить. Враговъ у нихъ было много, всѣхъ принести въ жертву Перуну было нельзя, и они выбирали. Давно они были злы на одного миролюбиваго смирнаго варяга, ремесломъ кузнеца, Ѳедора. Онъ ковалъ гвозди, желѣзныя уключины къ новгородскимъ лодкамъ, и дѣлалъ мечи, не уступавшіе финскимъ, которые привозились изъ далекихъ полуночныхъ странъ; но это-бы ничего, онъ явно при всѣхъ говорилъ

нехорошо про Перуна и про всѣхъ языческихъ боговъ и исповѣдывалъ истинную христіанскую вѣру. Надо было его за это наказать. Но какъ-же было его наказать больнѣе, какъ не взять у него сына Ивана, прекраснаго лицомъ и душою, и зарѣзать его на перуновомъ кострѣ? Были и другіе христіане, но они не такъ слѣпо вѣрили истинному Богу, не такъ громко порицали идоловъ... Поднялись жрецы на ноги, хороводъ остановился и старшій жрецъ провозгласилъ, что Перуну нуженъ Иванъ, Ѳедоровъ сынъ, варягъ изъ Царяграда. Загудѣла толпа, и человѣкъ десять выборныхъ пошли на Кузнечную улицу за жертвой, угодной идолу. Ѳедоръ, какъ христіанинъ, не былъ на языческомъ праздникѣ и оставался въ это время дома за работой. Посланные постучались, калитка была заперта, и хозяинъ вышелъ въ высокія сѣни.

— Что вамъ надо, почтенные сосѣди?—спросилъ онъ пришедшихъ.

— Палъ жребій на твоего сына,—сказали язычники:—богамъ угодно взять его себѣ и мы хотимъ принести его въ жертву.

— Чтобъ я своего сына отдалъ вашимъ болванамъ?—сказалъ Ѳедоръ:—Богу я его отдамъ, да и отдавать нечего: онъ Божій; а у васъ развѣ Богъ? У васъ не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніютъ. Деревяшкамъ вашимъ нѣтъ нужды въ моемъ сынѣ; деревяшки не ѣдятъ, не пьютъ, а сдѣланы руками человѣческими изъ дерева. Такихъ чурбановъ я вамъ надѣлаю сколько хотите. А Богъ, истинный Богъ единъ; Ему служатъ и покланяются греки, и я недостойный служу Ему и покланяюсь. Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце и человѣка, и далъ ему жить на землѣ. А ваши боги, что сдѣлали? Они сами дѣланые... Не дамъ сына своего бѣсамъ!...

Посланные воротились къ хороводу, стоявшему вокругъ костра, и разсказали, что варягъ не отдаетъ богамъ сына, увѣ-

ряетъ, будто они не настоящіе боги, будто онъ самъ можетъ надѣлать ихъ сколько угодно.—Толпа призадумалась.

— Ну что-жь, вольному воля,—говорили нѣкоторые въ хороводѣ:—сынъ его, не отдаетъ, не насильно-же отнимать, не рабъ онъ, не купленный чей нибудь невольникъ, ну и не надо...

— Точно, что они дѣланые,—говорили другіе:—да за то какъ сдѣланы-то? Глазищи-то, глазищи у Перуна, погляди-ко, такъ и блестятъ!..

— Это такъ! — говорили третьи: — вольнаго человѣка принудить нельзя, а если нѣтъ человѣка, то и козленка можно, все Перунсво, все его, ему все единственно...

Жрецы увидѣли, что ихъ дѣло совсѣмъ плохо: народъ, значитъ, не твердо вѣритъ Перуновой волѣ, а одинъ человѣкъ смѣетъ спорить противъ велѣнія самого бога. Какого-же усердія ждать послѣ этого? Не хотятъ принести въ жертву человѣка, не захотятъ принести и вола, а потомъ и козленка жалѣть будутъ, и жрецамъ придется съ голоду умирать. Надо какъ нибудь поправить это дѣло... И главный жрецъ, высокій худой старикъ съ длинною бѣлою бородою и громовымъ голосомъ, проворно забрался на костеръ и держалъ такую рѣчь:

— О Перуне Свароже! Не слушаетъ народъ святой твоей воли! Твоя воля движетъ вѣтромъ, передвигаетъ горы тучъ! Собери ты на этотъ нечестивый городъ всѣ твои тучи, покрой его сплошь своими смертоносными ударами, испепели его въ прахъ и развѣй по вѣтру! Нечестивый, невѣрный народъ! Смотрите, тучи и гнѣвъ Перуновъ разразятъ васъ всѣхъ до послѣдняго! Горе! Горе! Идемъ, бѣжимъ, умилостивимъ всемогущаго Перуна, отдадимъ ему излюбленную жертву!

Онъ сошелъ съ костра и скорыми шагами пошелъ къ Кузнецкой улицѣ; за нимъ повалила густая толпа, а многіе усердные его опередили. Въ одинъ мигъ заборъ вокругъ двора

Ѳедора варяга былъ разобранъ, а хозяинъ спокойно стоялъ въ сѣняхъ съ сыномъ и молился. Народъ кричалъ:

— Дай сына своего богамъ!

— Они чурбаны, деревяшки,—отвѣчалъ варягъ:—а если боги, то пусть пошлютъ какого нибудь одного бога взять моего сына: а вы о чемъ хлопочете?

Старый жрецъ взвылъ какъ раненый медвѣдь и бросился къ сѣнямъ; народъ навалился; нѣсколько ударовъ топоромъ помогли и сѣни рухнули, а съ ними и Ѳедоръ варягъ съ сыномъ. Народъ разсвирѣпѣлъ; тѣ самые люди, которые говорили, что вольному воля, забыли свои-же слова, и съ торжествомъ, съ пѣснями и кликами тащили избитыя тѣла къ Перунову костру. Сгорѣли тѣла мучениковъ Ѳедора и Іоанна, но слова, сказанныя праведнымъ человѣкомъ, остались и запали глубоко въ нѣкоторыя души.

— Деревяшка и есть!—повторялъ не одинъ изъ язычниковъ, посматривая на истуканы, пока горѣли тѣла мучениковъ, а хороводъ, двигаясь по солнцу, горланилъ громкія пѣсни въ честь деревяннаго бога. Неповинная кровь тяготитъ всякаго человѣка, и когда умерли двѣ жертвы, сами палачи были на себя сердиты, стыдились сдѣланнаго злаго дѣла. Тучки на небѣ разошлись, растаяли подъ лучами теплаго солнца, и стали люди вспоминать, что не впервой старый жрецъ Перуна грозилъ громомъ и молніей, но ни разу его угроза не исполнялась. Правда, бывали грозы, порою слышно было, что молнія гдѣ-то сожгла домъ, убила человѣка, но и такая гроза приносила прохладу, очищала воздухъ, пособляла больнымъ. «Перунъ деревяшка»!—это слово было громко сказано, и Перунъ не пошевельнулся, не моргнулъ золотымъ усомъ, и люди смѣли повторять это слово, не боясь, что вотъ сейчасъ ударитъ молнія и разразится громъ. А кто-же, гдѣ-же тотъ Богъ, который сотворилъ небо и землю, солнце и человѣка?.. Перуновъ жрецъ, погубивъ двухъ христіанъ, думалъ

укрѣпить языческую вѣру, а вышло такъ, что онъ ее только расшаталъ, потому что люди стали думать, искать правды. Человѣкъ отъ природы любитъ правду, душа его ищетъ истины и отвертывается отъ лжи, и въ городѣ пошли толки о разныхъ вѣрахъ и разныхъ толкахъ.

На горѣ, неподалеку отъ могилы Аскольда, давно стояла греческая церковь во имя св. пророка Иліи, христіанская церковь греческаго закона. Сама княгиня Ольга ходила въ Царьградъ и тамъ приняла греческій законъ. Сынъ ея князь Святославъ не хотѣлъ принять новой вѣры, но ему можетъ быть некогда было объ этомъ подумать: весь свой вѣкъ провелъ онъ въ походахъ, и великъ-ли былъ весь-то его вѣкъ: тридцати четырехъ лѣтъ убили его печенѣги.—Такъ толковали жители Кіева, особенно тѣ, на кого попало хоть немного крови святыхъ мучениковъ. Такъ толковали и на теремномъ дворѣ, и доходили толки до князя Владиміра. Но князь былъ молодъ, едва пошелъ ему двадцать первый годъ и онъ, по-языческому обычаю, былъ женатъ кромѣ Рогнѣды полоцкой, еще на вдовѣ брата Ярополка, да взялъ еще красавицу чехиню, да болгарскую дѣвушку удивительной красоты. Кромѣ того у него въ Вышгородѣ было нѣсколько женъ, нѣсколько въ Бѣлгородѣ, а нѣкоторыя жили въ Берестовѣ. Ему не до христіанства было, однако онъ позвалъ одного витязя, бывшаго съ княгинею Ольгою въ Царѣградѣ, и разспрашивалъ какъ тамъ что происходило.

— Годовъ прошло съ тѣхъ поръ не мало, Солнышко князь,—отвѣчалъ витязь,—по моему счету выходитъ ровно двадцать шесть, а былъ я тогда въ княгининой дружинѣ отрокомъ. Жили мы въ Царѣградѣ хорошо, весело, ходили куда кто хотѣлъ; одно только было нехорошо, никому изъ насъ не по нраву: что княгиню Ольгу слишкомъ подначально тамъ держали. Царь тамошній не только не пришелъ ее встрѣтить, а она, матушка наша, долго прождала, не пускали ее на бе-

регъ, пока не пришелъ приставъ грекъ, да насъ всѣхъ не переписалъ. Мало того: тамошній царь прислалъ за ней свою лодку, черезъ сколько тамъ дней ужь не помню, и поплыли мы въ терема не въ большомъ числѣ. Княгиня вошла къ царю; онъ сидитъ, а ее остановили у рѣшетки; къ княгинѣ прошла, и тамъ опять постояла. Очень уже это княгиню огорчило. Да и мало этого: слишкомъ полтора мѣсяца княгиня прожила въ лодьѣ на пристани, и такъ, уже изъ ласки, обѣщала греческому царю войско для его тамъ какой-то войны. Прислалъ царь вслѣдъ за нами посольство, просить этого обѣщаннаго войска, а княгиня и сказала посламъ:

— Пусть-ка прежде царь Константинъ постоитъ у меня на Почайнѣ столько времени, сколько я у него стояла въ гавани, тогда я дамъ ему войско. Такъ и скажите моему крестному отцу.

И долго княгиня помнила эту обиду, крестнымъ отцомъ называла царя, пересылалась съ нимъ, а обиды простить не могла, и грековъ крѣпко недолюбливала.

— Не о томъ я спрашиваю, — сказалъ Владиміръ: — а какъ она держала свою греческую вѣру? Я вѣдь не помню ее: мнѣ десяти лѣтъ не было, какъ она умерла, а въ дѣтствѣ я раза два ее видѣлъ, какъ привозили къ отцу.

— Какъ вѣру держала?—отвѣчалъ витязь:—а вотъ какъ всѣ греки: въ церковь Ильи пророка ходила часто, нищихъ кормила, добра была, а впрочемъ особеннаго ничего намъ не было замѣтно. Ну, денегъ много на церковь давала, и попъ греческій часто на теремномъ дворѣ молитвы свои читалъ и послѣ обходилъ вездѣ, по всѣмъ горницамъ, брызгалъ водою. Вѣдь это, князь, какой у кого толкъ, иной нашей, перуновой вѣры, перуновъ толкъ, другой держитъ толкъ греческій; опять есть толкъ магометанскій: тутъ, въ Кіевѣ, ихъ шатается много, изъ казарскаго царства, изъ Тмуторокани, изъ дальнихъ арабскихъ земель. Есть толкъ іудейскій, это тоже обрѣ-

занный народъ, какъ магометане, только у нихъ земли своей нѣтъ; опять толкъ есть римскій, по своему поклоняются.

— Это все я слыхалъ, — вскричалъ нетерпѣливо Владиміръ,—а мнѣ надо знать, который-же толкъ лучше для насъ, для дружины?

— Да и это опять какъ кому, батюшка-князь!—отвѣчалъ добродушный воинъ: — у насъ въ дружинѣ есть люди греческаго толку, и ничего, дерутся такъ, какъ и всѣ мы, есть опять и магометанскаго толку; хотя бы тотъ-же Рагдай: и въ старомъ перуновомъ толкѣ на триста печенѣговъ выходилъ одинъ, и теперь выходитъ, а какой у кого толкъ, это все единственно.

— Да, единственно!—замѣтилъ князь:—а лучшаго кузнеца убили, Ѳедора-то! Видно, что не единственно!

— А убили, точно что убили, батюшка-князь, злое дѣло сдѣлали, и виноватъ тутъ кругомъ твой перуновъ жрецъ. Его это дѣло, онъ и народъ натравилъ на Ѳедора.

— Ну, а какъ по-твоему, правъ былъ Ѳедоръ, что Перунъ деревяшка?—спросилъ князь, сурово смотря на воина.

— Вѣстимо деревяшка! Какъ-же, батюшка-князь?—отвѣчалъ простосердечный воинъ; но тотчасъ-же спохватился и прибавилъ: только голова серебряная, это точно, а усъ золотой, не весь онъ деревянный.

Князь увидѣлъ, что воинъ не въ силахъ разрѣшить ему никакихъ сомнѣній, и отпустилъ его домой.

— А развѣ не все единственно, какой толкъ,—разсуждалъ самъ съ собою воинъ, идя черезъ теремный дворъ:—Рагдай магометанскаго, а хоть-бы Александръ Поповичъ греческаго толку, а схватись они, къ примѣру, драться. Такъ вѣдь кажется другъ дружку такъ въ землю и вколотятъ, а чтожъ такое толкъ? Тутъ ни причемъ толкъ... А что Перунище этотъ деревяшка, такъ точно... Вонъ онъ какой, глаза-то за Днѣпръ выпучилъ... И воинъ остановился передъ истука-

номъ Перуна, стоявшимъ близъ теремнаго двора, и долго смотрѣлъ на его свѣтлые глаза и золотые усы...

Съ тѣхъ поръ мысль о вѣрѣ запала въ душу князя Владиміра. Онъ продолжалъ пировать съ своею дружиною; онъ ходилъ въ походы; онъ любилъ богатырей и богатырскіе подвиги; онъ любилъ множество своихъ женъ, а въ глубинѣ души его все теплилась мысль объ истинной вѣрѣ. Пошелъ онъ однажды воевать радимичей за то, что они дани не платили; передовой отрядъ подошелъ къ рѣкѣ Пищанѣ и встрѣтилъ большую рать радимичей; начальникъ отряда, по прозванью Волчій Хвостъ, не захотѣлъ ждать князя, напалъ съ небольшими силами, и тѣ побѣжали вразсыпную. Съ тѣхъ поръ вошло въ поговорку, что «Радимичи волчьяго хвоста бѣгаютъ».

Пошелъ онъ воевать болгарскую землю, въ тѣ мѣста, гдѣ Кама впадаетъ въ Волгу (985 г.), и сборы къ этому походу были великіе. Князь съ дружиною пріѣхалъ въ Новгородъ, и пробрался на верховье Волги съ новгородскими полками. Настроили судовъ и поплыли. Въ войскѣ были торки или турки; это были бродячіе витязи изъ печенѣговъ. Княжескіе богатыри били ихъ всякій разъ, какъ съ ними встрѣчались, такъ что торки захотѣли лучше быть съ княжеской дружиной заодно, чѣмъ всякій разъ быть битыми. Нанялись они служить князю безъ уговора, и князь былъ доволенъ удалыми наѣздниками. Противъ дружины, противъ полковъ новгородскихъ, да противъ турокъ гдѣ-же было устоять болгарамъ? Воины они были плохіе, за то народъ торговый и богатый. Волга кормила ихъ хорошо: съ одной стороны шелъ къ нимъ новгородскій товаръ изъ-за Варяжскаго моря, а также и отъ грековъ; съ другой добывали они товары изъ-за моря Хвалынскаго, въ которое впадала Волга. Мѣна шла у нихъ горячая, народъ богатѣлъ, а про войну и забылъ: благо ближніе сосѣди были народъ мирный.

Покрылась Волга русскими судами, прошли устье вели-

кой рѣки Оки: на правой сторонѣ высокая лѣсистая гора. Прошли и устье пустынной Суры: съ одной стороны мордва съ широкима скулами, съ другой черемиса узкоглазая изъ-за кустовъ и деревьевъ провожали грозное ополченіе кіевскаго князя. Вотъ передовой отрядъ хватаетъ первыхъ болгаръ-воиновъ и ведетъ ихъ къ своему воеводѣ. Волчій Хвостъ отсылаетъ ихъ къ Добрынѣ и къ князю. Изъ разспросовъ видно, что на устьѣ Камы, въ городѣ Болгарахъ, собрано большое войско.

— И все въ сапогахъ?—спросилъ Добрыня плѣнниковъ, смотря имъ на ноги, обутыя въ красивые сапоги.

— А то какъ-же?—отвѣчали они.

И русское войско двинулось дальше; но Добрыня былъ не спокоенъ.

— Куда намъ такой народъ дѣвать? — говорилъ онъ князю:—разорить-то мы ихъ разоримъ, пожалуй, это наши богатыри съумѣютъ; только выгодно-ли это будетъ? Не лучше-ли намъ поближе къ нимъ съ торговлей подобраться? Пользы гораздо больше будетъ...

— Что это ты, дядя, такъ разжалобился?—спросилъ его Владиміръ:—ни Кіева, ни Рòдни, ни Полоцка, ни радимичей, никого не жалѣлъ; а тутъ что такъ очень уже мягокъ сталъ?

— А видѣлъ ты, князь, что они въ сапогахъ?—отвѣчалъ Добрыня:—а до сихъ поръ мы все дань брали съ лапотниковъ. Князь Святославъ, покойный родитель твой, не нашимъ молодцамъ былъ чета: изо всѣхъ богатырей былъ первый богатырь, такъ и онъ о грековъ разбился, что въ сапогахъ ходятъ. До сихъ поръ мы брали дань съ лапотниковъ; оно и спокойнѣе, и вѣрнѣе, а съ этихъ болгаръ дани намъ не брать. Говорятъ-же, и городъ у нихъ каменный, избы каменныя. Какъ-же намъ ихъ сжечь? Ну ихъ совсѣмъ!..

— Пожалуй, дядя, и такъ. Только какъ-же намъ быть? Разлетѣлись, не дошли, домой вернулись! Такъ, что-ли? И что-же мы дружинѣ скажемъ? Захочетъ-ли она назадъ идти?

Вѣдь кормить ее надо, платить ей надо, да и руки у нея чешутся: вѣдь не съ мордвой-же намъ дорогой, не съ черемисой биться!..

— Объ этомъ, князь, не заботься,—отвѣчалъ Добрыня;—мы съ ними съ перваго слова помиримся. Безъ драки, конечно, нельзя, я это и самъ знаю, потому что дружина безъ этого скучаетъ; а мы подеремся вѣжливенько, по-богатырски, вызовемъ ихъ одинъ на одинъ, что-ли, или какъ тамъ придется. Богатыри, которые въ первую голову пойдутъ, будутъ довольны, а мы возьмемъ дары и поставимъ миръ покрѣпче, чтобы Новгородъ тутъ расторговался вольно. Послѣ видно будетъ, надо-ли Болгары совсѣмъ къ рукамъ прибрать, или пусть ихъ будутъ сами по себѣ. Спѣшить намъ некуда, еще не разъ и не два прокатимся по Волгѣ, а покамѣстъ пусть только богатыри побалуются. Кстати и болгары посмотрятъ, что мы за народъ съ собой привели. Алешку Поповича выпустимъ, или Рагдая, ужь это ты какъ самъ знаешь...

Когда воинство русское подошло къ устью Камы, то увидѣло на берегу Волги большой, богатый городъ. Онъ раскинулся по луговой сторонѣ широко и далеко, а къ берегу причалено великое множество судовъ. Большое войско ожидало нашихъ, и было готово къ бою. Добрыня велѣлъ свернуть немного къ камскому устью и войско русское вышло на берегъ и принялось готовить себѣ обѣдъ, да цѣлый день такъ и простояло. Волчій Хвостъ никакъ не могъ понять, что это съ княземъ сдѣлалось, и вечеромъ пришелъ въ его шатеръ узнать, отчего это приходится стоять на мѣстѣ и ничего не дѣлать?

— Мнѣ, солнышко-князь, не сдержать молодцовъ, такъ и порываются,—говорилъ Волчій Хвостъ, воевода передоваго отряда,—и если мы еще постоимъ такъ-то, не знаю, что и будетъ: Рагдай съ Андрихомъ Добрянковымъ и съ Алешкой Поповичемъ названные братья, и такъ и рвутся впередъ. Говорили по-вечеру, что если не пошлютъ, то сами пойдемъ,

втроемъ. И боюсь я, какъ-бы намъ ихъ не потерять: болгары стоятъ крѣпко и ихъ слишкомъ много: не подъ силу будетъ справляться...

— А вотъ я пошлю къ нимъ отрока, попрекнуть, что они нечестно стоятъ, если забыли къ князю въ шатеръ на пиръ идти,—сказалъ князь,—и ты, воевода, останься.

— Это можно,—отвѣчалъ Волчій Хвостъ, съ удовольствіемъ снимая свой тяжелый мечъ;—только бы чего не вышло тамъ впереди безъ меня, а то—отчего-же не выпить чару другую.

— Опять-таки и это не твое дѣло,—замѣтилъ шутливо князь:—впередъ пока пойдетъ Добрыня Малковичъ, а за нимъ, ты знаешь, можно-ли спокойно отдохнуть.

— А что? Развѣ за миромъ присылали? Какъ-же я ничего не видалъ?—спросилъ испуганный воевода:—вѣдь не сами-же мы у нихъ мира просить будемъ?

Но князь совѣтовалъ ему забыть о дѣлахъ и пока собирается дружина, выпить турій рогъ крѣпкаго меду. На дѣлѣ вышло, что за Добрыней можно было пировать спокойно. Онъ поѣхалъ къ вражьему стану, поговорилъ по душѣ съ начальникомъ, и на завтра русское воинство подвинулось ближе къ болгарской стѣнѣ, а непріятель ушелъ въ городъ и усыпалъ стѣну, какъ рой пчелъ. Подъ стѣнами былъ великій богатырскій бой, болгары испугались великой силы русскихъ богатырей и заключили миръ на всей княжей волѣ. Даровъ богатыхъ взялъ князь три лодьи, кромѣ хлѣба и всякихъ харчей на дружину. Пошли назадъ по Волгѣ до Оки и по Окѣ вверхъ. Прошли устье рѣчки Москвы: пустынная рѣчка по лѣсамъ протекла, и боберъ и куница жили по той рѣчкѣ привольно и мирно: люди ихъ не трогали. Изъ Оки перевалили въ Днѣпръ, а Днѣпромъ въ Кіевъ. И вернулся князь Владиміръ въ свой стольный градъ съ великою честью. Въ гридницѣ было пированье, почестный пиръ, было столованье, почестный столъ.

Гусляры пѣли, «какъ собаки печенѣги убили князя-богатыря Святослава, какъ ихъ князь Куря изъ черепа его сдѣлалъ себѣ чашу, и когда пилъ изъ той чаши, то простая вода становилась ему крѣпче вина заморскаго, и силы прибывало ему за пятьсотъ человѣкъ.» Пѣли также, какъ «Владиміръ-Солнышко подъ Болгары ходилъ, а богатыри его били поганыхъ болгаръ. Рагдай вышелъ прежде всѣхъ и сталъ поджидать бойца; выходитъ ему навстрѣчу богатырь-болгаръ въ шишакѣ и съ желѣзной тяжелой палицей. Посмотрѣлъ онъ на Рагдая и говоритъ: «А скажи-ка ты, добрый молодецъ, какъ тебя по имени звать, да по отчеству, а то невѣдомо, по комъ поминки буду править?» Отвѣчаетъ ему Рагдай: «А возьму я тебя, паршиваго пса, за хвостъ, въ рѣку брошу!..» И подымалъ болгаръ чингалище булатное, и билъ онъ Рагдая по буйной головушкѣ: стоитъ Рогдай не шелохнется, кудри русые у него не тряхнутся. И хваталъ его Рагдай за лѣвую руку, закидывалъ его за рѣку за Волгу: тамъ ему и смерть приключилась. И выходитъ послѣ него Алеша Поповичъ; другой болгаръ идетъ, величается, а Алеша Поповичъ съ одного маху въ землю по горло вогналъ. Выѣзжаетъ третій болгаръ на конѣ, а Добрянковъ Андрихъ пѣшкомъ идетъ, а въ рукѣ у него чингалище булатное, налито свинцу чебурацкаго двѣсти пудъ. Летитъ болгаръ, хочетъ богатыря конемъ стоптать, саженнымъ мечемъ изрубить. Увертливъ былъ Андрихъ, по коню попалъ, ноги заднія отшибъ со спиной совсѣмъ, вскочилъ онъ на болгара, бѣлу грудь ему распоролъ. А болгары на стѣнѣ сидя испужалися, со страху по стѣнѣ все пятились, со стѣны попадали, да и на той сторонѣ окарачь наползались.»

На другой годъ послѣ того отъ болгаръ пришло великое посольство. Старшимъ посломъ былъ ученый мулла, такой ученый, что всю священную книгу свою зналъ наизустъ, и разумѣлъ говорить по-русски, хотя плохо, а говорилъ. Привезли опять великіе дары князю Владиміру; много толковали

о новгородской торговлѣ, о новгородскихъ удальцахъ, которые иногда нечестно по Волгѣ плаваютъ, грабятъ казарскіе караваны. Договорились и до того, что разбойничаютъ такъ только язычники, народъ невѣрующій въ единаго истиннаго Бога и Магомета пророка его.

— Кто-же это такой Магометъ?—спросилъ князь.

— Магометъ, это пророкъ, это любимый святой мужъ Аллаха, — отвѣчалъ посолъ; — Аллахъ избралъ его для того, чтобы сообщить людямъ свой божественный законъ.

— Въ чемъ-же дѣло? Какой законъ?

— Законъ тотъ, во-первыхъ,—отвѣчалъ мулла,—что Богъ одинъ. Какіе-же такіе многіе боги? Владѣтелю такого большаго народа, какъ народъ русскій, даже не пристало признавать многихъ боговъ. Ну что-бы это такое было, если-бы кромѣ князя Владиміра въ Кіевѣ было еще десятокъ или два князей надъ русскою землей?

— Это такъ, это вѣрно, — сказалъ Владиміръ; — пусть будетъ одинъ Богъ; такъ въ самомъ дѣлѣ лучше: порядку будетъ больше. Какой-же законъ поставленъ вашимъ Аллахомъ, сказывай.

— Тотъ законъ и есть, что нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, и Магометъ—его пророкъ.

— Ну, Магометъ тутъ приставка; а дальше что?

— Дальше биться надо за истинную вѣру, поступать справедливо, а за это, особливо тому, кто падетъ въ сраженіи за вѣру, великое блаженство въ будущей жизни, то-есть послѣ смерти. Жить надобно въ правдѣ и справедливости, всякій день дѣлать омовенія...

— Это можно, пожалуй. А какъ по вашему толку выходитъ, можно много женъ имѣть?

— Не вредитъ, разрѣшается, отвѣчалъ мулла;—у самого Магомета было нѣсколько женъ. Вотъ свинаго мяса ѣсть нельзя;

это нечистое животное; вина пить тоже нельзя; сокъ виноградный строго запрещенъ Магометомъ...

— Это отчего-же? Чѣмъ-же свинья нечистое животное? Что она болото любитъ? Да вѣдь и лось любитъ болото, а лось не запрещенъ? А вино чѣмъ-же нечисто? Сокъ виноградный отчего нельзя пить? Нѣтъ, это ты, старикъ, пустяки говоришь: руси есть веселье пить, не можемъ быть безъ того. Дяденька Добрыня! Слышишь? Сокъ виноградный у нихъ нечистымъ считается! Вотъ безтолковый-то народъ!

Добрыня Малковичъ замѣтилъ на это, что они, видно, толку не знаютъ въ винѣ, какъ звѣри или домашній скотъ: тѣ тоже вина не пьютъ.

Прошло нѣсколько времени, отъ нѣмецкаго императора пришло большое посольство и въ немъ римскіе законоучители. Весь разговоръ былъ о торговыхъ дѣлахъ и о вѣрѣ. Римскіе законоучители говорили тоже самое, что Владиміръ слыхалъ уже отъ греческихъ проповѣдниковъ; они проповѣдовали великія, безсмертныя евангельскія истины о любви къ ближнему, о вѣрѣ въ единаго истиннаго Бога, о блаженствѣ добрыхъ въ будущей жизни и о страданіи злыхъ. Тонкую разницу вѣроученій римскаго и византійскаго онъ не понималъ, вѣроятно ему проповѣдники и не старались растолковать эту разницу; но если онъ склонялся къ вѣрѣ христіанской, то Византія была ему гораздо ближе Рима. Его вѣрный совѣтникъ, дядя Добрыня, тоже зналъ только Грецію; она была доступна, дорога туда была знакома, а Римъ казался чѣмъ-то ужасно далекимъ, незнакомымъ и, какъ все невѣдомое, чуждымъ. Если креститься, если перемѣнять вѣру, то можно было рѣшиться на что нибудь ближе и вѣрнѣе извѣстное. А тутъ пришли еще еврейскіе проповѣдники.

— А вашъ городъ гдѣ-же?—спросилъ ихъ Владиміръ, выслушавъ хорошо въ чемъ состоитъ ихъ законъ:—у грековъ— Византія, у латинянъ Римъ, у магометанъ Мекка, а вашъ го-

родъ гдѣ? Іерусалимъ? Да вѣдь онъ не въ еврейскихъ рукахъ, былъ магометанскимъ городомъ, а теперь, я слышу, взяли его христіане.

— Богъ во гнѣвѣ своемъ расточилъ насъ по чужимъ землямъ,—отвѣчали проповѣдники.

— Какъ-же вы учите другихъ, когда Богъ васъ отвергъ и расточилъ?—сказалъ Владиміръ;—если я съ своими людьми приму вашу вѣру, такъ и мы, пожалуй, будемъ наказаны Богомъ и потеряемъ свою землю и родину. Нѣтъ, идите отъ меня прочь, не нужна мнѣ такая вѣра: она и Богу не можетъ быть угодна.

Чаще всего Владиміръ видѣлъ людей, исповѣдующихъ греческую вѣру; они были народъ смирный, честно исполнявшій свои обязанности. И въ дружинѣ княжеской было уже не мало христіанъ греческаго закона; они бились храбро, когда было нужно, были отличными товарищами, никогда, ни въ какой опасности, не выдавали своихъ; но на пиру были скромны, умѣренны, а съ женщинами обращались гораздо лучше, нежели язычники: они женщину считали человѣкомъ, жену считали другомъ, мать уважали и слушали, тогда какъ язычники смотрѣли на женъ какъ на домашнюю рабочую скотину, иногда ихъ били и перемѣняли, какъ хозяинъ перемѣняетъ своихъ лошадей.

— Въ самомъ дѣлѣ, правду говорятъ перуновы жрецы,—говорилъ Владиміръ,—что греческій толкъ хорошъ для женщинъ: у насъ женщина—вещь, а у христіанина она такой-же человѣкъ, какъ мужъ... А чтожъ? Можетъ быть оно такъ и есть!..

На самомъ дѣлѣ однако Владиміръ такъ не думалъ. Онъ сначала имѣлъ жену Рогнѣду полоцкую; потомъ женился на вдовѣ убитаго брата своего Ярополка; потомъ взялъ за себя чехиню, потомъ дѣвицу родомъ изъ болгаръ, потомъ еще, еще, еще, и самъ онъ почти не зналъ счету своимъ женамъ, а ему

не было еще двадцати девяти лѣтъ. Бѣдняжка Рогнѣда полюбила князя Владиміра, хотя онъ погубилъ ея отца и двухъ братьевъ; она вышла за него и вскорѣ была покинута для другихъ женъ. Понятно, что она мучилась, а князь не обращалъ на это никакого вниманія, и иногда, забавляясь охотою, заѣзжалъ въ ея село Предславино и отдыхалъ и пировалъ у нея съ небольшою дружиною. Женщина не выдержала этого, и однажды, когда Владиміръ спалъ, хотѣла его убить. Князь успѣлъ схватить слабую руку, вооруженную ножомъ, и тутъ-же рѣшилъ преступницу умертвить. Онъ велѣлъ ей одѣться въ самое пышное платье и ждать смерти. Убить человѣка собственною рукою, въ тѣ языческія времена, казалось дѣломъ очень простымъ, и князь вошелъ уже въ ея комнату, уже рука его опустилась на рукоять охотничьяго ножа, когда изъ-за занавѣса вышелъ сынъ его и Рогнѣды, юный Изяславъ, и сказалъ: «Ты не думай, отецъ, что ты одинъ здѣсь».

— Кто-же тебя зналъ, что ты тутъ!—сказалъ Владиміръ и бросилъ ножъ.

Какъ видно, и суровые, почти дикіе язычники, любили своихъ дѣтей и при нихъ не смѣли сдѣлать несправедливаго поступка. Но князь-язычникъ все-таки думалъ, что гнѣвный порывъ Рогнѣды долженъ быть наказанъ, и не зналъ, какъ быть. А въ такихъ случаяхъ онъ привыкъ спрашивать совѣта у своей дружины. Созвалъ совѣтъ предводителей, и разсказалъ имъ какъ было дѣло. Предводители рѣшили, что Рогнѣду убивать не надо и что гораздо справедливѣе будетъ— отдать ей съ сыномъ отчину, то-есть отцовскія земли, если не всѣ, то хоть часть, и пусть живетъ. Такъ и сдѣлалъ Владиміръ. Въ полоцкой области поставилъ городъ Изяславль и отдалъ его Рогнѣдѣ съ сыномъ Изяславомъ. Тамъ она не видѣла, по крайней мѣрѣ, какъ жилъ человѣкъ, котораго она такъ любила.

А Владиміръ жилъ не совсѣмъ спокойно, потому что проповѣдники разныхъ вѣръ не оставляли его: всякому хотѣлось обратить къ своему толку владѣтеля громадной Русской земли. Вникая въ проповѣди, онъ рѣшился наконецъ креститься, и не зналъ только гдѣ. Между тѣмъ дружина его требовала войны, и постоянно были разные походы то въ ту, то въ другую сторону. Однажды—идти было некуда, и князь Владиміръ сталъ совѣщаться съ боярами куда идти.

— Посмотримъ по-ближе,—говорилъ князю Добрыня,— что за греческая земля, что за греческіе города, какіе у нихъ порядки? Идти въ Царьградъ, подобно княгинѣ Ольгѣ, не пристало князю богатырю: тебя тамъ примутъ какъ простаго человѣка, а кое-кто изъ дружины, пожалуй, вздумаетъ Царьградъ въ море выворотить, если что нибудь не по нраву придется. Сюда позвать епископовъ греческихъ — опять не годится. Русскій князь не долженъ быть похожъ на челобитчика, на просителя. Креститься въ церкви Иліи пророка, у попа Порфирія, который креститъ всякаго встрѣчнаго, даже малыхъ дѣтей,—ни на что не было-бы похоже. Великій владѣтель долженъ не просить, а требовать себѣ крещенія, и не отъ какого нибудь бѣднаго попа, а отъ ихъ верховнаго жреца, начальника всѣхъ жрецовъ. А такой великій владѣтель, какъ русскій князь, можетъ просто завоевать себѣ вѣру! Идемъ на грековъ, хоть не далеко, хоть въ Корсунь!

Дружина нашла, что такихъ умныхъ рѣчей она еще никогда не слыхала, и походъ на Корсунь былъ рѣшенъ. И Добрыня, и князь Владиміръ были язычниками и разсуждали какъ язычники. У нихъ еще не было христіанскаго смиренія и по дикимъ нравамъ своимъ они думали, что можно завоевать себѣ вѣру, какъ будто какую нибудь земную добычу; они не понимали, что благодать сходитъ на крестимаго одинаково, все равно, совершаетъ-ли таинство самый бѣдный священ-

никъ, или выше всѣхъ священнослужителей поставленный митрополитъ.

Снарядили суда и князь съ дружиною поплылъ внизъ по Днѣпру. Въ порогахъ днѣпровскихъ, какъ водится, сторожили наши лодьи разбойничьи шайки изъ печенѣговъ, и самъ князь Куря, владѣлецъ обдѣланнаго въ серебро черепа князя Святослава, былъ съ ними. Не болѣе пятнадцати лѣтъ передъ тѣмъ одолѣлъ онъ небольшую дружину Святослава и наругался надъ тѣломъ убитаго князя. Прослышавъ, что идетъ походомъ его сынъ, онъ хотѣлъ попробовать счастья и съ сыномъ; но вотъ сторожа своими рысьими глазами видятъ лодьи, за ними еще лодьи, еще, еще, и побѣжали они къ своему Курѣ и сказали, что никакими силами не одолѣть русскаго воинства, что ему и счету нѣтъ. Вотъ вышли на днѣпровскій лиманъ, вышли изъ лимана и въ виду берега поплыли, держась лѣвой стороны, сначала на югъ, мимо длинныхъ отмелей, потомъ на востокъ. Увидѣли, что берега становятся выше, потомъ еще выше и доплыли въ недѣлю до входа въ широкій, просторный заливъ, на которомъ теперь стоитъ нашъ великій Севастополь. Въ заливѣ много греческихъ судовъ съ товарами: прежде всего, по тогдашнимъ военнымъ обычаямъ, все, что можно было взять, взяли и раздѣлили на дружину, потомъ обступили городъ Корсунь. Но не легко было взять каменный городъ. Какъ ни сильны были княжескіе богатыри, но всѣ ихъ силы разбивались о высокія стѣны, сложенныя изъ громадныхъ камней. Рагдай пробовалъ вызывать кого нибудь на единоборство; но хитрые греки не пошли. Алеша Поповичъ выѣзжалъ на своемъ конѣ, но въ него пускали стрѣлы и бросали тяжелые камни; Андрихъ Добрянковъ подбѣжалъ къ стѣнѣ съ лѣстницей, хотѣлъ стать на первую ступень, но камни посыпались на него какъ градъ, а лѣстницу у него изъ рукъ подняла вверхъ какая-то машина. Пришлось подсыпать къ стѣнѣ земли, чтобы послѣ взойти на нее; работали усердно;

богатыри носили землю чуть не по цѣлому возу, а стрѣльцы били стрѣлами воиновъ, которые со стѣнъ мѣшали нашимъ рабочимъ. А греки хитрый народъ: подкопали свою стѣну и по ночамъ уносили къ себѣ въ городъ землю, наношенную къ стѣнѣ днемъ. По утру воины Владиміра начинали туже работу, а ночью опять земля куда-то пропадала. Князь велѣлъ сказать жителямъ, чтобы лучше сдали ему городъ, а то онъ хоть три года простоитъ, а городъ возьметъ, и тогда худо будетъ. Но корсунцы защищались и ничего не слушали. Тогда изъ города прилетѣла стрѣла съ граматой, и люди понесли ту стрѣлу и грамату къ князю. Но князь не зналъ, что съ граматой дѣлать, потому что самъ онъ читать не умѣлъ. Посмотрѣлъ на грамату и Добрыня Малковичъ: говоритъ, что то грамата, а что такое говоритъ—невѣдомо. Стали искать: кто знаетъ грамоту? А за чѣмъ была дружинѣ грамота? Никто не зналъ. Вспомнили, что въ греческихъ судахъ захватили нѣкоторыхъ купцовъ, позвали одного и велѣли читать. Онъ прочелъ: «За вами къ востоку есть ключи; изъ нихъ вода течетъ подъ землею по трубамъ въ Корсунь. Перейми те». Нашлись люди, которые перевели князю эти греческія слова по-русски. Позвали другаго грека, онъ прочелъ тоже самое. Не мало дивились наши богатыри, какъ это греки, впередъ не уговорившись, разбираютъ одинъ какъ другой, что написано не при нихъ. Стали искать трубъ, и нашли скоро: на то много было въ дружинѣ мастеровъ этого дѣла. Богатыри принялись копать, разломали трубы, и вода, свѣтлая какъ слеза, хлынула и потекла въ оврагъ. Въ тотъ-же день корсунцы остались безъ воды и стали томиться жаждой, а на третій день прислали сказать, что городъ отдаютъ. Князь прежде всего спросилъ, есть-ли у нихъ въ Корсунѣ епископъ?—Ему отвѣчали, что есть не только епископъ, но и митрополитъ Херсонеса Таврическаго. Оставалось только креститься; но гордому русскому князю этого было мало: подвига никакого не было со-

вершено и гуслярамъ нечего будетъ пѣть про этотъ походъ. Узнали кто пустилъ стрѣлу съ граматой: это былъ попъ Анастасъ. Потомъ узнали кто правитъ въ Корсунѣ: правитъ совѣтъ стариковъ, а они выбираютъ изъ себя старшаго, какъ будто въ русскихъ родахъ выбираютъ старшину-князя. Потребовалъ къ себѣ этого князя Владиміръ и велѣлъ его съ женою убить. А дочь этого князя была заварягомъ. Потребовалъ и варяга. Это былъ Жидбернъ, котораго Владиміръ девять лѣтъ тому назадъ видалъ въ варяжской землѣ. Жидбернъ воевалъ и во Франціи, и въ Сициліи, служилъ въ Царѣградѣ, тамъ познакомился съ дочерью корсунскаго князя Маріей, женился на ней и пріѣхалъ жить въ Корсунь. Стараго боеваго товарища встрѣтилъ Владиміръ ласково, а варягъ, видавшій придворную жизнь въ Византіи, принялся князю льстить, какъ это при дворѣ водится, называлъ Владиміра и конунгомъ, и каганомъ, и просто говорилъ ему: ваше величество, какъ обращались подданные къ византійскимъ императорамъ.

— Вотъ что, старый товарищъ!—сказалъ ему Владиміръ.

— Что прикажете, ваше величество? — отвѣчалъ Жидбернъ.

— Ты христіанинъ?

— Точно такъ, ваше величество.

— Греческаго толка? Ну, это хорошо. Я тоже хочу принять христіанство, только чтобы меня крестилъ самъ царь византійскій Василій.

— Это будетъ для него величайшею честью, — отвѣчалъ Жидбернъ, — войти въ духовное родство съ великимъ русскимъ государемъ.

— Въ родство? — спросилъ Владиміръ: — а у него дочь есть, или сестра? Какая у него семья?

— На византійскомъ престолѣ теперь два брата,—отвѣчалъ поспѣшно Жидбернъ: онъ умѣлъ на лету ловить мысли

сильныхъ людей;—старшій Василій, а младшій Константинъ. У нихъ есть сестра, дѣвица, красавица...

— Такъ вотъ что, старый товарищъ, — перебилъ его поспѣшно князь: — поѣзжай ты въ Царьградъ, скажи ты царямъ Василью и Константину, что я женюсь на ихъ сестрѣ, а если не дадутъ сестры, то возьму и Царьградъ, и сестру. Такъ и скажи, что беру за себя ихъ сестру, а по доброй волѣ не захотятъ, то сестру-таки возьму, да и городъ на прибавку. У меня это случалось и въ Полоцкѣ, и въ другихъ мѣстахъ, и это имъ скажи. Возьми ты съ собой... Кого-бы тебѣ изъ моихъ людей взять? Возьми ты дядю Добрыню: умнѣе головы у насъ нѣтъ.

Но старикъ ѣхать не соглашался.

— Нѣтъ, князь, не того теперь надо,—сказалъ онъ, немного подумавъ:—совсѣмъ не нужно теперь никакихъ тонкихъ переговоровъ, а надо упереться и гнуть ихъ на колѣнку: не уступятъ, такъ можно будетъ поторговаться, вотъ тогда я и съѣзжу: далеко-ли тутъ черезъ море перевалить? А есть у насъ десятникъ въ дружинѣ, онъ тутъ будетъ на мѣстѣ, и кстати Олегомъ его зовутъ. Царьградъ помнитъ еще Олеговъ щитъ, повѣшенный на городскихъ воротахъ, хотя съ этого дѣла прошло восемьдесятъ два года, а не помнитъ, такъ имя это напомнитъ, что они, по-настоящему, наши данники. Этотъ Олегъ богатырь великій, а ума не самаго дальняго: будетъ твердить безъ уступки, что намъ надо, станетъ ломить по-богатырски, а гдѣ тамъ слегка повертѣться надо будетъ, повертится Жидбернъ: онъ эту школу прошелъ, я ужь вижу...

Посольство отправилось и вернулось на десятый день. Старшій посолъ, десятникъ Олегъ, сказалъ князю Владиміру, что цари согласны отдать ему сестру, если только онъ крестится. Жидбернъ толковалъ съ сановниками цареградскими и узналъ, что цари въ большой бѣдѣ: два сильные бунтов-

щика, Склиръ и Фока, держатъ ихъ въ великомъ страхѣ, такъ что едва-ли имъ усидѣть безъ помощи князя Владиміра.

— Хорошо,—отвѣчалъ князь;—пусть богатыри, кто захочетъ, ѣдетъ въ Царьградъ, пусть царямъ помогутъ, что имъ бѣднякамъ пропадать? Да сказать имъ, что креститься я согласенъ, только прежде, чтобъ ѣхала сюда царевна.

— Вотъ теперь мнѣ приходится ѣхать,—сказалъ Добрыня;—тутъ пойдетъ кое-какой переговоръ, и кое о чемъ поторговаться можно будетъ.

— Поѣзжай, голубчикъ дядя! Поѣзжай сейчасъ-же!

— Радъ-бы, да нельзя,—отвѣчалъ старый дядя;—надо выбрать людей, надо снарядить дружину, надо знать прежде всего сколько мы возьмемъ и съ кѣмъ оставить тамъ дружину.

— Осмѣлюсь доложить,—вставилъ свое слово Жидбернъ,—что цари ожидаютъ не менѣе двадцати тысячъ человѣкъ: бунтовщики очень сильны...

Князь даже расхохотался.

— Двадцать тысячъ человѣкъ! Да что они думаютъ? Развѣ мы имъ цыплятъ пошлемъ? Или они не слыхали про моего Андриха, или про Сигурда, или не знаютъ каковы Рагдай и Алеша Поповичъ, и Буслай? Да и еще найдется десятокъ другой богатырей. Вотъ что: войско у нихъ какое нибудь есть, рядовое, стрѣльцы тамъ какіе нибудь. Пусть они поставятъ передъ нимъ сотню нашихъ и идутъ смѣло, и посмотрятъ что это будетъ. Сигурдъ мнѣ не откажетъ, съѣздитъ съ ними не надолго. Сто человѣкъ имъ даю, Рагдай да и всякій другой идутъ одинъ за триста, вотъ имъ тридцать тысячъ, а Сигурдъ на придачу, такъ ему счету нѣтъ. Отбери охотниковъ, дяденька Добрыня, и отправляйся поскорѣе. Сто человѣкъ даю: большое воинство!

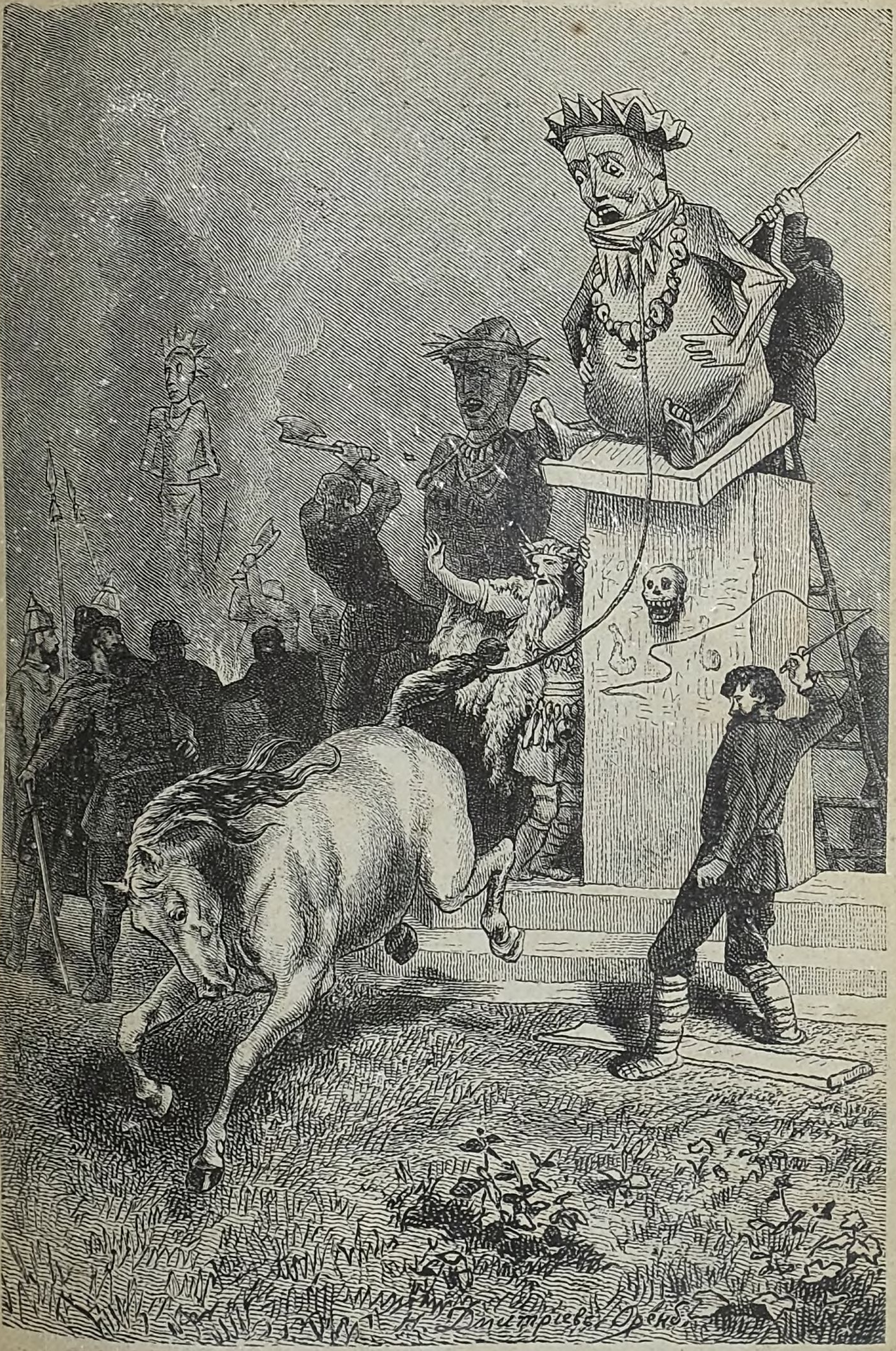
Добрыня Малковичъ отправился въ Царьградъ съ отборною дружиною на трехъ судахъ, а цари ждали цѣлаго флота съ вспомогательнымъ войскомъ, и остались недовольны. Долго

тянулись переговоры, долго не соглашалась царевна Анна ѣхать къ дикарю, къ идолопоклоннику князю, который даже отказываетъ въ дѣятельной помощи ея братьямъ царямъ. Много дурнаго наслышалась царевна о своемъ будущемъ мужѣ, и горько плакала. Разспрашивала она каковъ князь собой, какой Кіевъ, что за люди тамъ живутъ, правда-ли, что по улицамъ ходятъ медвѣди? А жертвы, жертвы человѣческія вѣдь приносятся въ этомъ поганомъ Кіевѣ передъ идолами, кумирами!.. И страшно было молодой царевнѣ ѣхать въ невѣдомый край, къ дикарямъ идолопоклонникамъ. Но священники успокоивали ее какъ могли: они поѣдутъ съ нею, они не отстанутъ отъ нея ни на минуту; она, очевидно, избрана самимъ Богомъ, чтобы черезъ нее проникла истинная вѣра въ громадную страну, она свергнетъ идоловъ, прекратитъ человѣческія жертвы, она внесетъ свѣтъ просвѣщенія въ дикую страну, она есть свѣточъ, коимъ Провидѣніе освѣтитъ мракъ Русской земли. Молодую царевну успокоивалъ еще почтенный видъ умнаго, дѣльнаго царскаго дяди Добрыни, который давалъ слово, что князь Владиміръ приметъ крещеніе, только-что она пріѣдетъ въ Корсунь, и былъ отечески-ласковъ съ нею. Она рѣшилась еще и потому, что сто человѣкъ дружины, присланные отъ князя, спрашивали только гдѣ непріятель, и пошли одни противъ многихъ тысячъ, такъ что войско царское едва успѣло примкнуть къ княжеской дружинѣ. Бунтовщикъ Фока видѣлъ, что его силы многочисленнѣе, и смѣло ударилъ на врага, но его полки разбились о дружину какъ волна морская разбивается о скалу. Богатыри князя Владиміра бились такъ, какъ греки еще не видывали, и бунтовщики, оставшіеся въ живыхъ, въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что мечъ Сигурда заколдованъ девятью колдунами: онъ какъ траву косилъ непріятеля, а рядомъ съ нимъ Буслай крушилъ людей чингалищемъ булатнымъ, налитымъ свинцомъ чебу-

рацкимъ. Дружина вернулась съ побѣдою, и царевна рѣшилась ѣхать съ нею.

На пристани корсунской встрѣтилъ ее самъ женихъ, красавецъ Владиміръ, и хотѣлъ вести ее праздновать брачное торжество, но она сказала, что она, какъ христіанка, должна получить на это благословеніе церкви, а ему, какъ язычнику, вѣнчаться въ греческомъ храмѣ нельзя. Тогда князь рѣшилъ, что онъ прежде приметъ святое крещеніе, и въ самомъ дѣлѣ сталъ готовиться къ этому таинству. На городской площади стояла церковь св. Василія; по одну сторону церкви были палаты, въ которыхъ жилъ князь; по другую сторону жила царевна. Греки съ перваго шага поставили церковь между княземъ и царевной, чтобы онъ постоянно видѣлъ, черезъ что онъ долженъ пройти, чтобы достигнуть невѣсты своей. Наконецъ съ великимъ торжествомъ митрополитъ корсунскій съ греческими священниками окрестилъ князя Владиміра. Добрыня, и съ нимъ вся дружина, смотрѣли на церемонію съ удивленіемъ и съ недоумѣніемъ. Князь становится христіаниномъ, а вся дружина остается языческою. Это и неловко, и обидно, и никогда не бывало. Князь начинаетъ новую жизнь, а дружина отстала: какъ будто между княземъ и дружиною стала огромная, высокая стѣна. И такъ-же, какъ бывало въ бою, дружина бросилась за княземъ, и всѣ до послѣдняго получили святое крещеніе. Вслѣдъ за тѣмъ совершилось и бракосочетаніе князя Владиміра и царевны Анны, и юная чета перешла въ лодьи и отправилась въ море, и оттуда въ устье Днѣпра. Народъ въ Кіевѣ встрѣтилъ съ великою радостью своего князя; но не на радость языческимъ жрецамъ онъ вернулся. Князь былъ христіаниномъ, а близъ самаго теремнаго двора стоялъ истуканъ Перуна, а также изображенія другихъ боговъ. Новообращенный христіанинъ не могъ этого выносить, и тотчасъ-же велѣлъ христіанской дружинѣ своей уничтожить идоловъ. Богатырскіе мечи и топоры скоро ихъ изрубили, мел-

Къ стр. 197.

Старшаго бога, Перуна, привязали къ конскому хвосту и поволокли съ горы.

кихъ боговъ сожгли, а старшаго, Перуна, привязали къ конскому хвосту и поволокли съ горы въ Днѣпръ. Народъ плакалъ, жалѣя своего бога, а воины спихнули его въ рѣку, онъ и поплылъ внизъ по теченію. И до самыхъ пороговъ провожали его воины, отталкивая отъ береговъ, чтобы онъ не попался опять язычникамъ. Тогда по всему Кіеву началась проповѣдь: священникъ церкви Иліи пророка, а также священники, пріѣхавшіе съ княгинею Анною изъ Царяграда, новопоставленный для Кіева первый митрополитъ Михаилъ и даже самъ князь Владиміръ, ходили по улицамъ и учили народъ. И нѣкоторые люди соглашались креститься, а другіе уходили отъ проповѣдниковъ и не хотѣли ничего слушать. Какова-бы ни была вѣра, народъ не любитъ отрекаться отъ нея, потому что она пришла къ народу отъ отцовъ и дѣдовъ. Крещеніе Кіева замедлялось, и князь Владиміръ тосковалъ. Наконецъ онъ послалъ повѣстить по всему городу, чтобы на завтра всѣ некрещеные шли къ рѣкѣ, а «кто не явится, будетъ противникомъ князю». Такое слово было сказано со властью, потому что невыгодно было никому стать противникомъ могучему князю. На завтра князь вышелъ съ священниками на Днѣпръ; всѣ вошли въ воду и стояли одни по шею, другіе по грудь; несовершеннолѣтніе стояли у берега, возрастные держали на рукахъ младенцевъ, а крещеные уже бродили по берегу. Священники читали молитвы, и такимъ образомъ жители кіевскіе были окрещены. Были также и недовольные: они ушли въ степи и въ лѣса. Съ ними ушли жрецы языческіе, потому что имъ больше нечего было дѣлать въ Кіевѣ.

Послѣ того Добрыня съ епископомъ Іоакимомъ пошелъ въ Новгородъ крестить своихъ земляковъ. Новгородцы какъ услышали объ этомъ, созвали вѣче и дали клятву не пускать его въ Новгородъ и защищать своихъ идоловъ. Больше всѣхъ кричалъ новгородскій тысяцкій Угоняй, давно не любившій Добрыню. Сначала княжескій дядя попробовалъ простыя ла-

сковыя рѣчи, но жрецъ перуновъ Богомилъ, прозванный за красныя рѣчи свои, которыхъ всѣ заслушивались, Соловьемъ, не давалъ народу слушать, а тысяцкій Угоняй обѣщалъ Добрыню убить и сжечь передъ идоломъ Перуна.

— Лучше помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе!—твердилъ тысяцкій, разъѣзжая повсюду.

Народъ на лѣвой сторонѣ Волхова разсвирѣпѣлъ, разорилъ домъ Добрыни, разграбилъ имѣніе, убилъ жену. Тогда тысяцкій княжескій Путята переплылъ Волховъ выше города, дошелъ до двора Угоняя, захватилъ его и другихъ лучшихъ людей и отослалъ ихъ на ту сторону къ Добрынѣ. Началась свалка, подоспѣлъ на помощь Добрыня со всѣми силами и велѣлъ зажечь дома на берегу. Новгородцы испугались и побѣжали тушить пожаръ. Добрыня собралъ свою рать, не велѣлъ грабить, но идоловъ изломалъ, изрубилъ, каменныхъ побросалъ въ рѣку, а деревянныхъ сжегъ, и велѣлъ жителямъ идти креститься. Съ тѣхъ поръ пошла въ Новѣгородѣ поговорка, что «Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ».

Добрыня Малковичъ остался въ Новѣгородѣ посадникомъ княжескимъ и долго управлялъ областью мудро и богобоязненно.

5.

СВЯТОПОЛКЪ ОКАЯННЫЙ.

(1015—1019 г.)

Благословите, братцы, старину сказать.

Около половины іюля 1015 года въ Кіевѣ было неспокойно. Князь Владиміръ-солнце, самъ свѣтлый князь, въ загородномъ домѣ своемъ, въ Берестовѣ, разболѣлся, и хорошаго конца ждать было нельзя. Цѣлый свой вѣкъ онъ былъ слабаго здоровья, дожилъ до пятидесяти шести лѣтъ и тяжко расхворался. Говорятъ, что со дня на день ему становится хуже. Въ Берестово поѣхалъ и греческій врачъ Иринархъ, мудрый знатокъ всякихъ болѣзней, и говорятъ, уже четыре раза металъ кровь. Его прислалъ лѣтъ за пять передъ тѣмъ самъ византійскій царь по дружбѣ къ князю Владиміру, и хотя кіевскіе жители больше вѣрили стариннымъ жрецамъ Дажбога, которые иногда пособляли въ болѣзняхъ, но и старый Иринархъ давалъ иногда полезныя лекарства. Онъ и повезъ съ собою въ Берестово самыя дорогія снадобья: камень изъ большой индѣйской змѣи удава, печень саламандры, чешую безглазой рыбы изъ подземныхъ озеръ, и тому подобныя рѣдкія и дорогія вещи. А болѣзнь князя Владиміра, или, чего Боже сохрани, его кончина была дѣломъ очень важнымъ для всего

Кіева. Князя любили всѣ. Послѣ принятія христіанства онъ дѣлалъ много добра, кормилъ бѣдныхъ, строилъ церкви, а церковные праздники праздновалъ такъ торжественно и пышно, какъ никогда не бывали пышны старинныя языческія празднества. А кто сядетъ въ Кіевѣ послѣ него? Князя Бориса нѣтъ въ городѣ: ушелъ на печенѣговъ, и когда-то еще вернется? Да и уступятъ-ли ему братья, такъ какъ онъ не старшій? А если пойдутъ усобицы, то Кіевъ не устоитъ на мѣстѣ, и разореніе будетъ великое. А старшій сынъ, Святополкъ, жилъ въ Вышгородѣ и при немъ все вертѣлся старый воевода Волчій Хвостъ, отъ котораго еще радимичи бѣгали въ старые годы. Какого тутъ ждать добра? Волчій Хвостъ подъ старость потерялъ свою богатырскую силу, за то сталъ тоньше и хитрѣе прежняго въ совѣтахъ. Къ Святополку поддѣлывался и Анастасъ, хранитель княжеской казны, тотъ самый Анастасъ, который предалъ городъ Корсунь князю Владиміру, пустивъ стрѣлу съ наставленіемъ какъ перенять воду въ трубахъ.

Княгиня Адель суетилась больше всѣхъ. Она хлопотала о томъ, чтобы къ Смоленской области прибавить городъ Витебскъ, потому что безъ этого князю смоленскому жить нечѣмъ. Князь Владиміръ обѣщалъ ей это, но еще не исполнилъ, заболѣлъ, и княгиня была въ большомъ безпокойствѣ. Въ хлопотахъ она зашла къ Анастасу и плакалась ему о своей горькой вдовьей долѣ.

— Ну что, какіе слухи о свѣтломъ князѣ?—спросила она, входя къ княжескому казначею: —полегче-ли ему, поправляется-ли онъ?

— Нехорошъ князь,—отвѣчалъ печально казначей;—въ пятый разъ открыли ему кровь изъ ноги, а онъ все въ жару и въ бреду!

— Экая напасть какая!—воскликнула княгиня Адель:— только на одинъ денекъ опоздала. Мнѣ-бы изъ Смоленска днемъ раньше выѣхать, такъ я бы теперь уже домой плыла. Стани-

славъ еще не пускаетъ меня, говоритъ — не надо. А я на то мать, не могу-же я не заботиться о своемъ дѣтищѣ. Пятый годъ всего былъ Станиславу, какъ его услали въ Смоленскъ. Ну, тогда со Смоленска жить было можно: и звѣрь ловился лучше, и дани посылалось въ Кіевъ всего триста гривенъ въ годъ; а теперь, гляди-ко ты, шесть сотъ гривенъ Смоленскъ высылаетъ, въ двадцать пять лѣтъ вдвое выросло, а съ чего ихъ возьмешь? Прошлый годъ и на пчелу былъ недородъ, такъ что воску не собрали и половину противъ прежняго, а шесть сотъ гривенъ вынь да положь. Бездонная бочка вашъ Кіевъ...

— Такъ не сдѣлать-ли намъ вотъ какъ, матушка-княгиня,—возражалъ казначей Анастасъ:—чѣмъ лишнюю обузу брать Смоленску, этотъ Витебскъ городокъ, просила-бы ты лучше, чтобы князь сбавилъ смоленскіе взносы. Шесть сотъ гривенъ много, ну, вносите пять сотъ, ну четыреста...

— Не пятьсотъ, не четыреста, а Витебскъ мнѣ надо,— отвѣчала съ живостью княгиня Адель;—мнѣ князь Владиміръ обѣщалъ Витебскъ, такъ мнѣ Витебскъ и подай! И за что князю обижать сына? Развѣ Станиславъ не сынъ ему? Или онъ чѣмъ хуже другихъ сыновей, или хоть внука полоцкаго? Хоть-бы ты, Анастасъ Кириковичъ, пожалѣлъ моей вдовьей доли, попросилъ за меня князя.

Анастасъ набожно перекрестился и сказалъ:

— Дай Богъ еще долгаго вѣку князю Владиміру, чтобы и ты, княгиня, долго еще не овдовѣла. Слава Богу, ты еще не вдова!

— Всѣ-то они сердить меня уговорились!—воскликнула княгиня:—да развѣ я не вдова при живомъ мужѣ? Хуже вдова, чѣмъ при мертвомъ! До этого несчастнаго корсунскаго похода жили мы, княгини, какъ слѣдуетъ, въ законѣ, и чѣмъ-же мы виноваты, что законъ такой былъ: у князя было много женъ, сколько онъ хотѣлъ, столько было женъ. У меня дѣти, у Рогнѣды дѣти, у Мальфриды дѣти, у Олафы, все какъ слѣ-

дуетъ. Вдругъ съѣздилъ въ Корсунь, женился на царевнѣ Аннѣ, крестился, и женъ больше не надобно: ступайте на всѣ четыре стороны. Развѣ мы не овдовѣли? И развѣ дѣти отъ этого не его стали? Какого еще горше вдовства, какъ наше? Пріѣдешь, бывало, въ Кіевъ, пока жива была княгиня Анна, такъ не смѣешь на теремный дворъ показаться: какъ-бы не увидала княгиня-царевна, греческая жена, да какъ-бы не увидали ея греческіе попы! Вотъ скоро двадцать семь лѣтъ, какъ вы насъ разослали по городамъ, обрадовавшись, что земля русская велика. Такъ ужь по крайней мѣрѣ по-ровну раздѣлили бы! А то гдѣ-же тутъ правда? Святополку дали Туровскую землю, самую большую и богатую, а онъ еще и не сынъ, по настоящему, а племянникъ, а бѣдному Станиславу, за то только, что онъ на два съ половиною года моложе, песчаную трущобу, Смоленскъ, гдѣ и медвѣдямъ страшно жить, не только-что людямъ. А Изяслава-то за что такъ наградили, всею Полоцкою землею? За то, развѣ, что его мать Рогнѣда осмѣлилась руку поднять на князя? И теперь, какъ Изяславъ умеръ, вся-то область досталась Брячиславу, его сыну, княжескому внуку; а вѣдь внукъ, извѣстно, не то, что сынъ, ему-бы и поменьше отдѣлить можно...

— Сущая твоя правда, матушка-княгиня, — отвѣчалъ княжескій казначей, желая поскорѣе отдѣлаться отъ княгини Адели;—только вѣдь я-то тутъ ни причемъ. Если князь обѣщалъ Витебскъ, такъ и дастъ, когда поправится, а теперь, безъ него, сама знаешь, кто-же это можетъ?

— А ты можешь, казначей!—отвѣчала съ жаромъ княгиня:—вѣдь ты княжескую волю знаешь? Вѣдь онъ обѣщалъ Витебскъ? Ну и давай.

— Нельзя такъ, матушка-княгиня, — возразилъ Анастасъ: — точно что при мнѣ князь обѣщалъ твоему сыну Станиславу прибавить къ Смоленску Витебскъ, только сдѣлать-то ничего не могу. Вѣдь у насъ не то, что въ грекахъ:

написалъ указъ, и готово. У насъ надо въ Кіевъ позвать витебскаго посадника и тысяцкаго, и объявить имъ, что они впередъ тянутъ не къ Полоцку, а къ Смоленску; да надо, чтобы это объявилъ самъ князь. А я прикажу, пожалуй, да толку отъ этого никакого не будетъ, сама ты знаешь.

— Вотъ напасть-то! — сказала будто про себя княгиня Адель. — Да ты-бы, Анастасъ Кириковичъ, послалъ кого въ Берестово, поразспросить хорошенько...

— Самъ я только-что изъ Берестова, матушка-княгиня, еще и кони не остыли, и видѣлъ недужнаго: боленъ такъ, что людей не узнаетъ, я тебѣ говорю...

Княгиня Адель ушла отъ княжескаго казначея ни мало не утѣшенная. Безъ Витебска ей нечего было и думать возвращаться домой, просто нельзя было глазъ домой показать. Она обѣщала сыну, что будетъ Витебскъ, обѣщала кое-кому изъ приближенныхъ и мѣста въ Витебскѣ; у нея съ собой привезенъ былъ въ Кіевъ и молодой Сбыславъ, которому обѣщано мѣсто витебскаго тысяцкаго. Когда она пріѣхала, князь Владиміръ принялъ ее милостиво, разспрашивалъ о Смоленскѣ, о сынѣ Станиславѣ, вникнулъ во всѣ дѣла, разспрашивалъ, учатся-ли внуки грамотѣ, каковъ у нихъ священникъ, ходитъ-ли народъ въ церковь; но во всемъ разговорѣ ни разу нельзя было примѣтить, что Адель когда-то была любимою его женою. Правда, что онъ очень былъ разстроенъ, говорилъ торопливо, а иногда задумывался и какъ будто вовсе забывался: это онъ вспоминалъ непокорнаго сына, новгородскаго намѣстника Ярослава. Однако Витебскъ обѣщалъ прибавить сыну, и вдругъ разболѣлся. А вдругъ умретъ! Вотъ несчастье-то будетъ, и Витебска тогда не видать!..

Когда княгиня ушла, Анастасъ всталъ и отворилъ дверь въ сосѣднюю горницу. Оттуда вышелъ воевода Волчій Хвостъ, а за нимъ человѣкъ, съ которымъ онъ никогда не разставался, горбатый Путша, плутъ и пройдоха, послужившій у несколь-

кихъ князей, и въ Смоленскѣ, и въ Тмутороканя, и во Владимірѣ, и во Псковѣ, и особенно въ Муромѣ, при князѣ Борисѣ. Но онъ умѣлъ соображать, откуда дуетъ вѣтеръ, и пріѣхалъ въ Кіевъ искать новой службы. Волчьему Хвосту онъ понравился за то, что исполнялъ приказы безъ разговоровъ, никогда не думая, что изъ этого выйдетъ.

— Ну, чего надо было смоленской княгинѣ?—спросилъ Волчій Хвостъ.

— Да все тоже!—отвѣчалъ, махнувъ рукой, казначей:— все плачется, что ѣсть нечего, все Витебска проситъ, какъ будто намъ только и дѣла, что равнять ихъ удѣлы. Этакіе порядки, право, завелись, что хоть все брось, да бѣги!

— Погоди, дядя Анастасъ!—сказалъ Волчій Хвостъ:— перемелется, мука будетъ. Можетъ быть уже не много ждать, осталось, тогда установимся твердо. По крайности будемъ знать, кто-же въ самомъ дѣлѣ старшій братъ, тотъ-ли, кто раньше родился, или тотъ, кто слаще умѣетъ говорить, да покорнѣе голову склоняетъ.

— Не одно тутъ старшинство важно,—отвѣчалъ казначей:—по настоящему-то коренной кіевскій князь одинъ, хоть-бы онъ послѣ всѣхъ родился. Настоящій его отецъ не Владиміръ, а Ярополкъ, князь кіевскій, кому въ удѣлъ данъ Кіевъ самою княгинею Ольгой и отцомъ Святославомъ; а Владиміръ-то на вдовѣ женился, послѣ того уже, какъ Святополкъ родился, стало быть природный кіевскій князь есть Святополкъ, а Борисъ пусть-бы въ Муромѣ и сидѣлъ, вѣрнѣе было-бы дѣло.

— Это такъ, это вѣрно,—замѣтилъ воевода;—какъ тутъ ни поверни, выходитъ на наше. Возьми хоть одно старшинство. Ну, прежде всѣхъ родился Вышеславъ. Хорошо. Посадили его въ Новѣгородѣ; оно такъ и слѣдовало старшему въ Новѣгородѣ сидѣть. Онъ умеръ, ну и конецъ. За нимъ Изяславъ, отъ Рогнѣды, и тотъ умеръ. А послѣ него родился Святополкъ, и всего-то мѣсяца на три позже. Теперь ему

тридцать три года. За нимъ пошли Ярославъ, Всеволодъ, Святославъ и другіе, а Борисъ безъ малаго десятью годами моложе. За что-же онъ старшій? За то, что отъ грекини-то родился, отъ царевны? Или что въ христіанскомъ законѣ родился? Такъ вѣдь отецъ-то все-таки отецъ, въ языческомъ-ли, въ христіанскомъ-ли законѣ. И у насъ у всѣхъ есть дѣти въ обоихъ законахъ, а старшій отъ этого не сталъ моложе ни на одинъ день. И какъ вернулись мы изъ корсунскаго похода, такъ всѣхъ дѣтей все равно въ одно время крестили, и отъ Рогнѣды, и отъ Олафы, и отъ Мальфриды, отъ всѣхъ, а Бориса тогда на свѣтѣ еще не было. И вдругъ этотъ самый Борисъ будетъ теперь старшій! За что-же это такъ? Старшинство отъ Бога установлено, и мѣнять его нельзя... То-то вотъ вѣру отцовъ и дѣдовъ перемѣнили, такъ и все стало можно мѣнять, все ни по чемъ!..

— Я такъ думаю,—вставилъ свое замѣчаніе Путша,— что если на это смотрѣть, кто въ какомъ законѣ рожденъ, то отецъ выйдетъ моложе сына, потому что князь Владиміръ въ языческомъ законѣ родился, а Борисъ, или хоть Глѣбъ, въ христіанскомъ...

Въ это время на дворѣ послышался шумъ, и черезъ нѣсколько времени въ горницу вошелъ греческій врачъ Иринархъ.

— Ну, что, будетъ живъ?—спросилъ его по-гречески Анастасъ.

— Дня четыре можетъ быть проживетъ, — отвѣчалъ врачъ,—но не больше. Жизненные соки въ немъ изсякли, и я не видывалъ, чтобы люди въ такомъ положеніи поправлялись. Наступила пора дѣлить наслѣдство, а достопочтенному Анастасу приводить въ порядокъ казну. Надѣюсь, что при этомъ случаѣ онъ насъ не забудетъ, своихъ преданныхъ друзей.

— Казна у меня всегда въ порядкѣ,—отвѣчалъ казначей

нѣсколько угрюмо;—а знаешь-ли старинное охотничье правило, что пока раненый медвѣдь еще шевелится, не подходи къ нему съ голыми руками. А безъ шутокъ, теперь все зависитъ отъ случая: вернется Борисъ, пока отецъ живъ,—онъ и будетъ княземъ на Кіевѣ, а не вернется,—не видать ему Кіева какъ своихъ ушей. Все дѣло въ томъ, чтобы намъ не пропустить ту самую минуту, какъ самъ-то глаза закроетъ. Что слышно о Борисѣ?

На это отвѣчалъ горбунъ Путша:

— Дня три назадъ были вѣсти изъ-за Трубежа. Онъ перешелъ Альту, перешелъ Трубежъ и все шелъ дальше и дальше въ степи, въ восточную сторону: очень ужь ему хочется потѣшить князя, отличиться воинскимъ подвигомъ, побить печенѣговъ. Только нигдѣ ихъ не видать было. Въ дружинѣ поговариваютъ, что хотятъ воротиться.

— Ну, такъ вотъ что ты сдѣлай,—сказалъ ему воевода:—ступай ты въ Берестово и какъ тамъ знаешь, присматривай, чтобы каждый шагъ былъ мнѣ извѣстенъ, а если князь Владиміръ кончится, скачи сюда опрометью.

— Трудновато это будетъ,—отвѣчалъ Путша:—тамошніе люди точно волки на насъ смотрятъ и не подпустятъ къ терему на выстрѣлъ. Особенно за что-то мой горбъ не любятъ; а вотъ еслибы послать кого, такъ оно-бы вѣрнѣе было. Есть у насъ въ Вышгородѣ боярецъ Еловитъ, такъ ему можно, у него тамъ въ прислугѣ и родня есть; онъ присмотритъ и донесетъ.

— Распорядись тамъ, какъ знаешь,—сказалъ строго воевода:—только, чтобы я прежде всѣхъ зналъ.

— Будетъ сдѣлано, милостивецъ,—отвѣчалъ Путша, и проворно ушелъ, какъ будто для того, чтобы исполнить полученное приказаніе. Онъ поѣхалъ въ Вышгородъ и съ задняго крыльца явился къ самому туровскому князю Святополку.

— Что вы тамъ всѣ пропали, и никто глазъ не кажетъ!—

вскричалъ гнѣвно князь. Что тамъ дѣлается? Отчего у меня никакихъ вѣстей нѣтъ?

— Сегодня съ утра былъ посланъ къ тебѣ, свѣтлый князь, гонецъ прямо изъ Берестова: я самъ посылалъ...

— Что мнѣ сегодня утромъ!—прервалъ въ гнѣвѣ Святополкъ:—десять разъ въ день должны быть вѣсти. Что это за безтолочь! Ну, что-же, говори!

— Никакой нѣтъ надежды, князь, чтобы родитель твой поправился, — отвѣчалъ Путша: — а Кіевъ въ великой тревогѣ...

— Что ты врешь!—оборвалъ его сердито князь Святополкъ:—какой онъ мнѣ родитель! Онъ дядя мнѣ, онъ убійца моего отца, а не отецъ! Родителя моего убили по его приказу, а онъ пировалъ въ это время въ кіевской гридницѣ, и усомъ не моргнулъ... Что-же, скоро онъ очиститъ мое мѣсто?

— Вѣрно сказать не смѣю; но врачъ Иринархъ увѣряетъ, что продышетъ до завтра и не дольше, какъ до послѣзавтра. Только вотъ что, князь; въ случаѣ чего, надо-бы казну приберечь: я за тѣмъ и пріѣхалъ...

— А что-же Анастасъ?..

— Анастасъ ничего, все около казны старается,—отвѣчалъ Путша;—только... я, князь, вѣрный твой слуга, я не хочу, чтобы казна изъ твоихъ рукъ ушла: Иринархъ съ Анастасомъ крѣпко къ ней подбираются, и пока что, воля твоя, а хорошо-бы казначея засадить въ крѣпкое мѣсто. Послѣ, когда дѣло объявится, можно будетъ и выпустить его, даже съ почетомъ, а казну перечесть. Вѣдь добра сложено тамъ, говорятъ, видимо невидимо, а сколько?—кромѣ Анастаса никто не знаетъ.

— Спасибо тебѣ, Путша,—сказалъ князь;—это ты дѣло говоришь, и когда сяду на отцовское мѣсто, я тебя не забуду. Поѣзжай-же ты въ Кіевъ, вели Анастасу ѣхать сюда ко мнѣ: скажи, что дѣло у меня къ нему важное есть, такое важное,

что, молъ, безъ него не продохнуть. Отсюда я его не выпущу, а казну и безъ него побережемъ: она вскорѣ понадобится...

Путша едва успѣлъ захватить съ собой боярца Еловита и ускакалъ обратно въ Кіевъ. Дорогой онъ повстрѣчалъ воеводу Волчій Хвостъ и тотъ похвалилъ его за расторопность, а Путша донесъ, что неизвѣстно за какимъ дѣломъ князь Туровскій требуетъ къ себѣ казначея Анастаса. Волчій Хвостъ призадумался и рѣшилъ про себя, что въ случаѣ разговора о пріятелѣ Анастасѣ, онъ, на всякій случай, съ перваго-же слова присовѣтуетъ его убить. Разъѣхавшись съ воеводой, Путша продолжалъ толковать съ своимъ спутникомъ Еловитомъ:

— Ты тамъ устройся какъ знаешь, у кума или у свата, только съ терема глазъ не спускай. Не сегодня, такъ завтра князь Владиміръ долженъ умереть. Старшій сынъ его или, вѣрнѣе сказать, племянникъ, князь Туровскій Святополкъ, желаетъ получить послѣ него Кіевъ и не хочетъ уступать наслѣдство Борису, младшему. Кто правъ — судить не наше дѣло. Святополкъ говоритъ, что Кіевъ его отчина, что Кіевъ данъ былъ отцу его Ярополку дѣдомъ Святославомъ; Борисъ не знаю чего хочетъ, только онъ у князя Владиміра любимый сынъ, родился въ христіанскомъ законѣ отъ греческой царевны, и князь приказываетъ Кіевъ ему. Только и это все не наше дѣло. Намъ должно исполнить волю князя Туровскаго, потому что мы ему служимъ. Съ Берестовскаго терема не спускай глазъ и какъ только узнаешь точно, что князь Владиміръ испустилъ духъ, скачи опрометью въ Кіевъ, на теремной дворъ; князь Святополкъ тамъ будетъ, а нѣтъ его тамъ — скачи въ Вышгородъ. Въ этомъ и есть все твое дѣло. Стало-быть ты долженъ съ кѣмъ нибудь изъ тамошняго народа сойтись поближе, подластиться, найдти лазейку... Понимаешь?.. Ну, тебѣ вправо, поворачивай на Берестово, а я въ Кіевъ къ дяденькѣ Анастасу и поговорю съ нимъ по-душѣ.

Поздно вечеромъ казначей пріѣхалъ въ Вышгородъ, но князя Святополка не видалъ: онъ сидѣлъ за ужиномъ съ женою Болеславою и съ латинскимъ епископомъ Рейнберномъ. Анастасъ хотѣлъ вернуться въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы пріѣхать завтра; но его не пустили, а отвели въ особую комнату, дали ему хорошій ужинъ и заперли. Хитрый грекъ понялъ, что до кончипы князя Владиміра не видать ему княжеской казны и что князь Святополкъ эту казну пересчитаетъ прежде, нежели онъ успѣетъ немножко ее пообчистить. Онъ внимательно осмотрѣлъ крѣпкія двери и загороженныя рѣшетками окна, понялъ, что выйдти нѣтъ никакой возможности, и въ великой досадѣ ничего не поужиналъ, а только выпилъ по немногу огромную стопу меду. А Путша горбунъ былъ приглашенъ въ столовую князя Святополка и ѣлъ за троихъ: цѣлый день онъ былъ въ разъѣздахъ и въ хлопотахъ, такъ что не успѣлъ ни разу перекусить. Послѣ ужина князь хотѣлъ отпустить горбуна на покой; но тотъ сказалъ, что отдыхать теперь никому-бы не слѣдовало.

— А развѣ есть какія извѣстія изъ Берестова? — спросилъ князь.

— Никакихъ нѣтъ извѣстій, свѣтлый князь,—отвѣчалъ Путша:—но потому-то отдыхать и негодится. Вѣсти могутъ придти каждую минуту, и тогда придется среди ночи подниматься и спѣшить въ Кіевъ. А по-моему, чтобы не спѣшить тогда, лучше ѣхать теперь, не торопясь. Дѣло ночное, тихое, городъ спитъ, можно въѣхать такъ, что никто и не услышитъ, а если что вдругъ случится, князь законный уже тамъ, на мѣстѣ; словомъ сказать, когда князя Владиміра въ Берестовѣ не станетъ, въ Кіевѣ самъ собою настанетъ князь Святополкъ. По-моему такъ и надо сдѣлать, велѣть сѣдлать лошадей, и въ дорогу.

— А ты, въ которомъ мѣстѣ по пути засаду пригото-

вилъ? — спросилъ его Святополкъ, подозрительно глядя ему въ глаза.

— Нѣтъ, князь, шутки въ сторону, —отвѣчалъ горбунъ: — твое положеніе таково, что надо дѣйствовать смѣло и быстро, не бояться иной разъ наскочить и на засаду. Кіевъ любитъ князя Владиміра, Кіевъ знаетъ его волю и княземъ признаетъ Бориса. А съ нимъ вся дружина, всѣ отборные богатыри и не мало войска, взятаго съ Кіева. У всякаго кіевлянина на печенѣговъ съ княземъ Борисомъ пошелъ братъ или сынъ. Положимъ, черезъ недѣлю послѣ смерти князя придетъ въ Кіевъ Борисъ. Если въ Кіевѣ будетъ установленный князь, а онъ того князя не признаетъ, то онъ будетъ зачинщикомъ ссоры, а въ такихъ случаяхъ зачинщикомъ быть невыгодно. А князю въ Кіевѣ надо быть съ той самой минуты, какъ городъ узнаетъ о кончинѣ Владиміра. Надо, чтобъ ни одной минуты народъ не думалъ, что вотъ князя не стало, а будетъ у насъ княземъ Борисъ. Пусть лучше такъ выйдетъ, что князя не стало, а сидитъ на его мѣстѣ Святополкъ.

— Ты разсуждаешь толково, Путша, —сказалъ ему Святополкъ, —и по всему видно, что ты пойдешь далеко. Вели сѣдлать лошадей.

А между тѣмъ въ Берестовѣ князь Владиміръ опамятовался и слабымъ голосомъ потребовалъ къ себѣ любимаго сына Бориса. Приближенные отвѣчали, что князь Борисъ Владиміровичъ въ походѣ, ушелъ на печенѣговъ, но что за нимъ послано. «Бориса! Бориса!» повторялъ тоскливо и едва внятно больной, и затѣмъ промучился не долго: 15 іюля святой равноапостольный князь Владиміръ преставился.

Приближенные были въ великомъ горѣ, а въ тоже время на нихъ лежала и великая забота: скрыть кончину князя до пріѣзда наслѣдника его, князя Бориса. Пусть въ Кіевѣ думаютъ, что князь еще боленъ, а между тѣмъ новые гонцы поскакали къ Борису торопить его возвращеніе. Но тогдаш-

ній обычай требовалъ погребенія тѣла тотчасъ послѣ смерти, и трудно было рѣшить, что дѣлать. Въ теремѣ никого чужаго не было, и тайна смерти князя могла сохраниться очень долго; но надо было предать тѣло землѣ и, согласно съ волею князя, именно въ Десятинной церкви, въ Кіевѣ, рядомъ съ тѣломъ покойной княгини Анны, умершей за четыре года передъ тѣмъ. Думали, думали, и рѣшили сдѣлать погребеніе въ тайнѣ, такъ чтобы Святополковы соглядатаи ничего не могли догадаться. Тѣло князя, обернутое въ драгоцѣнныя ткани, лежало въ его горницѣ уже цѣлый день. Постельничій Могута и старшій ловчій Владивой сами видѣли противъ теремнаго крыльца неизвѣстнаго человѣка, который сидитъ уже другой день на разстояніи всего ста шаговъ и глазъ не спускаетъ ни съ оконъ, ни съ крыльца, смотритъ звѣремъ и не хочетъ сказать, чего ему надо.

— Ну и пусть сидитъ, — говорилъ постельничій, любимецъ Владиміра;—краснаго крыльца намъ не надо, чтобы вывезти тѣло. Сѣни у насъ высокія, подъ нихъ подведемъ возъ, полъ въ сѣняхъ разберемъ ночью, тѣло прямо спустимъ на возъ, и повеземъ его, какъ будто за мукой ѣдемъ въ Кіевъ. А соглядатай Святополка пусть себѣ сидитъ да смотритъ на крыльцо...

— Никакого изъ этого толку не будетъ,—замѣчалъ старшій ловчій Владивой;—Святополкъ все-таки узнаетъ и успѣетъ захватить власть раньше князя Бориса. А по-моему взять тѣло да и похоронить пока здѣсь, въ Берестовѣ, на дворѣ, а потомъ при князѣ Борисѣ можно будетъ его перенести въ Десятинную церковь. А пока будемъ сидѣть здѣсь въ теремѣ, тихо по прежнему, пожалуй вызовемъ опять изъ Кіева врача Иринарха и насильно задержимъ его здѣсь, какъ будто князю получше стало и безъ врача ему обойдтись нельзя. Еще кого нибудь вызовемъ, хоть казначея Анастаса и его тоже не выпустимъ. Тогда дѣло-то будетъ вѣрнѣе.

— И какъ это у тебя языкъ поворотился сказать, дяденька Владивой, чтобы князя Владиміра на дворѣ похоронить?—промолвилъ съ упрекомъ постельничій Могута:—мы знаемъ его волю, она должна быть исполнена свято, и тѣло его должно лечь въ Десятинной церкви. И какъ-же смѣть не исполнить княжеской воли, я ужь и не знаю...

— И будетъ въ Десятинной церкви, пойми ты; умная голова!—вскричалъ Владивой,—только не теперь, не сейчасъ, а какъ пріѣдетъ князь Борисъ...

— Стало-быть придется тревожить прахъ князя послѣ смерти-то?—сказалъ съ укоризною Могута;—ну, я на это ни въ вѣкъ не соглашусь...

— Да ты пойми, дяденька Могута, что мы это сдѣлаемъ, чтобы лучше исполнить другую его волю, чтобы сберечь мѣсто князю Борису. Ну, въ ночь свеземъ тѣло, завтра съ утра весь Кіевъ узнаетъ, а Святополкъ тутъ и есть, князя Бориса и не пуститъ.

— Ну, съ Борисомъ-то ему не справиться,—сказалъ съ довольнымъ видомъ постельничій:—вѣдь съ нимъ пошла вся дружина, самый отборный народъ: старикъ Алешка Поповичъ съ нимъ, Илья Муромецъ съ нимъ-же, Янъ Усмошвецъ, что печенѣга убилъ, да и мало-ли съ нимъ богатырей; а у Святополка только и есть Волчій Хвостъ, да и тотъ старъ сталъ, а его латинскій епископъ годится только на то, чтобы смуту дѣлать, народъ смущать. Противъ князя Бориса всему вмѣстѣ Кіеву не устоять, если-бы городъ всталъ за Святополка; а развѣ ты не знаешь, что весь Кіевъ къ Борису тянетъ? Чѣмъ-же Святополку взяться? Самъ ты посуди!

Спорили, спорили и рѣшили: полъ въ сѣняхъ разобрать ночью, пододвинуть подъ него телегу, спустить на нее тѣло на веревкахъ, накрыть и везти въ Десятинную церковь, а тамъ—что Богъ дастъ! Боярецъ Еловитъ видѣлъ, что возъ поѣхалъ тихимъ шагомъ къ Кіеву, но никакъ не могъ поду-

мать, что это похоронный поѣздъ. За санями шли переваливаясь два старика и мирно разговаривали. И продолжалъ усердно смотрѣть соглядатай, проглядѣвъ главное дѣло. Послѣ полудня уже въ Берестовѣ старый и малый толковали, что въ Кіевѣ народъ сбѣгается плакать на гробъ князя Владиміра. Ключникъ отворилъ большое крыльцо, отворились всѣ окна, и началась чистка хоромъ безъ всякой осторожности, какъ чистятъ пустой домъ. Еловитъ началъ догадываться, что тутъ что-то не даромъ, началъ разспрашивать и узналъ то, что было уже извѣстно всѣмъ. Мигомъ бросился онъ на коня и поскакалъ въ Кіевъ. На теремномъ дворѣ онъ нагналъ князя Святополка, возвращавшагося съ большою дворней послѣ осмотра кладовыхъ, соскочилъ съ коня и гаркнулъ во все горло, что князь Владиміръ скончался.

— Будто-бы?—спросилъ съ усмѣшкою Святополкъ, глядя на усталаго гонца.

— Усердіе не по разуму, свѣтлый князь,—замѣтилъ Путша и погрозилъ пальцемъ Еловиту. А тотъ стоялъ ничего не понимая и удивляясь, что никто ему спасибо не сказалъ, за его усердную службу.

— Неудачно ты его выбралъ,—сказалъ Святополкъ своему новому любимцу-горбуну:—если человѣкъ усерденъ и глупъ, то онъ очень можетъ пригодиться, только одному ему поручать ничего нельзя: посылаешь руку, пошли и голову.

А между тѣмъ весь Кіевъ съ утра до ночи толпился въ Десятинной церкви и плакалъ надъ мраморнымъ гробомъ, въ который было положено тѣло князя Владиміра. Одни уходили, другіе проходили, и плачъ былъ общій. Владиміръ-Солнышко, послѣ принятія христіанской вѣры, сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Христіанская любовь и христіанское всепрощающее милосердіе заставили его даже одно время забыть справедливость, и миловать даже разбойниковъ, такъ что самъ митрополитъ долженъ былъ требовать казни преступниковъ.

Князь Владиміръ нехотя послушалъ совѣта духовенства. Зная твердо, что рука дающаго не оскудѣетъ, онъ щедро раздавалъ милостыню и кормилъ бѣдныхъ. И богатые и бѣдные любили его какъ отца, но искренняя печаль не мѣшала имъ заботиться о будущемъ. Расходясь по домамъ послѣ поклоненія гробу усопшаго князя, сосѣди невольно толковали между собою объ отсутствующемъ Борисѣ и о Святополкѣ, который началъ распоряжаться еще вчера.

— Быть бѣдамъ великимъ!—говорилъ одинъ сосѣдъ другому:—Святополкъ станетъ собирать войско и поведетъ его на Бориса. Онъ человѣкъ крутой: за споромъ дѣло станетъ, такъ онъ, говорятъ, голову себѣ расшибетъ, а на своемъ поставитъ. У Бориса въ войскѣ у меня сынъ, у Святополка въ войскѣ будетъ сынъ-же: и какъ же они драться-то будутъ? Князья пойдутъ братъ на брата, ну, это изъ-за власти, изъ-за наслѣдства; оно и между простыми людьми бываетъ. А за что же наши-то дѣти тутъ перерѣжутся? И какъ это будетъ, я въ толкъ не возьму.

— Видишь-ли тутъ какая тайна,—отвѣчалъ другой:—Святополкъ тутъ, по настоящему, правъ. Онъ захватилъ Кіевъ противъ воли князя Владиміра, это такъ; только онъ взялъ наслѣдіе не послѣ Владиміра, а послѣ своего роднаго отца Ярополка. Давеча говорилъ это въ соборѣ горбунъ какой-то, такъ хорошо говорилъ, и дѣльно и складно. Первоначально Кіевомъ владѣлъ Игорь, послѣ него правила княгиня Ольга и оставила Кіевъ родному сыну своему Святославу, а князь Святославъ отдалъ Кіевъ старшему сыну своему Ярополку, а у Ярополка одинъ сынъ и былъ, Святополкъ, а что вдова потомъ вышла замужъ за Владиміра, или умерла, или уѣхала въ Царьградъ, это все единственно: законнымъ и единымъ наслѣдникомъ Ярополка остается и навсегда останется его сынъ Святополкъ, а никакъ не племянникъ Борисъ. Еще еслибы не было роднаго сына, то такъ, а

вѣдь послѣ Ярополка остался же сынъ? Наслѣдникъ-ли онъ или нѣтъ? Такъ-ли я говорю?...

— Что мнѣ за дѣло, чей будетъ Кіевъ?—отвѣчалъ сосѣдъ:—а что мои два сына, одинъ въ одномъ войскѣ, а другой въ другомъ станутъ рѣзаться, такъ это по-твоему какъ? Похоже это на что нибудь? Я-то такъ говорю или нѣтъ?...

Двѣ женщины въ бѣлыхъ траурныхъ покрывалахъ тоже толковали между собою:

— Ужь такъ милостивъ, такъ милостивъ былъ покойникъ, что и сказать нельзя,—говорила одна:—я его тридцать лѣтъ безъ малаго знаю. Жила вѣдь я въ молодые-то годы у него въ Бѣлгородѣ, и было насъ тамъ молодыхъ дѣвушекъ почти триста. Пиры, веселье, плясъ, гаданье: развеселое было житье! А какъ самъ-то пріѣдетъ, бывало, такъ... Оно бы и вспоминать не надобно, время было грѣховное, ну, извѣстно, языческое время. Пришолъ этотъ Корсунскій походъ, насъ и распустили. Разбрелись мы кто куда, которая въ родительскій домъ, которая замужъ вышла; я къ отцу къ матери пріѣхала и такъ соскучилась въ полгода, что не знала куда и дѣваться. Погоди-же, что дальше было: захотѣлось мнѣ князя посмотрѣть: дескать узнаетъ-ли онъ меня, или вовсе-таки старое языческое время у него изъ души вылетѣло, какъ будто и не бывало? Пріодѣлась, жемчужную повязку, его подаренье, надѣла, и прихожу. Стою среди народа: ждемъ, что онъ выйдетъ въ гридницу и станетъ разспрашивать кому что надо. Стою и боюсь, и чего боюсь—сама не знаю. Выходитъ онъ, а съ нимъ, какъ водится, Анастасъ и Волчій Хвостъ, и человѣка три важныхъ такихъ. И что же ты думаешь? Вѣдь призналъ меня, только имя позабылъ. Милостиво такъ кивнулъ головой, улыбнулся такъ кротко и говоритъ: «Здравствуй, красавица! Какъ ты живешь? Осѣнила-ли тебя благодать Господня? Приняла-ли ты святое крещеніе?» Да что слова? Слова тутъ ничего не значатъ; но

какъ онъ это сказалъ, какъ улыбнулся, такъ словами разсказать нельзя! Онъ одинъ такъ улыбался, у него одного въ голосѣ была такая ясная, безграничная доброта. И спросилъ онъ меня, что мнѣ нужно, дѣло у меня какое, зачѣмъ я пришла? А я ничего и не помню, смотрю на него, въ глаза-то смотрю... ни у кого я такихъ глазъ не видала!... И говорю, сама не знаю что говорю: «Никакого у меня нѣтъ дѣла, а пришла я Солнышко наше поглядѣть!» Какъ я брякнула это, у него бровки чуть-чуть дрогнули, онъ взоръ свой опустилъ и говоритъ тихо, не торопясь: «Ты пришла мнѣ напомнить о постѣ и молитвѣ, о томъ, что мы неустанно должны молить Бога о прощеніи нашихъ грѣховъ? Спасибо тебѣ, красавица!» И что же ты думаешь? Поклонился мнѣ, такъ низко поклонился, что я, ужь не помню какъ, бросилась ему въ ноги, и пла́чу, пла́чу, сама не знаю о чемъ пла́чу!...

Люди, которые заботились о томъ, что будетъ дальше, послали множество гонцовъ къ князю Борису, а многіе и сами поѣхали звать его поскорѣе въ Кіевъ и занять отцовское мѣсто. Всѣ знали, что такова была воля покойнаго князя, и сверхъ того всѣ боялись извѣстнаго крутаго нрава Святополка. Дружина Бориса и войско тотчасъ узнали о смерти Владиміра и о томъ, что Святополкъ захватилъ въ свои руки власть, и всѣ богатыри, всѣ начальники стали торопить князя въ Кіевъ. Илья Муромецъ, за обѣдомъ княжескимъ, говорилъ, что онъ могъ-бы захватить человѣкъ десятокъ и отправиться на-легкѣ, чтобы прогнать тамъ лишній народъ, кто не въ свои сани садится. Знаменитый Янъ Усмошвецъ предлагалъ себя въ товарищи Ильѣ Муромцу. Но болѣе всѣхъ порывался въ Кіевъ Алеша Поповичъ, шестидесятилѣтній богатырь.

— Желательно мнѣ попробовать,—говорилъ онъ,—годится-ли еще куда нибудь мой старый кулакъ, и попробовать это самое на бритой головѣ этого нѣмца Рейнберна, что

при княгинѣ Болеславѣ латинскимъ епископомъ состоитъ. Говоритъ онъ мнѣ черезъ своего переводчика, черезъ этого поджараго чеха, что если я Поповичъ, то долженъ, стало быть, его папѣ римскому покланяться. И таково ехидно ухмыляется, что я его готовъ былъ пополамъ разорвать! Погоди, попадется онъ мнѣ, я его перетру въ пыль, такъ что сорокѣ нечего будетъ клюнуть.

Вся дружина и все войско готовы были ринуться на Кіевъ, и Святополку съ небольшою дружиною, накопленною въ послѣдніе годы въ Вышгородѣ, не удержаться-бы ни минуты. Но Борисъ не хотѣлъ междоусобія; онъ говорилъ:

— Не подниму руки на старшаго брата. Онъ будетъ мнѣ вмѣсто отца.

Дружина и войско этого не могли понять: за него была воля покойнаго князя, за него-же готовъ былъ стать весь Кіевъ, за него въ огонь и въ воду готовы были броситься дружина и войско, наконецъ у противника было очень мало силъ, и при всемъ этомъ отказываться отъ власти, только чтобы не поднять руки на старшаго брата, этого не понимали закаленные въ бояхъ богатыри и воины. Если такъ, то имъ и дѣлать было нечего съ княземъ Борисомъ: войско, собранное въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ, съ минуты смерти этого князя, было свободно и каждый спѣшилъ домой; дружина кіевскаго князя уходила къ тому, кто имъ былъ на самомъ дѣлѣ, кого самъ князь Борисъ признавалъ кіевскимъ княземъ, къ Святополку. Только нѣкоторые богатыри непосѣды уходили на востокъ, въ городъ Тмуторокань, къ удалому князю Мстиславу, потому что его походы, его удальство были уже всѣмъ извѣстны. Борисъ оставался одинъ съ нѣсколькими приближенными, и не зналъ хорошенько, ѣхать-ли ему въ свою волость въ Муромъ, или побывать сначала въ Кіевѣ помолиться на могилѣ отца, а также поклониться

старшему брату. Въ раздумьѣ онъ оставался на рѣчкѣ Альтѣ и жилъ тамъ въ шатрѣ, не рѣшаясь ни на что.

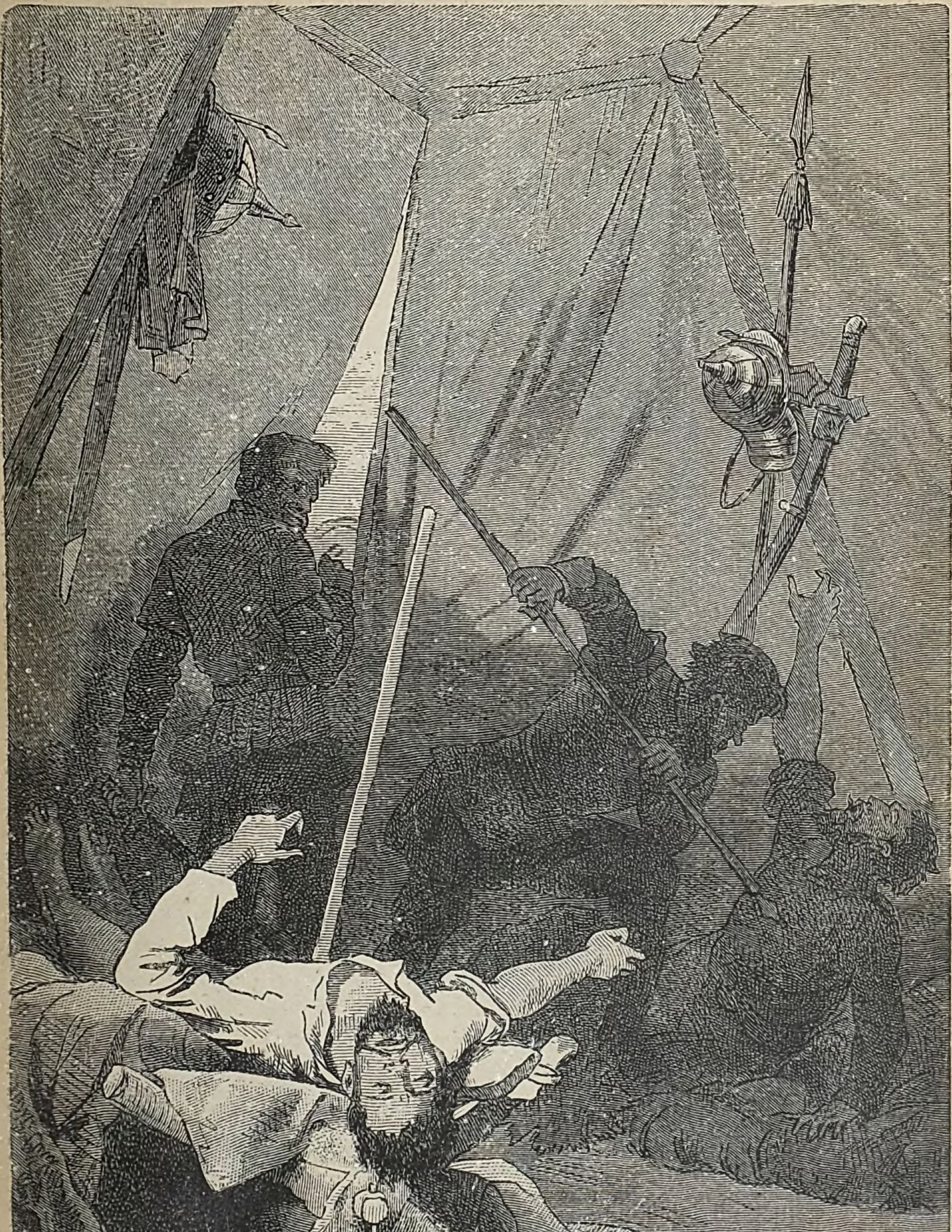
Двадцать четвертаго іюля къ ставкѣ князя Бориса подъѣзжали четыре воина. Когда они переѣзжали рѣчку Альту въ бродъ, Борисъ и его слуги узнали въ передовомъ всадникѣ прежняго слугу, горбатенькаго Путшу; но судя по одеждѣ и вооруженію онъ былъ уже не простымъ слугою, а важнымъ бояриномъ. За нимъ ѣхали три большіе тяжелые воина, и при нихъ его можно было издали принять за ребенка. Подъѣхавъ къ шатру, Путша соскочилъ съ коня и съ великими поклонами приблизился къ князю Борису.

— Меня недостойнаго посылаетъ къ тебѣ, свѣтлый князь Муромскій, старшій твой братъ, пресвѣтлый князь Кіевскій. Онъ велѣлъ тебѣ справить свой братскій поклонъ, и сказать его великую, нерушимую любовь. И дивится сильно князь Святополкъ, что ты не идешь къ нему въ Кіевъ, и отчего нейдешь, онъ не вѣдаетъ. Любви, братской любви онъ только ищетъ, и крѣпкій наказъ тебѣ шлетъ, что волость твоя муромская очень мала, и къ твоей волости онъ прибавитъ земель безъ счету. Королевна Болеслава тоже тебѣ шлетъ братскій поклонъ и велитъ ѣхать въ Кіевъ: она тебѣ невѣсту сватаетъ, тоже какъ и она сама, польской королевской крови...

И много еще говорилъ посланецъ отъ князя Святополка, и Борисъ его слушалъ милостиво и печально. И странно было видѣть этого царственнаго красавца, молодаго, высокаго, стройнаго, съ яснымъ, быстрымъ взглядомъ, слушающимъ безобразнаго, маленькаго горбуна. Когда длинная рѣчь его кончилась, князь сказалъ, что онъ завтра же сниметъ свой шатеръ и поѣдетъ въ Кіевъ.

Дѣло было къ вечеру, и солнце садилось въ тучу.

— Жаль если дождливая будетъ погода!—сказалъ князь;—

Слуга Бориса, венгерецъ Георгій, тутъ же упалъ, пронзенный копьемъ.

но вамъ нуженъ отдыхъ, а я хочу выѣхать пораньше. Иди и отдохни.

Путша ушелъ въ палатку, раскинутую для слугъ и нѣсколькихъ отроковъ, оставшихся съ Борисомъ. Хозяева усердно угощали гостей, и нисколько не удивились, когда двое изъ нихъ, Талецъ и Еловитъ, вышли изъ шатра посмотрѣть лошадей. А это были убійцы; не лошадей имъ надо было смотрѣть: имъ надо было убить князя Бориса, по приказанію брата его Святополка. Подошли они съ копьями къ княжескому шатру, прислушались, а князь еще не спалъ: онъ молился и пѣлъ заутреню. Талецъ посмотрѣлъ на Еловита и хотѣлъ улыбнуться, но ротъ его растянулся, зубы оскалились, глаза скосились и по спинѣ прошелъ морозъ. Еловитъ пожалъ только плечами и угрюмо уставился въ землю. Но вотъ князь кончилъ свои молитвы, и легъ въ постель. Убійцы встрепенулись, вбѣжали въ палатку и по нѣскольку разъ воткнули въ безоружнаго свои острыя копья. Слуга Бориса, венгерецъ Георгій въ просонкахъ схватился за мечъ, крикнулъ, но тутъ же упалъ, проткнутый копьемъ. Въ сосѣдней ставкѣ отроки услышали этотъ крикъ, выбѣжали посмотрѣть, что случилось, за ними выбѣжалъ и Путша съ своимъ товарищемъ Лешкомъ; всѣ гости разомъ ударили на безоружныхъ и перерѣзали всѣхъ. Въ минуту все было кончено. Вечернія сумерки спѣшили прикрыть злое дѣло; лежали тѣла, горячая кровь струилась на примятую траву и дымилась и тяжело пахла желѣзомъ.

Убійцы молчали и не смотрѣли другъ другу въ глаза. Путша вошелъ въ шатеръ Бориса; но тамъ было уже темно и тѣлъ не было видно. Онъ приказалъ снять шатеръ и при погасающемъ свѣтѣ дня увидѣлъ прекраснаго молодаго князя, покоющагося на постели вѣчнымъ сномъ. Въ груди было нѣсколько глубокихъ ранъ, но лицо осталось нетронутымъ и казалось спящимъ съ счастливою улыбкою на устахъ. Пред-

водитель убійцъ поспѣшилъ покрыть это лицо первою одеждою, какая подвернулась ему подъ руку, и началъ торопить своихъ спутниковъ въ обратный путь.

— По настоящему, теперь надобно-бы отдохнуть,—сказалъ лѣниво Еловитъ, вытирая полою шатра свой громадный мечъ:—два дня ѣхали, коней замучили. Вотъ только съ этого молодца надобно снять гривенку. Золотая гривна надѣта на цѣпи золотой у простаго слуги: житье было людямъ у такого князя!... Только цѣпь коротка, черезъ голову не лѣзетъ... Неужли такъ на шеѣ запаяна была, чтобъ не пропалъ куда человѣкъ? И въ самомъ дѣлѣ запаяна. Ну, дѣлать нечего, а рвать такую хорошую цѣпь не разсчетъ...

И злодѣй досталъ изъ-за пояса кривой ножъ и сталъ отрѣзывать голову слуги Георгія, такъ же спокойно, какъ поваръ отрѣзываетъ кусокъ мяса на жаркое.

Другіе убійцы обирали тѣла остальныхъ слугъ, пробовали ихъ мечи, Путша обшаривалъ постель князя, распарывалъ его сѣдло и искалъ чего нибудь подороже. Стало уже совсѣмъ темно; тучи заволокли небо; тѣло Бориса было завернуто въ наметъ и привязано на лошади; на другую лошадь были навьючены два большіе пука разнаго оружія; забрали также съ десятокъ лошадей, и весь поѣздъ переправился обратно черезъ Альту. Молча ѣхали преступники степью отъ мѣста злодѣянія, и первымъ заговорилъ Еловитъ:

— Вотъ такую работу я люблю. Знаешь что дѣлать, ничего не думаешь, ни за что не отвѣчаешь, и правъ. А то послали стеречь князя Владиміра когда умретъ. Да какъ же это можно было устеречь? То-ли дѣло тутъ! Чисто, исправно, кончилъ и ступай домой. Любезное дѣло!...

Такихъ же злодѣевъ нашелъ Святополкъ, чтобъ умертвить младшаго брата, Глѣба. Сестра ихъ Предслава Владиміровна разсылала во всѣ стороны гонцовъ и повѣщала всѣмъ братьямъ: «Отецъ умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ

Бориса, послалъ и на Глѣба, берегись его». Въ одно время съ другими братьями дошла эта вѣсть и въ Новгородъ до князя Ярослава. Новгородъ въ это время не посылалъ дани въ Кіевъ: Ярославъ отказалъ въ этой дани отцу, и князь Владиміръ готовилъ уже войско, чтобъ идти на Новгородъ, но разболѣлся и умеръ. Ярославъ тужилъ по отцѣ, но не забылъ послать къ Глѣбу сказать: «Не ходи: отецъ умеръ, а брата твоего Святополкъ убилъ». Глѣбъ въ это время былъ уже на пути въ Кіевъ и плылъ вверхъ по теченію Волги: до него еще прежде дошли слухи о тяжкой болѣзни отца и о томъ, что больной хочетъ его видѣть. Узнавъ въ одно время о смерти отца и брата, Глѣбъ встосковался. Онъ очень любилъ своего брата, съ самаго ранняго дѣтства былъ съ нимъ въ великой дружбѣ и плакалъ горько. Его ладья пристала къ берегу и онъ не зналъ, на что рѣшиться. Въ это время наскочили убійцы, посланные Святополкомъ, и захватили Глѣбову ладью. Предводитель ихъ Горясѣръ велѣлъ сейчасъ-же убить молодаго князя. Нашелся человѣкъ, поваръ, служившій у самого Глѣба, родомъ турокъ; онъ зарѣзалъ князя и бросилъ его тѣло на берегъ.

Святополкъ торжествовалъ; онъ оставался старшимъ уже безъ всякаго спора, и съ остальными братьями управиться ему было уже легко: они не имѣли на своей сторонѣ выгодъ рожденія въ христіанскомъ законѣ и всѣ были моложе его. Латинскій епископъ Рейнбернъ горячо поздравлялъ его съ побѣдою и радовался, что теперь-то можно ему будетъ стараться въ пользу латинской вѣры, которой покойный князь Владиміръ не терпѣлъ. Супруга Святополкова, дочь польскаго короля Болеслава, обѣщала ему въ этомъ помогать и въ скоромъ времени выгнать поповъ греческой вѣры и насажать на ихъ мѣста латинскихъ патеровъ.

Ближайшимъ къ Святополку былъ братъ Святославъ Владиміровичъ, сидѣвшій въ Овручѣ, въ землѣ Древлянской.

Онъ услышалъ, что къ нему идетъ отъ брата великое посольство: бояринъ Путша съ товарищи, и понялъ очень скоро чего ему надо. Не теряя времени, онъ вскочилъ на коня и бѣжалъ въ Венгрію. Но бояринъ Путша былъ не такой человѣкъ, который легко выпускалъ изъ рукъ добычу. Князь Святославъ съ двумя преданными людьми скакалъ неутомимо; Путша съ тремя товарищами скакалъ усердно, желая получить обѣщанную награду: за первое убійство онъ былъ сдѣланъ бояриномъ, а за второе онъ надѣялся еще большаго. Скачутъ день, скачутъ другой, перемѣняя лошадей. Князь Святославъ соснетъ часа два, три въ ночь, и опять на коня, и опять скачетъ. А горбатый Путша, какъ голодный звѣрь, не зналъ отдыха, безъ милосердія загонялъ лошадей, такъ что его боярцы Еловитъ, Лешко и Талецъ начинали роптать.

— Стыдились-бы говорить!—замѣчалъ на это Путша:—я, маленькій горбунъ, ни мало не усталъ, а вы, богатыри, притомились. Да и немного уже осталось: вотъ на томъ поворотѣ можетъ быть онъ и сидитъ! Наддай!

И убійцы мчались, изрѣдка только давая лошадямъ вздохнуть.

Но вотъ уже начинаются холмы, вдали видны и горы: это Карпатскія горы, а за ними въ чужихъ владѣніяхъ уже не такъ-то легко будетъ совершить приказанное убійство: вмѣсто награды можно будетъ получить казнь. Наконецъ-то жертва уже въ виду: съ горы шагомъ спускается князь Святославъ съ двумя провожатыми. Заслышавъ погоню по пятамъ, провожатые ударили по лошадямъ и поскакали.

— Стойте, трусы!—вскричалъ имъ въ догонку князь, но они ничего не слышали. А онъ остановился, обернувъ коня къ погонѣ, медленно вытащилъ изъ ноженъ свой варяжскій мечъ, подарокъ покойнаго отца, осмотрѣлъ его, и сталъ спокойно дожидаться. Въ немъ сказался сынъ князя

Владиміра и дочери варяжскаго конунга Мальфриды. Гнѣвно стиснулъ онъ зубы, гнѣвно смотрѣлъ какъ погоня вытаскивала мечи, видѣлъ какъ ѣхавшій впереди всѣхъ горбунъ пропустилъ товарищей впередъ, придержавъ немного своего коня... Вотъ передній, громадный Еловитъ, уже близко, уже наклонилъ копье, чтобы съ размаху всадить его въ грудь князя. Но князь толкнулъ немного въ сторону своего коня, ударъ пришолся мимо, и убійца прямо шеей наскочилъ на взмахъ княжескаго меча. Святославу некогда было посмотрѣть, какъ онъ покатился мертвый и какъ сталъ его измученный конь: на него летѣли съ обнаженными мечами еще рядомъ двое, а за ними горбунъ. Бой завязался жаркій; Талецъ уже раненъ, Лешко уже истекаетъ кровью, а князь по прежнему сильно рубится: только въ двухъ мѣстахъ оцарапанъ. Горбунъ тогда заѣхалъ сзади и взявъ мечъ въ обѣ руки, поразилъ князя. Путша толкнулъ ногой Лешко, который, лежа на землѣ, уже начиналъ захлебываться воздухомъ, перевязалъ кое-какъ своего раненаго товарища, шагомъ добрался съ нимъ до перваго жилья и какъ убитый проспалъ двое сутокъ. А на пустынной дорогѣ дикіе звѣри растаскивали по частямъ три человѣческія тѣла...

Святополкъ торжествовалъ. Епископъ Рейнбернъ поздравлялъ его съ побѣдой и радовался, что теперь уже скоро латинскіе патеры сядутъ на мѣсто греческихъ поповъ, а княгиня Болеслава обѣщала ему въ этомъ помогать.

— Перебью всѣхъ братьевъ,—думалъ Святополкъ,—и стану одинъ владѣть на Руси.

И думая такъ, онъ всякій день пилъ много вина и крѣпкаго меду.

Однажды позвалъ онъ къ себѣ боярина Путшу и сказалъ ему:

— Вѣрный мой бояринъ Путша, какъ мнѣ быть съ Нов-

городомъ? Не платитъ онъ никакой дани, а князь Ярославъ собираетъ на Кіевъ войско. Нельзя-ли какъ безъ войны?

— Трудное это дѣло, свѣтлый князь, очень трудно,— отвѣчалъ Путша.—Я готовъ по первому твоему слову ѣхать въ Новгородъ и постараюсь князя Ярослава извести; только удачи тутъ ждать нельзя, нечего себя и обманывать, потому что князь новгородскій силенъ и живетъ день и ночь среди варяговъ. Я уже думалъ о Ярославѣ, и разспрашивалъ, и справлялся у бывалыхъ людей, потому что я день и ночь думаю, какъ бы тебѣ сослужить службу, избавить тебя отъ враговъ. Живетъ при Ярославѣ конунгъ Эймундъ, сынъ короля Гейдмаркскаго, и съ нимъ до тысячи человѣкъ варяговъ, и дружба такая у Ярослава съ варягами, что ему стоитъ только слово сказать, хоть десять тысячъ явится еще.

— Что ты мнѣ толкуешь о варягахъ?—вскричалъ съ нетерпѣніемъ Святополкъ.—Если ты любишь своего князя, то долженъ-бы пойти и убить Ярослава, а если тебя за это въ клочки изорвутъ, то не бѣда. Вотъ какъ долженъ поступать вѣрный слуга! А ты мнѣ сказки разсказываешь про варяговъ. Трусъ ты, я тебѣ скажу, вотъ что, а не бояринъ.

— Для тебя, свѣтлый князь, я готовъ умереть двадцать разъ,—сказалъ покорно Путша:—но надобно умирать съ пользой, съ толкомъ. Меня въ Новѣгородѣ знаютъ, къ князю Ярославу не допустятъ, и какой нибудь варягъ раскроитъ голову безъ всякой пользы. А эта голова, князь, можетъ еще тебѣ послужить...

— Хорошо, хорошо! Береги свою драгоцѣнную голову!— отвѣчалъ князь Святополкъ:—этакая драгоцѣнность въ самомъ дѣлѣ!... Ну, а что же ты скажешь про братца Всеволода Владимірскаго? У него тоже варяги?

— Князь Всеволодъ живетъ въ тѣсномъ мирѣ и въ дружескомъ союзѣ съ венгерскимъ королемъ,—сказалъ Путша унылымъ голосомъ:—съ нимъ надо будетъ послѣ всѣхъ по-

считаться, чтобы не нажить ссоры съ этими звѣрьми уграми. Это тебѣ самому, свѣтлый князь, лучше моего извѣстно.

— Ну кто же еще остается?—спросилъ Святополкъ:— Мстиславъ въ Тмуторокани? Ну, этого владѣнія мнѣ и даромъ не надо: со всѣхъ сторонъ враги: касоги, печенѣги, остатки этихъ казаръ,—не надо. Мстиславу только тамъ и жить: онъ, говорятъ, день и ночь на конѣ. А вотъ Смоленскій братецъ Станиславъ, такъ тотъ вовсе лишній, да псковскій Судиславъ такъ и просится на тотъ свѣтъ.

— До Смоленскаго князя теперь добраться трудновато,— отвѣчалъ Путша:—передъ смертью князя Владиміра здѣсь въ Кіевѣ жила княгиня Адель, мать князя Смоленскаго, все хлопотала, чтобы къ его волости прибавили Витебскъ; а какъ въ Кіевѣ насталъ законный князь Святополкъ, да какъ скончался князь Борисъ, она и пропала, уѣхала въ Смоленскъ, будто испугалась чего. И теперь братца Станислава берегутъ въ Смоленскѣ лучше и вѣрнѣе чѣмъ Ярослава берегутъ въ Новѣгородѣ варяги: бережетъ его материнская болѣзная забота. Вѣдь эти женщины, какъ ежели которая мать, какъ насѣдка бережетъ своего цыцленка, а женскій умъ на всякія хитрости повадливъ. Опять и князь Судиславъ псковскій— до него не дойдешь, все въ Новѣгородѣ живетъ у братца Ярослава. До сихъ поръ вѣдь Псковъ былъ новгородскимъ пригородомъ, и никакъ этого забыть не можетъ; а Судиславъ къ тому же слабъ и смотритъ на все сквозь руки Ярослава...

— Стало быть все такъ и останется какъ есть?—вскричалъ Святополкъ:—Ну куда же годится твоя дорогая голова, чучело ты гороховое, когда ничего придумать не можешь? Слышишь-ли ты, уродъ? Знать ничего не хочу, избавь ты меня отъ этихъ братцевъ двоюродныхъ ненавистныхъ, а не то, знаешь-ли ты? Я отъ тебя самого избавлюсь!

— Все устроится, свѣтлый князь,—сказалъ спокойно Путша,—не сейчасъ, а послѣ; только и теперь нельзя те-

рять времени, потому что Ярославъ новгородскій готовится и съ весны пойдетъ на насъ непремѣнно. Варяговъ онъ призвалъ потому, что готовился воевать противъ отца, а теперь ему этихъ звѣрей дѣвать некуда. Имъ надо дать подраться, а то они съѣдятъ и самого того, кто ихъ призвалъ: это ужь народъ такой. И Кіеву надобно-бы поискать союзниковъ: на весну быть войнѣ великой...

— Не хочу я войны, горбунъ!—вскричалъ гнѣвный Святополкъ:—возня, безпокойство, измѣна кругомъ! Не хочу!..

— А безъ войны съ Ярославомъ намъ не обойтись, свѣтлый князь, это ужь воля твоя, не обойтись! Вѣдь если онъ на насъ пойдетъ, такъ намъ не сидѣть-же сложа руки. А по моему позвать печенѣговъ, да и выйти къ нему навстрѣчу: въ Кіевѣ оставаться намъ нельзя, потому что люди какъ будто здѣсь насъ не очень-то любятъ...

Путша добился того, что князь Святополкъ послалъ его въ кочевья къ печенѣгамъ звать ихъ на Ярослава, а для успѣшности посольства далъ ему четыре вьюка цареградскихъ серебряныхъ денегъ. Такія порученія Путша очень любилъ, потому что усчитать его было нельзя, а половину денежнаго расхода онъ разсчитывалъ пополнить своими ловкими рѣчами.

Раннимъ лѣтомъ (1016 г.) большія полчища печенѣговъ прикочевали къ Днѣпру и остановились на его луговой сторонѣ, противъ Кіева. Святополкъ приказалъ своему воеводѣ Волчьему Хвосту выступать сейчасъ-же въ походъ, чтобы увести кочевниковъ съ кіевскихъ сѣнокосовъ. Волчій Хвостъ выступилъ съ кіевлянами, и за нимъ потянулась печенѣжская орда. Вскорѣ къ нимъ примкнулъ и самъ князь съ молодою дружиною, и всю дорогу не прекращался веселый пиръ: на всякомъ привалѣ было потрачено много крѣпкаго меду и заморскаго вина. Прошли Любечь по луговому берегу Днѣпра и увидѣли на другой сторонѣ рѣки войско Ярослава. Оно стояло на горѣ, спокойное, грозное; суровые варяги стояли

небольшимъ отдѣльнымъ станомъ, а неподалеку отъ нихъ ставки самого новгородскаго князя и конунга Эймунда. Святополкъ велѣлъ своему войску остановиться и ожидать, когда новгородцы начнутъ переѣзжать черезъ рѣку: тутъ ихъ и бить. Но новгородцы не переправлялись: прошелъ день, другой, третій, новгородцы стоятъ, какъ будто передъ ними нѣтъ никакого врага. Простояли такъ съ недѣлю, и печенѣгамъ уже не въ моготу стало стоять. Они всѣ были конные, и лошадямъ нуженъ былъ подножный кормъ. За Святополковымъ станомъ было озеро, а въ тѣсномъ промежуткѣ между рѣкой и озеромъ кормъ весь уже былъ вытоптанъ. Пришлось союзникамъ отойти за озеро и тамъ пасти своихъ коней. Князь Святополкъ былъ очень радъ, что новгородцы не очень торопятся, и въ его дружинѣ опять пошли пиры и пьяное веселье. Цѣлые три мѣсяца простояли оба войска въ виду одно другаго. Съ обѣихъ сторонъ люди водили коней на водопой, и часто перебранивались съ одной стороны на другую. Тогда водилось, чтобы враги задирали одинъ другаго бранью и самыми неприличными словами.

— Эй вы, плотники!—кричали люди съ одной стороны:—въ Кіевъ пошли съ хромымъ княземъ, да у Любеча сѣли! Вотъ мы васъ поставимъ хоромы рубить!

— Конину жевали, лошадинымъ молокомъ запивали!—кричали въ отвѣтъ новгородцы, нарочно смѣшивая кіевлянъ съ печенѣгами.

— Хромому-то князю ногу-бы подвязали!—кричали кіевскіе дружинники, попрекая новгородцевъ тѣмъ, что князь Ярославъ былъ хромоногъ.

Такъ тянулось время; а Ярославъ между тѣмъ велѣлъ пригнать съ верху много лодей и спрятать ихъ за изгибомъ рѣки. Начались уже заморозки, и варяги начинали роптать. Ярославъ воспользовался такимъ ропотомъ и однажды ночью тысяча лодей явились подъ новгородскимъ станомъ. Въ вели-

кой тишинѣ перевезлось войско на другой берегъ. Всѣмъ своимъ воинамъ князь приказалъ повязать головы бѣлыми полотенцами, чтобы въ темнотѣ можно было различать враговъ отъ своихъ, и велѣлъ идти впередъ. Ударили на кіевлянъ передъ разсвѣтомъ и много народу побили. Остальные бросились къ печенѣгамъ по застывшему озеру; ледъ подломился и всѣ потонули. Святополкъ едва успѣлъ ускакать.

Черезъ недѣлю, еще лѣтнимъ путемъ, Ярославъ вступилъ въ Кіевъ и сказалъ:

— Не я началъ избивать братьевъ, а Святополкъ. Богъ отомстилъ за кровь братьевъ, праведныхъ Бориса и Глѣба.

И совершивъ благодарственное молебствіе въ Десятинной церкви, поклонившись гробу отца своего, Ярославъ сталъ княземъ кіевскимъ. Новгородцевъ, пособлявшихъ ему, онъ отпустилъ домой; старостамъ и всѣмъ горожанамъ далъ по десяти гривенъ, а смердамъ по гривнѣ.

Больше всѣхъ рады были Ярославу сестры Мечислава и Предслава: имъ было худое житье при двоюродномъ братѣ, а тутъ занялъ отцовское мѣсто братъ родной, любимый, добрый, справедливый. Зима прошла мирно, спокойно, но Ярославъ былъ въ безпокойствѣ, постоянно получая вѣсти о Святополкѣ. Нечестивый князь укрылся у тестя, польскаго короля Болеслава Храбраго. Къ счастію, Болеславъ былъ въ войнѣ съ нѣмецкимъ императоромъ Генрихомъ Вторымъ; война была трудная и ему некогда было подумать о русской землѣ, чтобы посадить назадъ въ Кіевъ зятя. А зять спокойно пировалъ у тестя. Жена его Болеслава съ епископомъ Рейнберномъ была отослана въ Новгородъ на житье.

Среди зимы пріѣхалъ съ Волыни въ Кіевъ владимірскій князь Всеволодъ, и привезъ съ собой великаго посланника отъ нѣмецкаго императора, и посланникъ былъ опять-таки латинскій епископъ изъ Мерзебурга, Дитмаръ. Ярославъ разцѣловалъ брата, разспросилъ Дитмара объ императорѣ, о томъ,

какою дорогой онъ ѣхалъ, и удивлялся трудностямъ далекаго пути черезъ дальнія чешскія и венгерскія земли.

— Никакихъ трудностей не побоялся-бы я, — сказалъ епископъ,—чтобы исполнить волю императора, и свезти его братскій поклонъ князю Ярославу. Есть у насъ и прямѣе дорога, черезъ польскія земли, но король Болеславъ, забывъ законы Божескіе, поднялъ руку на императора, такъ-же, какъ онъ похваляется поднять руку и на тебя, пресвѣтлѣйшій князь. Поэтому я, посолъ императорскій, никакъ-бы не могъ проѣхать черезъ польскія земли: нашъ общій врагъ не пропустилъ-бы меня. Привезъ я тебѣ дружбу императора Генриха и братскій совѣтъ: какъ только станетъ весна, ударить на общаго врага. Мы ударимъ съ запада, ты съ востока, и можетъ быть удастся тебѣ захватить врага всего твоего рода, Святополка.

— Дѣло говоришь, настоящее дѣло, — отвѣчалъ Ярославъ;—только теперь ничего на это не скажу. Поживи у насъ, отдохни отъ дальней дороги, а я подумаю: по обычаю отцовскому соберу дружину и съ дружиной подумаю. Я охотно отдалъ-бы половину всей своей крови, только чтобы достать братоубійцу!

— Всѣ мы съ тобой пойдемъ на Святополка, — сказалъ Всеволодъ;—надо-бы, чтобы цѣлый свѣтъ возсталъ противъ братоубійцы... Братъ Мстиславъ навѣрно придетъ намъ помочь изъ своей Тмуторокани.

— Все это такъ,—сказалъ Ярославъ;—но пока я ничего не рѣшу безъ думы съ своею дружиной. Помнишь отцовское правило? И мы хорошо сдѣлаемъ, если въ рѣшеніи такихъ дѣлъ будемъ поступать по-отцовски.

Дума присовѣтовала войну противъ польскаго короля Болеслава, и епископъ Мерзебургскій, прогостивъ съ недѣлю, уѣхалъ обратно во Владиміръ Волынскій и оттуда въ Венгрію съ многими подарками, съ поклонами императору и съ обѣ-

щаніемъ, что какъ только вскроются рѣки, Ярославъ выступитъ водянымъ путемъ и начнетъ съ осады Берестья, что нынче называется Брестомъ. Вся зима прошла въ приготовленіяхъ, лѣтомъ Ярославъ осадилъ городъ Берестье, простоялъ подъ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ, не могъ его взять и ушелъ обратно. Самъ король Болеславъ не выступалъ противъ Ярослава; у него была работа важнѣе и опаснѣе: онъ билъ войска императора.

А на слѣдующую весну (1018 г.) князь Ярославъ сошелся съ самимъ Болеславомъ на берегу рѣки Буга. Войско польскаго короля состояло изъ ляховъ, нѣмцевъ, венгерцевъ и печенѣговъ, у Ярослава кромѣ руси были еще и варяги, и храбрый воевода Будый, родомъ новгородецъ, завѣрялъ князя, что черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, онъ переправится черезъ Бугъ и изрубитъ непріятеля въ капусту. На обоихъ берегахъ Буга начались обыкновенныя подзадориванья, поддразниванья и перебранки. Съѣхались какъ-то съ одной стороны Будый, а съ другой самъ король Болеславъ. Король былъ толстъ непомѣрно, такъ что подъ него съ трудомъ можно было найти коня; огромная толщина не мѣшала ему однако быть очень умнымъ и очень мужественнымъ. Но издали этого не видно, и только громадный животъ короля и большая подъ нимъ ломовая лошадь были смѣшны. Будый и крикнулъ черезъ рѣку: «Вотъ мы тебѣ проткнемъ палкою брюхо твое толстое!» Болеславъ обратился къ своей дружинѣ и сказалъ: «Если вамъ это ничего, то я одинъ справлюсь съ нахаломъ!» и бросился на конѣ въ рѣку; дружина за нимъ, за дружиною все войско. Какъ стадо утокъ, вспугнутое лисицей, такъ все войско побросалось въ воду и ударило на кіевлянъ. Будый первый палъ, а войско Ярослава не было готово къ битвѣ, и вышла суматоха. Одинъ хватался за панцырь и падалъ мертвый, не успѣвъ застегнуть ремней, другой лѣзъ въ драку безъ шишака и получалъ смертельный ударъ по головѣ,

третьему попадались въ руки все чужіе мечи, а большая часть войска бросилась опрометью бѣжать. Самъ князь Ярославъ спалъ въ своей ставкѣ послѣ сытнаго обѣда. Шумъ разбудилъ его, онъ вскочилъ, понялъ, что для него все пропало, вспрыгнулъ на коня и самъ пятъ уѣхалъ. Съ нимъ былъ Эймундъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ братъ Всеволодъ и еще двое слугъ. Король Болеславъ отдалъ своимъ воинамъ весь станъ, покинутый русскими, и пошелъ прямо на Кіевъ.

Четырнадцатаго августа (1018 г.) отворились передъ нимъ кіевскія ворота и онъ вступилъ въ городъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Впереди ѣхали трубачи, отрядъ конныхъ поляковъ и потомъ онъ самъ рядомъ съ княземъ Святополкомъ. За ними ѣхалъ отрядъ венгерцевъ, потомъ толпа печенѣговъ и наконецъ длинною полосою долго, долго вступало все войско. Народъ смотрѣлъ на короля и на своего князя со страхомъ; рѣчамъ и толкамъ не было конца.

— Нашъ-то, нашъ, гляди какой худой сталъ!—говорилъ одинъ.—Глаза ввалились, носъ вытянулся и красный какой: что твоя клюква.

— Нѣтъ, тотъ-то каковъ!—говорилъ другой:—столпотвореніе вавилонское! И гдѣ только коня такого добыли, что везетъ эту тушу!..

— Худѣетъ нашъ оттого, что совѣсть его грызетъ,—замѣчалъ третій:—троихъ братьевъ убилъ, ну совѣсть его и донимаетъ. Говорятъ, сколько ни пьетъ, а заснуть не можетъ...

— Гляди, гляди! Это печенѣги! Лисьихъ хвостовъ на конскія гривы навѣшали... Эти самые хвосты шьетъ изъ шкурокъ мой сосѣдъ, что въ угольномъ домѣ живетъ, и такъ ловко шьетъ, что первому въ свѣтѣ знатоку не узнать. И хорошо продаетъ, ничего, кормится и семью кормитъ.

Въ толпѣ стояли и два старые любимца покойнаго князя Владиміра: постельничій Могута и ловчій Владивой. Грустно они смотрѣли на вступленіе въ Кіевъ непріятельскаго войска.

— Похоже-ли это на то, что мы видѣли всего только три года назадъ?—сказалъ бѣлый какъ лунь Могута:—и войска не надо-бы никакого, одна дружина справилась-бы со всею этою сволочью. А гдѣ мы теперь? Что съ нами дѣлается? Тошно и смотрѣть!.. Зажились мы съ тобой на свѣтѣ, дяденька Владивой!..

— Это ничего, отецъ,—отвѣчалъ сѣдой Владивой;—это вѣдь не надолго. Тотъ-же самый Болеславъ польскій лѣтъ восемь тому назадъ вступилъ въ чешскую Прагу будто избавителемъ, а бѣжалъ-же оттуда. Такъ будетъ и у насъ, вотъ помяни ты мое слово. Да и все-то такъ на свѣтѣ дѣлается. Какъ поживешь подольше, такъ оно и видно. Одно ростетъ и поднимается, другое падаетъ. На человѣка нападаетъ болѣзнь, мучитъ его, бьетъ, и отпуститъ. Смотрю я на великую русскую землю, какъ будто она въ болѣзни, и такая болѣзнь бываетъ къ росту. Вотъ погоди, переболѣетъ, встанетъ, встряхнется, и—ничего, заживетъ по прежнему, только здоровѣе и сильнѣе прежняго...

— Такъ-то такъ,—отвѣчалъ Могута;—да каково недужному-то! Всѣ-то косточки у него ноютъ, вотъ какъ ноетъ теперь мое сердце; все-то нутро у него тоскуетъ и горитъ, и щемитъ, какъ тоскуютъ всѣ до послѣдняго кіевляне, вся русская земля...

— Сайки горячи! сейчасъ изъ печи! —пропѣлъ возлѣ нихъ веселымъ голосомъ разносчикъ, разсчитавшій, что народъ ждетъ въѣзда давно и что можно будетъ распродать залежавшійся товаръ, потому что на голодный зубъ и прошлогодняя сайка мягка.

— Спроси-ка вотъ у него, ноетъ-ли у него сердце?—сказалъ Владивой;—и ты, дяденька, не ной. А вотъ погляди-ка лучше, что дѣлается на теремномъ дворѣ. Это вѣдь старая лисица Анастасъ съ хлѣбомъ-солью встрѣчаетъ Болеслава... Ну, лисица! И зашелъ-то съ правой стороны, пони-

маетъ, что этотъ окаянный Святополкъ тутъ ни при чемъ, а все это тестюшка и началъ, и кончитъ. Гляди, гляди! Кланяется и рѣчь держитъ. Увертливъ и хитеръ, нечего сказать! Да ему что! Ему все ни почемъ: родины у него нѣтъ, какъ у волка сыромаха. Когда мы, помнишь, стояли подъ Корсунемъ и ничего не могли сдѣлать каменному городу, онъ, продавъ свой городъ, разсчиталъ, что при князѣ Владимірѣ можно будетъ хорошо руки погрѣть. Онъ пустилъ намъ стрѣлу съ грамотой. Я тогда сказывалъ князю Владиміру, что такого предателя хорошо-бы, по-варяжскому обычаю, лошадьми разорвать; да эта лисица съумѣлъ подластиться. Теперь онъ къ Болеславу подъѣзжаетъ. Вотъ такого человѣка, цѣльнаго, безъ изъяну, я люблю: былъ лисицей, и остался лисицей, и умирать станетъ, все будетъ хвостомъ вертѣть... Ну, досказалъ. Молодецъ! А, каковъ нашъ епископъ? Кропитъ святой водой и Святополка и Болеслава...

На другой день король позвалъ епископа къ себѣ и сталъ разспрашивать, что сдѣлалось съ его дочерью Болеславой:

— Ты оставался въ Кіевѣ, когда князь Святополкъ выступилъ къ Любечу, два года тому назадъ; ты былъ въ городѣ, когда Ярославъ вступилъ въ Кіевъ, и его встрѣчалъ такъ-же, какъ вчера меня. Гдѣ была тогда моя дочь и что ты съ ней сдѣлалъ? Говори!

— Дочь твою, королевну Болеславу, я не видалъ ни разу, — отвѣчалъ епископъ; — знаю только, что она ожидала здѣсь мужа, а дождалась его побѣдителя, Ярослава. Призывалъ меня на совѣтъ князь Ярославъ, когда толковали, что дѣлать съ княгиней, и совѣтъ рѣшилъ: отослать ее съ латинскимъ духовникомъ Рейнберномъ въ Новгородъ: пусть тамъ живетъ. И знаю я, что королевну-княгиню отправили съ почетною стражею, и добралась она благополучно, и жила спокойно. Думаю, что и теперь живетъ.

— Такъ слушай-же, святой отецъ, что надо дѣлать, — ска-

залъ король строго:—поѣзжай ты, не мѣшкая, въ Новгородъ; вашъ хромоногій Ярославъ вѣрно тамъ, у своихъ друзей новгородцевъ. Скажи ты ему, что здѣсь въ Кіевѣ я захватилъ его сестеръ Мечиславу и Предславу, да мачиху его Адель, да еще штукъ восемь женщинъ, какихъ-то родственницъ. Всѣхъ ихъ я ему отдамъ за свою дочь. Понялъ? Дочь мою, чтобъ онъ прислалъ мнѣ сюда въ Кіевъ, да гляди, чтобы съ ней чего худаго не случилось дорогой, а то я здѣсь всѣмъ этимъ боярынямъ и княжнамъ шеи сверну. Поѣзжай сегодня-же, да постарайся вернуться поскорѣй. Можешь также сказать Ярославу, чтобъ онъ ѣхалъ ко мнѣ съ повинною головою, и худаго ему ничего не будетъ. А не пріѣдетъ, такъ отыщу, куда-бы онъ ни спрятался, и въ Новгородъ навѣдаюсь, и на днѣ морскомъ откопаю. Пусть повинится, что на зятя короля Болеслава руку осмѣлился поднять. Ступай!...

Ярославъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ въ Новгородъ, истомленнымъ, несчастнымъ бѣглецомъ, и пріѣхалъ раньше, нежели до жителей дошелъ слухъ о его пораженіи на рѣкѣ Бугѣ. Видѣвшіе его на городскихъ улицахъ люди не узнавали блестящаго, пышнаго князя, котораго всѣ такъ любили. Посадникомъ тогда сидѣлъ Константинъ Добрыничъ, родной сынъ Добрыни Малковича, кормильца и дяди князя Владиміра, стало-быть тоже дядя князю Ярославу. Перепугался посадникъ, какъ увидѣлъ, что на его дворъ въѣхали пятеро верховыхъ, грязныхъ, перемоченныхъ дождемъ, и что одинъ изъ нихъ, сойдя съ лошади, пошелъ на крыльцо точно прихрамывая.

— Да вѣдь это онъ, нашъ князь!—вскричалъ посадникъ и побѣжалъ встрѣчать Ярослава.

— Не ожидалъ, дядя?—спросилъ его князь, останавливаясь, чтобы обнять посадника.

— Голубчикъ нашъ! Князь-батюшка, Ярославъ Владиміровичъ! Неужели наши новгородскіе полки не устояли,—спрашивалъ Константинъ Добрыничъ;—что-же это такое, Господи!

Вѣдь слухи были, что ты пошелъ на врага бодро и весело.

— Едва ноги унесъ,—отвѣчалъ Ярославъ;—нашъ Будый никуда не годился въ военномъ дѣлѣ. Хорошъ онъ былъ на маленькій молодецкій набѣгъ съ шайкою человѣкъ во сто, а большое войско не то, съ большимъ войскомъ онъ не зналъ какъ управиться: въ виду непріятеля разнуздалъ воиновъ, и первый палъ отъ руки короля Болеслава.

Тутъ князь разсказалъ, какъ произошло все побоище, но чѣмъ все кончилось, онъ самъ не зналъ.

— Только добра ждать нельзя, — прибавилъ онъ: — безъ воеводы, безъ князя, какое уже войско? И что теперь удержитъ короля? Идетъ теперь къ Кіеву, никто его не встрѣтитъ, некому дороги закрыть, и хорошо еще, если княжны догадаются заранѣе выѣхать сюда, а то попадутся этому звѣрю королю. На Предславу онъ сердитъ: лѣтъ десять тому назадъ онъ присылалъ къ ней сватовъ, да она не пошла, потому что слыхала про его толстоту. Теперь если она попадетъ къ нему въ руки — худо будетъ. Да что тутъ говорить! Все пропало! Все пошло прахомъ!

Слезы досады выступили на глазахъ князя Ярослава, онъ сѣлъ у стола и опустилъ голову на руки.

— Да, тутъ дѣло такое вышло, что точно нехорошо!— сказалъ посадникъ, садясь возлѣ князя. Онъ былъ озадаченъ, ошеломленъ; но скоро въ немъ сказался новгородецъ.— И какъ же ты знаешь, князь, что король на Кіевъ пошелъ, а не въ нашу сторону? Вѣдь ты-же съ какимъ нибудь войскомъ отступилъ, такъ полякамъ-бы надо за тобой слѣдомъ удариться! Гляди, не сюда-ли они идутъ?

— Я-то отступилъ?—отвѣчалъ съ горечью князь Ярославъ:—какой-же я воинъ? Развѣ я воинъ? Я прямо изъ шатра на коня, да очертя голову бѣжать!.. Вотъ я какой воинъ! Все, все пропало! Пожалуй, изъ Кіева Святополкъ меня добывать

захочетъ, изъ-за меня еще Новгородъ великій погубитъ! Нѣтъ, прощай Новгородъ! Побѣгу дальше, къ варягамъ, вотъ Эймундъ меня зоветъ, да тамъ у него въ Гейдмаркѣ какъ нибудь отдохну... Вели-ка мнѣ двѣ лодьи приготовить, я въ ночь сегодня и уѣду...

— Ну, этого я не могу, князь, воля твоя, — отвѣчалъ посадникъ; — ты самъ знаешь наши порядки, могу-ли я помимо Новагорода князя за море отпустить? Нѣтъ, я этого не смѣю. Завтра соберу вѣче, и какъ велитъ Новгородъ, такъ оно и будетъ. Да и тебѣ, князь, надо явиться на вѣче и сказать Новугороду поклонъ... Тебя нечего порядкамъ учить...

Пока князь Ярославъ отдыхалъ, Константинъ Добрыничъ повидался съ десятерыми лучшими людьми, разсказалъ имъ, какъ было дѣло и прибавилъ, что Новугороду объ этомъ подумать надо.

— Да чего-же тутъ думать?—отвѣчалъ одинъ изъ богатыхъ стариковъ:—скатертью дорога! Подальше отъ князей, такъ много спокойнѣе будетъ. Святополкову жену отошлемъ ему и заживемъ припѣваючи.

— Нѣтъ, братъ! Подумать тутъ надобно десять разъ, потому что дѣло не такъ просто, — замѣтилъ другой. — Хорошо, пусть князь Ярославъ уѣдетъ, а Болеславу мы отправимъ съ духовникомъ въ Кіевъ. Это ничего, можно. А дальше что? Князь Святополкъ станетъ требовать отъ Новагорода прежней дани, что платили при Владимірѣ; пришлетъ своего намѣстника, своего тысяцкаго, а за то, что мы пособляли Ярославу, вмѣсто двухъ тысячъ гривенъ велитъ платить въ годъ по три или по четыре, да подошлетъ своихъ горбуновъ рѣзать здѣсь лучшихъ людей. Княжескіе мечники опять здѣсь станутъ жить, на нихъ собирай тысячу гривенъ каждый годъ, а то такъ и полторы. Торговля опять стѣснится, пойдутъ таможни, прижимки, чистое разореніе. Со своимъ-то княземъ много лучше, и за Ярославомъ намъ было хорошо. Сначала

онъ отцу повѣщалъ, что денегъ новгородскихъ не высылаетъ за недосугомъ, да не всѣ собраны, да то, да се, отговаривался; а подъ конецъ увѣдомилъ, что впредь Новгородъ ничего Кіеву не дастъ. Послѣ, какъ самъ сѣлъ въ Кіевѣ, развѣ онъ спрашивалъ съ Новагорода дань? Развѣ мы при немъ что платили Кіеву? Вотъ оно что значитъ своего-то князя посадить въ Кіевъ. Оно точно что дорогонько обходится: и серебра пропасть отдать приходится, и народу не мало потратить; да вѣдь нельзя-же безъ этого. За хорошій товаръ и дорого заплатить не жалко, если только можно получить за него хорошій доходъ.

— Что-же это, по-твоему?—возражалъ третій: — опять идти Ярослава сажать въ Кіевѣ? Да это одно разоренье будетъ, больше ничего! Вѣдь и трехъ лѣтъ нѣтъ, какъ мы ходили сажать Ярослава, а теперь опять, а года черезъ три опять? Гдѣ же доходъ съ такого гнилаго товара будетъ? Другое можетъ быть дѣло, если-бы князь былъ мужественный, вояка; ну, тому пособить было-бы выгодно. А этотъ что? Войско свое бросилъ на избіеніе, на плѣнъ, и бѣжалъ. Отчего ему еще раза три не бѣжать, я не вижу, а мы опять давай деньги и людей? Нѣтъ, спасибо!

— Мужественнаго тебѣ хочется князя? Воина? — отвѣчалъ еще кто-то:—нѣтъ, спасибо! Такой князь не побѣжитъ на войнѣ, это правда, за то и въ мирѣ-то онъ не такъ будетъ мягокъ, станетъ тебя гнуть на колѣно какъ ему надобно, и поди съ нимъ, разговаривай... Нѣтъ, ужь если сажать въ Кіевъ князя, такъ именно такого, мягкаго, да скуповатаго... Онъ серебру цѣну знаетъ и понимаетъ хорошо, что за него люди постоять могутъ, а также могутъ и костьми лечь... Опять-же и то сказать, что Ярославъ теперь въ бѣдѣ, все равно, что человѣкъ тонетъ. Не протяни ты ему весла, пошелъ ко дну. Такъ-то вотъ князь и теперь. Можно съ нимъ договоръ сдѣлать какой хочешь, чтобы только изъ бѣды его

вытянуть, и договоръ такой, что намъ ничего отъ него не надо, пока онъ не въ Кіевѣ: мы ему и серебра дадимъ сколько надо, чтобы варяговъ нанять, и прокормимъ ихъ до похода, и суда снарядимъ, и войско приготовимъ, и посадимъ въ Кіевѣ. За все за это, батюшка-князь, намъ надо самую малость: дай ты намъ льготу ничего тебѣ не платить на вѣчныя времена. Русская земля велика, можешь и у сосѣдей прихватить сколько тебѣ надобно, все твое будетъ, и Новгородъ будетъ твой, только чтобы мы сами свои дѣла вѣдали, чтобъ у насъ былъ свой выборный посадникъ... Такъ онъ тутъ что хочешь наобѣщаетъ, и клятвой подтвердитъ, и грамату такую Новугороду дастъ за дѣтей своихъ, за внуковъ и правнуковъ.

— Ну, нѣтъ, братъ! Съ Болеславомъ воевать не то, что съ Святополкомъ,—возражалъ посадникъ;—онъ, слыхалъ ты самъ: въ прошедшемъ году самого императора нѣмецкаго побилъ, такъ съ нимъ тягаться-то не то, что съ весью или съ мерей. Это богатырь настоящій, все равно, что вотъ былъ кіевскій Святославъ, или что былъ при княгинѣ Ольгѣ Свѣнельдъ: нынче ужь нѣтъ такихъ богатырей...

Собраніе разошлось, ни въ чемъ не согласившись, кромѣ того, что на завтра будетъ вѣче и Новгородъ разсудитъ, какъ чему быть. Но и вѣче разошлось безъ всякаго рѣшенія: много накричали, бранились, судили, рядили; думали, что выйдетъ Ярославъ; но онъ стоялъ на своемъ, что хочетъ уѣхать къ варягамъ и не-зачѣмъ ему кланяться Новугороду. Константинъ Добрыничъ былъ на него за это сердитъ и горько попрекалъ племянника, когда народъ разошелся и когда они сѣли за столъ обѣдать.

— Ты этого и не думай!—говорилъ посадникъ:—не дамъ я тебѣ бѣжать, не поклонясь Новугороду. Мы по твоей милости сколько крови пролили? Сосчиталъ-ли ты? Сколько семей новгородскихъ растеряли по твоей милости отцовъ и сыновей

кормильцевъ? Да и нельзя, нечестно уѣхать такъ, бѣглецомъ, и князю это не пристало, бѣжать какъ холопу...

— Ты забываешь, Константинъ, что я князь Новгородскій:—сказалъ спокойно Ярославъ:—и приказываю, чтобы къ вечеру лодьи мои были готовы, да чтобъ охотниковъ человѣкъ тридцать собралось...

— Ты князь Новгородскій, слова нѣтъ,—отвѣчалъ Константинъ,—да вѣдь и Новгородъ великій—не Смоленскъ какой нибудь и не Кіевъ. Новгородъ—отецъ городовъ русскихъ; Новгородъ простилъ уже одну твою обиду, когда ты, наканунѣ полученія извѣстія объ убіеніи князя Глѣба, избилъ новгородскихъ лучшихъ людей, простилъ и далъ тебѣ войско на братоубійцу Святополка. Теперь ты опять обидѣть его хочешь, уѣхать не поклонившись. Мнѣ нельзя будетъ глазъ показать на улицу, когда мой племянникъ такъ нечестно поступитъ.

— Дяденька Константинъ Добрыничъ!—возразилъ князь Ярославъ:—дай мнѣ доѣсть пирогъ, не подливай своихъ укоровъ.

Посадникъ понялъ, что онъ нарушалъ священные законы гостепріимства, когда укорялъ племянника-князя за обѣдомъ, спохватился и сказалъ:

— Кушай, кушай на здоровье, кормилецъ-князь! Будь по твоему! Лодьи сегодня-же будутъ готовы. Кушай, не сердись на меня, стараго дурака! Да и ты, князь Всеволодъ, кушай во здравіе!...

Посадникъ задумалъ совсѣмъ иначе распорядиться и задержать князя Ярослава другими средствами. Онъ зналъ упрямство своего гостя и не видѣлъ инаго способа сладить съ нимъ, какъ поставить его самого лицомъ къ лицу съ новгородскимъ народомъ, который былъ добръ, великодушенъ и міромъ рѣшалъ дѣла иногда такъ хорошо, какъ не придумать-бы въ одиночку никакой умной головѣ. Онъ всталъ изъ-за стола, сдѣлалъ какія-то распоряженія, вернулся опять, и какъ ра-

душный хозяинъ угощалъ своихъ гостей жирными снадобьями своей кухни, а также отличнымъ заморскимъ виномъ, лежавшимъ еще въ отцовскихъ подвалахъ болѣе тридцати пяти лѣтъ.

Послѣ обѣда слѣдовалъ обыкновенный отдыхъ, а когда Ярославъ проснулся и посадникъ своими руками принесъ князю стопу сладкаго меду, чтобъ освѣжиться, вошелъ довѣренный сотникъ посадничій и доложилъ, что лодьи выведены къ пристани и двадцать охотниковъ изъ молодежи готовы. Ярославъ былъ очень радъ и благодарилъ хозяина. Передъ вечеромъ въ лодьи стали переносить имущество князя, а также съѣстные припасы на дальнюю дорогу. Только-что все было готово, и почти совсѣмъ смерклось, Ярославъ простился съ хозяиномъ и пошелъ на пристань. Къ удивленію, онъ тамъ нашелъ большую толпу народа, а провожавшій князя посадникъ сдѣлалъ видъ, будто онъ очень этому удивился. На вопросы его народъ кричалъ, что пришли проводить князя, узнавши отъ молодцовъ, кто поѣдетъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались возгласы: «Куда, князь, ѣдешь?—Зачѣмъ покидаешь свой Новгородъ?—Оставайся съ нами!—Не бойсь, за битаго двухъ небитыхъ даютъ!—Мы весь Кіевъ въ Днѣпръ выворотимъ!—Шапками закидаемъ!..» Князь медленно пробирался въ толпѣ; съ нимъ рядомъ шелъ посадникъ. На самой пристани онъ обернулся и сказалъ: «Спасибо Новугороду великому за хлѣбъ за соль, за вѣрную дружбу. Не поминайте лихомъ, добрые люди!» Тутъ онъ снялъ шапку и слегка наклонилъ голову. Человѣкъ полтораста, по приказу посадника, только этого и ждали. Какъ полоумные закричали они: «Оставайся! Сиди! Отомстимъ братоубійцѣ!» Нѣсколько человѣкъ бросилось съ топорами на заготовленныя лодьи и стали ихъ прорубать. Ярославъ хотѣлъ что-то сказать, но крики и удары топоровъ не дали ему говорить.

Надъ Новгородомъ встала уже ясная, лунная августов-

ская ночь, когда князь Ярославъ возвращался въ домъ посадника Константина. Передъ нимъ, съ обѣихъ сторонъ и позади, валила большая толпа народа, такъ что онъ былъ какъ будто въ плѣну.

На вѣчѣ, собранномъ на другой день, сходка положила: съ каждаго простаго человѣка собрать по четыре куны, со старостъ по десяти гривенъ, а съ бояръ по восемнадцати и на собранную казну нанять варяговъ; въ помощь имъ собрать войско и вести Ярослава въ Кіевъ.

А между тѣмъ въ Кіевѣ происходило другое. Стиснутый городъ не смѣлъ шевельнуться, польское войско разставлено было постоемъ по обывательскимъ домамъ; печенѣги и венгерцы ушли на родину, одни на западъ, другіе на востокъ; нѣкоторые отряды разведены по русскимъ городамъ на покормъ. Самъ Болеславъ, отправивъ сестеръ и мачиху Ярослава въ Любечь и получивъ въ обмѣнъ свою дочь съ ея духовникомъ, зажился въ Кіевѣ. Настала зима, а онъ уходить не думалъ. Житье было хорошее, привольное, Ярославъ оставилъ въ городѣ большую казну, запасовъ всякихъ было вволю, просто— умирать не надо, да и уходить незачѣмъ. Воинамъ польскимъ тоже было хорошо: жители должны были ихъ кормить и поить; къ тому-же каждый изъ ляховъ чувствовалъ себя завоевателемъ, побѣдителемъ, и пока хозяева ихъ слушались, они никого не обижали. Мало-по-малу однакоже выходило такъ, что жителямъ стало жаль отдавать даромъ свое добро, а воинамъ чужестраннымъ стало хотѣться и пить по-хмѣльнѣе, и ѣсть по-слаще, и они начали притѣснять своихъ хозяевъ. Отъ этого граждане начали роптать, стали недовольны и начинались большія ссоры. Больше всѣхъ былъ недоволенъ князь Святополкъ. Онъ надѣялся, что тесть посадитъ его въ Кіевѣ и уйдетъ; а тотъ зажился, распоряжался какъ дома и даже не дѣлалъ виду, что онъ о чемъ нибудь совѣтуется съ княземъ. Особенно сердился онъ за то, что грекъ Анастасъ, быв-

шій казначей князя Владиміра, опять попалъ въ милость, и король Болеславъ назначилъ его своимъ казнохранителемъ. Хитрый грекъ помнилъ, что передъ самою кончиною Владиміра его заперли въ Вышгородѣ, и такъ какъ Святополкъ въ тотъ же день уѣхалъ, а въ Кіевѣ ему встрѣтилось много дѣла, то казначей былъ забытъ и едва не умеръ съ голоду: какая-то сердобольная женщина изъ вышгородской прислуги дней пять сряду подавала ему сквозь оконныя рѣшетки хлѣбъ и воду. Онъ не могъ забыть, что когда въ Кіевѣ сидѣлъ Святополкъ, то къ казнѣ его не допускали, когда явился Ярославъ, то привезъ съ собою много новгородцевъ и тоже Анастасъ оставался не у дѣла и не у казны. А онъ къ этому привыкъ, любилъ считать хоть чужія деньги и хоть понемногу прибавлять изъ нихъ къ своимъ. Поэтому онъ любилъ иногда кольнуть князя Святополка, и могъ это дѣлать совершенно безнаказанно, потому что чувствовалъ за собою великую силу самого короля. Иногда, напримѣръ, онъ говорилъ королю, что князю Святополку нужны деньги, и съ разрѣшенія Болеслава относилъ ему двѣ гривны.

— Король жалуетъ тебѣ двѣ гривны, — говорилъ онъ князю,—на твой домашній расходъ.

— Провались ты, проклятый, съ своимъ королемъ!— кричалъ разгнѣванный Святополкъ; — не двѣ гривны мнѣ нужно, а всю мою казну!

— Слушаю, свѣтлый князь, — отвѣчалъ съ покорнымъ поклономъ Анастасъ;—такъ и прикажешь сказать королю, чтобъ онъ провалился?

Святополкъ былъ трусъ, какъ всякій человѣкъ, способный на тайное убійство. Онъ боялся гнѣва короля Болеслава, и чтобъ избѣгнуть этого гнѣва, готовъ былъ унижаться передъ такимъ ненавистнымъ человѣкомъ, какъ Анастасъ.

— Ну, полно, старикъ! Я только пошутилъ. Благодари отъ меня короля, — говорилъ онъ, проглатывая свою злость.

— Слушаю, князь,—опять говорилъ Анастасъ, покорно кланяясь;—и если опять понадобится тебѣ казна, только мигни мнѣ, твоему вѣрному слугѣ. Я, вѣдь, помню твое добро и твою хлѣбъ-соль...

Зима была на исходѣ, когда во всѣхъ домахъ, гдѣ были поставлены польскіе воины, стали являться какіе-то два сѣдые старика, не вмѣстѣ, а порознь. Придетъ одинъ изъ нихъ, поговоритъ что-то въ тайнѣ, и уйдетъ. Немного времени пройдетъ, зайдетъ другой, поговоритъ немного, такъ ласково и тоже уйдетъ. Потомъ ихъ обоихъ не стало видно въ городѣ, словно пропали. Но въ ближнихъ городахъ, куда польскіе отряды посланы были на покормъ, они-же стали заходить въ дома, гдѣ жили польскіе воины, и поговорятъ недолго. Въ нѣкоторыхъ домахъ ихъ будто узнавали, принимали съ большими поклонами, сажали въ передній уголъ, чествовали какъ самыхъ почетныхъ гостей. Они принимали почетъ и поклоны такъ, какъ будто были къ нимъ привычны, но говорили по прежнему въ тайнѣ, ласково, коротко, и уходили, изрѣдка только принявъ самое простое угощенье. Переѣзжали они изъ города въ городъ вдвоемъ, на простыхъ санкахъ, на одной лошади, безъ кучера.

— Ну, какъ-же наши дѣла, дяденька Владивой?—спросилъ одинъ старикъ другаго, когда они выѣхали на чистую открытую поляну.

— Да кажется не худо, отецъ Могута,—отвѣчалъ другой;— народъ готовъ, раздраженъ, ожесточенъ, у всѣхъ ноетъ—не сердце, какъ ты говорилъ тогда, а карманъ. Иныхъ и нетерпѣніе разбираетъ. Какъ скажешь, что работа назначена на вербную пятницу, такъ говорятъ, нельзя-ли раньше.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, горбунъ Путша, приперевъ хорошенько всѣ двери, разсказывалъ князю Святополку, что онъ узналъ:

— Долго я тебѣ не доносилъ, свѣтлый князь, потому что

пустыхъ слуховъ передавать не люблю. Сначала были толки, что какой-то старикъ былъ въ домѣ и на что-то недоброе подбивалъ. Потомъ мнѣ указали этого старика, и я узналъ стараго постельничаго князя Владиміра, Могуту. На бѣду и онъ меня слишкомъ хорошо знаетъ, такъ что мнѣ самому никакъ нельзя было къ нему подобраться и разспросить. Потомъ довѣдался я, что назначена вербная пятница для какого-то кроваваго дѣла: кого хотятъ убить—невѣдомо. Еще черезъ нѣсколько дней узнаю, что другой старикъ былъ въ другомъ домѣ. Тутъ и разспрашивать было нечего, навѣрно это ловчій Владивой. Оба они изъ Новагорода съ княземъ Владиміромъ вышли и не разставались съ нимъ до самаго гроба; они и вывезли тѣло изъ Берестова и внесли въ Десятинную церковь. А вотъ сегодня встрѣчаю Владивоя, прохожу этакъ поближе къ нему, кланяюсь низенько и говорю потихоньку, будто спрашиваю: «Такъ въ вербную пятницу, дяденька?» Онъ весь задрожалъ, какъ будто самому сатанѣ на хвостъ наступилъ. Теперь у насъ вербный понедѣльникъ, пятница недалеко: не прикажешь-ли князь, за добра ума, припрятать ихъ обоихъ?

— Да что-же у нихъ будетъ въ пятницу?—спросилъ князь Святополкъ.

— До сихъ поръ я не могъ этого никакъ допытаться,—отвѣчалъ Путша;—только едва-ли что крупное, потому что нигдѣ ничего не видно, чтобы народъ собирался, или чтобъ оружіе свозили. У самаго дома Владивоя, а также у Могуты мои люди стояли по недѣлѣ, и ничего не могли примѣтить: живутъ тихо по прежнему и никто къ нимъ не ходитъ.

— Что-же ты, уродъ, ничего не довѣдавшись толкомъ, ко мнѣ лѣзешь?—вскричалъ гнѣвно Святополкъ.—Пошелъ, узнай толкомъ и тогда приходи!

— Я боюсь, свѣтлый князь, не было-бы чего въ пятницу

съ польскими воинами, что живутъ у гражданъ, — сказалъ бояринъ Путша, привычный къ гнѣву своего князя.

— О еслибы такъ было, такъ они умнѣе насъ съ тобою! — вскричалъ вдругъ повеселѣвшій князь. — Вотъ еслибы всѣхъ ихъ передушили, да я бы этому Могутѣ въ ножки поклонился. Вотъ что: сходи ты къ Могутѣ отъ меня. Онъ меня помнитъ и маленькаго любилъ, не разъ еще на сѣдло къ себѣ сажалъ. Скажи ты ему, что князь Святополкъ поклонъ прислалъ, а въ пятницу передъ обѣдней въ ножки ему поклонится. Такъ и скажи. Ступай.

Горбунъ ушелъ, но къ боярину Могутѣ не пошелъ: разбойникъ боялся старика, который вѣроятно не пустилъ-бы его къ себѣ на дворъ, а еслибы впустилъ, то ужь конечно не выпустилъ бы.

Настала вербная пятница. На теремномъ дворѣ все было тихо; король Болеславъ еще спалъ; княгиня Болеслава, очень набожная, толковала ужь съ епископомъ Рейнберномъ, какъ они на мѣсто русскихъ поповъ насажаютъ латинскихъ патеровъ. Надворная стража занимала какъ всегда всѣ входы, и безпрекословно пропустила боярина Путшу, спѣшившаго къ князю Святополку. Онъ донесъ, что во всѣхъ домахъ, гдѣ поставлены были польскіе воины, они всѣ перебиты. Святополкъ привскочилъ на мѣстѣ, такъ онъ обрадовался этому счастію; но когда король Болеславъ сталъ его объ этомъ разспрашивать, онъ дрожалъ передъ гнѣвнымъ королемъ, плакалъ объ избитыхъ и клялся, что ничего не зналъ.

Но съ Болеславомъ Храбрымъ не въ первый разъ приключалась такая бѣда. Въ чешской Прагѣ почти точно такъ-же былъ истребленъ значительный отрядъ его войска. Какъ онъ ни сердился, но ничего не могъ сдѣлать Кіеву съ небольшою дружиною, которая жила у него на теремномъ дворѣ. Въ тотъ же день вечеромъ пришло извѣстіе изъ двухъ ближнихъ городовъ, что и тамъ ни одного изъ его воиновъ не осталось въ

живыхъ; на другой день утромъ пришли вѣсти еще изъ двухъ городовъ, и какой-то переметчикъ изъ Новагорода далъ знать, что князь Ярославъ выступилъ съ тридцатью тысячами войска и съ двумя тысячами варяговъ идетъ на Кіевъ. Король тотчасъ приказалъ Анастасу готовить возы подъ Ярославову казну и велѣлъ на-крѣпко смотрѣть, чтобы волы были здоровы и сильны. Черезъ три дня, забравъ казну и небольшую оставшуюся дружину, онъ выступилъ на Бѣлгородъ.

Святополкъ остался одинъ господиномъ въ Кіевѣ. Но онъ былъ не совсѣмъ спокоенъ, потому что одна за другою приходили вѣсти о движеніи князя Ярослава. Онъ совѣтовался съ бояриномъ Путшей, но тотъ не могъ придумать ничего кромѣ печенѣговъ. Посылалъ за бояриномъ Могутой, но тотъ не пошелъ, сказался больнымъ. Разспрашивалъ, нѣтъ-ли кого изъ старыхъ бояръ-богатырей князя Владиміра, но никого не находилъ. Наконецъ онъ рѣшился послать горбатаго Путшу къ печенѣгамъ, а тотъ и радъ былъ уѣхать, чтобы только не быть при встрѣчѣ съ Ярославомъ и съ его страшными варягами, которые, говорятъ, съ одного маху перерубаютъ пополамъ всадника вмѣстѣ съ конемъ. Просьбами и угрозами коекакъ собралъ Святополкъ съ Кіева небольшое войско; но когда подошелъ Ярославъ, кіевляне побросали оружіе, а Святополкъ побѣжалъ за рѣку, къ своему боярину Путшѣ и къ печенѣгамъ. Всю осень и всю зиму скитался онъ съ ними по степи въ ихъ войлочныхъ шалашахъ и наконецъ прикочевалъ съ безчисленною ихъ ордою въ русскіе предѣлы. Князь кіевскій выступилъ ему навстрѣчу, перешелъ Трубежъ и остановился на Альтѣ, въ виду печенѣжскихъ шалашей и необозримыхъ табуновъ, ими приведенныхъ. Случайно Ярославъ сталъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибъ князь Борисъ. Передъ битвою онъ молилъ Бога объ отмщеніи новому Каину. Сѣча была злая, какой еще не бывало на Руси: сѣклись схватываясь руками, три раза сходились биться; по лощинамъ текла кровь

ручьями. Къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ съ своимъ бояриномъ Путшей и съ двумя десятками простыхъ воиновъ. Всю ночь онъ ѣхалъ не останавливаясь, и все оглядывался, все говорилъ, что непріятели уже близко, уже нагоняютъ, и все билъ плетью измученнаго коня. Конь палъ; онъ попробовалъ сѣсть на другаго, но былъ такъ слабъ, что не могъ подняться съ земли. «Тащите меня отсюда, несите какъ нибудь! Непріятель близко! Слышите, скачутъ!»—говорилъ онъ, и метался въ жару, и не слышалъ, какъ Путша уговаривалъ его успокоиться, потому что никого нѣтъ. Коекакъ сдѣлали носилки и понесли несчастнаго. А онъ все торопилъ людей, все трепеталъ скачущихъ и догоняющихъ непріятелей. Нѣсколько дней сряду люди несли его, потому что онъ разслабъ и не могъ сидѣть верхомъ. По ночамъ, когда измученные люди его спали, онъ одинъ не спалъ, и то стоналъ, то вскрикивалъ: «Идутъ! идутъ! Скорѣе, несите дальше!» Но усталые люди спали и не слышали его жалобныхъ воплей. Когда же кто нибудь просыпался и слышалъ его крики, то долго не могъ заснуть и завертываясь въ тулупъ съ головою говорилъ: «Экъ его разбираетъ!» По утру люди несли его дальше къ польской границѣ, а онъ все метался и кричалъ: «Скачутъ! Ужь близко! Спасите меня!..» Но тутъ въ одномъ пустынномъ мѣстѣ земля разверзлась и пожрала братоубійцу. И до сихъ дней исходитъ изъ земли злой смрадъ, и кони, доѣзжая до этого мѣста, упираются и нейдутъ.

А Ярославъ, прогнавъ печенѣговъ, сѣлъ въ Кіевѣ и утеръ потъ съ дружиною.

КОРОЛЕВНА ИНГИГЕРДА.

(1019—1054 г.)

Позднею осенью 1019 года княжеская лодья подплывала къ городу Смоленску. Князь смоленскій ожидалъ старшаго брата на берегу; за нимъ его тысяцкій держалъ хлѣбъ-соль; возлѣ него стояла мать, княгиня Адель, которая успѣла выхлопотать ему прибавочный городъ Витебскъ; кругомъ толпилась дружина и смоленскіе жители: народъ всегда охотникъ посмотрѣть на пышныя встрѣчи, на торжественные провооы. Вотъ на рѣкѣ заколыхался шелковый парусъ; съ лодьи, поворотившей къ берегу, брошена веревка; дружинники, безъ мечей, вошли въ воду по колѣна и подтянули лодью къ пристани. Князь Ярославъ поднялся съ своего мѣста и, крѣпко опираясь на костыль, сильно прихрамывая, вышелъ на берегъ. Князь Станиславъ снялъ шапку и отвѣсилъ низкій поклонъ: старшаго брата онъ, по обычаю, уважалъ какъ отца, и оказывалъ ему точно такой почетъ, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ отцомъ. Ярославъ кивнулъ ему головой, не снимая шапки, и когда братъ цѣловалъ его въ плечо, онъ поцѣловалъ его въ лобъ. Княгиня Адель, тетка Ярослава, поклонилась племяннику въ поясъ.

— Очень радъ, очень радъ васъ видѣть, друзья мои,— сказалъ князь Ярославъ, ласково и дружелюбно: — каково дѣла у васъ идутъ? Справляетесь-ли съ Витебскомъ? Каковъ урожай?

Князь Станиславъ отвѣчалъ, повторивъ свой поклонъ:

— Твоими молитвами, князь великій! Твоими молитвами! Счастливы, довольны и благополучны. Прими, князь великій, сыновній даръ мой, хлѣбъ-соль.—И взявъ коровай отъ тысяцкаго, онъ подалъ его Ярославу. — Здравствуй, королевичъ!—продолжалъ онъ, протягивая руку Эймунду, сыну короля гейдмаркскаго, пріѣхавшему вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ.

Между тѣмъ конюхи уже суетились, расталкивая народъ и подводя лошадей. Извѣстно было, что хромой Ярославъ не любитъ ходить пѣшкомъ, а верхомъ ѣздитъ очень охотно и ловко. Пріѣхали въ теремъ и тотчасъ сѣли за роскошную трапезу. Княгиня Адель во все время обѣда не переставала говорить, такъ что почти ничего не успѣла съѣсть. Сначала она благодарила за то, что къ Смоленскому удѣлу князь прибавилъ Витебскъ.

— Впрочемъ такъ обѣщалъ покойный князь Владиміръ,— поспѣшила прибавить княгиня. — И попала я въ эту суматоху нежданно-негаданно: князь Владиміръ обѣщалъ, да и заболѣлъ; я и сѣла въ Кіевѣ, какъ ракъ на мели, и не знаю, какъ мнѣ быть. Однако обождала, потому что я мать, а если не мать хлопотать будетъ о сынѣ, то кому-же? Вотъ насталъ Святополкъ; я было къ нему, да онъ такъ меня встрѣтилъ, что я за добра ума убралась въ Смоленскъ, потому что надо было сберечь сыну мать. Какъ только ты, князь великій, душегубца выгналъ, я помаленьку и собралась опять въ Кіевъ, потому что вѣдь мать, и сердце материнское болитъ и сохнетъ по сынѣ. Вотъ Мстиславъ тмутораканскій тоже мнѣ сынъ, да я о немъ не забочусь и не хлопочу: тотъ и старшій, да и

бойкій такой, удалой уродился, что самъ за себя постоитъ, а этотъ, Станиславъ, и больной какой-то, и слабый. На бѣду опять зажилась я въ Кіевѣ, да и попалась этому толстому Болеславу. Ну, мнѣ, старухѣ, еще ничего, а ужь Предславѣ, сестрѣ твоей, что за жизнь досталась, такъ и вспомнить страшно. Только тогда мы и ожили, какъ ты насъ размѣнялъ на королевскую дочь, тутъ только и свѣтъ увидали... А теперь вотъ все слава Богу, все успокоилось, все примирилось, все въ порядкѣ, и проживемъ мы за тобой до гробовой доски въ мирѣ, въ согласіи. А можетъ быть Богъ приведетъ намъ и порадоваться твоему счастью, если вѣренъ слухъ и ты въ Новгородъ за добрымъ дѣломъ ѣдешь...

— Не всякому слуху, тетушка, вѣрь,—отвѣчалъ князь Ярославъ, и старался перемѣнить разговоръ, спросивъ Станислава что-то о вятичахъ, на восточной его границѣ.

— Сидятъ пока, смирно, князь великій, — отвѣчала за сына княгиня Адель:—а уже какъ-бы мы рады были, всѣ твои сродники, твоему счастью, потому что Ингигерда первая невѣста на всемъ сѣверѣ, и красавица такая, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

— Какая Ингигерда? Что ты бредишь, тетушка! — сказалъ князь Ярославъ въ нѣкоторомъ смущеніи, чувствуя, что его вѣрный боевой товарищъ и другъ, Эймундъ, впился въ него глазами. — Сказалъ-бы я тебѣ, что царь Соломонъ о вашей сестрѣ говоритъ, да ужь такъ и быть, промолчу...

— Не знаю, что тутъ такого, князь великій,—продолжала простодушная княгиня Адель,—а тебѣ нельзя не жениться, да и пора. Тебѣ всего тридцать шесть лѣтъ, вдовѣешь третій годъ, и безъ жены, чай, скучно: а королевнѣ Ингигердѣ не за кого идти, какъ за тебя: нѣтъ въ свѣтѣ такого могучаго, такого богатаго владѣтеля, какъ нашъ кіевскій князь, а Ингигерда— первая на свѣтѣ красавица... И нечего дуться, королевичъ! Покойная сестра твоя была княгиня добрая, до всѣхъ родныхъ

ласковая, князь Ярославъ былъ съ ней счастливъ... А что-же дѣлать! Богъ ее прибралъ, и князю нельзя вдовѣть весь остатокъ жизни, а онъ, можетъ быть, еще сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ проживетъ...

— Я развѣ говорю, что князю больше не надо жениться? — отвѣчалъ угрюмо Эймундъ: — пусть онъ женится; только не пристало русскому князю жениться на дочери врага всего своего рода!

— Какъ такъ? Давно-ли онъ намъ врагомъ сталъ?— спросила княгиня Адель.

— Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ на ноги сталъ! — отвѣчалъ Эймундъ:—мальчишкой взялъ его къ себѣ князь Владиміръ, и его мать Астриду пріютилъ, и его дядю Сигурда какъ сына роднаго держалъ, и что-же сдѣлалъ Олофъ, этотъ предатель, кровопійца? Сталъ замышлять на самого князя Владиміра, только стали отростать у него когти. Надо-бы его утопить въ Днѣпрѣ, а князь Владиміръ отпустилъ на родину, вмѣстѣ съ матушкой Астридой и дядюшкой Сигурдомъ, да еще позволилъ въ Новѣгородѣ набрать вольницы. И что-же вышло? Сигурдъ съ этой вольницей убилъ моего отца, сдѣлалъ сиротою жену князя Ярослава, и вотъ, помяните мое слово, много еще бѣдъ, несчастій и крови обрушится на свейскій край, а также и на русскій. Принцъ Эрикъ отъ него долженъ былъ бѣжать, и какъ дѣваться ему было некуда, то онъ и бросился на русскій край и взялъ Альдогабургъ. Сколько крови русской пролилось тогда!

— Столько лѣтъ живешь ты въ русской землѣ, королевичъ,—сказалъ Ярославъ,—а до сихъ поръ не привыкъ называть нашу Ладогу какъ есть Ладогой, а все Альдога, да еще бургъ...

— Дѣло не въ имени,—отвѣчалъ запальчиво Эймундъ,— а въ томъ, что изъ-за этого Олофа кровь русская льется...

— Стало быть, Олофъ отнялъ у насъ Ладогу?—спросилъ

Ярославъ.—Нѣтъ, братъ! Ты на него, а особенно на Сигурда сердитъ, такъ на нихъ все и сворачиваешь; а Ладогу взялъ Эрикъ. Конечно, изъ Мурманскаго края спугнулъ его Олофъ, это такъ; да вѣдь онъ могъ-бы и въ Англію бѣжать, и во Францію, а если кинулся на русскія земли, такъ въ этомъ Олофъ не виноватъ, и ты сердишься на него напрасно...

— Не напрасно, когда я не хочу, чтобы ты женился на его дочери!—вскричалъ Эймундъ.

— Это отчего? нельзя-ли узнать?

— Не могу-же я служить въ русской землѣ, когда на ней будетъ княгинею дочь злѣйшаго врага моего рода и моей родины! Не останусь я у тебя, только-что она ступитъ на русскую землю!

— Ну, такъ-бы и говорилъ,—сказалъ князь Ярославъ:— тебѣ онъ врагъ, я согласенъ, а чтобъ онъ былъ врагомъ Русской землѣ, такъ я этому никогда не повѣрю. Будто онъ замышлялъ на князя Владиміра—это вздоръ, это бояре его обнесли, изъ зависти, а Эрикъ воевалъ Ладогу не по его приказу, а ему на зло и наперекоръ.

— Отчего-же ты мнѣ давно не сказалъ, что задумалъ жениться на Ингигердѣ? — спросилъ Эймундъ съ укоризною:— вѣдь это, выходитъ, предательство...

— Не сказывалъ я тебѣ потому, — отвѣчалъ спокойно князь Ярославъ,—что зналъ, какъ это тебѣ будетъ непріятно, не хотѣлъ тебя огорчить, чтобы какъ можно дольше сохранить твою дружбу. А теперь, если ужь княгиня Адель меня выдала, скрывать больше не за чѣмъ, и я громко скажу: да, я женюсь на королевнѣ Ингигердѣ.

— Стало быть ты меня отпускаешь на всѣ четыре стороны?—спросилъ огорченный Эймундъ.

— Это твоя воля, — отвѣчалъ Ярославъ: — только я не вижу зачѣмъ-бы тебѣ уходить. Или въ Кіевѣ тебѣ тѣсно?

Или не найдемъ тебѣ никакого почетнаго дѣла? Или у княгини Ингигерды не будетъ своей дружины?

— Не могу я этого выносить! — вскричалъ Эймундъ.— Русская княгиня, жена князя Ярослава, была моей родною сестрой; теперь княгиня будетъ злѣйшимъ врагомъ моимъ. Какъ-же я стану жить въ Кіевѣ?

— Вольному воля,—опять замѣтилъ князь Ярославъ;— но не хотѣлось-бы мнѣ разстаться съ тобою въ враждѣ, королевичъ Эймундъ. Разстанемся друзьями, и пусть Богъ помогаетъ тебѣ во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ.

Изъ Смоленска князь Ярославъ поѣхалъ сухимъ путемъ къ верховьямъ Ловати, спустился по рѣкѣ до Ильменя, перевалилъ черезъ озеро, и былъ встрѣченъ въ Новѣгородѣ съ большою радостью. Жители его любили, потому что люди всегда любятъ того, за кого они приносятъ большія жертвы, да сверхъ того они ждали отъ князя Ярослава и благодарности: въ самомъ дѣлѣ, они два раза возвращали Ярослава въ Кіевъ, и потратили на это пропасть денегъ и много крови. Сверхъ того они помнили, что самъ Ярославъ отказался платить дань Кіеву, отказалъ отцу родному, и стало быть никакъ-же не наложитъ дани опять. Поэтому никогда, можетъ быть, новгородцы не встрѣчали своего князя такъ дружелюбно, какъ въ этотъ разъ. Посадникъ, Константинъ Добрыничъ, встрѣтилъ своего князя-племянника на пристани, и отвѣсилъ ему не такой почтительный поклонъ, какъ братъ Станиславъ въ Смоленскѣ. Вмѣстѣ съ нимъ на пристани стоялъ и шестнадцати-лѣтній Илья, первый сынъ князя Ярослава отъ покойной жены.

— Ну что, мой новгородецъ? — обратился къ нему князь: —мирно-ли ты живешь съ моими мужами новгородскими? Отроки княжескіе у тебя сыты-ли? Нѣтъ-ли у тебя розни съ сосѣдями?..

Илья посмотрѣлъ на посадника. Онъ привыкъ смотрѣть

на него, какъ на своего воспитателя, кормильца, отца, привыкъ уважать волю Новагорода, выражаемую дѣдушкой посадникомъ, и до сихъ поръ не занимался ни отроками, ни сосѣдями, потому что все это было дѣломъ посадника.

— Ничего, не смущайся, — продолжалъ князь; — скоро, скоро ты узнаешь всѣ дѣла не хуже стариковъ, а дядя Константинъ это дѣлаетъ не гораздо, что молодаго князя до сихъ поръ къ дѣламъ не пріучаетъ. Ну, поѣдемте домой, утро вечера мудренѣе.

А дома дядя съ племянникомъ поспорилъ такъ горячо, что на другой день весь Новгородъ объ этомъ поговаривалъ втихомолку.

— Нельзя такъ Новгородъ на колѣно гнуть, — говорилъ посадникъ; — и ты, князь Ярославъ Владиміровичъ, того и гляди, наживешь себѣ бѣды. Я выбранъ въ посадники Новымъ-городомъ, вслѣдъ за тѣмъ, какъ ты сѣлъ на Кіевѣ, а теперь сажать другаго, хоть-бы онъ былъ и старшимъ княжескимъ сыномъ, какъ Илья Ярославичъ, — за это Новгородъ не похвалитъ. Онъ тебя уважалъ, далъ тебѣ денегъ кучу, воиновъ своихъ лучшихъ, посадилъ тебя на Кіевъ; ну, и ты его уважь, потому что, неровенъ часъ, опять можетъ старый Новгородъ понадобиться...

— Это ты въ который-же разъ мнѣ говоришь? — спросилъ Ярославъ, понимая въ самомъ дѣлѣ, что надобно щадить и Новгородъ, и стараго дядю, который имѣлъ въ городѣ множество друзей и сторонниковъ. — Свои долги я и безъ тебя помню, и съ Новымъ-городомъ ссориться не хочу. Только скажи-ка ты мнѣ: мой это городъ, то есть русскій это городъ, Новгородъ, или нѣтъ?

— Да отчего-бы это ему непремѣнно нужно быть русскимъ и твоимъ городомъ? — спросилъ посадникъ: — отчего ему не быть вольнымъ городомъ, значитъ самому по себѣ? Кіевъ ему не нуженъ, и онъ Кіеву не нуженъ, ну, и пусть будетъ

самъ по себѣ, отъ князей и отъ княжескихъ посадниковъ всторонѣ.

— Вотъ спасибо, дяденька, что ты мнѣ глаза открылъ,— замѣтилъ съ усмѣшкою князь Ярославъ,—уму разуму учишь. А я-то, глупый, думалъ, что Новгородъ моя отчина, что въ Новѣгородѣ осѣли первые русскіе князья, что съ тѣхъ поръ это княжой городъ, который платилъ въ Кіевъ дань и при отцѣ моемъ, и при дѣдушкѣ Святославѣ, и всегда...

— О дани, князь, говорить тебѣ не пристало,—сказалъ съ твердостью Константинъ Добрыничъ.—Самъ ты пять лѣтъ тому назадъ сказалъ, что ни во вѣки вѣковъ Новгородъ не будетъ платить Кіеву ни гривны, стало быть пусть объ этомъ толкуетъ какой-нибудь Святополкъ, а не ты. А по-моему, если сказать тебѣ всю правду, такъ пусть-бы Новгородъ былъ вольнымъ городомъ, безъ князя, въ союзѣ съ княжимъ городомъ Кіевомъ. Въ случаѣ какой бѣды, мы Кіеву поможемъ, а случится тоже, что и намъ Кіевъ съ своимъ княземъ помогутъ. Оно будетъ и намъ необидно, и тебѣ тоже не худо.

Князь Ярославъ призадумался и не вдругъ отвѣчалъ старому посаднику. Ему казалось, что Константинъ Добрыничъ требуетъ вовсе невозможнаго, а между тѣмъ обидѣть его не хотѣлось.

— Видишь-ли что, дядя, —сказалъ онъ наконецъ; — я часто думалъ о томъ, какъ я буду жить съ Новымъ-городомъ. Это, я знаю, не Смоленскъ, не Муромъ; съ великимъ Новгородомъ выгодно жить въ мирѣ; да пойми ты, что русскому князю отъ Новагорода отречься нельзя: онъ на одномъ концѣ великаго варяжскаго пути, а Кіевъ на другомъ, и надо этотъ путь кому нибудь одному въ рукѣ держ гь. Отъ этого думается мнѣ, что Кіевъ долженъ быть княжимъ городомъ, и Новгородъ княжимъ-же городомъ, такъ чтобы его вѣдалъ самъ князь, прямо...

— И это можно,—отвѣчалъ посадникъ;—это можно съ

тѣмъ, что уже ты долженъ жить у насъ, и вѣдай насъ самъ, и суди самъ, а подъ тобою мы будемъ жить какъ намъ надобно, и выбирать себѣ посадника, и въ малыхъ дѣлахъ судить себя сами. Безъ князя намъ вольнѣе, а при князѣ выгоднѣе, потому что чужаго народу больше, войска больше, посольства тамъ разныя, а это торговля любитъ...

— Что-же, вы меня тутъ на веревочкѣ держать будете?— спросилъ въ раздраженіи князь,—мнѣ надо въ Кіевъ, или еще куда, такъ я приди на вѣче, да кланяйся смердамъ: Господинъ великій Новгородъ! отпусти меня на Днѣпръ, мнѣ надо печенѣговъ прогнать! Такъ что-ли по твоему? Ты, дяденька, хорошо-ли сегодня выспался?

— Видишь-ли, князь,—отвѣчалъ спокойно посадникъ;— человѣкъ тонетъ, такъ топоръ сулитъ, а какъ его вытащутъ, такъ топорища жалко. Такъ-то и ты. Вѣдь въ прошломъ году не будь новгородцевъ, такъ не только Кіева, у тебя ни пяди своей земли не было-бы, и скитался-бы ты въ варягахъ бездомнымъ бродягой. Изо всѣхъ своихъ княжествъ одно ты за спасибо держать вольнѣе долженъ, а то я тебѣ скажу за тайну, что Новгородъ умѣетъ и приласкать, умѣетъ и зубы показывать.

Слово за слово, посадникъ и князь не хотѣли и не могли одинъ другому уступить, раскричались, а люди все слышали, и пошелъ слухъ по всему городу, что князь съ дядей повздорилъ.

На утро, городъ опять провожалъ князя: онъ ѣхалъ въ Ладогу встрѣчать невѣсту, на пристань ѣхалъ рядомъ съ дядей, посадилъ его съ собой въ лодью, два раза поклонился Новугороду и поѣхалъ. Говорили, что невѣста, королевна Ингигерда, вчера должна была прибыть въ Ладогу, что стало быть отлучаются князь съ посадникомъ ненадолго, а свадьбу будутъ играть въ Новѣгородѣ. Такъ народъ и успокоился.

Черезъ нѣсколько дней, погода была совсѣмъ осенняя:

моросилъ мелкій дождь, въ воздухѣ было тихо и сѣро, а на пристани и по всей горѣ народъ стоялъ густыми толпами. Только-что показались мокрые шелковые, безполезно-висѣвшіе паруса княжескихъ лодей, какъ поднялся въ кучахъ народу радостный крикъ, и невѣста въ своей лодьѣ пріятно улыбнулась князю. Когда лодьи подошли къ берегу, и королевна встала, чтобъ идти на сходни, крики удвоились: народъ увидѣлъ красавицу, о которой давно уже были слухи. Она окинула взоромъ пестрѣющій людьми берегъ, и на волосахъ ея, подъ самымъ лбомъ, блеснула большая бриліантовая звѣзда. Княжескій сынъ Илья Ярославичъ подалъ ей руку и она плавно пошла по сходнямъ, а за ней, съ своимъ костылемъ, прихрамывалъ самъ князь. Молодежь засмотрѣлась на красавицу, а старики, пропустивъ ее съ поклонами, стали ждать за княземъ своего посадника, но посадника не было. Толпа дрогнула; многіе бросились къ провожатымъ, къ дружинѣ, стали разспрашивать, и узнали, что князь послалъ Константина Добрынича изъ Ладоги прямо въ Муромъ. «Что-же намъ наказалъ посадникъ? Какое было его слово? Кому онъ сказалъ это слово? Посадникъ безъ воли Новагорода не могъ уѣхать въ Муромъ. Это все равно, что весь городъ съ домами вмѣстѣ и съ Волховомъ послать на Оку». Народъ всхлопотался, зашумѣлъ что-то, какъ море, когда оно взбѣгаетъ на песчаный берегъ. Князь съ невѣстой усѣлись на коней, поѣхали шагомъ къ церкви; рядомъ съ княземъ шелъ князь Илья, за ними человѣкъ двадцать отроковъ, а народъ разступался, и никто не пошелъ провожать ихъ до церкви, гдѣ на паперти ожидали уже священники. Весь народъ остался на берегу, и оттуда слышался громкій гулъ, какъ будто море, разволновавшись, ударяется о скалистый берегъ и разбиваетъ объ него свои высокіе валы.

— Что такое? Что случилось? — спросилъ князь сына, сходя съ коня у церковной паперти.

— Не знаю, отвѣчалъ робко Илья Ярославичъ:—боюсь, не хватились-ли они посадника... Куда ты дѣвалъ посадника, отецъ?

— А! вотъ въ чемъ дѣло!—сказалъ Ярославъ, и снова вскочилъ на коня и быстро поѣхалъ на берегъ.

Королевна Ингигерда осталась на паперти одна, и поблѣднѣла. Къ ней подошелъ молодой Вышата, начальникъ отроковъ, провожавшихъ ее изъ Ладоги, и сказалъ спокойно:

— Не бойся ничего, королевна. Народъ глупъ, а князь Ярославъ уменъ: не успѣешь ты опомниться, какъ этотъ ропотъ превратится въ тѣже крики, какіе ты слышала съ лодьи, и народъ принесетъ сюда князя Ярослава на рукахъ. А если что худое случится, то и тогда королевна Ингигерда не должна опасаться нечего: въ ней течетъ кровь варяжскихъ конунговъ, а здѣсь есть русскіе мечи, которые съумѣютъ за нее постоять.

Ингигерда съ благодарностью посмотрѣла на прекрасное лицо витязя и если не успокоилась, то нашла въ себѣ силы терпѣливо дожидаться. И въ самомъ дѣлѣ, немного времени прошло и радостные крики толпы стали рости, приближаться. Съ трудомъ переступалъ конь Ярослава въ густой толпѣ народа. Князь подошелъ къ невѣстѣ, окруженный лучшими новгородцами, вошелъ съ ними въ церковь, и брачное торжество совершилось среди всеобщей радости, ликованья и веселья.

Дѣло въ томъ, что князь не хотѣлъ показать невѣстѣ, что онъ ссорится съ своимъ народомъ, сказалъ въ толпѣ, что онъ упросилъ Константина Добрынича ѣхать въ Муромъ усмирять тамошній бунтъ, а что у нихъ рѣшено уже было, что Новгородъ впредь никакой дани Кіеву не платитъ, судитъ себя самъ, посадника и князя выбираетъ самъ-же. Въ великой радости отъ такихъ льготъ, народъ весело отпраздновалъ княжескую свадьбу и пиръ продолжался цѣлую недѣлю, вплоть до отъѣзда князя. Посадникомъ городъ выбралъ сына его, князя Илью.

Между тѣмъ королевичъ Эймундъ, уѣхавшій изъ Смоленска, остановился въ Полоцкѣ, у князя Брячислава. Отецъ этого князя Изяславъ былъ старшій сынъ Владиміра и княгини Рогнѣды, и получилъ въ удѣлъ земли, которыми владѣлъ Рогволодъ, отецъ Рогнѣды. По смерти его молодой Брячиславъ наслѣдовалъ всю его волость. Его-то, человѣка молодаго и неопытнаго, сталъ смущать королевичъ Эймундъ противъ дяди Ярослава.

— Развѣ такъ можно дѣлать?—говорилъ онъ:—не стало многихъ братьевъ, и Ярославъ беретъ все себѣ, да себѣ. Бориса убили муромскаго, онъ удѣлъ его забралъ; убили Глѣба, онъ Суздаль взялъ себѣ со всею волостью; убили Святослава, онъ Древлянскую волость присоединилъ; сложилъ голову Святополкъ, и его Туровская волость къ Кіеву-же отошла; Всеволодъ, втянутый въ войну этимъ ненавистнымъ Олофомъ, убитъ въ Мурманской землѣ, и его земля отошла къ Кіеву. И осталось васъ пять наслѣдниковъ Владиміра, у четверыхъ по одиннадцатой части, а у него одного семь одиннадцатыхъ, да въ прибавку Кіевъ. На что-же это похоже? Еслибы всѣ вы не были старыми бабами, то потребовали-бы новаго, справедливаго раздѣла, а если онъ не согласенъ, то сами-бы взяли. А то сидятъ, да кланяются, какъ этотъ глупый Станиславъ, твой дядюшка смоленскій.

— У насъ видишь-ли какой обычай,—отвѣчалъ Брячиславъ:—старшаго въ родѣ уважать какъ отца, и намъ отъ этого отступить нельзя...

— Старшаго въ родѣ? Ну, хорошо,—возражалъ неугомонный Эймундъ:—а кто у васъ старшій, подумалъ-ли ты объ этомъ, племянничекъ? Самый старшій былъ Вышеславъ, былъ, да и умеръ. Второй былъ Изяславъ, твой отецъ, такъ-ли? Послѣ него Святополкъ, а послѣ уже Ярославъ. Подумай теперь, что вышло-бы, еслибъ отецъ твой Изяславъ Владиміровичъ былъ живъ? Онъ сидѣлъ-бы въ Кіевѣ, а всѣ

братья за отца родного уважали-бы его. Ну, онъ умеръ; ты у него одинъ сынъ; стало быть все, что его, досталось тебѣ, и земли его, и старшинство. И выходитъ, что какъ ни считай, а старшимъ-то остаешься все-таки ты, а совсѣмъ не дяденька Ярославъ.

— Нѣтъ, это что-то не такъ,— отвѣчалъ Брячиславъ:— кому хочешь скажи, а племяннику старше дяди быть не приходится.

— Конечно, не приходится, если дядя старая лисица, а племянникъ мокрая курица!..

И долго, долго нужно было Эймунду поддразнивать Брячислава, чтобы онъ осмѣлился на какой нибудь рѣшительный шагъ. Прошелъ годъ, пошелъ другой. Умеръ въ Новѣгородѣ молодой посадникъ Илья Ярославичъ, и новорожденнаго князя Владиміра Ярославича прислуга начала величать княземъ новгородскимъ.

— И будетъ новгородскимъ,—твердилъ свою пѣсню Эймундъ,—если другіе князья не опомнятся. И кому только этотъ Новгородъ нуженъ? Дани онъ никакой Кіеву не платитъ, только богатѣетъ, да разростается, да земли себѣ занимаетъ, какъ будто нѣтъ князей обдѣленныхъ, обиженныхъ. Во Псковѣ посадили князя Судислава въ тюрьму... Это, братъ, какъ хочешь, Святополкомъ отзывается. А Судиславъ хотѣлъ только того-же, что получилъ Новгородъ. Погоди, сиди такъ-то вотъ, притаившись, какъ куропатка въ снѣгу, достанется и тебѣ тоже, насидишься въ тюрьмѣ, если еще не отвѣдаешь ножа!..

Наконецъ Эймундъ одолѣлъ робкую покорность Брячислава, такъ что тотъ велѣлъ собирать войско. Ярославъ тотчасъ прослышалъ объ этомъ, и тоже сталъ готовить большую дружину.

— Не забудь, князь, что и моя дружина въ счетъ идетъ!—

сказала княгиня Ингигерда:—пять сотъ человѣкъ храбрецовъ могутъ рѣшить побѣду.

— Не возьму я твоей дружины, княгиня,—отвѣчалъ Ярославъ:—съ чѣмъ-же ты тутъ останешься?

— Съ чего-же ты взялъ, что я останусь?—спросила княгиня:—дочери короля Олофа не пристало сидѣть за прялкой, когда мужъ идетъ на войну. Посмотрю я на этого Эймунда, который такъ боялся со мной встрѣтиться! Устоитъ-ли онъ противъ удара моего боярина... Да самого Вышаты тутъ и не нужно, а взять любаго изъ его отроковъ.

— Такъ и ты выступаешь въ походъ?—спросилъ обрадованный Ярославъ,—ну, тѣмъ лучше, веселѣе будетъ. Но Эймундъ великій воинъ; противъ него надо приготовить большія силы.

Только-что Днѣпръ сталъ входить въ берега послѣ весенняго водополья, войско Ярослава сѣло на суда и поплыло вверхъ по рѣкѣ, а конница пошла берегомъ. Среди конницы королевна Ингигерда ѣхала на бѣломъ конѣ впереди своей дружины, а бояринъ Вышата за нею красовался на своемъ рыжемъ аргамакѣ. Иногда она занимала свое мѣсто на княжеской лодьѣ, и тогда дружина шла вяло, какъ будто нехотя; но когда она опять садилась на коня, воины пріободрялись, кони ихъ начинали плясать, и походъ былъ не походъ, а веселье. Вотъ наконецъ войско оставило Днѣпръ, пѣхота бросила суда и хотѣла берегомъ повернуть къ западу, ожидая скоро встрѣтить Брячислава; но вдругъ пришли вѣсти нежданныя: полоцкій князь пошелъ не на встрѣчу Ярославу, а на Новгородъ, такъ что кіевскому князю приходилось его догонять. Да гдѣ догнать? Онъ выступилъ изъ Полоцка давно, и теперь вѣрно ужь въ Новѣгородѣ. Скорѣе, скорѣе въ догонку, а то онъ пожалуй разоритъ любимый городъ князя Ярослава. Князь любилъ Новгородъ, но въ тоже время и очень былъ доволенъ, что кто нибудь его проучитъ хорошенько и

покажетъ, каково-то жить вольному городу безъ сильнаго покровителя. Сославъ посадника Константина въ Муромъ, Ярославъ разсчитывалъ, что Новгородъ будетъ посговорчивѣе, а теперь, послѣ урока, который задастъ ему Брячиславъ, городъ и думать позабудетъ про свою вольность, и десять разъ поклонится князю кіевскому: возьми ты насъ подъ свою высокую руку. Но мѣшкать было нельзя, потому что Новугороду могло придтись уже слишкомъ плохо: Брячиславъ не могъ надѣяться удержать Новгородъ въ своей власти, и потому онъ не станетъ щадить захваченнаго города, разоритъ его въ конецъ, такъ что останется только зола, да и ту вѣтеръ смететъ въ Волховъ... Созвалъ Ярославъ думу; собрались въ его шатрѣ бояре, и между ними первое мѣсто занимала предводительница лучшей, самой отборной дружины, княгиня Ингигерда. Думали, совѣтовались; нѣкоторые предлагали идти прежде на Полоцкъ и разорить его, а потомъ выступить навстрѣчу Брячиславу и разбить, когда онъ будетъ возвращаться съ новгородскою добычей. Другіе говорили, что времени терять нечего, что полочане пожалуй загостятся въ Новѣгородѣ, а тамъ есть всякій народъ, пожалуй придумаютъ, что союзъ съ близкимъ Полоцкомъ выгоднѣе дружбы съ далекимъ Кіевомъ. Рѣшили идти на Новгородъ, и идти на спѣхъ, какъ можно скорѣе. И пошли. И чѣмъ дальше шли полоцкою волостью, тѣмъ болѣе торопились: дорогой узнали, что Брячиславъ прошелъ тутъ недѣли за двѣ со всѣми своими силами, что стало-быть сзади напасть на кіевское войско некому было. И воины, видя примѣръ своего князя, шли впередъ почти безъ остановки. Одна княгиня Ингигерда въ нѣсколько дней усиленнаго похода такъ устала, что поспѣвать не могла. Духомъ она была бодра, но немощное тѣло не слушалось бодраго духа; она не останавливалась, ѣхала, но блѣдная, исхудалая, въ лицѣ ни кровинки и тонкій станъ ея, покрытый мелкою, легкою кольчугой, сгибался какъ тростинка, а золотой шишакъ свой красавица давно

сняла и бросила-бы на земь, еслибъ не подхватилъ его бояринъ Вышата. Въ такомъ положеніи увидѣлъ ее князь Ярославъ, объѣзжавшій войско на походѣ, и приказалъ ей остановиться. Дѣло было около полудня; войско проходило впередъ, и пройдя версты три, остановилось на берегу рѣчки Судомири на короткій отдыхъ. Ингигерда сошла съ коня и въ изнеможеніи упала на траву въ тѣни старой березы. Вышата сейчасъ-же велѣлъ поставить возлѣ нея шатеръ; но она съ наслажденіемъ отдыхала и не хотѣла двинуться съ мѣста. Самъ князь прислуживалъ ей усердно, подавалъ въ кружкѣ холодную воду, снималъ кольчугу и прибиралъ длинные бѣлокурые волосы ея, раскинувшіеся по травѣ. Такъ прошло часа два. Княгиня задремала, раскраснѣлась, но солнце, передвигаясь по небу, начинало уже заглядывать ей въ лицо. Вышата, закинувъ за плеча свой круглый щитъ, сталъ между красавицей и солнцемъ и не спускалъ съ нея глазъ, внимательно загораживая солнечные лучи. Въ это время отъ тысяцкаго прискакало два посланца извѣстить, что непріятель показался и тоже подходитъ къ рѣчкѣ, чтобы напиться и напоить коней. Князь вскочилъ на коня, оставилъ съ Вышатой всего человѣкъ десять, велѣлъ ему беречь княгиню пуще глаза и поскакалъ. Войско было уже готово къ битвѣ, а непріятель, какъ видно, усталый и жаждущій, колебался и не смѣлъ подойти къ водѣ. Князь, не останавливаясь, бросился въ рѣку, за нимъ перешло въ бродъ все войско, и ударило на враговъ, не потративъ впередъ ни одной стрѣлы. Ярославъ хорошо помнилъ, какъ Болеславъ Храбрый разбилъ его именно потому, что напалъ нечаянно, и воспользовался хорошимъ примѣромъ. Свалка была жестокая, и полочане побѣжали. Варяжскій отрядъ человѣкъ во сто, съ Эймундомъ во главѣ, былъ позади всего полоцкаго войска, оберегая его отъ новгородскихъ отрядовъ, которые пытались нападать сзади. Отъ перваго удара полочане побѣжали, а кіевское войско частію ударилось за

ними, а частію накинулось на обозъ, который былъ набитъ всякими сокровищами, награбленными въ Новѣгородѣ. Эймундъ съ горы видѣлъ свалку, видѣлъ, какъ войско полоцкое побѣжало, видѣлъ, что Брячиславъ съ малою дружиною ускакалъ влѣво, и понялъ, что дѣло кончено, что весь походъ былъ затѣянъ понапрасну. Спустившись съ горы вправо, въ лѣсъ, онъ далъ большой кругъ и поскакалъ къ Полоцку.

Князь Ярославъ торжествовалъ побѣду, и объѣхавъ поле, гдѣ произошло побоище, шагомъ двинулся туда, гдѣ отдыхала княгиня. Съ нимъ ѣхалъ тысяцкій, то-есть главный его воевода Митя, ѣхало нѣсколько сотниковъ, и всѣ были радостны и веселы. За бѣглецами послана была погоня; вокругъ обоза съ новгородскими богатствами поставлена стража подъ начальствомъ княжескаго походнаго казначея, и побѣдители считали походъ конченнымъ.

— Не видать было Эймунда, — сказалъ князь Митѣ; — вѣрно онъ съ Брячиславомъ ударился бѣжать. Что-то много было конныхъ около княжескаго знамени.

— Ну, Эймунду и неловко было-бы съ нами встрѣтиться и переломить копье,—отвѣчалъ тяжеловѣсный тысяцкій Митя;—потому что мы такъ недавно преломляли съ нимъ вмѣстѣ хлѣбъ за княжеской трапезой. Онъ же съ нами вмѣстѣ за-одно дрался и противъ Святополка, и противъ поляковъ; ну, совѣсть и не допустила. А то онъ перекрошилъ-бы не мало народу.

— Какъ по твоему счету, Митя,—спросилъ Ярославъ,— сотни три или четыре мы потеряли?

— Гдѣ четыре сотни!—отвѣчалъ тысяцкій:—настоящаго-то удара они не дождались, не продержались и столько времени, сколько надо на излетъ стрѣлы. Я такъ думаю, что двухъ сотенъ мы не потеряли; а вотъ они, такъ многихъ не досчитаются...

— Вотъ влѣво отъ дороги большая-то береза, — сказалъ,

указывая впередъ, Ярославъ:—тамъ и есть княгиня. И онъ ударилъ плетью усталаго коня и поскакалъ одинъ впередъ. Его провожатые прибавили тоже шагу, и увидѣли, что князь стоитъ подъ березой и дико осматривается кругомъ, не говоря ни слова. Подъ березой никого не было. Лежитъ недалеко убитый бѣлый конь княгини съ разрубленной головой, лежатъ два убитые отрока. Шатеръ княгини поваленъ и валяется на землѣ, порванный конскими копытами, а дальше сотни свѣжихъ конскихъ слѣдовъ переѣхали дорогу и пропали въ заросшемъ травою проселкѣ. Тысяцкій бросилъ коня, и велѣвъ одному изъ сотниковъ привести сюда всю конницу, какая найдется на Судомири, самъ пошелъ разбирать слѣды. Онъ былъ старый новгородскій охотникъ и въ молодости умѣлъ выслѣдить и лося, и медвѣдя, а старые глаза служили ему еще хорошо. Воротился онъ изъ лѣсу къ березѣ въ то время, какъ отъ рѣки уже слышался топотъ большаго коннаго отряда. Князь лежалъ подъ деревомъ и плакалъ отъ жалости и отъ досады.

— Полно, князь, успокойся!—сказалъ онъ Ярославу:— княгиня жива и здорова; ее захватили варяги, должно быть самъ Эймундъ, а варяги женъ берегутъ. Стало быть нуженъ будетъ выкупъ, только и всего, а ты за цѣной можетъ быть не постоишь!

— Все отдамъ!—отвѣчалъ князь;—да какъ-же ты узналъ, что говоришь?

— Дѣло это самое простое,—отвѣчалъ тысяцкій:—прошелъ я по слѣду въ лѣсъ, откуда они ѣхали, и вижу, точно, ѣхали, и скоро, безъ всякой опаски, а къ опушкѣ пріостановились, затоптались на одномъ мѣстѣ: видно высматривали, уговаривались, что-ли. Тутъ вотъ на открытомъ мѣстѣ захватили княгиню и вѣрно самъ Эймундъ: голова-то у коня разнесена сѣвернымъ мечомъ и искусною рукою; а дальше съ дороги есть поворотъ на узенькій проселокъ, такъ они туда

и свернули. И повезли они княгиню сидячую, стало быть здоровую: съ бѣлаго коня ея сѣдло снято, это первое дѣло, а второе дѣло—тамъ на проселкѣ есть дерево, вѣтви свѣсило на дорогу. Такъ на одной-то вѣтви волосиковъ ея бѣленькихъ, длинныхъ такихъ, парочка осталась, какъ разъ въ ту вышину, какъ ее конную по головкѣ задѣть...

— А много съ ней было этихъ разбойниковъ?—спросилъ благоразумный Ярославъ, взглянувъ на свой конный отрядъ, приближавшійся по дорогѣ.

— Ну, это сказать трудно,—отвѣчалъ Митя,—а такъ надо полагать, что если не сотня, то немногимъ меньше сотни...

— Коня мнѣ! живѣе! У кого конь посвѣжѣе?—вскричалъ князь, поднимаясь съ земли.

— Это зачѣмъ-же, напримѣръ, тебѣ коня?—спросилъ Митя.—Догнать-бы и можно, да эти разбойники съ бою не отдадутъ ее живую, а непремѣнно зарѣжутъ: ужь у нихъ такой нравъ, безъ выкупу живую не отдадутъ... это я тебѣ вѣрно говорю... А я такъ думаю, будто умирать ей еще раненько, красавицѣ всего двадцатый годъ пошелъ... Дѣло все теперь пойдетъ на выкупъ, на переговоры...

— Поѣзжай, голубчикъ Митя! Выручи ты мнѣ княгиню!—вскричалъ Ярославъ, очень хорошо понимая, что его тысяцкій былъ совершенно правъ.

— Поѣхать я могу,—отвѣчалъ Митя; только ты, князь, не прогнѣвайся! Надо и лошадямъ дать отдохнуть, и самимъ поѣсть. До вечера ихъ, все равно, нагнать и не думай, а какъ заночуютъ въ какой нибудь избѣ, такъ тамъ я княгиню твою и увижу, а къ утру или такъ передъ полуднемъ у тебя вѣсточка будетъ.

— Не хочу я никакой вѣсти!—вскричалъ князь:—княгиню мнѣ подавай!

— Этого, князь, никакими средствами сдѣлать нельзя,—

отвѣчалъ воевода, садясь на траву возлѣ князя.—Королевна Ингигерда не такой товаръ, чтобъ они его отдали безъ крѣпкой записи, безъ твоей крѣпкой княжеской клятвы, безъ полученія всего того, что имъ надобно; а я поѣду вѣдь съ пустыми руками...

— Вотъ тебѣ и побѣда!—сказалъ князь Ярославъ, снимая свой золотой шеломъ и бросая его на землю: —тяжеле этого и Болеславъ мнѣ не давалъ урока!..

— Э, князь! Полно!—отвѣчалъ тысяцкій, задумчиво и съ удовольствіемъ слѣдя глазами, какъ двое слугъ его развязывали вьюкъ и доставали изъ него разныя съѣстныя снадобья и здоровую баклагу съ крѣпкимъ медомъ:—это еще не бѣда, отъ которой откупиться можно, это не оленина, когда ветчина... то-бишь! Что я такое мелю! Вотъ языкъ-то какъ иной разъ замелется, когда цѣлый день его ни разу не промочишь...

Князь не обращалъ вниманія на то, что говорилъ тысяцкій; онъ не понималъ, какъ человѣкъ можетъ помышлять о ѣдѣ, когда случилось такое великое несчастіе; но когда кушанье было разставлено по травѣ, то и онъ, вовсе не помышляя, поѣлъ — и хорошо сдѣлалъ. По окончаніи трапезы и хорошо выпивши, тысяцкій всталъ и сказалъ: «Вотъ теперь можно ѣхать, покормившись: совсѣмъ другое дѣло будетъ, и въ переговорахъ умнѣе человѣкъ бываетъ, какъ подкрѣпится. Онъ съ меня за княгиню запроситъ Кіевъ... А въ самомъ дѣлѣ, будь я на его мѣстѣ, непремѣнно спросилъ-бы Кіевъ, а на прибавку новгородскую область... Хе, хе, хе... Отдашь, князь? Сказывай! Отдашь?

Но князь торопилъ его ѣхать, ни мало не безпокоясь тѣмъ, что онъ немного подгулялъ. Вѣрный другъ Митя иногда выпивалъ, но въ мѣру, и маленькое веселье никогда не мѣшало ему дѣлать дѣло какъ слѣдуетъ. Къ тому-же и ѣхать ему приходилось много, такъ что винные пары не могли помѣшать

переговорамъ. Грузный Митя вскочилъ на коня, какъ ни въ чемъ не бывало, кликнулъ съ собой трубача, да двоихъ слугъ своихъ съ вьюками и поѣхалъ рысью. Князь Ярославъ зналъ, что лучше его никто не исполнитъ такого важнаго порученія, никто не будетъ такъ упорно стоять за княжескія выгоды, какъ преданный тысяцкій. Проводивъ его глазами до поворота на проселокъ, князь еще нѣсколько времени слушалъ топотъ четырехъ удалявшихся коней, глубоко вздохнулъ и поѣхалъ къ рѣкѣ Судомири, гдѣ стояло все его войско. Конный отрядъ шагомъ потянулся за нимъ. Ярославъ провелъ трудную, безсонную ночь, думая о томъ, здорова-ли княгиня Ингигерда и не ушиблась-ли она, когда падалъ убитый подъ нею конь.

Свѣтлая весенняя ночь еще не смѣнилась днемъ, когда князь вышелъ изъ шатра и потребовалъ коня. Онъ измучился отъ безсонницы и вздумалъ объѣхать сторожей, разставленныхъ со всѣхъ сторонъ войска, въ кустахъ и въ лѣсу, гдѣ въ одиночку, гдѣ по два. Почти всѣ они спали, и князь даже усталъ ихъ будить. Тихо пробирался онъ подъ деревьями и совсѣмъ неожиданно наѣхалъ на новаго врага. Нѣсколько сотъ пѣшихъ воиновъ ползкомъ подбирались къ обозу, вокругъ котораго дремала утомленная дневнымъ трудомъ стража. Князь остановился какъ вкопанный, устремивъ глаза на непріятеля; а враги одинъ за другимъ вставали, и въ безпорядочныхъ рядахъ слышался шопотъ: «Ярославъ! Ярославъ!» Дѣло скоро объяснилось. Это были новгородцы, гнавшіеся по слѣдамъ за Брячиславомъ, чтобъ отбить хоть что нибудь изъ награбленныхъ въ городѣ богатствъ.

— Отдохните, друзья, — сказалъ имъ печально Ярославъ;—обозъ вашъ цѣлъ и невредимъ. Завтра возьмите его и идите съ миромъ. Ограбленъ я одинъ, у меня княгиню Ингигерду украли... Можетъ быть вѣсти какія скоро будутъ, можетъ быть уже и есть...

И онъ поѣхалъ къ своему стану, а новгородцы, довольные встрѣчей, бѣгомъ пустились за нимъ. Подъѣхавъ къ своей ставкѣ, Ярославъ спросилъ сторожей, не было-ли гонца отъ тысяцкаго, и когда узналъ, что никого не было, тяжко вздохнулъ и осмотрѣлся. Въ это время солнце, разметавъ по небу бѣлыя облачка, какъ кудри золотыя, величаво выкатывалось изъ-за лѣса, и на ближнемъ деревѣ овсянка запѣла свою звонкую простую пѣсенку. Ярославъ долго не спускалъ глазъ съ солнца, и когда оно поднялось, веселое, радостное, торжествующее, онъ отвернулся и проворчалъ: «чему обрадовалось!»

Цѣлый день бѣдный князь не зналъ покоя. То посидитъ, то встанетъ и начнетъ ходить, то велитъ подать коня и шагомъ поѣдетъ на дорогу, къ тому мѣсту, гдѣ противъ большой березы въ лѣсъ поворачиваетъ узкій проселокъ. Разъ онъ поѣхалъ по этому проселку и долго смотрѣлъ все вверхъ, на древесныя вѣтви и искалъ двухъ долгихъ бѣлокурыхъ волосиковъ, оставленныхъ на дубовой вѣткѣ; проѣхалъ далеко, но ничего не нашелъ.

— Вѣрно птица въ гнѣздо унесла, — думалъ онъ возвращаясь, и порою все останавливался и прислушивался, нѣтъ-ли вдали топота; — тварь мерзкая! Смѣла тронуть этакіе волосики, что тоньше шелку цареградскаго, нѣжнѣе пуху лебяжьяго. Захватила волосики и понесла... Нѣтъ, не ѣдетъ, это мнѣ показалось... Этотъ пьяный дуракъ гдѣ нибудь съ коня свалился... Погоди-же, я тебя!.. Душенька, Митя! Скорѣе!.. Нѣтъ, съ нимъ вѣрно что нибудь случилось: эти разбойники убили его, пожалуй. Кому-же тогда отдать войско?.. Зачѣмъ войско? Что такое войско? Псы голодные!..

И тоскующій князь возвращался въ свой станъ и принимался читать священныя книги. Это было его любимое занятіе; но на этотъ разъ онъ сидѣлъ за ними не долго: мучительное безпокойство опять выгоняло его изъ палатки, и онъ

смотрѣлъ въ ту сторону, откуда ждалъ своего тысяцкаго. Къ ночи его одолѣла усталость, и онъ заснулъ безпокойнымъ сномъ и все бредилъ про какихъ-то птицъ, которыя уносятъ у людей волосы и головы...

Передъ разсвѣтомъ прискакалъ тысяцкій. Онъ былъ еще далеко, когда князь Ярославъ услышалъ топотъ его коня и проснулся отъ своего чуткаго сна. Лошадь тысяцкаго дымилась на утреннемъ прозрачномъ холодкѣ; онъ подъѣзжая махалъ бѣлымъ платкомъ и кричалъ: «Все благополучно! Жива и здорова! Кланяться велѣла!»

— Голубчикъ Митя! Разбойникъ ты! Измучилъ меня! Что такъ долго?—говорилъ князь, едва переводя духъ.—Ну, разсказывай скорѣе! Гдѣ она? Какъ ты ее нашелъ?

— Ты только успокойся, князь, и вели мнѣ дать попить и поѣсть. Какъ съ тобой въ послѣдній разъ поѣлъ, такъ съ тѣхъ поръ и постился. А коня-то посмотри! Качается и шагу ступить не можетъ... Эй, кто нибудь! Поводите коня-то!

Но конь не могъ уже двинуться, закачался и упалъ, какъ зарѣзанный.

— Ну, прощай, старый товарищъ! — сказалъ Митя; — честно послужилъ ты мнѣ, и не разъ выносилъ изъ самой густой сѣчи!.. Такъ княгиня-то? Ничего, живетъ въ чистой, хорошей избѣ въ селѣ Векшѣ. Оно, конечно, не кіевскіе, не берестовскіе терема, а военному человѣку, королевнѣ Ингигердѣ жить можно. Двѣ женщины при ней, и ходятъ за ней какъ надобно. У дверей стража, у оконъ стража; у одного окна сидитъ Вышата, безъ меча, безъ шишака, точно мокрая курица. Наѣхалъ я на село къ утру, вышла мнѣ стража на встрѣчу, какъ водится, только-что трубу услыхала; свели къ Эймунду. Онъ было сейчасъ заговорилъ о выкупѣ, а я говорю: нѣтъ, шутишь, покажи мнѣ прежде товаръ, а тамъ и поговоримъ. Пошли мы къ другой избѣ, а княгиня, говорятъ, спитъ. Ну, не будить-же ее стать. Вотъ я и подсѣлъ къ Вы-

шатѣ; съ другой стороны сѣлъ Эймундъ, и давай разспрашивать, какъ что было. А онъ, горемычный, еле говоритъ, насилу допытался до самаго дѣла. Сначала княгиня спала, а онъ ее отъ солнца оберегалъ, и долго она проспала; потому что, извѣстное дѣло, гдѣ-же женщинѣ воевать? И женское-ли это дѣло—походъ? Вотъ спитъ княгиня, и заслышалъ онъ нашу сѣчу, какъ мы на полочанъ черезъ рѣку бросились, стоитъ, и не знаетъ, какъ ему быть: княгиня все спитъ, а гомонъ большой драки далеко слышно. Стала тутъ муха одолѣвать, онъ далъ знакъ, чтобы ему вѣтвь дубовую подали, началъ обмахивать, это значитъ, сонную-то королевну. Еще тамъ сколько времени прошло, слышенъ топотъ уже близко, ѣдутъ конные лѣсомъ. Пробудилась и княгиня и сѣла. «Это, говоритъ, что такое? Гдѣ князь?» Вышата и говоритъ, что тамъ сѣча идетъ великая, а тутъ лѣсомъ ѣдутъ, только не свои. Княгиня и крикнула: «На коней!» Сама вскочила на своего бѣлаго, шеломъ надѣла, мечъ свой изъ ноженъ выдернула. А Вышата не успѣлъ на коня вскочить, глядитъ, а враги кругомъ, больше ста человѣкъ. Эймундъ и крикнулъ по-своему, по-варяжски: «Сдавайся, дочь Олофа!» Она тутъ и узнала, что это Эймундъ, бывшій нашъ товарищъ. «Не сдамся, говоритъ, а выходи со мной биться на честномъ поединкѣ!» Подъѣхалъ къ ней Эймундъ, и сначала думалъ, что это шутки, а она и взаправду такъ на него ударила, что онъ едва успѣвалъ отмахиваться, однако ее, нѣтъ, не трогалъ и не замахивался, надо правду сказать. Мечъ-то у нея легкій, скользитъ по бронѣ, ничего Эймунду не дѣлается, а онъ только лицо оберегаетъ своимъ-то тяжелымъ мечомъ. Раза два по мечу-то ее ударилъ, ручка у нея онѣмѣетъ, опустится, онъ опять говоритъ: «Сдайся!» а она оправится, да мечомъ опять ему въ лицо наровитъ. Вотъ хорошо, бьются они, какъ имъ надобно, а время идетъ. И только что подумалъ это Вышата, вѣрно подумалъ тоже и Эймундъ, ударилъ опять по королев-

ниному мечу, да бѣлаго-то коня по головѣ своимъ тяжелымъ мечомъ и хватилъ. Какъ стоялъ конь, такъ и повалился. Вышата возлѣ нея пѣшій стоялъ, успѣлъ ее подхватить. Сѣли на коней и поѣхали, вотъ и все тутъ. А двое отроковъ, что убитыхъ мы видѣли, эти какъ-то повздорили, ну ихъ и прикололи, а какъ прикололи, никто не видалъ. Да и гдѣ-же десятерымъ отрокамъ противъ сотни старой, закаленой варяжской дружины?.. Вотъ проснулась княгиня, гляжу: окошко отворила, кланяется. Я про здоровье спросилъ, и говорю Эймунду: «Ну, давай торговаться. Что возьмешь? Онъ и говоритъ: «Двѣсти фунтовъ золота». Я говорю: идетъ! плевое дѣло! Еще что? «Новгородскую, говоритъ, область!» Хорошо, говорю, молодецъ королевичъ. Еще чего? «Вѣчный съ нами, говоритъ, миръ». «Все тутъ? Все!» Ну, говорю, давай сюда Брячислава, потому что въ Полоцкѣ онъ князь, а не ты. Заспорилъ. Я, говоритъ, съ своими варягами самъ по себѣ воюю съ княземъ Ярославомъ; я, говоритъ, и не знаю, гдѣ князь Брячиславъ, и живъ-ли онъ, не вѣдаю. Я этого однако не послушался и поѣхалъ искать князя Брячислава въ другую сторону. Эймундъ обогнулъ наше правое крыло, а Брячиславъ лѣвое, а оба потянули къ Полоцку. Такъ я и сообразился, и ударился такъ примѣрно ему на перерѣзъ. Повстрѣчалъ и говорю: не съ ума ли ты сошелъ, князь, что ты Новгородской волости захотѣлъ за королевну? А онъ ничего и не зналъ, и такъ-то обрадовался несказанно, что даже велѣлъ меня связать, будто въ полонъ взялъ. Ну, этого я ему въ вину не ставлю, потому что очень ужь обрадовался. Тутъ я ему и втолковалъ, что ему хорошо теперь съ нами заключить прочный миръ, а для прочнаго мира слишкомъ многаго просить не годится, а то не ровенъ часъ, можно и все потерять. Опять поѣхали мы съ нимъ къ Эймунду, и ужь торговались, торговались, я даже усталъ. Наобѣщалъ за тебя вотъ что: за новгородское разоренье ни Брячислава, ни Полоцка не казнить;

за княгиню отдать Витебскъ; они и Усвята просили, да я не давалъ, а пожалуй, дать можно, ничего. На весь торгъ накинуть имъ твое крестное цѣлованіе, что эта самая дурость Брячиславу будетъ забыта. О золотѣ заговорилъ-было опять Эймундъ, да спасибо Брячиславъ разгорячился, накричалъ, нашумѣлъ, что онъ теткой не торгуетъ, и хочетъ прочнаго мира, чтобы дядѣ Ярославу никакой обиды не было. Заговорили также о выкупѣ Вышаты съ товарищами, да я имъ сказалъ, что мы за восьмерыхъ пожалуй дадимъ безъ счету, сколько мы полочанъ ни захватили. Договорили все это, я къ тебѣ и поѣхалъ, чтобы ты ужь не очень долго тосковалъ. Мои люди отстали, конь у меня былъ посильнѣе, да и тотъ ноги протянулъ... Дай-ка мнѣ, князь, тоже ноги протянуть, хоть на одну смѣну, а то я сегодня вовсе ни на что не буду годиться. Да и самъ-бы ты успокоился, а то вишь на тебѣ лица нѣтъ.

Тяжеловѣсный тысяцкій съ великимъ трудомъ сталъ на ноги, ступилъ шага два, съ недоумѣніемъ покачалъ головой, и сказалъ: «Нѣтъ, старость, видно, одолѣвать стала! Подайте-ка сюда войлокъ потолще!» Повалился на войлокъ, заснулъ какъ убитый и проснулся тогда, когда солнце съ полудня шло уже къ западу. Пока онъ толковалъ съ княземъ, какъ поступать дальше, вдали показалось человѣкъ двадцать верховыхъ. Впереди всѣхъ, на сѣромъ въ яблокахъ конѣ, ѣхала королевна Ингигерда, а коня того велъ самъ князь Брячиславъ. За ними воевода Вышата, его отроки и человѣкъ десять провожатыхъ полоцкаго князя. Ярославъ понялъ, что молодой князь искренно желаетъ мира, и чтобы показать сыновнюю покорность, велъ коня королевны такъ, какъ водили только люди изъ прислуги или братья родные. Кіевскій князь разцѣловалъ племянника, благодарилъ, обѣщалъ ему держать его какъ сына роднаго, прибавилъ къ его удѣлу Витебскъ и Усвятъ, и цѣловалъ крестъ въ томъ, что всѣ вины его забыты.

— А тебѣ, королевна Ингигерда, во святомъ крещеніи

Ирина, на войну больше не хаживать, и впредь быть за-просто русской княгиней Ириной. Сиди въ теремѣ, ну иногда охотой позабавься, если порыскать верхомъ любишь, а воевать ужь пусть будемъ мы. А пока, благо Полоцкъ у насъ недалеко, заѣдемъ-ка къ племяннику, отдохнемъ, дадимъ отдохнуть войску, и запьемъ всѣ бѣды полоцкимъ медомъ, не даромъ онъ считается самымъ лучшимъ во всей русской землѣ. А на эти дни Эймундъ пусть гдѣ нибудь рыбы половитъ, что-ли? Такъ-ли, племянничекъ дорогой?

И примиренные, довольные, счастливые родственники поѣхали въ Полоцкъ и пировали тамъ недѣли двѣ. Эймундъ ѣздилъ въ это время на устье Двины, гдѣ онъ затѣвалъ постройку городка для пріюта пріѣзжихъ варяговъ.

Возвратясь въ Кіевъ, Ярославъ получилъ извѣстіе, что его смоленскій братъ Станиславъ умеръ, прохворавъ мѣсяца четыре. Отслужены были надлежащія панихиды, и такъ какъ дѣти Станислава всѣ скончались раньше, то кіевскій князь послалъ своего намѣстника, а черезъ нѣсколько дней послѣ того пріѣхала и огорченная мать покойнаго, княгиня Адель. Княгиня Ингигерда, называвшаяся послѣ полоцкаго похода Ириной, приняла ее очень ласково, величала теткой и съ удовольствіемъ говорила съ старушкой на своемъ варяжскомъ языкѣ.

— Какъ теперь мнѣ быть, я ужь и не знаю,—говорила княгиня Адель,—въ моей вдовьей и сиротской долѣ только и надежды на Бога, да на отца нашего князя Ярослава.

— Да у тебя, тетушка, вѣдь еще есть сынъ, удалой Мстиславъ,—отвѣчала княгиня Ирина;—онъ богатъ, живетъ хорошо и, говорятъ, въ Тмутаракани построилъ себѣ каменныя палаты. У него тебѣ хорошо будетъ...

— Гдѣ хорошо, матушка-княгиня!—все сѣтовала и плакалась Адель; — удалъ-то онъ удалъ, это правда, да вѣдь земля у него малая... Вотъ еслибы Смоленскъ ему послѣ брата

отдали, такъ еще ничего-бы... Къ нему моремъ надо, я моря боюсь, никогда не видывала: родилась-то я въ Новѣгородѣ, и не случалось даже до берега доѣхать; а Русское море, говорятъ, еще страшнѣе Варяжскаго...

— Что-же, а ты поѣзжай горой, — возразила Ирина, — Ярославъ дастъ тебѣ провожатыхъ сколько надобно, переѣдешь только Донъ, а тамъ сынъ тебя встрѣтитъ.

— Куда мнѣ сиротѣ такую дальнюю дорогу ѣхать, — отвѣчала Адель; — да и дастъ-ли князь охрану? Дорога степная, печенѣги разные по степи скитаются, убьютъ, того и гляди, или ограбятъ, а у меня все-таки сундучишки кое-какіе, ларцы съ моимъ хламомъ разнымъ, узлы, тюки, мало-ли всякой дряни наберется, какъ долго-то поживешь на свѣтѣ... Недорогаго все это стоитъ, пустяки, да вѣдь больше ничего у меня и нѣтъ, все тутъ сиротское мое, вдовье добро...

— Какъ не дать, голубушка княгиня! Вѣдь ты ему не чужая...

И въ самомъ дѣлѣ княгиня Адель выпросила себѣ отрядъ въ тысячу провожатыхъ, и имѣла удовольствіе проѣхать черезъ степь настоящею царицей. Но на Дону встрѣтилъ ее сынъ, князь Мстиславъ, и съ нимъ всего было человѣкъ тридцать. Когда княгиня стала говорить, что не опасно-ли такъ-то будетъ, Мстиславъ отвѣчалъ, что она могла-бы ѣхать и одна, что въ его владѣніяхъ даже волки обучены бояться князя.

Княгиня Ирина не долго прожила въ Кіевѣ съ княземъ Ярославомъ: не прошло и двухъ лѣтъ, какъ пришлось ему ѣхать въ Суздальскую землю, усмирять тамошній бунтъ.

— Кромѣ своей дружины, останется у тебя и моя, — говорилъ князь, собираясь въ дорогу; — будетъ это не война, а такъ, объѣздъ, какъ ѣзжала покойная прабабушка, княгиня Ольга. Народъ тамъ въ Суздальской землѣ живетъ хорошій, простой, только дикій, почти вовсе не крещеный. Да что станешь дѣлать? Гдѣ взять священниковъ, проповѣдниковъ? Ска-

зываютъ пріѣзжіе, что вовсе народъ отъ рукъ отбился, потому что голодаетъ гораздо, и все на колдуній валитъ, да на какихъ-то чаровницъ, будто онѣ въ себѣ скрываютъ обиліе. Народъ глупъ, Бога истиннаго еще не знаетъ, не вѣритъ въ божественный Промыслъ, и говорятъ перебито много женщинъ будто-бы за чародѣйство. Бѣдный, темный край и надо для него что нибудь сдѣлать! Возьму съ собой больше священниковъ, чѣмъ военной силы, поѣду для скорости на-легкѣ, а дружины перехвачу въ Смоленскѣ. А путь не ближній. Изъ Днѣпра есть перевалъ въ Оку, изъ Оки проѣду вверхъ по малой рѣчкѣ Москвѣ, глухая такая рѣчка, по лѣсамъ протекла; изъ Москвы рѣки опять перевалъ въ рѣку Клязьму; она-то и есть въ Суздальскомъ краю, и пала въ Оку, а Ока въ Волгу.

— Какой-же у насъ съ тобой огромный край!—сказала радостно княгиня Ирина: —и гдѣ-же ему конецъ? Гдѣ граница?

— Не знаю, княгиня,—отвѣчалъ Ярославъ,—и бывалые люди не знаютъ. За Суздальскимъ краемъ Болгары, за ними разный кочевой народъ въ степяхъ, и конца нѣтъ землѣ; а мы съ тобою владѣемъ до того мѣста, гдѣ Ока пала въ Волгу. За Волгой народъ дикій черемисы, за Окой мордва, мещера. Пока это граница и есть, а тамъ поглядимъ, что Богъ дастъ. Мои молодцы новгородцы забрались теперь очень далеко на полночь къ самому студеному морю. Въ той сторонѣ нашей землѣ конецъ у самаго моря.

Уѣхалъ Ярославъ усмирять суздальскія земли, а безъ него стряслась бѣда надъ Кіевомъ такая, какой никто не ждалъ: братъ родной поднялся и едва не отнялъ Кіева у брата. Дѣло было такъ: прискакали изъ Переяславля княжескіе отроки, служившіе при тамошнемъ посадникѣ, прискакали на перемѣнныхъ лошадяхъ и прямо къ княгинѣ Иринѣ: «Бѣда, княгиня! Князь Мстиславъ идетъ съ такимъ воинствомъ, какого и не видано! Козары съ нимъ, касоги, печенѣги, еще какой-

то невѣдомый народъ, и идутъ на Кіевъ несмѣтною ордою. Переяславлю не устоять, да не устоять, пожалуй, и Кіеву.

— За что? Какъ? Съ чего князю Мстиславу съ братомъ ссориться, Кіевъ разорять? — Княгиня ничего не могла понять.

— Ничего не знаемъ,—отвѣчали отроки,—только слухъ есть, что Мстиславъ идетъ волостей искать по умершихъ братьяхъ. Извѣстно, все достается нашему князю, а ему ничего, да ничего, вотъ онъ и взыскался, и теперь вѣрно Переяславлемъ уже завладѣлъ. Гляди, княгиня, завтра или послѣ завтра не былъ-бы онъ здѣсь!..

Но княгиня ничего не боялась; она послала за своимъ воеводой Вышатой, а тотъ распорядился тотчасъ-же созвать вѣче и поставить на ноги дружину. Когда народъ собрался, онъ объявилъ, что врагъ подходитъ, что надо встать городу какъ одному человѣку, и врага прогнать. Онъ припугнулъ немного Мстиславомъ, особенно его касогами и козарами, обѣщалъ, что онъ съ дружиною будетъ драться впереди всѣхъ, и что кто выдастъ Кіевъ и княгиню Ирину, тому будетъ стыдно.

— По князя Ярослава послано, и пока безъ него мы ничего знать не знаемъ, никакихъ переговоровъ не слушаемъ, а чужаго медвѣдя въ свою берлогу не пустимъ, хоть онъ себѣ лобъ расшиби объ наши стѣны.—Народъ охотно взялся за оружіе.

Когда Мстиславъ подошелъ къ днѣпровскому берегу съ своею ордой, то княгиня Ирина, въ золотомъ шишакѣ и въ мелкой кольчугѣ, съ мечомъ въ рукахъ, собиралась выѣхать изъ города къ своей дружинѣ, расположенной у воды. Въ это время, въ дрянномъ челнокѣ, отчалилъ съ той стороны какой-то человѣкъ, дебелый тѣломъ и красноватый лицомъ. Одѣтъ онъ былъ въ бѣлой рубашкѣ, а на поясѣ у него мотался ножъ. Въ лѣвомъ ухѣ онъ носилъ золотую серьгу, въ подражаніе Святославу, и въ ней блестѣли жемчужина и два яхонта. На

головѣ не было шапки. Волосы были коротко подстрижены, а на маковкѣ оставленъ былъ длинный чубъ.

— Эй!—кричалъ онъ громко, подплывая къ берегу:— кто у васъ тутъ старшій безъ князя остался? Выходи сюда!

— Это тебѣ зачѣмъ?—спросилъ Вышата, подходя къ берегу.

— Меня, паренекъ, зовутъ княземъ Мстиславомъ; а ты что за птица?

— Я птица Вышата, воевода княгини Ирины, князь Святополкъ; вотъ я кто.

— Ну, Святополка ты самъ проглоти, а если ты тутъ старшій, то знай, что Кіевъ мой, и весь южный край мой, а Ярославу будетъ его Новгородъ и сѣверная половина Руси. Понялъ?

— Переговариваться мы не станемъ,—отвѣчалъ Вышата;—князь Ярославъ вздумаетъ, такъ и все тебѣ отдастъ. А силой Кіева тебѣ не взять, пока мы живы. Понялъ?

— Да ты, я вижу, мальчикъ бойкій! —сказалъ Мстиславъ,—не хочешь-ли со мной выйдти бороться? Я одолѣю, такъ Кіевъ мой, и все мое, а ты одолѣешь, ну, пусть твоя будетъ Тмуторокань. Хочешь?

— Согласенъ; только надо спросить княгиню,—отвѣчалъ Вышата; Кіевомъ я не распоряжаюсь, да и она безъ князя едва-ли захочетъ рѣшать дѣло.

— Такъ у васъ тутъ нѣтъ старшаго? Ну, такъ беру Кіевъ,—сказалъ тмутороканскій князь, и уже хотѣлъ пуститься въ обратный путь, какъ на горѣ показалось человѣкъ пять конныхъ.

Бояринъ Вышата крикнулъ Мстиславу:

— Вотъ сама княгиня ѣдетъ! Скажи ей самой, что надо.

Княгиня, сіяющая красотой, спустилась съ горы и подскакала къ Вышатѣ, который успѣлъ ей сказать, что на рѣкѣ, въ челнѣ, самъ князь Мстиславъ. Ирина по мелководью про-

Мстиславъ молчалъ и только смотрѣлъ на гнѣвную бѣлокурую красавицу.

ѣхала впередъ къ челноку, и остановилась, когда вода хватала коню выше колѣнъ. Она пылала гнѣвомъ, глаза ея блестѣли, голосъ дрожалъ, обнаженный легкій мечъ сверкалъ.

— Такъ вотъ онъ какой изъ себя, этотъ новый Святополкъ! Чего тебѣ здѣсь надобно? Единоборства? Пришелъ искать тутъ касожскаго Редедю? Такъ бери свой мечъ, выходи, и я своею рукою, вотъ этимъ мечемъ, съумѣю заставить тебя уважать права старшаго брата.

Мстиславъ молчалъ и только смотрѣлъ на гнѣвную бѣлокурую красавицу.

— Князь Мстиславъ хочетъ Кіева и всего южнаго края!— сказалъ Вышата, войдя въ воду по колѣна и стоя возлѣ княгини въ водѣ. Мало-по-малу и вся дружина вошла въ воду и стала возлѣ королевны. Мстиславъ держался по-одаль на быстринѣ и изрѣдка ударялъ весломъ, чтобы вода не очень его сносила.

— Возьми Кіевъ, если силъ хватитъ, возьми, если меня одолѣешь!—вскричала княгиня:—мало еще во Владиміровой семьѣ крови пролито! Да скорѣе бери, скорѣе нападай, пока хозяина нѣтъ: съ женщиной можетъ быть у тебя хватитъ храбрости биться! Пришелъ какъ тать, выждалъ когда князя нѣтъ, напалъ... ну выходи, тать!..

— Княгиня! — сказалъ смѣшно-жалобнымъ голосомъ Мстиславъ:—вели Днѣпру остановиться! Онъ меня сноситъ, не даетъ смотрѣть...

Разгнѣванная красавица едва замѣтно улыбнулась. Этотъ страшный, этотъ удалой Мстиславъ, побѣдитель козаровъ, побѣдитель знаменитаго великана Редеди, засмотрѣлся, забылъ зачѣмъ пріѣхалъ, и такъ жалостно говоритъ.

— Я тебя буду ждать, пріѣзжай, но въ кольчугѣ и съ мечемъ!—строго сказала княгиня, сдерживая улыбку, и повернула коня къ берегу. Челнокъ держался еще противъ теченія Днѣпра и все недалеко отъ нагорнаго берега, когда Ирина,

взъѣхавъ на гору, оглянулась, чтобы посмотрѣть на тучу враговъ, стоявшихъ на луговой сторонѣ. Красноватое лицо въ челнокѣ не спускало съ нея глазъ. Она подняла мечъ, погрозила ему, и въѣхала въ красныя ворота города.

— Я, княгиня, этого тебѣ не позволю,—сказалъ ей простодушный Вышата, когда она вошла въ теремъ и потребовала себѣ другую кольчугу, потяжеле, боевую.

— Что? Какъ?—спросила удивленная Ирина:—мнѣ что-то дикое почудилось! Что ты сказалъ такое?

— Я не позволю тебѣ этой блажи, княгиня, чтобы съ деверемъ встрѣтиться, — отвѣчалъ Вышата, твердо и ясно. Онъ былъ человѣкъ не хитрый, но когда зналъ, что ему слѣдовало дѣлать, то дѣлалъ безъ запинки.

— Какъ же ты мнѣ это не позволишь, нельзя ли узнать?— спросила съ усмѣшкою княгиня.

— Не послушаешь словъ, силой не пущу!—сказалъ спокойно Вышата.—Разъ пошутить можно, а въ другой разъ... Вѣдь неровенъ часъ, это не Эймундъ варягъ, а Мстиславъ!

— А развѣ у Эймунда въ рукахъ было веретено, а не мечъ?—гордо спросила Ирина.

— Полно, княгинюшка! Будто ты не знаешь, что Эймундъ только шутилъ, тебя потѣшить хотѣлъ? Десять разъ онъ могъ тогда разнести тебя пополамъ и съ кольчугой совсѣмъ, а жалѣлъ только, да и невыгодно ему это было: за тебя за мертвую ничего бы не дали, а только бы Полоцкъ съ лица земли снесли, а живая ты дорогаго стоила. А Мстиславу щадить тебя нечего и рука у него тяжелая!

— Неправда,—вскричала топнувъ ножкой княгиня.— Эймундъ дрался честно, и едва успѣвалъ защищаться! А ты только на зло говоришь, только сердишь меня! Я выйду на Мстислава! Я дочь короля Олофа!

— Будь ты дочерью самого Перуна, я тебя не пущу,—

сказалъ спокойно воевода.—Вотъ тебѣ ножъ, княгиня! Убей меня, ну и иди, а пока я живъ, ты не пойдешь.

— Посмотримъ!—сказала княгиня съ пренебреженіемъ и стала перемѣнять кольчугу. Когда она была готова и снова опоясала свой мечъ, пріѣхалъ съ берега одинъ изъ сотниковъ дружины, и сказалъ, что князь Мстиславъ проситъ повидать княгиню.

— Видишь?—сказала она Вышатѣ:—развѣ честно будетъ теперь отказаться?

— Онъ, княгиня, биться съ тобой не станетъ,—поторопился вставить свое слово сотникъ:—сначала его снесло теченіемъ внизъ, совсѣмъ весло оставилъ, и мы все смотрѣли, что это онъ какъ будто задумался; а потомъ опять поднялся къ намъ и держится теперь тамъ-же. Говоритъ: повидать надобно княгиню на малое время. Вотъ я и пошелъ.

Княгиня улыбнулась и велѣла опять подать легкую кольчугу, сняла шеломъ, и стала переодѣваться. Потомъ она хотѣла поправить свои связанные волосы, они какъ-то развязались и разсыпались по плечамъ и по спинѣ крупными волнами. Долго она прилаживала ихъ, приводила въ порядокъ, и все ей не удавалось, они все разсыпались. Наконецъ сказала: «Живетъ и такъ! Идемъ!» надѣла шеломъ и вышла на крыльцо. Тамъ два отрока держали коня. Она вскочила въ сѣдло и поѣхала тихимъ шагомъ къ спуску на берегъ. Бояринъ Вышата шелъ возлѣ коня, ведя его подъ уздцы, и говорилъ:

— Такъ и знай, княгиня! Какъ только ты обнажишь свой мечъ, я брошусь на Мстислава и убью его. Такъ и знай. Въ тотъ разъ, съ Эймундомъ, я тебя съ дуру послушалъ, а теперь нѣтъ, не бывать этому больше! Редедя не устоялъ, а ты устоять думаешь; а вѣдь Редедя былъ великанъ, силачъ, первый силачъ между касогами...

Но княгиня не слушала его, ѣхала задумавшись и порою

улыбалась какой-то мысли. Съ откоса, не поднимая головы, она видѣла на быстринѣ челнокъ и красноватое лицо, слѣдившее за ея конемъ. Медленно подъѣхала она къ берегу, но въ воду коня своего не пустила, остановилась и спросила:

— Чего желаетъ князь Мстиславъ?

А Мстиславъ въ три удара весломъ подплылъ къ берегу и посадилъ свой челнокъ на мель.

— Видишь-ли что, княгиня!—сказалъ онъ медленно, съ разстановками: видно, онъ не мастеръ былъ говорить,—мнѣ надо съ тобой толкомъ поговорить, хорошенько... Шелъ я издалека, ты знаешь, моя Тмуторокань отсюда не близка... Биться съ тобою я не стану; это все равно... что я ополчился-бы на ласточку щебетунью, что весну намъ въ душу приноситъ, да пошелъ-бы на нее съ своимъ тяжелымъ мечемъ... Нѣтъ, этого не жди, и если правда, будто Эймундъ съ тобой бился, такъ онъ баранъ, и я ему уши обрѣжу, если встрѣчу... Ты живи въ Кіевѣ, я Кіева не трону, такъ и брату скажи, но съ луговой стороны меня онъ не сживетъ всѣми своими варягами. Позвалъ я тебя, чтобы еще разъ повидать мою ласточку, мою весну... Биться съ тобой и съ твоимъ хромоногимъ княземъ я не стану, а ты будь счастлива... Одного только мальчишку я охотно продержалъ-бы здѣсь подъ водой малое время съ хорошимъ камнемъ на шеѣ, да ужь... Миловать такъ миловать! Будьте всѣ счастливы...

Онъ оттолкнулъ челнокъ отъ берега и поплылъ на ту сторону. Княгиня долго еще смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся челноку, и шагомъ поѣхала въ городъ.

Въ тотъ же день непріятель отошелъ отъ Днѣпра и пропалъ въ степи.

Скоро однако слышно стало, что Мстиславъ взялъ Черниговъ, взялъ потомъ Лиственъ и Любечъ, ничего не разоряетъ и бережетъ какъ свою волость. Потомъ пришли вѣсти, что Ярославъ уже въ Новѣгородѣ и послалъ за варягами; черезъ

нѣсколько времени прошелъ слухъ, что къ нему пришелъ слѣпой Якунъ съ дружиною и что онъ съ варягами и новгородцами идетъ противъ Мстислава, выгонять его изъ Чернигова. Княгиня Ирина была очень печальна. Ей не хотѣлось войны между двумя братьями, и она велѣла написать Ярославу письмо. Но на бумагѣ писецъ не могъ передать пѣвучаго, просящаго голоса Ирины, и изъ письма ничего не вышло.

Вдругъ какъ громъ грянулъ надъ Кіевомъ: явились бѣглецы изъ-подъ Листвена и разсказывали, что Ярославъ пришелъ съ варягами и съ новгородцами, произошла страшная сѣча, и князь съ своимъ союзникомъ Якуномъ бѣжалъ, но къ удивленію бѣжалъ не въ Кіевъ, не въ столицу свою, чтобы защищать и отстаивать ее, а также и свою семью, а бѣжалъ въ Новгородъ. Бѣглецы разсказывали страсти: Мстиславъ дрался какъ встарину Илья Муромецъ, куда ни махнетъ, тамъ улицы лежатъ, куда отвернетъ—съ переулками. Варяги держались долго, но когда имъ въ бокъ ударилъ самъ князь съ касогами, такъ не выдержали, побѣжали. Княгиня Ирина слушала разсказы и не вѣрила, чтобы князь Ярославъ уѣхалъ въ Новгородъ, а не въ Кіевъ. Но дни проходили за днями, а князя не было; только на другой сторонѣ Днѣпра опять зашумѣла, загудѣла орда и черезъ нѣсколько времени княгинѣ дали знать, что князь Мстиславъ на челнокѣ переѣхалъ одинъ и желаетъ повидать на малое время княгиню. Ему велѣно сказать, что княгиня плачетъ, на берегъ не выѣдетъ, а приказала спросить, что князю надо. Юноша, которому приказано было сказать это Мстиславу, привезъ ему въ подарокъ отъ княгини золотую клѣтку и въ ней ласточку-щебетунью. Мстиславъ птичку тутъ-же выпустилъ, велѣлъ сказать Иринѣ, что онъ ей желаетъ счастія, и тутъ-же вырвалъ изъ своего длиннаго чуба на головѣ десятка два черныхъ какъ смоль волосъ и послалъ ей. Въ тотъ-же день орда откочевала отъ берега и опять пропала въ степи.

Послѣ уже узнали, что Мстиславъ въ тотъ-же день послалъ къ Ярославу въ Новгородъ посольство, сказать, чтобъ онъ ѣхалъ въ Кіевъ, ничего-бы не боялся, что ни одинъ касогъ, ни одинъ печенѣгъ никогда не переѣдетъ на нагорную сторону и что онъ, князь Тмутороканскій, будетъ почитать его за старшаго брата. Но Ярославъ побоялся этому повѣрить и собиралъ въ Новѣгородѣ новое войско. Когда наконецъ онъ началъ вѣрить, то прислалъ въ Кіевъ своимъ намѣстникомъ или посадникомъ Митю. Прежде всего онъ явился къ княгинѣ; онъ зналъ ее за гордую, недоступную королевну, но такого пріема, какой она ему сдѣлала, онъ и не ожидалъ.

— Что скажетъ тысяцкій?—спросила его гордо княгиня.

— Меня прислалъ князь Ярославъ,—отвѣчалъ смиренно грузный воевода, — и велѣлъ мнѣ быть здѣсь его посадникомъ, а тебѣ, княгиня, велѣлъ ѣхать въ Новгородъ.

— Поѣзжай-же ты въ Новгородъ, — сказала княгиня, и такъ гордо взглянула на новаго посадника, что тотъ потупилъ взоръ,—и вели князю Ярославу ѣхать въ Кіевъ.

— Этому никакъ быть нельзя, княгиня!—сказалъ Митя;— князь меня сюда послалъ, и безъ его велѣнья мнѣ отсюда не ѣхать. А тебѣ въ самомъ дѣлѣ хорошо-бы уѣхать подальше отъ непріятелей...

— И скажи ты князю, что дочь короля Олофа никогда не бѣгала отъ непріятелей. Прощай!

— Князь собираетъ войско, княгиня,—продолжалъ посадникъ:—и выгонитъ непріятеля.

— Еще скажи, что князь Мстиславъ дастъ ему миръ,— прибавила княгиня, — и что слово вѣрно, скажи также, что въ Кіевѣ не опасно, трусить нечего, войско у меня распущено, народъ разошелся на промыслы, бабы прядутъ ленъ, такъ и онъ-бы не боялся... Въ подарокъ отъ меня свези ему вотъ эту прялку. Ступай!

Тысяцкій медленно повернулся и ушелъ, разсчитывая по-

говорить съ княгиней въ другой разъ, когда она будетъ поспокойнѣе, и уговорить ее ѣхать на сѣверъ. Но княгиня, однажды рѣшившись какъ поступать, въ самомъ дѣлѣ не отступала и выдержала цѣлые два года, пока наконецъ успокоенный Ярославъ, увѣренный въ миролюбивомъ расположеніи брата, самъ пріѣхалъ въ Кіевъ. А безъ него, на той сторонѣ рѣки, выстроился уже маленькій городокъ, называвшійся Городцомъ, и Мстиславъ часто въ немъ гостилъ, но на кіевскую сторону не переѣзжалъ. Жители давно забыли всякія опасенія, охотно съ Городцомъ торговали и снабжали его воинственныхъ жителей хлѣбомъ и живностью. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда, Ярославъ послалъ въ Городецъ звать брата къ себѣ; но Мстислава не было, а когда онъ вернулся, то послалъ звать Ярослава въ Городецъ. Тотъ заупрямился и послалъ къ нему посадника Митю. Какъ ни хитрилъ, какъ ни вертѣлся посадникъ, не могъ ничего добиться и явился къ князю съ донесеніемъ, что Мстиславъ слушать ничего не хочетъ.

— Надо ѣхать, князь, — сказалъ онъ въ присутствіи Ирины:—Мстиславъ говоритъ, что онъ побѣдитель и можетъ тебѣ приказывать, и надо признаться, что онъ правъ. Къ тому-же и теперь сила на его сторонѣ и мы всѣ у него въ рукахъ: захочетъ, такъ завтра-же Кіевъ возьметъ... Клѣтку какую-то показывалъ, золотую, маленькую, говорилъ, что если ты заставишь его идти въ городъ, такъ онъ придетъ, пожалуй, но ужь съ пустой клѣткой не уйдетъ. Что такое это значитъ, я такъ и не понялъ; но по-моему идти надо...

— Я одно только знаю,—сказала княгиня Ирина,—что Мстиславъ держитъ свое слово, и ты хорошо сдѣлаешь, князь, если поѣдешь къ нему... Для тебя-же самого это лучше будетъ, пойми это. А если онъ точно сказалъ, что тебя будетъ почитать за старшаго брата, такъ это также вѣрно, какъ то,

что теперь зима. Въ Городцѣ ты будешь безопаснѣе, чѣмъ въ городѣ, за это я поручусь своею головой.

Долго надо было уговаривать Ярослава, чтобъ онъ рѣшился наконецъ ѣхать въ Городецъ.

Тамъ и заключенъ былъ миръ на условіяхъ Мстислава: границею между владѣніями двухъ братьевъ назначенъ былъ Днѣпръ; положено было на всѣхъ непріятелей стоять за-одно и жить въ вѣчномъ мирѣ и согласіи.

Княгиня Адель, довольная тѣмъ, что она успѣла уговорить сына отвоевать у брата половину владѣній, жила опять въ Смоленскѣ, на старомъ пепелищѣ, гдѣ привыкла жить давно, и къ старымъ своимъ ларцамъ, набитымъ всякимъ добромъ, прибавляла все новые ларцы, сундуки и ящики, пока наконецъ не умерла шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду, все жалуясь на горькую свою сиротскую и вдовью долю.

Десять лѣтъ послѣ городецкаго мира жилъ Ярославъ спокойно и счастливо. Мстиславъ за него воевалъ, воротилъ червенскіе города, которыми при Святополкѣ завладѣлъ было король Болеславъ, много потрудился для земли русской, но въ Кіевѣ не былъ ни разу. Черезъ годъ послѣ мира онъ овдовѣлъ, но больше не женился. Черезъ шесть лѣтъ послѣ того умеръ единственный сынъ его Евстафій, и печальный отецъ отвезъ его тѣло въ Тмуторокань и схоронилъ его въ тамошнемъ храмѣ Богоматери. Наконецъ и самъ онъ умеръ (1036 г.): выѣхалъ на охоту, заболѣлъ, едва живой привезенъ въ Городецъ и къ вечеру скончался. На слѣдующій день князь Ярославъ съ супругою, въ пышно убранныхъ черными сукномъ лодьяхъ, переплыли черезъ Днѣпръ. Князь Ярославъ плакалъ горько надъ гробомъ брата; сынъ его, шестнадцатилѣтній Владиміръ, съ особымъ уваженіемъ смотрѣлъ на мертвое тѣло дяди, знаменитаго богатыря и великаго воина, который ни разу не потерпѣлъ ни одного пораженія, а воевалъ цѣлый свой вѣкъ. Княгиня Ирина, въ первый разъ переѣхавшая Днѣпръ и видѣв-

шая Городецъ только съ нагорной стороны, изъ города, своими мокрыми отъ слезъ глазами, съ недоумѣніемъ смотрѣла на этого великодушнаго великана, который тринадцать лѣтъ тому назадъ такъ боялся убить весну, принесенную ему въ душу. Похороны торжественно совершились въ Десятинной церкви, построенной Владиміромъ.

Но между тѣмъ великій Новгородъ давно уже скучалъ безъ князя, и Ярославъ положилъ везти туда старшаго сына своего Владиміра и посадить на княженіе. Устроился пышный поѣздъ, и княгиня поплакала опять, провожая любимаго сына въ далекій сѣверный край. Она осталась дома съ дѣтьми; на рукахъ у нея были пятнадцатилѣтній Изяславъ, четырнадцатилѣтній Всеволодъ, еще два сына Вячеславъ и Игорь и три прелестныя дѣвочки Елисавета, Анна и Анастасія. Бояринъ Вышата былъ оставленъ тысяцкимъ въ Кіевѣ и главнымъ оберегателемъ княжескаго семейства; ему должны были повиноваться и тѣлохранители варяги. На бѣду и этотъ выѣздъ князя Ярослава былъ несчастливъ. Печенѣги почуяли, что не стало ихъ грознаго повелителя Мстислава, и бросились къ богатому Кіеву, который они столько разъ видѣли съ луговой стороны: имъ казалось, что теперь-то не мудрено будетъ его разграбить. На лодкахъ, верхами и вплавь перебрались они черезъ рѣку, но на стѣнахъ, построенныхъ изъ бревенъ и засыпанныхъ землею, ждалъ ихъ тысяцкій, съ варягами, съ княжескою дружиной и съ войскомъ. Сначала бились каждый день. Печенѣги подступали цѣлыми тучами, выли и визжали на всѣ голоса, лѣзли на стѣны и были избиваемы не сотнями, а тысячами. Всякій разъ, какъ приступъ былъ отбитъ, Вышата ѣхалъ къ княгинѣ и успокоивалъ ее какъ могъ, увѣряя далеко не въ первый разъ, что «въ Кіевѣ не мало есть русскихъ людей, которые съумѣютъ за нее постоять». Княгиня отпускала его съ милостивой улыбкой, онъ цѣловалъ протянутую ему руку и уходилъ на стѣны. Дождались наконецъ

и самого князя, который пробился черезъ осаждавшихъ съ свѣжею варяжскою дружиною и съ новгородцами. Съ пріѣздомъ князя, у тысяцкаго Вышаты какъ гора съ плечъ свалилась; онъ вздохнулъ свободно и тотчасъ-же сталъ проситься на вылазку.

— Эти бѣсы подступаютъ иной разъ ночью, — говорилъ онъ князю: — визжатъ, воютъ и кричатъ, такъ что княгиня иной разъ цѣлую ночь не спитъ. Прогнать ихъ я берусь, только ты, князь, погоди здѣсь на стѣнахъ.

Темною осеннею ночью вышли изъ города новгородскіе полки и стали прямо подъ стѣнами съ лѣвой руки; за ними вышли варяги и дружина и стали посрединѣ, наконецъ кіевскіе граждане заняли мѣсто на правой сторонѣ. Только что полки такъ изготовились и на востокѣ небо заалѣло, они бросились бѣгомъ на печенѣговъ; а тѣ собирались еще просыпаться, немного закостенѣвъ отъ пронзительнаго ночнаго холода. Цѣлый день продолжалась битва, потому что печенѣги не побѣжали, а напротивъ, упорно порывались впередъ. Вышата трехъ коней перемѣнилъ, шесть мечей иступилъ, и наконецъ приперъ непріятеля къ спуску въ рѣку. Тутъ уже дѣло было не трудно: какъ несмѣтное стадо барановъ побѣжали они подъ гору, падали, давили другъ друга, а сзади неодолимо напирали побѣдители. Поздно вечеромъ какъ будто густой ледъ шелъ по рѣкѣ, такъ часто плыли по Днѣпру многіе десятки тысячъ утонувшихъ и убитыхъ печенѣговъ, и Кіевъ торжествовалъ побѣду. Князь Ярославъ, весело улыбаясь, говорилъ княгинѣ:

— То-ли дѣло, какъ хозяинъ-то вернулся? И управились, благодаря Создателя!

Но княгиня только печально улыбалась на эти счастливыя рѣчи, и не сказала того, что думала.—А хотѣлось ей сказать, что теперь надо-бы разъискать побѣдителя и придумать, какъ-бы его наградить. Это была, однакоже, забота

напрасная: бояринъ Вышата получилъ уже всѣ награды, о которыхъ онъ смѣлъ только думать, и на Руси не было званія выше кіевскаго тысяцкаго. Онъ былъ начальникомъ всѣхъ войскъ и послѣ князя первый на Руси человѣкъ.

Такъ кончилась послѣдняя встрѣча русскихъ съ печенѣгами; съ тѣхъ поръ объ этой ордѣ ничего не было слышно.

Всю зиму послѣ того готовили камень и бревна на какія-то постройки; весною въ Кіевѣ стали подходить одни за другими цѣлые десятки судовъ съ камнемъ, и лѣтомъ всѣ граждане Кіева почти поголовно вышли смотрѣть небывалое торжество: недалеко отъ городскихъ стѣнъ, на мѣстѣ послѣдняго сраженія съ печенѣгами, митрополитъ Ѳеопемптъ съ духовенствомъ освятилъ основаніе новаго храма во имя св. Софіи. На другой день въ разныхъ мѣстахъ за стѣнами опять было совершено богослуженіе, и началась постройка каменныхъ стѣнъ гораздо обширнѣе прежнихъ. Городъ сталъ украшаться, расти, богатѣть.

И стали проходить годы за годами спокойнаго, мирнаго житья. Многочисленная княжеская семья росла на утѣшеніе родителей, а княгиня, кромѣ четверыхъ сыновей, не могла нарадоваться особенно на трехъ дочерей красавицъ. Онѣ были всѣ въ мать, бѣлокурыя, голубоокія, стройныя дѣвицы. Къ нимъ мало-по-малу стали наѣзжать и женихи: къ Елизаветѣ Ярославнѣ сватался мурманскій конунгъ Гаральдъ. Ему было что поразсказать о себѣ: онъ бѣжалъ въ Кіевъ отъ цареградской императрицы Зои, онъ много передъ тѣмъ странствовалъ по свѣту, много видѣлъ странъ, былъ въ Іерусалимѣ, поклонился Святымъ Мѣстамъ, много выдержалъ битвъ, и не даромъ его имя гремѣло на землѣ. Вотъ какъ онъ самъ пѣлъ о своихъ подвигахъ:

«Рожденный въ нагорной Норвегіи, гдѣ народъ такъ ловко стрѣляетъ изъ лука, я лучше захотѣлъ плавать на кораблѣ, страшномъ для земледѣловъ, между скалами морскими или

на необозримомъ океанѣ; но русская красавица меня презираетъ!

«Въ юныхъ лѣтахъ я дрался съ народомъ дронтгеймскимъ; число враговъ было велико, кровь лилась рѣкою; молодой конунгъ палъ отъ моей руки; но русская красавица меня презираетъ!

«Въ чемъ я неискусенъ? Сражаюсь храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копье, умѣю владѣть весломъ; но русская красавица меня презираетъ!

«Развѣ не слыхала она, какъ я храбро бился въ южной землѣ, какую страшную одержалъ я побѣду, какіе памятники славы моей тамъ остались? но русская красавица меня презираетъ!

«Однажды насъ было шестнадцать товарищей: зашумѣла буря, взволновалось море и корабль мой наполнился водою: мы вычерпали воду и спаслись; а русская красавица меня презираетъ!

«Легкія суда наши окружали Сицилію. О время славы блестящей! Темный корабль мой, наполненный людьми, быстро рѣзалъ волны. Думая только о войнѣ и битвахъ, я не искалъ другаго счастія; но русская красавица меня презираетъ!»

По нынѣшнимъ понятіямъ, конунгъ Гаральдъ, который такъ любилъ быть страшнымъ для земледѣловъ и совершалъ походы самъ-шестнадцатъ, немногимъ отличался отъ морскаго разбойника, но по тогдашнему времени это были великіе, славные подвиги, и Елизавета Ярославовна отдала ему свою руку. Въ Кіевѣ былъ пиръ на весь міръ, и Гаральдъ съ молодою супругой послѣ того еще не мало прожилъ въ Кіевѣ, прежде чѣмъ сдѣлался королемъ норвежскимъ.

Въ это время князь Ярославъ былъ сердитъ на грековъ: въ Царѣградѣ былъ убитъ въ дракѣ богатый русскій купецъ.

Князь требовалъ казни убійцъ и ничего не могъ добиться: греки не боялись русскаго князя и не дорожили нашей торговлей. Тогда онъ приказалъ собирать походъ на Царьградъ и тысяцкому Вышатѣ поручилъ большое войско и старшаго сына своего Владиміра, нарочно для этого вызваннаго изъ Новагорода. Днѣпръ шумѣлъ снаряженными судами, народъ толпился по берегу; княгиня Ирина пѣшкомъ провожала двадцати-трехъ-лѣтняго сына къ берегу, слѣдила глазами за его лодьей и вслѣдъ ему благословляла воздухъ. Потомъ она простилась съ Вышатой, — и тоже благословляла его.

— Смотри, Вышата,—говорила она:—береги князя Владиміра, да и себя береги. Да помни, что море — предатель, что ни мечомъ, ни силой, ни хитростью съ нимъ не совладать, и бояться его не стыдно.... Ну, Господь съ вами!

Прошелъ мѣсяцъ: нѣтъ вѣстей изъ Царяграда, и княгиня начала тосковать. Четыре сына были у нея на глазахъ, три дочери еще не разлучались съ любимою матерью; а все недоставало сына, и казалось, что его-то она больше всѣхъ и любитъ. Такъ-то вотъ и на рукахъ десять пальцевъ, а когда одинъ изъ нихъ крѣпко пораненъ и болитъ, то кажется, что онъ-то во всякомъ дѣлѣ всѣхъ нужнѣе, онъ-то и подвертывается подо всякій нажимъ, онъ и терпитъ чаще всѣхъ.... Наконецъ пріѣхалъ вѣстникъ и привезъ нерадостныя вѣсти. Сначала все шло хорошо. Корабли вышли изъ Днѣпра въ море, прошли его благополучно и вошли въ тѣсный цареградскій проливъ. Царь Константинъ прислалъ пословъ, и привезли послы отъ него грамату. Князь Владиміръ сейчасъ эту грамату развернулъ и прочелъ. Прочелъ эту самую грамату самъ, потомъ прочелъ ее Вышатѣ, поговорилъ съ нимъ и говоритъ посламъ: «Хотя съ греками мириться и зазорно, однако такъ и быть, я согласенъ. Привозите мнѣ по три фунта золота на каждаго воина, я и уйду не трогая ногою берега». Только три фунта золота показалось много, по-

тому что войска-то у насъ было знаешь сколько! Поплыли они назадъ, а всѣ мы за ними, и вотъ увидѣли Царьградъ. Какъ слѣдуетъ, высадились мы на берегъ, стали, а они вышли къ намъ навстрѣчу: берегомъ идутъ конные, а лодьи своимъ чередомъ идутъ моремъ. Стали драться. Мы ихъ бьемъ, они насъ бьютъ. Ворвались къ намъ въ самую гущу нашу три лодьи съ греческимъ огнемъ, и пошла потѣха! Мы загорѣлись: кто не горитъ, тотъ старается отчалить отъ другихъ, да подальше отъ берега. Поднялся вѣтеръ и разметало насъ какъ щепки. Вотъ хорошо, разметало. Греки и послали на насъ погоню, однако мы оборотились и побили ихъ какъ надобно. Тысяцкій сошелъ тогда на берегъ, а мы поплыли домой, вошли въ Днѣпръ, а съ устья меня князь и послалъ сюда, сказать, что все хорошо, значитъ, благополучно...

— Зачѣмъ-же тысяцкій вышелъ на берегъ? — спросилъ Ярославъ.

— А вышелъ, потому, что ему такъ надобно было,—отвѣчалъ посланный,—и тысяцкій всему дѣлу въ походѣ хозяинъ. Нашихъ-то на берегу осталось не мало, тысячъ, можетъ быть, шесть, и при нихъ нѣтъ никакого начальства: стадо стадомъ, такъ врознь и идутъ; а лодей у насъ мало, и въ тѣхъ тѣсно: приняли мы много съ воды изъ тѣхъ лодей, что горѣли. И князь Владиміръ горѣлъ, прыгнулъ въ воду, да сотникъ нашъ Иванъ Творимиричъ его вытащилъ къ себѣ. Приходилось тѣмъ шести тысячамъ идти горой. Тысяцкій и говоритъ: «Я пойду съ ними; живъ-ли останусь, погибну-ли, — все лучше съ своими». Такъ онъ съ ними и остался. А князю велѣлъ плыть домой.

— Ну, и что же? — спросилъ въ нетерпѣніи князь.

— А теперь они домой идутъ. Для насъ вѣтеръ былъ хорошъ, такъ мы скоро приплыли, а имъ дорога подальше будетъ, ну и придутъ попозже.

Но тысяцкій и шесть тысячъ его товарищей не всѣ и не

скоро вернулись домой. Недоходя города Варны они были окружены со всѣхъ сторонъ громадными силами грековъ. Вышата защищался храбро и не сдавался, пока его самого не свалила тяжкая рана. Его подняли и свезли въ Царьградъ, а вмѣстѣ съ нимъ пригнали восемьсотъ человѣкъ воиновъ, оставшихся въ живыхъ послѣ побоища. По приказанію императора Константина Мономаха, имъ выкололи всѣ тысячу шесть сотъ глазъ, выкололи простымъ сапожнымъ ножомъ, и бѣдный Вышата былъ въ ихъ числѣ. Греки любили эту казнь: оно и скоро, и легко, и удобно, и слѣпой врагъ остается врагомъ очень мало опаснымъ.

Князь узналъ объ этомъ черезъ долгое время послѣ возвращенія сына, и былъ огорченъ до глубины души. И досадно ему было, что не удалось наказать грековъ, и жалко было своихъ павшихъ воиновъ, и жалко было ослѣпленныхъ, и особенно Вышату, такого честнаго, такого преданнаго слугу. Извѣстно было, что участь плѣнниковъ въ Царѣградѣ была самая печальная: они приковывались къ скамейкамъ на большихъ гребныхъ судахъ и работали на нихъ весь остатокъ жизни: слѣпота не мѣшала работать весломъ. Княгиня Ирина, свѣдавъ объ участи своего любимца, отыскала въ Кіевѣ армянскаго купца, который взялся съѣздить и выкупить бывшаго тысяцкаго, съ тѣмъ, чтобы серебра и золота не жалѣть, и такъ какъ мира еще не было, то покупалъ бы будто для себя. Ловкій армянинъ на этомъ дѣлѣ надѣялся сколотить себѣ кучу денегъ. Сначала онъ отыскалъ тысяцкаго, передалъ ему поклонъ княгини и на первый случай сто серебряныхъ гривенъ, чтобы стража была съ нимъ поласковѣе. Потомъ пошли переговоры. Греки знали кто такой Вышата, знали, что за него можно взять хорошія деньги, и дорожились; а ловкій армянинъ шепнулъ имъ стороной, чтобы они, чего добраго, не продешевили, потому что и онъ хочетъ тутъ нажить. Раза три возвращался онъ въ Кіевъ и выпрашивалъ

денегъ потому будто-бы, что греки все набиваютъ цѣну на слѣпаго тысяцкаго; наконецъ княгиня велѣла прогнать плута.

И цѣлые три года слѣпой Вышата томился въ плѣну, пока наконецъ не заключенъ былъ миръ, тогда русскіе купцы привезли всѣхъ слѣпыхъ на родину, и тысяцкій вернулся въ Кіевъ (1046 г.). Князю Ярославу было тогда уже шестьдесятъ три года, княгинѣ сорокъ, а Вышата казался совершеннымъ старцемъ, хотя онъ былъ всего лѣтъ на пять старше княгини. Страданія отъ тяжкой раны, страданія отъ плѣна и отъ потери зрѣнія состарили бѣдняка раньше времени, и онъ весь сѣдой какъ вешній снѣгъ, ходилъ сгорбившись, опираясь на костыль, но печаленъ не былъ. Онъ съ удовольствіемъ принималъ участіе въ придворныхъ празднествахъ.

Тогда гостилъ въ Кіевѣ епископъ шалонскій Рожеръ, посланный французскимъ королемъ Генрихомъ I сватать вторую дочь Ярослава, княжну Анну. Гостили также сыновья венгерскаго короля Андрей и Левенда; гостилъ варяжскій конунгъ Симонъ, выгнанный Якуномъ слѣпымъ изъ своихъ владѣній; пріѣхали и два сына англійскаго короля Эдмунда, бѣжавшіе отъ короля Канута, Эдваръ и Эдвинъ. Заботливой хозяйкѣ, княгинѣ Иринѣ, много было дѣла и всякихъ заботъ; но при всѣхъ празднествахъ она требовала, чтобы непремѣнно присутствовалъ тысяцкій Вышата, и никогда не забывала своими руками подносить ему стопу съ крѣпкимъ медомъ или чару съ заморскимъ виномъ. Пріѣзжіе гости видѣли такое вниманіе и тоже наперерывъ выказывали слѣпому воеводѣ большое уваженіе. Такъ епископъ Рожеръ постоянно обращался къ нему съ разговорами, съ разспросами, и Вышата на праздникахъ не скучалъ. Самъ онъ особенно любилъ разспрашивать, и такъ умѣлъ слушать, такъ добросердечно отвѣчалъ на всѣ сѣтованія и жалобы молодежи, что всѣ любили старика.

Князь Ярославъ тоже любилъ съ нимъ совѣтоваться; безъ него не обходилась ни одна дума, но и кромѣ того князь часто

приходилъ въ его горницу и, выславъ слугъ, бесѣдовалъ съ нимъ подолгу. Случалось-ли назначать посадника въ Черниговъ-ли, въ Тмуторокань, или куда въ другое мѣсто, князь толковалъ съ слѣпымъ тысяцкимъ, надобно-ли было женить сына, и тутъ Вышата былъ первымъ совѣтникомъ. Пришла вдругъ вѣсть, что Гаральду надо ѣхать домой, и не терять времени, а везти съ собой жену княгиню Елизавету и маленькаго сынишку Магнуса было и трудно, по зимнему пути, и опасно въ случаѣ войны или хоть драки въ мурманской землѣ. И тутъ надобенъ былъ совѣтъ тысяцкаго. Стали очень донимать сосѣди польскаго короля, мазовшаны съ своимъ княземъ Моиславомъ, а слабый Казимиръ не могъ съ ними справиться. Помогать ему, или не помогать? Въ думѣ княжеской вышелъ разладъ: одни говорили, что хотя Казимиръ женатъ на родной сестрѣ князя Ярослава, однако пусть справляется какъ знаетъ, а русскимъ силамъ нечего забиваться въ такой далекій край, и то за тѣмъ только, чтобы отдать мазовшанъ чужому. Другіе говорили, что Моиславъ бунтуетъ шестой годъ, и надо его сократить, чтобы и другимъ бунтовать было неповадно. Тысяцкій и тутъ сказалъ полезное слово. Послѣ думы, Ярославъ пришелъ къ нему въ горницу. Слѣпца водилъ вдоль всего покоя взадъ и впередъ молодой мальчикъ изъ прислуги. Заслышавъ шаги и стукъ костыля хромаго князя, Вышата остановился среди горницы и повернулся лицомъ къ дверямъ.

— Каково поживаешь, старый товарищъ? — спросилъ входя Ярославъ.

— Какъ мнѣ худо поживать, князь,—отвѣчалъ слѣпой воевода,—когда хожу тутъ, стучу клюкой, и слышу въ сѣняхъ идетъ сюда другая клюка...

— Да, братъ, плохо намъ съ тобой безногимъ! — замѣтилъ шутливо князь.

— Эхъ, батюшка князь! — отвѣчалъ со вздохомъ воевода: — еслибы я могъ помѣняться, такъ охотно отдалъ-бы

ногу за одинъ только глазъ, хоть плохонькій, а еслибы кстати могъ отдѣлаться отъ раненой ноги, такъ мѣна вышла-бы выгодная!..

— Ну, это конечно такъ. А скажи-ка ты мнѣ по душѣ, что намъ съ Моиславомъ дѣлать? Вѣдь разоряетъ польскій край вдосталь...

— Это, князь, не бѣда, что разоряетъ; противъ этого самъ король Казимиръ могъ-бы справиться. А на мой взглядъ тутъ другое. Моиславъ язычникъ; онъ разоряетъ церкви и избиваетъ священниковъ, вотъ въ чемъ бѣда. Стало быть идетъ на смерть борьба между тьмою и свѣтомъ, такъ тутъ все равно, родня тебѣ свѣтлая сторона, или нѣтъ. Еслибы Моиславъ былъ на твоей сестрѣ женатъ, а не Казимиръ, и тогда я посовѣтовалъ-бы тебѣ идти на Моислава. Какъ церковь возьметъ, такъ прежде всего книги жечь. А книга—великое дѣло! Что мы денегъ-то платимъ переписчикамъ, такъ я думаю и не счесть! Стало быть мой совѣтъ ясенъ: идти на мазовшанъ, Моислава убить, а край отдать Казимиру.

Такъ и было сдѣлано, по совѣту тысяцкаго.

Онъ-же, на бѣду, посовѣтовалъ княгинѣ Иринѣ проводить до Новагорода дочь Елизавету, уѣзжавшую за море къ мужу, тогда уже королю норвежскому. Поѣхала княгиня, простудилась и въ Новѣгородѣ умерла.

Тысяцкій Вышата умеръ вскорѣ послѣ того, а Ярославъ пережилъ свою супругу только четырьмя годами.

7.

ИЗЯСЛАВЪ СКИТАЛЕЦЪ.

(1064—1078 г.)

Въ Олеговомъ лѣсу выдалось одно особенно привольное мѣстечко. На откосѣ горы поляна; изъ лѣсу на нее выступили четыре дуба, густые, кудрявые, свѣжіе; возлѣ нихъ гремитъ небольшой ключъ; трава свѣжа и нетоптана; пониже, подъ горой, въ потныхъ мѣстахъ, держится кабанъ; повыше нерѣдко попадается олень; медвѣдь пустынникъ ходитъ за ягодами, лось сохатая щиплетъ рябиновые побѣги. Со временъ Святослава положенъ на лѣсъ строгій запретъ, и никто изъ простыхъ людей не смѣетъ въ немъ тронуть зайца, не только что княжеской звѣрины: кабана, лося, медвѣдя; князь Владиміръ наѣзжалъ сюда на охоту, а послѣ него нога человѣчья почти въ него не ступала: Ярославъ мудрый охотникомъ не былъ, Изяславъ тоже охоты не любилъ, и звѣрь плодился и жилъ на своей звѣриной волѣ, хотя отъ Кіева до средней Олеговой поляны не было больше пятнадцати верстъ. Сюда-то, въ это приволье, забрались бояре, княжескіе гости, и расположились отдыхать послѣ удачной охоты. Лѣтъ пятьдесятъ не бывало на полянѣ такого шумнаго, веселаго табора. Подъ дубами разложены были ковры; на нихъ отдыхали бояре, вкусивъ роскошной трапезы и выпивъ сколько надобно для под-

крѣпленія. Неподалеку отъ нихъ лежалъ огромный медвѣдь, зарѣзанный бояриномъ Порѣемъ въ одиночку, лежалъ кабанъ, которому сынъ новгородскаго посадника Остромира всадилъ копье подъ лопатку, лежалъ еще кабанъ, поменьше, убитый бояриномъ Ратиборомъ. Шагахъ во ста отъ дубовъ расположилась многочисленная челядь съ лошадьми, съ собаками; тамъ разведены были огни, былъ живой говоръ; кормили собакъ, проваживали дорогихъ боярскихъ коней; нѣсколько человѣкъ возилось вокругъ товарища, которому медвѣдь разорвалъ плечо. Снизу поднимались въ гору человѣкъ двѣнадцать, несшихъ на длинной жерди громаднаго кабана, убитаго все тѣмъ-же бояриномъ Порѣемъ.

— Сюда! сюда!—кричалъ онъ людямъ, которые несли кабана:—обойди съ этой стороны! Клади здѣсь!... Эхъ вы, охотники! Закона не знаютъ! Битымъ бокомъ вверхъ кладутъ звѣря! Поверните его! Да пошевеливайтесь, размазня кіевская!

— Да, ударъ хорошъ!—сказалъ бояринъ Ратиборъ, любуясь на узкую рану подъ лопаткой звѣря. — Стемировскій настоящій ударъ. Это Стемиръ, старинный богатырь, любимецъ княгини Ольги, такъ-то, говорятъ, убивалъ кабана, не копьемъ, какъ мы грѣшные, а мечемъ.

— Молодецкій ударъ!—замѣтилъ бояринъ Перенѣгъ, поднимаясь на локоть.

Боярскій сынъ Вышата, сынъ новгородскаго посадника, какъ человѣкъ еще очень молодой, ничего не сказалъ и молча любовался и завидовалъ силѣ и вѣрности удара.

Порѣй, полюбовавшись своею добычей, опять опустился на коверъ, заложилъ руки подъ голову и сталъ спокойно смотрѣть на ясное полуденное осеннее небо.

— Не житье здѣсь у васъ, а масляница! — сказалъ онъ, наконецъ, не обращаясь ни къ кому особенно.—Этакъ жить— и умирать не надобно.

— Чѣмъ же у васъ-то худо, дяденька Порѣй?—спросилъ его молодой Вышата.

— Какое у насъ житье?—спросилъ Порѣй:—а такое, что мы съ корочки на корочку во Владимірѣ перебиваемся, и все богатство наше: два вѣника въ коробѣ, да мышь въ подпольѣ. Ты развѣ не знаешь, что мы съ Ростиславомъ хоть и князья, да не настоящіе. Ростиславъ не сынъ былъ покойному князю Ярославу, а внукъ, такъ у него по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Пятерымъ живымъ сыновьямъ раздѣлилъ русскую землю, а послѣ покойнаго старшаго сына княжескаго сынъ Ростиславъ, старшій стало быть внукъ, и такъ живетъ. Что дяди изъ милости дадутъ, тѣмъ и живемъ. Дали сначала Ростовъ для прокормленія. Ну, пожили тамъ лѣтъ пять; умираетъ дядя Вячеславъ Ярославичъ, стало быть Смоленскъ опростался. Мы въ Кіевъ къ старшему дядюшкѣ. Такъ что же ты думаешь? Собрались братья совѣтъ держать: какъ тутъ быть? а моего-то князя и на совѣтъ не пустили, младшаго дядю Игоря перевели въ Смоленскъ, а насъ во Владиміръ. Оно бы и не худо: червенскіе города богаты, земля плодородна, да вотъ бѣда, земли-то, что къ городу Владиміру тянули, всѣ отошли къ Кіеву, а намъ одинъ городъ достался: выѣхать некуда, взять нечего, и стали мы жить да поживать, съ запасомъ, нечего сказать: на печи въ рѣшетѣ три засушенки. Терпимъ бѣду, а вся вина князя Ростислава въ томъ, что его отецъ, князь Владиміръ Ярославовичъ, изо всѣхъ Ярославичей старшій, раньше отца померъ, не побывавъ княземъ. Я тебѣ говорю бѣда такая, что своры собакъ держать не на что. Хорошо. Умираетъ у насъ младшій дядя Игорь Ярославичъ, что былъ переведенъ изъ Владиміра въ Смоленскъ. Князья не съѣхались тогда же, а кіевскій и послалъ въ Смоленскъ своего посадника. Всеволодъ тогда изъ Переяславля воевалъ съ торками, и вотъ нынче опять отъ этихъ кочевыхъ разбойниковъ отбиваться надо было. Теперь только настоящій

опять съѣздъ и совѣтъ княжескій, вотъ мы и пріѣхали. Только, видно, правду говорили старики, что на чужой совѣтъ до зова не ходи. Совѣщались они втроемъ, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, а племянника Ростислава только ласковыми словами угощали, а впрочемъ—знай кошка свое лукошко. Вотъ пошлюсь я на дяденьку Перенѣга: не обидно это родному старшему внуку князя Ярослава?

— Обидно, точно,—отвѣчалъ Перенѣгъ, бояринъ черниговскаго князя Святослава;—на что обиднѣе этого? Сыновья перемрутъ, это отъ Бога такъ установлено, настанутъ внуки, каждый внукъ что нибудь получитъ, а старшему внуку ничего. На что хуже? Только дѣло это такое, что ничего не подѣлаешь, стало быть и обижаться нечего. Тебѣ-бы надо весны, а теперь осень: такъ что же станешь дѣлать? Обижайся сколько хочешь, а дѣлу не поможешь, весна зиму не перескочитъ тебѣ въ угоду. Князь Ярославъ такъ завѣщалъ, и перемѣнить его волю живой человѣкъ не можетъ. Надо-ли исполнять завѣщаніе, или не надо? И князь Ярославъ могъ распоряжаться своею волостью, или не могъ?...

— Вотъ какъ?—возразилъ Порѣй съ большой живостью:—говоришь ты хорошо, да не дѣло, заложилъ прямо, а поѣхалъ криво. Только, братъ, какъ ни хитри, а правды не перехитришь. Неужели-же всякое завѣщаніе исполнять надо? А если оно не отъ ума сказано? Если я, напримѣръ, завѣщаю, что послѣ моей смерти внука моего Ростислава на двадцать третій день повѣсить на осинѣ? Что же? Ты веревку готовить станешь? Нѣтъ, впереди всякаго завѣщанія, по-моему, должна стоять правда. Внуковъ у Ярослава столько-то, ну и раздѣли волость на столько частей, и—любезное дѣло: сиди всякій самъ по себѣ, владѣй съ Богомъ, ѣшь, пей, веселись...

— Все это такъ,—отвѣчалъ старый бояринъ кіевскаго князя Изяслава, Чудинъ, до тѣхъ поръ дремавшій и схватившій только послѣднія слова:—только объ одномъ за-

были, о русской землѣ: одна это земля? Есть-ли у этой земли враги? Приходятъ торки и половцы? Разбираютъ они, который участокъ чей? Разоряютъ они землю или нѣтъ? Надо ихъ отгонять и бить, или не надо? И если на пятьсотъ правнуковъ земля раздѣлится, не придется-ли имъ все-таки выбрать одного старшаго, чтобы вести всѣхъ на половцевъ?

— Что ты, что ты, дяденька Чудинъ!—вскричалъ пылкій Порѣй:—развѣ я противъ старшинства говорю? Старшинство дѣло святое, противъ старшинства ни у кого языкъ не поворотится.

— Ну то-то же!—сказалъ спокойно и разсудительно Чудинъ.

— И такое это святое дѣло—старшинство,—прибавилъ Порѣй,—что по настоящему Ростиславъ-то старше Изяслава. По настоящему, вся власть надъ русскою землею была дана Богомъ князю Ярославу; отъ него она должна перейти цѣликомъ, нетронутая, либо къ старшему сыну, либо ко всѣмъ сыновьямъ поровну. Я и такъ согласенъ, и такъ не прочь, какъ угодно. Старшій сынъ былъ Владиміръ; въ его кровь перешла вся отцовская власть надъ русскою землею. Онъ умеръ, но его кровь не умерла, потому что у него остался сынъ Ростиславъ: вся дѣдовская власть скопилась въ крови Ростислава, такъ что онъ выходитъ самый старшій. Что? Это не нравится дяденькѣ Чудину? Изволь, можно повернуть все дѣло, только все не по-вашему. Если старшинство, только настоящее старшинство пустяки, такъ надо дѣлить всѣмъ сыновьямъ поровну, а долю старшаго сына, Владиміра Ярославича, отдать его сыну Ростиславу. И никакими силами не натянешь на то, чтобы Ростиславу слѣдовало голодомъ сидѣть.

— Какая это жалость, погляжу я,—тихо сказалъ кіевскій бояринъ,—что князь Ярославъ тебя не спросилъ, когда собрался умирать. Вотъ, дескать, умираю, бояринъ! Волость

у меня большая, какъ съ ней быть? Разсуди, Христа ради!

— Да, вамъ, кіевскимъ, хорошо такъ-то говорить!—отвѣчалъ Порѣй,—вы тутъ сидите, мѣстечки свои нагрѣли; а вотъ какъ нашему брату, что ни кола, ни двора, а сердце-то яро, мѣста мало, расходиться негдѣ, ну и заботишься, и хлопочешь, хоть иной разъ и бьешься какъ рыба объ ледъ, по-пустякамъ. А дѣлать нечего: хочешь ѣсть калачи, такъ не сиди на печи. А вотъ мы тутъ и вовсе на печи засидѣлись, и медвѣди-то въ лѣсу болятъ по насъ и сохнутъ. До вечера, по настоящему, надо бы еще парочку зашибить.

— Люблю молодца за обычай!—сказалъ бояринъ Чудинъ, поднимаясь съ мѣста:—видно, сердце у тебя горячо да отходчиво!

— Нѣтъ, дяденька, не то,—возразилъ бояринъ Порѣй:— а князь Ростиславъ меня все дразнитъ тѣмъ, что «скоръ—тороппивъ—обувшись—парится!» а матушка покойница говаривала про меня, что «рожа негожа, а душа пригожа!» А что ты про меня думаешь, такъ я отсюда вижу, хоть и не говори: ты вспоминаешь, какъ «овсяная каша хвалилась, будто съ масломъ родилась».

— Ну нѣтъ, голубчикъ бояринъ!—сказалъ подпоясываясь Чудинъ:—я думаю другое, что «невеличка мышка, да зубокъ остеръ», вотъ что я думаю, если тебѣ правду сказать. Какъже мы теперь? Кабана опять поищемъ, или медвѣдя? За оленемъ не угоняться теперь, потому что кони притомились...

И весь таборъ зашевелился, старшій доѣзжачій подъѣхалъ спросить на какого звѣря ѣхать, получилъ приказъ отъ стараго боярина Чудина и поѣхалъ впереди всѣхъ по хорошей тропинкѣ. За нимъ потянулись охотники съ собаками, а потомъ бояре. Сынъ новгородскаго посадника Остромира, молодой Вышата, поѣхалъ рядомъ съ Порѣемъ и заговорилъ съ нимъ вполголоса.

— Неужели князь Ростиславъ еще станетъ терпѣть такую неправду? Вѣдь десять лѣтъ прошло со смерти Ярослава; волости опрастываются, а ему все ничего.

— А ты это какъ? Съ чьей стороны подъѣзжаешь?— спросилъ Порѣй, бокомъ посматривая на него.

— Я новгородецъ!—отвѣчалъ сдержанно Вышата,— и подъѣзжаю къ людямъ только отъ себя, съ своей стороны, не съ торговой. Я не лисица, бояринъ, а скорѣй изъ волковъ, и тоже умѣю вцѣпиться въ горло, если не остережешься...

— Ну, ну, ну! Браниться бранись, а на миръ слово покидай! Щекотки ты боишься, это хорошо, только на меня ты не сердись: мы съ Ростиславомъ, какъ кабанъ на угонкахъ, должны иной разъ огрызаться, да пощелкивать клыками. Наше счастье комомъ сжалось, это правда; но если подумать хорошенько, то выйдетъ, что волка ноги кормятъ... Ты какъ объ этомъ думаешь, Вышата Остромировичъ?

— Я такъ думаю,—отвѣчалъ Вышата,—что ноги годятся только тогда, когда зубы не забудешь съ собой захватить...

— А развѣ не слыхалъ поговорки, что у добраго волка и на хвостѣ зубы есть?...

Но въ лѣсной чащѣ послышался собачій лай, и бояре прибавили шагу, условившись вечеромъ въ Кіевѣ потолковать по-душѣ.

Въ это время въ Кіевѣ князья русской земли, старшій Изяславъ, второй Святославъ и третій Всеволодъ Ярославичи вели важную бесѣду: старшій братъ разспрашивалъ о доходахъ племянниковъ и о дружинахъ, какія могутъ они содержать. При нихъ были еще бояре, кромѣ младшихъ, отпущенныхъ погулять на охоту, въ заповѣдный Олеговъ лѣсъ. У Изяслава былъ бодрый, умный старикъ Тукы, родной братъ боярину Чудину, человѣкъ грамотный, изъ самыхъ старыхъ учениковъ еще первой на Руси школы, устроенной Владиміромъ. Съ княземъ Святославомъ былъ Бернъ, не очень толко-

вый, но необыкновенно храбрый витязь, уроженецъ черниговскій, хотя родомъ и варягъ. Съ княземъ Всеволодомъ пріѣхалъ бояринъ Никифоръ, ловкій грекъ, пріѣхавшій изъ Царяграда вмѣстѣ съ царевной, когда она была привезена въ Кіевъ и вышла за любимаго сына князя Ярослава.

— Пуще всего надо стараться,—говорилъ старшій князь Изяславъ,—чтобы дѣти не засиживались подолгу на одномъ мѣстѣ, чтобы они не думали, будто волости имъ даны на вѣки вѣчные. Пусть владѣетъ, живетъ, кормится, а изъ-подъ руки отцовской не выходитъ, пусть у отцовскаго стремени ходитъ. Мало-ли что можетъ случиться? Непріятель придетъ, надобно, чтобы всякій князь былъ на готовѣ, идти куда велитъ отецъ и съ дружиною; а заживись онъ на одномъ мѣстѣ, такъ пожалуй подумаетъ, что онъ самъ себѣ господинъ, и дѣтямъ, и внукамъ своимъ можетъ свою волость оставить. А этому быть никакъ нельзя, и Всеславовъ намъ больше не надо...

— Что-же?—спросилъ Всеволодъ:—чѣмъ же худо онъ намъ пособилъ въ походѣ на торковъ четыре года тому назадъ? И пришелъ во-время, и дрался честно, и дружину свою держалъ въ рукахъ какъ слѣдуетъ...

— Эхъ, братъ!—отвѣчалъ Изяславъ:—неужли сердце твое лежитъ къ этому сорванцу? Онъ намъ вовсе чужой, хоть и родной племянникъ.

— Какъ такъ? Чѣмъ? Развѣ онъ не правнукомъ приходится роднымъ князю Владиміру, нашему дѣду родному?

— Не могу я объ немъ слышать! Не говори ты этого!—нетерпѣливо вскричалъ Изяславъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ Владиміръ отдѣлилъ Изяславу Полоцкъ, стали полоцкіе князья намъ чужіе. Неужли ты этого не понимаешь? Наша волость принадлежитъ нашему роду, Ярославичамъ, а Полоцкъ всунулся въ средину, чужой. Наша волость идетъ вся въ раздѣлъ и передѣлъ между нами и нашими дѣтьми, а его лоскута не

тронь, это, говоритъ, мой удѣлъ. Пришелъ онъ намъ помогать на торковъ, такъ словно милость какую сдѣлалъ, и похваляется, какъ будто торки и къ нему пробраться не могли, да еще требуетъ прибавки... Меня онъ за отца не признаетъ, и выходитъ, что русская земля раздѣлилась, не въ однѣхъ она рукахъ. Вотъ этого-то я пуще всего и боюсь. Покойный отецъ, князь Ярославъ, приказалъ мнѣ быть братьямъ вмѣсто отца, велѣлъ братьямъ слушаться меня какъ отца, а онъ одинъ самъ по себѣ и меня знать не хочетъ. Въ который разъ мы съѣзжаемся толковать о строенiи земли, а онъ, знаетъ вѣдь это, и глазъ не кажетъ. На что важнѣе нынѣшняго раза? Съѣхались мы за тѣмъ, чтобы дополнить отцовскiй законъ, Русскую Правду, а ему и горя мало! Въ полоцкой землѣ должна стоять таже Правда, а онъ что? Онъ бѣглыхъ холопей нашихъ укрываетъ, конокрадамъ притонъ даетъ, а посылаешь къ нему отрока, поискать виноватаго или пропажи, такъ онъ и корму ему не даетъ; просто, отроку приходится хоть съ голоду помирать. Этого терпѣть нельзя и я его, погодите, какъ нибудь притисну, такъ что онъ запоетъ чужимъ голосомъ. Стало быть надо, чтобы молодые князья не привыкали къ одному мѣсту, чтобъ они постоянно двигались. Свою молодежь я такъ и держу: то Мстиславъ поживетъ во Псковѣ, то Ярополкъ, то Святополкъ, такъ и мѣняю. А какъ ты съ дѣтками, братъ Святославъ?

— Ну, мнѣ это потруднѣе,—отвѣчалъ Святославъ,—у меня вѣдь пятеро молодцовъ: Глѣбъ, Романъ, Давидъ, Олегъ и Ярославъ. Глѣбъ въ Тмуто则кани пока живетъ, да я пожалуй его оттуда приму, пошлю Романа, остальные молоды очень...

— А у меня пока одинъ,—сказалъ Всеволодъ,—а дальше что Богъ дастъ: ростетъ молодцомъ и хоть ему нѣтъ еще полныхъ одиннадцати лѣтъ, однако читать уже научился, пи-

сать учится. Эти учителя изъ грековъ хороши, надо правду сказать...

— Знаю, знаю твоего Владиміра,—отвѣчалъ Изяславъ:— вѣдь его крестилъ еще покойный нашъ отецъ и назвалъ Васильемъ, а ты его прозвалъ по-гречески Мономахомъ. Какъ не знать! Мой бояринъ Тукы ведетъ всѣмъ князьямъ русскимъ особый родословный списокъ...

— Неужели-же и у насъ не ведутся такіе списки?—сказалъ Святославъ:—При нашемъ порядкѣ старшинства безъ этого нельзя. Конечно, дай Богъ тебѣ прожить еще сто лѣтъ, любезный братъ; но если я тебя переживу, я сяду въ Кіевѣ, послѣ меня братъ Всеволодъ, послѣ него твой старшій сынъ Мстиславъ, тамъ мой старшій Глѣбъ... Тутъ какъ можно! Тутъ и одинъ день старшинства много значитъ: однимъ только днемъ раньше родился, а когда по Божію изволенію придетъ очередь, можетъ сѣсть въ Кіевѣ и на двадцать лѣтъ пересидѣть брата, который только днемъ позже родился.

— Все это вѣрно и ясно какъ день,—сказалъ медленно бояринъ Тукы,—только у меня въ спискѣ выходитъ маленькое затрудненіе. Послѣ покойнаго Владиміра Ярославича остался сынъ Ростиславъ; онъ изо всѣхъ внуковъ Ярослава старшій, и послѣ сыновей первымъ долженъ-бы сѣсть въ Кіевѣ. Какъ съ нимъ быть? Останется онъ въ спискѣ, или не останется?

— Экая ты упрямая голова!—отвѣчалъ ему Изяславъ:— тридцать разъ мы объ этомъ толковали, а ты все за свое! Сидѣлъ-ли его отецъ на княжеской волости самъ по себѣ, или не сидѣлъ? Нѣтъ, никогда! Ну, и не годится, такъ и помѣть, что если онъ триста лѣтъ проживетъ, а въ очередь не попадетъ. Значитъ—изгой. Такъ и пиши противъ его имени что изгой, стало быть ни онъ, ни его дѣти, ни внуки, ни правнуки никогда въ Кіевѣ не сядутъ, а что дяди дадутъ, тѣмъ и будетъ доволенъ.

— Это я довольно отъ тебя слышалъ,—сказалъ бояринъ, принимаясь за перо:—только все не при князьяхъ; а если они согласны, то я такъ и напишу: изгой.

Святославъ и Всеволодъ изъявили свое согласіе, и точный, неторопливый бояринъ своею рукою противъ имени князя Ростислава написалъ: съ приговору князей Изяслава, Святослава и Всеволода изгой.

— Ну, а теперь какъ съ сыномъ покойнаго князя смоленскаго Вячеслава Ярославича, Борисомъ?—продолжалъ невозмутимый бояринъ.—Отецъ его княземъ былъ наравнѣ съ другими братьями, отъ отца Ярослава получилъ волость.

Князья переглянулись и задумались, каждый стоялъ за себя и за своихъ дѣтей; каждому хотѣлось, чтобы наслѣдниковъ, кромѣ его сыновей, было какъ можно меньше, но въ тоже время всякій могъ бояться, что онъ умретъ, не дождавшись своей очереди быть кіевскимъ княземъ, и на такой случай надо было позаботиться объ участи дѣтей.

— И съ этимъ вопросомъ не въ первый разъ пристаетъ ко мнѣ мой старый другъ, бояринъ Тукы,—продолжалъ князь Изяславъ;—онъ все хочетъ, чтобы было ясно постановлено и укрѣплено. А по-моему это одинъ пустой разговоръ. До Бориса когда еще дойдетъ очередь? И прежде всего, я, слава Создателю, живъ. Послѣ меня чередъ брату Святославу, тамъ пойдетъ Всеволодъ; если его переживетъ мой старшій сынъ Мстиславъ, то его будетъ очередь; послѣ его смерти старшимъ останется Глѣбъ Святославичъ; послѣ него мой Ярополкъ, за нимъ Романъ Святославичъ, за нимъ Давидъ Святославичъ, потомъ опять мой сынъ Ростиславъ, дальше пойдетъ Василій Мономахъ Владиміръ Всеволодовичъ, а тамъ ужь Борисъ Вячеславичъ, если за нимъ признать право на кіевскій столъ. Такъ мнѣ кажется не рано-ли объ этомъ разсуждать?

— Ни мало не рано,—возражалъ неумолимый Тукы:—

у меня въ спискѣ еще два такіе-же князя, сыновья покойнаго князя смоленскаго Игоря Ярославича, Давидъ и Даніилъ. Они ростутъ у насъ въ Кіевѣ, князь Изяславъ ихъ кормитъ и поитъ; они подростутъ, спросятъ или отцовскихъ волостей, или чего нибудь да спросятъ. Человѣкъ такъ уже устроенъ, что онъ чего нибудь себѣ спрашиваетъ...

Святославъ черниговскій сталъ говорить, что сироты—такіе-же князья, что несправедливо было-бы отнимать у нихъ отцовское наслѣдіе; но кіевскій Изяславъ заспорилъ противъ наслѣдія, противъ отчины.

— Пойми ты, братъ, что наслѣдіе, отчина, волость у насъ одна,—русская земля, а въ ней стольный городъ Кіевъ, а все остальное дается князьямъ только на прокормъ, да еще какъ? Ты живешь въ Черниговѣ, а въ управленіе дано тебѣ и Бѣлоозеро, и Тмуторокань, и Муромъ въ трехъ разныхъ концахъ земли. Всеволодъ сидитъ здѣсь, рядомъ, въ Переяславлѣ, а ему дано и поволжье, и Суздаль, и Ростовъ, стало быть съ тобой черезполосно, такъ что одной земли какому нибудь одному князю никакъ не выкроить. А изъ-за чего такъ устроено? Чтобы никто и не думалъ, будто что нибудь есть мое, или твое, или его, а все это одно, цѣльное, наше.

— Ну, это очень ужь невыгодно,—замѣтилъ Всеволодъ;—и если такъ, то наше положеніе не лучше какого нибудь князя Ростислава, не лучше какого нибудь боярина, который заселилъ себѣ покупными невольниками жалованный княземъ кусокъ земли, поставилъ хоромы, да ужь и знаетъ, что это его собственныя, на вѣки вѣчные, что и сынъ его будетъ тутъ жить спокойно, и внуку достанется, и правнуку. А у меня-то, у русскаго князя что-же есть?

— А во-первыхъ его—вся русская земля, вмѣстѣ съ тѣмъ бояриномъ, которому живется такъ спокойно,—возразилъ Изяславъ;—а во-вторыхъ, кто-же князю мѣшаетъ насе-

лить себѣ хорошій клокъ земли холопями? Земли у насъ довольно, слава Богу!

— Спасибо, братецъ!—отвѣчалъ Святославъ:—заселитъ мой сынъ землю въ Ростовской волости, а потомъ судьба посадитъ его въ Кіевъ, такъ все и пропало! Холопи разбѣгутся, земля раздѣланная заглохнетъ, хоромы запустѣютъ, весь трудъ и всѣ издержки пропадутъ...

— Я, братъ Святославъ, и не думаю,—сказалъ Изяславъ,—чтобы житье русскаго князя было очень спокойное и привольное житье, и никогда этого не скажу. Вотъ, какъ Богъ меня приберетъ, посидишь въ Кіевѣ, такъ и увидишь, что боярину много спокойнѣе живется...

Еще долго совѣщались князья, но о сыновьяхъ покойныхъ братьевъ своихъ, Вячеслава и Игоря, ничего не постановили, и бояринъ Тукы, не терпѣвшій неясности, написалъ въ своемъ спискѣ, противъ именъ молодыхъ князей: «съ приговору князей Изяслава, Святослава и Всеволода оставлены подъ сомнѣніемъ: земли давать въ управленіе можно, а такъ какъ отцы ихъ въ Кіевѣ не сидѣли, то о Кіевѣ имъ никогда не думать, если только князья не передумаютъ и не постановятъ другое.»

— Что ты тамъ кропаешь такъ долго, дружище Тукы?—спросилъ его Изяславъ. А бояринъ между тѣмъ окончилъ свою запись и твердо прочиталъ ее. Князья посмѣялись, что такого нерѣшенаго дѣла можно было и не записывать; но Тукы не смущался этимъ смѣхомъ и сказалъ, что нерѣшеное дѣло не давало-бы ему спокойно спать. Когда-же ему замѣтили, что рѣшеніемъ дѣла онъ называетъ самое нерѣшительное о немъ постановленіе, то бояринъ предложилъ имъ это подписать.

— Лѣтъ черезъ десять, можетъ быть, господа князья, или черезъ двадцать,—сказалъ онъ,—вы вздумаете справиться какъ вы на это дѣло сегодня смотрѣли, вотъ и прочтете. А теперь всѣ дѣла сдѣланы, и можно идти отдыхать.

Просимъ прощенья!»—И старый бояринъ пошелъ изъ горницы, забравъ съ собою свитки и бумаги.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, вошелъ въ палату молодой человѣкъ необыкновенной красоты, высокій, стройный, съ открытымъ лицомъ, опушеннымъ еще молодою бородкой. Румянецъ игралъ у него во всю щеку; русые кудри падали на плечи; тонкій станъ его охватывалъ короткій кафтанъ; на золотой перевязи висѣлъ широкій варяжскій мечъ въ золотыхъ ножнахъ. Князь Изяславъ нахмурился, когда его увидѣлъ; князья Святославъ и Всеволодъ смотрѣли старшему брату въ глаза, ожидая что будетъ: имъ не хотѣлось быть свидѣтелями непріятнаго объясненія старшаго князя съ племянникомъ-изгоемъ Ростиславомъ. Строгій вопросъ чуть было не слетѣлъ съ языка Изяслава; но красавецъ Ростиславъ предупредилъ его.

— Я встрѣтилъ боярина Тукы,—сказалъ онъ весело;—вижу, что, стало быть, совѣтъ кончился, чужому человѣку войти можно. Пришелъ я сказать вамъ, дядюшки любезные, спасибо за хлѣбъ за соль и проститься.

— А! ты ѣдешь? ну съ Богомъ!—сказалъ Изяславъ:—да не надо-ли тебѣ денегъ? Пошли сюда казначея, я велю тебѣ дать гривенъ сотню.

— На добромъ словѣ спасибо, дядя, — отвѣчалъ Ростиславъ, тряхнувъ кудрями: — только, признаться, я ожидалъ на дорогу другаго.

— А, все того же? Земли?—спрашивалъ старшій князь.

— Ожидалъ того, что мое; ожидалъ, что у дядей есть совѣсть; думалъ, что ваша сила можетъ уступить моему праву,—отвѣчалъ спокойно Ростиславъ;—дѣлать нечего, останусь при томъ, что получилъ отъ отца, а кланяться и принимать подачки больше не стану.

— Ты, другъ любезный, кипятишься понапрасну, —сказалъ спокойно князь Изяславъ; — я всему роду нашему

отецъ, и приказываю тебѣ эту дурь изъ головы выкинуть. И чѣмъ ты отцовскимъ думаешь жить? Покойный братъ нашъ ничего не оставилъ...

— Немного, а оставилъ,—сказалъ Ростиславъ, хватаясь за ножны своего меча лѣвою рукою: — одного золота на ножнахъ фунта два будетъ, а что внутри, такъ никакими золотыми горами не купить: отъ дѣда моего Ярослава этотъ мечъ переходитъ старшему въ родѣ, а я, не во гнѣвъ вашей милости будь сказано, старшій въ родѣ!

Онъ гордо взглянулъ на князей, повернулся и пошелъ.

— Эй, Ростиславъ, не дури!—крикнулъ ему вслѣдъ Изяславъ:—не наживи себѣ бѣды! —Ну, и пропадетъ ни за грошъ мальчишка: уѣдетъ куда нибудь служить, къ нѣмецкому императору, пожалуй: съ него это станется...

Въ самомъ дѣлѣ, вечеромъ того-же дня изгой Ростиславъ уѣхалъ изъ Кіева въ западныя ворота; съ нимъ видѣли боярина Порѣя, видѣли сына новгородскаго посадника Вышату, только-что вернувшихся съ охоты; было еще четверо молодыхъ людей, все бодрые такіе, веселые. Провожалъ ихъ кіевскій бояринъ Чудинъ верстъ на пять за городъ, и все время Порѣй болталъ безъ умолку, и на прощанье, когда путники пустили лошадей полною рысью, онъ крикнулъ Чудину:—«Не бойся, дяденька! не пропадемъ! Самъ-семъ и на кашу не страшно!»

Бояринъ Чудинъ искренно жалѣлъ молодыхъ людей, и твердо былъ убѣжденъ, что они ѣдутъ куда-то на свою погибель. Онъ долго слѣдилъ за ними глазами, потомъ махнувъ рукой, проговорилъ:—«Эхъ, молодо зелено! Умъ-то есть, да разошелся по закоулкамъ, а въ сердцѣ ничего не осталось! ну, и пропадутъ ни за грошъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, когда князья-братья разъѣхались изъ Кіева, князю Изяславу доложили, что Ростислава съ шестерыми спутниками народъ видѣлъ въ Васи-

левѣ, т. е. на югъ отъ Кіева, тогда какъ онъ выѣхалъ на Бѣлгородъ, т. е. прямо на западъ. Потомъ видѣли его въ степи, за Днѣпромъ. Старшій князь не понималъ куда и зачѣмъ направляется племянникъ, и очень безпокоился. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ какъ отъ князя Глѣба Святославича прискакалъ спѣшный гонецъ изъ Тмуторокани: Ростиславъ явился въ городъ съ толпою половцевъ и князя Глѣба выгналъ, а самъ сѣлъ на Тмуторокани, а князя послалъ сказать: «Кланяйся ты нашимъ сродникамъ и скажи, что старшій въ родѣ князь Ростиславъ велѣлъ имъ жить смирно, не ссориться». Князь Изяславъ едва вѣрилъ этимъ слухамъ; но когда тѣ же вѣсти пришли отъ самого Святослава изъ Чернигова, куда пріѣхалъ и выгнанный князь Глѣбъ, то пришлось повѣрить поневолѣ. Святославъ извѣщалъ, что онъ наскоро собралъ войско и идетъ опять сажать на Тмуторокани сына Глѣба, и, по обычаю, поручалъ князю кіевскому свое семейство. Изяславъ тотчасъ всхлопотался, и вѣрный совѣтникъ его, бояринъ Тукы, тотчасъ явился съ своими совѣтами. Изяславъ былъ не въ духѣ и не ожидалъ дѣльнаго совѣта отъ своего боярина.

— Да вѣдь ты за этого бунтовщика стоялъ на совѣтѣ? сказалъ князь съ недовѣріемъ.

— Нисколько не стоялъ за него, отвѣчалъ безстрастно Тукы; а представлялъ его права. Это я долженъ былъ сдѣлать, чтобы князья рѣшили какъ мнѣ было записать его въ спискѣ. А какъ записалъ изгоемъ, такъ уже и знаю, что мнѣ дѣлать и какъ на него смотрѣть. Еслибъ онъ о сю пору не былъ рѣшенъ безповоротно, такъ я можетъ быть и теперь говорилъ-бы, что у него есть право. Но у меня въ спискѣ написанъ Ростиславъ изгоемъ, и я теперь ни у кого не спрошу какъ тутъ быть. Выгнать его надо, и не только изъ Тмуторокани, но изъ Русской земли, потому что изгою жить у насъ можно, пока онъ сидитъ смирно; а какъ забурлилъ—подальше его.

— Ну и что же ты придумалъ?—спросилъ Изяславъ.

— А вотъ что. Пока князь Святославъ идетъ въ Тмуторокань сажать самъ сына, намъ можно бы поговорить съ здѣшними греками, что наѣзжаютъ къ намъ изъ Корсуня. Одолѣетъ Святославъ или нѣтъ, это еще неизвѣстно, а Корсунь съ нашими пріятелями отъ Тмуторокани близехонько, рукой подать, торговля у насъ идетъ повседневная, и можно бы ихъ подговорить насъ отъ этого Ростислава избавить, выкрасть его что ли и увезти. Греки тамъ придумаютъ, какъ сдѣлать, только непремѣнно это дѣло надобно черезъ нихъ сдѣлать...

— И есть у тебя здѣсь такіе греки, напримѣръ, которые поймутъ это дѣло?—спросилъ Изяславъ.

— Очень довольно здѣсь грековъ,—отвѣчалъ Тукы,—и есть такіе, что на полусловѣ все понимаютъ. Оно же и не трудно догадаться, что имъ прямая выгода—сдѣлать удовольствіе кіевскому князю. Какія деньги они здѣсь наживаютъ—страсть!

— Ну, и дѣло, бояринъ,—сказалъ Изяславъ, положа руку на плечо своего вѣрнаго совѣтника. Это ты придумалъ такъ ловко, что хоть бы греку такъ впору! Поговори съ ними, голубчикъ.

Но пока шли переговоры, пока установлялась цѣна предательства, времени прошло не мало, и пришли вѣсти, что Святославъ благополучно пришелъ въ Тмуторокань и Ростиславъ не хотѣлъ съ дядей биться и уѣхалъ за рѣку Кубань въ горы къ касогамъ, а князь Глѣбъ посаженъ на старое мѣсто.

Святославъ пошелъ въ обратный путь и недоходя Переяславля распустилъ войско и отдохнувъ дня два у брата Всеволода, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Кіевъ. Князья хвалили племянника Ростислава, у котораго столько-то совѣсти осталось, чтобы не поднять меча противъ дяди, и почти прощали ему смѣлый набѣгъ его на Тмуторокань. Не прошло и еще двухъ дней, какъ самъ князь Глѣбъ явился въ Кіевѣ какъ снѣгъ на голову. На разспросы отца, онъ горько жаловался, что Рости-

славъ его кровно обидѣлъ, пришелъ съ касогами, съ этими свирѣпыми горцами, взялъ его въ плѣнъ, обласкалъ, разцѣловалъ, накормилъ, напоилъ и сказалъ, что ежели онъ еще разъ придетъ въ Тмуторокань, то онъ ему обрѣжетъ носъ и уши.

— И какъ ты, батюшка князь, хочешь,—говорилъ онъ со слезами—а я въ эту касожскую землю больше не пойду ни за какія сокровища. Тамъ хорошо, слова нѣтъ, тамъ и зимы почти совсѣмъ не бываетъ и рыбы столько, что ее дѣвать некуда, и торговля съ этими греками корсунскими и цареградскими идетъ горячая; только съ этими касогами ладу никакого нѣтъ. И братъ Ростиславъ у нихъ какъ свой, и слушаются они его какъ своего князя.

Когда бояринъ Тукы узналъ что и какъ было, когда онъ услышалъ, что въ провожатые Ростиславъ далъ Глѣбу молодаго Вышату Остромировича, сына новгородскаго посадника, такъ у него мелькнула мысль, что князя Глѣба теперь всего удобнѣе отправить въ Новгородъ. Князь слабъ именно на столько, сколько нужно, чтобы Новгородъ сидѣлъ смирно, а посадникъ Остромиръ сдѣлаетъ все угодное кіевскому князю, только-бы на него не пала вина сына, который пособляетъ въ междоусобной войнѣ. Князья долго совѣщались какъ быть дальше съ бунтовщикомъ-изгоемъ и рѣшили отдать все это дѣло боярину Тукы, чтобы онъ устроилъ его какъ знаетъ черезъ корсунскихъ грековъ. Такъ и записалъ угрюмый бояринъ въ своемъ спискѣ, и такое рѣшеніе далъ подписать князьямъ. Дяди можетъ быть не знали, что они подписываютъ смертный приговоръ своему племяннику.

Но не успѣли они успокоиться, какъ пришли вѣсти о великомъ бѣдствіи во Псковѣ отъ другаго племянника. Полоцкій князь Всеславъ подступилъ къ Пскову и обложилъ его со всѣхъ сторонъ. Старый Тукы прибѣжалъ съ этимъ извѣстіемъ къ князю, а князь уже слышалъ и посылалъ за своимъ вѣрнымъ совѣтникомъ.

— Ну, что же мы съ этимъ разбойникомъ будемъ дѣлать?—спросилъ князь.

— Да что съ нимъ дѣлать?—отвѣчалъ Тукы:—повоевать его надобно, да какъ нибудь постараться захватить, да и засадить въ крѣпкое мѣсто, чтобы въ другой разъ не думалъ выходить изъ положенныхъ предѣловъ. Извѣстно, племянникъ противъ дяди ничего не смѣетъ...

— Эхъ, ты все свое толкуешь, бояринъ!—вскричалъ Изяславъ:—не то бѣда, что онъ противъ дяди пошелъ, а то, Русская земля такъ-то распадется. Едина Русская земля или не едина?

— Это я не знаю,—отвѣчалъ бояринъ, развертывая свой свитокъ съ именами князей,—а только по списку этого не видно. Что дальше Богъ дастъ, не знаю, а пока на Руси пять владѣтелей.

— Да развѣ я имъ всѣмъ не вмѣсто отца поставленъ? Развѣ не я—глава всей Русской земли?

— Вѣрно ты говоришь, глава! Такъ у меня въ спискѣ написано; только нигдѣ этого не видано, чтобы голова у рукъ спрашивалась, а что, господа руки: не скинуть-ли мнѣ шапку, не надѣть-ли шеломъ? Не видано также, чтобы у рукъ было свое дѣло, помимо того, которое надобно головѣ.

— Это, братъ, я двѣнадцатый годъ отъ тебя слышу!—возразилъ князь:—а все ты мнѣ не скажешь какъ-же тутъ быть?

— Я пробовалъ говорить,—отвѣчалъ бояринъ;—да ты тогда мнѣ далъ такой нагоняй, что я и закаялся...

— Что? Это ты Святополка окаяннаго хотѣлъ изъ меня сдѣлать? Чтобы я руку поднялъ на братьевъ родныхъ? Нѣтъ, ты мнѣ лучше объ этомъ не заикайся, а то я разсержусь по тогдашнему. Я братьямъ своимъ и всему роду Ярославову отецъ; а какой отецъ дѣтей своихъ истребляетъ? Это и у волковъ не слыхано. Еслибъ у тебя хоть немного совѣсти было,

такъ ты не запкнулся бы объ этомъ. А ты скажи что нибудь другое, поновѣе.

— Ничего не придумаю, князь, развѣ оставить дѣло какъ есть, да послать кого нибудь къ князю Всеславу сказать ему спасибо, что онъ наши земли разоряетъ...

— Экій упрямый старикъ!—вскричалъ князь;—Всеслава, конечно, наказать надо...

— Вотъ, что дѣло, то дѣло! Стало быть прежде всего посылаемъ мы гонцовъ: одинъ ѣдетъ къ Остромиру, чтобъ онъ сейчасъ собралъ, что можно, новгородцевъ и шелъ выручать Псковъ. Другой ѣдетъ въ Черниговъ къ князю Святославу, чтобы шелъ съ полкомъ своимъ къ Пскову; третій за тѣмъ же ѣдетъ въ Переяславль къ Всеволоду; четвертый зоветъ тысяцкаго кіевскаго Косничка сюда, чтобы въ кіевѣ собиралось наше войско.

— Ладно,—сказалъ Изяславъ;—пятый ѣдетъ тоже въ Псковъ къ Всеславу и везетъ ему наше увѣщательное письмо.

— Вотъ пятаго-то гонца и не нужно,—возразилъ съ живостью бояринъ;—это намъ все дѣло испортитъ: уйдетъ онъ изъ-подъ Пскова, повертитъ хвостомъ, а ты съ нимъ и помиришься.

— И слава Богу!—отвѣчалъ князь:—худой миръ лучше доброй ссоры.

— Никогда я этому не повѣрю, и хорошенькую ссору люблю. Послѣ нея всѣ дѣла становятся проще и яснѣе, тогда какъ среди плохаго мира живешь какъ въ потемкахъ и не знаешь, кто съ нами, кто противъ насъ.

Пока собирались войска, гонцы ѣздили отъ одного князя къ другому, пятый гонецъ, придуманный самимъ Изяславомъ, покончилъ все дѣло разомъ. Князь Всеславъ, получивъ увѣщательную грамату кіевскаго князя, снялъ осаду съ города Пскова и ушелъ въ свою отчину Полоцкъ. Можетъ быть увѣщаніямъ князя Изяслава помогли и вѣсти, что новгородскій

посадникъ Остромиръ собралъ новгородскихъ молодцовъ и на спѣхъ выступилъ къ Пскову. Послѣ того князь долго посмѣивался надъ своимъ бояриномъ, особенно когда шелъ дождь, бушевала на дворѣ буря и выла въ трубахъ.

— А гдѣ-бы мы теперь безъ пятаго-то гонца были?—говорилъ онъ, добродушно усмѣхаясь:—вотъ въ этакую погоду какъ подумаешь о походномъ времени, такъ и возблагодаришь Создателя, что у насъ есть горница, что на теремѣ крыша крѣпкая. Ставка, конечно, защита; но горница, изъ камня сложенная, на мой вкусъ будетъ лучше. А по твоему какъ, дяденька Тукы?

— На походъ я настаивалъ, князь, не потому, что безпокойство лучше покоя,—отвѣчалъ бояринъ;—а потому, что лучше теперь повоевать, сколько тамъ Богъ приведетъ, а за то послѣ отдохнуть хорошенько, безъ всякой помѣхи.

— Что же? ты развѣ боишься, что полоцкій Всеславъ придетъ сегодня сюда и выгонитъ насъ въ такую погоду? Не бойся, онъ мнѣ обѣщалъ миръ и повиновеніе...

— Прости меня, князь, но не бояться я не могу, потому что ничего не вѣдаю,—отвѣчалъ печально бояринъ Тукы;—ты съ нимъ переговариваешься безъ меня, а когда не знаешь, то и боишься: такова уже человѣческая природа. Знаю я только, что ни на одно слово князя Всеслава положиться нельзя, а ты полагаешься на его пустыя слова: и какъ же мнѣ не бояться?

Но князь Изяславъ былъ увѣренъ, что его отеческія увѣщанія и пряморѣчивыя убѣжденія гораздо лучше и дѣйствительнѣе предлагаемыхъ его бояриномъ крутыхъ мѣръ, и спокойно посмѣивался опасеніямъ своего осторожнаго совѣтника.

Но бояринъ Тукы видно зналъ дѣла и сердце человѣческое. Въ половинѣ зимы пришли вѣсти, что Полоцкій князь выступилъ на сѣверъ съ войскомъ, вскорѣ за тѣмъ явились и бѣглецы изъ Новгорода: князь Всеславъ разорилъ Новго-

родъ въ конецъ, нежданно-негаданно подступилъ, ворвался какъ врагъ, взялъ въ плѣнъ много народу, ограбилъ, что могъ, снялъ съ церквей колокола, у мѣстныхъ образовъ снялъ паникадила и оставилъ городъ. Посадника Остромира, который такъ скоро собралъ дружину и выступилъ противъ него въ прошломъ году, когда онъ осаждалъ Псковъ, посадилъ въ колодки и повезъ къ себѣ въ Полоцкъ.

По требованію князя Изяслава, Тукы явился къ нему угрюмый и важный, какъ всегда.

— Да ты не сердись, дяденька!—сказалъ князь, увидя нахмуренный лобъ своего совѣтника:—ну, виноватъ, ну чегоже тебѣ еще нужно? Виноватъ я, что въ прошломъ году тебя не послушалъ! Ну, не сердись, голубчикъ! Надо бѣду поправлять, я это вижу, и ты мнѣ помоги.

— Что на того сердиться, кто насъ не боится,—отвѣчалъ Тукы:—а дѣло остается такъ-же, какъ въ прошломъ году было: четырехъ гонцовъ посылать, если только ты самъ пятаго не пошлешь.

— Не поминай ты мнѣ про пятаго гонца!—вскричалъ Изяславъ;—сказано: виноватъ, а ты все свое твердишь. Старинная поговорка есть: гдѣ наболѣло тамъ не тронь, такъ ты меня не дразни. А впередъ, знай ты это, мимо тебя я шагу не ступлю.

Гонцы поскакали, и большая рать собралась. Святославъ съ черниговцами выступилъ къ Минску; Всеволодъ съ переяславцами перешелъ черезъ Днѣпръ по льду противъ Вышгорода и грозная рать двинулась, чтобы наказать святотатца, ограбившаго церкви.

— Разорить его надобно такъ,—говорилъ князь Всеволодъ, — какъ половцы насъ разоряютъ: народъ его побрать въ плѣнъ, города его пожечь, а главное—отдать новгородцамъ ихъ добро.

— А ты какъ думаешь, дяденька?—спросилъ Изяславъ боярина Тукы.

— Да ужь если война, такъ разорять! Это дѣло прямое!— отвѣчалъ бояринъ;—только надо подумать тоже, чѣмъ-же народъ-то виноватъ?—А по-моему надо-бы такъ: народъ не трогать, чтобъ онъ безъ задержки платилъ всякія дани и подати, а добыть виноватаго, да и засадить его въ крѣпкое мѣсто.

— Дѣлай какъ знаешь,—отвѣчалъ князь,—засаживай его куда хочешь, я въ этомъ противорѣчить не стану; а что бы народъ не трогать, такъ этого даже и сказать нельзя. Самъ ты подумай: идетъ войско; надо ему ѣсть, пить, или не надо? Вѣдь ни съ собой-же тащить и хлѣбъ, и скотъ и свинину: это было бы только людямъ на смѣхъ. Опять и то сказать: если народъ не истреблять, или не уводить въ полонъ, то въ чемъ же война! Велика-ли отъ войны бѣда? Встрѣтились дружины, подрались да и все тутъ. А кромѣ дружины есть войско, а войско есть главная сила, и сила эта набирается изъ народа. По настоящему, вся сила въ народѣ, такъ эту-то силу война и истребляетъ. Перебѣй у врага или уведи половину народу, это все равно, что на половину силу у него убавить. Виноватаго еще добудешь, либо нѣтъ, неизвѣстно, а убавить у него силы — всегда хорошо. Нѣтъ какъ можно! не истреблять народа нельзя, на этомъ война стоитъ...

Такъ и сдѣлали братья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, князья земли русской. Подступили къ Минску, городъ выжгли безъ остатка, жителей до послѣдняго избили, а женъ и дѣтей отдали въ полонъ своимъ воинамъ. Пошли дальше по землѣ Полоцкой, и дорогой все истребляли, хлѣбъ и скотъ съѣдали, дома жгли, лошадей уводили съ собой. Наконецъ встрѣтились съ войскомъ князя Всеслава на рѣкѣ Нѣманѣ. Дѣло было въ началѣ марта; были уже оттепели, но тутъ за-

вернулъ небольшой морозецъ, и повалилъ такой снѣгъ, что въ десяти шагахъ ничего не было видно. Поэтому стрѣлы летали зря, иногда попадая въ своихъ, и воинамъ приходилось рубиться, проваливаясь по колѣна, а иногда по грудь въ снѣгъ. Не легче стало, когда берегъ устлался убитыми: подъ снѣгомъ кровь текла съ горы, и люди проваливались въ сугробы еще глубже. Наконецъ Ярославичи одолѣли и князь Всеславъ побѣжалъ. Снѣгу такъ было много, что погони почти не было. Послѣ того сдался Витебскъ, побѣдители переждали въ этомъ городѣ распутицу, отошли отъ Смоленска и распустили войско по домамъ, оставаясь только съ небольшими дружинами.

Бояринъ Тукы не совѣтовалъ уѣзжать изъ Смоленска, не захвативъ Всеслава, и много у него было споровъ съ княземъ Изяславомъ. Одинъ говорилъ, что князь Всеславъ довольно проученъ разореніемъ многихъ городовъ и земель, а другой утверждалъ что его надобно запереть въ крѣпкое мѣсто, а безъ этого никогда мира не будетъ; братья, Святославъ и Всеволодъ, были того-же мнѣнія, и вотъ Изяславъ подписалъ грамоту къ Полоцкому князю: звалъ его подъ Смоленскъ на мирное доканчанье. На это письмо Всеславъ прислалъ князьямъ своего духовника, отца Андрея, священника Полоцкой церкви Св. Духа, взять съ князей крестное цѣлованіе въ томъ, что не сдѣлаютъ ему никакого зла. Князья приняли посла очень ласково, говорили, что съ милымъ племянникомъ станутъ держать вѣчный миръ, и крестъ поцѣловали, говоря: «Симъ святымъ животворящимъ крестомъ клянусь не мыслить и не сдѣлать никакого зла племяннику моему князю Всеславу!» Отецъ Андрей уѣхалъ съ крестомъ къ своему духовному сыну и вмѣстѣ съ нимъ пустился въ путь. Десятаго іюня его ладья остановилась, не доѣзжая Смоленска, противъ шатра князя Изяслава. Первымъ ступилъ на берегъ отецъ Андрей, высоко предъ собою держа крестъ, на которомъ князья присягали. За нимъ вышелъ Всеславъ, держа за руки двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ.

Изяславъ вышелъ на встрѣчу племяннику, оставивъ въ шатрѣ боярина Тукы распоряжаться воинами. Бояринъ отобралъ изъ дружины шестерыхъ самыхъ сильныхъ, велѣлъ имъ приготовить веревки, и какъ только Всеславъ войдетъ, насѣсть на него и связать, только такъ, чтобы боли ему никакой не дѣлать: локти связать назадъ, ноги увязать по-плотнѣе, и если станетъ кричать, то завязать ему ротъ шелковымъ платкомъ. Особенно строго наказывалъ онъ, чтобы какъ нибудь неосторожно не ранить князя.

Отецъ Андрей торжественно благословилъ Изяслава, подходившаго къ берегу, и тотъ набожно приложился ко кресту. Потомъ, когда дядя съ племянникомъ обнимались и цѣловались, добродушный священникъ, высоко взмахивая крестомъ, благословлялъ примирившихся родственниковъ и, съ благодарностью смотря на небо, благодарилъ Бога, его сподобившаго быть посредникомъ счастливаго примиренія. Когда пошли къ ставкѣ, онъ шелъ впереди, полы его передъ нимъ распахнулись, за нимъ вошелъ Всеславъ, и въ одинъ мигъ приказаніе боярина было исполнено: связанный по рукамъ и по ногамъ, князь лежалъ на землѣ, потомъ былъ поднятъ, и вынесенъ въ другую сторону. Застучали колеса телеги, быстро удаляясь. Отецъ Андрей наконецъ опомнился отъ изумленія и вышелъ къ Изяславу съ высоко поднятымъ крестомъ. Почтенный пастырь негодовалъ.

— Именемъ Бога живаго, именемъ пострадавшаго за насъ Спасителя заклинаю тебя, князь!—сказалъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва и волненія голосомъ:—прекрати это мерзкое беззаконіе!.. Или ты клятвопреступникъ и насмѣялся честному животворящему кресту? Ты, червь, ты, рабъ, пренебрегающій своимъ Господомъ! О горе! горе! О жалкій человѣкъ!

— Эй! кто нибудь!—крикнулъ Изяславъ: — убрать отсюда попа! Свести его назадъ въ Полоцкъ!

— Меня еще легко убрать отсюда,—сказалъ отецъ Ан-

дрей,—легко и съ лица земли стереть! А вотъ убери, попробуй, клятвопреступленіе! Не свезешь ты его никуда съ своей совѣсти...

Между тѣмъ отца Андрея два воина уже увлекали къ берегу, взявъ его подъ руки, а князь вошелъ въ свой шатеръ. Но священникъ, уже сидя въ лодьѣ, кричалъ: Испытаешь ты, клятвопреступникъ, гнѣвъ Господень! Горькими слезами, кровавыми слезами захочешь ты искупить злое дѣло, нарушеніе клятвы; но она какъ петля глухая захлестнула тебя и все твое потомство...

Но князь Изяславъ уже ничего этого не слышалъ, точно такъ какъ не слышалъ ничего и Всеславъ. Къ вечеру его вывезли на берегъ Днѣпра, посадили въ приготовленную барку и повезли въ Кіевъ. Тамъ посадили его въ тюрьму вмѣстѣ съ двоими сыновьями, а въ Полоцкъ Изяславъ послалъ своего намѣстника. А вслѣдъ за возвращеніемъ князя въ Кіевъ, получилось такое радостное извѣстіе, что Изяславъ устроилъ пиръ на весь міръ: засѣвшій въ Тмуторокани изгой, князь Ростиславъ Владиміровичъ, заболѣлъ и умеръ. Говорили въ тоже время, будто-бы его отравилъ корсунскій староста, нарочно за тѣмъ пріѣзжавшій изъ Корсуня, но это было уже все равно. Главная причина радости состояла въ томъ, что не стало этого безпокойнаго человѣка. Правда, что у него остались три сына, Рюрикъ, Володарь и Василько, всѣ трое младенцы, а младшій еще грудной, но ихъ опасаться было нечего: они были сыновья изгоя, стало быть вдвойнѣ изгои, почти не князья, и не могли имѣть даже тѣни какихъ нибудь правъ.

— Знаешь-ли что, старый дружище,—говорилъ какъ-то Изяславъ боярину Тукы:—съ тѣхъ поръ, какъ Полоцкѣ и въ Тмуторокани сидятъ наши люди, я помолодѣлъ, какъ-то воздухъ въ Русской землѣ очистился, и дышать стало легче. Чужихъ людей какъ будто мы изъ своей семьи выгнали, и стало

Отца Андрея два воина уже увлекали къ берегу.

все такъ просто и такъ спокойно, и такъ мирно, что просто благодать.

И часто еще князь говорилъ о томъ, какъ хорошо стало жить; оно и не мудрено: онъ чувствовалъ себя старшимъ княземъ на Руси, братья готовы были сѣсть на коня, только что онъ прикажетъ, и идти противъ всякаго врага. Къ тому же онъ сталъ и богаче. Новгородъ, который умѣлъ поправляться отъ всякихъ бѣдъ необыкновенно скоро, присылалъ богатую дань; вся Полоцкая волость платила въ Кіевъ, и платила бы еще больше, если бы не былъ разоренъ Минскъ; но можно было надѣяться, что онъ поправится, потому что мѣсто хорошее, привольное, а на выгодное мѣсто народъ какъ-то откуда-то набирался самъ собою.

Всѣмъ бы хорошо было житье князя Изяслава, если-бы не нагрянули половцы. Идутъ изъ своихъ степей, точно какъ будто ведетъ ихъ какое-то слѣпое чутье, какъ звѣри дикіе лѣзутъ на рогатины, на копья и подъ топоры, ломятъ впередъ, какъ стая медвѣдей, и широкоскулыя морды ихъ съ жиденькими бородками смотрятъ подслѣповато, но свирѣпо. Придутъ съ своими круглыми войлочными шатрами, съ табунами лошадей и верблюдовъ, станутъ на переяславскихъ покосахъ какъ хозяева, и когда княжескіе люди приходятъ ихъ прогонять, они людей убиваютъ такъ спокойно, какъ барановъ. Пойдетъ на нихъ большой отрядъ, они дерутся какъ звѣри, раненые какъ будто не чувствуютъ своихъ ранъ, умираютъ безъ стона и ропота, а живые на быстрыхъ коняхъ обскакиваютъ посланный на нихъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, и нападаютъ такъ стремительно, какъ будто никогда и отступать не придется. Князь Всеволодъ далъ знать изъ Переяславля, что ему одному не справиться. Изяславъ сѣлъ на коня, Святославъ поспѣшилъ изъ Чернигова, и князья встрѣтили кочевниковъ на берегу Альты, тамъ, гдѣ Ярославъ разбилъ когда-то Святополка. Половцы напали на нихъ какъ

сумасшедшіе, окружили почти со всѣхъ сторонъ, такъ что князья едва успѣли ускакать, Изяславъ и Всеволодъ въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Не успѣли князья опомниться, какъ народъ зашумѣлъ на торговой площади, и потребовалъ къ себѣ тысяцкаго Коснячка. Толпа на площади росла, шумѣла; приходили ратные люди, успѣвшіе спастись съ побоища на Альтѣ, и кричали громче всѣхъ. Они обвиняли Коснячка въ томъ, что онъ бѣжалъ, тогда какъ половцевъ вовсе не трудно было разбить.

— Что же вы не разбили?—кричалъ тысяцкій.

— Какъ разбить, когда тысяцкій бѣжалъ!—кричали ему изъ толпы:—веди насъ опять! давай намъ оружія и коней!

— Подите вы! гдѣ мнѣ взять про васъ оружіе! Оружіе у князя!—отвѣчалъ Коснячокъ.

— Ступай къ князю и требуй оружіе! Чего намъ тутъ сидѣть и ждать, что половцы придутъ и разорятъ наши дома!—Такъ кричалъ народъ, настойчиво требуя оружія. Въ толпѣ уже сдѣлалось извѣстно, что половцы, послѣ побѣды, разбрелись въ разныя стороны, чтобы грабить села, и потому не трудно будетъ ихъ одолѣть. Но тысяцкій отговаривался, пошелъ къ князю неохотно и вернувшись отъ него сказалъ, что князь оружія не даетъ.

— Какъ не даетъ? Чего не даетъ? Оружія много, врагъ подходитъ, разоритъ Кіевъ, дома выжжетъ... Что это за тысяцкій, это размазня!... Что это за князь, когда защищать насъ не хочетъ! Верблюда испугался, побѣжалъ опрометью!.. Пойдемъ къ князю! Неужели нашимъ семействамъ погибать? пусть онъ ведетъ насъ!...

Народъ задвигался и повалилъ всѣмъ вѣчемъ на княжескій дворъ. Дорогой набрела толпа на хоромы тысяцкаго Коснячка, чтобы захватить его съ собой; но тысяцкаго не было дома. Поэтому на княжескій дворъ толпа ввалилась безъ

всякаго толку и порядка, съ крикомъ и ропотомъ. Князь Изяславъ подошелъ къ окну и спросилъ, что надо народу.

— Коней! Оружія!—кричали ему изъ толпы:—Веди насъ, князь! Мы одолѣемъ! Тысяцкаго намъ другаго! Размазня тысяцкій!..

Князь махнулъ рукой и толпа замолкла. Князь сказалъ народу:—Ступайте по домамъ, добрые люди! Кіеву не грозитъ никакая опасность: враги побоялись нашихъ каменныхъ стѣнъ и повернули на сѣверъ. А если что и случится, то отсидимся!

— Да! отсиживаться! Этакъ они повадятся ходить за добычей къ намъ, какъ въ садокъ! Отъ воронъ этихъ отсиживаться!... Въ капусту ихъ изрубить!.. Только не съ такимъ сидячимъ княземъ!..

Народъ шумѣлъ больше, потому что князь отошелъ отъ окна. Его отозвалъ бояринъ Тукы, говоря:

— Прежде всего надо усилить стражу около тюрьмы Всеслава. Кто знаетъ, что можетъ взбрести на умъ глупымъ людямъ, когда они расходятся и сами не знаютъ чего хотятъ. Народъ вѣдь не забылъ, что Всеславъ старшій потомокъ князя Владиміра.

Князь Изяславъ охотно согласился увеличить стражу; но было поздно. Пока дѣлались распоряженія, на тюремный дворъ ввалилась еще толпа народу, которая ходила освобождать колодниковъ. Въ народѣ стали слышаться другія рѣчи:— «Въ тюрьмѣ остался одинъ князь Всеславъ съ сыновьями... Вотъ такъ князь!.. Этотъ самъ десять прогонитъ половцевъ... Этотъ задастъ имъ трезвону... Выпустимъ его... Пойдемъ...»

И тутъ уже не пособила бы никакая удвоенная стража. Какъ морская волна, высоко взбѣжавъ на берегъ, отхлынетъ иной разъ съ неодолимою силою и утянетъ съ собой цѣлыя скалы, такъ вся толпа, сколько ея не было на княжескомъ дворѣ, отхлынула къ тюрьмѣ Всеслава, разбила ее первымъ напоромъ и вывела оттуда князя Всеслава. И опять та же

волна прихлынула и поставила Всеслава на княжескомъ дворѣ. Въ это время Изяславъ съ братомъ Всеволодомъ едва успѣли сѣсть на коней и ускакать во весь опоръ, въ сопровожденіи небольшой дружины и бояръ Тукы, Коснячка и Чудина.

Это было 15 сентября (1068 г.), стало быть Всеславъ просидѣлъ въ тюрьмѣ годъ и пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ какъ сдѣлался кіевскимъ княземъ. Въ первую минуту онъ не успѣлъ помѣшать народу разграбить теремъ Изяслава: все что было вънемъ добра, мѣховъ, золота, серебра, жемчугу, все растащила жадная и глупая толпа, а на другой день люди приходили съ поклономъ къ князю Всеславу и покорно просили его суда въ какой нибудь мелкой домашней тяжбѣ.

Изяславъ забралъ въ Бѣлгородѣ свою семью и продолжалъ путь въ Польшу: онъ ѣхалъ къ своему шурину, королю польскому Болеславу II, внуку того самаго Болеслава Храбраго, который приходилъ въ Кіевъ сажать своего зятя Святополка. Болеславъ принялъ зятя очень ласково, обѣщалъ помочь ему возвратить Кіевъ и прогнать племянника, но выступать въ походъ подъ зиму отказался, боясь холодовъ и снѣговъ глубокихъ. Изяславъ зазимовалъ въ Польшѣ, хоть ему это и очень не нравилось. Онъ любилъ свой кіевскій теремъ, гдѣ было такъ просторно, гдѣ всего было запасено такъ обильно. гдѣ казна была такая богатая, а отъ младшихъ братьевъ старшему брату воздавался такой почетъ. Въ Польшѣ тоже было не дурно, но тамъ онъ былъ гостемъ, да еще гостемъ безъ казны, а тамошніе бояре привыкли своевольничать, не очень-то кланялись своему королю, а передъ пріѣзжимъ кіевскимъ княземъ, выгнаннымъ изъ своего княжества, и вовсе шапокъ не ломали. Своимъ ѣдкимъ горемъ князь Изяславъ дѣлился иногда съ своимъ старымъ совѣтникомъ, бояриномъ Тукы.

— Да, старый дружище! Плохо на свѣтѣ живется, и уже какъ ты хочешь, а я вспоминаю нерѣдко, что говорилъ попъ Андрей подъ Смоленскомъ, когда связали Всеслава!

Стой, стой, стой! Не говори своего проклятаго совѣта! Никогда бы я не согласился быть Святополкомъ! Да, и въ Смоленскѣ мнѣ не слѣдовало тебя слушать! Не надо было сажать Всеслава въ тюрьму! Встарину, когда кромѣ кулака, кромѣ чингалища булатнаго у насъ ничего не было, тогда насиліе годилось еще; а теперь есть у насъ грамота, стало быть есть переговоры, а переговорами можно все сдѣлать, до всего добиться. Вотъ напримѣръ въ Смоленскѣ—мы могли-бы такъ хорошо переговорами закрѣпить этого Всеслава, что онъ съ мѣста-бы не могъ двинуться, а мы теперь сидѣли-бы спокойно въ Кіевѣ. А здѣсь что за жизнь, Господи! У короля моего шурина воли никакой нѣтъ; мало того: нѣмецкій императоръ считается его главою, и точно, посылаетъ ему приказъ; римскій папа тоже ему главой приходится, и дѣлаетъ что̀ ему угодно черезъ епископовъ и ксендзовъ; бояре тоже дѣлаютъ, что вздумается. Болеславъ человѣкъ хорошій, слова нѣтъ, да сдѣлать-то онъ ничего не можетъ: денегъ тоже маловато, теремъ у него не великъ, живемъ какъ въ походѣ, въ ставкѣ, ничего нѣтъ, а праздники разные празднуемъ, а чтобъ хорошаго нашего стариннаго меду вечеромъ на досугѣ выпить, этого нѣтъ, подожди! Все какой-то у насъ спѣхъ, все торопятся... Нѣтъ этого покоя, какъ у насъ дома. Эхъ, правду говорится, что въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

— Порядки здѣсь, надо правду сказать, трудноваты,— отвѣчалъ старый бояринъ;—а на счетъ того, что хорошо-ли въ гостяхъ, надо признаться, что не худо, когда у человѣка нѣтъ дома, когда племянничекъ изъ дому выгонитъ. Въ Кіевѣ у него друзей много, и всѣ толкуютъ, что прирожденный-то князь русской земли онъ, старшій потомокъ князя Владиміра. Вотъ и попробуй теперь, князь, переговорами его заставить уступить Кіевъ. Нѣтъ, воля твоя, переговоры дѣло хорошее, а ножъ много лучше. Какой хочешь разговоръ переговорить можно, а хорошаго ножа вершка три всего посади

всего въ показанное мѣсто, и никакихъ переговоровъ не надо.

— Послушать тебя, дяденька, такъ подумаешь, что такого звѣря и на свѣтѣ нѣтъ другаго,—сказалъ Изяславъ, ласково трепля боярина по плечу;—а вѣдь ты курицы не обидишь, и только на словахъ у тебя кровь льется какъ вода...

— Исправь ты мнѣ мой княжескій списокъ,—отвѣчалъ Тукы,—тогда я ни слова не скажу больше; а то я, по правдѣ говоря, спутаюсь и голову потеряю...

Но списокъ княжескій исправился только черезъ триста лѣтъ послѣ Тукы, а до тѣхъ поръ все продолжалъ запутываться.

Весной (1069 г.) король Болеславъ II выступилъ въ походъ на Кіевъ съ большимъ воинствомъ. На встрѣчу ему вышелъ и Всеславъ съ кіевлянами. Князья Святославъ изъ Чернигова и Всеволодъ изъ Переяславля тоже вышли съ своими войсками; но какъ ни подсылалъ къ нимъ Всеславъ, какъ ни старался разузнать, чего они хотятъ, онъ ничего не узналъ и сталъ бояться, что когда польское войско ударитъ на него спереди, князья ударятъ сзади, и справиться будетъ нельзя.

По этому, не говоря никому ни слова, Всеславъ бросилъ въ Бѣлгородѣ свое войско и—будто сквозь землю провалился: послѣ уже стали говорить, что его видѣли на пути къ Полоцку. Безъ князя кіевскаго стало жутко. Крикуны не хотѣли и не умѣли стать впереди кіевскаго полка, и все войско возвратилось въ городъ.

— Безъ князя плохо!.. — говорилъ народъ на вѣчѣ.— Безъ князя нельзя!.. Какъ можно безъ князя!.. Это видимое дѣло: безъ князя какъ можно!.. Послать къ Изяславу, пусть идетъ, только безъ поляковъ!.. Да, какъ-же! Такъ онъ тебя и послушалъ!.. Пошлемъ къ Святославу да къ Всеволоду, пусть они насъ защитятъ!.. Святославъ крутъ, въ обиду не дастъ!.. Черниговскій, братъ, что скажетъ, то ужь сдѣлаетъ!..

Что и говорить! У него не семь пятницъ на недѣлѣ!.. Посылать такъ посылать!

Выбрали пословъ и велѣли имъ сказать князьямъ: «Мы худо сдѣлали, что прогнали своего князя, а теперь онъ ведетъ на насъ польскую землю! Ступайте въ городъ отца вашего! Если-же не хотите, то намъ нечего больше дѣлать: зажжемъ городъ и уйдемъ въ греческую землю».

Святославъ отвѣчалъ на это: «Мы пошлемъ къ брату: если пойдетъ съ ляхами губить васъ, то мы пойдемъ противъ него ратью, не дадимъ изгубить отцовскаго города; если хочетъ придти съ миромъ, то пусть придетъ съ малою дружиною».

Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ же день бояринъ Перенѣгъ отъ князя Святослава и бояринъ Никифоръ отъ Всеволода поѣхали навстрѣчу князю Изяславу и королю Болеславу II. Передовая стража привела пословъ прямо къ шатру, въ которомъ сидѣли король, князь, князь Мстиславъ Изяславовичъ, старшій сынъ кіевскаго князя, бояринъ Тукы и многіе польскіе начальники. Рѣчь держалъ бояринъ Никифоръ.

— Князь Изяславъ Ярославовичъ! — сказалъ онъ: — Братья твои, князь Святославъ и князь Всеволодъ, тебѣ шлютъ поклонъ. Всеславъ бѣжалъ: такъ не води ляховъ къ Кіеву. Противника у тебя нѣтъ, ворота Кіева тебѣ отворены, иди и не неси съ собой гнѣва; если же не перестанешь сердиться и захочешь погубить городъ, то знай, что князьямъ жаль отцовскаго стола.

— Конечно жаль,—отвѣчалъ король Болеславъ,—городъ бунтовщикъ долженъ быть примѣрно наказанъ: камня на камнѣ не должно остаться.

— Нѣтъ, Болеславъ Казиміровичъ, — замѣтилъ князь Изяславъ;—у насъ такъ не водится; если князья братья прислали мнѣ сказать, что имъ будетъ города жаль, то это означаетъ совсѣмъ другое. Послы сказываютъ у насъ посольскіе

слова мягко, а что за этими словами лежитъ, мы разспросимъ у бояръ. Все-ли вы посольское сказали, бояре?

— Все, все,—отвѣчали посланные.

— Ну такъ садитесь же съ нами и потолкуемъ, — сказалъ Изяславъ.

Послы усѣлись и мало-по-малу изъ разговоровъ стало ясно, что губить Кіева никакъ нельзя, что за него князья пойдутъ на Изяслава ратью, потому что это городъ не его, а отцовскій, дѣдовскій, что онъ принадлежитъ всей семьѣ Ярославичей и одинъ изъ нихъ не долженъ губить общаго семейнаго достоянія своею личною местью. Рѣшено, что двое трое крикуновъ, зачинщики смуты, должны быть наказаны, что польское войско возвратится домой, а съ княземъ и съ королемъ войдетъ въ городъ только небольшая дружина, человѣкъ пятьсотъ. Впередъ поѣдетъ старшій сынъ князя, Мстиславъ, съ бояриномъ Тукы, чтобы все приготовить для пріема почетныхъ гостей. На бѣду бояринъ былъ самымъ дурнымъ совѣтникомъ молодаго князя. Только что онъ въѣхалъ въ городъ, какъ принялся подъ рукою развѣдывать: кто первый посовѣтовалъ освободить Всеслава? Человѣкъ полтораста тогда разсадили по тюрьмамъ, и такъ какъ Изяслава ожидали на завтра, то бояринъ поспѣшилъ изъ нихъ семьдесять въ туже ночь удавить, а остальнымъ выколоть глаза по цареградскому обычаю. Сколько тутъ невиноватаго народу погибло понапрасну, никто не знаетъ, потому что суда не было никакого, виноватые набирались въ тюрьмы по слухамъ, а по слухамъ всякій можетъ быть виноватъ.

Изяславъ вошелъ съ поляками въ Кіевъ и никто ему не обрадовался, потому что ослѣпленные люди были выпущены изъ тюремъ, а родственники удавленныхъ рано утромъ получили тѣла для погребенія. Король Болеславъ былъ въ родствѣ съ русскимъ княжескимъ родомъ; онъ женатъ былъ на русской княжнѣ Вышеславѣ, а Изяславъ—на сестрѣ короля;

но никакой на свѣтѣ народъ не любитъ многочисленнаго войска въ своихъ стѣнахъ. Братья тоже не встрѣтили старшаго князя: узнавъ объ избіеніи людей въ тюрьмахъ безъ суда, они осердились и воротились съ дороги домой. Изяславъ не исполнилъ даннаго имъ обѣщанія и казнилъ Кіевъ безъ суда и безъ толку. Но князь не унывалъ, онъ зналъ, что переговорами онъ дойдетъ до мира съ братьями. А между тѣмъ времени онъ не терялъ и, захвативъ съ своею двужиною и польскій отрядъ, двинулся въ Полоцкъ. Князь Всеславъ, услышавъ о прибытіи русскаго и польскаго войска, бѣжалъ, а въ Полоцкѣ сѣлъ княжить старшій сынъ князя, Мстиславъ Изяславовичъ. Всеславъ проявился на устьѣ рѣки Невы и сталъ собирать тамъ удальцовъ, пришелъ съ ними къ Новугороду; но посадникъ Остромиръ не дремалъ. Въ одинъ день собралъ новгородскихъ молодцовъ и насильно задержалъ князя Глѣба Святославича. Этотъ бѣдный князь два раза бѣжалъ изъ Тмуторокани отъ брата Ростислава и думалъ, что такъ и слѣдуетъ дѣлать всякій разъ, какъ кто нибудь вздумаетъ на него нападать. Но Остромиръ не былъ на это согласенъ.

— Какъ ты хочешь, князь,—говорилъ онъ Глѣбу:—а я отпустить тебя не могу. Мои люди никакъ не удержатся, если только провѣдаютъ, что князь бѣжалъ: они подумаютъ, будто дѣло опасно и имъ не одолѣть. А съ войскомъ такъ нельзя. Бойся про себя сколько хочешь, а въ слухъ не сомнѣвайся ни въ чемъ и давай видъ, какъ будто побѣда рѣшеное дѣло. А намъ уступить вожанамъ нельзя: Вотская пятина—наша новгородская земля, и намъ все равно, съ кѣмъ пришли вожане, съ Всеславомъ, или съ кѣмъ хочешь съ другимъ, это не годится: они должны сидѣть смирно и противъ Новгорода, какъ противъ отца роднаго, не смѣть подниматься. Ужь какъ ты тамъ знаешь, батюшка князь: скрѣпись ты хоть на малое время, а не уѣзжай...

— Оставь меня, дяденька Остромиръ,—отвѣчалъ на это

князь Глѣбъ, полумертвый отъ страха:—я этихъ сраженій до смерти боюсь. Изгой Ростиславъ такъ меня разъ напугалъ, еще тамъ въ Тмуторокани, что я только подумаю о сраженіи, такъ у меня въ глазахъ потемнѣетъ...

— Ну вотъ и хорошо, такъ и будемъ знать,—отвѣчалъ посадникъ:—Ростиславъ отъ сраженія отучилъ, а Остромиръ пріучилъ. Поводья я тебѣ въ руки не дамъ, а самъ буду держать, и поѣздимъ передъ полкомъ такъ только, для видимости...

Эта-ли видимость помогла, или что другое, только новгородцы искрошили вожанъ и остатки погнали. Князь Глѣбъ послѣ того двѣ недѣли былъ боленъ, и какъ какъ сталъ поправляться, говорилъ Остромиру:—Нѣтъ, дяденька, ты этимъ не шути. Что было передъ сраженіемъ и послѣ того, какъ началась драка, я не помню, а помню только, что лежитъ отрубленная рука и къ ней прилипъ тяжолый мечъ, и прилипъ чорнымъ сгусткомъ крови. Ну, такъ я опять ничего не помню, такъ замертво и повалился. Чья это рука была, дяденька Остромиръ?

— Э, князь! Есть о чемъ толковать!—отвѣчалъ Остромиръ.—Мало-ли рукъ и головъ тамъ валялось? А ты вотъ посмотри на князя Всеслава: онъ-ли не въ самой горячей свалкѣ рубился? Онъ-ли не получилъ десятковъ двухъ ударовъ по шелому и бронѣ? А вотъ ты уже слышалъ, что опять набралъ удальцовъ, подступилъ къ Полоцку и выгналъ князя Святополка Изяславовича. Старшій-то сынъ князя Изяслава, Мстиславъ, скончался, на мѣсто его сѣлъ Святополкъ, да не долго усидѣлъ—бѣжалъ въ Кіевъ.

— Ну, Всеславъ—другое дѣло,—сказалъ Глѣбъ:—онъ кровожаденъ отъ природы; вѣдь у него въ мозгу прирожденнея язва и носитъ онъ зачарованную полячку, отъ нея-то онъ и лютъ на брани, и не можетъ не воевать. Сохрани меня, Господи, чтобы я чѣмъ нибудь былъ похожъ на этого изверга...

Между тѣмъ князь Изяславъ опять послалъ противъ пле-

мянника войско, и въ тоже время, вѣря въ силу переговоровъ, послалъ къ нему своего боярина Чудина. А переговоры были ему нужны, потому что братья все не мирились съ нимъ отъ души, не пріѣзжали въ Кіевъ, отговариваясь то недосугомъ, то нездоровьемъ. А между тѣмъ подъ рукою онъ узнавалъ, что братья на него гнѣваются и нерѣдко зовутъ просто клятвопреступникомъ. А однажды былъ и такой случай, что Изяславъ готовъ былъ собрать войско и идти противъ брата. Въ пещерѣ кіевской старецъ Антоній основалъ монастырскую обитель: князья и народъ уважали святаго мужа, знаменитаго кротостью, младенческимъ простосердечіемъ и строгою жизнью. Многіе бояре оставляли мірскія почести и въ тѣсныхъ пещерахъ Антонія принимали иноческій санъ, и на это князь Изяславъ гнѣвался. Когда Всеслава привезли связаннаго и посадили въ кіевскую тюрьму, Антоній громко порицалъ клятвопреступника. Послѣ, когда Изяславъ вернулся въ Кіевъ съ поляками и не сдержалъ обѣщанія, даннаго братьямъ, казнилъ въ тюрьмахъ невинныхъ, вмѣстѣ съ виноватыми, старецъ Антоній опять громко порицалъ князя. Изяславъ послалъ въ его бѣдную пещеру боярина Тукы объявить монаху, что князь имъ недоволенъ. Антоній благословилъ вошедшаго и спросилъ, что надо знатному боярину въ бѣдной кельѣ. Тукы старался объяснить монахи, что волю давать языку своему не годится, если хочешь жить въ мирѣ, что князь впредь не потерпитъ, чтобы монаху, у него подъ ногами, подкапывали княжескую власть. Старецъ смиренно выслушалъ строгій выговоръ и еще смиреннѣе отвѣчалъ:— Великій бояринъ! Я ничего не говорилъ, ничего не порицалъ. Это говорила совѣсть князя Изяслава, и если онъ впредь не потерпитъ, чтобы она возвышала свой голосъ, то и не княземъ и не человѣкомъ, а звѣремъ хищнымъ будетъ. Да, моя смиренная пещера у него подъ ногами, онъ можетъ засыпать здѣсь насъ всѣхъ; но совѣсть свою не засыплетъ онъ и гробовою

своею землей. Въ обителяхъ небесныхъ она громко возопіетъ: я клятвопреступникъ! и не нужно будетъ князю Изяславу моего слабаго голоса, чтобы пойти ошуюю, въ геену огненную: самъ пойдетъ...»

Бояринъ Тукы не смущался ничѣмъ, но какъ распорядиться съ уважаемымъ основателемъ Печерской обители, онъ никакъ придумать не могъ, и задумался.

— Прости меня, бояринъ,—сказалъ монахъ;—а говорю то, что приказалъ мнѣ говорить Господь-Богъ, и еслибъ я умолчалъ правду, я утаилъ-бы то, чѣмъ держится свѣтъ. А если и мы, смиренные иноки, не станемъ говорить правды, свѣтъ стоять не будетъ.

Бояринъ ушелъ, обдумывая, что бы такое сдѣлать съ упрямымъ монахомъ, и князь былъ очень сердитъ. Монахи стали поговаривать, что Антонія скоро выкрадутъ, куда нибудь свезутъ и погубятъ. Какова-же была досада князя, когда онъ услышалъ, что какъ-то ночью люди князя Святослава взяли Антонія и свезли его въ Черниговъ. Тамъ Антоній нашелъ безопасное убѣжище и Святославъ часто съ нимъ бесѣдовалъ.

— Это что-же такое будетъ?—говорилъ Изяславъ своему боярину:—Твой списокъ видно опять надо передѣлывать. Кто-же старшій то князь въ русской землѣ? Младшіе дѣлаютъ что имъ надобно, къ старшему и глазъ не кажутъ...

— Дѣло не ладно, князь,—отвѣчалъ Тукы;—а поправить можно. Есть у насъ сосѣдъ, съ которымъ мы давно враждуемъ, и драться онъ молодецъ. Протянемъ ему руку, онъ намъ пособитъ съ братьевъ посбить спѣси.

— Это съ Всеславомъ-то помириться? — спросилъ князь:—да въ умѣ-ли ты, бояринъ?

— Такъ-то въ умѣ, что лучше не надобно; Всеславъ доказалъ, что его ничѣмъ не угомонишь. Вотъ и выйдетъ, что онъ рука, а мы голова, а здоровой головой съ крѣпкой рукой чего не сдѣлаешь? Все можно сдѣлать...

Уговорилъ бояринъ своего князя на дружескіе переговоры съ Полоцкомъ. Чудина вызвали назадъ въ Кіевъ и указали ему какъ вести рѣчи и куда клонить дѣло. Эти переговоры не остались тайной отъ братьевъ, и сначала Святославъ послалъ сказать Всеволоду, что Изяславъ съ Всеславомъ замышляютъ что-то худое. Стали прислушиваться, подсылали своихъ людей и узнали всю правду. Тогда братья собрали войско, перешли (въ началѣ 1073 г.) Днѣпръ, стали въ Берестовѣ, и бояринъ Никифоръ взялся ѣхать въ городъ. На полпути онъ встрѣтился съ бояриномъ Тукы, который былъ посланъ къ братьямъ для переговоровъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, бояре отослали подальше своихъ людей и стали совѣщаться.

— Такъ вотъ, старый товарищъ! — сказалъ Тукы: — вовсе выживать насъ пришли?

— Да, бояринъ, — отвѣчалъ Никифоръ; — а думаю, что тебѣ съ княземъ Изяславомъ больше нечего дѣлать, какъ опять ѣхать въ Польшу.

— Что же? Мы дорогу знаемъ, — отшучивался Тукы: — только прежде мы попробуемъ меча: дружина у насъ сильна, а Кіевъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ.

— Я тебѣ вѣрю, бояринъ, —сказалъ на это Никифоръ; — только на кого сталъ Кіевъ, я сказать не смѣю. Неужели ты думаешь, что мы такъ и сунулись въ воду, не спросясь броду? Въ Кіевѣ мы припасли себѣ не мало друзей, пока вы искали себѣ друзей въ Полоцкѣ, и если Кіевъ встанетъ, то за князя Святослава, а никакъ за Изяслава. Нѣтъ, я боюсь, что вамъ одна дорога и осталась.

— Ну, въ Польшу-то мы еще погодимъ! — отвѣчалъ, немного подумавъ, бояринъ Туки: — мы еще въ Полоцкѣ попробуемъ, да въ Новгородѣ: земля у насъ еще велика: —вѣдь не разъ встарину бывало, что Новгородъ сажалъ князей въ Кіевѣ.

— Ну чтоже? Скатертью дорога, —сказалъ Никифоръ; —

у насъ въ Полоцкѣ нѣтъ друзей, это я тебѣ по правдѣ скажу, да съ княземъ Всеславомъ и мудрено дружить: самъ съ воробья, а сердце съ кошку. А въ Новгородъ вамъ не дорога. Съ тѣхъ поръ какъ тамъ сидитъ Глѣбъ Святославичъ, мы хорошо водились съ Новымгородомъ, и тамъ посаднику боярину уже извѣстно, что какъ только Святославъ сядетъ въ Кіевѣ, такъ присягнетъ на Ярославовыхъ грамотахъ и три года съ Новагорода ни гривны не возьметъ.

— Да, хорошо обработали!—сказалъ Тукы, понимавшій очень хорошо, что его князю ничего больше не оставалось, какъ бѣжать въ Польшу:—отлично обработали, обошли, обложили, со всѣхъ сторонъ обрѣзали. Въ науку-бы мнѣ слѣдовало идти, бояринъ, въ греческую науку. Да жаль, поздненько, особенно потому, что наука не пиво, въ ротъ не вольешь..

Бояре простились по-пріятельски и разъѣхались каждый въ свою сторону, чтобы исполнить возложенныя на нихъ порученія. Тукы выторговалъ Изяславу цѣлую недѣлю на то, чтобы собраться, не торопясь выѣхать. Изяславъ воспользовался этимъ, забравъ всю свою казну, не оставилъ ни гривны, ни горностаевой шкурки, и выступилъ въ Польшу съ сыновьями и съ огромнымъ обозомъ, говоря: съ золотомъ добуду себѣ дружину.

Въ Польшѣ его встрѣтили не совсѣмъ дружелюбно: была война съ чехами, а съ чешскимъ Вратиславомъ потруднѣе было справиться, чѣмъ съ кіевскимъ Всеславсмъ. Кромѣ того польскіе бояре сердиты были на Изяслава за то, что въ прошлый походъ онъ не далъ имъ добраться до Кіева, и воротилъ съ дороги, такъ что они ничего не успѣли пограбить за свои труды. Но Изяславъ не унывалъ: онъ надѣялся на свою громадную казну, а еще больше на переговоры, и долго торговался съ боярами, которые не соглашались на новый походъ въ Кіевъ. Онъ имъ давалъ мѣха, серебро, золото; они благодарили его, а все-таки не шли. Нѣкоторые изъ нихъ говорили даже, что

по настоящему все его добро принадлежитъ имъ, потому что они посадили его въ Кіевѣ и дали ему средство нажить всю эту благодать. Онъ отшучивался, ловко продолжалъ переговоры и уговорившись въ цѣнѣ помощи, отдалъ королю и боярамъ почти все, что у него было. Его опять поблагодарили, сказали, что этого совершенно довольне за прошлый походъ, а за новый слѣдуетъ съ него получить, и теперь-же, впередъ, еще столько же. Потерявъ все, князь Изяславъ бранилъ короля, бранилъ бояръ, называлъ ихъ разбойниками, которые ограбили заѣзжаго гостя. Король Болеславъ, занятый опасною войною, „указавъ ему путь отъ себя,“ то есть просто попросилъ его ѣхать, куда ему угодно. Въ страшной досадѣ, почти въ бѣшенствѣ, возвратился онъ въ домъ, который нанималъ для себя и своего семейства; заставъ Тукы за чтеніемъ списка русскаго княжескаго рода, вырвалъ у него изъ рукъ свитокъ, смялъ и бросилъ на полъ.

— Что ты, старый дурень, тутъ разсматриваешь никуда негодную грамату!—вскричалъ онъвъ великомъ гнѣвѣ:—все пропало! Понимаешь-ли ты, вс епропало!

— Видно, моего бѣднаго друга очень разсердили эти ляхи,—сказалъ спокойно Тукы,—если онъ рѣшился обидѣть стараго и вѣрнаго друга. И какъ же это все пропало, когда головы наши еще на плечахъ сидятъ? И чтоже? Король не хочетъ дать управы на своихъ бояръ? Княгиня Вышеслава ничего пособить не можетъ? Такъ неужели-же мы на самого короля Болеслава управы не найдемъ? А на что же тогда у нихъ въ нѣмецкой землѣ императоръ? Старый маркграфъ саксонскій проводитъ насъ до самаго Майнца, и покажетъ дорогу къ молодому императору. Говорятъ, Генрихъ IV теперь поправился въ своихъ дѣлахъ и забралъ власть какъ слѣдуетъ.

Нѣсколько времени Изяславъ смотрѣлъ на своего боярина съ изумленіемъ, а потомъ бросился его цѣловать.

— Вотъ умница-то! Экое сокровища Богъ мнѣ послалъ!

Миленькій Ту-кушка! Тебя озолотить надо! Тебѣ надо Вышгородъ отдать въ вѣчное владѣніе! Вѣдь далъ же ГосподьБогъ одному человѣку такую палату ума!.. Голубчикъ, ѣдемъ! когда ты видѣлъ маркграфа саксонскаго? Сбѣгай къ нему, дружище!..

Черезъ нѣсколько дней князь Изяславъ выѣхалъ въ Майнцъ жаловаться нѣмецкому императору на братьевъ, которые выгнали его изъ Кіева, и на польскаго короля, который обобралъ его чуть не до нитки. Въ ту дальнюю пору нѣмецкія земли были такъ же дики и такъ же мало населены, какъ и наши, а бѣдность была такая-же, какъ у насъ. Когда Изяславъ посмотрѣлъ, какъ живетъ въ своемъ дворцѣ нѣмецкій императоръ, то крѣпче прежняго пожалѣлъ о своемъ высокомъ теремѣ, о своемъ миломъ Кіевѣ, противъ котораго Майнцъ былъ жалкой деревушкой. Изъ небольшихъ остатковъ казны Изяслава набрали кое-какихъ мелочей, поднесли ихъ императору въ видѣ дара, и эти бѣдные остатки показались ему такимъ огромнымъ богатствомъ, что онъ сталъ завидовать русскому князю. Снарядилъ императоръ посольство, выбралъ посломъ человѣка, уже бывавшаго въ русской землѣ, именно Бурхарда, роднаго брата Оды, которая еще при Ярославѣ вышла замужъ за Вячеслава Ярославича. Бурхардъ провожалъ тогда молодую княжну въ русскую землю, и ему понравилось тамошнее широкое житье. Когда онъ уѣхалъ, Изяславъ сталъ считать дни, чуть ли не часы, разсчитывая, гдѣ теперь должно быть посольство. И въ этомъ помогалъ ему бояринъ Тукы, и доставлялъ князю несказанное удовольствіе, когда по его разсчету приходилось, что Бурхардъ отъѣхалъ дальше, нежели предполагалъ князь. Но по мѣрѣ того, какъ проходило время и можно было ожидать возвращенія императорскаго посольства, Изяславъ терялъ надежду. Ему приходило въ голову, что братъ Святославъ пожалуй не послушается императора. Генрихъ IV написалъ ему на латинскомъ языкѣ строгую грамату, велѣлъ отдать Изяславу Кіевъ и грозилъ, въ случаѣ не-

повиновенія, послать войско, храброе и непобѣдимое; но какъ же этому быть? Войску императорскому надо будетъ пройти черезъ польскія земли, а король не пуститъ; императоръ благоволитъ къ Вратиславу чешскому, а король Болеславъ II съ нимъ воюетъ какъ ни въ чемъ не бывало, да еще бьетъ. Да и Святославъ испугается-ли императорской угрозы?

— Ничего, братъ Тукы, изъ этого не выйдетъ,—говорилъ въ унынiи Изяславъ,—русская земля далеко, войско императорское туда не пойдетъ, и вижу я, понапрасну только ты втянулъ меня въ это скитанье по чужимъ порогамъ. И мнѣ, русскому князю, пристало-ли стоять у императорскаго престола съ разными тамъ нѣмецкими курфирстами и маркграфами? Не ляжетъ-ли на тебя, дружище, великій грѣхъ? Вѣдь мы признали себя почти что подданными императора, его подручными. Что какъ братъ Святославъ посмѣется еще этому, да скажетъ, что Изяславъ пусть будетъ нѣмецкимъ подданнымъ, а русской земли императору не достать, какъ мѣсяца на небѣ?

— Это, князь, не бѣда,—отвѣчалъ Тукы;—это все только къ примѣру дѣлается, и если ты постоишь подъ ступенями Генрихова престола, то это только на время, это одни переговоры, а съ переговора не станется, самъ ты знаешь. Вернемся въ Кіевъ, такъ не бойсь, никому не поклонимся... А если императоръ намъ не пособитъ, то мы найдемъ управу и на него: въ Римѣ есть папа, а Григорій VII шутить не любитъ: прикажетъ, такъ противъ него здѣсь никто слова не пикнетъ.

— Ну нѣтъ, къ папѣ-то я уже не поѣду: ему надо туфлю цѣловать, а у меня на это, хоть и для примѣра, какъ ты говоришь, спина не согнется. Папа это не то, что императоръ. Ему уступи одинъ мизинецъ, такъ онъ и руку къ себѣ потащитъ, и человѣка и всю его землю осѣдлаетъ и поѣдетъ, какъ будто такъ и надобно..

— Правда твоя, князь,—сказалъ Тукы;—съ Григоріемъ,

папой надо будетъ поосторожнѣй обращаться; но тебѣ самому можно въ Римъ не ѣхать: пошли меня съ княземъ Ярополкомъ Изяславовичемъ; мы ему и туфлю поцѣлуемъ, и всѣ штуки продѣлаемъ, и это все съ насъ сбѣжитъ, какъ съ гуся вода. Конечно, онъ на насъ и не взглянетъ, если мы ему не покоримся, а какъ признаемъ его главой, посмотри какъ обрадуется, какъ въ святую землю народъ пошлетъ, только чтобы посадить новообращеннаго князя...

— Какъ?—вскричалъ Изяславъ:—ты хочешь отъ Царяграда отложиться? Ты хочешь, чтобы цареградскій патріархъ насъ проклятію предалъ? Да ты, видно, вовсе съума сошелъ!

— Нимало не сошелъ!—отвѣчалъ бояринъ:—чѣмъ же римскій папа хуже цареградскаго патріарха? Чѣмъ? Что онъ власти больше заберетъ? Ну, это еще неизвѣстно, кто сильнѣе! Вотъ у насъ въ Кіевѣ простой былъ монахъ, Антоній, да и съ тѣмъ мы не знали, что дѣлать, такъ дерзокъ былъ на языкъ; а папа чтоже? Папа далеко, до насъ не достанетъ. А впрочемъ все это въ нашихъ рукахъ: какъ сядемъ опять въ Кіевѣ, такъ посмотримъ; если папа не будетъ пригоденъ, мы его и забудемъ, вотъ и все. Это одни только переговоры, князь, а съ переговора не станется, ты самъ это знаешь...

Когда Бурхардъ трирскій вернулся въ Майнцъ и привезъ отъ Святослава невѣроятно богатые дары, то Изяславъ почти впалъ въ отчаяніе. Святославъ обласкалъ Бурхарда, показалъ ему въ своей казнѣ несмѣтныя богатства, угостилъ такъ, какъ Бурхарду не случалось угощаться съ тѣхъ поръ, какъ онъ пировалъ при Ярославѣ, а о братѣ Изяславѣ говорить не хотѣлъ.

— Есть, говоришь ты, въ Майнцѣ у васъ какой-то Изяславъ, что называетъ себя русскимъ княземъ и стоитъ у императорскаго престола вмѣстѣ съ маркграфами? Такого не знаю, да думаю, что такого и быть не можетъ. Русскій князь, пожалуй, братомъ назоветъ императора, что-

бы никого не обижать. Такъ и скажи ты моему брату Генриху IV; а чтобы русскій князь нѣмецкимъ маркграфомъ былъ, такъ этого быть не можетъ: это у васъ въ Майнцѣ самозванецъ какой нибудь проявился. Былъ у меня, точно, старшій братъ Изяславъ, въ Кіевѣ сидѣлъ; но онъ не ужился съ братьями, не ужился и съ кіевлянами и уѣхалъ. Изъ списка княжескаго рода онъ вычеркнутъ, и никакого больше Изяслава у насъ нѣтъ.

— Тукушка! Поѣзжай въ Римъ!—говорилъ Изяславъ тоскливо:—Покажемъ мы этимъ разбойникамъ братьямъ, что они раненько распорядились съ нашимъ спискомъ княжескаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, братцы любезные выкинули меня не только изъ моей земли, но и изъ нашего списка! Поѣзжай, Тукы! Цѣлуй что хочешь, только-бы мнѣ быть въ Кіевѣ!

И вѣрный бояринъ съ княземъ Ярополкомъ отправился въ Римъ, предлагать покорность Русской земли папской власти и просить помощи.

Безъ сына и безъ любимаго боярина, Изяславъ тосковалъ въ Майнцѣ пуще прежняго. Съ великою жадностью собиралъ онъ всѣ возможныя вѣсти изъ русской земли, а въ извѣстіяхъ недостатка не было. Прошелъ слухъ, что для войны съ чешскимъ Вратиславомъ, Болеславъ II вступилъ въ союзъ съ русскими князьями и русское войско съ двумя молодыми князьями, Олегомъ Святославичемъ и Мономахомъ Всеволодовичемъ, идетъ ему на помощь. Изяславъ понялъ, что это было сдѣлано на зло императору, который былъ во враждѣ съ Болеславомъ польскимъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей изъ чешской земли. Ему хотѣлось, чтобы русское войско побѣждало всѣхъ непріятелей и въ тоже время, чтобы князья Олегъ и Мономахъ были разбиты. Изъ Рима тоже онъ получалъ извѣстія и очень хорошія. Папа милостиво принялъ дары, допустилъ Ярополка и боярина Тукы до своей особы и обѣщалъ приказать королю Болеславу послать войско на помощь

изгнанному русскому князю. Но князь не вѣрилъ этому, считалъ, что со стороны папы это одни только переговоры, и что если онъ въ самомъ дѣлѣ напишетъ польскому королю такой приказъ, то какъ-же онъ его исполнитъ? Ему придется идти войной противъ нынѣшнихъ своихъ союзниковъ. И въ великомъ унынiи князь Изяславъ сидѣлъ въ своей горницѣ, не выходя и къ императору, когда онъ по праздникамъ принималъ всѣхъ своихъ маркграфовъ и бароновъ.

Вдругъ обстоятельства совсѣмъ перемѣнились. Онъ получилъ отъ Болеслава письмо, въ которомъ король называетъ его любезнѣйшимъ братомъ, жалуется на его племянниковъ, обѣщаетъ помощь и говоритъ о союзѣ и вѣчной дружбѣ. Вслѣдъ за этимъ письмомъ явился и бояринъ Тукы. Князь хотѣлъ его обрадовать письмомъ Болеслава, но бояринъ все зналъ, потому что самъ былъ у польскаго короля, проѣхавъ къ нему изъ Рима.

— Хотѣлось мнѣ, — говорилъ онъ, отдавая отчетъ о своей поѣздкѣ, — довершить дѣло, такъ чтобы привезти тебѣ готовенькое. Изъ Рима проѣхали мы черезъ венгерскiя земли, и узнали, что въ чехахъ насталъ миръ. По мнѣ хоть-бы и война, такъ все равно, потому что гонцу съ папской грамотой вездѣ дорога. Мнѣ въ Римѣ говорили, что съ такой грамотой можно пройти пѣшкомъ черезъ горящiй лѣсъ, и огонь будетъ разступаться. Ну, да пока не въ томъ сила. Чешской землею ѣду, и вижу такое разоренiе, что волосъ дыбомъ становится, точь въ точь такое, какъ мы, бывало, разоряли Полоцкiй край, когда воевали съ Всеславомъ. Что за причта? думаю. И чтоже выходитъ? Вратиславъ какъ услышалъ, что идутъ въ его землю молодые русскiе князья, поскорѣе заключилъ миръ и заплатилъ Болеславу тысячу гривенъ. Король и посылаетъ сказать племянникамъ, чтобы они шли домой, что больше ихъ не надобно, а они и слышать ничего не хотятъ. «Какъ такъ?—говорятъ:—ничего не сдѣ-

лавши, да домой! И отцамъ нашимъ и землѣ стыдъ будетъ великій, если мы ничего не сдѣлавши, воротимся домой. Назадъ намъ идти нельзя, надо взять свою честь». Да четыре мѣсяца и ходили по чешской землѣ съ войскомъ, стало быть четыре мѣсяца ѣли, пили, жили, грабили, разоряли, такъ что, наконецъ, король Вратиславъ догадался, прислалъ къ нимъ просить мира. Взяли они тоже тысячу гривенъ, помирились и пошли домой. На это король Болеславъ очень ужь обидѣлся, какъ они, его союзники, смѣли воевать, когда онъ замирился. Какъ разъ въ это время, какъ онъ очень ужь былъ сердитъ на Святославича да на Всеволодовича, я кстати подоспѣлъ съ папской граматой. И дѣло въ шляпѣ. Станемъ-ка понемногу собираться отсюда въ Польшу: войско тамъ уже собирается. Князь Ярополкъ въ Краковѣ пока остался и насъ поджидаетъ...

Пока Изяславъ собирался выѣхать изъ Майнца, пришло еще одно важное извѣстіе: князь Святославъ въ Кіевѣ умеръ, а братъ его Всеволодъ сдѣлался княземъ кіевскимъ. Князь поспѣшилъ оставить Майнцъ, потому что Всеволодъ, сдѣлавшись единымъ властелиномъ Русской земли, могъ собрать такія огромныя силы, что Болеславу въ вѣкъ бы съ нимъ не справиться. Болеславъ тоже спѣшилъ наказать Русскую землю за то, что молодые князья противъ его воли долго воевали чешскую землю, и потому польское войско выступило въ самый день пріѣзда Изяслава. Бояринъ Тукы съ нетерпѣніемъ ждалъ встрѣчи съ бояриномъ Никифоромъ, чтобы какъ можно больнѣе наказать его за ту бесѣду, что велась между ними на дорогѣ изъ Берестова къ Кіеву. Но едва польское войско перешло русскую границу, какъ явились послы отъ кіевскаго князя. Это были старый бояринъ Никифоръ и другой, именемъ Порѣй, когда-то служившій вѣрой и правдой изгою Ростиславу. Прежде всего Никифоръ повидался съ бояриномъ Тукы и привезъ ему отъ князя Всеволода поклонъ и хоро-

шенькій даръ, сто гривенъ серебряныхъ. Бояринъ даръ принялъ, отвѣсилъ поклонъ въ отвѣтъ на княжеское привѣтствіе и повеселѣлъ.

— Видно на роду тебѣ написано, бояринъ,—сказалъ онъ Никифору,—побѣждать нашу сторону: противъ такого оружія, какъ княжеская ласка, мудрено бороться! Ну какъ же у насъ теперь разговоры пойдутъ? Какъ дѣла-то у насъ?

— А дѣла очень простыя,—отвѣчалъ Никифоръ;—князь Всеволодъ уступаетъ Изяславу старшинство и Кіевъ, а самъ ѣдетъ назадъ къ себѣ въ Переяславль, въ этомъ всѣ и дѣла. Объ одномъ только проситъ, чтобы поляковъ не водить...

— Это сдѣлать можно будетъ, это мы князю Всеволоду устроимъ, какъ ему угодно за его добродѣтели,—отвѣчалъ бояринъ, и въ самомъ дѣлѣ съумѣлъ уговорить Изяслава отдать Болеславу нѣкоторые червенскіе города, съ тѣмъ, чтобы войско туда и повернуло.

Торжественно вступилъ Изяславъ въ Кіевъ, проскитавшись нѣсколько лѣтъ по чужимъ землямъ. Но не долго онъ пожилъ спокойно. По совѣту боярина Тукы, онъ не далъ волостей сыновьямъ брата своего Святослава, тѣ ушли въ Тмуторокань, пришли назадъ съ половцами, и въ битвѣ близь Чернигова Изяславъ былъ убитъ 3 октября 1078 года.

8.

КРОВАВЫЯ СЛЕЗЫ.

(1097 г.)

Въ Кіевѣ, на дворѣ у князя Изяслава скитальца, росли три бойкіе мальчика. Двое изъ нихъ были сыновья князя Игоря Ярославича, посаженнаго отцомъ на Волыни. Потомъ, когда умеръ (1056 г.) Вячеславъ, князь Смоленскій, братья перевели Игоря въ Смоленскъ, а когда онъ тамъ умеръ (1059 г.), князь Изяславъ взялъ къ себѣ его малолѣтнихъ сыновей, Давида и Даніила. Третій мальчикъ былъ Ростиславичъ. Когда его отца отравили греки въ Тмуторокани, осталось трое сиротъ, Рюрикъ, Володарь и Василько. Старшаго и младшаго взялъ къ себѣ Ярополкъ Изяславичъ и кормилъ ихъ во Владимірѣ на Волыни, а средній остался въ Кіевѣ, у князя Изяслава. Мальчики росли какъ и всѣ княжескія дѣти въ то время: научились читать, съ грѣхомъ пополамъ писать, часто ходили въ церковь, а остальное время бѣгали и рѣзвились съ другими дѣтьми. Когда они начали владѣть лукомъ и копьемъ, ихъ взяли въ княжескую дружину, но имъ хотѣлось другаго. Игоревичи желали получить волость отца своего, Волынскую, а Ростиславичъ, внукъ старшаго Ярославича, Владиміра, мѣтилъ выше: ему хотѣлось сѣсть въ Кіевѣ. Не разъ они приставали къ дядѣ, просили волостей, но не получали ни-

чего, просили потомъ и у Всеволода, когда онъ сѣлъ княземъ въ Кіевѣ, и наконецъ выѣхали въ Тмуторокань (1080 г.). Но они не долго прожили въ Тмуторокани. Прежде изгнанный оттуда Олегъ Святославичъ, вернулся съ острова Родоса и прогналъ князей. Ростиславичу дѣваться было некуда, и онъ поѣхалъ опять въ Русскую землю. Давидъ Игоревичъ тоже на лодьяхъ ушелъ изъ Тмуторокани, и въ великой досадѣ на свое изгойство, принялся по-просту грабить. Въ Днѣпровскомъ устьѣ стоялъ небольшой греческій городокъ Олешье. Въ немъ греческіе купцы складывали свои товары, оставляли большіе корабли, въ которыхъ переѣзжали черезъ Русское море, и Днѣпромъ шли въ небольшихъ судахъ. На этотъ городокъ напалъ Давидъ, разграбилъ его и греческихъ купцовъ захватилъ. Когда узналъ объ этомъ кіевскій князь Всеволодъ, то чуть не рвалъ на себѣ волосы. Безъ торговли съ греками Кіевъ пропалъ, пропали всѣ княжескіе доходы, пропало и драгоцѣнное первенство кіевскаго князя. Не теряя времени, Всеволодъ послалъ къ князю Давиду своего любимаго стараго совѣтника, боярина Никифора, чтобы какъ-нибудь уговорить его отпустить греческихъ купцовъ и уйти съ днѣпровскаго устья. Но Давидъ не былъ податливъ.

— Скажи дядѣ,—отвѣчалъ онъ старому Никифору,—что моему отцу князь Ярославъ далъ городъ Владиміръ съ волынскими землями. Если мнѣ возвратятъ отцовское добро, то я оставлю Олешье, а если нѣтъ, то я, сидя здѣсь, задушу вашъ Кіевъ, одного раза дохнуть ему не дамъ.

— Какъ же можно, князь! Подумай!—отвѣчалъ бояринъ Никифоръ:—Во Владимірѣ сидитъ князь Ярополкъ Изяславичъ; у него тоже нельзя отнять земель: у него и дѣла много на польской границѣ, и содержитъ онъ тоже двухъ князей безземельныхъ, Рюрика и Василька Ростиславичей.

— Что мнѣ за дѣло до безземельныхъ! Не должно быть безземельныхъ!—вскричалъ Давидъ.—Слава Богу, нашъ дѣдъ

Ярославъ оставилъ хорошій кусокъ земли: всѣмъ хватитъ. И землю дѣлить подобаетъ по отцамъ: Игоревы земли, которыя князь Ярославъ отдалъ Игорю, Владиміръ съ Волынью, отдать его дѣтямъ, мнѣ съ братомъ; Святославовы земли, Черниговскія, отдать Святославичамъ, Олегу, Давиду и Ярославу.

— Этого никакъ нельзя, князь,—отвѣчалъ Никифоръ:— откуда же, напримѣръ, взять земель для Ростиславичей, когда отецъ Ростислава, Владиміръ Ярославичъ, никакою волостью не владѣлъ?

— Какъ не владѣлъ? Княжилъ онъ въ Новгородѣ, или нѣтъ? И Ростиславичи всѣ трое охотно возьмутъ Новгородскую волость.

— Все это такъ, и твои рѣчи, князь, вѣрнѣе стрѣлы поражаютъ мозгъ. Но скажи мнѣ одно: что лучше, что выгоднѣе: сосѣду сдѣлать много зла, или себѣ добыть немножко добра?

— Это, бояринъ, разъ на разъ не приходится, отвѣчалъ князь Давидъ.—Иногда съ самого себя готовъ голову сорвать и бросить ее подъ ноги сосѣду, только чтобы онъ споткнулся, а послѣ, какъ поразмыслишь, то пожалуй надо голову и поберечь, если можно кстати зашибить порядочную ношу гривенъ.

— Вотъ это оно и есть!—сказалъ радостно бояринъ Никифоръ:—пока ты здѣсь сидишь, въ самомъ дѣлѣ Кіеву дышать нельзя, зло намъ великое, но тебѣ уже никакой не будетъ корысти: греки сюда не пойдутъ, пока плаваніе по Днѣпру не свободно, жителей нѣтъ, мѣсто пустое, кругомъ половцы, земля — голый, сыпучій песокъ. А еслибы князь кіевскій пока далъ тебѣ волость хорошую, напр. Дорогобужъ, или хоть Луцкъ, такъ оно было-бы дѣло вѣрное, по крайней мѣрѣ въ рукахъ, а не то, что журавль въ небѣ.

— Что мнѣ Дорогобужъ, что мнѣ Луцкъ? Всю мою землю мнѣ подавай, а не то что лоскутья какіе-то! Я волынскій князь! Не забывай этого.

— Я говорю: только пока, то есть, чтобы дать князю Все-

володу время осмотрѣться, устроиться, уладиться. Нельзя-же такъ вдругъ повыкидать князей изъ городовъ... Хотя князь кіевскій, по волѣ покойнаго Ярослава, и отецъ всѣхъ князей русскихъ, да нельзя-же отцу такъ помыкать дѣтьми родными...

Нѣсколько дней прожилъ бояринъ Никифоръ въ Олешьѣ и уговорилъ Давида Игоревича принять Дорогобужъ и освободить днѣпровскую торговлю. Еще не мало времени прошло, пока бояринъ возвратился въ Кіевъ, пока князь Всеволодъ подписалъ грамату, утвердилъ ее своею подписью и крестнымъ цѣлованіемъ въ присутствіи посланныхъ отъ Давида и прислалъ ее къ нему съ Гавріиломъ, протопопомъ Десятинной церкви. Тогда только Давидъ оставилъ Олешье и выпустилъ на волю греческихъ купцовъ.

Между тѣмъ, пока шли эти переговоры и потомъ Давидъ ѣхалъ въ свою новую волость, Дорогобужъ Волынскій, во Владимірѣ, тамъ же на Волыни, случилось вотъ что: князья изгои, Рюрикъ и Василько Ростиславичи, жившіе у Ярополка Изяславича на хлѣбахъ, куда-то пропали, и черезъ два дня вернулись, но уже втроемъ: съ ними былъ бѣжавшій изъ Тмуторокани родной братъ Володарь и отборная дружина въ триста половцевъ, которые повиновались Володарю какъ своему хану. Городъ зашумѣлъ, заволновался, и испуганный Ярополкъ бѣжалъ. Дорога была ему прямая, въ Кіевъ, жаловаться дядѣ на насиліе своихъ нахлѣбниковъ князей и на бунтъ жителей города, которые взяли сторону изгоевъ. Всеволодъ тотчасъ же велѣлъ сыну своему Мономаху садиться на коня. Тотъ собрался въ два дня и выступилъ къ Владиміру. Не трудно ему было съ своею закаленною въ походахъ дружиною выгнать Ростиславичей изъ Владиміра; но они были народъ упорный и настойчивый. Они вышли изъ города, но побѣжденными себя не признали, и за Микулиномъ стояли станомъ. Мономахъ пошелъ за ними туда; но драться не сталъ. Князья сказали ему,

что до тѣхъ поръ не будетъ въ Русской землѣ покоя, пока всѣхъ изгоевъ не посадятъ князьями. Пошли переговоры. Въ это время Давидъ Игоревичъ сидѣлъ уже въ Дорогобужѣ; и Ростиславичи требовали себѣ области въ тѣхъ же мѣстахъ: хотѣли Перемышля и Требовля. Цѣлый годъ продолжались пересылки, свиданія между князьями, поѣздки Мономаха то къ Ярополку въ Броды, то къ Ростиславичамъ за Микулинъ, то къ отцу въ Кіевъ. Наконецъ дѣло сладилось: Ростиславичи получили то, что требовали, Давидъ Игоревичъ остался въ Дорогобужѣ, а у Ярополка Изяславича не осталось и половины прежней Волынской области. Такъ устроилось дѣло къ концу 1084 года.

Всѣ могли успокоиться, кромѣ Ярополка, который былъ обобранъ и обиженъ въ пользу изгоевъ. Въ великой злобѣ на Кіевъ, онъ началъ собирать войско и не разъ проговаривался, что онъ весь Кіевъ своротитъ въ Днѣпръ. Слыша такія намѣренія, князь Всеволодъ опять велѣлъ сыну своему Мономаху садиться на коня и выгнать Ярополка. Князь дорогобужскій Давидъ ловко присоединился со своею дружиною къ Мономаховой, такъ что Ярополка чуть не накрыли въ Луцкѣ, захватили его мать, жену, дружину и все имѣніе, а самъ князь бѣжалъ въ Польшу. Давидъ Игоревичъ остался княземъ во Владимірѣ, и тотчасъ-же вошелъ въ дружбу съ Ростиславичами. Всѣ три брата изрѣдка гостили у него, онъ у нихъ бывалъ то въ Перемышлѣ, то въ Требовлѣ, и они зажили душа въ душу.

Въ слѣдующемъ году Ярополкъ изъ Польши проѣхалъ въ Кіевъ и сдѣлалъ большой крюкъ, только чтобы не заѣзжать въ свой прежній стольный городъ. Тогда Всеволодъ Ярославичъ былъ уже очень старъ; Ярополкъ повидался прежде всего съ Мономахомъ и помирился съ нимъ.

— Вѣрь ты мнѣ, любезный братъ,—говорилъ ему Мономахъ:—никакого сердца у меня на тебя нѣтъ. Я только свято

исполняю нашъ уставъ: князь кіевскій есть нашъ общій отецъ и заступникъ, и мы всѣ, русскіе князья, должны его слушаться. Когда ты будешь кіевскимъ княземъ и пошлешь меня воевать моего собственнаго сына, я пойду.

— Полно шутки шутить, братъ любезный!—возражалъ Ярополкъ: — будто-бы ты пустишь меня на кіевскій столъ. Тебя такъ любятъ въ Кіевѣ, что ты не уйдешь.

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!—отвѣчалъ спокойно Мономахъ:— Я не оступлю отъ совѣта дѣда нашего, Ярослава Мудраго. Наслѣдовать кіевскій столъ долженъ старѣйшій въ нашей семьѣ. Ты старше меня годами, твой отецъ раньше моего отца сидѣлъ на кіевскомъ столѣ, стало быть очередь твоя—послѣ моего отца, дай Богъ ему длинный вѣкъ. И когда ты будешь кіевскимъ княземъ, я и тебя долженъ слушаться какъ отца. На кіевскомъ князѣ лежитъ великая забота: смотрѣть крѣпко, чтобы между князьями усобицъ не было, чтобы было миръ, тишина и согласіе, а безъ этого половцы придутъ и разнесутъ Русскую землю прахомъ. При согласіи другое дѣло: безъ большаго труда собираются дружины всѣхъ князей, и тогда не мудрено побить сыроядцевъ. Когда же княжескія дружины тратятся въ усобицахъ — гдѣ взять силы на враговъ — пришельцевъ изъ степей?

— Все это такъ, любезный братъ,—отвѣчалъ Ярополкъ:— только теперь-то какъ быть? Изгоямъ отдали мои волости, а я такъ думаю, что если изгоямъ надо дать по куску земли, то настоящаго князя, да еще такого, который будетъ княземъ въ Кіевѣ, то-есть великимъ, оставлять скитаться на чужбинѣ—какъ будто зазорно для Русской земли.

— Не хорошо, вовсе не хорошо, братъ любезный!—сказалъ Мономахъ;—и это надо будетъ тебѣ устроить. Не возьмешь-ли Переяславля?

— Вотъ подарилъ-то!—воскликнулъ со смѣхомъ Ярополкъ:—еще бы ты мнѣ далъ волость въ самой пасти голод-

наго медвѣдя! Да развѣ можно жить въ Переяславлѣ? Половцы чуть не всякій годъ обжигаютъ городъ; народу вовсе нѣтъ; мужикъ пойдетъ сѣно косить, а его убьютъ, выѣхать на охоту нельзя, чтобы не подстерегли... Нѣтъ, воля твоя, земля тамъ хороша, хлѣба родитъ много, да родитъ также и половцевъ. Нѣтъ, сажень земли около Владиміра выгоднѣе десяти верстъ подъ твоимъ Переяславлемъ. Отдай-ка ты мнѣ назадъ мой Владиміръ, это будетъ всего справедливѣе, а я крестъ поцѣлую великому князю Всеволоду, что я на него не замыслю никогда никакого суда.

Послѣ длинныхъ переговоровъ, на томъ и порѣшили: Мономаху не трудно было уговорить своего отца Всеволода отдать Владиміръ опять Ярополку, будущему великому князю кіевскому. Давидъ Игоревичъ долженъ былъ уступить, выѣхалъ изъ Владиміра, но не къ себѣ, не въ Дорогобужъ, а прямо въ Перемышль, совѣтоваться съ Ростиславичами какъ тутъ быть.

— Что-же это мы? Деревянныя игрушки, что-ли, что насъ можно переставлять какъ вздумается Кіеву?—говорилъ онъ, сердитый на потерю города съ его областью. — И куда дѣвались теперь всѣ наши молодецкіе замыслы? Не долго вы повладѣли Владиміромъ, недолго и я имъ повладѣлъ, а теперь сиди по своимъ городишкамъ...

— Э, не бѣда! — отвѣчалъ младшій Ростиславичъ, Василько: — теперь не Владиміръ важенъ, и даже не Кіевъ. Теперь другія времена пришли, и Русская земля станетъ смотрѣть на того князя, который ей больше добра сдѣлаетъ, больше побьетъ половцевъ или поляковъ. Теперь только и слышишь отъ всякаго: Мономахъ да Мономахъ! И правда, что есть за что его хвалить: кто миръ устраиваетъ между князьями? — Мономахъ. Кто половцевъ бьетъ?—Мономахъ. И вотъ, помяни мое слово, изъ Кіева народъ его не выпуститъ, когда умретъ его отецъ, Всеволодъ, и станетъ великимъ княземъ не Ярополкъ,

а Мономахъ, ничего, что противъ очереди. Вотъ и ты такъ-то сдѣлалъ бы, чтобы народъ о тебѣ толковалъ: Давидъ да Давидъ Игоревичъ, ну и сядешь выше другихъ, а можетъ быть и выше всѣхъ. А теперь надо погодить: что станешь дѣлать? Сила солому валитъ!...

Но князь Давидъ не того хотѣлъ; онъ пріѣхалъ за помощью, хотѣлъ уговорить братьевъ, чтобъ они ему пособили прогнать Ярополка изъ Владиміра; но это ему не удалось. Старшій Ростиславичъ, Рюрикъ, былъ тогда боленъ, а второй, Володарь и особенно третій, Василько, доказали ему, что это будетъ напрасное кровопролитіе, потому что Мономахъ придетъ съ дружиною и воротитъ ихъ по мѣстамъ, а то такъ и вовсе выгонитъ. Давидъ уѣхалъ сердитый на Василька, сердитый на Мономаха и больше всего сердитый на Ярополка.

Не прошло послѣ того и двухъ недѣль, какъ Ярополкъ, усѣвшись въ своемъ стольномъ городѣ, поѣхалъ въ Звенигородъ, по своимъ княжескимъ дѣламъ. Надо было тамъ посидѣть, посудить людей, дать имъ правду. Дорога была песчаная, время жаркое; князь ѣхалъ на возу, лежа на соломѣ, а вокругъ его ѣхали человѣкъ шесть отроковъ. Онъ былъ спокоенъ и доволенъ, потому что послѣдній судъ во Владимірѣ далъ ему хорошій доходъ: за убитаго связаннаго вора поступило въ казну 12 гривенъ, за ссѣченныя борти взято по три гривны— девять гривенъ; за покражу сѣна съ двухъ воровъ пришло 18 кунъ. Князь припоминалъ и пересчитывалъ взятыя пени и не досчитывался одной гривны.

— Нерадецъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ отроку, ѣхавшему возлѣ него на красивомъ конѣ съ обнаженною саблею въ рукѣ. Отрокъ этотъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, блѣдный, худой, задумчивый.—Нерадецъ! Сколько ты получилъ пени съ этого торчина, котораго мы судили? Онъ побилъ своего слугу и отнялъ у него деньги, а я велѣлъ ему, по «Правдѣ», отдать деньги слугѣ и заплатить пеню. Что-же ты сдѣлалъ?

— Я, князь великій, сдѣлалъ какъ было приказано,— отвѣчалъ Нерадецъ;—взялъ съ него три гривны, одну отдалъ обиженному, а двѣ тебѣ въ руки подалъ.

— Какъ двѣ? Да развѣ двѣ гривны пени положено за это?—вскричалъ князь и приподнялся на локтѣ.—Три гривны слѣдуетъ въ казну, а ты что сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ какъ было сказано. Торчинъ у слуги своего отнялъ гривну, и долженъ отдать гривну. Ты велѣлъ взять три гривны, и я взялъ.

— Глупый ты звѣрь!—закричалъ разгнѣванный князь:— Зачѣмъ ты виноватому подарилъ гривну? Въ казну слѣдовало три гривны, а слугѣ онъ долженъ былъ отдать особо! Свиней-бы тебѣ пасти, а не отрокомъ быть въ княжеской дружинѣ!

— Я, князь, свиней пасти не буду,—отвѣчалъ Нерадецъ,—а если тебѣ я ненадобенъ, то свѣтъ не клиномъ сошелся, найдется князь, который съумѣетъ оцѣнить вѣрную руку.

— Ты, собака, еще огрызаешься! —вскричалъ князь, схватилъ лежавшій возлѣ него на возу бичъ и полоснулъ имъ Нерадца по лицу. Духъ захватило у отрока. Онъ воткнулъ князю въ грудь саблю и поскакалъ. Остальные отроки окружили раненаго, надѣясь подать ему помощь; но онъ выдернулъ изъ себя саблю и громко крикнулъ: „Охъ, этотъ врагъ меня покончилъ!“ Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ захлебываться своею кровью, дохнулъ разъ пять, и жизнь его оставила. Убійца между тѣмъ скрылся въ лѣсу

Отроки повернули возъ и отправились съ нимъ по направленію къ Кіеву. Князь Давидъ, узнавъ о несчастіи, обогналъ печальный поѣздъ и возвѣстилъ Всеволоду о злодѣйствѣ Нерадца. Тѣло Ярополка было встрѣчено съ почетомъ и погребено въ церкви Св. Петра, основанной покойнымъ за годъ передъ тѣмъ. Во время похоронъ прошелъ слухъ, что убійца, Нерадецъ, скрывается у Рюрика Ростиславича въ Перемышлѣ,

и тотчасъ-же самъ старый князь Всеволодъ съ кіевскою дружиною вышелъ въ походъ на Ростиславичей. Они послали спросить Всеволода, за что такая немилость?—и узнали, что ихъ подозрѣваютъ въ смерти князя Ярополка, потому что они укрываютъ Нерадца. Рюрикъ Ростиславичъ отвѣчалъ, что онъ точно укрываетъ убійцу, но укрываетъ въ тюрьмѣ, что теперь судъ конченъ, Нерадецъ долженъ быть казненъ, и княжескіе мужи могутъ пріѣхать въ Переяславль и быть при казни. Всеволодъ былъ очень доволенъ, что ему не надо продолжать похода, послалъ двухъ бояръ, присутствовать при казни, и вернулся въ Кіевъ. Все время племянникъ Давидъ Игоревичъ не отходилъ отъ него ни на шагъ, и добился своего, получилъ городъ Владиміръ съ областью, усѣлся тамъ и сталъ княжить и давать правду своему народу.

Это было въ 1084 году. Пока до новыхъ бѣдъ все затихло, и прошло въ Волынской области довольно мирно цѣлыхъ девять лѣтъ.

Совсѣмъ въ другой сторонѣ, въ другомъ мѣстѣ великой Русской земли, какъ-то въ началѣ зимы, вьюга злилась и выла какъ стая голодныхъ волковъ. На низменномъ поемномъ берегу рѣки мелкій кустарникъ былъ покрытъ снѣжными сугробами, и надъ ними вѣтеръ поднималъ цѣлые снѣговые холмы, разбивалъ ихъ въ тучи и несъ далеко по излучинамъ рѣки, накидывая новые сугробы. За то высокій лѣсистый берегъ, поднимавшійся круто, былъ совсѣмъ расчищенъ отъ снѣгу, и небольшая избенка, обметаемая порывами вѣтра со всѣхъ сторонъ, стояла печально и уныло и вся дрожала, когда налетала на нее туча мелкихъ снѣговыхъ иголокъ. Въ избенкѣ свѣтился огонекъ: когда бѣшеные порывы вѣтра стихали, съ луговой стороны виднѣлось сквозь окошко, съ натянутымъ вмѣсто стеколъ пузыремъ, то большое пламя, то едва замѣтный свѣтъ. Это работалъ кузнецъ, и, видно, не совсѣмъ искусный. Чтобы раскалить небольшую скобку

капкана, онъ раздувалъ такой огонь, что на немъ можно-бы сковать цѣлый щитъ не меньше варяжскаго. Кузнецъ работалъ не торопясь, любовался своей работой и что-то посвистывалъ. Въ дурно прилаженную дверь пробивался изъ сѣней мелкій снѣгъ и понемногу таялъ на глиняномъ полу. Въ неплотное окно тоже не мало снѣгу набивалось, и нерѣдко кузнецъ смотрѣлъ какъ противъ щели на подоконникѣ ложилась узенькая снѣговая полоска. Хозяинъ былъ, видно, не только кузнецъ: въ углу стояли, доставая потолокъ, длинныя лыжи, не совсѣмъ доструганныя; на стѣнѣ висѣлъ старинный заношенный лукъ, колчанъ со стрѣлами, здоровая рогатина, щитъ старинный изъ воловьей шкуры и тяжелый боевой топоръ. На полу валялись капканы, собранные для починки, на потолкѣ висѣли бѣличьи, куньи и собольи шкурки. Старая большая черная собака спала въ углу, иногда вставала, крутилась на одномъ мѣстѣ, опять укладывалась калачикомъ и тяжело вздыхала. Хозяинъ приладилъ капканъ, попробовалъ его спускъ, еще разъ попробовалъ и проговорилъ:

— Теперь, братъ, не уйдешь. Перержавѣли, вотъ и не дѣйствуютъ, а теперь пойдетъ ловъ не тотъ.

И онъ опять насторожилъ капканъ, тронулъ его прутикомъ и кивнулъ головой, когда онъ щелкнулъ. Собака въ это время подняла голову, осмотрѣлась и завыла.

— Экая глупая скотина,—сказалъ кузнецъ:—капкана не узнала? Этимъ самымъ капканомъ мы изловимъ бобра, хвостъ я самъ съѣмъ, пожалуй, приберегу и окорока, а остальное ты уберешь, Тіушка.

Пока онъ это говорилъ, собака на него смотрѣла, похлопала по полу хвостомъ, какъ услышала свое имя, потомъ отвернулась къ стѣнѣ и опять завыла.

— Что за пропасть: неужели волки бродятъ? Вотъ невидаль! Молчи, Тіунъ, цыцъ!

Тіунъ замолчалъ, но черезъ нѣсколько времени опять завылъ.

— Неужели кого нибудь несетъ сюда нелегкая въ эту погоду? Чтожъ? У насъ есть чѣмъ принять, а также и проводить.

Съ молоткомъ въ рукѣ вышелъ онъ за дверь; Тіунъ проскочилъ у него между ногъ, подбѣжалъ къ обрыву и залаялъ. Хозяинъ подошелъ къ тому-же мѣсту и сквозь вьюгу увидѣлъ, что кто-то карабкается къ нему на крутизну.

— Постой! не залѣзешь! Здѣсь круто: я тебѣ веревку кину!

Онъ вернулся въ избенку, вынесъ изъ нея мочальную веревку и бросилъ конецъ ея залѣзавшему человѣку. Тотъ съ трудомъ поднялся на край обрыва и пошелъ въ избу вмѣстѣ съ хозяиномъ.

— Ну, братъ, не будь твоего огонька, замерзнуть бы мнѣ въ эту ночь!—сказалъ гость.

— Какъ не замерзнуть? Этакій морозище завернулъ, да съ вѣтромъ! Зайди, погрѣйся, землякъ! Да нужда же тебя, видно, погнала въ такую-то погоду. Вѣрно, животъ спасаешь?

— Вышелъ-то я дня три назадъ, погода была ничего,— отвѣчалъ гость,—да вотъ испортилась.

Когда гость усѣлся на дубовомъ обрубкѣ, собака обнюхала его обстоятельно и улеглась на прежнее мѣсто. Осмотрѣвшись въ избѣ, гость подбросилъ пару поленковъ въ печку и къ оживившемуся огню протянулъ закоченѣлыя свои руки.

— Гдѣ-же это я теперь, добрый человѣкъ?—спросилъ онъ хозяина:—какъ это мѣсто прозывается?

— Никакъ не называется,—отвѣчалъ хозяинъ:—рѣка, отъ которой ты сюда на кручу поднялся, зовется Москва, а вотъ пониже немного рѣчка въ нее впала Яуза. По ней я бобровъ ловлю, еще водятся. А тутъ кругомъ лѣсъ, мѣста

вольныя, звѣрь водится, и вотъ мы вдвоемъ съ Тіушкой кое что добываемъ...

— А сбытъ-то куда? неужели въ Смоленскъ?—спросилъ опять гость.

— А сбытъ разный: ходятъ купцы, имъ сбываешь, а то такъ рѣка Клязьма здѣсь недалеко—въ Суздаль можно. Только нынче времена стали круты, звѣря становится мало; нашъ братъ охотникъ забирается все дальше въ глубь, звѣря распугиваютъ, и нынче не добудешь трехъ шкурокъ тамъ, гдѣ наши отцы безъ хлопотъ брали по десяти. Ужь начто Яуза дикое мѣсто, нога человѣческая, кажется, тамъ не бывала, и то бобры уходить собираются: по всей рѣчкѣ выводковъ шесть наберется-ли, нѣтъ-ли, не знаю.

Хозяинъ говорилъ все это, приготовляя толокно, въ деревянной чашкѣ, доставая ложки, развертывая тряпицу съ ржаными лепешками. Гость смотрѣлъ на это приготовленіе съ видимымъ удовольствіемъ, распоясался, снялъ заскорузлый полушубокъ и повѣсилъ на свой топоръ, съ размаху вогнанный въ стѣну, повѣсилъ ножъ, шапку, перекрестился, и сѣлъ къ столу. Хозяинъ отвѣсилъ ему установленный обычаемъ низкій поклонъ и просилъ отвѣдать хлѣба-соли. На это гость отвѣчалъ, что онъ два дня не ѣлъ, такъ чтобъ хозяинъ не прогнѣвался, если онъ поѣстъ за троихъ.

— Постой-же,—сказалъ хозяинъ:—медвѣжатины у меня есть окорочекъ: мигомъ поджаримъ...

— Разлюбезное дѣло!—отвѣчалъ гость, усердно принимаясь за ѣду.—Ты, хозяинъ, первая умница во всей Русской землѣ, и я за тебя помолюсь, когда въ монахи пойду.

Когда гость покончилъ съ толокномъ, надъ огнемъ почти совсѣмъ изжарились большіе тонкіе ломти медвѣжатины. Гость и хозяинъ разговорились, заѣдая бесѣду вкуснымъ сочнымъ мясомъ. Хозяинъ назвалъ себя Иваномъ, по прозванію Кучка. Онъ былъ родомъ изъ Новгорода, служилъ одно

время въ дружинѣ Полоцкаго князя Всеслава, но ушелъ отъ него, потому что ни до чего въ пять лѣтъ не дослужился. Гость назвалъ себя Лазаремъ, служилъ у князя Мономаха, и ушелъ отъ него за то, что онъ не хотѣлъ остаться въ Кіевѣ, когда умеръ отецъ его Всеволодъ Ярославичъ, а уступилъ кіевскій столъ двоюродному брату Святополку Изяславичу.

— Мы, дружина, и говоримъ князю, что такъ дѣлать не годится, что ему надо остаться въ Кіевѣ, что послѣ отца некому садиться, какъ сыну. А онъ послалъ къ Святополку въ Туровъ, звать его въ Кіевъ, а самъ пошелъ въ Черниговъ. Ужь такъ мнѣ не хотѣлось уходить изъ Кіева, что разсказать нельзя. Только-было устроилось все какъ слѣдуетъ, и домишко я себѣ завелъ въ Кіевѣ, и невѣсту насмотрѣлъ, и все пошло было какъ по маслу, а тутъ ступай въ Черниговъ. Я такъ думаю, что этотъ Мономахъ долженъ быть не изъ дальнихъ, или трусъ. Чего-бы ему въ Кіевѣ не сидѣть?

— Нельзя, любезный человѣкъ!—отвѣчалъ Кучка:—это онъ старшинство наблюдаетъ. Изяславъ прежде Всеволода сидѣлъ въ Кіевѣ, такъ дѣтямъ Изяслава слѣдуетъ по порядку сѣсть раньше дѣтей Всеволода, стало-быть Святополку Изяславичу раньше Мономаха Всеволодовича. А другое тутъ дѣло такое, что сядь онъ въ Кіевѣ помимо старшинства, Святополкъ пожалуй пошелъ-бы на него ратью. Съ нимъ-бы онъ справился, да съ другой стороны насѣли-бы на него Святославичи, такъ пожалуй-бы не устоялъ. Это онъ довольно хорошо понимаетъ. Къ тому-же онъ, говорятъ, великій печальникъ Русской земли и не хочетъ въ усобицахъ губить русскаго народа...

— Какъ это? Чѣмъ печальникъ? Что съ половцами-то воюетъ?—возразилъ Лазарь:—такъ эту войну мы видали. Онъ больше переговорами отдѣлывается, да разными дарами. Половцу что? Половцу ничего не надо, какъ только пограбить. Станетъ Мономахъ съ войскомъ будто защищать землю

хочетъ и пошлетъ дары. Ну половцы и видятъ, что взять надобно, и лучше взять безъ бою, чѣмъ драться: вѣдь можетъ быть, еще и побьютъ. Вотъ отъ этого житье дружинѣ было плохое. Я и бросилъ, ушелъ.

— Какъ же это такъ?—спросилъ Кучка:—изъ Чернигова ты вдругъ хватилъ на Москву рѣку, да еще очутился пѣшій и безъ хлѣба? Что-то ужь очень далеко...

— А ты, почтенный хозяинъ, очень плотно-то не выспрашивай,—отвѣчалъ угрюмо Лазарь:—точно тіунъ, что разорить человѣка взялся. Я слышу, ты свою собаку Тіуномъ зовешь; видно, и тебѣ случилось потерпѣть отъ этого злаго племени, а я попробовалъ съ ними вязаться: разорили меня разбойники, по-міру пустили, а я, грѣшнымъ дѣломъ, хотѣлъ поправиться, да увязъ пуще прежняго, такъ что изъ Смоленска насилу ноги унесъ.

— Ну хорошо, землякъ, разспрашивать не стану,—отвѣчалъ Кучка:—я и самъ съ тіунами не очень-то мирно живу, и разъ заплатилъ двойную виру за этотъ проклятый народъ. Одинъ тіунъ судья очень досадилъ неправымъ рѣшеніемъ, я его и пырнулъ ножомъ. Дѣлать нечего, попался, потребовали двойную виру, восемьдесятъ гривенъ; а гдѣ ихъ возьмешь? Были у меня животы кое-какіе, все продалъ; да гдѣ-же набрать такую кучу серебра? Человѣкъ пять холопей у меня было, и тѣ пошли въ уплату; все продалъ, а сосѣди радехоньки: человѣкъ въ бѣдѣ, чѣмъ-бы помочь, а они наровятъ цѣну дать по-меньше, изъ сосѣдской бѣды себѣ добро выкраиваютъ. Отцовскаго добра оставалось гривенъ двѣнадцать: и тѣ выкопалъ, отдалъ, только-бы душу отпустили на покаяніе. Полгода въ погребѣ подержали, выкупился, очистился, да и вышелъ-же голъ какъ соколъ. Въ Полоцкѣ тоже оставаться не хотѣлось, бросилъ, ушелъ, да вотъ здѣсь и застрялъ. Лѣтомъ я сюда на эту гору вышелъ, сѣлъ отдохнуть, да и заглядѣлся. Красота здѣсь лѣтомъ такая, какой

я нигдѣ не видывалъ. За рѣкой кустарникъ, перелѣски, и далеко, далеко видно. Птицы всякой много; въ рѣчкѣ, хоть она и невелика, рыбы сколько хочешь, въ Яузѣ рѣчкѣ держатся бобры; здѣсь по горѣ бѣлки сколько хочешь, и куница попадается, и соболь. Сосѣди тоже есть: вотъ въ той сторонѣ, въ бору, живетъ старый охотникъ, Букалъ, человѣкъ хорошій; у него двое сыновей, ловкіе тоже охотники. Гора отсюда видна; мы ее прозвали Воробьевой: тамъ живетъ охотникъ, съ дочерью Свѣтланой: красавица. Тоже землицы немножко распахалъ, хлѣбецъ сѣетъ, капусту разводитъ, только очень ужь заяцъ одолѣваетъ: хоть огородъ кругомъ городи.

— Съ такими сосѣдями жить можно,—сказалъ Лазарь,— и если-бы я вамъ тѣсноты тутъ не сдѣлалъ, то поставилъ-бы и себѣ тутъ избенку.

— Что-жь! Поживи съ нами, коли ты добрый человѣкъ. Оглядись, присмотрись, и если понравится, такъ и домкомъ обзаведешься: земли тутъ вольныя, запрету никому нѣтъ.

Лазарь остался ночевать и съ первыхъ же дней сталъ помогать Кучкѣ въ охотѣ. Жили они дружно, иногда видались съ сосѣдями, копили мѣха, разсчитывали гдѣ и какъ можно будетъ ихъ продать, какъ промѣнять часть ихъ на коня, и лѣтомъ затѣять пашню. Но Лазарь избы себѣ не ставилъ и все поговаривалъ, что онъ уѣдетъ изъ лѣсу.

— Хорошо у васъ тутъ на Москвѣ, — говорилъ онъ Кучкѣ:—а душа не лежитъ къ этому спокойному житью. Спасибо тебѣ, дяденька, что ты мнѣ пріютъ далъ, и хлѣбомъ кормишь, и звѣря своего уступаешь, за все спасибо; а въ городъ такъ меня и тянетъ. Удивляюсь я, какъ это тебя не тянетъ въ людскую чащу изъ лѣсной, и если ты хоть разъ помѣрился съ врагомъ въ молодецкой схваткѣ, то не весело должно быть схватываться съ медвѣдемъ и поджидать только лося сохатаго. Какъ врагъ побѣжитъ, а ты ему въ догонку скачешь, то стрѣлу здоровую пустишь, что воткнется

ему въ спину до половины, то голову ему разнесешь топоромъ, то копье всадишь въ шею, и мечешься какъ вѣтеръ, и рука съ топоромъ опускается какъ свинцовая... Это такое веселье, такъ духъ захватываетъ себя и все на свѣтѣ забываешь, какъ будто меду крѣпкаго, стоялаго, напился и пируешь съ товарищами въ кіевскомъ заѣзжемъ домѣ. А послѣ драки какъ придется дѣлить добычу или прибирать, что лишнее осталось послѣ недогадливаго непріятеля, то разомъ возьмешь столько, сколько здѣсь въ лѣсу не высидишь, и въ десять лѣтъ самой счастливой ловли. Не успѣешь прогулять всего добра, анъ опять походъ, опять свалка, и опять закровянишь себѣ топоръ и упьешься кровавымъ хмѣлемъ, и опять добычи дѣвать некуда, и продаешь шестерыхъ плѣнниковъ за гривну, а половецкаго верблюда за куну. А здѣсь! Тишина, покой какъ послѣ смерти, и какъ будто корни пускаешь въ землю, дервенѣешь и вся душа тоскуетъ какъ ноги, когда онѣ затекутъ въ колодкѣ...

— Это ты хорошо разсказалъ про войну, землякъ,—сказалъ задумавшись Кучка;—когда рука расходится, то душа какъ-будто удила закуситъ и крутится въ какомъ-то вихрѣ. Я это попробовалъ, точно; но послѣ, какъ оглянешься, какъ горячка пройдетъ, то даже противно станетъ, какъ спохмѣлья. Признаюсь тебѣ, что поле, покрытое мертвыми тѣлами, по моему, пахнетъ нехорошо, такъ что съ души воротитъ; а здѣсь весной сначала тебѣ пахнетъ талой землей, потомъ цвѣтомъ разнымъ пахнетъ, дубомъ, липой, земляникой; какъ солнце хорошенько боръ пригрѣетъ, то смолой пахнетъ, такъ что все отдай, такъ мало будетъ. По этому-то разстаться съ этой горой, съ этой Москвой, съ этой Яузой мнѣ не хочется. Весной, можетъ быть, Свѣтлана за меня пойдетъ, станетъ въ моей избенкѣ жить, такъ мнѣ никуда и не надо будетъ...

— Вотъ какъ!—сказалъ Лазарь, и присвиснулъ:—только думай ты какъ хочешь, а на мой взглядъ Букалова изба

ближе къ Свѣтланѣ, чѣмъ твоя. Старшій сынъ Букаловъ, говорятъ, передъ весной переѣзжаетъ на Воробьеву гору, и лѣтомъ будетъ тамъ ставить новую избу.

— Что? Какъ? Кто тебѣ сказалъ?—спросилъ испуганный Кучка.

Лазарь говорилъ неправду. Ему хотѣлось только сманить себѣ товарища въ далекую дорогу. Свѣтланѣ онъ наговорилъ, что Иванъ Кучка о ней не думаетъ; Букалу наговорилъ, что надо пристроить сына, и такъ ухитрился перессорить сосѣдей, что когда началась оттепель, два пріятеля, Лазарь и Кучка, отправились въ дальній путь. Они пошли на Смоленскъ, и во время продолжительнаго пути совѣщались куда именно выгоднѣе всего пристать.

— По мнѣ какъ хочешь, а князь Василько теперь самый бойкій изъ всѣхъ князей. Онъ въ Требовлѣ сидитъ; оно далеконько, гораздо дальше кіевской земли, да вѣдь мы въ Смоленскѣ, конечно, по коню себѣ вымѣняемъ и проѣдемъ важно. Только я въ Смоленскъ не зайду; у меня тамъ есть злые недруги, особенно тамошній тіунъ. Ты возьмешь мои шкурки, да высмотришь добраго коня. А князь Василько вотъ каковъ, я тебѣ скажу: съ половцами сошелся въ дружбу, на ихъ языкѣ бормочетъ, будто самъ половчанинъ, и говоритъ имъ: что вы, глупые, въ Русскую землю возите, будто свѣтъ клиномъ вышелъ, а въ польскую землю не навѣдаетесь? Тамъ богатства не то, что наши: нетронутыя. Уговорилъ, да и повелъ ихъ Польшу воевать. И что они добра оттуда вывезли, такъ и сосчитать нельзя. Это мнѣ сказывалъ самъ Кульмѣй, къ князю Васильку близкій человѣкъ. И говоритъ, что ничего себѣ не оставляетъ, все отдаетъ на дружину и съ дружиной пьетъ и ѣстъ, какъ старый князь Владиміръ. Вотъ куда намъ съ тобой надобно, и только тамъ ты воротишь себѣ прежнее богатство, что потратилъ на уплату виры за твоего пріятеля тіуна.

— Я, братъ, согласенъ,—отвѣчалъ Кучка:—по мнѣ теперь все равно, гдѣ ни быть, и если не на Москвѣ, то хоть въ воду.

— Ну вотъ, опять пріунылъ!—воскликнулъ Лазарь:—это, братъ, послѣднее дѣло. Въ дружину идти, да унывать! Погоди, въ Требовлѣ разгуляемся...

Когда пріѣхали въ Требовль, тамъ весна уже цвѣла во всей красѣ. Кучка ѣхалъ на большомъ тяжеломъ ворономъ конѣ, исправно вооруженный тяжелымъ оружіемъ, а Лазарь выбралъ себѣ коня гнѣдаго, тонкаго, легкаго и оружіе у него было такое же. Въ городѣ они наткнулись прямо на сборъ дружины: князь Василько отъ брата своего Володаря Ростиславича, изъ Перемышля, получилъ приказъ сейчасъ со всею дружиною выступать въ Кіевъ, пособлять русской землѣ прогонять половцевъ. Пріѣзжіе въѣхали прямо на дворъ къ тысяцкому Кульмѣю, который зналъ Лазаря; тысяцкій посмотрѣлъ въ глаза Ивану Кучкѣ и спросилъ:

— Въ первый рядъ согласенъ?

— Могу,—отвѣчалъ Кучка:—случалось.

— А гдѣ?

— А въ Полоцкѣ,—отвѣчалъ новобранецъ.

— Становисъ съ Лазаремъ,—сказалъ тысяцкій, и велѣлъ дружинѣ выѣхать со двора.

Но молодой Василько со своею дружиною не поспѣлъ къ Кіеву во время. Князь Святополкъ Изяславичъ не зналъ еще половцевъ, потому что сначала жилъ въ Новѣгородѣ, а потомъ переѣхалъ въ Туровъ, только чтобы быть поближе къ стольному городу, когда умретъ дядя Всеволодъ. Въ Кіевъ онъ пріѣхалъ съ боярами, которые служили ему въ Новѣгородѣ и въ Туровѣ; это были все люди неопытные въ войнѣ съ половцами; имъ казалось, что если собрать дружину въ восемьсотъ удальцовъ, то они справятся съ кочевниками. Кіевскіе старики, бывшіе совѣтники князя Всеволода, ска-

зали ему, что на половцевъ и восьми тысячъ будетъ мало, и совѣтовали послать въ Черниговъ къ князю Мономаху просить помощи. Мономахъ пришелъ, велѣлъ и брату своему Ростиславу тоже идти изъ Переяславля. Но всѣхъ силъ вмѣстѣ было мало, Василько еще не приходилъ, и Мономахъ совѣтовалъ мириться. Съѣхались князья въ Кіевѣ, въ Михайловскомъ монастырѣ, толковали долго и неопытные люди одержали верхъ. Войска выступили къ Треполю, перешли Стугну,' Святополкъ не выдержалъ удара непріятелей, бросился бѣжать, послѣ него подъѣхали Мономахъ и Ростиславъ и стали переѣзжать рѣку Стугну въ бродъ. Но это было не легко, потому что тогда она была въ разливѣ, конь Ростислава упалъ, князь свалился въ воду и захлебнулся. Мономахъ бросился спасать его и самъ едва не утонулъ. Святополкъ прибѣжалъ въ Кіевъ, а Мономахъ пробрался къ Чернигову. Наскоро собралъ Святополкъ небольшое войско изъ кіевлянъ, вышелъ на рѣку Желань, встрѣтилъ половцевъ, опять не выдержалъ натиска и бѣжалъ въ Кіевъ самъ третей. Приходилось мириться во что бы то ни стало, и ханъ Тугорканъ потребовалъ триста гривенъ за миръ. Святополкъ хотѣлъ его задобрить, послалъ къ нему бояръ своихъ и велѣлъ сватать себѣ его дочь. Ханъ обрадовался и запросилъ вдобавокъ за дочь еще большой калымъ, то-есть выкупъ. Играли свадьбу въ тотъ день, какъ Василько съ своею дружиною подошелъ къ Кіеву.

Святополкъ братски поздоровался съ пріѣзжимъ и хвалился, что теперь съ половцами будетъ вѣчный миръ.

— Какъ такъ вѣчный миръ?—спросилъ Василько недовѣрчиво.

— А такъ, что мы теперь съ ханомъ половецкимъ Тугорканомъ свои люди, а половцы его слушаются.

— Эхъ, братъ! Напрасно ты поторопился!—сказалъ съ досадою Василько.—Тугорканъ точно половецкій ханъ, да вѣдь

ихъ тамъ пропасть: что ни орда, то свой ханъ, а въ степи мѣста много и сколько тамъ ордъ, одному Богу извѣстно. Есть у нихъ еще Бонякъ съ ордой, есть Китанъ, есть орда Итларя, есть ханъ Вырь, и всѣхъ ихъ перечесть невозможно. Эхма! не бывало еще въ нашемъ княжескомъ родѣ, чтобъ на этихъ половчанкахъ жениться! Денекъ-бы только меня подождалъ: вѣдь со мной дружина.

— Не надо мнѣ ни дружины твоей, ни твоихъ совѣтовъ!—вскричалъ Святополкъ. Онъ сердился, потому что понялъ свою ошибку, а поправить ее было уже нельзя. Приходилось идти въ гридницу, угощать тестюшку, который не пилъ ничего, кромѣ лошадинаго молока, угощать и молодую, которая кушала охотнѣе всего лошадиное мясо. Съ этихъ поръ Святополкъ Изяславичъ не взлюбилъ Василька Ростиславича, черезъ три года за эту нелюбовь тяжко заплатилъ бѣдный Василько.

Князь Мономахъ на свадьбѣ не былъ; ему не до того было. Онъ услышалъ, что на него, прямо на Черниговъ, идетъ двоюродный братъ Олегъ Святославичъ, сынъ Святослава Ярославовича, которому данъ былъ отъ отца въ княженіе Черниговъ. У Мономаха дружины почти не было; онъ растерялъ ее въ сраженіи у Треполя и новой набрать не успѣлъ. Надо было торопиться, потому что Олегъ велъ съ собой цѣлую половецкую орду и шелъ какъ гроза, разоряя на пути все, что уцѣлѣло отъ орды Тугоркана. Василько услышалъ объ этомъ, и наскоро послалъ къ Мономаху гонца, спросить не нужна-ли ему помощь. Гонцомъ поѣхалъ изъ передняго ряда Иванъ Кучка, который понравился Васильку своею правдивостью и честностью. Въ тоже время дружина Василько отошла отъ Кіева, но пошла не къ югу, на Василевъ и Требовль, а къ сѣверу, на Вышгородъ и дальше, чтобы ближе быть къ Чернигову. Кучка поспѣлъ къ Мономаху въ самое Успенье (1094), а на другой день половцы обступили городъ съ всѣхъ сто-

ронъ, завизжали, завыли и бросились на гору. Пригороды стояли безъ защиты; жители всѣ ушли въ городъ, за высокій тынъ, гдѣ сидѣлъ и князь Мономахъ съ небольшою дружиной. Въ первый же день весь пригородъ съ церквами и монастырями былъ разграбленъ до тла и выжженъ вплоть до земли, а по горячей золѣ непріятель полѣзъ къ городу. Гонецъ князя Василько, Иванъ Кучка, работалъ вмѣстѣ съ дружиною и скоро разстрѣлялъ всѣ свои стрѣлы, и всякій разъ такъ удачно, что ни одна стрѣла не пропала даромъ, каждая свалила по врагу. Товарищи замѣтили это, замѣтилъ и тысяцкій Ратиборъ, и самъ князь Мономахъ. Жилистая рука Ивана натягивала потертый старенькій лукъ съ такою силою, какъ будто она была желѣзная, толстая короткая стрѣла срывалась съ воемъ, и съ трескомъ втыкалась сквозь глазъ въ голову половецкую, или переломивъ ребро въ косматую грудь. И за это исскуство сталъ гость первымъ человѣкомъ въ Черниговѣ; ему подбирали стрѣлы потяжеле, обрѣзывали тѣ, которыя были слишкомъ длинны, и угощали гостя сраженіемъ такъ, какъ слѣдовало добрымъ хозяевамъ. Но князь Мономахъ указалъ ему на одного дебелаго всадника на сѣромъ конѣ, и сказалъ:

— Вотъ этотъ, что въ золотомъ шишакѣ, мой братъ двоюродный, Олегъ. Ради Христа, прошу тебя, не пролей ты его крови, хотя бы ненарокомъ, потому что я не хочу быть Святополкомъ-окаяннымъ.

И съ тѣхъ поръ, какъ только Олегъ подъѣзжалъ хоть на дальній излетъ стрѣлы, въ широкую шею коня его впивалась мѣткая стрѣла. Много добрыхъ коней подъ Олегомъ Святославичемъ попортилъ Кучка. Прошла цѣлая недѣля. Въ Черниговскомъ городѣ не стало хлѣба, не стало воды, и Мономаху пришлось покориться. Онъ послалъ къ брату своего боярина Ратибора спросить: что ему надо? и съ какимъ уговоромъ онъ выпуститъ его съ дружиною на волю? Олегъ прислалъ сказать, что онъ изгоемъ быть не согласенъ, а сядетъ

на столѣ отца своего Святослава въ Черниговѣ, а что Мономаху дорога одна—въ стольный городъ его отца, въ Переяславль. Мономахъ взялъ съ брата крестное цѣлованіе въ томъ, что ему не сдѣлаютъ ничего худаго, когда онъ выѣдетъ изъ города, и выѣхалъ. Съ нимъ конныхъ было пятнадцать человѣкъ, шестнадцатый Иванъ Кучка, да пѣшихъ пятьдесятъ два человѣка, и дружины больше не было. Когда храбрецы ѣхали и шли черезъ половецкія толпы, то половцы облизывались какъ волки, глядя на лакомую добычу, а сдѣлать ничего не смѣли. Такъ Мономахъ ушелъ въ Переяславль, и увелъ съ собой гонца отъ Василька.

А князь Олегъ и самъ былъ не радъ, что привелъ половцевъ: надо было имъ заплатить, а съ Чернигова взять было нечего, область разорена, онъ и распустилъ половцевъ дограбить, что найдется. Сталъ тогда по всей землѣ стонъ и плачъ, кровавыми слезами люди плакали. Въ самомъ дѣлѣ, взять было нечего, и половцы брали только полонъ. Въ лѣсахъ находили людей, изъ глухихъ погребовъ вытаскивали, обшаривали села и деревни, и погнали черезъ степь человѣческое стадо, подгоняя усталыхъ плетью, поднимая упавшихъ отъ усталости копьями. А князь Олегъ Святославичъ сидѣлъ въ обожженномъ Черниговѣ и говорилъ, что ему своя честь всего дороже.

Только-что князь Мономахъ усѣлся въ Переяславлѣ и собрался отпустить гонца, котораго онъ успѣлъ полюбить, какъ новая орда половецкая привалила къ его городу и обложила его со всѣхъ сторонъ. Въ ней было два хана, Китанъ и Итларь. Они знали очень хорошо, что у Мононаха мало силы, что онъ оборонить своего города не можетъ, но знали также, что онъ богатъ и нерѣдко отпускалъ половцевъ, купивъ у нихъ миръ за хорошую цѣну. Поэтому ханы прислали къ князю пословъ и спрашивали, что онъ дастъ за миръ. Мономахъ отвѣчалъ, что цѣна разная; если половцы разоряли села, когда шли къ Переяславлю, если разорили Пречистенскій мо-

настырь, то онъ заплатитъ всего три гривны, да и то жалко будетъ, а ежели шли честно, прямо за деньгами шли, христіанъ не трогали, то онъ дастъ хорошія деньги, да еще спасибо скажетъ и угоститъ, и велитъ въ банѣ вымыть обоихъ хановъ. Тѣ отвѣчали, что шли честно, монастырь обошли за версту и пришли только погостить къ своему другу и брату князю русскому, а сколько онъ дастъ за миръ — прислалъ-бы сказать.

— Погостить, такъ погостить!—отвѣчалъ Мономахъ.— Поѣзжай, дяденька Ратиборъ, зови сюда плоскомордыхъ уродовъ, угостимъ ихъ и поторгуемся.

Ратиборъ поѣхалъ, но вернулся съ отвѣтомъ, что ханъ Итларь пожалуй войдетъ въ городъ съ двѣнадцатью лучшими мужами своими, только опасается, не сдѣлали-бы ему худа, и потому проситъ прислать къ Китану заложникомъ сына княжескаго Святослава. Молодаго князя съ провожатыми и съ кормильцомъ послали къ половцамъ, а ханъ Итларь важно въѣхалъ въ городъ. Съ нимъ былъ и бояринъ Славата, посланный къ Мономаху отъ брата, изъ Кіева, для переговоровъ о важномъ дѣлѣ, и перехваченный ордою. Тутъ Итларь увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ въ Переяславлѣ немногимъ можно-бы поживиться, такъ было все разорено; однако онъ величался своимъ великодушіемъ, навязывалъ Мономаху свою дружбу и все соображалъ сколько же можно будетъ взять съ такого бѣднаго городка, какъ Переяславль. Пока онъ пировалъ въ домѣ боярина Ратибора, Славата бесѣдовалъ съ княземъ Мономахомъ.

— Велѣлъ мнѣ князь кіевскій Святополкъ сказать тебѣ, что у тебя живетъ опасный перебѣжчикъ, и надо егобояться пуще огня. Зоветъ онъ себя Иваномъ Кучкой, служитъ у князя Василька Требовльскаго, а прежде служилъ въ Полоцкѣ и бѣжалъ изъ земли Суздальской съ Москвы рѣки. Этого вора и злодѣя ты мнѣ выдай, и я свезу его въ кіевскій погребъ въ заточеніе.

— Постой, постой!—отвѣчалъ Мономахъ:—въ чемъ про-

винился этотъ Кучка? Откуда взялось это, что онъ перебѣжчикъ? Пріѣхалъ онъ ко мнѣ отъ Василька съ грамотой, но уѣхать ему не удалось, я самъ его не пустилъ; въ осадѣ черниговской сидѣлъ онъ со мною и такъ работалъ своимъ лукомъ, какъ самый вѣрный мой дружинникъ. Отъ Чернигова онъ проводилъ меня сюда, я собираюсь его одарить и отпустить съ честью. Уговаривалъ его остаться у меня, да онъ не хочетъ. Его-ли выдать тебѣ въ кіевскіе погреба? Скажи мнѣ толкомъ, прямо и ясно, чѣмъ онъ провинился.

— Этого я не могу сказать,—отвѣчалъ Славата,—а знаю только, что онъ опасный перебѣжчикъ, зовется Иваномъ Кучкой, и князь кіевскій требуетъ его къ себѣ, и ты вѣрно не захочешь перечить кіевскому князю и ссориться съ нимъ изъ-за пустяковъ.

— По вашему это пустяки?—возразилъ Мономахъ;—посадить честнаго человѣка въ погребъ—пустяки? Воля твоя, я дамъ лучше обѣ руки себѣ обрубить, чѣмъ выдать добраго человѣка подъ топоръ и клевету. По крайней мѣрѣ, какъ Святополкъ узналъ, что этотъ Кучка перебѣжчикъ?

— Ты, князь, будь покоенъ, это уже вѣрно,—сказалъ кіевскій бояринъ;—отъ Василька былъ присланъ человѣкъ, и видно близкій, знающій всѣ наши дѣла. Онъ и говорилъ это самое, онъ крестъ цѣловалъ въ томъ, что Кучка измѣнникъ. Зовутъ его Лазаремъ.

— Ну, такъ и есть! Этого Лазаря я знаю, человѣкъ безъ чести, безъ совѣсти, и хотѣлось-бы мнѣ его добыть отъ Василька. Онъ у меня бѣжалъ изъ Кіева, потомъ бѣжалъ изъ Смоленска, и пропалъ. Проявился, голубчикъ! Опять принялся за прежнее ремесло: клеветать, мутить, ссорить, воровать... Я до него доберусь! Да вотъ я что сдѣлаю: того-же Кучку пошлю отъ себя къ Святополку и къ Васильку посломъ, съ грамотами, чтобы мнѣ моего вора и измѣнника Лазаря выдали головою. Это я сдѣлаю! Теперь-то онъ у меня не уйдетъ! А

что ему сдѣлалъ Иванъ Кучка, это я разузнаю, я разспрошу этого добраго человѣка...

Славата отправился въ домъ Ратибора, чтобы принять участіе въ угощеніи хана Итларя. Поздно вечеромъ, когда Итларь напробовался вдоволь заморскаго вина и заснулъ тамъ-же, гдѣ сидѣлъ, Ратиборъ пришелъ къ князю Мономаху.

— Что скажешь, дяденька?—спросилъ его князь:—что дѣлаетъ твой поганый гость?

— Сыроядецъ спитъ тамъ-же гдѣ сидѣлъ, въ холодной горницѣ,—отвѣчалъ Ратиборъ:—а вотъ что, князь, какое хорошее дѣло придумалъ кіевскій посолъ, бояринъ Славата: всѣхъ этихъ плоскомордыхъ сыроядцевъ очень-бы хорошо передушить, чтобъ ни одного не осталось.

— Кому ты это говоришь, Ратиборъ?—сказалъ удивленный князь.— Чтобы я на это предательство рѣшился? Чтобы я сына Святослава отдалъ подъ половецкіе ножи? Да въ умѣ-ли ты, бояринъ?

— Очень въ умѣ, князь!—отвѣчалъ бояринъ.—О князѣ Святославѣ говорить нечего: мы его выкрадемъ. Время стоитъ холодное, половцы, завернувшись въ свои халаты, спятъ, и когда пошло на мирные переговоры, то они никогда не стерегутся. Нашъ ловкій Кучка обѣщалъ намъ въ этомъ помочь, а онъ, говорятъ, изъ-подъ медвѣдицы медвѣжатъ выкрадывалъ. А послѣ того не хитро будетъ себя отъ расплаты съ ними избавить. Съ Итларемъ здѣсь двѣнадцать человѣкъ, и четверо вовсе ничего не пили, стерегутъ хана. У Китана всей дружины съ полсотни, стоятъ у насъ между валами. Всѣмъ имъ въ эту ночь надобно умереть: ночь-же ясная, вызвѣздило, мѣсяцу скоро всходить надо, равнина такъ и сверкаетъ снѣговыми искрами.

— Да въ своемъ-ли ты умѣ, Ратиборъ?—вскричалъ Мономахъ. —Развѣ я не цѣловалъ крестъ этому Итларю пога-

ному, что ему зла никакого не будетъ? Развѣ не свято мое княжеское слово?

— Это одни пустыя слова, князь великій! — возразилъ Ратиборъ. — Что такое значитъ, противъ половца сломать крестное цѣлованіе? Сколько разъ они намъ давали по своему клятву на вѣчное докончаніе? И таки всякій разъ они эту клятву нарушаютъ и льютъ кровь христіанскую. Имъ это можно, а намъ нельзя? Такъ это все равно, какъ еслибъ пастухъ передъ волкомъ крестъ цѣловалъ: а волкъ ему попался въ руки, такъ неужели онъ его выпустить долженъ, чтобъ онъ потомъ душилъ его овецъ? Воля твоя, князь, такого пастуха я не нахожу ни умнымъ, ни хорошимъ пастухомъ...

— Стало быть по твоему можно нарушить крестное цѣлованіе? отвѣчалъ князь:—Если такъ, то на свѣтѣ жить нельзя! Кому же вѣрить? Чему же вѣрить, если и кресту нельзя будетъ вѣрить? Опомнись, бояринъ, и впередъ съ такимъ совѣтомъ лучше ко мнѣ не ходи.

— Ну, ладно, Итларя не тронемъ, и только Китана вырѣжемъ, — отвѣчалъ Ратиборъ. — Китану ты креста не цѣловалъ, и если Кучка выкрадетъ князя Святослава, уже мы очистимъ наши валы, какъ хочешь. Или можетъ быть это хорошо, что Святославъ въ ихъ поганой кибиткѣ на морозѣ теперь ворочается и заснуть не можетъ, тѣло свое молодое никакъ согрѣть не можетъ?

Мысль о сынѣ заставила Мономаха согласиться. Кучка проползъ между половецкими шатрами, забрался въ шатеръ Китана, прирѣзалъ его соннаго, прирѣзалъ двухъ сонныхъ сторожей и вползъ въ ворота рядомъ съ молодымъ Святославомъ. А вслѣдъ за тѣмъ человѣкъ двадцать изъ княжеской дружины вырѣзали и всѣхъ остальныхъ половцевъ, спавшихъ по кибиткамъ между переяславскими валами. Въ двухъ мѣстахъ кровавое дѣло не обошлось безъ суматохи, но небольшой крикъ, задушенный стонъ, вопль человѣка, который за-

хлебывается своею кровью, все это прошло незамѣтно, потому что станъ половецкій расположенъ былъ на полверсты отъ валовъ.

Когда кровавое дѣло была кончено, Ратиборъ засталъ Мономаха въ теремѣ сидящимъ на лавкѣ рядомъ съ сыномъ. Мальчикъ съ жадностью ѣлъ вареную курицу, а князь сидѣлъ возлѣ и поглаживалъ его курчавую голову.

— Ну, поздравляю, князь, — сказалъ Ратиборъ: — съ Китаномъ покончили, и хорошо, начисто. Итларь съ своими двѣнадцатью завтра проснется: какъ съ нимъ быть? Можетъ быть захочетъ съ Китаномъ повидаться, или хоть такъ, взглянуть на половецкія кибитки...

— Видишь что ты надѣлалъ, проклятый! — сказалъ Мономахъ, съ упрекомъ покачивая головою.—Онъ только крикнетъ, и вся орда полѣзетъ на городъ...

— Это ты вѣрно угадалъ, князь, — отвѣчалъ съ злою усмѣшкою Ратиборъ: — такъ не лучше-ли, чтобъ онъ не крикнулъ, и его отослать по одной дорогѣ съ Китаномъ? Вѣдь все равно, убить его придется, какъ онъ крикнетъ по своему-то?

— И я стану клятвопреступникомъ!—сказалъ печально князь. — Что скажутъ другіе князья? Что скажетъ моя дружина? Русскій христіанскій князь Василій Владиміръ Мономахъ преступилъ крестное цѣлованіе! Да еще въ субботу, наканунѣ праздника Господня!.. Этого я тебѣ, бояринъ Ратиборъ, вѣкъ свой не забуду!..

И до утра огорченный князь упрекалъ своего боярина, и наконецъ, такъ какъ Итларь могъ скоро проснуться, онъ отпустилъ Ратибора и велѣлъ дѣлать какъ онъ знаетъ. Бояринъ послалъ къ Итларю княжескаго отрока и велѣлъ сказать: «Обувшись и позавтракавши въ теплой избѣ у Ратибора, пріѣзжайте ко мнѣ.» Итларь отвѣчалъ: «Хорошо!» Тогда же вошелъ и Ратиборъ и съ поклонами позвалъ хана и его дружину въ теплую избу, черезъ сѣни. Ханъ, входя, увидѣлъ на-

крытый столъ съ кушаньями и питьями, и бросился къ столу наливать себѣ крѣпкаго меду. Какъ только послѣднiй изъ половцевъ вошелъ, бояринъ Ратиборъ захлопнулъ за нимъ дубовую дверь, и задвинулъ тяжелые засовы. Когда половцы поняли, что они попались, то бросились къ окнамъ, и въ каждомъ увидѣли по четыре копья. Въ то же время на крышѣ работали люди: разметали крышу въ одномъ мѣстѣ, подняли бревно изъ накатника на потолкѣ и Ольбегъ Ратиборовичъ, сынъ боярина, натянувъ лукъ, ударилъ Итларя прямо въ сердце. Помутилось въ мозгахъ у хана, онъ сталъ задыхаться, но схватившись за стрѣлу, и бережно держа ее лѣвою рукою, вытягивалъ съ трудомъ свой мечъ и старался крикнуть: «Бей ихъ! Руби!» Но вмѣсто крика у него вырывался страшный шопотъ. А между тѣмъ въ отверстiе потолка стрѣлы сыпались на остальныхъ. Съ перепугу послѣднiй залѣзъ подъ столъ; стрѣла вонзилась въ его ногу, которая высунулась; онъ скрючился, сталъ вытаскивать стрѣлу, высунулъ локоть, и въ локоть впилась стрѣла; онъ сверкалъ глазами изъ-подъ стола, смотря на полъ, какъ бѣжали двѣ струи крови, какъ встрѣтились и закружились на одномъ мѣстѣ, и лужа расширялась... Кто-то изъ отроковъ Ратибора выбилъ окно и вогналъ ему копье въ спину.

Главное дѣло было сдѣлано; осталось только отогнать орду, уже не страшную, потому что она была безъ хановъ. Отрубленныя головы Китана и Итларя отослали въ половецкiй станъ. Орда зашумѣла, загудѣла, поднялась и потянулась въ степь. Чтобы помочь имъ бѣжать, дружина выбѣжала изъ города, перебила не мало отсталыхъ, захватила сотни двѣ лошадей и немного кое-какого степнаго добра.

— Въ этомъ, батюшка князь, ничего нѣтъ худаго,—говорилъ послѣ бояринъ Ратиборъ Мономаху: — эти половцы столько разъ давали намъ клятву, столько разъ вслѣдъ за клятвой губили Русскую землю, проливали кровь христiан-

скую, что вовсе не грѣшно разокъ ихъ проучить. Теперь они опять придутъ, это я знаю, только ужь не очень скоро. Такой у нихъ нравъ, что новый ханъ сейчасъ проявится, и сейчасъ явится другой охотникъ на его мѣсто, передерутся; потомъ еще найдется ханъ, а пока они тамъ въ своихъ степяхъ собираются, мы немножко окрѣпнемъ, обстроимся, ровъ около города углубимъ, башни поднимемъ, дружины прикопимъ... Ну, тогда опять...

— Неужели-же никогда конца не будетъ этимъ набѣгамъ?—сказалъ Мономахъ.—Вѣдь если такъ, то Русская земля никогда не усядется спокойно, не станетъ богата. Въ этихъ восточныхъ степяхъ кочевниковъ видимо невидимо, и когда нибудь, собравшись съ силами, русскимъ князьямъ надо-бы соединиться и пройти всю степь и вдоль и поперекъ до Дона, или до Волги, чтобы съ корнемъ вырвать это скверное племя. Только тогда Русская земля отдохнетъ, и начнетъ населяться. А то вѣдь вовсе оскудѣла, особенно здѣшняя сторона: народъ уводятъ, скотъ отгоняютъ, дома жгутъ, все отнимаютъ, разоряютъ, и сидишь княземъ—только слава что князь—надъ пустыми землями.

Наступила пора отсылать въ Кіевъ боярина Славату и въ Требовль гонца Кучку. Князь строго наказывалъ Словатѣ уговорить брата Святополка прислать дружину.

— Скажи, что и своей земли мнѣ жалко, да и Кіева жалко. У меня уже нечего брать, нечѣмъ и задержать половцевъ, такъ они пойдутъ къ Кіеву, и стольный городъ разорятъ. Такъ пусть онъ этого не ждетъ, а высылаетъ дружину: пойдемъ въ степь, хоть немного накажемъ разбойниковъ и воротимъ награбленнаго добра. Только чтобы прежде всего прислалъ мнѣ скованнаго Лазаря. Онъ мой бѣглый рабъ и заводчикъ всякихъ смутъ, ссоръ, клеветы, брани, междоусобія и лжи... Да! Скажи на милость, Кучка! Чѣмъ ты прогнѣвилъ этого Лазаря? За что онъ тебя порочитъ?

Добросовѣстный Кучка даже испугался. Онъ старался припомнить, чѣмъ онъ могъ обидѣть товарища, разсказалъ князю какъ онъ пріютилъ скитальца на Москвѣ, какъ эни вмѣстѣ пошли, какъ онъ въ Смоленскъ не зашелъ, а поручилъ ему сбыть свои шкурки, и какъ они потомъ поѣхали въ Требовль. Но когда онъ узналъ, что его, Ивана Кучку, ославили перебѣжчикомъ и измѣнникомъ, то закипѣлъ гнѣвомъ и далъ себѣ слово отмстить клеветнику. Получивъ отъ Мономаха въ подарокъ лучшаго изъ отнятыхъ половецкихъ коней, онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Славатой, ведя въ поводу княжеское подареніе.

Князь Василько былъ на него сердитъ и встрѣтилъ въ Требовлѣ сурово.

— Гдѣ ты пропадалъ, бродяга?—спросилъ онъ Ивана.—Перебѣгалъ? Сѣялъ клевету и ссору?...

Кучка подалъ ему грамату отъ князя Мономаха, и сказалъ: „Кто на меня сѣетъ клевету, съ тѣмъ я перевѣдаюсь; а вотъ тебѣ, князь, пишетъ обо мнѣ переяславскій князь Мономахъ; можетъ быть, въ его граматѣ больше правды, чѣмъ въ словахъ наушника.“

— Что ты врешь! Какой онъ переяславскій? Онъ черниговскій.

— Я посланъ былъ съ мѣсяцъ тому назадъ къ черниговскому, а вернулся отъ переяславскаго. Въ Черниговѣ сѣлъ Олегъ Святославичъ: семь дней съ половцами держалъ насъ въ осадѣ.

Князь Василько разспросилъ подробно обо всемъ, похвалилъ своего гонца и послалъ за Лазаремъ, котораго въ граматѣ своей требовалъ князь Мономахъ. Но Лазарь подслушалъ у дверей, слышалъ правдивый разсказъ своего товарища, слышалъ восклицанія князя Василька, добраго, прямаго и честнаго человѣка, удивлявшагося злобѣ клеветника. Отрокъ, посланный за Лазаремъ, не нашелъ его нигдѣ, а послѣ, когда

сталъ разспрашивать у товарищей, то оказалось, что онъ уѣхалъ.—«Вскочилъ на княжескаго коня и ускакалъ,—разсказывалъ одинъ изъ стрѣльцовъ;—а пока взнуздывалъ, успѣлъ только сказать, что князь послалъ его на встрѣчу брату Володарю, который идетъ изъ Перемышля.»

— Какъ я послалъ? Зачѣмъ брату идти сюда изъ Перемышля? вскричалъ Василько, но тотчасъ понялъ, что это новая увертка злаго человѣка, новая ложь, чтобы какъ-нибудь вывернуться изъ бѣды.—Ну, хорошъ! И коня моего увелъ!.. Ну, вѣрю я Мономаху, что этотъ Лазарь и воръ, и измѣнникъ. Но если онъ мнѣ попадется, то не за чѣмъ будетъ выдавать его Мономаху: я самъ съ нимъ расправлюсь. По «Русской Правдѣ» «тать коневый выдается князю головою»...

— А кто честь у человѣка украдетъ, тому какое наказаніе слѣдуетъ по Ярославовской «Правдѣ»?—спросилъ Кучка.

— Казни никакой не положено,—отвѣчалъ Василько;—но правда твоя: то, что онъ укралъ у тебя, хоть оно и нашлось, гораздо дороже моего коня; поэтому, другъ Кучка, я уступаю тебѣ Лазаря. За поврежденіе руки, ноги, глаза, носа виноватый платитъ въ казну 20 гривенъ, да изувѣченному 10 гривенъ, всего стало быть тридцать; а за поврежденіе чести, конечно, можно взять голову. Добывай ты его себѣ какъ знаешь.

Но достать Лазаря было не легко. Въ первый разъ услышалъ о немъ Кучка почти черезъ полгода: Лазарь служилъ во Владимірѣ, въ дружинѣ Давида Игоревича, и жилъ при князѣ. Только-что Кучка узналъ объ этомъ, какъ пошелъ къ князю Васильку и спросилъ не будетъ-ли какого приказа къ князю Давиду, такъ какъ онъ, Иванъ Кучка, сегодня ѣдетъ во Владиміръ по своему дѣлу.

— А по какому это дѣлу, нельзя-ли узнать?—спросилъ Василько.—И почему ты думаешь, что я тебя такъ вотъ сейчасъ и пущу?

— Во Владимірѣ теперь, въ дружинѣ княжеской, жи-

ветъ Лазарь,—отвѣчалъ Кучка:—надо съ нимъ счеты свести, и—назадъ.

— Будто бы Лазарь тамъ?—спросилъ удивленный Василько:—такъ близко? Ну, признаюсь, такого смѣлаго вора я еще не видалъ. И отчего же это тебѣ такъ понадобилось сегодня-же ѣхать?

— Этого дѣла откладывать никакъ нельзя, князь великій,—отвѣчалъ спокойно Кучка;—такой человѣкъ, какъ Лазарь, того и гляди изъ рукъ выскочитъ: кто нибудь другой его повѣситъ, либо застрѣлитъ, а мой-то долгъ такъ на немъ и пропадетъ.

Василько разсмѣялся, потрепалъ по плечу своего честнаго отрока, и сказалъ:

— Ну, этого вора не такъ-то легко застрѣлить; онъ и отъ твоей стрѣлы, гляди, какъ-бы не увернулся: ловокъ. А мнѣ отпустить тебя никакъ нельзя, надо тебѣ опять ѣхать къ Мономаху. Я только что собирался созвать дружину и поговорить, посовѣтоваться. Видишь-ли, дѣло какое. У Мономаха отняли Черниговъ при тебѣ?

— Отняли.

— Олегъ Святославичъ съ братомъ Давидомъ Святославичемъ-же, отняли у него и Смоленскъ. Кіевскій Святополкъ вмѣстѣ съ Мономахомъ стали звать Святославичей въ Кіевъ на съѣздъ, чтобъ урядиться о землѣ; они не ѣдутъ. Звали ихъ вмѣстѣ идти на половцевъ, нейдутъ. Они и послали Олегу сказать: «Ты не шелъ съ нами на поганыхъ, которые сгубили Русскую землю; а вотъ теперь у тебя сынъ Итмаря; убей его, либо отдай намъ, онъ врагъ Русской земли». Олегъ не послушался. Тогда ему велѣли сказать: «пріѣзжай въ Кіевъ, урядимся о Русской землѣ, предъ епископами, игуменами, мужами отцовъ нашихъ и людьми городскими, чтобы послѣ намъ можно было сообща оборонять Русскую землю отъ поганыхъ». Олегъ отвѣчалъ: «Не пойду на судъ къ епископамъ,

игуменамъ и смердамъ». На это князья послали ему послѣднее слово: «Ты нейдешь съ нами на поганыхъ, нейдешь къ намъ на совѣтъ, значитъ, мыслишь на насъ недоброе и поганымъ помогать хочешь: пусть-же Богъ насъ разсудитъ». Стало-быть тамъ война. Какъ-же намъ быть? По настоящему надо такъ, чтобы всѣ князья, которые въ совѣтѣ съ большими князьями, шли съ ними за одно, и намъ бы надо человѣкъ хоть сто отправить къ Мономаху. Ты какъ объ этомъ думаешь?

— Я, князь, такъ думаю,—отвѣчалъ Кучка,—что мнѣ прежде всего надо во Владиміръ съѣздить, счеты свести, а безъ этого я и думать не могу. Лазарь у меня гвоздемъ засѣлъ въ головѣ, и пока я ему такой-же гвоздь не вгоню въ голову, я ни на что негоденъ. Ты-же самъ уступилъ мнѣ его обиду, такъ ужь не бери назадъ своего подарка.

— А на чемъ ты мнѣ цѣловалъ крестъ?—спросилъ Василько:—что у насъ въ дружинѣ постановлено? Свои дѣла дѣлай, только послѣ княжескихъ! Такъ ты это не забывай и Лазаря твоего пока брось...

Иванъ Кучка въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ забыть на время о своемъ заклятомъ врагѣ; но не пришлось идти и къ Мономаху: поляки вошли въ удѣлъ Василька, разорили что могли, народъ разбѣжался, и дружина выступила на встрѣчу врагамъ. Когда поляки были вытѣснены, Василько съ Володаремъ условились, въ отместку за вторженіе, пойти повоевать польскія земли. И опять полилась кровь, опять разореніе сельскаго народа и кровавыя слезы людей, ни въ чемъ не виноватыхъ.

Между тѣмъ Мономахъ справлялся съ черниговскимъ Олегомъ, разорялъ его землю, живаго мѣста не оставилъ, и одолѣлъ двоюроднаго брата, такъ что тотъ согласился наконецъ съѣхаться съ другими князьями на устроенье мира. Долго еще торговались о томъ, гдѣ съѣхаться. Мономахъ требо-

валъ, чтобы собраться всѣмъ въ Кіевѣ; но князь Олегъ прислалъ сказать, что онъ не забудетъ, что сдѣлали въ Переяславлѣ съ двумя половецкими ханами, и въ Кіевъ не поѣдетъ. Согласились, наконецъ, на Любечь, въ Черниговской волости, и назначили для съѣзда день третье воскресенье послѣ Покрова Пресвятыя Богородицы (октябрь 1097 г.). Мономахъ поѣхалъ изъ своего Переяславля; Святополкъ изъ Кіева, Василько Ростиславичъ изъ Требовля, Давидъ Святославичъ изъ Смоленска, Олегъ Святославичъ изъ Чернигова, и Давидъ Игоревичъ изъ Владиміра. Кромѣ Василько Ростиславича, сидѣли все двоюродные братья, внуки Ярослава, такъ что урядиться имъ было легко, раздѣлить волости по отцамъ, какъ даны были Ярославомъ. Только Володарю и Васильку Ростиславичамъ (старшій братъ ихъ Рюрикъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ умеръ) оставили ихъ волости Перемышль и Требовль, утвержденныя за ними княземъ Всеволодомъ. Уладившись, князья цѣловали крестъ и рѣшили: «Если теперь кто нибудь изъ насъ поднимется на другаго, то мы всѣ встанемъ на зачинщика и крестъ честной будетъ на него-же». Всѣ повторяли: «Крестъ честной на него и вся земля Русская». Съ тѣмъ князья и разъѣхались.

Троимъ изъ нихъ дорога лежала одна, на Кіевъ: Святополкъ долженъ былъ остаться въ своемъ городѣ, Давиду Игоревичу приходилось проѣхать дальше, во Владиміръ, а Васильку еще дальше, къ брату, въ Перемышль, а можетъ быть еще дальше, на самую польскую границу. Всѣ три князя ѣхали вмѣстѣ и часто приходилось ѣхать рядомъ. Но потомъ Василько сталъ примѣчать, что когда онъ подъѣзжалъ къ братьямъ, они переставали разговаривать и какъ будто не хотѣли говорить при немъ. Чтобы имъ не мѣшать, онъ отставалъ и чаще ѣхалъ возлѣ своего тысяцкаго Кульмѣя. А Давидъ говорилъ:

— Своими глазами видѣлъ, какъ этотъ Василько съ Мо-

номахомъ шептались. Оба они замышляютъ на насъ что-то недоброе, вотъ увидишь! И такой этотъ Василько безпокойный человѣкъ, что одного дня не посидитъ на мѣстѣ, и съ половцами черезчуръ друженъ, и держитъ всякій сбродъ въ своей дружинѣ, и намъ съ тобой надо промышлять о своихъ головахъ.»

— Ну, ты ужь очень далеко хватаешь,—отвѣчалъ Святополкъ:—вчера только крестъ цѣловали, а сегодня о головѣ промышляй!

— Да еще какъ промышлять-то надо!—возразилъ Давидъ:—у меня въ дружинѣ есть мужъ вѣрный и умный, онъ прежде служилъ у Василька; такъ онъ не разъ своими ушами слышалъ, какъ похвалялся Василько. А онъ, вѣдь, хитрый какой! Прослышалъ, что у меня этотъ Лазарь служитъ, понялъ, что все его злые умыслы наружу могутъ выйти, и присылаетъ ко мнѣ требовать, чтобъ я его выдалъ, потому что онъ, будто-бы, воръ. А развѣ я самъ не могу его казнить, ежели онъ воръ? Слава Богу, я русскій князь, не изгой какой нибудь. Выдавать своихъ людей никто не станетъ. Вѣдь, Ростиславичи не выдали-же Нерадца, когда онъ убилъ твоего брата Ярополка и бѣжалъ въ Перемышль? Казнили-же его сами? Да еще его ли казнили? Кто подослалъ убійцу?...

Въ это время подъѣхалъ къ князьямъ Василько. Горяча своего коня, онъ поровнялся съ ними и сказалъ, радушно и бодро улыбаясь:

— А каковъ морозецъ, братцы? Проскачемъ-ка немножко, погрѣемся...

Князь Давидъ отодвинулъ своего коня отъ Святополкова и угрюмо смотрѣлъ въ сторону. Отвѣчалъ ему Святополкъ:

— Поскачи, побалуйся, братецъ: кровь-то молодая у тебя еще играетъ!

— А будто-бы ты уже старикъ такой?—возразилъ Га-

силько:—развѣ года на полтора старше меня, да и будетъ-ли столько!

— А вотъ черезъ четыре дня, 8 числа, мнѣ будетъ тридцать лѣтъ ровно. А тебѣ?

— А мнѣ съ мѣсяцъ назадъ минуло двадцать восемь,— отвѣчалъ Василько;—а признаюсь, люблю проскакать на борзомъ конѣ. Впрочемъ, надо взглянуть, что дѣлаютъ люди въ обозѣ.

И онъ поскакалъ назадъ.

— Да, жди добра отъ этакого непосѣда! — замѣтилъ князь Давидъ.—Нѣтъ, если не схватимъ его, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ.

Пріѣхали въ Кіевъ. Василько пошелъ помолиться въ Михайловскій монастырь, поужиналъ тамъ, оставилъ небольшой вкладъ, и воротился ночевать въ свой обозъ. Тамъ отроки поставили ему теплый половецкій шатеръ, и онъ мирно проспалъ до утра. На другой день, 5 ноября, Святополкъ прислалъ къ нему своего отрока: велѣлъ просить, чтобы не уходилъ отъ его именинъ, чтобы остался до 8 числа.

— Скажи ты князю,—отвѣчалъ Василько,—что радъ-бы радостью попировать въ его именины, да никакъ мнѣ этого нельзя: дома неспокойно, дружина можетъ попасться полякамъ въ руки.

Черезъ нѣсколько времени пришелъ отрокъ отъ князя Давида и передалъ такія слова:

— Не ходи, не ослушайся старшаго брата.

— Не могу я никакъ!—отвѣчалъ Давиду Василько:— князь Давидъ знаетъ, что у меня мира нѣтъ съ поляками, что можетъ быть Требовль теперь вплоть до земли разоренъ.

Когда этотъ отвѣтъ былъ принесенъ, Давидъ сидѣлъ съ кіевскимъ княземъ и завтракалъ.

— Видишь, князь?—сказалъ онъ Святополку,—какой онъ упорный! Онъ тебя знать не хочетъ, сидя въ Кіевѣ; а

что же это будетъ, какъ онъ въ свою волость прiѣдетъ? Не даромъ, повѣрь ты мнѣ, созываетъ онъ къ себѣ половцевъ разныхъ, торковъ, берендѣевъ, и въ такой дружбѣ съ ханомъ Бонякомъ, что даже непристойно русскому князю. Пойдетъ отсюда, захватитъ Туровъ, заберетъ Пинскъ, а тамъ и моему Владимiру достанется. Сегодня пришли къ нему четверо печенѣговъ, онъ ихъ накормилъ, а вчера вечеромъ въ Михайловскомъ монастырѣ какой вкладъ оставилъ, такъ стыдно и сказать, нищенскiй! Вотъ помянешь меня, да поздно будетъ!.. Схвати ты его, князь, отдай мнѣ!

Святополкъ послушался и послалъ сказать Васильку, что если онъ уже не хочетъ остаться, то чтобы хоть зашелъ сегодня повидаться и посидѣть вмѣстѣ съ Давидомъ. Василько отослалъ свой обозъ и съ четырьмя отроками поѣхалъ къ теремному двору. На встрѣчу ему попался слуга Дульша: онъ бѣжалъ съ торгу, гдѣ купилъ съ полдюжины куръ на княжескую трапезу въ дорогѣ, и слышалъ недобрыя вѣсти.

— Голубчикъ, князь! Не ѣзди!—вскричалъ онъ, увидѣвъ Василька:—что тебѣ тамъ дѣлать? На базарѣ я слышалъ такое страшное, что и сказать нельзя.

— Что ты такое слышалъ?—спросилъ князь:—говори скорѣй, мнѣ некогда.

— Слышалъ, будто тебя схватить хотятъ!—отвѣчалъ Дульша.

— Вотъ вздоръ какой! кто смѣетъ это говорить? Меня? За что? Меня, когда я днемъ и ночью, зиму и лѣто стою на польской границѣ, обороняю Русскую землю! Да хоть-бы и было за мною какое зло, такъ на что-же крестное цѣлованiе? Сказано, что кто на кого первый поднимется, то всѣ будутъ на зачинщика и крестъ честной! Не вѣрю я базарной болтовнѣ. А ты догоняй обозъ, да скажи, что я посижу немного и тоже догоню.

Однако князь перекрестился, сказалъ: «Воля Господня да будетъ!» и продолжалъ путь.

Святополкъ вышелъ на крыльцо, какъ онъ въѣхалъ на княжескій дворъ, встрѣтилъ его и черезъ сѣни проводилъ въ натопленную горницу.

— Да, это не худо погрѣться: ночь была прехолодная,— сказалъ Василько;—а мнѣ еще какой долгій конецъ впереди!

Пришелъ Давидъ, поздоровался и сѣлъ.

— Останься-же на мой праздникъ, — сказалъ Святополкъ:—попируемъ по старинѣ...

— Да, это хорошо тебѣ, князь, въ Кіевѣ пировать;— отвѣчалъ Василько;—а намъ, на своей границѣ, некогда! Ты за кружку, а врагъ за мечъ! Нѣтъ, я не останусь, нельзя, да и обозъ уже впередъ отправился.

Тогда Святополкъ началъ упрашивать Василька остаться у него хотя позавтракать. На это князь Требовльскій согласился, и Святополкъ вышелъ, говоря: «Вы здѣсь посидите, а я пойду распоряжусь.»

Только-что онъ вышелъ, Василько обратился къ Давиду:

— Не прикажешь-ли чего во Владиміръ, князь? Я вѣдь раньше твоего тамъ буду...

Но Давидъ не слышалъ вопроса: такъ испугался того, что сейчасъ будетъ.

— Неужели ты сердитъ на меня, Давидъ?—продолжалъ Василько:—ты вѣдь ближній сосѣдъ, знаешь лучше всѣхъ, что у меня на границѣ неспокойно...

Тутъ вошли слуги съ разнымъ приборомъ. Давидъ спросилъ: «Гдѣ братъ Святополкъ?»—Ему отвѣчали: «Стоитъ на сѣняхъ». Тогда онъ сказалъ Васильку: «Я пойду за нимъ, а ты, братъ, посиди». Но только что онъ вышелъ, и дверь за нимъ заперлась, слуги, окружавшіе Василька, вдругъ наложили на него двойныя цѣпи. Князь богатырь рвался, какъ связанный медвѣдь, но толстыя цѣпи кованы были въ Царь-

градѣ; онѣ душили и рѣзали богатыря, а онъ все рвался и все вопилъ: «Подайте мнѣ сюда Святополка окаяннаго! Крестъ на него и вся Русская земля». Только къ ночи онъ угомонился и тяжко заснулъ на полу, а стража всю ночь стояла надъ нимъ въ четыре смѣны.

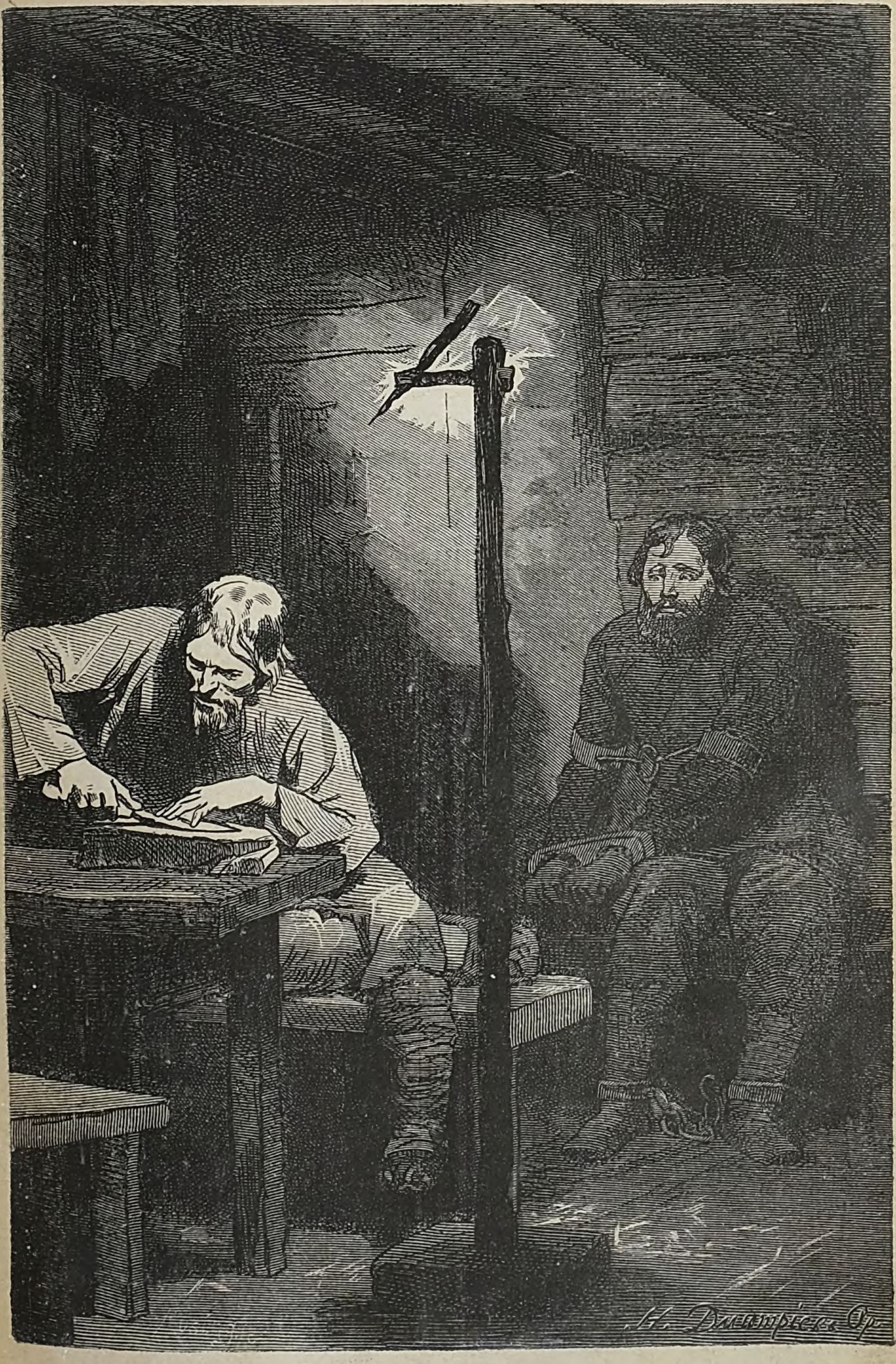
На слѣдующее утро рано былъ набатъ: на княжескій дворъ скликали народъ, собрались и бояре. Никто не зналъ, за чѣмъ зоветъ князь свой народъ? Кто говорилъ, что половцы идутъ; кто догадывался, что опять между князьями вышла усобица и придется давать воиновъ; но на теремномъ дворѣ въ толпѣ всѣ уже какъ-то узнали, что князь Василько закованъ и сидитъ въ погребѣ и что рѣчь будетъ о немъ. Князь Святополкъ вышелъ на крыльцо и поклонился народу. Онъ разсказалъ, что Василько брата его Ярополка убилъ, а теперь сговорился съ Мономахомъ, хочетъ и его, Святополка, убить, а городъ его взять себѣ.

— Какъ-же мнѣ быть съ Василькомъ?

Мужи кіевскіе видѣли, что князь Святополкъ хочетъ на нихъ свалить свое дѣло: всякая княжеская усобица тяжко ложилась на города, которые давали воиновъ и терпѣли, конечно, разореніе въ случаѣ если одолѣетъ непріятель; теперь же князь совѣтовался съ ними только за тѣмъ, чтобы послѣ, когда придется брать войско, сказать недовольнымъ, что вы-же сами этого хотѣли, сами-же такъ посовѣтовали, что вышла война. Но какъ быть въ этомъ случаѣ? Василька народъ зналъ какъ вѣрнаго бойца за Русскую землю, любилъ его особенно за то, что онъ отвелъ половцевъ отъ грабежа русскихъ селъ и увелъ орду на грабежъ Польши. Виноватъ-ли онъ въ томъ, что на него взводятъ? Не небылицы-ли это? И вотъ посовѣтовавшись, бояре и простые люди отвѣчали:

— Тебѣ, князь, надобно беречь свою голову; если Давидъ сказалъ правду, то Василька надо казнить; если-же сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ передъ Богомъ.

Къ стр. 385.

— Неужели на меня этотъ ножъ? — подумалъ Васильке.

Этимъ и порѣшили. Но услышали въ чемъ дѣло игумены печерскій и михайловскій и пришли къ князю и стали уговаривать его отпустить Василька.

— Я тутъ ни причемъ; у князя Давида есть доказательства, что Василько съ Мономахомъ на насъ умышляютъ.

Послѣ Святополкъ говорилъ Давиду:

— Заступаются игумены, а вѣче ничего мнѣ толкомъ не сказало.

— Какъ ничего не сказало?—возразилъ Давидъ:—совѣтовало тебѣ отдать это дѣло мнѣ, чтобы я отвѣчалъ передъ Богомъ. Ну и отвѣчу: самъ Богъ велѣлъ беречь себя, о себѣ промышлять; я такъ и дѣлаю. Отдай его мнѣ, а я ужь устрою.

— Что-же, убьешь?

— Ну, если хочешь, такъ крестъ тебѣ поцѣлую, что живъ будетъ! отвѣчалъ Давыдъ.

Какъ стала ночь, Василька въ цѣпяхъ положили на телегу, и повезли. Остановились въ Бѣлгородѣ, ввели въ маленькую избу и посадили. Оглядѣвшись, онъ увидѣлъ, что пастухъ Святополковъ, родомъ торчинъ, именемъ Беренда, точитъ на камнѣ небольшой засаженый ножъ. Отъ чего-то заныло сердце у богатыря князя, почуяло что-то недоброе.

— Неужели на меня этотъ ножъ?—подумалъ онъ:—промучатъ долго разбойники этимъ ножомъ... Смерти я не боюсь; сколько разъ приходилось смотрѣть ей въ лицо, когда приводилось рубиться съ поляками, съ печенѣгами... Но этотъ скверный овчаръ будетъ горло рѣзать какъ барану... И всталъ князь богатырь, и загремѣли его цѣпи.

Тотчасъ-же двери отворились, и вошелъ съ ковромъ въ рукахъ Димитрій, конюхъ князя Давида, а за нимъ другой конюхъ Святополка. Мигомъ коверъ разостлали на полу и, схвативши Василька, хотѣли его повалить. Скованный князь боролся какъ старинный богатырь Илья Муромецъ, такъ что двое не сладили, позвали помогу, одолѣли князя и повалили.

— Не бойся, князь! Ничего! Потерпи не долго! —говорилъ конюхъ Димитрій.

— Разбойники вы, кровопійцы! Что я вамъ сдѣлалъ, убійцы?—кричалъ князь, обороняясь отчаянно.

— Не бойсь! Живъ будешь, только въ глазахъ будто горячо станетъ!—говорилъ Димитрій, усаживаясь на колѣнахъ поваленнаго князя.

— Глаза! Глаза мои!—закричалъ князь и такъ рванулся, что одна цѣпь лопнула, Димитрій покатился къ порогу; но двое другихъ слугъ удержались на груди Василька. Тогда Димитрій досталъ съ печи короткую доску, положилъ ее князю на грудь и два человѣка сѣли на нее по концамъ. Но несчастный все бился. Взяли еще доску съ печи и еще двое насѣли на нее. Кости затрещали въ могучей груди Василька; онъ началъ задыхаться. Подошелъ съ ножемъ торчинъ, хотѣлъ ткнуть въ глазъ, но князь быстро повернулъ голову и лезвее порѣзало ему переносье и щеку. Кровь застлала ему глаза, и пастухъ вырѣзалъ ему сначала одинъ, потомъ другой. Князь обезпамятѣлъ. Его подняли вмѣстѣ съ ковромъ, положили на телегу какъ мертваго и повезли во Владиміръ. Дорога была покрыта замерзшею кочками грязью, тряска была ужасная, но Василько не приходилъ въ чувство. Переѣхавши Воздвиженскій мостъ, поѣздъ остановился, чтобы покормить лошадей, да и самимъ людямъ пообѣдать. Страдальца внесли опять на коврѣ въ избу, сняли съ него цѣпи, развязали ноги, сняли съ него окровавленную рубашку и отдали попадьѣ вымыть. Князь ничего не слыхалъ. Люди пообѣдали, рубашка была вымыта, и попадья стала одѣвать князя, какъ покойника, и причитала надъ нимъ и плакала; она знала кого одѣвала; князь проѣзжалъ нерѣдко и запросто съ ней разговаривалъ. Василько опомнился, тяжко вздохнулъ и спросилъ: «Гдѣ я?» Попадья отвѣчала: «Въ городѣ Воздвиженскѣ».

— Отчего такъ темно?—спросилъ опять князь:—у меня лежитъ что на головѣ, или я безъ глазъ?

— Вырѣзаны глаза у тебя, съ корнемъ вырѣзаны!—сказала попадья;—промыла я раны водицей студеной, ты ничего-таки не слышалъ, болѣзный.

Тогда онъ спросилъ воды, напился и опамятовался совершенно; пощупалъ сорочку и сказалъ: «Зачѣмъ ее сняли съ меня? Пусть-бы я въ той кровавой сорочкѣ смерть принялъ и сталъ передъ Богомъ».

Между тѣмъ стража пообѣдала и весь поѣздъ двинулся дальше. Во Владиміръ пріѣхали на шестой день. Къ Васильку приставили тридцать человѣкъ стражи съ двумя княжескими отроками.

Скоро всѣ князья узнали о злодѣйствѣ въ Бѣлгородѣ, подъ самымъ Кіевомъ. Узналъ прежде всѣхъ Володарь въ Перемышлѣ. Изъ Требовля прибѣжала къ нему дружина Василька, въ перепугѣ, и спрашивала правда-ли-эти страшные слухи? Тотчасъ поѣхали люди во Владиміръ и привезли извѣстіе, что правда: Василько подъ сильною стражей и лежитъ больной, въ бреду и въ жару. Володарь сталъ собирать войско, чтобъ идти наказать злодѣя Давида.

Мономахъ услышалъ объ ослѣпленіи Василька почти вслѣдъ за тѣмъ, какъ пріѣхалъ въ свой Переяславль. Слезы потекли у него изъ глазъ; онъ сказалъ: «Такого зла никогда еще не бывало на Руси ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ!» Онъ тотчасъ началъ собирать войско и въ тоже время послалъ къ Олегу въ Черниговъ и къ Давиду Святославичу въ Смоленскъ. «Въ Русской землѣ случилось великое зло: бросили между нами ножъ, — велѣлъ онъ сказать Святославичамъ:—если это оставимъ такъ, то большее зло встанетъ, начнутъ убивать братъ брата и погибнетъ Русская земля: враги наши половцы придутъ и возьмутъ ее».

Святославичи сокрушались, горько плакали, жалѣли Ва-

силька, скоро собрали войска и пришли въ Черниговъ въ половинѣ зимы. Тогда всѣ трое послали сказать Святополку: «Зачѣмъ ты сдѣлалъ такое зло въ Русской землѣ, бросилъ ножъ между нами? Зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? Еслибы онъ былъ въ чемъ нибудь виноватъ, то ты обличилъ бы его передъ нами, и тогда по винѣ наказалъ бы его, а теперь скажи, въ чемъ онъ виноватъ, что ты ему это сдѣлалъ?»

Святополкъ отвѣчалъ: «Мнѣ сказалъ Давидъ Игоревичъ, что Василько убилъ брата моего Ярополка, хотѣлъ и меня убить, волость мою занять, сговорился съ Мономахомъ, чтобы сѣсть Мономаху въ Кіевѣ, а Васильку на Волыни; мнѣ поневолѣ было свою голову беречь, да и не я ослѣпилъ его, а Давидъ: онъ повезъ его къ себѣ, да и ослѣпилъ на дорогѣ».

Послы Мономаха отвѣчали: «Нельзя тебѣ оправдываться тѣмъ, что Давидъ его ослѣпилъ: не въ Давидовомъ городѣ его взяли и ослѣпили, а въ твоемъ».

Поговоривъ такимъ образомъ, послы ушли. На другой день князья хотѣли уже переходить Днѣпръ и идти на Святополка, и тотъ уже подумалъ бѣжать изъ Кіева; но кіевскіе граждане не пустили его и послали къ Мономаху мачиху его, вторую жену покойнаго князя Всеволода, и митрополита Николая. Они стали упрашивать князей не воевать съ Святополкомъ.

— Если будете воевать между собою,— говорили они,— поганые обрадуются, возьмутъ землю русскую, которую пріобрѣли дѣды и отцы ваши, они съ великимъ трудомъ и храбростью поборали по Русской землѣ, да и другія земли пріискивали, а вы хотите погубить и свою землю.

Мономахъ прослезился и сказалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, отцы и дѣды соблюли Русскую землю, а мы хотимъ погубить ее. Хорошо, воевать Святополка не будемъ, но пусть онъ идетъ на Давида, либо схватитъ его, либо выгонитъ.»

Между тѣмъ къ концу зимы, Василько выздоровѣлъ, его раны зажили, и онъ никакихъ не получалъ извѣстій о

томъ, что дѣлается на свѣтѣ. Вотъ однажды пришелъ къ нему отецъ Василій, монахъ кіево-печерскаго монастыря, бывшій въ то время во Владимірѣ за сборомъ подаянія, и тихо сказалъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!»

— Аминь! — отвѣчалъ Василько — давно я не слышалъ служителя алтаря Господня. Ты священникъ? Благослови меня, отецъ.

Священникъ прикоснулся къ его лбу, къ его груди, къ правому, потомъ къ лѣвому плечу и поцѣловалъ въ голову.

— О, какая это отрада! — сказалъ князь, — чувствовать благословеніе церкви... я его никогда, никогда больше не увижу! — И страшныя, пустыя глазныя ямы Василька покраснѣли.

— Надо покориться волѣ Божіей, сынъ мой, помириться съ Божескимъ наказаніемъ, которое тебя постигло...

— Да, я тяжко наказанъ за свое высокоумье, за свою гордость! — сказалъ со вздохомъ Василько; — я ляхамъ много зла надѣлалъ, и хотѣлъ еще больше надѣлать, отомстить имъ за Русскую землю, за два кіевскіе похода обоихъ Болеславовъ. Когда пришла вѣсть, что идутъ ко мнѣ на службу берендеи, печенѣги, торки и половцы, то я началъ думать, что пойду къ братьямъ Володарю и Давиду, возьму ихъ младшія дружины, пойду зимою на польскую землю, а лѣтомъ возьму ее и отомщу за Русскую землю; потомъ хотѣлъ перенять болгаръ дунайскихъ и посадить ихъ у себя, а потомъ думалъ проситься у Святополка и у Мономаха на половцевъ, и либо славу себѣ великую найти, либо сложить голову за землю Русскую. Злые люди перетолковали мои сборы, а у меня, видитъ Богъ, не было инаго помышленія, какъ честно послужить Русской землѣ. И вотъ Господь Богъ за мое высокоумье низложилъ меня и смирилъ...

— Если ты смирился, сынъ мой, — сказалъ отецъ Васи-

лій,—то пошли къ Святополку и къ Мономаху, чтобы не шли на Давида, не проливали еще больше христіанской крови.

— Хорошо, пошлю,—отвѣчалъ князь;—довольно уже я пролилъ кровавыхъ слезъ, и пусть же я одинъ буду страдальцемъ за Русскую землю. Иди къ Давиду и скажи ему, чтобы прислалъ ко мнѣ Кульмѣя, я его хочу послать къ Мономаху.

Но Кульмѣя не было; онъ съ княземъ Володаремъ собиралъ войско, чтобы идти на Давида.

Въ началѣ весны (1098 г.) Давидъ вышелъ съ войскомъ, чтобы забрать волость Василька. Но выступилъ тоже и Володарь, и оба войска встрѣтились у Бужска. Давидъ заперся въ этомъ городѣ, а Володарь съ Кульмѣемъ, съ Кучкой, съ большою дружиною, обступилъ его и послалъ ему сказать: «Зачѣмъ сдѣлалъ зло и не каешься? Опомнись! Сколько зла ты надѣлалъ!»

Давидъ началъ сваливать вину на Святополка.

— Да развѣ я это сдѣлалъ? Развѣ въ моемъ городѣ? Я и самъ боялся, чтобы меня не схватили и не сдѣлали со мною того; я по-неволѣ долженъ былъ пристать, потому что былъ въ рукахъ Святополка.

— Про то вѣдаетъ Богъ, кто изъ васъ виноватъ—отвѣчалъ Володарь:—а теперь отпусти мнѣ брата, и я съ тобой помирюсь.

Давидъ обрадовался и тотчасъ послалъ во Владиміръ за слѣпцомъ. Когда Василька вывели изъ тюрьмы, онъ почувствовалъ прежде всего, что солнце его пригрѣваетъ, и обратился къ нему лицомъ. Тяжко вздохнулъ онъ, когда понялъ, что яркое солнце не видно ему хоть-бы малымъ свѣтлымъ пятнышкомъ, и послѣ, во всю дорогу до Бужска дотрогивался руками до своего кафтана, нагрѣтаго солнцемъ, и сидя на телегѣ то одною, то другою стороною поворачивался къ солнцу, чтобы хоть по теплу узнавать, въ которой оно сторонѣ. И часто протягивалъ онъ поднятую руку и спрашивалъ у провожатыхъ:

— Тамъ солнце? или вдругъ вскрикивалъ: Что это? Тучка набѣжала?

Подъ Бужскомъ слѣпаго князя подвезли прямо къ палаткѣ Володаря. Тотъ вышелъ ему навстрѣчу; съ нимъ былъ старый тысяцкій Кульмѣй, были оба сына Василька, Иванъ и Григорій, былъ преданный и вѣрный Кучка и множество другихъ людей, знакомыхъ бѣдному слѣпцу. Радость свиданія была отравлена тѣмъ, что со стороны Василька это было не свиданіе: онъ только слушалъ знакомые голоса, и когда услышалъ голосъ Ивана Кучки, то сказалъ: «Напрасно я тебя тогда не послушалъ. Этотъ Лазарь былъ первымъ наушникомъ и клеветникомъ на меня. Это онъ наговорилъ Давиду, онъ, да еще какой-то Туракъ, да еще Василь, тотъ самый Василь, который бѣжалъ изъ-подъ Сендомира, когда мы рубились съ поляками. Всѣхъ троихъ я дарю тебѣ, совсѣмъ съ потрохами, на память, если добудешь. Только врядъ-ли: этотъ народъ бѣгать гораздъ, не то что ты, такъ прямо и ломишь!..

Давидъ заключилъ съ Володаремъ вѣчный миръ, поцѣловали крестъ, и цѣлый день Давидъ ждалъ, чтобы Ростиславичи отошли отъ Бужска, а они ждали, чтобы онъ вышелъ изъ города. Тысяцкій Кульмѣй поѣхалъ наконецъ въ городъ, и сказалъ Давиду: «Когда ты, князь, выступаешь?»

— Какъ выступаешь? —спросилъ удивленный Давидъ:— Когда ты уведешь свое войско, вотъ что ты мнѣ скажи.

— Это городъ князя Василька, — отвѣчалъ Кульмѣй, — такъ намъ уходить не для чего.

— А какъ-же Володарь крестъ цѣловалъ?—возразилъ Давидъ:—онъ не можетъ теперь воевать со мной за волость Василька, у меня съ Володаремъ вѣчный миръ. А Васильку волость теперь не нужна, онъ слѣпъ, а я стану владѣть тѣми городами, какіе занялъ.

— Благодарствую, князь, за науку, — отвѣчалъ Кульмѣй;—только по нашему выходитъ, что если Василько зрячій

былъ Требовльскимъ княземъ, то княжеская власть у него не въ глазахъ, а въ крови, и онъ все еще Требовльскій князь.

Въ тотъ же день Давиду дали знать, что Василько принялъ начальство надъ войскомъ, что Володарь будетъ его только оберегать, чтобъ онъ не упалъ, вожакомъ его будетъ, а Василько станетъ добывать свое добро копьемъ, а если Давида поймаетъ, то вырѣжетъ ему глаза, носъ, уши, губы и изжаритъ живаго. Давидъ, услышавъ это, бѣжалъ къ городу Всеволожу. Ростиславичи подступили, Давидъ бѣжалъ, а жители заперлись. Василько велѣлъ добывать городъ копьемъ, и когда городъ зажгли и народъ отъ огня побѣжалъ, Василько перебилъ всѣхъ до послѣдняго, и тотчасъ пошелъ къ Владиміру. Тамъ заперся Давидъ. Городъ былъ крѣпокъ, взять его было трудно, такъ что пришлось подъ нимъ постоять. Тутъ немного остылъ гнѣвъ слѣпаго князя; ему стало жаль бѣдныхъ жителей, и онъ рѣшился, по совѣту Ивана Кучки, добывать только троихъ важнѣйшихъ враговъ своихъ, Лазаря, Туряка и Василя.

— И ничего-бы не было, князь, повѣрь ты мнѣ, — говорилъ Кучка,—еслибы этого Лазаря мы успѣли во время остановить. Это онъ, одинъ онъ затѣялъ клевету. Ехидна подколодная, одно слово, и возьми ты на копье Владиміръ, возьми хоть всѣ на свѣтѣ города, да оставь эту ехидну на свѣтѣ, она тебя погубитъ, погубитъ, и что еще хуже — наклевещетъ на тебя. Богъ накажетъ князя Давида, а эту язву Лазаря надобно людямъ наказать, пожалуй и съ товарищами.

— А вѣдь ты правду говоришь, Кучка, — сказалъ Василько:—я поговорю съ братомъ, вытребуемъ этихъ разбойниковъ, да и пойдемъ по домамъ. Богъ съ ними!

И въ самомъ дѣлѣ, отъ князя Василька отправился въ городъ посолъ и сказалъ гражданамъ:—Василько не на городъ вашъ пришелъ, и не на васъ, а на враговъ своихъ, на Лазаря, на Туряка и Василя, которые наговорили князю Давиду: послушалъ онъ ихъ и сдѣлалъ такое зло. Выдайте ихъ, а если

хотите за нихъ биться, то биться будемъ». Граждане собрали вѣче и сказали Давиду: «Выдай этихъ людей, мы за нихъ биться не хотимъ. За тебя мы биться готовы, а за нихъ не бьемся. Если не выдашь, то отворимъ городскія ворота, и тогда промышляй о себѣ». Давидъ рѣшился выдать Лазаря и Василя, а Турякъ успѣлъ убѣжать въ Кіевъ.

Привезли связанныхъ бѣдняковъ къ ставкѣ Василька.

— Что я тебѣ сдѣлалъ, злой человѣкъ? — спросилъ онъ Лазаря, что ты на меня взвелъ небылицы?

Но Лазарь ничего не отвѣчалъ, какъ ни допрашивалъ его князь.

Послѣ того принялся его допрашивать Иванъ Кучка: «А я тебѣ что сдѣлалъ, злой человѣкъ, что ты на меня наклеветалъ?»

И ему Лазарь ничего не отвѣчалъ.

— Ну, такъ слушай-же, — сказалъ Кучка: — завтра тебя повѣсятъ и разстрѣляютъ: такъ велѣлъ князь Василько. Такъ, какъ ты хочешь, за руки тебя повѣсить или за шею? Если скажешь мнѣ всю правду, то повѣшу за шею, и тогда ты стрѣлъ не услышишь; не скажешь правды, то повѣшу за руки а стрѣлять велю издали, и то самымъ неумѣлымъ: полдня у меня проживешь. Выбирай!

— Скажу, — отвѣчалъ Лазарь.

— Ну, говори, только правду, смотри!

— Помнишь Свѣтлану на Воробьевой горѣ?

— Ну? — спросилъ Кучка, и весь ожилъ, повеселѣлъ.

— Я хотѣлъ на ней жениться, она отказала. Она за тебя идти хотѣла...

— И ты налгалъ тогда и на нее? А Василько что тебѣ сдѣлалъ?

— Онъ? Онъ тебя больно полюбилъ.

Заплакалъ бѣдный Кучка и повѣсилъ голову, вспомнилъ и Москву-рѣку, и боръ, и сосѣдей, и сосѣдку; но вдругъ гнѣвъ его

вспыхнулъ, онъ зарычалъ по-волчьи, бросился на связаннаго Лазаря, свалилъ его, и доставъ изъ-за сапога ножъ, разрѣзалъ ему вдоль оба глаза. А на завтра онъ не сдержалъ слова: повѣсилъ Лазаря за руки и почти полдня обучалъ молодыхъ людей стрѣлять изъ лука въ висящаго человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлался трупомъ. Учились тутъ же стрѣлять и князья Иванъ и Григорій Васильковичи. Такое-то было суровое на Руси время восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, такіе-то суровые были люди. И много, много было въ то время пролито слезъ: то кочевники приходили, грабили, избивали и уводили въ плѣнъ, то князья избивали и разоряли народъ своими усобицами, то въ самомъ дѣлѣ разрушали глаза, это драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка, и заставляли проливать въ самомъ дѣлѣ кровавыя слезы.

9.

МОНОМАХОВА КРУЧИНА.

(1125 г.)

У князя Мономаха въ свѣтломъ теремѣ послѣ обѣда дѣлались какія-то приготовленія: видно, ожидали гостя; но ключникъ не готовилъ крѣпкихъ медовъ, не цѣдилъ заморскихъ винъ; только люди прибирали небольшую горницу возлѣ княжеской опочивальни, а ключникъ стоялъ въ срединѣ и осторожно сыпалъ изъ горсти на горячіе уголья въ жаровнѣ дорогія цареградскія благоуханія. Лѣтъ двѣнадцати хорошенькій мальчикъ, одѣтый по-гречески, раздувалъ уголья, и благовонный дымъ разносился по теплому покою. Но онъ дулъ слишкомъ сильно, такъ что уголья вдругъ вспыхнули пламенемъ. Кулакомъ, въ которомъ зажато было куреніе, ключникъ тихонько толкнулъ его въ лобъ и сказалъ шепотомъ:

— Вишь ты, усердіе не по разуму! Чего такъ крѣпко дуешь! До огня додулся, а отъ огня дыму не будетъ... Куреніе продолжалось и въ другихъ покояхъ, и въ сѣняхъ, и только одна дверь оставалась нетронутою, неотворенною: за ней была опочивальня, гдѣ отдыхалъ по обѣдѣ князь Мономахъ. Дѣло было въ великомъ посту, стало быть къ веснѣ, погода была ясная, и слуги, сильно надымивъ въ сѣняхъ,

широко отворили двери. Тихо потянулся дымъ на весенній воздухъ, и дворовые мальчики, выйдя на крыльцо, любовались, какъ дымъ широкимъ столбомъ поднимался къ синему небу.

— Экой верченый народъ эти мальчишки!—сказалъ старый ключникъ, замѣтивъ, что по ногамъ прошелъ токъ свѣжаго воздуха.

— Затворите-ли вы дверь! Выстудятъ они мнѣ покои, опять князь жаловаться будетъ!—И старикъ затопалъ слабыми ногами, обутыми въ зеленые сафьянные сапоги. Ключникъ зналъ, что старый князь Мономахъ въ послѣднее время сталъ зябокъ и любилъ, чтобы покои были натоплены жарко. Дворовые мальчики однако не слушались его, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ это время на княжій дворъ въѣхалъ митрополитъ Никита. Его бѣлаго коня подъ уздцы вели два послушника; сзади шли два дьякона, а за ними ѣхалъ верхомъ еще послушникъ. Такъ-какъ дверь не затворялась, то ключникъ проворчалъ:—«Охъ, ужь эти мнѣ гридни! Не гридни, а гниды!»—и скорымъ стариковскимъ шагомъ пошелъ къ двери, чтобы хорошенько пугнуть мальчиковъ. На порогѣ онъ замѣтилъ кто подъѣзжаетъ, и самъ придержалъ двери, чтобы не затворились. Митрополитъ остановился у послѣдней ступени крыльца, слѣзъ и медленно пошелъ вверхъ, поддерживаемый подъ руки своими дьяконами и благословляя гридней и ключника.

— Князь, его благородіе, присылалъ за мной,—сказалъ митрополитъ ключнику:—впору-ли я пріѣхалъ?

— Не выходилъ еще князь, владыко, а надо быть скоро выйдетъ,—отвѣчалъ ключникъ,—можетъ-быть теперь уже и вышелъ...

Митрополитъ вошелъ въ сѣни; почти рядомъ съ нимъ шелъ ключникъ, и все оглядывался и дѣлалъ гриднямъ знаки, чтобы они затворили дверь. Прошли сѣни, прошли гридницу,

еще два, три покоя и вошли въ послѣдній передъ опочивальнею покой. Тамъ сидѣлъ на лавкѣ у стола сгорбленный старичекъ съ бѣлою пожелтѣвшею бородою, въ бѣличьей шубкѣ и въ теплой собольей шапочкѣ. Опершись одною рукою на костыль, а другою на столъ, онъ читалъ псалтырь; но услышавъ, что его дверь отворяется, довольно бодро для своихъ лѣтъ всталъ и пошелъ на встрѣчу входившему митрополиту.

— Благословенъ грядый во имя Господне!—сказалъ онъ, немного склоняя свою голову, чтобы принять благословеніе.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—отвѣчалъ, совершая надъ нимъ крестное знаменіе, митрополитъ Никита.

— Аминь!—отвѣчалъ благочестивый князь Мономахъ.

Гость помолился передъ образами и усѣлся противъ князя за тѣмъ-же столомъ на жосткой, покрытой дорогимъ ковромъ скамейкѣ.

— Ну, князь великій, какъ Господь милуетъ твое благородіе?—спросилъ митрополитъ.

— Все плохо, отецъ святой!—отвѣчалъ князь:—да уже и лѣта такія пришли, что мудрено и здоровымъ быть: въ прошломъ мѣсяцѣ семьдесятъ два минуло, ну и откликаются старые походы: всѣ кости болятъ, такъ-вотъ и мозжатъ, такъ и мозжатъ... Я не ропщу...

— О, ропотъ—великій грѣхъ!—замѣтилъ митрополитъ.

— Знаю, знаю, отецъ; все отъ Господа за грѣхи наши,—продолжалъ Мономахъ;—я и не ропщу, а только боюсь, какъ-бы мнѣ въ скорости не помереть...

— И что-же?—возразилъ митрополитъ:—воля Божія, безъ Его святой воли волосъ съ головы человѣческой...

— Знаю, владыко, знаю, но пока не въ томъ дѣло. На душѣ у меня лежитъ бремя великое, и я позвалъ тебя для великаго совѣта, чтобы ты мнѣ сказалъ то, чего я не знаю, надъ чѣмъ я голову ломаю, и до сихъ поръ ничего не придумаю. И все-то мнѣ кажется, что скоро я умру и не только

не сдѣлаю ничего, но ничего и придумать не съумѣю. Только-бы придумать, такъ я завѣщалъ-бы сыну Мстиславу: ему скоро пятьдесятъ лѣтъ, онъ разумомъ отъ Бога не обиженъ, опытъ тоже есть, примѣръ отца видѣлъ не вредный и исполнитъ дѣло какъ слѣдуетъ. И все тороплюсь придумать, и какъ будто времени остается мало, еще больше тороплюсь, а что больше тороплюсь, то хуже. Остепени ты мою голову, отецъ святой: ты мудростію прославленъ, объ умѣ твоемъ знатная молва идетъ, а у меня голова либо устарѣла, что ничего не родитъ больше, либо отъ природы скудна.

— Объ умѣ моемъ не знаю,—отвѣчалъ скромно митрополитъ; — а усердіе къ великой русской паствѣ, моей и твоей, безмѣрно. По писанію, душу свою готовъ положить за овцы, и каждая мысль моя—за паству. Скажи, князь великій, что тебя такъ заботитъ, что тебя такъ кручинитъ? Кажется, съ твоимъ восшествіемъ на кіевскій столъ земля умирилась, поганыхъ сыроядцевъ привелъ ты къ покорности, усмирилъ, дѣтей воспиталъ въ страхѣ Божіемъ и законѣ христіанскомъ, устроилъ, одарилъ; по храмамъ Божіимъ былъ всегда усерденъ, благотворилъ нищей братіи весь свой вѣкъ... Душа твоя можетъ быть спокойна, ты совершилъ на землѣ все, что суждено человѣку въ мірѣ совершить и, по правдѣ сказать, никто болѣе тебя, князь великій, не имѣетъ права оставить земныя заботы, чтобы думать только о спасеніи душевномъ.

— А я этого не думаю, грѣшный человѣкъ! И ты вѣрно напомнилъ мнѣ, что пастырь добрый полагаетъ душу за овцы и что Русская земля моя паства. За нее я готовъ отдать свою душу, и если-бы понадобилось для блага моей Русской земли, чтобы душа моя была предана вѣчному проклятію, о, какъ-бы я былъ счастливъ среди мученій геены огненной! И знаешь что, отецъ святой, эти мысли мнѣ приходить начали только въ послѣднее время, года два тому на-

задъ, не больше, а до того времени я благодушно жилъ, воевалъ, ходилъ въ церковь, исполнялъ уставы и думалъ, что все идетъ какъ нельзя лучше, и что мнѣ остается только радоваться и почить отъ трудовъ моей истинно трудовой жизни. Но вышелъ одинъ случай, такъ, пустой, ничтожный случай, и зародилась во мнѣ новая великая забота, такъ-что и забыть ее не умѣю. Поставилъ я тогда на Днѣпрѣ мостъ: прiѣзжалъ, ты помнишь, художникъ грекъ, именемъ Спиридонъ, и поставилъ. Вотъ стали ѣздить люди, и похваляютъ строителя, ну и меня тоже. Прiѣхалъ тогда изъ Чернигова отъ Ярослава, отъ младшаго Святославича, старый бояринъ, зовутъ его Иванко Чудиновичъ, и за какимъ дѣломъ прiѣхалъ, не упомню. И онъ тоже про мостъ, шутникъ такой, говоритъ что хорошъ мостъ, и не худо, что онъ поставленъ, и какъ теперь сподручно будетъ половцамъ на богомолье въ Кiевъ ходить, да и Ярославу лодокъ ненужно будетъ. Какъ онъ это мнѣ сказалъ, такъ словно ножомъ подъ сердце полоснулъ. И подумалъ я, что точно Ярославъ Святославичъ придти можетъ, что очередь не за моимъ сыномъ Мстиславомъ, что есть старше его, Святославичи, которые старше всѣхъ Всеволодовичей. И представилось мнѣ такъ живо, будто вижу, что я глаза закрылъ, и опять поднимаются усобицы. Ярославъ идетъ на Мстислава, Всеславичи шевелятся, Брячиславъ Святополковичъ идетъ ратью, половцы бредутъ съ своими верблюдами, и заныла у меня душа. Господи, думаю, за что такая кара! Бѣдный нашъ родъ княжескiй, бѣдная Русская земля! Весь свой вѣкъ старался я ходить въ страхѣ Божiемъ, поступалъ по правдѣ, и неужели я дѣлалъ не то, что было нужно для истиннаго блага? Я всегда любилъ своихъ братьевъ родныхъ, любилъ и двоюродныхъ, и племянниковъ, и внуковъ, и неужели это не то, что нужно и что надо было больше ихъ возлюбить Русскую землю? Ты мнѣ, владыко святой, разъясни это отъ писанiя, что долженъ

князь возлюбить больше, своихъ-ли кровныхъ, или Богомъ данную землю? И если своихъ кровныхъ, то до котораго колѣна?

— Зачѣмъ такой выборъ, князь? — спросилъ митрополитъ: — надо любить и кровныхъ, и людей, Богомъ данныхъ подъ твою защиту. Одна любовь другой не мѣшаетъ.

— Вотъ и я такъ же думалъ весь свой вѣкъ, а теперь вижу, что весь вѣкъ ошибался. И теперь, какъ посчитаешь, на сколько частей разбилась земля Русская, такъ обочтешься, и все это сдѣлалось на моемъ вѣку, на моихъ глазахъ, и я, волею и неволею, помогалъ этому злу.. У Ярослава было шесть сыновей, и у всѣхъ дѣти, да еще племянникъ ихъ полоцкій, всего семь, вотъ тебѣ и семь частей. Пусть у каждаго изъ этихъ семерыхъ хоть по два сына, изъ коихъ есмь азъ, вотъ четырнадцать частей; у нихъ еще два, вотъ двадцать восемь, и въ томъ числѣ мои сыновья; у каждаго изъ нихъ еще по два, вотъ уже семья въ пятьдесятъ шесть человѣкъ, и въ ихъ числѣ мои внуки родные. И кто изъ нихъ будетъ старшій? И какъ они будутъ его слушать? И какъ быть порядку въ этакой семьѣ, когда неизвѣстно, кто имѣетъ право всѣми повелѣвать? И какіе лоскуты земли будутъ у каждаго князя? И какъ половцамъ не придти и не захватить всю Русскую землю? У моего внука Всеволода и у всѣхъ его ровесниковъ могутъ быть дѣти, и если будетъ по два только, то отъ нынѣшняго дня черезъ двадцать лѣтъ будетъ сто двѣнадцать князей, сто-двѣнадцать маленькихъ удѣловъ. Это-бы ничего, слава Богу, если-бы только былъ одинъ умный глава у всей этой славной, бойкой, бодрой княжеской семьи. Но вѣдь всякій захочетъ быть главою, и если Кіевъ будетъ одинъ стольнымъ городомъ всей Русской земли, то въ усобицахъ онъ потонетъ въ крови и потонетъ вся Русская земля. Вотъ моя кручина, владыко святой, вотъ забота, которой я избыть не могу...

Митрополитъ вздохнулъ глубоко и отвѣчалъ:

— Въ трудныхъ случаяхъ житейскихъ, князь великій, надо прежде всего дѣлать то, что должно, а что изъ этого выйдетъ, то уже не наша забота: Господь Богъ направитъ дѣла такъ, какъ будетъ угодно святой Его волѣ. Ты поступалъ всегда какъ должно, и надо уповать, что благодать...

— Какъ должно! Въ томъ-то вотъ и вопросъ: какъ-же должно? Черезъ двадцать лѣтъ Русская земля распадется на сто княжествъ, и будетъ одно изъ двухъ, или половцы все заберутъ, и ни Русской земли, ни князей не останется, или найдется одинъ, который ихъ всѣхъ пригнетъ, и взлѣзетъ силою на кіевскій столъ, если только не захлебнется въ братней крови и въ крови русскихъ людей. Что-же лучше? Послѣднее лучше? Такъ-ли? И выйдетъ, что великимъ княземъ будетъ одинъ, а остальные князья будутъ ему подручны, у его стремени ходить будутъ, и дѣло до этого дойдетъ, только черезъ страшные потоки крови! Вотъ въ эти потоки крови и въ разоренье я и велъ весь свой вѣкъ Русскую землю. Такъ развѣ такъ должно? Не такъ совсѣмъ было должно. Изяславъ былъ княземъ? И слѣдовало ему всѣхъ братьевъ держать у своего стремени, тише воды, ниже травы, и столъ кіевскій послѣ смерти отдать не брату, а сыну, чтобы дяди у его стремени ходили. А у насъ что дѣлалось? Придетъ изгой, волость ему дадутъ; онъ мутитъ, сосѣдей разоряетъ, князей прогоняетъ, я иду ратью, сажаю назадъ выгнаннаго, сажаю и обидчика на старое мѣсто. Другой князь нейдетъ съ нами на совѣтъ, мы ему кланяемся, упрашиваемъ, умоляемъ, тогда какъ слѣдовало его прогнать и волость его отдать Кіеву. Пошелъ я тогда, лѣтъ девять что-ли тому назадъ, въ Минскъ, наказать этого сорванца Глѣба Всеславича, и что-же? Надо было волость у него отнять, а самого выгнать, а я побранилъ его, да въ Минскѣ-же и посадилъ. Оно пожалуй такъ и должно, еслибъ Русская земля была какою-нибудь

боярскою волостью, что можно всю въ полдня объѣхать; а Русская-то волость погляди какая! И не смѣрить! Послушаешь, въ чужихъ земляхъ владѣтели устроиваются не по нашему, великой волости не дробятъ, и она крѣпчаетъ со дня на день. А встарину была римская держава, такъ въ ней властитель былъ одинъ, и сила великая была... Вотъ какъ должно было, можетъ быть...

— Это такъ, князь великій, — прервалъ его митрополитъ, — но и эта великая сила разрушилась отъ такихъ кочевниковъ, какъ наши половцы. Пришли несмѣтныя полчища изъ нашихъ-же степей, и разрушили гордое созданіе человѣческое. И кручина твоя, какъ я на нее теперь смотрю, суета земная, и больше ничего. Земля русская раздробилась, это правда, но ты, князь кіевскій, собралъ другихъ князей и прошелъ по степямъ, и разорилъ лежи половецкія, и попрежнему крѣпко стоитъ Русская земля, и благочестіе въ ней процвѣтаетъ, а великая римская сила, въ одной рукѣ бывшая, сокрушена и лежитъ во прахѣ, и только на мѣстѣ ея завелась еретическая вѣра, какъ нечисть заводится въ гробѣ, гдѣ лежатъ остатки человѣческой гордыни. Оставь, князь, суетныя мысли и вѣрь, что Богъ ведетъ Русскую землю невѣдомыми путями, и предвидѣніе человѣческое тутъ безсильно. Къ тому же надо сказать, что дробленіе Русской земли пошло отъ чистаго, Богомъ вложеннаго въ душу человѣческую чувства отеческой любви. Если начать съ начала, то какъ было князю Владиміру не дать особаго удѣла старшему сыну? И далъ Полоцкъ. Ко второму сыну тоже лежитъ душа, и второму сыну далъ землю, и всѣхъ дѣтей одинаково любитъ отеческое сердце, и всѣхъ дѣтей надѣляетъ. Божіимъ изволеніемъ осталось только два брата, Ярославъ и Мстиславъ, а потомъ и одинъ Ярославъ, а братъ его умеръ бездѣтенъ...

— Нѣтъ, отецъ святой! —возразилъ князь Мономахъ: — ты пропускаешь, что у Ярослава былъ еще братъ, князь

Судиславъ Владиміровичъ, и его выпустили изъ тюрьмы уже дяди мои съ моимъ отцомъ... Вотъ мало у насъ письменныхъ людей, а то надо-бы, очень-бы надо вести подробную лѣтопись всѣмъ нашимъ дѣяніямъ...

— Лѣтописи, я это подлинно знаю, ведутся,—отвѣчалъ митрополитъ, — и ведутся прямо, честно, безъ всякаго пристрастія, потому что ведутся въ монастыряхъ. Одинъ монахъ, теперь уже умершій, въ печерскомъ монастырѣ, именемъ Несторъ, началъ такой хронографъ по образцу греческому; по этой лѣтописи я и узналъ событія россійскія, потому что пріѣхалъ изъ Греціи и ничего не зналъ. И въ другихъ монастыряхъ, дѣянія князей и небесныя знаменія записываются—въ поученіе дальнему потомству.

— Въ монастыряхъ!—отвѣчалъ князь:—да что-же видно изъ монастыря? Неясные, смутные слухи проникаютъ черезъ монастырскія стѣны, и заносятся въ лѣтопись подобно далекому отклику въ лѣсу: кликнешь «Ратиборъ!»—откликается «боръ», а кликнешь «Орогостъ! Сюда!»—откликается «Гость! да.» Въ самомъ дѣлѣ, жизнь наша могла-бы быть поучительна дальнему потомству, только надо-бы, чтобы ее разсказалъ лѣтописецъ, живущій не въ монастырѣ, а въ свѣтѣ, который-бы все своими глазами видѣлъ...

— Напрасно ты такъ говоришь, князь великій, — замѣтилъ митрополитъ:—воины Христовы, несущіе подвигъ иночества, жили въ свѣтѣ прежде произнесенія обѣта, своими глазами многое видѣли, и заносятъ въ лѣтопись то, чему были сами свидѣтелями; съ годами, когда очи лѣтописца давно уже не заглядывали за монастырскую ограду, вступаетъ въ число братіи одинъ Христовъ новобранецъ за другимъ, приходитъ бояринъ знаменитый, бросаетъ мечъ и беретъ схиму, понявъ всю тщету жизни въ свѣтѣ, приходитъ и простой человѣкъ, смердъ, и его душа безсмертна и жаждетъ вѣчнаго спасенія, приходитъ и купецъ, видавшій многія чужія страны, и всѣ

они вносятъ свою лепту въ сказанія лѣтописныя, и сладкій сотъ лѣтописи слагается въ тишинѣ келіи, подобно тому, какъ пчелиные соты возводятся въ темнотѣ улья. Вотъ я видѣлъ хронографъ іеромонаха Василія, изъ печерскаго монастыря: онъ самъ былъ очевидцемъ страданія ослѣпленнаго злодѣемъ братомъ князя Василька, даже самъ былъ посланъ отъ Давида къ нему для переговоровъ, и записалъ все правдиво и просто, какъ было...

— Да, это великое дѣло—лѣтопись!—сказалъ задумчиво Мономахъ: — когда нибудь, лѣтъ черезъ сто, черезъ двѣсти, можетъ быть черезъ пятьсотъ, князь русскій прочтетъ дѣянія нынѣшняго времени и строго осудитъ наши усобицы, нашу слабость чрезмѣрную, или суровость неумѣренную, осудитъ, и хорошо еще, если сущую правду разскажетъ ему лѣтописецъ! Да и при сущей-то правдѣ все-ли будетъ понятно? Кто лѣтописцу вѣрно передастъ побужденія наши, душевныя, сокровенныя мысли? Въ нихъ то лежитъ родникъ нашихъ поступковъ, и въ нихъ разгадка того, что можетъ быть непонятно... Только духовникъ, лекарь душевныхъ нашихъ язвъ, могъ-бы написать вѣрную лѣтопись нашу...

— Я, князь великій, хочу просить тебя объ одной великой милости, — сказалъ вкрадчивымъ голосомъ митрополитъ:—въ духовники я не напрашиваюсь: игуменъ Андреевской обители Григорій есть достойнѣйшій духовный отецъ, и выборъ твой премудръ. Но я здѣсь чужеземецъ, я родомъ грекъ, мало и неполно знаю здѣшнія дѣла, но уже люблю Русскую землю, какъ свою родину. Для Русской земли хотѣлось-бы мнѣ это сдѣлать: написать твою жизнь съ начала и до нынѣшняго дня. Великое этимъ писаніемъ поученіе сдѣлалъ-бы я всякому кто прочтетъ великія дѣла тобою совершенныя, великій примѣръ твоимъ дѣтямъ, внукамъ и дальнимъ правнукамъ.

— Я и самъ собираюсь такое поученіе оставить своимъ дѣтямъ,—отвѣчалъ Мономахъ,—но прописывать что изъ-за

чего вышло — не думаю, потому что дѣти все это близко знаютъ, а правнукамъ не любопытно будетъ изъ-за чего мы такъ бились. А ты, владыко, если хочешь, то чтожъ! Напиши какъ Богъ тебѣ на душу положитъ: вреда не будетъ.

— Я и началъ-было писать, князь великій; но мало людей встрѣчаю, которые хорошо помнили-бы все съ самаго начала, да, по правдѣ сказать, многіе и разсказываютъ по-своему. А вотъ еслибы ты, князь, пожертвовалъ мнѣ одинъ или два вечера, да поразсказалъ-бы самъ всю твою жизнь, то у меня-бы въ головѣ просвѣтлѣло...

— Съ превеликимъ удовольствіемъ! — воскликнулъ Мономахъ: — если тебѣ, отецъ святой, не прискучитъ, то я готовъ до ночи говорить: намъ, старикамъ, только вѣдь на свѣтѣ и осталось, что вспоминать старые годы, толковать о тѣхъ временахъ, когда мы были молоды: отъ такого разговора будто молодѣешь... Родился я семьдесять два года тому назадъ, еще при жизни блаженной памяти дѣда моего, князя Ярослава Мудраго. Крестилъ меня въ Вышгородѣ митрополитъ Иларіонъ, избранный и поставленный епископами. Тогда у насъ нелюбовь была съ греками и князю Ярославу хотѣлось избирать и ставить митрополита у себя, дома. Крестилъ меня самъ дѣдъ; и далъ мнѣ три имени: христіанское — тоже имя, которое наречено было прадѣду моему при крещеніи, Василій, славянское имя — тоже, Владиміръ, и греческое — Мономахъ. Ты знаешь, что отецъ мой былъ женатъ на греческой царевнѣ, дочери императора Константина Мономаха, оттого и меня такъ прозвали. Дѣда своего я не помню: онъ умеръ черезъ годъ послѣ моего рожденья, но слышалъ, что я былъ его любимцемъ, часто приносили меня въ его покои въ Вышгородѣ и ласкалъ онъ меня и называлъ царевичемъ. Я этимъ не величаюсь, потому что знаю: передъ судомъ Божіимъ всѣ равны, и упоминаю объ этомъ не для того, чтобы ты внесъ это въ свою лѣтопись, а такъ, что къ слову пришлось. По второму году послѣ кончины

моего дѣда, перевезли меня въ Переяславль, въ удѣлъ моего отца, а въ Кіевѣ сѣлъ на княженіе старшій Ярославичъ, Изяславъ, старшій мой дядя. Изъ перваго дѣтства моего почти ничего не помню. Знаю, что родители называли меня всегда Мономахомъ, что мать моя всегда говорила со мной по-гречески, что я окруженъ былъ греческою прислугой, и что одинъ кормилецъ у меня былъ коренной русакъ, и звали его Сновидомъ. Онъ еще все ссорился съ греческой прислугой. Не знаю какими судьбами уцѣлѣлъ у меня въ памяти случай съ медвѣженкомъ. Маленькій такой медвѣженокъ росъ у насъ въ домѣ, и былъ моимъ лучшимъ другомъ. Помню я какъ онъ скатился разъ съ лѣстницы на конюшенномъ дворѣ, какъ будто кто его изъ сѣней швырнулъ ногой; а я въ это время былъ на дворѣ. Мой медвѣженокъ, видно обиженный, выбѣжалъ на улицу, и повернулъ налѣво. Я за нимъ. И какъ теперь вижу, какъ онъ бочкомъ скачетъ по дорогѣ на гору. Взвылъ я благимъ матомъ и бросился догонять. Помню, что я на горѣ его догналъ и мы дружески обнимались, оба стоя на заднихъ ногахъ. Послѣ, въ зрѣломъ уже возрастѣ, я разспрашивалъ объ этомъ случаѣ и всматривался въ конюшенный дворъ и хотѣлъ найти гору, куда по дорогѣ бѣжалъ медвѣдь: возвышеніе на дорогѣ есть, но небольшое. Узналъ я отъ людей, что въ самомъ дѣлѣ что-то подобное было. Но потомъ опять ничего не помню, но что сдѣлалось съ медвѣдемъ, и со мною, все темно, какъ будто туманомъ подернуто.

Опять помню какъ меня учили грамотѣ, греческой и русской. Не легко мнѣ давалась грамота, особенно греческая, но отецъ мой, князь Всеволодъ, сидя дома, самъ научился пяти языкамъ и непремѣнно хотѣлъ, чтобы я зналъ тѣже языки. Часто любилъ я отъ урока уходить въ садъ, забивался въ середину вершины старой груши и забавлялся какъ меня искали, кликали, и не подавалъ голоса, пока не раздавался добрый,

привѣтливый голосъ моей матери. Тогда у меня не хватало силы скрываться и я спускался изъ своей засады.

Росъ я одинъ; братъ мой Ростиславъ родился когда мнѣ было уже шестнадцать лѣтъ, стало быть товарищемъ онъ никакъ не могъ мнѣ быть. Несчастливое это имя Ростиславъ, и никому изъ моихъ восьмерыхъ сыновей я не далъ этого имени. Одинъ Ростиславъ Владимiровичъ, двоюродный мой братъ, отравленъ былъ въ Тмуторокани котопаномъ корсунскимъ, а другой, родной братъ, на моихъ глазахъ утонулъ въ рѣкѣ. Ну, да мы еще дойдемъ до этого печальнаго событiя. Дѣло въ томъ, что росъ я одинъ и въ большой строгости держалъ дворовыхъ мальчиковъ. Но это не помѣшало Ольбегу Ратиборовичу быть впослѣдствiи моимъ вѣрнымъ другомъ и помощникомъ. Много и другихъ мальчиковъ были послѣ моими друзьями, но иные умерли, многiе убиты и одинъ Ольбегъ остался со мной: считается тысяцкимъ въ Кiевѣ; да онъ теперь такой-же плохой тысяцкiй, какъ я князь: оба мы уже въ гробъ смотримъ.

Первое важное дѣло, о которомъ я слышалъ, было отъѣздъ двоюроднаго брата Ростислава въ Тмуторокань. Лѣтъ одиннадцать мнѣ тогда было, и какъ теперь помню, слово новое и страшное такое твердили: изгой. Мнѣ казалось тогда, что изгой значитъ, что у него наростъ какой нибудь нехорошiй на горлѣ, не знаю что именно, только уродство какое нибудь. Разспрашиваю людей, Никифора тысяцкаго, Ратибора воеводу, всѣ говорятъ, что нароста никакого на немъ нѣтъ, и нечерный, а красавецъ, а только изгой. Что же такое изгой? А то, что отца его не было въ живыхъ въ то время какъ умеръ Ярославъ. Съ тѣхъ поръ я ужасно сталъ бояться, чтобы не умеръ мой отецъ и я не сдѣлался-бы чернымъ изгоемъ. Онъ тогда прогналъ изъ Тмуторокани Глѣба Святославича, и дядя Святославъ изъ Чернигова пошелъ его прогонять. Заѣзжалъ онъ тогда къ намъ, и помню, какъ я любовался на его неболь-

шую дружину: войско то шло Днѣпромъ, на лодьяхъ. И все-то бранили изгоя Ростислава, и только что не тысячу разъ я слышалъ, что надо уважать установленное княземъ Ярославомъ, а если онъ не далъ волости Ростиславу, значитъ ему и не надобно. Много времени должно было пройти, прежде нежели я своимъ умомъ дошелъ, что изгой такой-же князь, какъ другіе, и ни въ чемъ не виноватъ, если его отецъ рано умеръ.

Послѣ того услышалъ я въ первый разъ упреки этому безпокойному Всеславу Брячиславичу, полоцкому князю, который вѣдь тоже прямой правнукъ князя Владиміра, какъ всѣ мы, внуки Ярослава. Онъ тогда разграбилъ Новгородъ, увелъ большой полонъ, снялъ съ церквей колокола и даже увезъ паникадила. Былъ тогда въ Переяславлѣ большой сборъ войска, я туда же, такъ и порывался, но меня отецъ не взялъ; мнѣ тогда только что тринадцать лѣтъ минуло. А въ то время я уже ѣзжалъ на охоту: мой старый кормилецъ Сновидъ, человѣкъ стараго покрою, хотѣлъ сдѣлать изъ меня богатыря, и изъ-за этого, бывало, зубъ за зубъ ссорился съ моею матерью. Я тогда держалъ, конечно, его сторону и храбрился, и хорохорился, когда ея сердце по мнѣ разрывалось на части. Но умно сдѣлали, что меня не взяли: военные труды были мнѣ не подъ силу. Минскъ тогда, помню, разорили, и я зналъ, что Всеслава тогда въ Кіевѣ въ тюрьму посадили, заманивъ его обманомъ къ князю Изяславу. По этому случаю крупно я поспорилъ съ бояриномъ Никифоромъ; грекъ былъ, съ матерью еще изъ Царяграда пріѣхалъ. Я говорю, что это разбой, клятвопреступленіе, что и половцы такъ не дѣлаютъ, а онъ посмѣивается, говоритъ, что это была самая простая хитрость, а съ непріятелемъ схитрить не только можно, но и должно. Назвалъ я его грекомъ, онъ меня назвалъ плаксой, и пошла потѣха. А надо тебѣ знать, что я всегда легко плакалъ, и до сихъ поръ ты замѣтилъ это, вѣрно, какъ вхожу въ церковь, какъ погружусь умственно въ покорную, нѣжную молитву,

какъ и подобаетъ передъ Отцомъ нашимъ небеснымъ, такъ у меня слезы и покажутся, и потекутъ; а тогда я готовъ былъ плакать надъ сиротинками-цыплятками, что остались послѣ курицы, которую я ѣмъ въ пирогѣ. Прошло, примѣрно, года два, стали поговаривать, что идутъ половцы. Послѣ я хорошо узналъ, что это за народъ, и могу тебѣ разсказать все какъ есть. Это не то, что разбойники, а такъ только, кочевники. Сначала, когда они появились у нашихъ заселенныхъ мѣстъ, то пришли вовсе не за тѣмъ, чтобы грабить, а просто, чтобы пасти свой скотъ: табуны ихъ коней неисчислимы. На восточной сторонѣ отъ Днѣпра рѣки есть большія, сначала Донъ, дальше Волга; еще дальше Яикъ, а тамъ пошла степь безъ конца. Половцы бродили тамъ у Яика съ незапамятныхъ временъ, и жили спокойно; и скотъ свой перегоняли иногда на ту сторону, какъ по времени пастбища было удобнѣе. Понемногу стало на той сторонѣ тѣсно: явились другіе кочевники и стали перехватывать ихъ стада. Бывали драки, ссоры, а потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ они и подались немного къ западной сторонѣ, къ намъ, и много лѣтъ опять пасли спокойно. Опять съ восточной стороны стало тѣсновато, они перешли уже Волгу и много лѣтъ, можетъ быть десятки лѣтъ, бродили возлѣ Дона. Опять стало тѣсновато, и не то чтобъ очень, а такъ, сосѣди ихъ съ восточной стороны по временамъ стали обижать, и придвинулись они къ намъ. Оно бы и ничего, пусть-бы жили, да обидно-то, что они наши покосы вытравлять скотомъ стали. И живутъ ордами, и эти орды иной разъ передерутся, иной разъ идутъ двѣ вмѣстѣ, это не то, чтобы народъ, а много небольшихъ народцевъ. Торки, берендеи, печенѣги, это все по настоящему тѣже половцы, и нѣкоторые изъ нихъ поселены были у насъ въ городахъ, и ничего, землю пашутъ, поторговываютъ, и живутъ, ничего, будто русскіе люди. Языкъ у нихъ, конечно, свой, и я этому языку подучился, только говорить не могу, а все понимаю.

Пришлось такъ, что много ихъ прибрело къ нашимъ населеннымъ мѣстамъ, и какъ весною чутье гонитъ рыбу противъ теченія, такъ и они ломятъ на западъ, и не смотрятъ ни на что. Стали вытравлять не только покосы, но и хлѣба, и отецъ мой съ дядями рѣшились ихъ прогнать назадъ въ степи. А подвигались они, надо знать, не скоро, въ мѣсяцъ иногда проходили нѣсколько верстъ, мѣрою столько, сколько вытопчетъ ихъ скотъ. Князья имѣли время уговориться, съѣхаться и сойтись, да понадѣялись на свои силы, и половцы ихъ побили на Альтѣ, стало-быть очень уже недалеко отъ Кіева. Князь Изяславъ съ моимъ отцомъ прибѣжали въ Кіевъ, и тутъ сдѣлалось замѣшательство. Народъ всталъ, началъ требовать оружія и коней, дядя Изяславъ ничего не хотѣлъ слушать; народъ забушевалъ, выпустилъ плѣннаго Всеслава, а дядя бѣжалъ въ Польшу. Ошибка была въ томъ, что половцы были у насъ вновѣ, а тогда не трудно было ихъ побить: князь Святославъ разбилъ-же ихъ тогда у Сновска; съ небольшою дружиною, и дядѣ Изяславу слѣдовало дать народу оружіе. Княземъ въ Кіевѣ сталъ Всеславъ полоцкій, и наши въ Переяславлѣ не знали на которую ногу стать: признавать его кіевскимъ княземъ, или не признавать. Бояринъ Ратиборъ брался его выгнать изъ стольнаго города въ двѣ недѣли; тысяцкій Никифоръ все пересылался съ Святославомъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ идти на Кіевъ, Всеслава прогнать, а землю русскую раздѣлить пополамъ. Пока думали, да пересылались, прошла зима, а на весну Изяславъ воротился съ королемъ польскимъ Болеславомъ II. Всеславъ бѣжалъ, но это былъ человѣкъ не милостивый на кровопролитіе: онъ не унялся даже тогда, когда его выгнали изъ Полоцка, вернулся, выгналъ Изяслава, сына Святополка, и сѣлъ опять въ своемъ гнѣздѣ. Мой отецъ и дядя Святославъ не любили старшаго брата: онъ былъ двоедушенъ и все велъ переговоры, такіе хитрые, что одинъ и тотъ-же человѣкъ,

отъ него посланный, и хлѣбомъ кормилъ, и петлю на шеѣ затягивалъ. Узналъ онъ, что предлагалъ въ его отсутствіе нашъ грекъ Никифоръ, да и сталъ насылать къ Всеславу, чтобы имъ вдвоемъ взять Русскую землю, а насъ, то есть Святослава и моего отца, прогнать. Тутъ нашей-то сторонѣ приходилось беречь свои головы, мы на Кіевъ и пошли. Вотъ тутъ-то я въ первый разъ пошелъ въ походъ: мнѣ было двадцать лѣтъ, и былъ я постоянно при отцѣ. Сраженія не было никакого, такъ-что я крови не видалъ, и все жалѣлъ—неразуменъ былъ,—что Изяславъ уѣзжаетъ въ Польшу безъ драки. А Кіевъ былъ тогда немногимъ хуже теперешняго, такое мѣстечко, изъ-за котораго стоило подраться. Кромѣ того, что красота неописанная, кромѣ того, что богатство непомѣрное и народу тысячъ до семидесяти можно было насчитать, если-бы досужно было этимъ заниматься, былъ онъ знаменитъ въ цѣломъ свѣтѣ. Дядя Изяславъ женатъ былъ на польской королевнѣ, отецъ мой на греческой царевнѣ, и съѣзжались къ намъ въ великую Русскую землю, въ стольный городъ Кіевъ знаменитые люди отовсюду. Вотъ и мнѣ тогда Богъ привелъ жениться на англійской королевнѣ Гидѣ; красавица была, покойница, и варяжской крови. Увезъ я ее въ Черниговъ и тамъ пожилъ съ ней недолго. Тогда вышло такое дѣло. Польскій Болеславъ не хотѣлъ или не могъ пособить дядѣ Изяславу, онъ и уѣхалъ отъ него къ нѣмецкому императору въ Майнцъ. Императоръ присылаетъ къ намъ въ Кіевъ пословъ и грозитъ дядѣ Святославу, что если не пуститъ Изяслава на кіевскій столъ, то—война. А въ тоже время онъ былъ уже въ войнѣ съ польскимъ королемъ, стоялъ за чеховъ. Вслѣдъ за императорскимъ посломъ пріѣзжаетъ и отъ Болеслава: проситъ помощи. Дядя Святославъ послалъ сына Олега, а меня снарядилъ отецъ, дали намъ по тысячѣ человѣкъ дружины и послали помогать Болеславу. Пошли, а со мной былъ Ратиборъ, старикъ, опытный воевода, а съ

Олегомъ Святославичемъ воеводой пошелъ Перенѣгъ. Шесть мѣсяцевъ мы тогда проходили, и мой первенецъ Мстиславъ родился безъ меня. Пошли въ походъ, вошли уже въ польскія земли, а король и присылаетъ намъ сказать, что насъ ему больше не надо, что онъ съ чешскимъ княземъ Вратиславомъ замирился, а мы шли-бы домой. А мы тогда съ Олегомъ Святославичемъ душа въ душу жили, ѣли изъ одного горшка, спали подъ однимъ шатромъ. Вотъ намъ это обидно показалось: наемники что-ли мы какіе, что такъ, не выпустивъ ни одной стрѣлы, безо-всякой чести домой пойдемъ? Союзники мы, не наемники, и рѣшили мы съ Олегомъ, что честь свою взять должны, повоевать чешскую землю, чтобы князь Вратиславъ съ нами такъ-же, какъ съ королемъ, заключилъ миръ. И воевали мы ровно четыре мѣсяца. Воюемъ и дивимся, что это Вратиславъ не шлетъ посольства? Уже сколько мы у него селъ разорили! Сколько сѣна наши кони съѣли, сколько хлѣба и скота дружины наши прiѣли, а онъ все молчитъ! Послѣ мы узнаемъ, что онъ ссылался, только не съ нами, а съ польскимъ королемъ. Насилу-то догадались, прислалъ какого-то Людена, мы и вытребовали за миръ ни много, ни-мало тысячу гривенъ. Изъ этого серебра я себѣ ничего не взялъ, все отдалъ дружинѣ, по полгривнѣ на брата пришлось.

Поглядѣли мы на житье-бытье въ чужой сторонѣ, такъ не лучше нашего, а можетъ быть и хуже. Простой народъ живетъ бѣднѣе чѣмъ подъ Смоленскомъ, а князья и бояре— и сказать-то стыдно—не ходятъ въ баню. И что за причина, я не знаю: бѣдность, что-ли, или латинская вѣра запрещаетъ, только не ходятъ, и носятъ на тѣлѣ не ткани изо льну, какъ мы, а хорошо выдѣланную оленью кожу, и носятъ подолгу, такъ что выходитъ совсѣмъ не хорошо.

Не успѣли мы съ Олегомъ вернуться домой, какъ дядя Святославъ умеръ, а мой отецъ заключилъ съ старшимъ

братомъ миръ и самъ выѣхалъ въ Черниговъ, а я и въѣзда не видалъ: въ половинѣ зимы пошелъ, по приказу отца, пособлять Глѣбу Святославичу въ Новгородъ противъ Всеслава, лѣтомъ опять съ отцомъ ходилъ подъ Полоцкъ, а къ зимѣ нанялъ половцевъ. Прикочевали они къ намъ близехонько, грабить боятся, живутъ смирно, и хлѣбъ нашъ имъ полюбился: изъ хлѣба одного и нанялись они служить мнѣ въ походѣ. Въ этотъ разъ я выжегъ Полоцкъ со всѣхъ сторонъ, такъ что городъ одинъ остался, а все что за тыномъ—съ землей сравнялось. И надо такъ сказать, что не легко сосчитать сколько разъ я въ походъ ходилъ противъ разныхъ непріятелей, и столько я разорилъ городовъ, столько выжегъ селъ, столько перебилъ народу, что конечно половцы до сихъ поръ и десятой доли того разоренья не причинили Русской землѣ. Знаешь, вѣдь, что и смерды—созданія Божіи, по образу и подобію созданныя, знаешь тоже, что блаженъ кто и скотовъ милуетъ, да что-же станешь дѣлать? Чѣмъ инымъ пронять непріятеля, какъ не разореньемъ его людей? А зачѣмъ все это дѣлалось? Если-бы для блага Русской земли, то не жалко, ничего; если для блага нашего княжескаго рода,—тоже не жалко: а то бѣда, что, какъ теперь-то видишь, такъ ко вреду нашего рода столько вреда причинено великой Русской землѣ.

Когда Изяславъ, проскитавшись по свѣту, сѣлъ опять въ Кіевѣ, то отецъ переѣхалъ въ Черниговъ, а мнѣ дали въ управленіе Смоленскъ. Могу то сказать, что тутъ я оправлялъ народъ по самой сущей правдѣ, и тіунамъ воли не давалъ: все самъ; всякій человѣкъ могъ ко мнѣ придти во всякое время, и я судилъ, и вникалъ во всякое дѣло, и сильному не давалъ слабаго въ обиду. Встанешь, бывало, раньше солнца, сотворишь утреннюю молитву, и всякій человѣкъ, кому только до меня есть дѣло, идетъ невозбранно на княжій дворъ, и ждетъ очереди, и выслушаю все до конца, и свидѣтелей допрошу, а если нужно схожу на мѣсто, гдѣ что

случилось, и правду постановлю. Могу сказать, что народъ меня въ Смоленскѣ любилъ какъ отца роднаго. Когда разсудишь все и никому я больше не надобенъ, выѣзжаю на охоту. Любилъ я это дѣло: и медвѣдь меня кусалъ, и зубръ на рога металъ, и лось топталъ, и вепрь однажды мечъ съ меня сорвалъ, и волкъ однажды съ конемъ свалилъ меня на земь, и я все-таки любилъ охоту. Съ соколами тоже ѣздилъ, и особенно любилъ напускать сокола на стаю воронъ или галокъ: онъ ихъ въ клубокъ собьетъ, такъ что, бывало, если стрѣлою въ этотъ клубъ ударишь, то рѣдко одну, а то все двѣ и даже три птицы она на себя нанижетъ. Послѣ охоты пріѣдешь домой, обѣдать, и такъ пригоняешь, чтобы къ полудню кончить и лечь отдыхать: такъ Богомъ установлено, что и птица, и звѣрь всякій въ это время отдыхаетъ. Когда полдень застигнетъ на охотѣ, то обѣдаешь чѣмъ случалось и ложишься отдыхать подъ небомъ Господнимъ и если никто изъ отроковъ не догадается подослать ковра, то и на голой землѣ засыпаешь крѣпко. Тогда мнѣ было всего двадцать пять лѣтъ, хорошій возрастъ, да жаль что коротокъ, и не приходитъ еще хоть-бы разочекъ: болѣзней никакихъ не зналъ, а теперь! Теперь если не жарко натоплена горница, такъ я ужь и не могу: всѣ кости такъ и разболятся, такъ мозжатъ, что хоть крикомъ кричи.

Надо тебѣ знать, что когда Изяславъ сѣлъ опять въ Кіевѣ, то сдѣлалась большая несправедливость: Святославичамъ не дали никакого удѣла. Теперь-то мнѣ это видно, а тогда мнѣ казалось, что такъ и слѣдовало. Что-нибудь одно: либо Русская земля есть достояніе всего рода князя Ярослава Мудраго, или, еще вѣрнѣе, Владиміра, и въ такомъ случаѣ Святославичей обижать не слѣдовало; либо Русская держава должна быть въ одной рукѣ, и тогда не слѣдовало давать удѣловъ ни Всеволоду, ни его сыну Мономаху, и отнять Полоцкъ у Всеслава. И дорого обошлась намъ эта не-

справедливость. Въ Тмуторокани жилъ тогда княземъ Романъ Святославичъ, такъ къ нему поѣхалъ туда братъ Олегъ, да братъ Борисъ Вячеславичъ, того дяди Вячеслава сынъ, котораго дѣдъ Ярославъ посадилъ въ Смоленскѣ. Вотъ эти Олегъ съ Борисомъ и привели половцевъ, а я ничего не знаю, сижу въ Смоленскѣ, оправляю народъ, и какъ услышалъ, собрался наскоро и выступилъ съ дружиной, да опоздалъ.— Отецъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу, сошлись на Сожицѣ, они отца разбили, онъ и ушелъ въ Переяславль. Я подошелъ къ Чернигову, а кругомъ орда: что-же, насилу сквозь нее пробился. Такъ и лѣзутъ на моихъ-то, такъ и облѣпили, точно пчелы медвѣдя разбойника облѣпляютъ. Однако ничего, прихожу къ отцу. Застаю въ Переяславлѣ дядю Изяслава съ сыномъ Ярополкомъ, и съ ними тоже дружина. Вотъ мы всѣ вмѣстѣ и пошли добывать Черниговъ. Только-что мы его порядкомъ обожгли и стали подступать къ валамъ, слышимъ: идутъ опять Олегъ съ Борисомъ: это они уходили набирать себѣ еще воинство. Мы и вышли къ нимъ навстрѣчу. Видятъ они, что дѣло плохо: со всѣми нами справляться имъ не легко. Олегъ было пріостановился, а Борисъ кинулся одинъ. Встрѣча была на Нѣжатинѣ-Нивѣ, и тутъ я въ первый разъ былъ въ настоящемъ сраженіи. Бояться я не боялся, потому что безъ воли Божіей волосъ съ головы не упадетъ; а все какъ-то удивительно было. Какъ звякнетъ стрѣла по кольчугѣ, такъ поневолѣ вздрогнешь; какъ валится дружина кругомъ, то не страшно становится, нѣтъ, а сердце сжимается, какъ будто опускаешься въ глубокую воду и она тебя душитъ и давитъ. Въ первой-же свалкѣ убили брата Бориса, потомъ ужь какими-то судьбами убили дядю Изяслава: угорѣлый какой-то врагъ изъ половцевъ занесся одинъ въ нашъ пѣшій отрядъ, съ разлету ударилъ дядю копьемъ подъ плечо, да наповалъ и убилъ; его изрубили топорами, да что-же дѣлать, князя этимъ не подымешь.

Но мы постояли крѣпко, понатужились, ударили и Олегъ побѣжалъ. Гнали мы его долго, и князь Олегъ едва ноги унесъ. Мечъ у меня въ тотъ день иступился, рука устала, а конь качался, какъ пьяный. А тѣло князя Изяслава подняли, привезли въ Кiевъ и положили въ церкви Богородицы, въ мраморномъ гробѣ.

И какъ подумаешь про наши усобицы, такъ обидно становится: съ княземъ Олегомъ всего за три года передъ тѣмъ мы жили душа въ душу, вмѣстѣ воевали чеховъ и шагу не дѣлали безъ согласiя, а тутъ я на него пускаю тучу стрѣлъ, добираюсь до него съ мечомъ. Или князь Изяславъ: отецъ мой вмѣстѣ съ Святославомъ выгналъ его изъ Кiева, онъ скитался столько лѣтъ по чужимъ землямъ, а пришло время—онъ пришелъ помогать брату. Говорили о немъ, будто онъ въ нѣмецкой землѣ принялъ вѣру латинскую, покорился папѣ; только это неправда. Если онъ съ папой и сносился, и будто покорялся ему, то такъ только, для виду, думалъ что онъ ему пособитъ воротить себѣ Кiевъ, а вѣра его осталась прежняя, русская.

Но споры съ изгоями этимъ не кончились, и кажется мнѣ, что Русская земля все отъ этихъ изгоевъ развалится на части и прахомъ пойдетъ. Отецъ мой сѣлъ въ Кiевѣ, меня послалъ въ Черниговъ, а старшему Изяславичу, Ярополку, отдалъ Владимiръ-на-Волыни. Всеславъ оставался у себя въ Полоцкѣ. Не прошло и года послѣ кончины дяди Изяслава, идетъ изъ Тмуторокани изгой Романъ Святославичъ со всякимъ степнымъ сбродомъ, всѣхъ ихъ гуртомъ мы зовемъ половцами. Отецъ мой вышелъ навстрѣчу къ городу Воину, далъ этому сброду денегъ, они и ушли во-свояси, да дорогой Романа и убили. Тогда злые языки говорили, будто по его волѣ это убiйство совершилось, будто онъ ихъ и подучилъ и подкупилъ на это злое дѣло. Только это неправда, и память отца моего должна быть отъ этого навѣта очищена. Мы

разузнавали какъ было дѣло: ханы, которыхъ привелъ на насъ Романъ, взяли серебро, а Роману надо было волости, и себѣ, а не имъ; онъ и сталъ ихъ укорять, за то, что они измѣнили. Слово за-слово, поговорили крупно, Романъ замахнулся на какого-то хана, а тотъ въ него и ткнулъ ножомъ. Олегъ, братъ родной, задумалъ отомстить убійцѣ, а тотъ, съ серебромъ-то, ушелъ къ корсунцамъ, значитъ къ грекамъ, пригрозилъ и подарилъ, а тѣ на всякое предательство сейчасъ готовы: захватили какъ-то Олега въ Тмуторокани и свезли его въ Царьградъ, а оттуда уже сослали его на островъ Родосъ. Ты, вѣдь, самъ изъ грековъ, владыко, ты лучше моего знаешь, что это за островъ...

— Богатый это, роскошный островъ,—отвѣчалъ митрополитъ, внимательно слушавшій князя Мономаха:—онъ покрытъ маслинами, которыя даютъ всегда хорошій сборъ, а самый городъ въ цѣломъ свѣтѣ знаменитъ торговлею.

— Ну такъ и есть,—продолжалъ князь:—гдѣ торговля, тамъ много празднаго народу, вольницы бездомной. Онъ года два прожилъ въ Родосѣ, набралъ этого народу, приплылъ въ Тмуторокань и захватилъ ее. Вотъ за что я любилъ этого Олега, что онъ былъ молодецъ какихъ только поискать, и хоть онъ много мнѣ зла надѣлалъ, а все-таки скажу, что молодецъ: такъ и кипитъ въ немъ русская кровь. Захватилъ онъ въ городѣ тоже двоюродныхъ братьевъ Давида Игоревича и Володаря Ростиславича, забралъ и разныхъ тамъ половецкихъ и бывшихъ козарскихъ хановъ. Разобралъ дѣла, кто брата Романа убилъ, а его предалъ грекамъ, тѣхъ онъ всѣхъ передушилъ, а братьевъ отпустилъ на всѣ четыре стороны. Тогда Давидъ надѣлалъ много хлопотъ моему отцу: захватилъ днѣпровское устье и загородилъ Кіеву торговлю съ Царемъ-градомъ: ему дали Дорогобужъ. А Володарь сманилъ братьевъ Рюрика и Василька отъ Ярополка изъ Владиміра, да вмѣстѣ съ ними выгналъ Ярополка изъ его стольнаго го-

рода. Меня-же отецъ послалъ ихъ выгонять, а Ярополка сажать назадъ на мѣсто. Кого тутъ винить, я не знаю. Крови пролилось много, а виноваты-ли Ростиславичи въ томъ, что ихъ дѣдъ Владиміръ, тоже сынъ князя Ярослава Мудраго, какъ и мой отецъ, умеръ раньше, нежели его отецъ? За это сынъ его, Ростиславъ, былъ изгоемъ, а его сыновья, какъ говорили тогда, изгои вдвойнѣ. А они смотрѣли на это дѣло не такъ: ихъ отецъ былъ старшимъ сыномъ и они считали себя законными и единственными владѣтелями всей Русской земли, и намъ, остальнымъ, хотѣли дать по маленькому клочку. И на томъ спасибо, если право на ихъ сторонѣ; а мнѣ то казалось тогда, что они просто разбойники. Старшій, Рюрикъ, былъ человѣкъ больной, онъ не долго и пожилъ; второй, Володарь, былъ молодецъ, а третій, Василько, несчастный, впослѣдствіи ослѣпленный злодѣемъ Давидомъ, былъ самый душевный человѣкъ. Другаго такого душевнаго князя я не видывалъ. Половцы и всякая погань степная слушались его какъ своего хана, и умѣлъ онъ съ ними ладить, и умѣлъ онъ хорошо на ихъ языкѣ говорить. Прогналъ я ихъ изъ Владиміра, а послѣ съѣздилъ къ отцу и выхлопоталъ имъ волость на самой польской границѣ: никто лучше Василька не съумѣлъ-бы этой границы оборонить. Онъ разъ сманилъ половцевъ, которые бродили по Русской землѣ, и повелъ ихъ разорять Польшу. Ну не умница-ли? И наша-то земля цѣла, и сосѣдямъ разоренье такое, что вѣкъ будутъ помнить, и половцамъ удовольствіе превеликое.

Ну, усѣлись, и кажется прочно.—Нѣтъ еще, не усѣлись. У князя Ярополка Волынская волость убавилась, и сталъ онъ гнѣвъ держать на моего отца, и собирать противъ Кіева войско. Велика-ли вышла-бы у него рать, съумѣлъ-ли-бы онъ что нибудь сдѣлать, это все неизвѣстно; не могу даже навѣрное сказать, собирался-ли онъ нападать на Кіевъ. Можетъ быть все это выдумалъ хитрый Давидъ, чтобы вос-

пользоваться волынскою Волостью. Только отецъ меня послалъ на Ярополка, я забралъ въ плѣнъ его мать и жену, руками забралъ всю его дружину, а самъ онъ едва ушелъ въ Польшу. Волость его досталась Давиду, и при этомъ имѣлось въ виду, что эта волость была прежде дана Ярославомъ Мудрымъ его отцу. Черезъ годъ однакоже Ярополкъ покорился, цѣловалъ моему отцу крестъ и получилъ свою волость обратно. Давидъ долженъ былъ оставить Владиміръ и уйти въ Дорогобужъ, тутъ онъ затаилъ свою злобу въ сердцѣ и сталъ замышлять новыя клеветы и предательства. Вслѣдъ за тѣмъ случилось убійство князя Ярополка, и убійца, Нерадецъ, убѣжалъ въ Перемышль. Сейчасъ-же Давидъ насказалъ, будто старшій Ростиславичъ укрываетъ убійцу, будто и самое преступленіе совершено по его приказу. Не говоря ни слова, мы—въ походъ противъ Ростиславичей, но дѣло оказалось напрасною тревогой. Убійцу приняли, но заперли его въ тюрьмѣ и казнили. Наговоры Давида на этотъ разъ не удались, но все-же онъ получилъ Волынскую область.

Только-что я вернулся домой, слышу—Всеславъ полоцкій идетъ къ Смоленску и дорогой разоряетъ христіанъ не хуже какого нибудь половецкаго хана. И этотъ Всеславъ, по своему, былъ правъ: онъ потомокъ старшаго сына князя Владиміра, и считалъ себя въ правѣ владѣть всею Русскою землею. Я бросился на него изъ Чернигова о двуконь, и нашелъ только дымящіеся остатки Смоленска, а Всеслава и слѣдъ простылъ. Пошелъ я за нимъ слѣдомъ, напалъ на Минскъ и не оставилъ въ немъ ни челядина, ни скотины.

Такъ дѣла дошли до того, что мнѣ минуло сорокъ лѣтъ, а моему сыну Мстиславу пошелъ восемнадцатый годъ. Теперь уже онъ почти старикъ, что-же? Пятьдесятъ лѣтъ, а тогда онъ былъ первымъ красавцемъ, кровь съ молокомъ и мужественъ какъ тридцатилѣтній опытный витязь. Въ ту пору умираетъ мой отецъ. Я съ молодымъ братомъ Рости-

славомъ былъ въ Кіевѣ при его смерти, устроилъ честное погребеніе и послалъ за Святополкомъ, звать его на княженіе въ Кіевъ. Послѣ убіенія Ярополка Изяславича, его братъ Святополкъ остался у насъ старшимъ въ родѣ. Знаю я, что я могъ-бы остаться и сѣсть въ Кіевѣ, граждане меня любили, даже во время похоронъ многіе говорили мнѣ, что пристойнѣе всего будетъ сѣсть въ Кіевѣ мнѣ. Но Святополкъ былъ сынъ Изяслава Ярославича, а я—Всеволода Ярославича, а Изяславъ сидѣлъ на кіевскомъ столѣ раньше Всеволода. Я и уступилъ. Къ тому-же, я тебѣ говорю какъ на духу, сущую правду: говорили тогда, что Святославичи приготовляютъ въ дальнихъ степяхъ великія силы, и я очутился-бы между двухъ враговъ. Братъ Святополкъ тогда жилъ въ Туровѣ, бросивъ Новгородъ, въ ожиданіи смерти моего отца. Подумалъ, подумалъ, и послалъ въ Туровъ звать Святополка, а самъ съ братомъ уѣхалъ въ Черниговъ, и думаю себѣ: буду повиноваться старшему князю какъ отцу, пусть всѣ русскіе князья это видятъ и поучаются. А вышло на дѣлѣ, что это тоже была гордость: изъ самого себя сдѣлать поученіе для всѣхъ. Должно-ли было такъ дѣлать? Нѣтъ, не слѣдовало, и въ первый-же разъ, какъ пришлось повиноваться неразумному приказанію, надо было просто поѣхать къ брату и сказать истинное свое мнѣніе. И прикинулся я такимъ покорнымъ, такимъ вѣрнымъ подданнымъ, что вспомнить противно. Вижу ясно, что лѣземъ въ петлю, что не надобно схватываться съ половцами, а повинуюсь.

Пришли тогда опять половцы. Они, какъ волны морскія, одна за другою набѣгаютъ на берегъ, никогда не изсякая, набѣгали на Русскую землю. Сколько разъ я мирился съ ними—и не перечесть, только сунешь что нибудь въ ихъ голодные рты, и пойдутъ, поганые, назадъ въ свои степи, только хвостомъ помахиваютъ, какъ псы, прости Господи. При этомъ, разумѣется, надо имъ показать большую вооруженность

женную силу, и чѣмъ силы больше, тѣмъ они сговорчивѣе на миръ. Они это понимаютъ очень хорошо, что немногое вѣрное лучше многаго невѣрнаго, и тоже умирать не очень-то любятъ. За городомъ Треполемъ, на рѣкѣ Стугнѣ, они увидѣли у насъ порядочныя силы и отошли-бы за самую дешевую цѣну. Я заикнулся-было, что «будемъ мириться», но поднялись голоса противъ меня, и я замолчалъ. При покойномъ отцѣ, бывало, что я скажу на такомъ совѣтѣ дружины, никто не прекословитъ; а тутъ не согласны. Обидно мнѣ это показалось, я и говорю: «Какъ князь великій прикажетъ, такъ оно и будетъ!» Ударили половцы сначала на брата и я, признаюсь, могъ-бы ударить имъ въ бокъ, да замѣшкался: очень уже мнѣ обидно было, что не по-моему сдѣлали. И накликалъ на себя бѣду, какой во весь мой долгій вѣкъ не бывало. Молодой братъ мой, Ростиславъ (ему тогда двадцать четыре года было), порывался ударить и меня порывалъ; но я съ ложнымъ смиреніемъ, въ которомъ и сознаю громадную, сатанинскую гордость, говорю, что безъ приказа князя мы, которые у стремени его ходимъ, не смѣемъ дѣлать по-своему. Божія Правда сейчасъ-же меня и наказала. Половцы опрокинули князя Святополка, ударили въ меня, и меня разбили какъ мальчишку. Лучшіе бояре мои пали въ этомъ сраженіи, чуть не вся дружина была перебита. Подскакали мы съ братомъ къ рѣкѣ, а Стугна, надо тебѣ знать, прихотлива и отъ дождей разливается сильно. Братъ бросился въ рѣку, да въ глубокомъ мѣстѣ конь его споткнулся, Ростиславъ упалъ, попалъ подъ коня. Не помня себя, бросился я ему помогать, и едва самъ не утонулъ: отроки насъ вытащили, я живъ, а братъ былъ мертвъ.

Долго послѣ того суровымъ постомъ и постоянною молитвою старался я искупить свой великій грѣхъ, и если Господь меня помиловалъ, то все-таки я былъ почти безъ дружины, брата любимаго у меня не было, а врагъ приближался.

Въ слѣдующемъ году пришелъ братъ Олегъ Святославичъ съ половцами. Старый боевой товарищъ, любимый братъ, осадилъ меня въ городѣ, да семь дней и морилъ голодомъ и жаждой. Отъ брата Василька тогда присланъ былъ ко мнѣ гонцомъ какой-то искусный стрѣлецъ, не помню какъ его звали. Такъ онъ едва брата Олега не застрѣлилъ стрѣлою; но я запретилъ ему это, не желая быть Святополкомъ окаяннымъ. Миръ заключили мы на томъ, что ему я уступилъ волость отца его Святослава, то есть Черниговъ, а самъ удалился въ волость моего отца, въ Переяславль.

Черезъ годъ послѣ того къ намъ въ Переяславль пришли два хана, Китанъ и Итларь. Съ ними,—ты, владыко святой, вѣрно слышалъ это!—я поступилъ съ ними вопреки обѣщанію и крестному цѣлованію: я велѣлъ ихъ убить. И кромѣ того, что этимъ погубилъ свою душу, я самому себѣ нанесъ вредъ неисчислимый. Братъ Олегъ остался въ Черниговѣ пріятелемъ половцевъ и держалъ у себя сына хана Итларя, мною убитаго, и когда я звалъ его на совѣтъ княжескій, чтобы установить на вѣчныя времена миръ, онъ не поѣхалъ, боясь, что и его, брата, убьютъ по моему приказу. Изъ-за этого пошла опять рознь, и война, и кровопролитіе, и разореніе христіанъ, а черезъ это наше-же княжеское разореніе. Да ктому-же я тутъ въ первый разъ потерялъ сына.

Вотъ какъ было все дѣло. Старшему сыну моему Мстиславу было тогда ровно двадцать лѣтъ, и послалъ я его, съ согласія старшаго князя, Святополка, княжить въ Ростовъ. У меня это примѣчено, что молодому князю хорошо отъѣхать подальше отъ отца, пожить на волѣ, посмотрѣть какъ живетъ народъ, посудить его и попривыкнуть стоять на своихъ ногахъ. Какъ хочешь живи въ дальней сторонѣ, улаживайся съ людьми какъ знаешь, а если залѣзешь въ очень большую бѣду, то отецъ авось будетъ имѣть время выручить. Живетъ Мстиславъ въ Ростовѣ, Давида Святославича мы

посадили въ Новгородъ, а сыну Изяславу пришлось сидѣть въ Смоленскѣ. Нарочно мы такъ Давида отъ Олега отсадили подальше, чтобъ эти два молодца не жили рядомъ. Вотъ Давидъ пошелъ изъ Новгорода въ Смоленскъ, да сына моего Изяслава и выгналъ. Я этого ничего не знаю. А пока онъ ходилъ, новгогородцы послали въ Ростовъ за старшимъ сыномъ Мстиславомъ и посадили его у себя. Давидъ пустился-было опять въ Новгородъ: хотѣлось ему и Новгородомъ владѣть, и Смоленскомъ; да новгородцы послали ему сказать: «не ходи къ намъ». Стало быть не одна дружина княжеская будетъ противъ тебя, а также и всѣ силы города. Онъ понялъ, что съ этимъ городомъ тягаться не выгодно, съ дороги и вернулся. А Изяславу, изъ Смоленска-то выгнанному, куда было дѣваться? Онъ и ударился на Олеговы волости, сначала на Курскъ, а потомъ на Муромъ, схватилъ Олегова посадника, да и сѣлъ тамъ. Городъ его принялъ и цѣловалъ ему крестъ. Было ему всего лѣтъ восемнадцать, мальчишка, а приняли его за то (это я могу безъ всякаго хвастовства сказать), что онъ былъ сыномъ Василья Владиміра Мономаха. Безъ хвастовства скажу, что въ дальнихъ закоулкахъ великой Русской земли обо мнѣ слыхали, когда я еще не былъ княземъ кіевскимъ.

Вотъ въ такихъ-то усобицахъ проходило у насъ время и земля лежала разореная. Народъ скрывался по лѣснымъ трущобамъ, люди заходили въ лѣса какъ можно дальше отъ большихъ рѣкъ и отъ нашихъ путей, только-бы не подвергаться ежегодному разоренію. Жить было нельзя, ѣсть было нечего, и хорошо еще, что въ рѣкахъ у насъ рыбы много, въ лѣсахъ звѣрь водится, а то-бы иной разъ и богатому боярину ѣсть было нечего. Надумали мы вдвоемъ съ Святополкомъ созвать князей и урядиться о Русской землѣ передъ епископами, игуменами, мужами отцовъ нашихъ и людьми городскими, чтобы послѣ намъ можно было сообща оборонять

Русскую землю отъ поганыхъ. Олегъ велѣлъ отвѣчать: «Не пойду на судъ къ епископамъ, игумнамъ и смердамъ.» Это слова величавыя, но пустыя, смыслъ Олега всегда былъ буйный: онъ не понималъ, что только то и крѣпко стоитъ на землѣ, на что согласны и епископы, и игумны, и смерды. У всѣхъ у нихъ противъ насъ голоса нѣтъ никакого; они передъ нами — что корни у дерева, что разростаются въ землѣ. Краса всему дереву конечно мы, да безъ корней-то намъ бы не только красоваться, да и жить нельзя. Послали мы ему сказать: «Ты нейдешь съ нами на поганыхъ, нейдешь къ намъ въ совѣтъ, значитъ мыслишь на насъ недоброе и поганымъ помогать хочешь: пусть-же Богъ насъ разсудитъ!» Пошли мы на него; онъ бросилъ Черниговъ, ушелъ въ Стародубъ. Подъ этимъ городомъ мы тридцать три дня стояли, приступали сильно и наконецъ одолѣли. Олегъ запросилъ мира, а мы его отпустили и сказали: «Ступай къ брату своему Давиду, пріѣзжайте оба вмѣстѣ въ Кіевъ къ столу отцовъ и дѣдовъ вашихъ: то старшій городъ во всей землѣ, въ немъ слѣдуетъ намъ собираться и улаживаться». Я тогда еще думалъ, будто дѣла о власти и волостяхъ могутъ улаживаться полюбовно, договорами. Олегъ, какъ добрый, обѣщалъ пріѣхать, цѣловалъ крестъ, отправился къ брату въ Смоленскъ, взялъ его полки, да и ушелъ въ Рязань. И въ этомъ несчастіи я себя упрекаю. Еслибы я не велѣлъ убить Итларя и Китана, еслибы я тогда не нарушилъ крестнаго своего цѣлованія, то Олегъ вѣрилъ-бы мнѣ, явился-бы въ Кіевъ на мирное докончаніе, и не было-бы войны, и мой бѣдный Изяславъ былъ-бы живъ. Видя, что Святославичи и не думаютъ пріѣзжать въ Кіевъ, мы пошли къ Смоленску на Давида, а Олегъ пошелъ на Изяслава, моего сына, засѣвшаго въ Муромѣ. Изяславъ былъ не-промахъ: услышавъ объ этомъ, онъ собралъ ростовцевъ, бѣлозерцевъ и суздальцевъ, однако большія силы не спасли его: въ злой сѣчѣ онъ былъ

убитъ, и войско разбѣжалось. Потеря сына, я знаю, была мнѣ Божьимъ наказаніемъ, и я покорился; но это такое тяжкое наказаніе, которое не легко выдерживается. Душа привыкла съ любовью обращаться къ цвѣтущему юношѣ, и по привычкѣ стремится къ нему, но встрѣчаетъ не юношу, а тѣнь, видѣніе, воспоминаніе, пустое мѣсто, и обманутая падаетъ. У тебя, отецъ святой, дѣтей не бывало и ты не знаешь, что значитъ ихъ потеря, но я тебѣ объясню это примѣромъ. Мнѣ случалось, а вѣрно случалось и тебѣ, въ тяжкомъ сновидѣніи присутствовать на великомъ богослуженіи, и вотъ наступаетъ время совершить установленную молитву, а молитву эту ты позабылъ. Испугаешься ты этого, и стараешься вспомнить священныя слова, и никакъ не можешь... душа тоскуетъ несказанно, голова нѣмѣетъ, какъ иногда нѣмѣетъ затекшая рука и виситъ неподвижно. Вотъ такъ-то затекла и онѣмѣла у меня душа, когда я услышалъ о смерти сына.

Олегъ захватилъ и Суздаль, и Ростовъ: тогда мой старшій сынъ, Мстиславъ, изъ Новгорода послалъ сказать похитителю, чтобъ онъ оставилъ Суздальскую волость и шелъ къ себѣ въ Муромъ, а я послалъ сыну свою хоругвь и одного половчина, именемъ Кунуя. Онъ давно у меня служилъ, и воинъ былъ хорошій. Я велѣлъ ему набрать дружину половцевъ и идти помогать Мстиславу. Тутъ подвернулась та бѣда, что Олегъ былъ крестнымъ отцомъ Мстиславу: мой старшій-то родился еще въ то время, какъ мы съ Олегомъ были дружны. Пришлось такъ, что крестнику надо было воевать противъ крестнаго отца. Однако дѣлать нечего, сошлись биться; Кунуй съ пѣшимъ полкомъ зашелъ Олегу въ тылъ, съ моимъ-то стягомъ, а имъ показалось, будто я самъ подоспѣлъ на помощь сыну. Побѣжалъ Олегъ, а крестникъ за нимъ, сначала къ Мурому, потомъ къ Рязани, загонялъ совсѣмъ, какъ волка гоняетъ стая добрыхъ собакъ. Послѣ

того сынъ вернулся въ Новгородъ и прислалъ мнѣ письмо: проситъ слезно за своего крестнаго отца, чтобы я съ нимъ помирился и не лишалъ его Русской земли. Тогда я написалъ Олегу такое посланіе; оно у меня уцѣлѣло.—Слушай отецъ святой:

«Пишу къ тебѣ, потому что принудилъ меня къ тому сынъ твой крестный: прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамату. Пишетъ: уладимся и помиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ за него местники, но положимся во всемъ на Бога: они станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы Русской земли не погубимъ. Увидѣвъ такое смиреніе своего сына, я умилился и устрашился Бога, подумалъ: сынъ мой въ юности своей и въ безуміи такъ смиряется, на Бога все возлагаетъ; а я что дѣлаю? Грѣшный я человѣкъ, грѣшнѣе всѣхъ людей! Послушался я сына своего, написалъ тебѣ сію грамату: примешь-ли ее добромъ, или съ поруганьемъ, покажетъ твоя грамата. Я первый пишу къ тебѣ, ожидая отъ тебя смиренья и покаянья. Господь нашъ не человѣкъ, а Богъ всей вселенной, что хочетъ, все творитъ въ мгновенье ока; а претерпѣлъ-же хуленье, и плеванье, и ударенье, и на смерть отдался, владѣя животомъ и смертью. А мы что, люди грѣшные? Нынѣ живы, а завтра мертвы, нынѣ въ славѣ и въ чести, а завтра въ гробѣ и безъ памяти: другіе раздѣлятъ по-себѣ собранное нами. Посмотри, братъ, на отцовъ нашихъ: много-ли взяли съ собою кромѣ того, что сдѣлали для своей души? Тебѣ-бы слѣдовало, братъ, прежде всего прислать ко мнѣ съ такими словами. Когда убили дитя мое и твое (ибо ты ему дядя) передъ тобою, когда ты увидѣлъ кровь его и тѣло увянувшее, какъ цвѣтокъ только что распустившійся, какъ агнца закланнаго, подумать-бы тебѣ, стоя надъ нимъ: увы, что я сдѣлалъ! для неправды свѣта сего суетнаго взялъ грѣхъ на душу, отцу и матери причинилъ слезы! Сказать-бы тебѣ было тогда, какъ царь Давидъ:

азъ знаю грѣхъ мой, предо мною есть выну! Богу-бы тебѣ тогда покаяться, а ко мнѣ написать грамату утѣшную, да сноху прислать, потому что она ни въ чемъ не виновата, ни въ добрѣ, ни въ злѣ: обнялъ-бы я ее и оплакалъ-бы мужа ея и свадьбу ихъ вмѣсто пѣсенъ брачныхъ; не видалъ я ихъ первой радости и вѣнчанья за грѣхъ мой: ради Бога пусти ее ко мнѣ скорѣе—пусть сидитъ у меня какъ горлица на сухомъ деревѣ жалуючись, а меня Богъ утѣшитъ. Такимъ уже видно путемъ пошли дѣти отцовъ нашихъ: судъ ему отъ Бога пришелъ. Если-бы ты тогда сдѣлалъ по своей волѣ, Муромъ взялъ-бы, а Ростова не занималъ, а послалъ ко мнѣ, то мы уладились-бы. Но разсуди самъ: мнѣ-ли было первому къ тебѣ посылать, или тебѣ ко мнѣ? Удивительно-ли, что мужъ умеръ на рати, умирали такъ и прежде наши прадѣды: не искать ему было чужаго и меня въ стыдъ и въ печаль не вводить: занять твой Муромъ научили его отроки, для своей корысти, а я ему на гибель. Захочешь покаяться передъ Богомъ и со мною помириться, то напиши грамату съ правдою и пришли съ нею посла или попа: такъ и волость возьмешь добромъ и сердце наше обратишь къ себѣ, и лучше будемъ жить, чѣмъ прежде: я тебѣ ни врагъ, ни местникъ. Не хотѣлъ я видѣть твоей крови у Стародуба; но не дай мнѣ Богъ видѣть крови и отъ твоей руки, и ни отъ котораго брата по своему попущенію; если я лгу, то Богъ меня вѣдаетъ, и крестъ честной. Если тотъ мой грѣхъ, что ходилъ на тебя къ Чернигову за дружбу твою съ погаными, то каюсь. Теперь подлѣ тебя сидитъ сынъ твой крестный съ малымъ братомъ своимъ, ѣдятъ хлѣбъ дѣдовскій, а ты сидишь въ своей волости: такъ рядись, если хочешь, а если хочешь ихъ убить, они въ твоей волѣ; а я не хочу лиха, добра хочу братьѣ и Русской землѣ. Что ты хочешь теперь взять насильемъ, то смиловавшись давали тебѣ у Стародуба, отчину твою. Богъ свидѣтель, что мы у Смоленска рядились съ братомъ твоимъ

Давидомъ, да онъ не можетъ рядиться безъ тебя; мы не сдѣлали ничего дурнаго, но сказали ему: посылай къ брату, пока не уладимся; если-же кто изъ васъ не хочетъ добра и мира христіанамъ, то пусть душа его на томъ свѣтѣ не увидитъ мира отъ Бога. Я къ тебѣ пишу не по нуждѣ: мнѣ нѣтъ никакой бѣды; пишу тебѣ для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлаго свѣта.»

Получилъ онъ это письмо, и видитъ—дѣлать нечего, надо ѣхать, но все боится, все дичится, говоритъ, что никакъ онъ не согласенъ ѣхать въ Кіевъ: опасается. Не мало сносились, списывались мы, ему и уступили, согласившись собраться не въ Кіевѣ, а въ Любечѣ, то-есть въ его же Черниговской области. Это по моей мысли состоялось, и я больше всѣхъ заботился, чтобы установился дорогой миръ. Говорю: «зачѣмъ губимъ Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? А половцы землю нашу несутъ розно и рады, что между нами идутъ усобицы; теперь же съ этихъ поръ станемъ жить въ одно сердце и блюсти Русскую землю». У меня, по правдѣ сказать, былъ при этомъ еще умыселъ: мой Переяславль приходился первымъ городомъ, на который наталкивались половцы, а мнѣ одному приходилось стоять за всю Русскую землю. Это не хорошо, я этому радъ, и вся земля знала, что я одинъ за нее страдалецъ; да дѣло въ томъ, что порою въ самомъ дѣлѣ силъ не хватало и серебра: половцы эти алчны какъ волки и насытить ихъ не легко; одного подаришь, другаго примешь на службу, третьяго побьешь, четвертому опять надо дать что нибудь, а не знаешь гдѣ взять. Попробовалъ я заикнуться объ этомъ; да мнѣ сказали, что всякому впору о своей землѣ заботиться у одного подъ бокомъ поляки, у другаго мордва, у третьяго болгары... я такъ и замолчалъ. Урядились однако во всемъ остальномъ, и постановили, что если теперь кто-нибудь изъ насъ поднимется на другаго, то мы всѣ станемъ на зачинщика, и крестъ чест-

ной будетъ на него же». Разъѣхались. Я поѣхалъ къ себѣ въ Переяславль тѣмъ берегомъ, потому что спѣшилъ, а Святополкъ, Давидъ и Василько поѣхали на Кіевъ. Тамъ у нихъ совершилось то страшное дѣло, о которомъ ты читалъ въ лѣтописи Василія. Бѣднаго Василько ослѣпили.

Какъ я узналъ объ этомъ, то горько заплакалъ. Такого зла вѣдь никогда не было въ Русской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ. Самъ я не люблю усобицъ, но тутъ злодѣйство было такое неслыханное, что я готовъ былъ цѣлый вѣкъ свой воевать не покладая рукъ, только бы крѣпко наказать злодѣя. Да еслибъ я этого не хотѣлъ, то долженъ былъ, согласно съ крестнымъ цѣлованіемъ въ Любечѣ, стать на зачинщика. Со мной пошли на Святополка оба брата Святославичи. Подошли къ Кіеву, стали-было переходить Днѣпръ; но кіевляне прислали къ намъ посольство, митрополита Николая, мы Святополка и помиловали, съ тѣмъ, чтобы онъ самъ пошелъ и наказалъ этого разбойника и богоотступника Давида.

Пока Святополкъ собирался, Володарь успѣлъ выручить брата своего слѣпаго отъ злодѣя, раза два побилъ Давида, и злодѣевъ его, наговорившихъ Давиду на Василько, жестоко, но по заслугамъ, казнилъ. Черезъ два года Святополкъ собрался исполнить свое обѣщаніе, вошелъ въ союзъ съ польскимъ княземъ Владиславомъ Германомъ и далъ ему богатые дары. Давидъ поѣхалъ тоже въ Польшу просить помощи у того же князя, давъ ему впередъ пятьдесятъ гривенъ золота. Такъ онъ, получивъ дары отъ обоихъ, ни которому не помогъ. Святополкъ осадилъ брата во Владимірѣ, осаждалъ семь недѣль и довелъ богоотступника до того, что онъ сталъ просить мира. Кіевскій князь далъ ему въ кормленіе Червень, а самъ въѣхалъ во Владиміръ. И вотъ врагъ рода человѣческаго ввелъ его въ соблазнъ: понравилось ему то, что онъ завладѣлъ богатою Волынскою областью; вспомнивъ, что она

вся принадлежала Кіеву при отцѣ его Изяславѣ, что въ ней сидѣлъ старшій Изяславичъ Ярополкъ. А тутъ онъ нашелъ, что область не вся, что часть ея отдѣлена Ростиславичамъ. И вотъ онъ, забывъ крестное цѣлованіе, идетъ на бѣдныхъ со всѣхъ сторонъ обиженныхъ Володаря и слѣпца Василька. Но не Святополку было тягаться съ этими витязями. Встрѣтили они его на границѣ, на Рожнѣ-полѣ. Слѣпой Василько выѣхалъ передъ своимъ полкомъ съ тѣмъ самымъ крестомъ, который цѣловалъ съ нимъ Святополкъ, и, поднявъ его надъ собою, закричалъ своимъ яснымъ голосомъ: «Вотъ что ты цѣловалъ! Сперва ты отнялъ у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; такъ пусть будетъ между нами этотъ крестъ!» Закипѣла сѣча, и благочестивые люди разсказывали мнѣ, что во время битвы надъ Василькомъ возвышался свѣтлый крестъ. И въ самомъ дѣлѣ крестъ былъ заступникомъ невинныхъ: много народу пало съ обѣихъ сторонъ, и Святополкъ побѣжалъ. Володарь и Василько побѣдили, остановились, и сказали: «довольно съ насъ, если стоимъ на своей межѣ», и не пошли дальше. Но Святополкъ отъ этого не унялся, самъ уѣхалъ въ Кіевъ, а на Волыни оставилъ двухъ сыновей, двухъ племянниковъ, да пятаго, Святослава, сына Давида Святославича выживать Ростиславичей. И цѣлый годъ сряду Волынская область обливалась кровью, съ одной стороны отъ алчности Святополка, а съ другой отъ упорства богоотступника Давида Игоревича. Долѣе этого терпѣть было нельзя, и вотъ мы снова съѣхались въ Витичевѣ на устроеніе вѣчнаго мира. Это было 10 августа, и было мнѣ тогда уже 47 лѣтъ. Велѣли пріѣхать и Давыду. Крѣпко хотѣлось мнѣ, чтобы пріѣхалъ Всеславъ полоцкій; да онъ не захотѣлъ, отговариваясь болѣзнями и старостью. Тутъ въ Витичевѣ рѣшили отнять у Давида Владиміръ-Волынскій и дать ему небольшую волость, Острогъ и Дорогобужъ. Онъ тамъ послѣ и умеръ.

Въ одномъ году съ нимъ умеръ неугомонный Всеславъ

полоцкій, успокоился въ могилѣ, и я всею душою молился, чтобы Господь не лишилъ его небеснаго своего царствія. Послѣ него осталось семеро сыновей, и Полоцкая область, вся-то небольшая, раздѣлилась на семь частей. Велика-ли она? Право, у моего боярина Ратибора и земли больше, и населена она лучше, разными купленными рабами и вольными людьми, нежели землица котораго-нибудь изъ этихъ маленькихъ князьковъ Всеславичей. А нѣкоторые изъ нихъ тоже думали туда же! идти по слѣдамъ отца, и одного, Глѣба, мнѣ пришлось наказать такъ, чтобы другіе уже никогда не вздумали за нимъ соваться. Только это было послѣ, а тутъ настала тишина такая, какъ-будто не двоюродные, не троюродные братья княжили по городамъ, а кровные родные. Одинъ лишь мой Переяславль, какъ Богомъ забытый уголокъ, воевать не переставалъ съ этими половцами, и сталъ уже я думать, какъ-бы забраться подальше въ степи, да этихъ половцевъ вырѣзать подъ-корень. И сталъ я понемногу закидывать объ этомъ рѣчь...

Да, надо тебѣ сказать, что тутъ съ Новгородомъ вышло дѣло небывалое. По витичевскому договору я долженъ былъ вывести изъ Новгорода сына Мстислава: тамъ слѣдовало сидѣть сыну Святополка. Я послалъ этотъ приказъ въ Новгородъ и велѣлъ сыну идти въ Кіевъ. Новгородцы не пускаютъ. Это мнѣ стало и обидно, то-есть какъ они смѣютъ меня ослушаться, и пріятно въ тоже время, потому что народъ не можетъ любить князя даромъ, безъ заслуги, и мнѣ все равно было, за меня-ли они любятъ Мстислава, что въ немъ кровь Мономахова, за него-ли самого: стало быть сынъ мой самъ по себѣ хорошъ. Прислали ко мнѣ: просятъ оставить сына. Однако я долженъ былъ поступить по договору и велѣлъ ему ѣхать сейчасъ, да велѣлъ захватить изъ Новгорода людей, которые повезутъ къ себѣ Святополкова сына. Пріѣхалъ онъ ко мнѣ съ новгородцами, а я его поворотилъ въ Кіевъ. Тогда

на княжескомъ дворѣ въ Кіевѣ собрались князь Святополкъ, новгородцы, мой сынъ Мстиславъ и посланный отъ меня бояринъ Ѳома Ратиборовичъ. Тутъ же и народу много, и бояре кіевскіе, какъ будто торжество новое. Мой посланецъ Ѳома и объявляетъ: «Вотъ Мономахъ прислалъ сына своего, а вотъ сидятъ новгородцы. Пусть они возьмутъ сына твоего и ѣдутъ въ Новгородъ, а Мстиславъ пусть идетъ во Владиміръ». Тогда новгородцы, чинно такъ, по-посольски, встали съ лавокъ, сняли шапки, поклонились, опять сѣли и сказали: «Мы, князь, присланы сюда и вотъ что намъ велѣно сказать: князь Святополкъ, не ходи къ намъ и не присылай намъ своего сына.» А Святополкъ окрикнулъ ихъ, говоритъ: «Кто васъ спрашиваетъ? У насъ съ братомъ Мономахомъ такъ положено!» А они опять справили свой посольскій поклонъ, сѣли и сказали опять слово-въ-слово: « Мы, князь, присланы сюда, и вотъ что намъ велѣно сказать: не хотимъ Святополка, ни сына его: если у твоего сына двѣ головы, то пошли его, а этого, Мстислава, далъ намъ Всеволодъ, мы его вскормили себѣ въ князья, а ты ушелъ отъ насъ.» Святополкъ окрикнулъ ихъ опять, погрозилъ, что засадитъ ихъ въ кіевскіе погреба, да еще спросилъ, слыхали-ли они, какое это тепленькое мѣстечко? Опять-таки справили поклонъ, сѣли и говорятъ, что на Волховѣ у нихъ есть мостъ, а подъ нимъ бѣжитъ рѣка и вода въ той рѣкѣ студеная, и слыхалъ-ли князь какъ та вода холодна. Святополкъ много спорилъ съ ними, однако они поставили на своемъ, взяли Мстислава и повели его назадъ въ Новгородъ. А Мстиславу моему было тогда двадцать пять лѣтъ, и такъ онъ былъ уже любимъ народомъ.

Да, такъ вотъ сталъ я подговаривать князей подобраться съ топоромъ подъ самый-таки подъ корень половецкимъ ордамъ и пройти всю нашу восточную степь вдоль и поперекъ. Отъ половцевъ мнѣ въ Переяславлѣ житья не было. Пока я воевалъ съ Святославичами, они подходили къ самому Кіеву и

даже сожгли теремъ княжескій въ Берестовѣ. Тесть Святополка, Тугорканъ, подходилъ къ Переяславлю, однако съ Божіею помощію я его побилъ, и на полѣ нашли послѣ и самого Тугоркана, и сына его, и много разныхъ хановъ. Кіевскій князь перевезъ его къ себѣ и похоронилъ въ Берестовѣ. Опять ханъ Бонякъ наскочилъ, едва не въѣхалъ въ Кіевъ, пожегъ кругомъ села и монастыри, разорилъ и Печерскій. Послѣ заутрени монахи всѣ спали; — это разсказывалъ мнѣ инокъ Григорій, что послѣ игумномъ былъ избранъ въ Андреевскую обитель. Пришли, а монахи спятъ. Поставили два стяга, подняли крикъ страшный. Монахи бросились бѣжать, кто куда успѣлъ; другіе взобрались на полати. Поганые вырубили ворота и пошли по кельямъ, выломали въ кельяхъ всѣ двери, вынесли все что попалось, потомъ выжгли Богородичную церковь, вошли въ притворъ у Ѳеодосіева гроба, взяли иконы, зажгли двери, ругаясь закону нашему. Кажется, довольно потерпѣла Русская земля отъ неистовыхъ сыновъ Измаиловыхъ. Вотъ въ самый день моихъ имянинъ, въ тотъ годъ, какъ минуло мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, у меня же на пиру, сталъ я уговаривать Святополка весною идти на поганыхъ. Какъ слѣдуетъ по обычаю, братъ посовѣтовался объ этомъ съ дружиною; она и говоритъ, что «не время лѣтомъ отнимать поселянъ отъ поля.» Такъ ничего и не рѣшили, однако уговорились съѣхаться въ Долобскѣ, выше Кіева, съ моей стороны Днѣпра. Поставили шатеръ и сѣли, я съ своею дружиною, онъ со своею. Долго сидѣли молча, я жду, что онъ начнетъ, а онъ ждетъ, что я заговорю. Подождалъ я, подождалъ, да и говорю: «Братъ, ты старшій, начни же говорить, какъ бы намъ промыслить о Русской землѣ?» Святополкъ отвѣчаетъ: «Лучше ты, братецъ, говори первый». А намъ въ такомъ дѣлѣ, какъ большой дальній походъ, безъ согласія дружины нельзя. Отбираемъ для совѣта главныхъ начальниковъ, бояръ, а также кое-кого изъ простыхъ воиновъ. Не то, чтобы

они могли хорошій совѣтъ подать (впрочемъ, и это бываетъ, и еще какъ!), а больше разсчитываемъ на то, что это имъ все-таки лестно, что безъ ихъ согласія — ни шагу; ну и товарищамъ разскажутъ, передадутъ, и всякій будетъ знать и куда идемъ, и зачѣмъ, и чего добиваться станемъ. Я сказалъ: «Какъ мнѣ говорить? Противъ меня будетъ и твоя, и моя дружина, скажутъ: хочетъ погубить поселянъ и пашни; но дивлюсь я одному, какъ вы поселянъ жалѣете, и лошадей ихъ, а того не подумаете, что станетъ поселянинъ весною пахать на лошади, и пріѣдетъ половчинъ и ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ; объ этомъ вы не подумаете!» Короче сказать, я имъ постарался доказать, что походъ въ самомъ дѣлѣ истинное разоренье для поселянина, но половецкій набѣгъ — разоренье втрое. Дружина согласилась, что оно въ самомъ дѣлѣ такъ. Святополкъ тоже согласился, всталъ и сказалъ: «Я готовъ!» Такъ я обрадовался, что и разсказать нельзя, и сказалъ брату, что онъ великое добро сдѣлаетъ Русской землѣ. Послали тоже къ Святославичамъ звать ихъ вмѣстѣ въ походъ. Давидъ послушался, а Олегъ велѣлъ сказать, что нездоровъ. Ну, да онъ всегда былъ большимъ пріятелемъ половцевъ. Кромѣ насъ, старыхъ, пришли еще четверо молодыхъ: мой сынъ Ярополкъ, Давидъ Всеславичъ полоцкій, да два изгоя, племянникъ Давида Игоревича волынскаго, да Вячеславъ Ярополковичъ, племянникъ Святополка. Всего войска было много, пѣшіе ѣхали въ лодьяхъ по Днѣпру, конница шла берегомъ. Прошли пороги и у Хортицкаго острова повернули въ степь и шли четыре дня. Передъ нами бѣжали разныя орды половецкія. На пятый день выставили они впередъ самаго храбраго хана своего Алтунопу, наши съ ними встрѣтились и избили всѣхъ враговъ до послѣдняго человѣка, потомъ встрѣтились съ главными ихъ силами, многое множество положили народу, перебили двадцать хановъ и одного хана Белдюза

взяли живымъ. Белдюзъ началъ давать за себя выкупъ, золото и серебро, коней и скотъ. А какъ было его отпустить? Сколько разъ они клялись не воевать и потомъ все воевали Русскую землю? Старики не учили сыновей своихъ и родичей соблюдать клятву, а все проливали кровь христіанскую, и никакого не было-бы проку его отпустить. Я велѣлъ разсѣчь его на части. Тогда мы взяли безъ счету скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, рабовъ, всякой рухляди, захватили торковъ и печенѣговъ. Возвратились мы въ Русь съ полономъ великимъ, славою и побѣдою. И было мнѣ тогда отъ роду пятьдесятъ лѣтъ, и русскіе люди знали хорошо, что это былъ мой походъ, я его затѣялъ, я и совершилъ. Не то, чтобы мы вовсе могли успокоиться, на слѣдующій же годъ опять приходилъ ханъ Бонякъ, еще черезъ годъ захватилъ онъ мои табуны подъ самымъ Переяславлемъ. На рѣкѣ Сулѣ, около Лубенъ, мы ихъ тогда крѣпко побили и полонъ отняли. Но это все ничего противъ главнаго моего подвига, за который не забудетъ меня Русская земля, если она еще тысячу лѣтъ простоитъ. Богъ тогда привелъ меня дожить до пятьдесятъ-седьмаго года моей жизни; внуку моему Всеволоду было уже десять лѣтъ. Выступили мы во второе воскресенье великаго поста; дорога была еще санная. Въ пятницу дошли до Сулы, въ субботу были на Хоролѣ и тамъ бросили сани; въ крестопоклонное воскресенье пошли дальше, дошли до Псела, оттуда на Голту и на Ворсклу, и дальше, и во вторникъ на шестой недѣлѣ дошли до самаго Дона. Тамъ стоялъ половецкій городъ Шарукань, мы выстроили полки и пошли къ этому Шаруканю. Священники ѣхали впередъ и пѣли молитвы. Жители вышли навстрѣчу, вынесли намъ рыбу и вино. Осетры были такіе, какіе у насъ въ Днѣпрѣ повывелись: отъ головы до хвоста косая сажень, вотъ какіе были. Въ среду пришли къ другому городу, Бугрову, и сожгли его, въ четвергъ пошли съ Дона, а въ пятницу, 24 марта (1110 года), половцы от-

рядили свои полки и двинули противъ насъ. Мы возлагали всю надежду на Бога, перецѣловались, помолились, и побѣдили. Столько половцевъ пало, что мѣстами конь шагалъ по тѣламъ, какъ по плотной мостовой. На другой день было Благовѣщенье и Лазарево Воскресенье вмѣстѣ, и торжественный праздникъ былъ еще торжественнѣе отъ вчерашней побѣды. Христіанское богослуженіе тамъ, въ самой срединѣ страны поганыхъ, совершалось въ первый разъ, и Богъ невидимо намъ помогалъ. Въ страстной понедѣльникъ опять несмѣтныя толпы поганыхъ обступили насъ со всѣхъ сторонъ на рѣкѣ Сальницѣ. Когда наши полки столкнулись съ ними, то раздался точно громъ, брань была лютая, и много пало съ обѣихъ сторонъ. Подъ-конецъ мы съ Давидомъ подались впередъ и половцы бросились бѣжать. Послѣ плѣнные говорили, что имъ нельзя было съ нами драться, потому что надъ нами ѣздятъ другіе въ броняхъ свѣтлыхъ и страшно помогаютъ намъ.

Такъ совершилось это славное дѣло. Лѣтъ сто-тридцать тому назадъ первый русскій богатырь, мой прапрадѣдъ, отецъ великаго князя Владиміра, Святославъ Игоревичъ, передъ которымъ дрожала греческая держава, былъ на Дону съ русскими силами, и вотъ мнѣ грѣшному Богъ привелъ повторить великій подвигъ. Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я какъ теперь вижу эту великую многоводную и многорыбную рѣку. Ея плоскіе берега такъ и пышутъ плодородіемъ, и если когда нибудь русскіе люди совсѣмъ подъ себя возьмутъ тѣ благословенныя земли, то это будетъ, вѣрь ты мнѣ, самый лучшій, самый богатый уголокъ Русской земли.

Послѣ этого похода Русской землѣ съ этой стороны много спокойнѣе стало, и зажили мы въ мирѣ. Пріѣхалъ тогда ко мнѣ въ Переяславль король венгерскій Коломанъ, и я повѣнчалъ его съ моею дочерью, княжною Евфиміею, а черезъ годъ послѣ того она какъ-то не ужилась съ мужемъ, вернулась ко

мнѣ, и здѣсь родился у нея сынъ Борисъ. Молодецъ такой ростетъ, мальчишка: ему теперь двѣнадцатый годъ. Если Богъ грѣхамъ потерпитъ и продлитъ мнѣ вѣку, непремѣнно посажу его королемъ въ Венгрію. Отецъ-то его умеръ, а какъ двадцать лѣтъ минетъ, ступай въ короли. Не можетъ-же быть мой внукъ венгерскимъ изгоемъ. Приданое дочери тогда собиралось, и надо было ей дать съ собою церковныхъ нашихъ книгъ. Нельзя-же было безъ этого отпустить женщину въ еретическую землю. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ псалтырь, переписанный такъ чисто и такъ четко, какъ еще русскія книги не писались. Велѣлъ я узнать, кто такой хитрый писецъ, и себѣ велѣлъ списать псалтырь тѣмъ-же самымъ почеркомъ, уставомъ. Вотъ онъ, полюбуйся-ка. Буквы написаны одна возлѣ другой какъ жемчугъ, а заголовки изукрашены живописью, не хуже византійской работы. И кто-же, какъ ты думаешь, этотъ хитрый художникъ? Женщина! Предслава Георгіевна, княжна полоцкая. Она дочь Георгія Всеславича, и въ молодыхъ лѣтахъ ушла въ монастырь, гдѣ была уже монахинею тетка ея, жена Романа Всеславича, Евфросинія. Молодая дѣвушка сначала выпросила у епископа позволеніе жить при соборной Софійской церкви въ голубцѣ, сидѣла все тамъ и списывала священныя книги, и продавала дорогою цѣной, а деньги раздавала нищимъ. Послѣ она устроила въ Полоцкѣ свой монастырь при церкви св. Спаса, постригла тамъ родную и двоюродную сестру и двухъ племянницъ. Въ недавнее уже время захотѣла она видѣть гробъ Господень и городъ Іерусалимъ, поѣхала туда, да тамъ и скончалась въ Богородичномъ монастырѣ, который содержится отъ насъ недостойныхъ. Нѣтъ, какъ хочешь, эти Всеславичи славный народъ, съ свѣжимъ, бодрымъ духомъ; жаль только, что иные изъ нихъ не туда тратятъ свою бодрость, куда надо. Вотъ хоть-бы Глѣбъ Всеславичъ: лѣтъ девять тому назадъ меня не побоялся, на мои волости напалъ; ну я его на-

казалъ въ Минскѣ, и оставилъ, а онъ не уняяся. Теперь четыре года минуло, какъ я его велѣлъ взять и засадить въ Кіевѣ: тутъ онъ, волею Божіею, и умеръ.

Да, такъ это я свернулъ съ того мѣста, какъ мы стали жить въ мирѣ, и дожилъ я такимъ побытомъ до шестидесяти лѣтъ. Братъ Святославъ въ Кіевѣ умираетъ, и очередь идти на кіевскій столъ стоитъ за Олегомъ Святославичемъ: ты помнишь, что Святославъ былъ старше моего отца, Всеволода. Кіевляне созвали вѣче, рѣшили, что быть княземъ мнѣ, и прислали меня звать: «Ступай на столъ отцовскій и дѣдовскій». Я не пошелъ, говорю, что очередь стоитъ на Олегѣ. Въ отвѣтъ на это Кіевъ забушевалъ. Тысяцкимъ тамъ былъ Путята. Онъ держалъ сторону Олега, такъ за это его домъ разграбили до тла, потомъ разграбили дворы сотскихъ и жидовъ. Святополкъ, надо тебѣ знать, напустилъ въ Кіевъ много жидовъ, и народу стало отъ нихъ тяжело. Разграбили, будто дѣло сдѣлали, и опять ко мнѣ въ Переяславль. Говорятъ: «Приходи, князь, въ Кіевъ; если не придешь, то знай, что много зла сдѣлается: ограбятъ уже не одинъ путятинъ дворъ, или сотскихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ». Я и пошелъ на Кіевъ. Навстрѣчу мнѣ вышли митрополитъ, епископы, и всѣ кіевляне. Мятежъ утихъ, городъ усмирился и дѣла пошли по старой колеѣ. Такъ-то двѣнадцать лѣтъ тому назадъ сталъ я княземъ въ Кіевѣ.

Теперь-то я вижу ясно, что мнѣ слѣдовало дѣлать, а тогда я былъ прежде всего радъ, что сижу въ Кіевѣ, дождался старшаго въ Русской землѣ стола и сдѣлался отцомъ великой нашей семьи. Пересчитывать тебѣ, или нѣтъ всю нашу семью? Если захочешь, возьми ты списокъ княжескій у боярина Орогоста. Онъ записываетъ все, когда кто у кого родится, когда умираетъ, все. Только теперь этому списку грозитъ бѣда.

Началъ его бояринъ Тукы, еще при покойномъ Изяславѣ, и цѣль его была великая: по немъ видно было княжеское старшинство, и всѣ права каждаго князя. Но съ самаго начала была сдѣлана несправедливость, когда Ростислава записали въ него, по княжескому приговору, изгоемъ. Онъ добылъ себѣ удѣлъ, Тмуторокань, а сыновья его сидятъ на Волыни. Святославичи тоже записаны были изгоями, и половцы помогли имъ добыть себѣ въ удѣлъ отцовскую Черниговскую волость. Стало-быть то, что въ этомъ спискѣ записано, не безповоротно, и Богъ перерѣшаетъ самыя прочныя княжескія постановленія. Я самъ, многогрѣшный, перерѣшилъ несомнѣнную очередь. Надо мнѣ было усмирить мятежъ въ Кіевѣ, и позвать Олега Святославича, потому что онъ старше меня. А я этого не сдѣлалъ: величіе кіевскаго стола соблазнило меня. Какъ-же теперь должна идти очередь? Въ Кіевѣ долженъ сѣсть мой старшій сынъ Мстиславъ, а Черниговская волость установится такъ-же отдѣльно отъ Русской земли, какъ съ давнихъ временъ стоитъ волость Полоцкая. Лѣтъ сорокъ пройдетъ еще, и еще отойдетъ и станетъ особое княжество. И мало-по-малу распадется великая Русская земля. Ну, а если Мстиславу не дадутъ сѣсть спокойно въ Кіевѣ, и тѣ, кто старше его, пойдутъ войною на Кіевъ? Олегъ и Давидъ Святославичи умерли, да живъ еще младшій ихъ братъ, Ярославъ и сидитъ въ Черниговѣ. Старше моего сына и Брячиславъ Святополковичъ, потому что Святополкъ раньше меня сидѣлъ въ Кіевѣ. Да что говорить? Ростиславичи по-настоящему старше его, и хотя я съ ними вновь породнился—сына Романа женилъ на дочери Володаря, Софьѣ,—да въ нынѣшнія времена на родство не очень-то смотрятъ.

Вотъ что меня кручинитъ, вотъ что меня заботитъ, владыко святой. Пока я живъ, все держится, я знаю. При сынѣ Мстиславѣ — онъ еще въ молодости побѣдилъ дядю своего Олега, — тоже будетъ порядокъ, а потомъ-то какъ? Вотъ ты

мнѣ что скажи. Послѣ него кому прилагать Русскую землю, другому-ли сыну, Ярополку, или прямо внуку, Всеволоду? Онъ вѣдь и теперь у меня молодецъ, года три тому назадъ онъ ходилъ на Ямь и одолѣлъ непріятеля. А еслибы я, двѣнадцать-то лѣтъ тому назадъ, вмѣсто того, чтобы потакать этому пагубному раздѣленію, съ тогдашними-то моими силами, попритянулъ всѣхъ князей поближе къ моему стремени, да не вдругъ, а понемногу, то теперь я уже могъ-бы громко сказать, что мой сынъ Мстиславъ будетъ княземъ всей Русской земли, а остальные князья будутъ ходить у его стремени, и спокойно закрылъ-бы глаза. Теперь развѣ приняться? Такъ не поздно-ли будетъ. И духъ уже не такъ бодръ, какъ бывало прежде, да и тѣло покоя проситъ...

Въ это время вошелъ ключникъ. За нимъ двое гридней несли на серебряныхъ подносахъ горячую медовую сыту въ большомъ кувшинѣ и свѣжіе калачи прямо изъ печки. Они поставили все это передъ княземъ и удалились. — Благослови, святой владыко, вечернюю трапезу и раздѣли ее со мною,— сказалъ князь Мономахъ.—Зябокъ я нынче сталъ, и передъ вечеромъ всякій день люблю погрѣться немного. Это сыта медовая: мнѣ медъ собираютъ возлѣ Вышгорода; дубовые тамъ лѣса, и медъ дубнякъ, такъ я и замѣчаю, полезенъ. Какъ выпьешь чашку, другую и третью, такъ бодрѣе себя чувствуешь.

Но митрополитъ не торопился благословлять. Онъ думалъ о повѣсти великихъ дѣлъ, которую прослушалъ, и потомъ, какъ-бы очнувшись, поднялъ руку, совершилъ крестное знаменіе и прочелъ краткую молитву. Наливая себѣ въ чашку горячаго разсыченнаго меду, онъ сказалъ: «Ничто великое, князь великій, не могло-бы совершиться въ этомъ свѣтѣ, еслибы оружіе Божіе, великіе люди, опасались умереть, не совершивъ начатаго, не окончивъ своего начинанія. Твоя кручина законна, твой замыселъ истинно полезенъ

Въ это время вошелъ ключникъ, а за нимъ двое гридней.

для Русской земли, для самаго княжескаго рода. Приступай во имя Господне!... Семьдесятъ-два года—еще не тотъ возрастъ, когда Господь Богъ призываетъ человѣка къ себѣ...»

Но князь Мономахъ его не слушалъ. Онъ съ старческою жадностью кушалъ беззубымъ ртомъ своимъ кусокъ размоченнаго въ сытѣ калача и спѣшилъ согрѣться. И въ самомъ дѣлѣ, онъ не успѣлъ совершить ничего больше: въ томъ-же году лѣтомъ онъ скончался.

10.

КУЧКОВО НА МОСКВѢ.

(1147 г.)

Тамъ, гдѣ рѣчка Яуза выбирается изъ дремучихъ своихъ лѣсовъ, и доходитъ до Москвы-рѣки, стояла небольшая деревенька Чигасы. Вокругъ нея изъ-подъ расчищеннаго лѣса сдѣлались въ недавнее время хорошія поля, а за ними стояла непроглядная чаща густаго лѣса. За рѣкой склонъ высокой горы покрытъ былъ нетронутымъ лѣсомъ, но на вершину шла широкая просѣка, за которой виднѣлся новый, веселый теремъ, и возлѣ него десятка три сбереженныхъ дубовъ. Половина терема была въ два жилья, а на верхнемъ жильѣ стояла вышка въ четыре свѣта. Оттуда видно было кругомъ на двадцать слишкомъ верстъ, и все лѣса, лѣса, безконечныя недвижныя волны лѣсовъ, покрывающихъ холмистую землю. Но время было еще раннее, начало марта (1147 г.), и лѣса стояли голые. Только мѣстами синезеленымъ пятномъ торчала сосна, или цѣлою полосою синѣлся боръ. Весна обѣщала быть раннею. Снѣгъ осѣдалъ быстро; тишина стояла невозмутимая, и слышно было, какъ съ иной сосны падалъ на мягкій снѣгъ комъ подтаявшаго снѣгу. Ранняя птица свиристель появилась небольшими станичками, и любо было смотрѣть, какъ стая хохлатыхъ пичужекъ осыпала рябину, покрытую сморщенными гроздями

темнокрасныхъ ягодъ и пересыпалась съ вѣтки на вѣтку. Подкоренка прилетѣла и пощелкивала тамъ, гдѣ возлѣ старинныхъ кряжей дубовъ подтаяла земля. Ни журавли, ни гуси еще и не думали летѣть, а подъ небомъ, покрытымъ густымъ слоемъ облаковъ, стояла такая благодатная теплынь, что не будь снѣгу, казалось-бы что листъ начинаетъ развертываться.

Въ такой-то мягкій денекъ, съ сѣняхъ терема была большая возня: толпился народъ, слуги несли что-то тяжелое. На большой дубовой кровати восьмеро слугъ выносили больнаго старика Ивана Степановича Кучку. За кроватью шли домочадцы, дворовые мальчики и придерживали открытыя половинки дверей. Изъ сѣней вышли на лѣстницу, спустились на снѣгъ и хотѣли поставить кровать возлѣ двухъ дубовъ; но больной былъ этимъ недоволенъ. — Нѣтъ, дальше несите, дальше,— говорилъ онъ слугамъ,—къ самому обрыву. Вотъ такъ. Нѣтъ, не такъ: вдоль меня поставьте, чтобы подъ гору видна была рѣка. Встарину, бывало, я тутъ любилъ сидѣть на самомъ краю и любовался...

Старикъ говорилъ тихо, отрывисто, прерываемый тяжелою одышкой. Когда слуги уставили кровать, онъ вздохнулъ глубоко, какъ будто самъ тащилъ свою кровать, и сказалъ:

— Вотъ такъ хорошо будетъ. О, Господи какая благодать! Тишь-то какая! Тишь и теплынь! А Степа все не ѣдетъ; вѣрно, дѣла опять важныя, изъ-за Кіева Русская земля рѣжется... Гдѣ ты тамъ, Петя? Гдѣ Екимъ? Гдѣ Устиньюшка? Подойдите ко мнѣ; а ты, Петруша, возьми-ка мои ноги, переложи на этотъ бокъ. Видишь какъ отекли, словно бревна. Ну и садитесь на кровать. А холопей мнѣ больше не надо. Ступайте... Ну вотъ какъ хорошо здѣсь, какъ дышется свободно, не то что въ душной избѣ: тамъ я совсѣмъ задыхался. Привыкъ я весь свой вѣкъ дышать вольно, избы до сихъ поръ не полюбилъ. А тутъ какъ на зло сталъ задыхаться отъ болѣзни... Вонъ въ груди какъ клокочетъ... Знаю, что уже недолго про-

дышать мнѣ придется, такъ напослѣдокъ хочется налюбоваться на лѣсныя вершины... А ты, Устиньюшка, не плачь; Господь давно терпѣлъ моимъ грѣхамъ, прожилъ я довольно, до-сыта натерпѣлся, досыта напировался на великомъ жизненномъ пиру, встаю изо стола и ложусь отдыхать. Такой порядокъ установленъ, и сколько ни пировать, а изъ за-стола придется вставать. Нашъ братъ, старый охотникъ и старый воинъ, столько разъ смотрѣлъ смерти въ глаза, столькихъ людей и самъ на тотъ свѣтъ отправилъ, что передъ своимъ-то смертнымъ часомъ задумываться нечего... Не плачь-же, красавица моя, не трать своихъ глазокъ попустякамъ, не прячь свое личико, а то мнѣ скучно становится... Твое личико, здѣсь, на Москвѣ рѣкѣ, напоминаетъ мнѣ другое, давнишнее время, лѣтъ съ полсотни тому назадъ. Жила здѣсь, на Воробьевой горѣ, вонъ въ той сторонѣ, красавица Свѣтлана, и взглядомъ точь въ точь на тебя похожа. Прошло много, много годовъ, съ чѣмъ-нибудь три десятка, можетъ быть съ половиной, не стало мнѣ больше охоты жить въ городахъ, и пришелъ я опять сюда. Отыскалъ я избу Свѣтланы, и пока искалъ, все какъ звѣздочки вели меня эти кроткіе, ласковые глазки. Встрѣчаетъ меня старушка съ внучкомъ на рукахъ; я Свѣтлану не узналъ, она меня не узнала. Такъ, дѣло дрянь вышло. Вотъ я и прошу тебя, побереги ты свои глазки. Придетъ, придетъ время, когда эти глазки потускнѣютъ и безъ слезъ, сморщатся безъ горя, впадутъ безъ болѣзни... А если плакать надъ смертью старика, такъ надо плакать всякій годъ, когда листья на деревѣ желтѣютъ, или когда птицы въ теплый край улетаютъ. Полно, внучка милая! Листъ спадетъ, выростетъ новый. Вотъ погоди, скоро пріѣдетъ отецъ, меня похоронитъ, васъ съ собой въ Кіевъ возьметъ. А ты что насупился, Петрушка! Чего ты чоглокомъ смотришь! И отчего ты безъ лука? Видишь, свиристели налетѣли! Ну и снялъ-бы мнѣ съ дерева парочку. Лука ты никогда не покидай, держись его весь вѣкъ.

Меня лукъ въ люди вывелъ, а сколько разъ изъ самой смерти выручалъ, такъ не счесть! Еслибъ у меня не было вѣрнаго лука, еслибы я сѣялъ стрѣлы по полю зря, какъ другіе, то можетъ быть и вашъ отецъ не вышелъ-бы въ бояре. За мой лукъ, за вѣрную стрѣлу и князь Мономахъ меня узналъ, и князь Василько держалъ въ великой милости: я у него въ правой рукѣ ѣздилъ. Когда князь Василько устарѣлъ (а онъ слѣпой былъ, его князъ Давидъ ослѣпилъ), то я часто ѣздилъ съ нимъ въ Кіевъ, изъ Перемышля, къ Мономаху. Безъ меня онъ не выѣзжалъ, а ѣздилъ нерѣдко, и съ княземъ Мономахомъ повидаться, и поклониться святымъ мощамъ Бориса и Глѣба, убіенныхъ роднымъ братомъ Святополкомъ окаяннымъ, помолиться въ святыхъ монастыряхъ. Лукъ—великое дѣло, онъ и медвѣдя повалитъ, и половца сниметъ какъ яблоко съ дерева... Четыре поляка однажды понеслись на меня подъ Теребовлемъ, съ саблями, такъ я троихъ выбилъ изъ сѣдла прежде чѣмъ успѣли на меня наѣхать, а съ остальнымъ то уже не мудрено было управиться. Не на смерть я ихъ уложилъ, потому что очень уже торопился, однако вышло хорошо. Одного, тяжело раненаго, я послѣ приколол, а двоихъ въ полонъ взялъ. До сихъ поръ одинъ изъ нихъ у меня работаетъ, и славный такой пахарь вышелъ... И что это за диковина, какъ мнѣ сегодня легко дышется! Только вотъ подушку бы еще за спину засунуть, чтобы я совсѣмъ сидѣлъ, тогда вовсе дышать можно будетъ... Вотъ такъ, спасибо Устиньюшка, горлинка моя... Вотъ отецъ-то вашъ не ѣдетъ, это скучно; а мнѣ надо-бы съ нимъ въ послѣдній разокъ поговорить. Ты, Устиньюшка, по-старше и по-умнѣе братьевъ, такъ скажи ты отцу, въ случаѣ если я его не дождусь, чтобъ онъ, какъ меня схоронитъ, ѣхалъ бы въ Суздаль, поклонился-бы епископу, чтобы тотъ за него замолвилъ князю Юрію. Можетъ-быть и вовсе придется ему остаться въ Суздалѣ, и съ вами вмѣстѣ, потому что эта земля вся тянетъ къ

Суздалю. Глухое было мѣсто, вольное, какъ встарину я его облюбовалъ. Сюда-же меня потянуло, когда я оставилъ города, захотѣлъ отдохнуть, и не въ домекъ мнѣ, что это не наша Кіевская земля. Что было у меня добра, все сюда привезъ, а сынъ въ знать вышелъ, и плѣнника, и скотъ, и всякую рухлядь все сюда присылалъ. Вотъ и накопилось имѣніе большое, а Суздальскій князь и не знаетъ какія мы чищобы понадѣлали въ его волости. Мало-ли хлѣба напашутъ христіане въ четырехъ-то селахъ, здѣсь, да въ Кулишкахъ, да въ Чигасахъ, да въ Букаловѣ. Отецъ уже знаетъ, какъ это дѣло обдѣлать, онъ придумаетъ, а только обдѣлать надобно, пусть не оставляетъ, не откладываетъ въ долгій ящикъ! Ты это ему втолкуй, Устиньюшка, не отставая втолкуй, чтобы онъ, блюдя мое благословеніе, неотложно исполнилъ... Что это, какъ душить стало сильно, и клокочетъ въ груди крѣпче... Чу, это онъ!

Дѣти боярина Степана Ивановича Кучки встрепенулись, умирающій отецъ его приподнялся на локоть, какъ въ тишинѣ весенняго дня раздался его звонкій охотничій рогъ. Слуги выскочили изъ дому и всѣ вмѣстѣ смотрѣли въ ту сторону, откуда черезъ село Кучкова дорога, поднявшись въ гору, упиралась въ крыльцо боярскаго дома. Бояринъ на большомъ вороном конѣ ѣхалъ крупною рысью, проѣхалъ крыльцо, остановился въ двухъ шагахъ отъ кровати больнаго отца, соскочилъ съ сѣдла и тотчасъ совершилъ передъ кроватью земной поклонъ. Его сынъ Петръ держалъ подъ уздцы его взмыленнаго коня; но когда отецъ поднялся съ мокраго снѣга, оба сына и дочь поклонились ему въ ноги. Потомъ всѣ разцѣловались, бояринъ сѣлъ на кровать къ отцу, дѣти помѣстились у изголовья, слуги увели коня, и началась дружеская родственная бесѣда.

— Ну, спасибо тебѣ, Степушка, что пріѣхалъ. Захватилъ меня, молодецъ! А я было думалъ, не провалиться-бы мнѣ сквозь землю безъ тебя... Такъ говорилъ отецъ, держа

одной рукой сына за руку, а другой поглаживая его густые русые волосы, на которыхъ еще не проступала сѣдина.

— Э, полно, отецъ!—отвѣчалъ бояринъ:—вотъ мы лѣто вмѣстѣ проводимъ, зиму встрѣтимъ, а тамъ и посмотримъ, за кого бы намъ эту красавицу выдать... Пока не попируешь на свадьбѣ, мы тебя не отпустимъ...

— Чудной ты у меня какой!—возразилъ старикъ.—Или ты привыкъ уже языкомъ двоить среди княжескихъ переговоровъ. Стараго воина ты какъ-будто успокоить хочешь, убаюкать, какъ малаго ребенка. Я, братъ, видалъ на своемъ длинномъ вѣку эту болѣзнь. Сегодня мнѣ особенно легко стало, это значитъ, что не сегодня, такъ завтра она меня задушитъ, это уже вѣрно, и видалъ я это неразъ. Поэтому надо мнѣ поспѣшить сказать тебѣ про Суздальскаго князя. Какъ только меня схоронишь, поѣзжай ты въ Суздаль и поклонись епископу Ѳеофану... Постой, очень уже душить стало, водицы бы хлебнуть...

Старикъ продолжалъ свои совѣты, и когда кончилъ все, что касалось до отношеній къ князю, то успокоился и нѣсколько времени отдохнулъ. Потомъ, какъ человѣкъ, собравшійся въ дальнюю дорогу и ожидающій только, что сейчасъ подадутъ лошадей, онъ не находилъ ничего важнаго, а говорилъ, на сколько позволяла одышка, все что приходило въ голову.—Да, какъ передъ княземъ рядами проходитъ воинство христіанское, такъ и мы передъ лицомъ Господа Бога проходимъ. Мой рядъ прошелъ, насталъ твой, оставайся хозяйничать самъ. Объ одномъ только болитъ у меня сердце, что ты людей своихъ крѣпко балуешь. Вотъ Малуша, напримѣръ, тутъ вострoглазая такая бѣгаетъ: чего она суется день деньской безъ толку изъ поварни въ кладовую, изъ выхода въ погребъ. Замужъ ее выдай непремѣнно: мало-ли у тебя прислано сюда всякаго плѣннаго народу! А если нѣтъ подходящаго парня какого, то купи. Въ прошломъ-то году, говорятъ,

половцы продавались въ Переяславлѣ по гривнѣ за пару: и очень-бы пригодились, еслибы ты ихъ сюда десятка три, четыре прислалъ. Другое опять дѣло: жалѣешь лозы, а безъ лозы никакое хозяйство не пойдетъ. Лозы не жалѣй, а то холопъ скоро забудетъ хозяина... Вотъ прошлой зимой ты одного воришку повѣсилъ: это хорошо, и примѣръ другимъ благой, только вѣдь невыгодно, посчитай только. Вѣдь его уже нѣтъ, негодяя, а за него деньги плачены: убытокъ. А еслибы лозы не жалѣлъ, такъ онъ былъ-бы цѣлъ, да и напахалъ-бы тебѣ въ одно лѣто, на худой конецъ, гривны на двѣ, а при урожаѣ на четыре. Нѣтъ, лоза дѣло доброе и выгодное... Опять тоже не хорошо, что ключникъ у тебя живетъ вольный. Это не порядокъ и въ хорошемъ домѣ такъ не годится. Онъ тебя обворуетъ, да и прощай! Ищи тогда вѣтра въ полѣ. А какъ свой-то человѣкъ въ ключахъ ходитъ, такъ много спокойнѣе: онъ у тебя весь тутъ, словно въ кулакѣ зажатъ, а уйдетъ, такъ ты его съ морскаго дна добыть можешь, и казни какъ знаешь...

— Это я по закону дѣлаю,—отвѣчалъ бояринъ:—холопу довѣрять и по закону не полагается, еще по Ярославой «Правдѣ». Сказано: кто повѣритъ завѣдомому холопу, тотъ лишается денегъ. А ключнику своему я довѣряю все, что у меня есть, такъ какъ-же я стану въ такой должности держать холопа?

— Это ты опять языкомъ двоишь,—отвѣчалъ старикъ:— въ законѣ это сказано про чужаго холопа, а своему какъ не довѣрять? Когда ты холопа-то поставишь ключникомъ, на первую должность въ домѣ, то онъ куда какъ будетъ бояться быть передъ тобою въ отвѣтѣ! Вѣдь ты можешь за вину послать его свиней пасти...

Во весь тотъ день старый Иванъ Кучка, собираясь отправиться въ то дальнее путешествіе, изъ котораго люди никогда не возвращаются, давалъ своему сыну совѣты по хозяйству. По тогдашнему суровому времени совѣты были хороши, и

почтительный сынъ выслушивалъ ихъ съ покорностью. Въ ночь старикъ умеръ, а черезъ день тѣло его зарыли въ глубокой ямѣ, вырытой между двухъ дубовъ.

Послѣ похоронъ бояринъ собрался ѣхать въ Суздаль къ епископу Ѳеофану, хлопотать о заступничествѣ его передъ княземъ Юріемъ. Вечеромъ онъ пришелъ въ свѣтлицу дочери, чтобы посидѣть съ ней, поговорить, поразсказать, что съ нимъ было за то время, какъ они не видались. Разсказывать онъ любилъ, да и дѣтямъ нужны были эти разсказы. Въ тѣ времена школъ не было, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ священники учили мальчиковъ грамотѣ; поэтому дѣти узнавали о дѣяніяхъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ только изъ устныхъ разсказовъ. Но вечеромъ въ день похоронъ не до разсказовъ было. Боярышня Устинья Степановна, исполняя волю умиравшаго дѣда, заговорила съ отцомъ о поѣздкѣ въ Суздаль.—Ты приказалъ, отецъ, двоимъ слугамъ провожать тебя завтра? —спросила она:—не мало-ли это будетъ?

— Отчего-же ты такъ думаешь, моя дѣвочка?—спросилъ бояринъ.—Или у васъ тутъ дурныя встрѣчи бываютъ? Но ты вѣрно слыхала, что я не очень-то боюсь дурныхъ встрѣчъ.

— Нѣтъ, не то, отецъ, — отвѣчала Устинья: — даровъ надо взять по-больше, чтобы тебя въ Суздалѣ хорошо встрѣтили и съ честью проводили.

— Зачѣмъ же это, дѣвочка? Развѣ и безъ даровъ не знаютъ въ Суздалѣ кто такой бояринъ Кучка? Можетъ быть тоже слухъ дошелъ какъ нибудь...

— Въ томъ-то и бѣда, отецъ, что Суздаль слишкомъ хорошо знаетъ кто такой бояринъ Степанъ Ивановичъ. А мы тутъ на Москвѣ пришлецы изъ враждебнаго стана, я этого забыть не могу, и какъ-то душа болитъ при этой мысли. Князь Юрій Мономаховичъ не любитъ насъ, южныхъ людей, и когда узнаетъ, что мы его лѣса распахали, то не было-бы худо. Князья охотно даютъ земли своимъ боярамъ, и рады,

чтобы земли населялись; но тогда они требуютъ, чтобы бояре у ихъ стремени ходили. По крайней мѣрѣ, еслибы я была княгиней, я считала бы, что всѣ бояре, живущіе на моихъ земляхъ, должны служить мнѣ, а не моимъ непріятелямъ. Ты друженъ съ Изяславомъ, стало быть считаешься врагомъ Юрію, стало-быть надо какъ нибудь умаслить, умилостивить Юрія, и бояръ, и епископа, если уже не совсѣмъ перейти въ Суздаль на службу...

— Откуда это все у тебя берется, милая моя дѣвочка?— сказалъ съ любовью бояринъ, поглаживая прелестную русую головку дочери: — разсуждаешь, какъ большой человѣкъ, и предвидишь такъ умно...

— Я говорю только то, что отъ дѣдушки слышала,—отвѣчала боярышня: — я обѣщала ему не отставать отъ тебя, пока ты не примешь полезнаго рѣшенія...

— Хорошо,—отвѣчалъ бояринъ;—хорошо, моя умница... Правда, вѣдь тебѣ уже четырнадцать лѣтъ, а дѣвица въ этомъ возрастѣ двадцатилѣтняго парня и за поясъ заткнетъ, и сваритъ его, и изжаритъ... Только какъ-же это такъ, ни съ того ни съ сего, на тебѣ, шуба соболья, а тебѣ вотъ узорочье цареградское, такъ, здорово живешь.

— За чѣмъ-же такъ дѣлать, отецъ? — возразила съ жаромъ боярышня;—можно придумать что нибудь, какой нибудь подходъ... За чѣмъ я, право, не мужчина! Я обработала-бы это дѣло какъ пирогъ спекла. Поѣхала-бы прямо къ епископу Ѳеофану. Вотъ, владыко святой, заведено у меня на Москвѣ-рѣкѣ много селъ, и желаю я для спасенія душъ христіанскихъ построить церковь во имя Пресвятыя Богородицы. Благослови на строеніе, пришли попа, а вотъ отъ моего усердія на твой монастырь сто гривенъ серебра, а тебѣ на память стопа цареградская серебряная...

— Экая ты у меня умница! — вскричалъ бояринъ и поцѣловалъ дочь въ темя. — Сказывай дальше, какъ бы ты къ

боярамъ подходъ сдѣлала?.. Правда, что дѣвичій волосъ черенъ, а умъ свѣтелъ... Какъ бы ты къ боярамъ-то?

Красавица засмѣялась и покраснѣла.—Къ бояромъ просто по-сосѣдски,—продолжала она: — хочу жить съ вами въ совѣтѣ и въ любви, прошу любить да жаловать, а вотъ твоей боярынѣ узорочье изъ Царяграда, поле золотое и по немъ львиныя пасти красныя, а дочкѣ твоей боярышнѣ ниточка жемчугу на поясокъ, или на оторочки къ башмакамъ. Она этотъ жемчугъ въ повязку вошьетъ, а про башмаки такъ только говорится, что даю-де я тебѣ сущую бездѣлицу. Впрочемъ, жемчугъ и на башмакахъ бываетъ кстати...

— Разумница ты моя, Устиньюшка! — сказалъ бояринъ:—вся-то въ матушку покойницу. Вотъ же тебѣ ключъ отъ моихъ ларцовъ: расшей ты себѣ жемчугомъ сапоги. Я изъ Суздаля ворочусь скоро, то смотри, чтобъ я на тебѣ тѣ башмаки видѣлъ... Эй, кто нибудь! Позвать мнѣ ключника Заруба! Слушай-ка, любезный Зарубъ. Завтра со свѣтомъ я ѣду въ Суздаль. Безъ меня что дѣлать, я ничего не приказываю, потому что остается за меня хозяйка, боярышня Устинья Степановна здѣсь госпожа, и все что тутъ ни есть, не мое, а ея. Какъ что она прикажетъ, такъ и будетъ. А ты гляди въ оба, чтобы каждый приказъ ея былъ исполненъ вѣрно и точно, какъ мой приказъ. А тебѣ скажу, что у нея ума больше чѣмъ у насъ съ тобой, если къ намъ прибавить самого суздальскаго епископа Θеофана. Это вотъ какая голова! А теперь ступай. Поѣдетъ со мной лошадей съ десятокъ вьючныхъ, да возьму двухъ аргамаковъ изъ задонской породы, подарить надо будетъ князю тамъ или кому тамъ придется. Приготовь, а я приду, укажу что пойдетъ во вьючныхъ...

На утро бояринъ выѣхалъ въ Суздаль, а красавица боярышня осталась хозяйничать.

Путешествіе Степана Ивановича Кучки было очень спокойно; онъ въ три дня доѣхалъ до Суздаля, и прямо къ епи-

скопу. Тотъ принялъ его очень ласково: щедрый вкладъ въ монастырь былъ хорошимъ началомъ знакомства, и епископъ разговорился съ бояриномъ тѣмъ охотнѣе, что въ Суздалѣ не часто приводилось ему видать знающихъ дѣла людей изъ Кіевской области, да еще такихъ, которые въ немъ нуждались. Поэтому онъ долго не отпускалъ отъ себя боярина, стараясь понять что такое произошло въ Кіевѣ съ прошлой осени, то есть со смерти кіевскаго князя Всеволода Олеговича.

— Ты не удивляйся, бояринъ, что я такъ тебя выспрашиваю, — говорилъ епископъ: — въ прошломъ году только я былъ поставленъ епископомъ, и взяли меня изъ монастырской кельи. Каждый часъ мой былъ посвященъ молитвѣ, денно и нощно я возносилъ мои грѣшныя молитвы о счастіи и благоденствіи родной земли, и вдругъ, избранный священнослужителей и князя, я вознесенъ въ санъ, о которомъ никогда и не думалъ. И увы, обязанности великаго сана моего таковы, что уже я не могу, не смѣю, не имѣю права только молиться: я обязанъ управлять другими людьми, я долженъ входить въ обыкновенныя житейскія дѣла, судить людей, быть совѣтникомъ князя. При моемъ невѣдѣніи дѣлъ житейскихъ это очень трудно, и я всѣми силами стараюсь уразумѣть въ чемъ дѣло, о чемъ идетъ у нихъ споръ. Вижу я, что міръ мятется, что люди съ великой настойчивостью предпринимаютъ трудные походы, проливаютъ кровь, истребляютъ ближнихъ, и не могу отдать себѣ отчета въ ихъ побужденіяхъ. Болѣе всего слышалъ я здѣшнихъ, сѣверныхъ людей, и если все то правда, что я слышу, то здѣсь въ Суздальской землѣ живутъ люди, а у васъ тамъ, въ Кіевѣ, звѣри какіе-то ненасытные. Къ счастію однакоже, я твердо знаю, что люди нерѣдко преувеличиваютъ, что они пристрастно смотрятъ на свою сторону и съ предубѣжденіемъ судятъ противника. По сану своему, я не могу и не долженъ пристрастно стать на сторону князя Юрія; порою я обязанъ руководить его совѣсть и знать дѣло

лучше его самого, потому что я стою въ сторонѣ и могу смотрѣть безпристрастно тамъ, гдѣ князь Юрій слѣпъ вслѣдствіе страсти. Но чтобы судить, надо прежде всего знать, а чтобы знать, надо выслушать обѣ стороны. Поэтому прошу тебя, бояринъ, заклинаю тебя говорить мнѣ дѣло такъ, какъ ты его видишь, и если наша сторона не права, такъ и говори, если ваша сторона виновата, постарайся не утаить отъ меня... Ты всѣ безъ изъятія дѣла видѣлъ вблизи, во многихъ принималъ прямое участіе.

— Охотно, очень охотно, владыко святой, — отвѣчалъ бояринъ:—и тѣмъ охотнѣе, что я теперь стою на распутіи и не присталъ ни къ которой сторонѣ. Если полажу съ княземъ Юріемъ, то перейду къ нему на службу. Поэтому, если и ты мнѣ кое-что скажешь о здѣшнихъ людяхъ и дѣлахъ, будетъ мнѣ очень полезно, и всякое замѣчаніе приму съ благодарностью.

— Ну и прекрасно, — возразилъ епископъ; — ты говори мнѣ о своей сторонѣ, а я буду говорить о здѣшней: какъ нибудь и дойдемъ до правды, которой такъ жаждетъ моя душа...

— Къ несчастію, надо бы сюда кого нибудь третьяго, потому что спорятъ и ссорятся не двѣ стороны, а три, если не считать еще четырехъ или пяти сторонъ, которыя считаютъ себя несправедливо обиженными.

— Да, да, такъ и слѣдовало ожидать,—отвѣчалъ задумчиво покачивая головою епископъ;—потому, что еслибы было только двѣ стороны, то сильнѣйшая немедленно прекратила-бы споръ, одержавъ верхъ надъ другою. Такъ, такъ...

— Начало усобицъ положено было вотъ теперь двадцать-два года тому назадъ съ той минуты, какъ умеръ князь Мономахъ. Ему бы вовсе умирать не слѣдовало, или онъ долженъ былъ твердо установить, что послѣ него Кіевъ переходитъ къ его сыну, потомъ къ его старшему внуку, къ старшему правнуку, а остальные князья, сколько ихъ тамъ ни набе-

ретСя, братья, племянники, дяди, пожалуй и дѣды, ходили-бы возлѣ стремени одного великаго князя, то-есть кіевскаго князя. Не хотѣлъ онъ этого сдѣлать, или не могъ, я уже не знаю; но тогда слѣдовало ему указать своимъ сыновьямъ и всей Русской землѣ старый порядокъ, установленный Ярославомъ Мудрымъ, порядокъ, котораго и самъ Мономахъ держался. Онъ старый законъ нарушилъ, новаго не установилъ, и пошло все вверхъ дномъ. Мономахъ былъ сынъ третьяго Ярославича, Всеволода. Передъ Всеволодомъ на кіевскомъ столѣ сидѣли Изяславъ и Святославъ, а послѣ пришла очередь Всеволода. Умеръ и онъ, и сыновей Ярослава больше не стало. Чья-же стала очередь идти на Кіевъ? Сыновей больше нѣтъ, приходится сѣсть старшему внуку, то-есть сыну перваго Ярославича. Такъ и сдѣлали, сѣлъ Святополкъ Изяславичъ; послѣ него больше Изяславичей не осталось. Дошла очередь до Святославичей. Были живы и здоровы Давидъ, Олегъ и Ярославъ Святославичи. Такъ нѣтъ, Давида не посадили, а сѣлъ Всеволодовичъ, Мономахъ. Стало быть сдѣлана неправда, и Святославичи стали требовать своего. Умеръ Мономахъ, такъ хоть послѣ него надо было идти въ Кіевъ Святославичу, а изъ нихъ былъ живъ Ярославъ въ Черниговѣ; если не ему, то очередь была за Брячиславомъ Святополковичемъ, потому что отецъ его, Святополкъ все-таки былъ старшимъ внукомъ. Всякій законъ былъ обойденъ, и на кіевскомъ столѣ сѣлъ Мстиславъ Мономаховичъ. Вышло хорошо, только не по закону. Мстиславъ сѣлъ на кіевскомъ столѣ уже въ очень пожилыхъ лѣтахъ, ему было съ чѣмъ-то пятьдесятъ; но онъ былъ бодръ, свѣжъ, и въ отцовской школѣ прошелъ всю науку походовъ и управленія. Къ великому-то князю Мстиславу и свезъ меня отецъ, когда вздумалъ ѣхать сюда въ Суздальскій край, на покой и отдыхъ. Князь Мстиславъ принялъ меня въ свою дружину, и вотъ тогда я въ первый разъ видѣлъ Юрія Мономаховича: онъ пріѣзжалъ тогда отсюда къ

старшему брату, и въ самомъ дѣлѣ, по старинѣ, по древнему завѣту, держалъ старшаго брата за отца. Да съ Мстиславомъ Великимъ не очень-то и можно было поспорить, весь былъ въ отца: рѣчь высокая, приказъ твердый, и не на словахъ только, потому что за его приказомъ стояла сила, и такая великая, что онъ могъ двинуть всею Русскою землею. Однако онъ сидѣлъ въ Кіевѣ не по праву: очередь эта была за дядей, за Ярославомъ Святославичемъ, а онъ оставался обиженнымъ и обойденнымъ въ Черниговѣ. И вотъ его-же, бѣднаго Макара, еще обидѣлъ родной племянникъ, сынъ Олега Святославича, Всеволодъ: пришелъ да и сѣлъ на его мѣстѣ въ Черниговѣ. Но Мстиславъ, какъ великій князь, вступился, и послалъ въ Черниговъ сказать Всеволоду, чтобъ онъ уходилъ по добру по здорову, оставилъ-бы дядю на мѣстѣ. Поѣхалъ съ этою рѣчью игуменъ Андреевскаго монастыря Григорій, и съ нимъ для почета стража, въ эту стражу и я попалъ. Съѣздили мы въ Черниговъ по пустякамъ, да лучше бы и не ѣздили. Князь Всеволодъ прикинулся такимъ смиренникомъ, такимъ покорнымъ, такимъ ласковымъ: у игумена Григорія благословился, смотритъ постникомъ, и говоритъ: «Вижу, чувствую, сознаю, что дядя Ярославъ Святославичъ недостойно обиженъ, неправильно лишенъ того, что ему подобало по праву, и совершенно увѣренъ, что князь Мстиславъ Мономаховичъ уступитъ ему принадлежащій дядѣ по праву кіевскій столъ.» Мой посолъ увидѣлъ ясно, что если неправъ Всеволодъ, то неправъ точно также и самъ Мстиславъ, требующій правды и права: оба обидѣли старика Ярослава Святославича, да еще такъ, что одинъ обидѣлъ его на мелочи, на пустякахъ, на Черниговѣ, а другой ни много, ни мало на самомъ Кіевѣ. Вернулись мы ни съ чѣмъ. Тогда великій князь велѣлъ собирать войско, чтобы сажать на черниговскій столъ дядю, у котораго онъ отнялъ столъ кіевскій. Войска собралось не мало, но можно сказать, что мы и не вынимали луковъ изъ

налучна. Прошли въ Курскую область, заняли города по Сейму рѣкѣ, посажали своихъ посадниковъ. А Всеволодъ, между тѣмъ, дядю отпустилъ въ Муромъ и вызвалъ тысячъ семь половцевъ; но они тогда помнили уроки, данные имъ княземъ Мономахомъ: мы перехватили ихъ пословъ, они постояли, постояли у Ратмировой дубравы за рѣкою Выремъ, да за добра ума убрались въ степи. Всеволодъ видитъ, что съ нами справиться ему не подъ силу, и пошелъ на переговоры: сталъ Мстислава упрашивать, бояръ его старался прикармливать. Я тогда не дожилъ еще до боярства, но все равно, намъ это хорошо было видно. Въ этомъ прошло все лѣто, а князь Мстиславъ ни на что еще не рѣшился. Какъ стала зимняя дорога, пріѣзжаетъ въ Кіевъ дядя, изъ Мурома-то, и тоже началъ просить: «Иди, да иди на Всеволода, ты мнѣ крестъ цѣловалъ». Мой отецъ покойный былъ человѣкъ правдивый, и меня пріучилъ не кривить душой. Такъ вѣришь-ли, отецъ святой, порой мнѣ стыдно становилось, что я такому непрямому дѣлу служу, какъ у Мстислава. Но это было въ молодости, когда, бывало, готовъ лобъ расшибить за правду. Присмотрѣлся я къ свѣту, научился волчьему правилу: съ волками жить—по-волчьи выть, и лисьему правилу: чей хлѣбъ ѣшь, того и пѣсенку пой, да къ тому же я сердечно полюбилъ Мстислава, не даромъ прозвали его Великимъ. Дѣло было не легкое: Ярославу черниговскому онъ крестъ цѣловалъ, а Всеволодъ былъ женатъ на старшей его сестрѣ, дядѣ надо пособить по присягѣ, а племянника не велитъ трогать душа. И въ ту пору насмотрѣлись мы въ Кіевѣ всякихъ вещей небывалыхъ: извѣстно и самому малому ребенку, что когда нѣтъ отца, то дядя отецъ. У насъ такъ и встрѣчали Ярослава Святославича: и почетная стража, и князь Мстиславъ встрѣчаетъ его на землѣ, подъ крыльцомъ, и за обѣдомъ сидитъ онъ на первомъ мѣстѣ, и въ церкви онъ прежде всѣхъ ко кресту подходитъ, и во всемъ первое мѣсто и почетъ, какъ отцу; а онъ же упрашиваетъ, умоляетъ, къ

боярамъ своихъ бояръ и отроковъ подсылаетъ. Дядя по-настоящему можетъ племяннику приказать, это уже отъ созданія міра ведется, и племянникъ долженъ исполнить, а тутъ выходитъ, что племянникъ кланяться-то дядѣ кланяется, а не только приказа никакого не исполняетъ, а и просьбы не слушаетъ. Однако рѣшить было нужно, либо да, либо нѣтъ. Митрополита тогда въ Кіевѣ не было, князь и потребовалъ совѣта отъ игумна Григорія. Игуменъ отвѣчалъ: «Лучше тебѣ нарушить клятву, чѣмъ проливать кровь христіанскую». Стало-быть клятва снимается. Князю мало было этого: онъ созвалъ всѣхъ кіевскихъ священниковъ на соборъ, пріѣхали также изъ Вышгорода и изъ Бѣлгорода, и по просьбѣ князя разсуждали какъ тутъ быть, и рѣшили: не воевать, клятву преступить, а грѣхъ нарушенной клятвы отдать на душу священникамъ, чтобъ они замаливали. И понятно, отчего они такъ рѣшили: что за охота была кіевлянамъ идти воевать и проливать кровь за Ярослава Святославича, противъ Всеволода Ольговича? У всякаго въ Кіевѣ свое дѣло есть, а какъ тамъ въ Черниговѣ дядя съ племянникомъ перевѣдываются и развѣдываются—не все-ли имъ равно? Мы, дружина, признаться сказать, думали не такъ. По нашему можно бы кіевлянъ и побезпокоить, только бы въ Русской землѣ выше всѣхъ стоялъ домъ Мономаха. Ярослава хорошо-бы посадить въ Черниговѣ: тогда бы онъ на все сквозь Кіевъ смотрѣлъ, былъ-бы у Мономаховича въ рукахъ, и Святославичи привыкали-бы слушаться Кіева. Нужды нѣтъ, что за Всеволодомъ была старшая Мономаховна: можно-бы ей съ мужемъ всякій почетъ оказывать, дать доходы съ какихъ угодно городовъ, хоть вдвое больше, чѣмъ съ ихъ бѣднаго Чернигова получали, да чтобы они у великаго князя подъ рукой ходили.

— Это, бояринъ, всегдашняя расправа и несогласіе между дружиною и земскими людьми, — замѣтилъ епископъ;—и если князь потребовалъ совѣта отъ земства, то

это просто значитъ, что онъ самъ несогласенъ былъ съ дружиною и хотѣлъ только, чтобы великая земская сила подтвердила его благія, миролюбивыя намѣренія.

— Да, владыко святой, намѣренія въ самомъ дѣлѣ были благія, но изъ нихъ выросло великое зло. Вѣдь это бываетъ, что посѣешь благое намѣреніе, а выростетъ чудище, именуемое враждой, войной, разореніемъ, слезами, голодомъ, мерзостью запустѣнія. Самъ великій Мстиславъ всю жизнь каялся, что у него явилось такое благое намѣреніе. Ярославъ уѣхалъ къ себѣ въ Муромъ, и дѣло на время затихло.—Зашевелились князья Всеславичи, полоцкіе владѣтели. Послѣ полоцкаго князя Всеслава осталось семеро сыновей, а полоцкая волость небольшая, такъ-что князья стали бѣдны. Въ Полоцкѣ сидѣлъ Давидъ Всеславичъ, а сынъ его Брячиславъ Давидовичъ княжилъ въ Изяславлѣ. За этимъ самымъ Брячиславомъ была наша княжна, дочь великаго князя Мстислава, Людмила Мстиславовна. Вотъ и разбирай тутъ благія намѣренія. Войска пошли со всѣхъ сторонъ: старшій зять изъ Чернигова, Всеволодъ Ольговичъ; братъ княжескій Вячеславъ Мономаховичъ изъ Турова, второй зять Всеволодко, сынъ Давида Игоревича, изъ Городна; Вячеславъ Ярославичъ, сынъ Ярослава Ярополковича, изъ Клецка; кромѣ того пошелъ воевода Иванъ Войтишичъ съ торками, а свой полкъ отдалъ великій князь сыну своему Изяславу; съ нимъ-то я пошелъ, а другой Мстиславичъ, Ростиславъ, двинулся изъ Смоленска, а третій, Всеволодъ Мстиславичъ изъ Новгорода. По настоящему, это тебѣ все-равно, кто откуда пошелъ, а для насъ, для дружины, это было великимъ дѣломъ въ походѣ. Пошли три сына княжескіе, пошелъ родной братъ, пошли два зятя, одинъ по сестрѣ, другой по дочери, одинъ троюродный братъ и одинъ воевода. Всякая дружина, извѣстно, свою честь бережетъ, и честнѣе всѣхъ была наша дружина, великокняжеская, съ сыномъ великаго князя Изя-

славомъ Мстиславичемъ; а туровская дружина стала себѣ забирать больше чести, потому будто-бы, что Вячеславъ Мономаховичъ старше племянника, Изяслава Мстиславича. Они были правы тѣмъ, что послѣ великаго князя, по старому обычаю, долженъ сидѣть братъ, а не сынъ; да намъ-то что за дѣло было до этого, когда мы—дружина самого великаго князя, а не сына. Не мало было у насъ изъ-за этого споровъ и ссоръ, и не разъ до драки доходило. Война была не кровавая: Брячиславъ какъ-то шелъ на Логожскъ, велъ къ отцу вспомогательную дружину, да на насъ и наткнулся. Никакъ онъ этого не ожидалъ, растерялся какъ заяцъ, когда съ разныхъ сторонъ увидитъ собакъ. Постоялъ, да и поскакалъ прямо къ намъ, то-есть къ шурину. Князь Изяславъ принялъ зятя, угостилъ его какъ слѣдуетъ, угостилъ и его дружину. Послѣ того сдался Лагожскъ, сдался Изяславль, и тутъ вышло не хорошее дѣло: въ городѣ Изяславлѣ жила Брячиславова княгиня, Людмила Мстиславовна. Наше войско бросилось грабить, и остановить эту сволочь ничѣмъ было невозможно. Послали уже насъ, дружину, отстоять хотя имущество княгини. Пришлось отбивать грабителей силой, и — грѣшное дѣло!—многихъ мы своихъ положили и порубили. Войско-то обозлилось, и лѣзетъ какъ слѣпое! Задніе толкаютъ переднихъ, на копья такъ и лѣзутъ, и рубятся, чтобы подпустить ихъ къ добычѣ. И это я всегда замѣчалъ: когда непривычные люди выходятъ на войну, то на нихъ удержу нѣтъ какъ расходятся, все равно, бьютъ-ли непріятеля, грабятъ-ли его, или отъ него бѣгутъ. Дружина не въ примѣръ послушнѣе, и съ дружиною въ полтораста добрыхъ товарищей можно больше дѣла сдѣлать, чѣмъ съ тремя тысячами войска.

Тогда полочане поднялись, прогнали князя Давида Всеславича, посадили на его мѣсто брата его Рогволода, и просили великаго князя его въ Полоцкѣ утвердить. На этомъ и помирились, и разошлись по домамъ.

Два года сряду послѣ того былъ миръ, и вотъ среди мира люди наши даютъ намъ знать, что идутъ половцы. Въ степи давно живутъ наши русскіе люди, и какъ живутъ—совсѣмъ невѣдомо. Это разные бѣглые холопи, воры съ висѣлицъ, всякій народъ, бѣжавшій отъ казни, народъ бродячій, бродники. Живутъ они то въ землянкахъ, то въ шатрахъ половецкихъ, роднятся съ половцами, со всякимъ дикимъ степнымъ народомъ, а кое-кто изъ нихъ христіанскую вѣру держитъ и помнитъ, а въ случаѣ большой бѣды, въ родную землю вѣсть подаетъ. Въ то время Рогволодъ въ Полоцкѣ умеръ, а старшимъ княземъ опять сѣлъ Давидъ Всеславичъ. Великій князь послалъ ему грамоту, чтобы онъ шелъ въ Кіевъ съ войскомъ на защиту земли, а Давидъ отвѣчалъ: «Теперь умоляешь о помощи, а давно-ли ты меня разорялъ безсовѣстнымъ вторженіемъ въ мои волости? Пусть-ка теперь половцы разорятъ твои земли: по-дѣломъ тебѣ!» Стерпѣлъ такую обиду великій князь, и пошли мы прогонять половцевъ. Прогнали, тогда онъ сталъ съ полоцкими князьями справляться, и распорядился крутенько, но дѣлать было нечего: онъ велѣлъ взять всѣхъ Всеславичей, съ сыновьями и племянниками и подъ сильной стражей отослалъ ихъ въ Царьградъ. Снарядили три корабля и послали. Полочане всѣхъ ихъ выдали безъ всякаго спора, потому-что они уже испытали наши силы, и знали очень хорошо, что Мстиславъ можетъ двинуть еще больше войска, всю Русскую землю. По городамъ онъ посажалъ своихъ посадниковъ, и Русская земля опять восполнилась, то-есть полоцкая волость вошла опять въ родъ Ярослава Мудраго. Вѣдь полоцкіе князья вели свой родъ отъ Изяслава, старшаго сына князя Владиміра, а тогда Изяславова потомства больше не стало на Русской землѣ, кромѣ одного зятя великаго князя, Брячислава. Ну, да этотъ вовсе уже вошелъ въ великокняжескую семью.

Прошло около года, все было спокойно, супротивниковъ

ни откуда не являлось, и великій князь надумалъ потѣшить дружину, потому-что дружинѣ, извѣстное дѣло, заживаться долго нечего: дружинѣ нужна сѣча, походъ, нажива добычей, нужно, чтобъ о насъ говорили и чтобы пѣсни о насъ пѣлись. А потѣха наша тѣмъ хороша, что всей землѣ она выгодна. Выступили мы изъ Кіева на судахъ, дошли до пороговъ и углубились въ степь на восточную сторону. Это степи просто раздолье, и ничего нѣтъ мудренаго, что половцы и всякая иная степная кочевая тварь любитъ ихъ. Идя къ Дону, захватили мы пять или шесть ордъ, и скота набрали столько, что дѣвать было некуда. Бѣжитъ народъ, кого не успѣли захватить, къ Дону, бѣжитъ и дальше, за Донъ къ Волгѣ, мы и черезъ Волгу переправились, а тамъ за широкою степью опять есть большая рѣка, называется Яикъ, до самаго Яика мы дошли и загнали кочевниковъ за эту рѣку. Послѣ, когда мы вернулись, половцы продавались въ Кіевѣ чуть не даромъ: хорошихъ, крѣпкихъ за гривну можно было купить двоихъ, а плохонькихъ отдавали и три штуки. Женщинъ по четыре за гривну отдавали, а чтоже, надо правду сказать, половецкая женщина не хуже мужчины работница, а ужь за скотомъ онѣ умѣютъ ходить такъ, какъ не умѣютъ русскія бабы. Въ ту пору я много ихъ переслалъ сюда, къ отцу, на Москву-рѣку, и ничего, отличныя вышли работницы.

Въ походъ-то мы ходили не съ самимъ княземъ, а съ его братомъ, Ярополкомъ Мономаховичемъ. Тутъ-то я въ первый разъ видѣлъ его въ работѣ, и подивился: цѣлый-то день онъ на конѣ, слѣзетъ послѣ всѣхъ, стражу разставитъ самъ, да послѣ того ночью самъ ее обойдетъ; всякій, кому надо, идетъ въ его шатеръ, ежели что неожиданное случилось, а на утро, глядь, онъ опять раньше всѣхъ на ногахъ, и покою имѣетъ меньше всѣхъ: послѣдній погонщикъ и тотъ больше его отдыхаетъ. Въ случаѣ, если приходилось разорить половецкое кочевье, онъ себѣ ничего не бралъ, все отдавалъ

дружинѣ, и мы уже сами отбирали ему лошадей, которыя получше, побойчѣе, поснсливѣе. Не мудрено, что дружина любила его безъ души, и послѣ смерти Мстислава, весь Кіевъ въ одинъ голосъ призвалъ Ярополка.

Оно такъ и слѣдовало: послѣ старшаго брата — второй братъ, то-есть въ Мономаховомъ родѣ; а не забудь, что оставались еще Святославичи—Ольговичи, Вячеславичи, Игоревичи и пропасть изгоевъ. Какъ умеръ князь Мстиславъ, такъ и явилась третья сторона; но чтобы тебѣ понятнѣе было все дѣло, надо знать, что князья Мстиславъ и Ярополкъ жили душа въ душу; Ярополкъ былъ бездѣтенъ, а у Мстислава, слава Богу, остались Всеволодъ, Изяславъ, Ярополкъ, Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ, шесть не молодцовъ, а мужей, и почти каждаго Богъ благословилъ семьей. Вотъ всю свою семью, сыновей съ дочерьми и съ внуками, умирающій князь Мстиславъ Великій и поручилъ брату своему Ярополку и на смертномъ одрѣ велѣлъ ему старшаго племянника, Всеволода Мстиславича, перевести изъ Новгорода въ Переяславль. А что это значитъ — малый ребенокъ понимаетъ. Переяславль у насъ послѣ Кіева старшій столъ; съ переяславскаго стола сѣлъ въ Кіевъ самъ Мономахъ, а послѣ него Мстиславъ, а за нимъ Ярополкъ. Послѣ смерти кіевскаго князя, въ Кіевъ переходитъ князь переяславскій, стало быть, Ярополкъ Мономаховичъ прочилъ на свое мѣсто не брата своего роднаго, тоже Мономаховича, а племянника, Мстиславича. А братьевъ, Мономаховичей, было еще трое, Вячеславъ Туровскій, ну, этого можно не считать, онъ всегда былъ скорбенъ головою, а за то Юрій Мономаховичъ здѣшній и младшій Мономаховичъ, Андрей Волынскій, могли за себя постоять.

— Такъ, такъ, — сказалъ епископъ; — это я слышалъ; это было ровно пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Князь Юрій, говорятъ, сильно сердился, наскоро съ дружиною выступилъ

и пошелъ въ Переяславль. Племянникъ спѣшитъ изъ Новгорода, дядя спѣшитъ изъ Суздаля, и съѣхались въ Переяславлѣ.

— И съѣхались-то какъ!—подхватилъ бояринъ:—племянникъ утромъ въѣхалъ въ Переяславль, сѣлъ на этой послѣдней ступени къ кіевскому столу, а передъ обѣдней дядя Юрій, здѣшній князь, уже выгналъ его. Но просидѣлъ онъ не долго: во вторникъ сѣлъ, а черезъ недѣлю въ среду пришла наша дружина, съ самимъ великимъ княземъ Ярополкомъ. Юрій, конечно, не смѣлъ поднять руки противъ старшаго брата, выѣхалъ ему навстрѣчу, справилъ поклонъ какъ отцу, а поговорилъ съ нимъ, надо признаться, довольно круто. «Что, говоритъ, ты съ братомъ попустилъ въ Черниговѣ, то подстроиваете и для Кіева? Такъ я вѣдь не Ярославъ Святославичъ, и въ Муромъ меня не выгнать не только какому-нибудь Всеволоду Ольговичу, но и Всеволоду Мстиславичу! Я, говоритъ, этого не потерплю! Я, говоритъ, Кіева жду, какъ голодный ждетъ хлѣба: такъ уже мнѣ надоѣло сидѣть въ этихъ холодныхъ лѣсистыхъ трущобахъ, въ Суздалѣ, да въ Ростовѣ!» Послѣ этого Всеволодъ Мстиславичъ уѣхалъ назадъ къ себѣ въ Новгородъ, а въ Переяславлѣ сѣлъ второй Мстиславичъ, Изяславъ, изъ Полоцка, а въ Полоцкъ послали третьяго Мстиславича, Святополка. Только онъ полочанамъ не полюбился, они прогнали его и взяли княземъ Василька, внука Всеслава, стало быть опять изъ стариннаго полоцкаго княжескаго рода. Въ Мономаховомъ родѣ изо всей Полоцкой волости остался одинъ только Пинскъ, а это было невыгодно; но и этотъ городъ надо было постараться уберечь: великій князь опять взялъ изъ Переяславля втораго Мстиславича и посадилъ его въ Пинскѣ, придавъ ему Туровъ, а въ Переяславль посадилъ брата своего, Мономаховича Вячеслава. Такъ оно и слѣдовало, всѣ бы на этомъ успокоились, но этотъ Вячеславъ неугомонный усидѣлъ не

долго. Переяславль мѣсто опасное, послѣдній городъ къ сторонѣ степи, и отъ половцевъ постоянная нужна осторожность: степь вольная, кочевники бродятъ и украйныя мѣста разоряютъ. Вячеславъ и бросилъ свою новую волость, и пошелъ назадъ: недоходя Днѣпра, однако, воротился. Тогда великій князь послалъ къ брату сказать, чтобы сидѣлъ на мѣстѣ. Тутъ въ первый разъ пришлось мнѣ править посольство. И такъ это было мнѣ чуднò съ перваго раза, какъ будто великое какое дѣло совершалъ. Князь Ярополкъ велѣлъ мнѣ сказать Вячеславу: «что ты все скитаешься, не посидишь на одномъ мѣстѣ, точно половчинъ!» И долженъ я эти самыя слова повторить точь-въ-точь, безъ всякой отмѣны, и гдѣ ни найду князя Вячеслава, справить ему поклонъ, сѣсть и сказать великокняжеское слово. Въ шатеръли войду, въ горницу-ли, или подъ небомъ божьимъ, долженъ надѣть шапку, сѣсть, и сказать. Послѣ того можно встать, шапку снять и говорить уже свои рѣчи, какія тамъ пригодны. Однако, моего посольства князь Вячеславъ не послушалъ, ушелъ изъ Переяславля въ Туровъ; городъ этотъ былъ отданъ князю Изяславу. Ну, дядя пришелъ, племяннику приходится уступить, особенно, если у него нѣтъ силъ прогнать дядю. Такъ-то вотъ гоняли князя Изяслава; а уже онъ не маленькій, ему слишкомъ тридцать-пять лѣтъ было, онъ и осердился. Переяславль былъ никѣмъ не занятъ; Всеволодъ его не хотѣлъ, Изяславъ не хотѣлъ, а просилъ здѣшній, Юрій Мономаховичъ. На это великій князь согласился, только-бы Мономаховичи успокоились. Только самому-то ему это было не легко: старшій братъ на смертномъ одрѣ велѣлъ ему поставить въ Кіевѣ княземъ сына своего Всеволода, а тутъ не только поставить, а намекнуть только на это не даютъ родные братья. Крѣпко тогда кручинился великій князь Ярополкъ, и ходилъ повѣся носъ. Въ войнѣ онъ былъ, конечно, первымъ человѣкомъ, а въ мирныхъ дѣлахъ какъ-то

терялся, все спрашивалъ совѣта у игумновъ и священниковъ, медлилъ и не рѣшался.

Только-что на югѣ поугомонилось, князь Изяславъ (Мстиславичъ), разобиженный въ Переяславлѣ, выгнанный дядею изъ Турова, ушелъ къ старшему своему брату, Всеволоду, въ Новгородъ. Князь Юрій Переяславль-то взялъ, а своей Ростовской или Суздальской волости не уступаетъ, такъ Изяславу дѣваться некуда. Онъ и сталъ подговаривать Всеволода идти на Юрія, отбивать у него Ростовскую волость. Вотъ тутъ-то вмѣшались въ дѣло Святославичи, то-есть Ольговичи, князья черниговскіе. Они увидѣли, что Мономаховичи между собой перессорились, такъ они и рады половить рыбки въ мутной водѣ. По правдѣ-же сказать, они были обижены еще при великомъ Мстиславѣ, когда выгнали дядю Ярослава: великій князь тогда присвоилъ себѣ Курскую область и города по рѣкѣ Сейму, а Ольговичамъ желательно было эту богатую полосу получить себѣ обратно. Вотъ тутъ мнѣ привелось быть въ походѣ съ Юріемъ Мономаховичемъ, потому что выступили изъ Кіева три дружины, наша, Юрьева и Андреева изъ Кіева подъ Черниговъ. Постояли мы подъ городомъ, Всеволодъ Ольговичъ биться не вышелъ, мы и ушли домой, по послѣднему пути. Только что перешли Днѣпръ, какъ рѣка тронулась, а на другой день, глядимъ, Городецъ горитъ. Это вслѣдъ за нами къ Всеволоду пришли половцы, съ сѣвера пришелъ Изяславъ Мстиславичъ, и пошли воевать Переяславскую волость и подошли подъ самый Кіевъ. За льдами имъ нельзя переправиться къ намъ, а намъ нельзя броситься на нихъ, и они свободно опустошали всю ту сторону Днѣпра. Въ Юрьевой, то есть въ Переяславской области, не осталось ни кола, ни двора, а мы смотримъ, ничего сдѣлать не можемъ...

— О, дѣла, достойныя слезъ и воплей! — возгласилъ епископъ. — Христіане православные, мирные земледѣльцы

были разорены, страдали, были убиваемы, уводимы въ плѣнъ, изъ-за чего-же? Князья какъ-бы старались сдѣлать то, изъ-за чего они спорятъ, никуда негоднымъ!...

— Вѣдь нельзя-же, владыко святой, — возражалъ бояринъ: — какъ же можно было князю Изяславу Мстиславичу оставаться безъ волости? Ежели онъ князь, такъ онъ долженъ княжить, стало быть судить людей и изъ отцовской волости долженъ получить свою долю...

— Я не о томъ говорю, почтенный бояринъ, — я говорю о тѣхъ людяхъ, которые землю пашутъ, ни въ чемъ ровно не повинны, смиренно работаютъ, ничего не просятъ, ничего не хотятъ, никому не дѣлаютъ зла, вѣрно отдаютъ данникамъ княжескимъ, что положено, а у васъ всѣ до послѣдняго человѣка становятся виноваты. Всеволодъ Ольговичъ убиваетъ его и уводитъ въ неволю семью и сжигаетъ его домъ за то, что онъ платитъ дань Юрію Мономаховичу, а сосѣда его, за рѣкой, разоряетъ Ярополкъ Мономаховичъ за то, что онъ платитъ дань Всеволоду Ольговичу. Вотъ что въ этомъ дѣлѣ ужасно, вотъ о чемъ подумать страшно...

— Это ты о смердахъ, владыко святой,—возразилъ бояринъ:—оно точно, что имъ всѣ наши походы немного безпокойны, только очень-то о нихъ болѣть не слѣдуетъ, когда сами князья столько поту проливаютъ за Русскую землю. Что мы его домъ спалимъ, такъ бѣда еще не велика; вѣдь это не домъ, а конура: лѣсу кругомъ много, новую срубитъ. Убивать мы ихъ такъ, сплошь, не убиваемъ: оно и не за что, да и невыгодно; а князья ихъ выводятъ и велятъ ставить дома въ своей землѣ. Смерду оно все равно, гдѣ ни пахать, кому не платить. Что Ростиславъ имъ владѣетъ, что Игорь, не все-ли ему равно? Случается воинамъ убивать кое-кого, только немного: развѣ старуху какую приколятъ, если съ дуру очень вопитъ да убивается, или мужика строптиваго; только ты не думай, владыка святой, это вовсе не часто дѣлается: христіане какъ

услышатъ, что къ нимъ война подходитъ, бросаютъ свои лачуги, забираютъ что получше и уходятъ въ лѣса, а война поугомонится, они и выходятъ, и опять пашутъ, и строятъ лачуги, а кто и въ землянкѣ перезимуетъ: къ этому имъ не привыкать стать. А поглядишь, годъ, другой пройдетъ, онъ опять живетъ припѣваючи, и коровенка у него завелась, и курочки, и поросятки, и конь-пахарь,—а князю отъ исправнаго работника прибыль...

— Да, живучи, живучи православные христіане,—сказалъ епископъ.—Ну и какъ же тогда замирились, когда Ольговичъ съ Мстиславичами разорили Переяславскую волость?

— Дѣло было пуще всего въ томъ, чтобъ Ольговичамъ ничего не досталось лишняго,—отвѣчалъ бояринъ: — а для этого надо было ихъ ослабить, отвести отъ нихъ Мстиславичей. Вотъ и далъ великій князь Изяславу Волынь, а брата своего младшаго, Андрея, пересадилъ на Переяславль.

— Такъ, такъ, — замѣтилъ епископъ: — этому теперь тринадцать лѣтъ прошло. Князь Юрій Мономаховичъ, сказываютъ, уѣхалъ сюда, чтобы не мѣшаться больше въ эти южныя передряги. Здѣсь много спокойнѣй, какъ же можно! Земля хуже, это правда, хлѣбъ совсѣмъ не такъ родится, да за то спокойнѣе и вовсе нѣтъ половцевъ. Съ тѣхъ поръ князь Юрій на югъ ѣздитъ неохотно и считаетъ себя владѣтелемъ полуночной Руси. Люди говорятъ, что его такъ и тянетъ на югъ, любитъ онъ Кіевъ, но людей тамошнихъ не любитъ, и на всѣхъ тамошнихъ князей сердитъ. Изъ Мономаховичей онъ одинъ остался, а на югѣ все его племянники теперь дерутся за города и волости.

— Это такъ,—отвѣчалъ бояринъ;—онъ старшій Мономаховичъ, и ему все-бы покорилось давно, еслибы не было еще Святославичей-Ольговичей. Всѣ непорядки отъ нихъ-то и выходятъ. Не прошло и году, какъ Всеволодъ Ольговичъ черниговскій опять напалъ на Переяславскую волость, стоялъ три

дня подъ городомъ и бился у воротъ. Какъ пришла объ этомъ вѣсть къ намъ въ Кіевъ, мы сѣли на коней и выступили. Съ нами справляться было ему трудновато, онъ и отошелъ и сталъ у самаго верховья рѣки Супоя со своими половцами. Князь Ярополкъ тутъ погорячился, и все дѣло пропало. Всегда онъ былъ горячъ, не умѣлъ дожидаться, а какъ бывало завидитъ врага, такъ и бросается впередъ, словно у него конь закуситъ удила. Въ нашемъ военномъ дѣлѣ это бываетъ хорошо, и горячаго наскока непріятель чаще всего не выдерживаетъ, а бросается бѣжать. Такъ вышло и здѣсь, да не очень хорошо кончилось. Не разобрали мы сначала толкомъ, кто съ которой стороны стоитъ, и, не дожидаясь кіевскихъ полковъ, ударили съ однѣми княжескими дружинами. Пришлось такъ, что лучшія-то наши силы съ кіевскимъ тысяцкимъ пришлись противъ половцевъ, а князья Ярополкъ, Юрій и Андрей, да еще Василько Леоновичъ, сынъ греческаго царевича Леона, за которымъ была Марья, дочь князя Мономаха, пришлись противъ Ольговичей. Рѣзались долго, половцы не выдержали и побѣжали, а наши ихъ и погнали. Очутились мы съ самыми малыми силами противъ главныхъ черниговскихъ дружинъ. Рубились столько, сколько надо было, чтобы честь не потерять, и пошли на утекъ, да на бѣду нашъ главный стягъ, великокняжескій, попался въ руки врагамъ. Счастье, что они насъ не погнали, а остались на мѣстѣ, а то мало кто изъ князей и изъ насъ унесъ бы ноги изъ этого боя. А Ольговичи разсчитали ловко: свою хоругвь спрятали, а нашу поставили. Прогнавши половцевъ, дружина наша возвращается къ мѣсту, идетъ спустя рукава, и никому не въ догадъ, что Мономаховичи ушли. Не успѣли они луковъ вынуть изъ налучна, какъ осыпали ихъ стрѣлами, и много народу у насъ тогда перебили: палъ отъ стрѣлы въ шею и царевичъ Василько Леоновичъ, палъ и тысяцкій кіевскій Иванъ Душильчевичъ: славный былъ человѣкъ, и кумомъ мнѣ приходился. Пока князь Ярополкъ собиралъ новую дру-

жину, прошла и осень, а только что Днѣпръ сталъ, Всеволодъ перешелъ по льду и сталъ опустошать Кіевскую волость, дошелъ до самаго Кіева и стрѣлы половецкія долетали до насъ черезъ Лыбедь. Силы у насъ было еще мало, мы отсиживались, и тутъ митрополитъ Михаилъ показалъ всю свою власть. Онъ заклиналъ великаго князя Ярополка смириться, отъ братьевъ своихъ и ото всѣхъ принять на себя хулу и укоръ, по заповѣди евангельской полюбить враговъ своихъ Ольговичей и уступить имъ всѣ земли по Сейму. Такъ и сдѣлалось, поцѣловали крестъ, помирились, а Ольговичи все были недовольны, все въ лѣсъ глядѣли. Главное, имъ обидно было, что они отъ старшинства отстранены вовсе и что уже имъ никогда, ни за что не попасть на кіевскій столъ. Къ тому же они попробовали воевать Кіевскую область и попробовали даже кіевскаго князя разбивать. Однако придраться было не къ чему, и быть-бы миру на Руси, еслибы смута не пошла изъ Новагорода...

— Да, это мудреный городъ Новгородъ, — сказалъ епископъ; — гордость въ этихъ новгородцахъ непомѣрная и богатства у нихъ неисчислимыя. Вѣдь каждый новгородецъ считаетъ свой городъ старѣйшимъ во всей Русской землѣ, отцомъ всѣхъ городовъ русскихъ. Всякій думаетъ, что старшій городъ на Руси Кіевъ, а они говорятъ, что первые князья пошли отъ нихъ. Князь Ярославъ далъ имъ льготы, потому что они ему часто и много помогали, деньгами и кровью, и съ тѣхъ поръ они рядятся съ князьями, чего въ цѣлой землѣ Русской не бывало. Всѣ наши сѣверныя дѣла мнѣ довольно хорошо извѣстны. При князѣ Мономахѣ новгородцы все-таки имѣли хоть какой нибудь страхъ: то Ставра съ товарищами вызовутъ въ Кіевъ и заточатъ, то пригрозятъ иначе. И все имъ хотѣлось, чтобы князь у нихъ сидѣлъ весь свой вѣкъ, не покидалъ-бы ихъ для Кіева. Съ князя Всеволода Мстиславича они даже взяли въ этомъ клятву. Однако Всеволодъ клятвы не сдержалъ, переѣхалъ въ Переяславль, какъ только умеръ его отецъ. Но самъ

ты говорилъ, что въ тотъ же день Юрій Мономаховичъ выгналъ его. Пріѣхалъ онъ назадъ въ Новгородъ, а народъ уже не хочетъ его безъ ряду: приняли съ уговоромъ, что народъ выберетъ себѣ посадника самъ. Хорошо. Пріѣзжаетъ Изяславъ Мстиславичъ и подбиваетъ брата и новгородцевъ идти на Юрія Мономаховича, на Суздальскую волость. Новгородъ сталъ толковать о войнѣ, одни согласны идти на Юрія добывать Мстиславичамъ земли, а другіе говорятъ, что въ этомъ никакой нѣтъ корысти, что у всякаго человѣка свои есть дѣла, а племянникамъ возставать противъ дяди — совсѣмъ даже не дѣло. Расправа у нихъ коротка: кто имъ не понравился, того съ моста въ Волховъ сажаютъ, и въ этотъ разъ тоже человѣкъ пять въ рѣку посадили. Тогда Мстиславичи съ посадникомъ Петрилою вышли въ походъ, но войско шло неохотой, на рѣкѣ Дубнѣ стало, рѣшило, что нейдетъ, и воротилось. Новгородъ посадника Петрилу ссадилъ и посадникомъ сталъ Иванко Павловичъ. Опять пошли въ походъ. Митрополитъ кіевскій и всея Руси Михаилъ былъ въ то время объѣздомъ въ Новѣгородѣ, и когда войско просило его благословенія, то онъ, великій миролюбецъ, сказалъ: «Не ходите, благословенія не даю, и меня Богъ послушаетъ». Чтоже? Такъ и вышло, какъ предрекалъ митрополитъ: владыку они задержали, дошли въ жестокіе морозы и мятели до Ждановой горы, встрѣтились съ ростовскими полками и были разбиты. Какое же воинство устоитъ, когда у него отнято святительское благословеніе! Посадника Иванка Павловича убили въ сраженіи, стараго посадника Петрилу убили-же, и бѣжали остальные какъ стадо неразумное. Пришли они съ повинною головою къ митрополиту и выпустили его, и слезно молили о прощеніи. Тутъ онъ ихъ благословилъ и отъѣхалъ въ Кіевъ. Сколько тамъ времени прошло, новгородцы заслышали, что князь кіевскій разбитъ отъ Ольговичей. Что-же дѣлаетъ этотъ мятежный и законопротивный городъ? Князя Всеволода взяли, да и заперли на епископскомъ

дворѣ съ женою, съ дѣтьми и съ тещею, и по тридцати человѣкъ отрядъ сторожилъ его день и ночь. Поставили ему и вины: что онъ не блюдетъ смердовъ, что онъ хотѣлъ сѣсть въ Переяславлѣ, что онъ въ сраженіи при Ждановой горѣ побѣжалъ изъ полка прежде всѣхъ, что онъ вмѣшиваетъ Новгородъ въ княжескія усобицы, сначала велѣлъ пристать къ Ольговичамъ, а теперь велитъ отстать. Новгородцы хитры. Показалось имъ, что Ольговичи взяли верхъ, они и послали за Ольговичемъ, Святославомъ, пожелали его имѣть княземъ. Тутъ кстати сказать, что самъ городъ, жители, ничего знать не хотятъ, а богатые мужики ихъ только мутятъ. Всеволода Мстиславича выпустили, а Святослава Ольговича приняли, но городъ не успокоился: одни хотѣли воротить Всеволода, другіе хотѣли удержать Святослава. Богатый былъ мужикъ Юрій Жирославичъ, свои корабли посылалъ на готскій берегъ за море; его съ моста сбросили за то, что онъ тянулъ сторону Всеволода. Посадникъ Константинъ бѣжалъ къ князю Всеволоду, а онъ тогда жилъ при дядѣ въ Кіевѣ, а Новгородъ поставилъ новаго, Якуна Міраславича. Константинъ сманилъ Всеволода, увѣрилъ его, что въ Псковѣ и въ Новѣгородѣ у него много друзей. Пріѣхалъ онъ во Псковъ, а въ Новѣгородѣ, какъ узнали объ этомъ, всталъ великій мятежъ. Малые люди его не захотѣли, бросились грабить большихъ людей, а что награбили, все отдали купцамъ, готовить походъ. Денегъ тогда на лошадей, на хлѣбъ, что къ войнѣ заготовили, потратили, сказываютъ, полторы тысячи гривенъ. Святославъ Ольговичъ позвалъ брата Глѣба на помощь, позвалъ половцевъ, курскую землю и пошелъ. Но тутъ Псковъ показалъ себя не пригородомъ новгородскимъ, а настоящимъ городомъ: надѣлалъ засѣкъ, собралъ великія воинскія силы. Новгородцы увидѣли, что ежели добьются успѣха, то онъ обойдется имъ слишкомъ дорого, и сказали: «Не хотимъ проливать крови братій своихъ; пусть Богъ все управитъ своимъ промысломъ». Всево-

лодъ Мстиславичъ умеръ въ томъ же году (1137 г.) и погребенъ въ соборномъ храмѣ. Съ тѣхъ поръ прошло ровно десять лѣтъ, и каждый годъ 11 февраля служится торжественная панихида: молимся о вѣчномъ покоѣ князя Всеволода, во святомъ крещеніи Гавріила. Такой обычай у нашихъ князей: у каждаго непремѣнно два имени, славянское и христіанское, а у князя Владиміра было еще третье, греческое, Мономахъ, и, говорятъ, не любилъ онъ, чтобъ его иначе называли, какъ греческимъ именемъ... Но скажи мнѣ, почтенный бояринъ, какъ это вышло, что великокняжеская власть вышла изъ Мономахова рода и ушла къ Ольговичамъ. Вѣдь остались-же, слава Богу, Мономаховичи: Вячеславъ, здѣшній Юрій, да еще Андрей Мономаховичъ былъ живъ.

— Дѣлу этому прошло теперь восемь лѣтъ, — отвѣчалъ бояринъ,—и, надо правду сказать, князь Всеволодъ Ольговичъ подстроилъ это дѣло ловко и умно. Съ Черниговомъ у насъ въ Кіевѣ постоянная торговля, наѣзжаютъ купцы отъ нихъ къ намъ, отъ насъ къ нимъ. Такъ онъ, говорятъ, всякаго одаритъ, обласкаетъ, и съумѣлъ сдѣлать такъ, что въ Кіевѣ у него стали сторонники и доброжелатели. Вотъ какъ скончался Ярополкъ Мономаховичъ, то слѣдующій его братъ Вячеславъ и вступилъ въ Кіевъ. Намъ, дружинѣ, дѣлать нечего: съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, всякій новый князь приходитъ со своею дружиной; мы, стало быть, въ сторонѣ: простые воины, то есть отроки, принимаются новымъ княземъ, а бояре—мало кто усидитъ, развѣ уже кто очень ловокъ насчетъ разговора. Я уже сталъ подумывать, какъ бы мнѣ къ Изяславу на Волынь уѣхать, какъ вдругъ, слышимъ, Всеволодъ стоитъ въ Вышгородѣ, а тамъ подошелъ подъ самый Кіевъ и сталъ въ Копыревомъ концѣ. Посылаетъ сказать князю: «Иди добромъ изъ Кіева!» А какое добромъ! Сталъ уже зажигать дворы въ Копыревѣ. Бояре Вячеславовы всполошились, головы потеряли, а самъ князь—сейчасъ въ церковь. Тамъ отвѣтъ далъ:

«Я, говоритъ, пришелъ сюда на мѣсто братьевъ своихъ Мстислава и Ярополка, по завѣщанію нашихъ отцовъ. Если же ты, братъ, захотѣлъ этого стола, оставивъ свою отчину, то пожалуй я буду меньше тебя, пойду въ прежнюю свою отчину, а Кіевъ тебѣ». Съ тѣмъ и ушелъ, а я, ни слова не говоря, на коня, да въ Волынь, къ своему князю Изяславу. Конечно, еслибы живъ былъ старшій Мономаховичъ, Всеволодъ-Гавріилъ, такъ я поѣхалъ-бы къ нему. Какъ бы тамъ ни было, а изъ Мономахова рода кіевскій столъ выходить не долженъ. Ну, Изяславъ меня принялъ хорошо: мы, вѣдь, вмѣстѣ съ нимъ воевали не разъ, при жизни отца, и на половцевъ ходили, за Волгой были, и Полоцкую область воевали. Только въ одно время со мной прибылъ во Владиміръ гонецъ отъ Всеволода, и сказалъ Изяславу: «Послѣ отца твоего, Кіевъ, по настоящему, твой, но дядья твои не дадутъ тебѣ въ немъ сѣсть: самъ знаешь, что и прежде васъ отовсюду выгоняли, и если бы не я, то никакой волости вамъ бы не досталось: поэтому теперь я Кіевъ возьму, а васъ буду держать какъ родныхъ братьевъ, и не только теперь дамъ вамъ хорошія волости, но по смерти моей Кіевъ отдамъ тебѣ; только вы не соединяйтесь съ дядьями своими на меня». Изяславъ созвалъ свою думу и велѣлъ послу повторить княжескія рѣчи. Думали, думали: и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нашему, волынскому князю дядья не дали бы одного дня покоя въ Кіевѣ, такъ пусть Всеволодъ Ольговичъ отсидится отъ нихъ, поистомитъ хорошенько войной, да и самъ поустанетъ; тогда можемъ и мы войти въ дѣло. Такъ и порѣшили, а между тѣмъ стали между собой пересылаться: были еще два дѣльные Мономаховича, Юрій и Андрей, да не мало и Мстиславичей, и Ольговичу не сдобровать-бы, если бы только не былъ онъ хитеръ какъ три лисицы. Звалъ къ себѣ въ Кіевъ Изяслава, тотъ не поѣхалъ, звалъ Андрея,—не поѣхалъ, а Юрій переѣхалъ отсюда въ Смоленскъ, къ Ростиславу Мстиславичу, и стали готовить войско. А Всеволодъ

пронюхалъ это, да и поднялъ всѣ свои силы. На Волынь тогда двинулись Изяславъ Давидовичъ, двоюродный братъ кіевскаго князя, галицкіе князья (дѣти Василька и Володаря Ростиславичей) и дядя, Вячеславъ Мономаховичъ Туровскій, да въ добавокъ поднялъ на Волынь поляковъ. Трудно намъ приходилось; бросались мы то въ ту сторону, то въ другую, не хуже вотъ кабана, когда на него со всѣхъ сторонъ насядетъ собачья стая. Потрудились мы тогда хорошо за землю русскую. Пришли поляки, повоевали Волынь, а мы тогда воевали Туровскую волость. Бросили мы Туровъ, кинулись ихъ выгонять. Только-что выгнали, идутъ кіевскія силы, надо скакать имъ навстрѣчу. А другіе полки въ тоже время изъ Кіева вышли подъ Переяславль. Самъ Всеволодъ съ роднымъ братомъ Святославомъ пошли выгонять Андрея Мономаховича и послали сказать ему: «ступай въ Курскъ». Ну, князю Андрею никакъ нельзя было такой порухи принять всему роду, потому что Переяславль былъ столъ отцовскій и дѣдовскій, а Курскъ городъ молодой, область самая украинная, бѣдная. Отвѣчалъ Андрей Мономаховичъ: «Лучше мнѣ умереть съ дружиною на своей отчинѣ и дѣдинѣ, чѣмъ взять курское княженіе. Отецъ мой сидѣлъ не въ Курскѣ, а въ Переяславлѣ, и я хочу на своей отчинѣ умереть; если же тебѣ, братъ, мало волостей, мало всей Русской земли, а хочешь взять еще эту волость, то убей меня и возьми ее, а живой не пойду изъ своей волости. Это не въ диковину будетъ нашему роду, такъ и прежде бывало: развѣ Святополкъ не убилъ Бориса и Глѣба за волость? Но самъ долго-ли нажилъ? И здѣсь жизни лишился, да и тамъ вѣчно мучится». Кіевское войско было разбито, и Андрей гналъ его далеко. А почему сидѣлъ въ Смоленскѣ князь Юрій Мономаховичъ и не вмѣшался въ свалку, этого мы не знали: ему бы слѣдовало спуститься Днѣпромъ да и ударить на Кіевъ.

— Это дѣло очень простое,—отвѣчалъ епископъ:—князь

Юрій пришелъ въ Смоленскъ къ племяннику Ростиславу Мстиславичу и сталъ распоряжаться такъ, какъ слѣдуетъ дядѣ. Сына своего послалъ въ Новгородъ, звать новгородцевъ на кіевскаго Всеволода, а Новгородъ не пошелъ; на вѣчѣ сказали: разбирайтесь сами, какъ знаете. За бѣду такое непокорство стало князю Юрію Мономаховичу: осердился крѣпко и ушелъ назадъ въ Суздаль, чтобы наказать хорошенько новгородцевъ, ослабить ихъ и сбить съ нихъ гордыню. Отсюда онъ пошелъ и захватилъ у нихъ Торжокъ. А извѣстно, что безъ Торжка Новугороду житье плохое: неоткуда хлѣба взять. Ростиславъ Смоленскій тоже неохотно ему помогалъ; за Мстиславичей онъ былъ согласенъ драться, а не идти въ Кіевъ сажать дядю, котораго сыновья потомъ засядутъ въ Кіевѣ крѣпко, такъ что потомъ опять воюй, чтобы ихъ выгнать. Между Мономаховичами не было согласія, не было главы, потому и одолѣлъ Ольговичъ, такъ я думаю.

— Ну, да и Ольговичи не очень-то дружны между собой, — возражалъ бояринъ: — когда умеръ князь Андрей въ Переяславлѣ (1142 г.), а этому теперь вотъ ровно пять лѣтъ минуло, опять пошли споры. Переяславль, старшій столъ послѣ Кіева, приходится по порядку и старшему князю послѣ кіевскаго, тому, кто по смерти князя займетъ его мѣсто въ Кіевѣ. Если старшинство взяли Ольговичи, то Переяславль слѣдовалъ Святославу Ольговичу. А Всеволодъ перевелъ въ него Вячеслава Мономаховича, а его-то волость, Туровскую, отдалъ сыну своему Святославу. Ольговичи озлобились, стали говорить, что волости даетъ сыну, а братьевъ ничѣмъ не надѣлилъ И тутъ вышло Богъ знаетъ что: Ольговичи съ Давидовичами пошли къ Переяславлю, выгонять Вячеслава Мономаховича, а мы вышли изъ Владиміра тоже къ Переяславлю, бить ихъ за то, что они на Мономаховича нападаютъ. Тутъ мы ихъ такъ побили, какъ я и не видывалъ: руки рубить устали, мечъ послѣ того бросить пришлось. Въ тоже время

Ростиславъ Мстиславичъ со смоленскимъ полкомъ повоевалъ Черниговскую волость и выгналъ Ольговичей изъ Чернигова. Ну и мы пошли туда же, и выжгли все и по Деснѣ и подъ Черниговомъ. Сколько мы вывели оттуда скота, сколько плѣнныхъ и всякаго добра, такъ и не перечесть. Что на мою долю доставалось изъ плѣнныхъ, я не продавалъ, а еще прикупалъ, а въ ту пору они очень дешевы были; покойный отецъ хозяйничалъ тутъ, въ Кучковѣ; я ему тогда отослалъ пропасть народу, а онъ поставилъ хорошія села все около того же мѣста, гдѣ Яуза впала въ Москву-рѣку. Ты, владыко святой, какъ нибудь мимоѣздомъ навести мое Кучково: села хорошія, а какъ на горѣ храмъ Божій поставимъ, такъ это будетъ заглядѣнье...

— Заѣду, непремѣнно заѣду, бояринъ,—отвѣчалъ епископъ;—но скажи мнѣ, какъ же Изяславъ попалъ въ Переяславль, а оттуда на кіевскій столъ?

— Оттого попалъ,—сказалъ съ живостью бояринъ,—что Всеволодъ хитрая лисица. Вячеславу ужь очень не нравилось въ Переяславлѣ, потому что это безпокойное мѣсто: туда годился только такой орелъ, какъ нашъ Изяславъ Мстиславичъ. Опять же сыну своему Всеволодъ хотѣлъ дать хорошій, богатый городъ. И выдумалъ онъ Вячеслава воротить въ Туровъ, Изяслава въ Переяславль, а Владиміръ и очистился для сынка. Мы согласились на Переяславль, потому что наша дружина ко всякому воинскому дѣлу была привычна, на подъемъ легка: такъ счастливо подобрались молодцы, одинъ ловчѣе другаго. Съ княземъ Изяславомъ отступать намъ не приходилось, да, Богъ дастъ, никогда и не приведется. Ольговичи опять обозлились, стали попрекать старшаго брата, что онъ поблажаетъ шурьямъ своимъ Мстиславичамъ. Это, говорятъ, наши враги, а онъ осажался ими около, намъ на безголовье и безмѣстье, да и себѣ. А совсѣмъ онъ не былъ врагомъ Ольговичей; онъ былъ только другомъ самому себѣ. Такъ-то вотъ мы и жили,

ни съ кѣмъ не были въ дружбѣ, ни съ кѣмъ, кромѣ половцевъ, не воевали и ждали, пока князь Всеволодъ станетъ передъ Бога, отдавать отчетъ въ земныхъ дѣлахъ; а между тѣмъ слышно было, что у васъ тутъ на сѣверѣ была возня.

— Войны настоящей здѣсь, благодаря Бога, не было,— сказалъ епископъ; только Новгородъ все не могъ успокоиться. Князь Юрій старался поднять Новгородъ на Кіевъ; но лучшіе люди пересилили тогда и не пошли противъ Всеволода, какъ прежде съ Мономаховичами не хотѣли идти противъ Юрія. Такъ и сказали, чтобы князья раздѣлывались между собою сами, какъ умѣютъ. За это, какъ я тебѣ уже говорилъ, Юрій отнялъ у нихъ Торжокъ. Въ такой обидѣ новгородцы стали просить у кіевскаго князя и помощи, и брата его въ князья. Святославъ Ольговичъ поѣхалъ, однако выжилъ тамъ не долго: послалъ сказать брату: «Тяжко мнѣ, братъ, съ этими людьми, не могу съ ними жить; кого хочешь, того и пошли сюда». Обманнымъ, непохвальнымъ способомъ князь выманилъ изъ Новагорода нѣсколькихъ лучшихъ мужей и между ними Константина Микулинича, и въ Кіевѣ ихъ заковали въ цѣпи. Только это не помогло, и строптивые новгородцы стали мятежнѣе прежняго на вѣчахъ. За насилія Святослава стали бить его пріятелей; наконецъ рѣшили схватить и самого князя. Святославъ тихонько ночью убѣжалъ изъ Новагорода съ посадникомъ Якуномъ. На дорогѣ ихъ однако догнали, князя отпустили, а Якуна съ братомъ Прокопіемъ привели въ городъ и стали бить, чуть не убили до смерти, раздѣли до-нага и сбросили съ моста. Надо тебѣ сказать, что этотъ Якунъ послѣ жилъ здѣсь въ Суздалѣ и къ намъ въ монастырь хаживалъ усердно. Это человѣкъ необыкновенно тучный и въ тоже время громаднаго роста. Какими-то судьбами онъ не утонулъ, а прибрелъ къ берегу. Тутъ его бить больше не стали, а взяли съ него тысячу гривенъ, и обоихъ заслали въ Юрьевъ, за Чудское озеро, и руки имъ приковали къ шеѣ. Денегъ у нихъ

оставалось еще много, они подкупили стражу и бѣжали сюда къ намъ. Князь Юрій держалъ ихъ въ большой милости. Къ намъ же сюда бѣжали и другіе богатые люди, Судило, Нѣжато, Страшко и другіе. Пожили они у насъ, узнали на себѣ, каковъ князь Юрій, и стали по-немногу возвращаться на родину. А тамъ вѣтеръ въ головахъ немного перемѣнился, и жители, уставъ жить безъ князя, стали звать къ себѣ нашего князя. Самъ онъ не поѣхалъ, а послалъ сына своего Ростислава. Всеволодъ Ольговичъ на это очень разгнѣвался и, говорятъ, захватилъ все, что было Юрьево на югѣ, его городъ Городецъ на Острѣ, коней, рогатый скотъ, овецъ и всякое добро, и въ тоже время послалъ въ Новгородъ княжить третьяго Мстиславича Святополка и вмѣстѣ съ нимъ отпустилъ епископа новгородскаго и лучшихъ людей, которыхъ держалъ въ неволѣ. Ну, конечно, въ Новѣгородѣ безъ споровъ и дракъ не обошлось: сторона Ростислава Юрьевича отстаивала своего, сторона Святополка Мстиславича готова была рѣзаться за своего, пока наконецъ люди не рѣшили: Ростиславу указать путь изъ Новагорода. Но теперь, кажется, остается уже не много важныхъ событій до кончины Всеволода Ольговича?

— Да особенно важнаго ничего и не было, — отвѣчалъ бояринъ.—Только надо знать, что мы съ Кіевомъ жили мирно: вѣдь за кіевскимъ Всеволодомъ была родная сестра нашего князя, тоже Мстиславна. Поэтому мы вмѣстѣ съ кіевскими полками ходили воевать Галицкую волость: тоже, досталось полону и разнаго добра не мало, и все это у меня въ Кучковѣ скоплено. А тутъ вскорости Всеволодъ собрался помирать. Всѣ семь лѣтъ, пока онъ сидѣлъ въ Кіевѣ, манилъ онъ шурьевъ своихъ, и братьевъ родныхъ, двоюродныхъ и весь княжескій родъ разными обѣщаніями и посулами, а тутъ и сказалъ: «Мономахъ посадилъ на старшемъ столѣ послѣ себя сына своего Мстислава, а Мстиславъ брата своего Ярополка; такъ и я, если Богъ меня возьметъ, отдаю Кіевъ послѣ себя

брату своему Игорю». А когда воротились изъ галицкаго похода, онъ собралъ братьевъ и шурьевъ у себя на сѣняхъ, и началъ говорить: «Игорь, цѣлуй крестъ, что будешь любить братьевъ; а вы, Владимiръ, Святославъ и Изяславъ, цѣлуйте крестъ Игорю и будьте довольны тѣмъ, что вамъ дастъ по своей волѣ, а не по нуждѣ.» Въ прошломъ году, въ концѣ іюля мѣсяца, онъ разболѣлся, велѣлъ позвать къ себѣ лучшихъ кіевлянъ и сказалъ имъ: «Я очень болѣнъ, вотъ вамъ братъ мой Игорь, возьмите его къ себѣ въ князья». Тѣ согласились. Игорь вышелъ на площадь, и всѣ граждане цѣловали ему крестъ. Всеволодъ прислалъ къ намъ зятя своего, Болеслава Владиславича, королевича польскаго (за нимъ была Всеслава Всеволодовна, стало быть родная наша племянница) и велѣлъ спросить, стоитъ-ли онъ въ крестномъ цѣлованіи Игорю? Князь отвѣчалъ, что стоитъ. Перваго августа Всеволодъ умеръ, а черезъ день Кіевъ опять цѣловалъ крестъ Игорю. Съ горы, со двора Ярославова, народъ ушелъ ничего, какъ добрый, а потомъ опять собрался у Туровой божницы и послалъ звать князя Игоря Ольговича къ себѣ. Нашихъ, переяславскихъ, въ то время въ Кіевѣ было много, были они на площади съ народомъ и разсказывали все какъ было. Игорь выѣхалъ-было съ дружиною, но остановился и послалъ къ народу брата Святослава. Сталъ народъ жаловаться на тіуна кіевскаго Ратшу и на тіуна вышгородскаго Тудора; говорили: «Ратша погубилъ у насъ Кіевъ, а Тудоръ Вышгородъ; такъ теперь, князь Святославъ, цѣлуй крестъ намъ и съ братомъ своимъ, что если кого изъ насъ обидятъ, то ты разбирай дѣло.» Святославъ отвѣчалъ: «Я цѣлую крестъ за брата, что не будетъ вамъ никакого насилія, будетъ вамъ и тіунъ по вашей волѣ». Сошелъ съ лошади и цѣловалъ крестъ на вѣчѣ. Послѣ того Святославъ взялъ лучшихъ людей, поѣхалъ съ ними къ Игорю и сказалъ ему: «Братъ! я поклялся имъ, что ты будешь судить ихъ справедливо и любить.» Игорь сошелъ съ лошади и цѣловалъ крестъ на всей ихъ

волѣ и на братней, а потомъ поѣхалъ съ братомъ обѣдать. Ему бы только Ратшу и Тудора тутъ же и смѣнить, а онъ за обѣдъ сѣлъ съ ними: такъ и проѣлъ кіевскій столъ. Онъ обѣдаетъ, а народъ грабитъ дворъ тіуна Ратши, грабитъ и дворы мечниковъ княжескихъ. На другой день прискакали къ намъ въ Переяславль гонцы отъ лучшихъ гражданъ, а также отъ тысяцкаго Улѣба, отъ боярина Ивана Войтишича, и всѣ говорятъ одно: «Поди, князь, къ намъ, хотимъ тебя», это значитъ Изяслава зовутъ княжить въ Кіевѣ. Сборы у насъ недолги, только и всего, что коней осѣдлать. Пошли. Отъ Переяславля до Кіева день ходу, а дорогой все гонцы, да гонцы намъ на встрѣчу, и всѣ говорятъ: «Ты нашъ князь, Ольговичей не хотимъ, ступай скорѣе, а мы съ тобою». Другіе послы говорили: «Ты нашъ князь, ступай, не хотимъ переходить къ Ольговичамъ по наслѣдству; гдѣ увидимъ твой стягъ, тамъ и мы будемъ съ тобою.» Тогда въ степи князь Изяславъ собралъ около себя войско и дружину и сказалъ: «Братья! Всеволода я считалъ по правдѣ братомъ старшимъ, потому что старшій братъ и старшей сестры моей мужъ мнѣ какъ отецъ; а съ Игоремъ какъ меня Богъ управитъ и сила крестная: либо голову свою сложу передъ вами, либо достану столъ дѣдовскій и отцовскій!» И сколько въ этотъ день было къ намъ пословъ, такъ не перечесть. Бояре прислали сказать: «Ступай, князь, скорѣе, Давидовичи идутъ Игорю на помощь!» Опять бояре прислали сказать: «Ступай, князь! Мы уговорились съ кіевлянами: бросимъ стягъ Ольговича и побѣжимъ съ полкомъ своимъ въ Кіевъ!» Подошли мы подъ Кіевъ и стали возлѣ Надова озера, а кіевляне стояли особо, у Олеговой могилы. Кіевляне опустили свой стягъ, и отъ насъ къ нимъ поѣхалъ нашъ тысяцкій съ своимъ стягомъ; нашъ же отрядъ заѣхалъ къ Золотымъ воротамъ и подъ огородами захватилъ обозъ Игоря. Тысяцкій Улѣбъ съ Иваномъ Войтишичемъ побросали стяги и поскакали къ Жидовскимъ воротамъ,

стало быть прочь отъ сраженія. Однако Игорь съ братомъ Святославомъ и съ племянникомъ Святославомъ Всеволодичемъ хотѣли еще драться, но пошли верхомъ вокругъ Надова озера, попали между двухъ канавъ изъ озера и изъ сухой Лыбеди; просто, хоть руками ихъ бери. Побѣжали. Игорь заѣхалъ въ болото, конь подъ нимъ увязъ, а идти онъ не могъ, потому что былъ боленъ ногами, братъ Святославъ ушелъ на Днѣпръ, на самую Десну, а племянникъ Святославъ—въ Кіевъ.

Въѣхали мы въ Кіевъ съ великою славою и честью; народу вышло навстрѣчу видимо-невидимо; изо всѣхъ церквей и монастырей духовенство въ ризахъ; пріѣхалъ князь прямо къ Св. Софіи, поклонился Богородицѣ и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ. Привели къ нему Святослава Всеволодовича; назвалъ его роднымъ своимъ племянникомъ и началъ возить его подлѣ себя. Бояръ, которые тянули за Ольговичей, похватали много, однако выпустили, взявши окупъ. На четвертый день достали изъ болота Игоря, заковали и посадили въ Переяславскій Ивановскій монастырь. Дворы дружины и бояръ пограбили, села, скотъ, много имѣнія побрали. И все это сдѣлалось почти-что въ одну недѣлю. Къ Успеньеву дню мы спокойно сидѣли въ Кіевѣ, какъ-будто Всеволода Ольговича не бывало, и кіевскій столъ перешелъ къ намъ прямо отъ отца. Но князь Вячеславъ Мономаховичъ, старшій дядя, знать не хотѣлъ того, что сдѣлалось въ Кіевѣ, считалъ себя великимъ княземъ, захватилъ Владиміръ-Волынскій и посадилъ въ немъ племянника Владиміра, сына Андрея Мономаховича Переяславскаго. Намъ нельзя было этого позволить, пошли войной, взяли Туровъ, захватили епископа Іоакима и посадника Жирослава, и посадили тамъ сына Ярославова, а старшаго сына посадили въ Переяславлѣ. Это была великая обида для Мономаховичей, Вячеслава и Юрія; обидѣлись тоже Мстиславичи, братья нашего князя, опять-таки потому, что наслѣдники послѣ Изяслава они; ис-

пугались Давидовичи въ Черниговѣ, потому что Святославъ Ольговичъ, потерявъ все въ Кіевѣ, хотѣлъ домогаться Черниговской волости. Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла, когда отецъ прислалъ мнѣ гонца, съ вѣстью, что онъ расхворался и велитъ мнѣ ѣхать къ нему на Москву. Тогда я подумалъ, что отецъ можетъ еще поправиться, и князя Изяслава, моего благодѣтеля, въ такое трудное время покинуть не рѣшился: самъ-же отецъ твердилъ мнѣ съ малолѣтства, что кто не помнитъ стараго добра, тотъ хуже всякаго паршиваго пса, котораго хозяинъ долженъ вышвырнуть вонъ. Я и остался. Поступилъ я невыгодно, я знаю, но я долженъ былъ такъ поступить. Говорятъ, что князь Юрій Мономаховичъ крѣпко золъ на племянника, на великаго князя Изяслава, стало быть долженъ держать сердце и на всѣхъ его помощниковъ. Меня онъ довольно хорошо знаетъ, можетъ быть слыхалъ обо мнѣ что-нибудь хуже того, что есть, такъ ты, владыко святой, научи меня, какъ бы мнѣ съ нимъ встрѣтиться не супротивникомъ. Зла ему я не желаю, и если честно служилъ его старшему брату, а потомъ его племяннику, такъ здѣсь прямаго грѣха еще нѣтъ...

— Видишь-ли что, бояринъ, — отвѣчалъ, нѣсколько подумавъ, епископъ; — это дѣло трудное, и право не знаю, какъ тутъ повернуться поумнѣе. Я не могу порицать тебя за то, что ты честно служилъ тому, кому служить взялся. Вѣрность присягѣ есть дѣло чистой, безукоризненной совѣсти, и князь Юрій умѣетъ это цѣнить, но не всегда. Послѣ исповѣди, вскорѣ послѣ причастія князь оцѣнилъ бы это по заслугѣ, а въ другое время, боюсь я, не взглянулъ-бы онъ на это иначе, не видѣлъ-бы онъ въ тебѣ только врага, или помощника и любимца вражескаго. Такъ князь Изяславъ, ты говоришь, укрѣпился въ Кіевѣ и сидитъ прочно?

— Я оставилъ его три недѣли тому назадъ въ добромъ здоровьѣ,—отвѣчалъ бояринъ,—и, сколько видно было, не

было у него особенно сильныхъ враговъ, хотя на лѣтній походъ войско готовилось, и я обѣщалъ, справившись здѣсь, вернуться вскорѣ. Святославъ Ольговичъ, братъ заключеннаго въ оковы Игоря Ольговича, послѣ вступленія нашего въ Кіевъ, съ малою дружиною прибѣжалъ въ Черниговъ и послалъ спросить двоюродныхъ братьевъ, Давидовичей, хотятъ-ли они сдержать клятву, данную Игорю? Тѣ отвѣчали, что хотятъ, а когда онъ поѣхалъ въ Курскъ и въ Новгородъ-Сѣверскій брать крестное цѣлованіе у своихъ людей; Давидовичи испугались, не сталъ-бы онъ ихъ выгонять изъ Чернигова, и послали сказать Изяславу: «Игорь какъ до тебя былъ золъ, такъ и до насъ: держи его крѣпко»; а Святославу послали сказать: «Ступай прочь изъ Новгорода-Сѣверскаго въ Путивль, а отъ брата Игоря отступись.» Святославъ на это отвѣчалъ: «Не хочу ни волости, ни чего другаго, только отпустите мнѣ брата.» Къ князю Юрію сюда послалъ просить помощи, чтобы сыскать ему брата. Къ половецкимъ князьямъ послалъ: они ему дяди по женѣ. Тѣ прислали войско; пришелъ князь муромскій, пришелъ Иванъ Васильковичъ, изъ галицкихъ князей, по прозванію Берладникъ. Надо было идти на Новгородъ-Сѣверскій. Сильно прижали мы тутъ Святослава, бились цѣлый день до самаго вечера, въ самыхъ воротахъ; послѣ отступили къ селу Мелтекову, и оттуда въ лѣсу, на рѣкѣ Рознѣ, захватили однѣхъ лошадей Игоря и Святослава до четырехъ тысячъ головъ, а другаго скота, и и счесть нельзя. Хлѣбъ и дворы по селамъ выжгли зачисто. Говорятъ, что князь Юрій здѣшній собрался-было на насъ ударить, еслибъ изъ Рязани не напалъ на Суздальскую область князь Ростиславъ Ярославичъ.

— Къ Святославу въ помогу пошелъ только второй сынъ Юрія, Иванъ, — сказалъ епископъ: — Святославъ далъ ему Курскъ съ городками по рѣкѣ Сейму: видно, все отдавалъ добрый братъ, только-бы освободить брата.

31*

— Какъ же можно было Игоря выпустить? — возразилъ бояринъ: — ему Кіевъ присягалъ, и еслибы только дать ему волю, то намъ въ самомъ Кіевѣ не было-бы житья. Стало однако такъ тѣсно Святославу, что онъ ушелъ въ лѣсную землю, въ Корачевъ, а намъ тогда сдался городъ Путивль. Никому не хотѣли сдаться граждане Путивля, только Изяслава и ждали: какъ мы подошли, такъ они и вышли навстрѣчу. Мы посадили у нихъ своего посадника. За Святославомъ погнался-было къ Корачеву Изяславъ Давидовичъ, да былъ разбитъ; подошла наша дружина, тогда онъ убѣжалъ. Ночевали мы въ тотъ день въ лѣсу, недалеко отъ Корачева. Князь Изяславъ Мстиславичъ на другой день созвалъ къ себѣ въ шатеръ Давидовичей и сказалъ имъ: «Какихъ хотѣли вы волостей, я вамъ добылъ. Вотъ вамъ Новгородъ-Сѣверскій и всѣ Святославовы волости; что же будетъ въ этихъ волостяхъ Игорево — рабы или товаръ какой, то мое; а что будетъ Святославовыхъ рабовъ и товара, то раздѣлимъ на части.» Такъ и урядились, и пошли мы изъ-подъ Корачева въ Кіевъ. Приходимъ и слышимъ, что Игорь Ольговичъ сильно разболѣлся въ тюрьмѣ. Это уже всегда такъ бываетъ, что человѣкъ въ тюрьмѣ здоровъ не живетъ, а у него же и до тюрьмы болѣли ноги. Прислалъ онъ сказать князю Изяславу: «Братъ! я очень болѣнъ и прошу у тебя постриженія. Хотѣлъ я этого, когда еще былъ княземъ, а теперь, въ нуждѣ, я сильно разболѣлся и не думаю, что останусь въ живыхъ.» Изяславъ велѣлъ ему сказать: «Если была у тебя мысль о постриженіи, то ты воленъ; а я тебя и безъ того выпускаю для твоей болѣзни.» Разобрали верхъ тюрьмы, потому что онъ сидѣлъ строго, безъ дверей, и подняли больнаго вверхъ на веревкахъ. Въ неволѣ онъ лежалъ восемь дней, не пилъ и не ѣлъ ничего, и вдругъ стало ему легче. Понемногу всталъ и постригся въ схиму въ кіевскомъ Ѳедоровскомъ монастырѣ. Мы сидѣли дома и готовились къ лѣтнему походу, а въ землѣ

Сѣверской безъ насъ уже Давидовичи рѣзались съ Ольговичами...

— Да, всю зиму была война, — замѣтилъ епископъ: — бѣлозерская дружина пришла на помощь Святославу Ольговичу, умеръ у нихъ тамъ сынъ нашего князя, Иванъ Юрьевичъ. Мѣсяца полтора тому назадъ самъ князь Юрій пошелъ въ область Новгородскую, слышно, что опять захватилъ Торжокъ и земли по Мстѣ, а Святославъ разоряетъ Смоленскую землю... И денно и нощно молю Господа Бога, чтобы это разореніе и кровопролитіе кончились; умоляю и князя Юрія пощадить ни въ чемъ неповинныхъ христіанъ; но видно Богу еще не угодно облегчить страданія Русской земли... Ну, благодарю тебя, бояринъ, за долгую бесѣду, хотя она была и не радостна. Она была даже страшнѣе, чѣмъ я ожидалъ; въ ней я увидѣлъ столько крови и разоренія, что, право, не думалъ прежде, чтобы столько крови и имѣнія оставалось еще въ бѣдной, растерзанной землѣ... Да, да, да! Когда епископа Іоакима въ Туровѣ захватили, то какъ держали его въ Кіевѣ: съ дверью тюрьма была или безъ двери?

— О, епископъ жилъ въ монастырѣ, — отвѣчалъ бояринъ, — какъ ему было угодно... Ну, конечно, была стража... Какъ же, однако, владыко святой, ты думаешь мнѣ подойти къ князю Юрію?

— А я такъ думаю, — отвѣчалъ епископъ; — что ему тоже надобны храбрые витязи, опытные воеводы, какъ и всякому другому князю. Передайся къ нему на службу...

— Хорошо, — отвѣчалъ задумчиво бояринъ; — но вѣдь онъ можетъ завтра-же, не дальше, послать меня противъ князя Изяслава, противъ Кіева?...

— Правда, что это не совсѣмъ тебѣ ловко будетъ, — сказалъ епископъ. И какъ они вмѣстѣ ни раздумывали, ничего дѣльнаго не могли придумать. Бояринъ, въ нерѣшимости,

ушелъ, и такъ какъ князя Юрія въ Суздалѣ не было, то онъ рѣшился ѣхать пока домой.

А между тѣмъ, пока онъ ѣхалъ изъ Суздаля, на Москвѣ-рѣкѣ, въ его усадьбѣ, происходили вещи вовсе неожиданныя.

Князь Юрій съ дружиною, возвращаясь во-свояси, послалъ звать князя Святослава, разорявшаго Смоленскую область, къ себѣ на свиданіе, на Москву-рѣку, къ Мячкову перевозу. Проходя по берегу рѣки, которая сильно подтаивала, но еще крѣпко держала свой ледъ, онъ замѣтилъ близъ устья Яузы на высокой горѣ новенькій, веселенькій теремъ. Половина его была въ два жилья, а на верхнемъ жильѣ вышка въ четыре свѣта.

— Чей такой теремъ? — спросилъ онъ окружающихъ.

Никто не зналъ. Тогда онъ послалъ одного изъ своихъ отроковъ достать языка, и привели ему ключника Заруба. Тотъ объяснилъ подробно и кто хозяинъ, и гдѣ онъ, и князь Юрій немало удивился.

— Поѣдемъ!—сказалъ онъ:—посмотримъ жилье чужаго боярина въ нашей берлогѣ! Ну, хитрецъ! Выбралъ самое что ни есть глухое мѣсто, и какъ расчистилъ!... Гора крута, хорошая гора; ужь не хочетъ-ли племянничекъ Изяславъ здѣсь городъ срубить? Не подослалъ-ли онъ этого боярина съ масляными словами, какъ покойникъ князь Всеволодъ?

Взобравшись на гору, князь Юрій такъ и ахнулъ: — Да это самое красивое мѣсто во всей моей волости! Даль-то какая! Красота неописанная, небывалая! Гора такъ хороша, что городу здѣсь быть надобно: такой я кремль на ней поставлю, что Изяславъ настоится подъ нимъ десять лѣтъ, а не возьметъ. Ай да бояринъ Кучка! Вотъ удружилъ! И теремъ порядочный поставилъ, хоть-бы и нашему брату въ немъ пожить! Лѣсу кругомъ много, тынъ поспѣетъ въ двѣ недѣли; кстати городокъ на Мячковомъ перевозѣ становится ветхъ. Посмотримъ, каковы-то хоромы внутри.

— Чей такой теремъ? спросилъ князь Юрій окружающихъ.

Онъ направился къ дому, и въ тоже время на крыльцѣ показалась красивая молоденькая, худенькая дѣвушка съ караваемъ хлѣба на серебряномъ блюдѣ. Она была въ парчевой душегрейкѣ, въ шелковомъ сарафанѣ, въ башмакахъ, низаныхъ крупнымъ жемчугомъ, и въ богатой жемчужной повязкѣ. Низко поклонившись, она сказала: «Добро пожаловать, князь великій. Прости, что встрѣчаетъ тебя дѣвушка: отецъ мой поѣхалъ въ твой стольный городъ, бить тебѣ челомъ, и меня оставилъ здѣсь хозяйкой.»

— Не囗 дуракъ твой отецъ, красавица,—сказалъ князь,—что оставилъ такую хозяйку. Покажи-ка мнѣ свои хоромы, хозяюшка... А это что за ребята, молодцы такіе?

— Это мои братья родные, Петръ и Екимъ, будущіе твои слуги, князь великій.

Князь взглянулъ на нее черезъ плечо и сказалъ: «Отецъ твой ждалъ меня? Наказывалъ тебѣ, что говорить? Сказывай, дѣвочка!»

Боярышня Устинья покраснѣла, потупилась и отвѣчала: «У меня, князь, и свои слова есть, не во гнѣвъ твоей милости.»

Князю Юрію такъ понравились хоромы и особенно мѣстность Кучкова села, что онъ послалъ гонца на Мячковъ перевозъ звать гостей къ нему, въ Кучково. Прежде всѣхъ пріѣхалъ Олегъ Святославичъ и привезъ князю Юрію въ подарокъ великолѣпную барсову шкуру. За нимъ пріѣхалъ Святославъ Ольговичъ, и князь Юрій поздоровался съ нимъ дружески. Началось пированье, и боярышня Устинья ушла въ свой теремъ, хотя молодой князь Андрей Юрьевичъ и уговаривалъ ее остаться.

На другой день заготовленъ былъ пиръ на всю дружину, для своихъ и для гостей. Съ утра князь Юрій ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ и видимо обдумывалъ что-то непріятное. Онъ хорошо зналъ боярина Кучку, который былъ пра-

вою рукою князя Изяслава; онъ зналъ, что если Кучка перейдетъ къ нему на службу, то это будетъ выгодно; но въ случаѣ войны съ Кіевомъ онъ будетъ ненадеженъ. Что съ нимъ дѣлать? Куда его дѣвать? Такіе трудные вопросы въ тѣ суровыя времена рѣшались очень просто. Князь Юрій позвалъ довѣреннаго боярина, велѣлъ ему взять человѣкъ десять отроковъ и тотчасъ ѣхать навстрѣчу боярину Кучкѣ: если встрѣтятъ дорогой, убить и запрятать такъ, чтобы никто ничего не узналъ; если застанутъ въ Суздалѣ, убить-же и зарыть въ тюрьмѣ. Послѣ этого распоряженія князь весело пировалъ, угощалъ гостей и дарилъ имъ разныя рѣдкости изъ своей казны. Это было 28 марта 1147 года.

Боярышня Устинья очень безпокоилась объ отцѣ. Старый князь Юрій ласкалъ ее, утѣшалъ, и предложилъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Суздаль, захвативъ и братьевъ. Только-что они выѣхали, какъ вокругъ усадьбы Кучковой стали рубить лѣсъ и въ скоромъ времени дворъ былъ окруженъ на далекое разстояніе высокимъ частоколомъ изъ толстыхъ бревенъ. Это былъ Кучковъ городъ на Москвѣ, а потомъ онъ сталъ называться просто Москвою.

Устинья Степановна года черезъ три вышла замужъ за князя Андрея Юрьевича.

Ея братья были впослѣдствіи великими боярами.

11.

УЛИТА КУЧКОВА.

(1147—1174 г.)

Въ 1147 году городъ Суздаль былъ первымъ городомъ въ Ростовской землѣ. Молодъ онъ былъ и новъ въ сравненіи съ стариннымъ Ростовомъ, съ великимъ Ростовомъ, гдѣ отдыхалъ самъ князь Рюрикъ; но времена перемѣнчивы, старое старится, молодое ростетъ. Старики, остававшіеся въ Ростовѣ, горько роптали на то, что нынче времена становятся трудныя, что никто знать не хочетъ старины, стариковъ не уважаютъ, пошли новшества. На что почтеннѣе старины Ростова, стольнаго города Ростовской земли, а князь Юрій Мономаховичъ все перемѣнилъ, все передѣлалъ, и стольнымъ городомъ сталъ молодой Суздаль. Старику Ростову приходится теперь кланяться передъ молодымъ Суздалемъ; да нѣтъ, старинное ростовское боярство не легко склоняетъ свою крѣпкую спину: и длинный рядъ годовъ не очень-то горбитъ эти непокладныя спины, и гордыя головы старинныхъ бояръ ни передъ кѣмъ не нагибаются на вѣчахъ. Люди все новые пошли въ Суздалѣ; старинные слуги Ростовской волости, которые скрѣпляли ее своими тяжелыми мечами, угрюмо доживали свой вѣкъ въ старинномъ стольномъ городѣ, а ихъ дѣти и внуки начинаютъ службу въ младшемъ городѣ съ ма-

лыхъ должностей. По настоящему, Суздаль былъ пригородомъ Ростова, и встарину стоялъ, бывало, на томъ, что стольный городъ постановитъ; а теперь—нѣтъ! Пригородомъ становится старинный городъ, и приходится ему стоять въ томъ, что положатъ молокососы въ новомъ стольномъ городѣ...

Недовольны были старинные ростовскіе бояре, когда князь Юрій понемногу вовсе оставилъ свою старую столицу и началъ обстраивать Суздаль. Храмъ соборный поставилъ о пяти верхахъ; себѣ хоромы поставилъ такіе, что глазомъ не окинуть: все нижнее жилье усажено окнами и свѣту пущено много, а въ окнахъ все слюда заморская листами большими вставлена и вмазана. Пузыри остались только въ верхнемъ жильѣ, а нижнее какъ жаръ горитъ, когда солнце заходитъ и отражаетъ свои красные лучи въ листовомъ окнѣ. Стѣны изукрашены рѣзьбою и дорогими красками въ клѣтки: клѣтка зеленая, клѣтка желтая, клѣтка красная, клѣтка синяя, и такъ все въ перемежку, и выходитъ въ узоръ, а на косякахъ у оконъ пущенъ цвѣтъ шиповникъ. Дворовъ много наставлено для княжескихъ дѣтей. Старшему сыну Ростиславу князь не даетъ княжества, прочитъ его на кіевскій столъ, а жить ему гдѣ-нибудь надо, и поставили ему въ Суздалѣ богатый дворъ. Опять сыну Ивану дворъ поставили, сыну Андрею, сыну Васильку, всего на одиннадцать молодцовъ по двору поставили съ конюшнями, съ поварнями, съ пекарнями, съ медушами и со всякимъ хозяйственнымъ угодьемъ. Три дочери тоже было у князя Юрія; тѣхъ держали на большомъ теремномъ дворѣ, пока замужъ не вышли. Зато-же княжескому терему и дѣлались пристройки, одна возлѣ другой, а дворы особые стали ставить послѣ. Мало-по-малу Суздаль выросъ такъ, что старый Ростовъ ему теперь и до плеча не достанетъ.

Всякій разъ, когда князь возвращался изъ похода, привозились плѣнные: виноватые разсаживались по тюрьмамъ,—

однѣхъ тюремъ сколько надо было!—а ни въ чемъ неповинныхъ, особенно если попадался кто изъ чистыхъ, изъ лучшихъ, князь любилъ держать при себѣ. Такъ изъ послѣдняго новгородскаго похода онъ привезъ съ собой троихъ дѣтей, дѣвочку лѣтъ четырнадцати, Улиту, лѣтъ двѣнадцати братишку ея Петрушу и младшаго, Якима, по одиннадцатому году. Отца ихъ, боярина Кучку, онъ велѣлъ убить, потому что не любилъ его и никакъ не могъ придумать другаго способа съ нимъ раздѣлаться. Дѣвочка была не по лѣтамъ умна, ни свѣта, ни людей не знала, и потому долго не могла повѣрить, что отецъ ея убитъ: она все ждала, что вотъ–вотъ онъ вернется, приголубитъ ее, приласкаетъ, успокоитъ. Князь Юрій полюбилъ дѣвочку; онъ строго наказалъ, чтобы никто никогда не проговорился при ней, какъ ея отецъ умеръ; но такого дѣла надолго скрыть нельзя. Она все поджидала отца, все разспрашивала, и даже нарочно посылала людей на Москву-рѣку узнать, что тамъ дѣлается, не тамъ-ли отецъ, не болѣнъ-ли, и что о немъ слышно. Но люди возвращались съ Москвы изъ села Кучкова, и разсказывали, что усадьбы Кучковой теперь не узнать, что новый теремъ, построенный дѣдомъ, обведенъ со всѣхъ сторонъ большимъ глубокимъ рвомъ, что доступъ отъ рѣки сдѣланъ круче прежняго, а на валу поставленъ крѣпкій высокій частоколъ, такъ что усадьба очутилась въ срединѣ крѣпкаго города. Слобода Кучково, что стояла вдоль дороги, рвомъ и валомъ разсѣчена пополамъ, одна половина осталась въ городѣ, а другая подъ городомъ. Въ теремѣ кучковскомъ живетъ теперь воевода Нечай, рвы копаетъ, валы насыпаетъ, какъ-будто завтра ждутъ войны, а съ Мячкова перевоза переѣзжаетъ въ новое мѣсто, подъ городъ Москву, всякій торговый людъ и мѣсто стало гораздо люднѣе прежняго: отъ Богородска дорога въ Смоленскъ пойдетъ теперь на Москву и князь велѣлъ рубить просѣку прямую. Про боярина Степана Иваныча идетъ слухъ,

что онъ, по приказу князя Юрія, убитъ на дорогѣ, недалеко отъ своей усадьбы, и зарытъ въ яму; но по строгому наказу князя объ этомъ строго приказано молчать. Улита Степановна стала бояться князя Юрія больше прежняго, накипала на ея сердечкѣ нелюбовь сильная къ князю; но она все хотѣла узнать дѣло вѣрнѣе. И вотъ отыскала она еще человѣка, старика нищаго, дала ему двѣ крупныя жемчужины за вѣрную службу и велѣла доподлинно разузнать, что сдѣлалось съ ея отцомъ, и донести ей подробно. Старикъ повертѣлъ въ рукахъ жемчужины, посмотрѣлъ на нихъ такъ, какъ-будто зналъ въ нихъ толкъ, и подалъ ихъ назадъ боярышнѣ.

— Что-же? — сказала она со слезами на глазахъ старику: — Или ты не хочешь мнѣ службы сослужить? Не хочешь сироту утѣшить вѣстью объ отцѣ? Если такъ, Богъ съ тобой!...

— Не то, боярышня, не то! —отвѣчалъ нищій. —А то, что всякій знаетъ, что ты спрашиваешь, да не смѣетъ тебѣ сказать: князь Юрій запретилъ, строго-на-строго приказалъ, чтобы ты вѣкъ свой не узнала про отца. Стало быть, если я возьму твой дорогой подарокъ, то я тебя все равно, что ограблю. Я, слава Богу, честный нищій, живу Христовымъ именемъ, мірскимъ подаяніемъ, стало быть жизнь моя угодна Богу, и лгать мнѣ не приходится, а тебя, сироту, обирать— грѣхъ великій. Купцу отдай этотъ жемчугъ, купцу, что торгуетъ и всякимъ товаромъ, и рабами христіанами, — тотъ продастъ тебѣ то, что всѣ знаютъ; а мнѣ нуженъ только ломоть хлѣба, да и то не простой, а поданный ради Господа нашего Іисуса Христа. На твои жемчужины можно купить восемь, или даже двѣнадцать кадей хлѣба; я ихъ, можетъ, и не доѣмъ весь свой вѣкъ, а что-же тогда съ Христовымъ-то именемъ будетъ? Какъ же я его стану на каждомъ шагу напоминать христіанамъ?... Не жди ты, боярышня, своего отца, не встанетъ онъ, не поднимется изъ сырой земли, не при-

детъ приласкать дочку милую, погладить головку русую. Ты вправду сиротинка круглая, а какъ что было—не спрашивай.

Сжалось сердечко у круглой сиротки, но слеза не показалась на сухихъ глазахъ. Недобромъ сверкнули ея красивые глазки, когда она взглянула въ покраснѣвшія очи старика и сердито сказала:—Говори мнѣ всю правду, старикъ! Князь Юрій его убилъ?...

— Голубушка, боярышня!—отвѣчалъ нищій:—не все-ли тебѣ равно, кто его убилъ? Твой гнѣвъ ничего тутъ не поправитъ, не воротитъ прошлаго! Гнѣвомъ сверкаютъ твои глазки, да не боится твоего гнѣва старый сычъ. Онъ заклевалъ твоего сокола яснаго, а тебя, голубку, норовитъ выдать за своего сыченка, за Андрея. Такъ я тебѣ дамъ вотъ какой совѣтъ по твоему сиротству... Самъ я встарину видалъ эти княжескія дѣла вблизи... Смирись, моя голубка, смирись, покорись, и виду не подавай, что ты знаешь; а потомъ, какъ станешь княгиней на Суздалѣ, тогда... Охъ, знаю я, старый, какъ много можетъ княгиня, любимая мужемъ, какъ она цѣлымъ свѣтомъ поворотить можетъ, а если у нея душа, какъ у тебя, закалена сиротствомъ, а потомъ жизнью въ тѣсныхъ суздальскихъ тискахъ, то она сдѣлаетъ свое дѣло — не мытьемъ, такъ катаньемъ. Великая это сила — женская сила, особенно когда у женщины душа крѣпкая, а умъ некупленый. Ты, сиротинка, что думаешь, то сама знай, никому не сказывай, и станешь ты изъ людей дѣлать что тебѣ надобно, только не гладь ихъ противъ шерсти. А помощники у тебя будутъ: выростутъ два братца, два сокола. Держи ихъ отъ себя подальше, а глазъ не спускай. Прощай-же, голубушка боярышня! Не забывай и насъ, нищую братію, мы тоже тебѣ поможемъ своими молитвами, а кто знаетъ? Можетъ быть и дѣломъ.

Нищій ушелъ, и дѣвушка осталась въ глубокомъ раздумьѣ. Поплакала она, но скоро перестала; въ тѣ суровыя времена

дѣвицы не умѣли долго плакать: съ малолѣтства онѣ успѣвали насмотрѣться на все, привыкнуть ко всему, и сердце въ нихъ было сурово. За то-же, если онѣ что-нибудь или кого-нибудь любили, то любили крѣпко, не по нынѣшнему. Боярышня Улита любила прежде всего братьевъ, а потомъ свое милое Кучково на Москвѣ, какъ память о любимомъ отцѣ.

Князь Юрій, между тѣмъ, нимало не упрекалъ себя въ смерти боярина Степана Кучки. Бояринъ этотъ служилъ южнымъ князьямъ и въ глазахъ сѣвернаго князя былъ врагомъ сѣвера. Юрій Мономаховичъ принялъ къ себѣ дѣтей убитаго боярина съ твердымъ намѣреніемъ заступить имъ мѣсто отца, а если усадьбу ихъ взялъ себѣ и строилъ вокругъ нея городъ, то онъ ни на минуту не сомнѣвался, что имѣлъ на это полное право. Развѣ не онъ былъ хозяиномъ всей Суздальской земли? Развѣ онъ долженъ у кого-нибудь спрашиваться, какъ распоряжаться своею землею? Развѣ не княжеское дѣло: рѣшать, которое мѣсто выгодно для обороны, стало быть для постройки города?

Терпѣливо пережидалъ онъ, чѣмъ кончатся кровавыя смуты на югѣ, гдѣ родной племянникъ его Изяславъ, князь кіевскій, воевалъ съ черниговскими князьями, своими двоюродными братьями.

— Разоряйте, ребятушки, другъ друга, — говорилъ онъ про себя, — а какъ ослабѣете, я на васъ и насяду.

Наконецъ Изяславъ сталъ вовсе одолѣвать, разграбилъ много черниговскихъ городовъ и селъ, такъ что Давидовичи съ Ольговичами послали просить помощи суздальскаго князя. Они велѣли сказать ему: «Ты крестъ цѣловалъ, что пойдешь съ нами на Изяслава, и не пошелъ; а Изяславъ пришелъ, за Десною города наши пожегъ и землю повоевалъ; а ты ни къ намъ не пошелъ, ни на Ростислава не наступилъ; теперь, если хочешь идти на Изяслава, такъ ступай, и мы съ тобою; если же не пойдешь, то мы будемъ правы въ крест-

номъ цѣлованіи: нельзя намъ однимъ гибнуть отъ рати». На это Юрій отвѣчалъ, что онъ собираетъ войско и скоро будетъ; но посланные, разузнавъ подъ рукою, какъ успѣшно собирается войско, повезли домой пустое обѣщаніе и прибавили, что рати никакой не готовится. Тогда черниговскіе князья запросили мира, послали къ Изяславу Мстиславичу сказать: «То бывало и прежде при дѣдахъ и при отцахъ нашихъ: миръ стоитъ до рати, а рать до мира. Не жалуйся на насъ, что мы первые встали на рать: жаль намъ было брата нашего Игоря; мы только того и хотѣли, чтобы ты выпустилъ его; а такъ какъ теперь онъ убитъ, пошелъ къ Богу, гдѣ и всѣмъ намъ быть, то Богъ всѣхъ насъ и разсудитъ, а здѣсь намъ до какихъ поръ губить Русскую землю? Какъ-бы намъ уладиться?» Изяславъ переслался съ братомъ Ростиславомъ смоленскимъ и согласился на миръ и послалъ къ черниговскимъ бѣлгородскаго епископа Ѳеодора и печерскаго игумена Ѳеодосія съ боярами, сказать имъ: «Вы мнѣ крестъ цѣловали, что вамъ брата Игоря не искать, но клятву свою нарушили и много надѣлали мнѣ досадъ; но теперь я все это забываю для Русской земли и христіанъ. Если вы сами ко мнѣ прислали просить мира, и раскаяваетесь въ томъ, что хотѣли сдѣлать, то цѣлуйте крестъ, что оставляете всякую вражду за Игоря, и не задумаете впередъ того, что прежде хотѣли сдѣлать со мною». Заключили миръ, поцѣловали съ обѣихъ сторонъ крестъ блюсти Русскую землю, быть всѣмъ за одинъ братъ.

Услышавъ объ этомъ мирѣ, князь Юрій крѣпко разгнѣвался. Никакъ онъ не ожидалъ, что дѣло устроится такъ скоро: черниговскіе князья были присяжными друзьями суздальскаго князя, а съ этимъ миромъ онъ ихъ терялъ и становился одинъ-одинехонекъ, безъ союзниковъ, въ далекомъ сѣверномъ углу великой Русской земли. Какъ тутъ быть? Теперь наступила самая пора принять рѣшительныя мѣры. Надо было или

поскорѣе перессорить южныхъ князей, или прямо идти на нихъ войною. Созвалъ князь бояръ, и сталъ думать съ ними думу. Съ боярами, конечно, сидѣли и княжескіе сыновья, старшій Ростиславъ, третій сынъ Андрей (второй, Иванъ, умеръ за годъ передъ тѣмъ), четвертый Василько, пятый Михаилъ, шестой Ярославъ, седьмой Всеволодъ, восьмой Глѣбъ; сидѣли и еще трое, Святославъ, Борисъ и Мстиславъ, все Юрьевичи. Бойчѣе всѣхъ да и больше говорилъ князь Ростиславъ. Онъ говорилъ, что надо только подождать, что этотъ миръ на югѣ не надолго, что въ Кіевѣ никогда мира надолго не бываетъ, и безпокоиться объ этомъ нечего, только надо подождать. Князь Юрій былъ очень доволенъ старшимъ сыномъ и рѣшилъ, согласно съ думою: подождать, что будетъ. Въ тотъ же день передъ обѣдомъ онъ позвалъ къ себѣ сына, и долго о чемъ-то съ нимъ говорилъ въ опочивальнѣ своей. И братья и бояре очень хотѣли узнать, о чемъ они толковали, но никому невозможно было подслушать ни слова. На другой только день всѣ стали догадываться, что, видно, поговорили крупно и недружелюбно, потому что въ ночь князь Ростиславъ пропалъ изъ Суздаля. Бросились въ его дворъ и узнали, что уѣхалъ онъ совсѣмъ не по-княжески, а какъ бѣглецъ, взялъ съ собою только двухъ слугъ, каждый о двуконь, да пару вьючныхъ коней. Говорили еще, будто казны съ нимъ было не мало, будто одинъ изъ слугъ въ началѣ ночи приходилъ во дворъ къ самому князю Юрію и вскорѣ ушелъ отъ него съ мѣшкомъ, и былъ тотъ мѣшокъ не великъ, а очень тяжелъ. Черезъ недѣлю опять была боярская дума, и князь Юрій при всѣхь сказалъ:

— Посѣтило меня горе: князь Ростиславъ, мой старшій сынъ, взялъ на меня нелюбы, ушелъ въ Кіевъ. Что дѣлать! Видно, такова воля Божья! Подожду, пока онъ опомнится, и тогда приму его, какъ въ евангеліи отецъ принялъ своего блуднаго сына.

Всѣ князья, хорошо знавшіе нравъ своего отца, и бояре, испытывавшіе нерѣдко крутой нравъ князя Юрія, всѣ видѣли очень хорошо, что на дѣлѣ не такъ, что о ссорѣ съ сыномъ князь Юрій не могъ бы объявить такъ спокойно; но приходилось притвориться, что всѣ этому вѣрятъ, и съ той поры старшимъ княжескимъ сыномъ считался въ Суздалѣ князь Андрей. Въ удѣлъ ему былъ данъ городъ Владиміръ, построенный на Клязьмѣ дѣдомъ Андрея, Мономахомъ Владиміромъ; но съ тѣхъ поръ, какъ старшій сынъ отъѣхалъ, князь Юрій рѣдко отпускалъ Андрея въ удѣлъ, а больше держалъ при себѣ.

Не прошло мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ старшій сынъ уѣхалъ, къ князю Юрію пришелъ какой-то чужой человѣкъ, былъ принятъ въ опочивальнѣ, просидѣлъ довольно долго и ушелъ. Слуги черезъ своихъ знакомыхъ въ городѣ разузнали, что пріѣзжалъ какой-то верховой, лошадь оставилъ на постояломъ дворѣ, ходилъ, кажется, на теремной дворъ, вернулся и тотчасъ уѣхалъ по владимірской дорогѣ, откуда пріѣхалъ. Въ тотъ же день собралась боярская дума, и князь Юрій говорилъ такъ:

— Кіевскій племянникъ нашъ, забывъ законъ Божескій, поднимается на Суздальскую волость войною, поднялъ и Давидовичей, идетъ въ Смоленскъ и въ Новгородъ, и рать будетъ великая. И какъ намъ быть?

Князья и бояре поняли, что пріѣзжалъ гонецъ отъ Ростислава Юрьевича; но на вопросы о немъ, старый князь отвѣчалъ, что старшій сынъ его Ростиславъ служитъ теперь не отцу, а кіевскому Изяславу, отъ котораго получилъ пять городовъ и Городецъ Остерскій, и что ему, князю Юрію, о старшемъ сынѣ говорить непріятно. Такъ никто послѣ того о Ростиславѣ Юрьевичѣ и не разспрашивалъ.

Гонцы, невѣдомо чьи, пріѣзжали нерѣдко, но съ начала зимы пріѣзжать перестали, и князь Юрій видимо затосковалъ.

Заботился о томъ, чтобы собиралось войско, готовилъ оружіе; стрѣлы и копья ковались во Владимірѣ, строгались въ Покровѣ, въ Ярославлѣ; коней собирали въ княжескихъ селахъ; кольчуги обновлялись, и много было работы за всѣмъ этимъ присмотрѣть, рабочихъ подгонять, а все князь тосковалъ и по праздникамъ, въ соборѣ, молился усерднѣе и долѣе прежняго. Вотъ однажды, послѣ обѣдни, по обычаю, всѣ домочадцы князя Юрія проходили мимо него по одиночкѣ, кланялись ему, поздравляли съ праздникомъ и проходили мимо. Князь угрюмо кивалъ имъ головою. Послѣ мужчинъ прошли мальчики, и между ними братья Петръ и Якимъ, сыновья боярина Кучки. Онъ кивнулъ имъ такъ же, какъ и другимъ. Потомъ пошли женщины, наконецъ дѣвушки. Даже не на всѣ поклоны онъ кивалъ головою, и всѣ замѣчали, что онъ усталъ сильно. Вдругъ глаза его засвѣтились какимъ-то теплымъ, мягкимъ огнемъ: къ нему подходила дѣвица красоты неописанной. Высокая, стройная дѣвушка, кромѣ красоты лица, поразила его особенно повязкой, расшитой по-кіевски: въ Суздалѣ повязки расшивались жемчугомъ сплошь, однимъ ровнымъ жемчужнымъ полемъ, такъ что пустаго мѣста не было и зерно къ зерну подбиралось какъ можно ровнѣе; а у красавицы бархатная вишневаго цвѣта повязка была обнизана жемчугомъ только сверху и по лбу, а по черному полю сидѣли три звѣзды изъ самоцвѣтныхъ камней въ перемежку съ крупнымъ жемчугомъ. Красавица была бѣла, румяна, и на молодомъ семнадцатилѣтнемъ лицѣ лежала печать не шуточной и не дѣтской, а какой-то строгой думы. Князь положилъ ей на плечо свою руку. Она остановилась, и остальныя дѣвушки, обходя ее, продолжали кланяться и уходили изъ собора длинной вереницей.

— Погоди, мое дитятко! Какая же ты красавица стала!—сказалъ князь вполголоса, не то печально, не то задумчиво.—Да ты на меня гляди, а не въ землю. Какъ же ты по-

Къ стр. 498.

Князь Юрій положилъ Улитѣ на плечо свою руку.

живаешь? Не скучаешь у меня въ моей семьѣ? А? Скажи, Улитушка!

— Вотъ ты-то скучаешь, князь великій, такъ это видно,—отвѣчала боярышня;—а скучать нечего: кіевскій въ Новгородъ выѣхалъ изъ Смоленска...

— Ты почемъ знаешь? — спросилъ обрадованный князь.

— И не то еще знаю,—прибавила Улита:—князь Ростиславъ Юрьевичъ уѣхалъ изъ Бужска, проѣхалъ по Днѣпру, толковалъ съ берендѣями и бродниками и вернулся веселый.

— Да почемъ ты знаешь, колдунья? — спросилъ опять князь.

— Я знаю, князь, что тебя заботитъ,—отвѣчала Улита Степановна; — и чтобы снять съ тебя хоть немного этой тяготы, заботы и кручины, я велѣла кое-кому давать мнѣ знать...

— Ну, чудеса! — сказалъ въ удивленіи князь Юрій: — только знай, что не повѣрю тебѣ, пока самъ не получу вѣсти отъ сына... Только ты, гляди, никому не сказывай!...

— Будь покоенъ, князь великій! —отвѣчала боярышня.— Правда, что женскій языкъ чаще всего — рѣшето; но если только онъ прочнѣе рѣшета, то, вѣрь мнѣ, онъ будетъ вѣрнѣе каменнаго гроба.

— Не гробъ ты, моя красавица, а золотая ладонка, которую надо на груди носить!—возразилъ князь.—Но гляди-ко! Мы съ тобой почти одни остались въ соборѣ. Пойдемъ. Да приходи-ко ты сегодня на мою половину, со мной пообѣдать... Да не позвать-ли кстати и князя Андрея? Какъ ты думаешь?

Боярышня поклонилась, потупилась и, идя возлѣ князя къ выходу, немного отъ него поотстала.

— Нѣтъ, ты не отмалчивайся, колдунья, — сказалъ на ходу князь, смотря на нее черезъ плечо;—а прямо сказывай: позвать?

— Развѣ кто нибудь во всей Русской землѣ смѣетъ сказать нѣтъ, когда суздальскій князь говоритъ да?—отвѣчала

вопросомъ боярышня, слегка краснѣя и пристально смотря себѣ въ ноги.

Князь съ удовольствіемъ усмѣхнулся, но потомъ сказалъ:

— А вотъ кіевскій Изяславъ все говоритъ: да, сколько я ни твержу ему: нѣтъ, нѣтъ!...

— Молодо-зелено, князь великій,—отвѣчала Улита кроткимъ, просящимъ голосомъ: —а ты его поучи! Выростетъ, самъ спасибо скажетъ!...

У самаго выхода они остановились, обернулись къ иконостасу, и сотворивъ по три земные поклона, вышли на морозный воздухъ.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ, колдунья, — спросилъ опять старый князь, поставивъ одну ногу въ стремя и держась рукою за сѣдло:—какіе у тебя гонцы такіе, исправнѣе моихъ?

— За обѣдомъ выскажу, князь великій, если прикажешь, отвѣчала Улита съ поклономъ и пошла черезъ площадь къ теремному двору.

Въ концѣ длиннаго, сочнаго и жирнаго обѣда пріѣхалъ гонецъ и съ великимъ шумомъ былъ введенъ въ столовую. Онъ явился изъ Канева и подтвердилъ извѣстіе, сообщенное Улитой, что князь Ростиславъ Юрьевичъ объѣзжалъ бродниковъ и берендѣевъ и собирался назадъ въ Бужскъ. Боярышня открыла свою тайну: къ ней ходилъ старый нищій и приносилъ вѣсти всегда самыя вѣрныя, а какъ онъ самъ ихъ получаетъ, она знать не знаетъ. Говорила она такъ просто и такъ скромно, что подозрительный князь Юрій успокоился; а то ему казалось, что она вторгается въ его дѣла, подкапывается подъ его власть, развѣдываетъ стороною про его намѣренія, и какъ-то чутьемъ онъ начиналъ ее бояться. Но ея простота и скромность успокоили его, онъ полюбилъ ее больше прежняго, и вечеромъ въ тотъ день, послѣ большаго пира, совершено было обрученье боярышни Улиты Степановны Кучковой съ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ. Пиръ былъ на весь

міръ. Гудочники, гусляры потѣшали гостей чуть не до полуночи, медуши княжескія порядкомъ опустѣли; дѣвицы пѣли установленныя обычаемъ пѣсни.

Свадьба назначена была послѣ святокъ, когда князь Андрей вернется изъ похода.

Но походъ былъ неудаченъ. Кіевскій Изяславъ пріѣхалъ въ Новгородъ и былъ встрѣченъ такъ, какъ, можетъ быть, стараго Ярослава только встрѣчали новгородцы. Собрали большое войско, подошли сначала къ городу Константинову на устьѣ Большой Нерли, не встрѣтили отпора и пошли воевать города и села по обоимъ берегамъ Волги, взяли Угличъ, Мологу и доходили почти до Ярославля. Провоевали такъ всю зиму и назадъ пошли, когда стала оттепель, и повезли богатую добычу и семь тысячъ человѣкъ плѣнныхъ. Все это время князь Андрей дожидался враговъ въ Ярославлѣ и думалъ гораздо больше о своей невѣстѣ, чѣмъ о войнѣ. Князь Юрій ожидалъ нападенія съ юга отъ Ольговичей и Давидовичей и стоялъ, готовый встрѣтить ихъ, въ Коломнѣ, разсчитывая, въ случаѣ неудачи, засѣсть въ Кучковомъ городѣ на Москвѣ. Но и онъ простоялъ всю зиму понапрасну: черниговскіе не смѣли двинуться противъ могущественнаго суздальскаго князя. Воротился онъ въ свой стольный городъ на Вербной недѣлѣ, а послѣ Святой (1149 г.) женилъ сына. Молодые уѣхали въ свой удѣлъ, во Владиміръ-на-Клязьмѣ и зажили тамъ, забывъ о военныхъ трудахъ и неудачахъ, празднуя весну и, главное, радуясь освобожденію изъ-подъ строгаго, постояннаго, тяжелаго надзора стараго князя. Во Владимірѣ дворъ былъ не такъ великъ, какъ въ Суздалѣ, хоромы не были такъ обширны; за то все было уютнѣе, милѣе, и молодая княгиня чувствовала, что она тамъ первая. А быть первою она любила, и доказала это всею своею жизнью.

Едва только княгиня Улита успѣла осмотрѣться въ *своемъ* городѣ, какъ довелось ей принимать нежданнаго гостя: стар-

шій братъ ея мужа, Ростиславъ Юрьевичъ, возвращался изъ Кіева къ отцу, и молодая хозяйка показала, что она умѣетъ почествовать почетнаго гостя и угостить. Когда князь Ростиславъ хотѣлъ разсказать брату о кіевскихъ дѣлахъ кое-что наединѣ, и княгиня встала, чтобы уйдти въ другую горницу, князь Андрей остановилъ ее и сказалъ:

— Нѣтъ, любезный братъ! Отъ нея таиться я не стану, потому, во-первыхъ, что она изъ моего ребра создана, а во-вторыхъ потому, что все равно, отъ нея не скроется. Да и тебѣ таить нечего отъ этой колдуньи: узнаетъ то, что одной только груди твоей да подоплекѣ извѣстно. Когда ты уѣхалъ, она прежде всѣхъ мнѣ сказала зачѣмъ поѣхалъ и куда, а вѣсти о тебѣ доходили къ ней прежде чѣмъ до отца.

Ростиславъ Юрьевичъ посмотрѣлъ на невѣстку нѣсколько недовѣрчиво; князь Андрей это замѣтилъ и сказалъ:

— Ты не смотри, что она такою тихоней сидитъ, будто водой не замутитъ! Слыхалъ, можетъ быть, поговорку про тихій омутъ? Такъ вотъ это онъ самый и есть.

— Это онъ съ отцомъ сговорились меня смущать тѣмъ, будто я въ военныя ваши дѣла мѣшаюсь,—сказала Улита гостю;—а на самомъ дѣлѣ всего только и было, что нищій какой-то ко мнѣ пришелъ и далъ о тебѣ одну вѣсть. Больше не было ничего.

— Да, только и есть,—замѣтилъ князь Андрей;—и нищій этотъ вотъ съ мѣсяцъ назадъ пришелъ изъ Суздаля во Владиміръ и всякій Божій день изъ рукъ самой княгини получаетъ ломоть хлѣба, а изъ устъ—какія-то слова. Да, да, да! То-то она говорила мнѣ вчера-ли, третьяго-ли дня, что не сегодня-завтра ты будешь!... Постой, это мы послѣ разберемъ. Сказывай, какъ-же ты разстался съ Изяславомъ кіевскимъ?

— Не хорошо разстался,—отвѣчалъ князь Ростиславъ:— посадилъ меня въ лодку съ четверыми слугами и повезли

вверхъ по Днѣпру, а все что было животовъ и добра отняли до чиста. Да и пора, время идетъ, люди отсѣялись, скоро косить станутъ, и для похода время приспѣло. Изяславъ сидитъ въ Кіевѣ не крѣпко, народъ ворчитъ, берендѣи готовы вспыхнуть какъ солома, и лучше этого времени не выдумаешь.

— Ну, отецъ будетъ очень доволенъ,—сказалъ Андрей:— онъ спитъ и видитъ, какъ бы ему до Кіева добраться. Не любитъ онъ здѣшней стороны, а по мнѣ такъ чѣмъ же тутъ не житье!...

А старый князь Юрій въ самомъ дѣлѣ только о Кіевѣ и думалъ. Изъ сыновей Мономаха онъ остался на свѣтѣ одинъ, если не принимать въ разсчетъ старшаго брата его Вячеслава малоумнаго, и считалъ себя въ правѣ сидѣть на отцовскомъ столѣ великимъ княземъ всей Русской земли. Чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ больше одолѣвала его охота добраться до кіевскаго стола. Возвращеніе Ростислава, обобраннаго въ Кіевѣ, было послѣднимъ поводомъ къ войнѣ, и онъ выступилъ съ огромною ратью. Князь Андрей присоединился къ нему съ владимірскою дружиной и ушелъ, оставивъ въ своемъ удѣлѣ хозяйкою молодую жену. Оставшись одна, прежде всего она долго разговаривала съ своимъ старымъ нищимъ, и отпустила его съ подробнымъ наказомъ.

— Прощай, Божій человѣкъ,—говорила она: —и какъ только войско схлынетъ съ Москвы, я туда буду. Ты меня жди или въ Кучковомъ городкѣ, или на дорогѣ, противъ того мѣста, гдѣ могила. Я не буду спокойна, пока не помолюсь на отцовскомъ гробѣ.

— Прощай, княгинюшка,—говорилъ нищій:—Богъ любитъ тѣхъ, кто почитаетъ своихъ родителей. Разспрошу еще разъ и самъ погляжу. Я самъ, признаться сказать, не былъ на могилкѣ, а какъ ты наѣдешь, то проведу и укажу. Прощай.

Черезъ недѣлю княгиня выѣхала изъ Владиміра, ночевала

въ Покровѣ, а на слѣдующій день передъ заходомъ солнца подъѣзжала къ знакомымъ горамъ. Много лѣсовъ было уже вырублено; стояла новая какая-то деревня; вдали на горѣ торчалъ городской частоколъ и изъ-за него виднѣлась на второмъ жильѣ отцовскихъ хоромъ свѣтелка въ четыре свѣта. Сжалось сердечко княгини, заныло, и вдругъ будто упало: передъ ней словно изъ земли выросъ старый нищій.

— Сюда, княгинюшка,—сказалъ онъ, показывая въ сторону отъ дороги, въ лѣсъ;—здѣсь лучше тебѣ слѣзть съ коня и идти пѣшкомъ. Оно и негодится къ такому мѣсту ѣхать, да къ тому же и дворнѣ твоей нечего тамъ дѣлать.

Княгиня сошла съ коня и цѣлиной, безъ тропинки, пошла вслѣдъ за нищимъ, приказавъ своимъ провожатымъ дожидаться ея, не трогаясь съ мѣста. Въ пятнадцати саженяхъ отъ дороги, между кустами и деревьями, земля возвышалась небольшимъ холмикомъ, который успѣлъ за три весны обрости густою травой. Возлѣ холмика стояли мужики съ лопатами и старый монахъ, съ лица очень похожій на княгинина нищаго. По знаку княгини, они принялись копать, и не глубже какъ на полтора аршина подъ землею нашли уродливо лежащее тѣло. Лица уже не было, торчали кости, забитыя липкою мокрою землей; но отцовскій парчевой кафтанъ былъ цѣлъ. За тяжелымъ смрадомъ княгиня не могла подойти близко и велѣла людямъ отрѣзать ей лоскутъ отъ полы кафтана. Потомъ люди пододвинули новый дубовый гробъ, хорошо внутри осмоленный, сложили въ него тѣло и забили крышку. Тогда монахъ началъ читать установленныя молитвы, и дребезжащимъ голосомъ запѣлъ: «Со святыми упокой». Старый нищій пѣлъ тоже.

Дворня княгини, оставленная на дорогѣ, слышала до сихъ поръ смутный говоръ; но заслышавъ торжественное пѣніе всполохнулась: шапки слетѣли съ головъ, руки принялись креститься... Черезъ нѣсколько времени, съ трудомъ проби-

раясь между кустами, вышли на дорогу, за монахомъ, четыре мужика съ новымъ гробомъ на плечахъ. За ними вышла княгиня. Глаза ея были красны и сухи, взглядъ золъ. Она шла далеко отъ гроба и тускло смотрѣла на частоколъ новаго города. Съ небольшимъ два года тому назадъ, она бродила здѣсь беззаботнымъ ребенкомъ и спокойно ожидала возвращенія любимаго отца. Въ эти два съ половиною года она созрѣла, но созрѣла въ ней и ненависть противъ убійцы, и она обдумывала, какъ бы отплатить ему зломъ за зло.

Солнце было уже за лѣсомъ, когда тѣло боярина Кучки внесено было въ городъ, и совсѣмъ смерклось, когда его поставили тамъ, на горѣ, подъ тремя дубами, гдѣ схороненъ былъ старый Иванъ Кучка. На другой день рано утромъ были торжественныя похороны: собралось человѣкъ четыреста однихъ нищихъ и весь народъ изъ Кучковыхъ деревень, старый и малый, молились о душѣ покойнаго боярина, и всѣ потомъ сытно пообѣдали и въ мѣру выпили. Старый княгининъ нищій сидѣлъ съ ними, но по обѣту ничего не ѣлъ, кромѣ хлѣба, и ничего не пилъ, кромѣ воды.

Послѣ обѣда къ княгинѣ тѣснились мужики и бабы, которыхъ она знавала еще при жизни дѣда, и всѣ наперерывъ цѣловали ея руки. Она милостиво разговаривала съ ними, обращаясь то къ одному, то къ другой, и иногда оглядывала милостивымъ взглядомъ всю толпу. Вдругъ примѣтила она, что въ нее впивался глазами смуглый мальчикъ лѣтъ пятнадцати, съ короткими всклокоченными волосами, черными какъ смоль. Онъ былъ сыномъ плѣнницы, доставшейся съ ребенкомъ лѣтъ за десять передъ тѣмъ по раздѣлу половецкой добычи боярину Кучкѣ. Княгиня подозвала его къ себѣ знакомъ. Онъ бросился со всѣхъ ногъ, столкнувъ двухъ старухъ, и весь дрожа отъ радости остановился передъ княгиней.

— Какъ тебя зовутъ, звѣренышъ? — спросила она ласково.

— Анбалъ!—отвѣчалъ тотъ, выставляя два ряда бѣлыхъ крупныхъ зубовъ.

— Откуда ты родомъ?

— Съ Кавказа, съ снѣговыхъ горъ, — уже серьезно и важно отвѣчалъ мальчикъ.

— Что-же ты не бѣжишь?—продолжала княгиня:—ваша братья, ясы, всегда бѣгаютъ на родину.

— Я и убѣгу, если ты не возьмешь меня къ себѣ!—сказалъ черкесъ нерѣшительно:—теперь три года прошло, какъ ты мнѣ ухо подрала и ручку дала поцѣловать. Съ тѣхъ поръ я твой или ничей.

Молодая княгиня посмотрѣла на него съ любопытствомъ, а онъ съ такимъ страхомъ смотрѣлъ ей въ глаза, какъ будто отъ одного ея слова онъ долженъ былъ или жить, или умереть.

— Зачѣмъ терять такого звѣря? — сказала она задумчиво.—Ступай къ моему конюшему.

Анбалъ подпрыгнулъ, проскочилъ между народомъ, выбѣжалъ на просторъ, перекатился колесомъ и пошелъ отыскивать конюшаго.

Княгиня пробыла на Москвѣ мѣсяца полтора. Надъ могилами отца и дѣда она рѣшилась построить церковь, и послала гонцовъ, одного въ Суздаль, къ епископу, просить благословенія, а другаго въ Новгородъ искать иноземнаго или хоть тамошняго, только хорошаго строителя, который съумѣлъ-бы понять чего она хочетъ. Епископъ обѣщалъ скоро пріѣхать самъ заложить церковь, о которой, какъ онъ помнилъ хорошо, просилъ его покойный отецъ княгини. Изъ Новагорода пріѣхалъ строитель, извѣстный Парамонъ, ѣздившій за море, видавшій дома и храмы въ нѣмецкихъ земляхъ. Онъ привезъ съ собою на десяти доскахъ написанные образцы храмовъ и предоставилъ княгинѣ выбирать. Пока дѣлался выборъ и дѣлались желаемыя перемѣны, пріѣхалъ преосвященный и заложилъ храмъ такой громадный, такой красивый, какого и въ

Суздалѣ не было. Совершивъ такое благое начинаніе вслѣдъ за благочестивымъ подвигомъ сыновней любви, княгиня отъѣхала обратно во Владиміръ, и тамъ принялась за любимое свое дѣло, за переписыванье церковныхъ книгъ. Для московскаго своего храма она затѣяла евангеліе въ листъ самаго красиваго уставнаго письма, а въ перемежку съ нимъ, для отдыха, писала помельче псалтырь царя Давида, писала такъ, что монастырскіе епископскіе писцы только завидовали: строчка выходила словно бисеромъ низанная, а каждый псаломъ начинался изукрашенной буквой, за которой она сидѣла по цѣлому дню, иногда и больше.

Въ началѣ сентября пришелъ къ ней за обычнымъ кускомъ хлѣба старый нищій; она не хотѣла къ нему выйдти, чтобъ не оставить начатой строки, и велѣла позвать къ себѣ въ горницу. Съ трудомъ уговорила она нищаго подойти къ столу и сѣсть; но когда тотъ пододвинулъ скамью и сѣлъ, она увидѣла, что онъ привыкъ сидѣть за однимъ столомъ съ княгинями и разговоръ его показываетъ человѣка, очень много видавшаго.

— Богоугодное дѣло, княгинюшка, дѣлаешь,—говорилъ онъ, глядя на конченный листъ, отложенный ею въ сторону:— и письмо у тебя красивое, ровное. И куда какъ это занятіе для женщины приличнѣе вышиванья разныхъ тамъ повойниковъ, кичекъ, лентъ, поясовъ. Это могутъ дѣлать неграмотныя рабыни, а въ такую работу мало рукъ да глазъ: надобно и еще что нибудь... А я къ тебѣ съ вѣстями...

— Ну говори, говори, человѣкъ Божій!

— Да что! Въ Кіевъ вошелъ твой тестюшка,—отвѣчалъ нищій, — долго-ли просидитъ, невѣдомо, а вошелъ, и мужу твоему Вышгородъ далъ въ удѣлъ.

— И сѣча была?—спросила княгиня.

— Была, 23 августа, на Трубежѣ, наши здѣшніе одолѣли; подъ Кіевомъ ничего не было, граждане не хотѣли под-

нять руки на сына Мономаха. Собираются вѣкъ тамъ сидѣть. Ростиславу Юрьевичу данъ Переяславль, Андрею Вышгородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, а у насъ княжить будетъ Василько Юрьевичъ. Только это не надолго. Изяславъ поѣхалъ къ зятю, къ венгерскому королю. А король Гейза, я его знаю, хоть онъ воюетъ съ греческимъ императоромъ, да у него найдется тысячь десять сабель свободныхъ, и онъ дастъ ихъ. Чешскій король Владиславъ ему сватъ; онъ пойдетъ. Польскіе князья родня и рады побывать въ Кіевѣ, все поминаютъ Болеслава Храбраго; Кіевъ у нихъ все равно, что медвѣдю медъ: что не ѣстъ, все медъ поминаетъ, а сытъ совсѣмъ, такъ медъ во снѣ видитъ. Изъ нихъ Межко пойдетъ охотнѣе всѣхъ, пойдетъ и Генрихъ. Стало быть нашихъ можно будетъ скоро домой ждать. Опять-таки надолго-ли, не знаю, только въ Кіевѣ имъ усидѣть нельзя.

Но старый нищій, въ молодыхъ лѣтахъ, видно, знававшій многихъ сильныхъ земли, ошибался. Отъ времени до времени княгиня получала вѣсти отъ мужа, нищій тоже часто приносилъ ей извѣстія, а она все оставалась одна. Съѣздила она на Москву, вмѣстѣ съ епископомъ, на освященіе новаго храма во имя Архистратига Михаила, помолилась тамъ на могилѣ отца и дѣда. Ѣздила и въ Суздаль въ Козьмодемьянскій монастырь, и возвращаясь къ себѣ во Владиміръ, принималась опять за свое любимое занятіе и все приготовляла книги для своей московской церкви. Въ концѣ зимы (нач. 1150 г.) узнала она, что князь Юрій бѣжалъ изъ Кіева, со всѣми сыновьями, въ Городецъ Остерскій, а князь Андрей, наскучивъ войною, ѣдетъ во Владиміръ, отдохнуть. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за этою вѣстью пріѣхалъ князь Андрей. Кромѣ радости свиданія съ любимою женою, у него была еще другая радость: онъ избавился отъ непрестанныхъ военныхъ тревогъ. Почти годъ онъ не былъ дома, и за это время вовсе не зналъ отдыха: все походы, все разъѣзды, и нѣсколько боль-

шихъ сѣчъ, какъ на Трубежѣ, и особенно на рѣкѣ Стыри, возлѣ Луцка, гдѣ нѣмецъ едва не проткнулъ его рогатиною.

— Ну ихъ совсѣмъ, этихъ южныхъ, — говорила княгиня;—изъ-за нихъ сидишь тутъ вдовой, не съ кѣмъ слова перемолвить, да еще убьютъ, нечестивцы, моего ненагляднаго. Не ѣзди больше, Андрюша, голубчикъ, на эту глупую войну.

— Радъ-бы не ѣхать, ненаглядная моя,—отвѣчалъ князь Андрей,—да противъ отца, сама знаешь, спорить нельзя... Ну, а какъ ты жила здѣсь съ княземъ суздальскимъ Василькомъ? Берегъ-ли онъ мою княгинюшку?

— Ты знаешь, князь, что я братьевъ ссорить не стану,— отвѣчала княгиня,—и на брата жаловаться не стану. Ничего, милостивъ былъ ко мнѣ, ничѣмъ не обидѣлъ.

— Какъ ссорить? На что жаловаться?—спросилъ испуганный князь:—сказывай, что такое случилось?

Княгиня долго отнѣкивалась, и наконецъ разсказала, что князь Василько, ѣдучи на княженіе въ Суздаль, остановился во Владимірѣ перемѣнять лошадей, но обѣдать къ княгинѣ не пошелъ, хоть она и посылала за нимъ конюшаго. Послѣ того, когда она пріѣхала въ Суздаль, помолиться въ Козьмодемьянскомъ монастырѣ, то онъ присылалъ звать ее, но присылалъ простаго отрока, она и не пошла. По тогдашнимъ понятіямъ, князь Василько Юрьевичъ поступилъ непростительно высокомѣрно, потому что Андреева княгиня была его старшею невѣсткой, все равно, что теткой, а еслибы не было еще старше ея невѣстки, Ростиславовой княгини, то она, Улита Степановна, считалась-бы ему вмѣсто матери. Чтобы разсѣять непріятное впечатлѣніе отъ этого разсказа, княгиня передала мужу, какъ она затѣяла надъ могилой дѣда, на Москвѣ, церковь, какъ епископъ охотно помогалъ ей въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ и какъ красиво стало изъ-за Москвы-рѣки смотрѣть на ту сторону. Она разсказывала такъ мило, такъ радовалась своей выдумкѣ и такъ хвалила свое бывшее жи-

лище, что князь Андрей только радовался, глядя на свою молодую жену. Онъ даже обѣщалъ ей весною переѣхать съ нею на Москву, если отецъ позволитъ и уступитъ къ его удѣлу вновь выстроенный городъ.

— Вотъ какъ, князь? — спросила Улита: — неужели же еще это мѣсто не наше? Неужели я совсѣмъ безприданницей за тебя шла? Неужели князь Юрій Мономаховичъ, отнявши у меня отца, отнялъ и все, что отецъ и дѣдъ собрали своими трудами? Я знаю, что у опальнаго боярина отбираютъ имѣніе, но когда ему возвращаютъ милость, то имѣнія не удерживаютъ. Кучковымъ дѣтямъ не только возвращена милость, но и честь такая дана, которая сняла-бы всякую вину съ цѣлаго рода. А мой отецъ еще и виноватъ ни въ чемъ не былъ. Нѣтъ, какъ хочешь, Кучковъ городокъ на Москвѣ нашъ, а если хочешь, я поговорю о немъ съ княземъ отцомъ.

— Поговори, моя радость, поговори, — сказалъ князь Андрей, очень довольный тѣмъ, что жена избавляетъ его отъ труднаго разговора; — только знаешь, ты не очень старика тормоши. Онъ тебѣ уступитъ, только ты съ нимъ, знаешь, по осторожнѣе, съ подходцемъ... Впрочемъ, что же я тебя... учу? Отецъ и въ Кіевѣ сколько разъ вспоминалъ про свою суздальскую колдунью, это про тебя-то. Разъ это было: не знали мы, куда дѣвался Изяславъ. Отъ венгерскаго короля уѣхалъ, во Владиміръ Волынскій не бывалъ, а распоряженія какія-то дѣлаются, и въ тоже время гдѣ самъ голова—невѣдомо. Тутъ-то онъ о тебѣ и вспомнилъ. И такъ мнѣ въ то время захотѣлось повидаться съ моей колдуньей, что и разсказать не умѣю. Когда намъ пришлось утекать изъ Кіева, я обрадовался такъ, какъ будто мнѣ новое княжество Богъ послалъ.

— Но я слышала, что ты сидѣлъ въ Вышгородѣ?—спросила княгиня.

— Такъ, такъ, моя колдунья,—отвѣчалъ Андрей;—да

развѣ ты не знаешь, что значитъ: посадилъ въ Вышгородѣ, посадилъ въ Переяславлѣ? Это значитъ, что я въ Вышгородѣ сажаю своего тіуна, а онъ мнѣ присылаетъ судныя пошлины и продажныя дани. Въ этомъ все дѣло и есть. А когда все замирится и отцу моя дружина не нужна, тогда онъ меня «отпускаетъ» въ Вышгородъ. А за все это время отпущенъ я не былъ: съ коня не слѣзали.

Въ началѣ весны, когда рѣки вошли въ свои берега, прискакалъ гонецъ отъ князя Юрія, прямо изъ Кіева. Князь опять вступилъ въ Кіевъ, прогналъ Изяслава, и велитъ Андрею тотчасъ ѣхать къ нему. Дѣлать было нечего. Пробывъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ всего только мѣсяца два, князь Андрей долженъ былъ опять ѣхать на югъ, а княгиня, негодуя на разлуку, дала себѣ слово всѣми правдами или неправдами переманить мужа опять на сѣверъ, если нельзя будетъ въ Москву, то хоть во Владиміръ.

Все лѣто навѣдывался къ ней старый нищій, приносилъ иногда извѣстія съ юга: все война, война, побоища, разореніе народа. Князь Андрей съ сильною дружиною стоялъ въ Пересопницѣ, готовый встрѣтить Изяслава, когда тотъ покажется съ своими венграми; но Изяславъ прошелъ мимо этой сторожевой рати, врасплохъ нагрянулъ на Кіевъ, такъ что старый князь Юрій едва успѣлъ сѣсть въ лодку и переѣхать на ту сторону, въ Городецъ. Пришлось Андрею съ дружиною пробираться лѣсами, по-заячьи, къ устью Припети и тамъ переправляться черезъ Днѣпръ. Княгиня стала поджидать мужа, но вдругъ, совершенно нечаянно, получила извѣстіе, которое исполнило ее несказанною радостью: старшій братъ Ростиславъ Юрьевичъ умеръ въ Переяславлѣ. Княгиня почувствовала, какъ будто высокая волна поднимаетъ ее, поднимаетъ выше и выше, такъ что духъ у нея стало захватывать. Ея мужъ оставался старшимъ Юрьевичемъ, и что бы тамъ ни произошло на югѣ, онъ былъ наслѣдникомъ великаго Суз-

дальскаго стола. Прежде всего мелькнуло у нея: «Какъ-то теперь князь Василько Юрьевичъ пришлетъ за ней отрока?» Но потомъ она поняла, что это мелочь и что Суздальская княгиня на такіе пустяки не должна обращать вниманія. У нея задача больше и шире: она заставитъ и Кіевъ кланяться Суздалю.

На другой день послѣ этого извѣстія, князь Василько, сидѣвшій въ Суздалѣ, пріѣхалъ во Владиміръ и, войдя въ сѣни Андреева терема, велѣлъ сказать княгинѣ, какъ требовалъ обычай, что онъ хочетъ съ нею помолиться о душѣ покойнаго брата Ростислава. Княгиня выслала ему сказать «добро пожаловать» и вышла тотчасъ, вся одѣтая въ черное: и сарафанъ, и повязка, и фата на головѣ, все было черное, какъ у монахинь. Глаза ея были красны отъ слезъ; она низко поклонилась деверю и тихо попросила его войти въ гридницу, гдѣ священникъ въ черныхъ ризахъ готовился служить третью въ тотъ день панихиду. Князь Василько до самой этой панихиды не зналъ, что княгиня такъ горячо любила покойнаго старшаго брата: она не голосила, не причитала, какъ это обыкновенно дѣлалось по обычаю, но плакала тихо и горько, порою всхлыпивая, и все время панихиды стояла на колѣнахъ, спрятавъ лицо въ платокъ.

Какъ старшій сынъ, князь Андрей уже не могъ уѣхать въ побывку къ женѣ такъ легкомысленно, какъ прежде, когда былъ вторымъ сыномъ. Онъ долженъ былъ и уряжать полки, и заботиться о ихъ продовольствіи, и быть правою рукою отца, и потому княгиня Улита всю зиму просидѣла одна. Мало того, все слѣдующее лѣто, не смотря на самыя нехорошія вѣсти послѣ сраженія на р. Рутѣ, послѣ страшной сѣчи подъ Переяславлемъ, когда князь Юрій обѣщалъ Изяславу уйти въ Суздаль, Андрей все домой не ѣхалъ. Только позднею осенью (1151 г.) онъ явился нежданно во Владиміръ и засталъ

жену за ея обычной работой. Радостямъ и разсказамъ не было конца.

— Голубушка, княгиня! Скучала ты безъ меня?—спрашивалъ послѣ первыхъ привѣтствій князь Андрей.

— Скучать-то я скучала, князь,—отвѣчала Улита;—но утѣшалась тѣмъ, что такова уже наша бабья участь. Никогда то князь не живетъ дома, никогда онъ не можетъ сказать, что завтра онъ дома посидитъ. Не такое ваше княжеское ремесло, чтобы распоряжаться, какъ вольные люди собой распоряжаются. А намъ, женамъ, что же дѣлать, какъ не скучать за вами?

— Какъ мы не вольные люди, княгиня! Ты шутишь?

— Какіе-же мы вольные, князь? Посуди ты самъ! Положимъ, что князь Юрій не въ нынѣшнемъ году, такъ въ будущемъ захватитъ себѣ Кіевъ прочнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, засядетъ въ немъ и—всѣ мы подъ Богомъ ходимъ,—проживъ на свѣтѣ столько, сколько Богъ грѣхамъ терпитъ, успокоится и будетъ похороненъ возлѣ могилы великаго Мономаха. Чья будетъ очередь сѣсть въ Кіевѣ? Кажется, сыну родному и старшему? Такъ нѣтъ-же! Тамъ Ольговичи, тамъ Давидовичи, тамъ Мстиславичи, тамъ Всеславичи, Васильковичи, Володаричи, даже Ярославичи, всѣ поднимутся, и всѣ они правы, каждый требуетъ своего законно ему принадлежащаго Кіева. И кто изъ нихъ усидитъ тамъ одинъ годъ? Что я говорю! одинъ мѣсяцъ? Мало ихъ тамъ, и ты не захочешь мѣшаться въ дѣло, такъ найдутся другіе Юрьевичи, и Василько, и Всеволодъ, да всякій, всякій полѣзетъ въ Кіевъ. И все вѣдь это мелочь, у другаго волость изъ конца въ конецъ въ полдня проѣхать можно, а тоже, говоритъ, я князь, долженъ въ Кіевѣ сидѣть! Вотъ хоть бы и мы. Если батюшка воротится, то послѣ него въ Суздалѣ будемъ сидѣть, конечно, мы, но удѣлъ нашъ будетъ меньше теперешняго. Теперь отецъ одного держитъ при себѣ, другаго сбудетъ какъ нибудь въ Новгородъ, третьяго пошлетъ

рубить города у мордвы; а когда, Богъ дастъ, сядешь ты въ Суздалѣ, то каждый братецъ скажетъ: нѣтъ, подай намъ волости, мы тоже хотимъ ѣсть и пить, и останемся мы при одномъ Суздалѣ, да можетъ быть уступятъ половину Ростова великаго, а другую половину надо будетъ отдать племяннику Ярополку Ростиславичу, пополамъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ, если только онъ не вздумаетъ идти отбивать себѣ Кіевъ. И что это вамъ дался Кіевъ, точно какъ будто заколдованное мѣсто какое, точно какъ безъ него и свѣту нѣтъ въ окошкѣ. Ну ужь еслибы мнѣ власть въ руки! Показала бы я всѣмъ этихъ Давидовичамъ и Володаричамъ, что сила-то не въ Кіевѣ, а вотъ гдѣ!...

И она крѣпко стиснула въ кулакъ свои пальчики съ розовыми кончиками.

— А знаешь-ли что, княгиня? — сказалъ на это князь Андрей:—вѣдь это ты говоришь такъ, по-бабьи, потому что сердита на Кіевъ за долгую нашу разлуку; а въ самомъ-то дѣлѣ это не очень глупо.

Улита взглянула съ удивленіемъ на своего тяжеловѣснаго мужа, но когда онъ повернулъ на нее глаза, она скромно опустила взоръ и стала спокойно щипать концы своего платья.

— Но вотъ какое затрудненіе: Кіевъ красивъ,—продолжалъ Андрей;—Кіевъ богатъ; вѣче кіевское сильно многими богатыми людьми и старинными преданіями, чуть не со временъ Владиміра Святаго; вся Русская земля привыкла видѣть въ Кіевѣ мать городовъ русскихъ, и потому кіевскій князь всегда будетъ отцомъ князей русскихъ, а стало быть и всей Русской земли. Этого ужь никто перемѣнить не въ силахъ.

— Я вашихъ мудреныхъ дѣлъ и счетовъ не знаю,—сказала княгиня; — только право не хотѣла бы я быть такимъ отцомъ всѣхъ русскихъ князей, котораго то родной племянникъ выгонитъ, такъ что едва ноги унесетъ, то дядя выкинетъ за ворота, то внучатный племянникъ уважитъ такъ, что

сдунетъ съ Мономахова стола какъ перышко. А по моему бабьему разуму выходитъ, что Кіевъ до тѣхъ поръ и считается матерью городовъ русскихъ, пока его кто нибудь не потрепалъ хорошенько. Среди этихъ усобицъ, при безпрестанномъ переходѣ изъ рукъ въ руки, удивительно, какъ не найдется какого нибудь умнаго князя, который-бы отдалъ Кіевъ на щитъ? Пограбили-бы его дней пять-шесть, а потомъ пустили-бы огоньку на недѣлю; такъ куда-бы дѣвалось его сильное вѣче, его богатство!... Просто это надо бы сдѣлать изъ человѣколюбія, чтобы русскіе князья не рѣзались за этотъ городъ и не проливали-бы крови христіанской...

— О, да какая же ты у меня строгая, да сердитая!— сказалъ князь Андрей.

— Не къ лицу было бы,—отвѣчала княгиня,—женѣ желѣзнаго русскаго князя быть восковою недотрогой! Да и что значитъ грабежъ какого нибудь города, когда вамъ ни по чемъ жизнь человѣческая!...

Княгиня вспомнила отца, убитаго безъ всякой вины въ верстѣ отъ дома, и ей показались сущими пустяками какіе нибудь бездушные дома города Кіева и неодушевленное имѣніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ началѣ 1052 г. Юрій проѣхалъ черезъ Владиміръ въ свой Суздаль, и оказалъ Андреевой княгинѣ большую ласку. Между прочимъ, онъ ей говорилъ:

— Видѣлъ я, колдунья, твои затѣи на Москвѣ. Хорошъ храмъ Божій поставила, очень хорошъ, хоть бы въ стольный городъ такой храмъ, такъ въ ту же пору. И слышалъ я, что на прахѣ родительскомъ тотъ храмъ поставила? Это я хвалю: чти отца твоего и матерь, и благо ти будетъ...

Князь совсѣмъ забылъ, что онъ за семь лѣтъ передъ тѣмъ такъ рѣшительно распорядился съ отцомъ, память котораго онъ совѣтовалъ чтить...

Въ томъ же году князь Юрій опять ходилъ походомъ подъ

Черниговъ, но воротился, не успѣвъ ничего сдѣлать, черезъ два года опять былъ походъ, и снова князь Андрей разставался съ женою. По возвращеніи его домой пришло извѣстіе, что кіевскій князь Изяславъ умеръ, и опять начались приготовленія къ новой войнѣ. Наконецъ въ 1155 г. походъ былъ удаченъ, Юрій сѣлъ въ Кіевѣ прочно, и тотчасъ посажалъ около себя четырехъ старшихъ сыновей, Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, Василька въ Поросьѣ (по рѣкѣ Рси). Съ тѣхъ поръ князя Юрія въ народѣ прозвали Долгорукимъ, и въ самомъ дѣлѣ длинныя руки надо было имѣть, чтобы изъ Суздаля достать Кіевъ.

Андрей Юрьевичъ почувствовалъ, что онъ довольно прочно сидитъ на новомъ своемъ мѣстѣ, и потому послалъ своего конюшаго съ большою почетною стражей, чтобы привезти къ нему въ Вышгородъ княгиню Улиту. Она пріѣхала въ мартѣ 1155 года, и прежде всего, прямо съ дороги, поспѣшила помолиться мощамъ прославленныхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. Оттуда, пѣшкомъ, прошла она въ женскій монастырь, приложиться къ знаменитой чудесами иконѣ св. Богородицы, привезенной изъ Царяграда и, по преданію, писанной св. евангелистомъ Лукою. Долго и горячо молилась она передъ этою иконой, и когда вышла изъ церкви, то на паперти и на площади была окружена многими тысячами нищихъ. Тутъ она сдѣлала то, чего до нея не дѣлали русскія княгини: она сначала поклонилась прямо въ толпу, потомъ направо, потомъ налѣво, и скромно потупивъ очи, тихо пошла къ теремному двору. Толпа разступалась передъ нею и замыкалась съ любовью и тѣмъ тонкимъ вниманіемъ, на какое такъ способны грубыя русскія натуры.

Старожилы кіевскіе, перевидавшіе много княгинь, не видывали такой ласковой, такой доброй, такой обходительной. И старые, и молодые души въ ней не чаяли, такъ она умѣла со всякимъ обойдтись, поговорить. На человѣка молодаго она

умѣла взглянуть такъ, что потомъ этотъ взглядъ ему только и мерещился. У стараго она умѣла спросить и выслушать совѣтъ, у старушекъ выспрашивала о примѣтахъ и внимательно замѣчала, что значитъ, когда зачешется глазъ или правая ладонь, а также къ горю или къ радости привидится во снѣ собака, и т. п. Священники съ умиленіемъ ставили на видъ прихожанамъ ея благочестіе, добрую жизнь, а нищіе считали ее родною матерью.

Живала она и въ Вышгородѣ, живала и въ Кіевѣ, и вездѣ ее полюбили точно также, какъ любили во Владимірѣ. Но какъ ни хорошо ей было, по видимому, въ новомъ мѣстѣ, все ее неудержимо тянуло на сѣверъ. Въ Вышгородѣ и въ Кіевѣ сады были хорошіе, а во Владимірѣ садъ похуже, да за то въ немъ каждое деревцо своими руками посажено. Въ Кіевѣ люди любятъ княгиню, но воли у нихъ слишкомъ много, тогда какъ во Владимірѣ люди все наѣзжіе, кто изъ Ростова, кто изъ Суздаля, а много народу изъ Кіева, Любеча, Переяславля и другихъ южныхъ городовъ, люди уѣхавшіе отъ княжескихъ усобицъ и половецкаго разоренія, и живутъ на всей княжей волѣ. А княгиня Улита была добра и ласкова, но съ уговоромъ, чтобы изъ ея воли никто ни на волосъ не выходилъ. Одного только недоставало во Владимірѣ: не было никакой особенно чтимой и знаменитой святыни. Вотъ еслибы во Владиміръ перевезти икону пресвятыя Богородицы, писанную евангелистомъ Лукою, то кромѣ спокойной жизни, кромѣ множества свободныхъ земель, народъ охотно жилъ бы вокругъ святыни. И Вышгороду отъ этого ничего худаго не могло бы приключиться: у него остались бы другія святыни, и прежде всего чудотворныя мощи князей Бориса и Глѣба... И только что запала княгинѣ эта мысль, какъ стала зрѣть, и къ тому времени, какъ это понадобилось, чудотворная икона была ею похищена изъ женскаго вышгородскаго монастыря.

Случилось это въ маѣ мѣсяцѣ 1157 года. Десятаго числа

князь Юрій пировалъ у осменика Петрилы: дочка Петрилы выходила замужъ за сына тысяцкаго Давида Яруновича. Вернувшись домой, князь легъ спать здоровый, а въ ночь занемогъ, и на другой день разболѣлся такъ, что уже и не вставалъ. Тотчасъ по городу пошло волненіе. Какъ будто море, которое чуетъ проходящій вдали ураганъ, поднимаетъ горами волны при тихой погодѣ, такъ заволновался Кіевъ и ближній его пригородъ Вышгородъ. Лучшіе люди кіевскіе стали забѣгать къ князю Андрею, говорили, что никому иному, какъ ему, быть княземъ въ Кіевѣ; но въ тоже время княгиня Улита черезъ своихъ людей узнала, что другіе богатые граждане Кіева поѣхали къ Изяславу Давидовичу, а еще нѣкоторые засылаютъ къ Ростиславу Мстиславичу, старшему въ племени Мономаха. Могли найдтись и еще желающіе сѣсть въ Кіевѣ, и князю Андрею пришлось бы здѣсь, въ мало знакомой чужой сторонѣ отбиваться, то отъ дяди, то отъ племянника, то отъ внука, то отъ брата. Поэтому противъ Вышгорода причалено было нѣсколько крытыхъ лодокъ, и съ утра до поздняго вечера люди ходили къ нимъ изъ теремнаго двора, сносили узлы, сундуки, ларцы, тюки, укладывали все это и возвращались съ пустыми руками за новыми ношами. Князь Андрей давно уже согласился съ женою, что надобно уходить во Владиміръ. Пятнадцатаго числа великій князь Юрій умеръ, и въ тотъ же день вечеромъ лодки изъ Вышгорода отплыли вверхъ по Днѣпру. Князь Андрей остался въ Кіевѣ, чтобы привести въ порядокъ отцовское имущество, и присутствовать при похоронахъ, а его княгиня уѣхала на лодкѣ. Остался въ Кіевѣ, но и самъ былъ не радъ. Похороны были на другой день, и тутъ ни для кого нежданно надѣлалось много зла. Во время ранней обѣдни и отпѣванія тѣла несмѣтная толпа народа прихлынула къ Красному Юрьеву двору, и все имущество до послѣдней нитки разграбила. Тоже самое случилось съ другимъ его дворомъ, что за Днѣпромъ. Онъ любилъ этотъ загородный дворъ и на-

зывалъ его раемъ. Съ полгода не больше отстроенъ былъ новый дворъ для Василька Юрьевича: въ немъ разнесли даже и окна, и двери, такъ что остались только стѣны да крыши. Похороны были еще не кончены, когда князю Андрею въ соборѣ донесли, какъ народъ бушуетъ. Онъ вышелъ изъ церкви, посмотрѣлъ какъ народъ расходится изъ Краснаго двора: одинъ несетъ рукавъ дорогой шубы, другой задавленнаго въ свалкѣ кречета, третій большую деревянную ендову, въ которой приносился изъ ледника квасъ къ княжескому столу. Послушалъ онъ, какой крикъ тысячи голосовъ несется изъ разбитыхъ и растворенныхъ оконъ, повернулъ коня и шагомъ поѣхалъ вонъ изъ города, захвативъ всю свою собственную дружину: всего-то человѣкъ сто было, а другіе сто пошли провожать княгиню и лодки съ добромъ.

За городомъ князь Андрей пошелъ уже на рысяхъ, чтобы поскорѣе догнать княгиню, и догналъ къ вечеру. Лодки остановились, дружина раскинула на берегу княжескую палатку; но когда подъѣхалъ князь Андрей, то все скоро перемѣнилось: княгиня вышла изъ шатра и сѣла на коня, князь тоже выбралъ коня посвѣжѣе. Дружина почти вся осталась на мѣстѣ отдыхать, подъ командой брата княгини, боярина Якима Кучки, а другой братъ Петръ и человѣкъ двадцать охотниковъ поѣхали за княземъ и княгиней. Небольшой отрядъ этотъ окружалъ со всѣхъ сторонъ какой–то драгоцѣнный вьюкъ: на лошади было положено что-то большое, но не тяжелое, и никто не сидѣлъ. Поводья этой лошади были въ рукѣ у дьякона Нестора, а позади ѣхалъ верхомъ-же священникъ вышгородскаго женскаго монастыря Николай. Въ такомъ порядкѣ весь отрядъ двинулся въ путь, и ѣхалъ, пока ноги несли лошадей.

Послѣ, уже во Владимірѣ, бояринъ Якимъ Кучка разсказывалъ, что на другой день, когда отдохнувшіе люди дружины сѣдлали лошадей, а люди на лодкахъ закусывали, чтобы приняться за свою работу, наѣхала настоятельница женскаго мо-

настыря, мать Стефанія, вся въ слезахъ, умоляла отдать ей чудотворный образъ и разспрашивала, не видалъ-ли кто священника Николая и дьякона Нестора.

— Съ чѣмъ пріѣхала, съ тѣмъ и назадъ отъѣхала,— разсказывалъ бояринъ Якимъ; — а ужь такъ убивалась, что смѣхъ было смотрѣть. Говоритъ, что со всею обителью поголовно такъ за святою иконою въ Суздаль и поѣдетъ, а я ей въ отвѣтъ, что про икону знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, а молъ въ Суздаль милости просимъ, мѣсто хорошее, и черницы у насъ живутъ хорошо. Хотѣла, чтобы крестъ поцѣловалъ, про икону, что не мы ее увезли. Я поцѣловалъ крестъ на томъ, что иконы съ нами нѣтъ и что я про нее знать не знаю. Первое-то была правда, а во второмъ покривилъ душой. Ну, да дѣлать нечего, покривилъ; но не ради себя, а ради богоугоднаго дѣла. Насилу отъ нея отдѣлался.

Во Владиміръ князь Андрей вошелъ пѣшкомъ позади знаменитой во всей Русской землѣ чудотворной иконы Божіей Матери, и вышло такъ, что народъ встрѣчалъ въ одно времь и князя своего, и глубоко чтимую святыню. Проѣхавъ десять верстъ за Владиміръ, князь Андрей заночевалъ и, проснувшись на другой день въ своемъ шатрѣ, разсказалъ, что онъ видѣлъ во снѣ Божію Матерь, которая повелѣла ему не везти образа дальше, ни въ Ростовъ, ни въ Суздаль. На мѣстѣ этого видѣнія Андрей построилъ церковь во имя Рождества Богородицы, потомъ устроилъ тамъ себѣ загородный домъ и женскій монастырь. Мать Стефанія, настоятельница вышгородскаго монастыря, впослѣдствіи узнавъ гдѣ икона, переселилась въ этотъ монастырь почти со всею обителью, была очень обласкана княгинею и скоро стала находить, что Суздальская область несравненно лучше Кіевской.

— Здѣсь, матушка княгиня, я сотворю свои сто земныхъ поклоновъ, отойду ко сну и знаю твердо, что завтра не придутъ половцы, не станутъ моего храма грабить, не обдерутъ

ризы со святыхъ иконъ, или не придетъ усобица княжеская рвать на клочья землю. Вѣдь сколько мы страху натерпѣлись лѣтъ шесть тому назадъ, когда князь Юрій князя Изяслава изъ Кіева выгонялъ. Съ нимъ этихъ половцевъ пришло столько, что сосчитать нельзя, рыщутъ за Днѣпромъ, съ той стороны, а намъ съ горы-то все видно. Сколько ночей я не спала, такъ это одинъ Господь знаетъ.

Мало-по-малу вокругъ монастыря выросло село, названное Боголюбовымъ, и князь Андрей, прожившій послѣ того еще семнадцать лѣтъ, почти постоянно въ Боголюбовѣ жилъ, тамъ и умеръ. Отъ имени села онъ и прозванъ Боголюбскимъ.

Оставивъ княгиню во Владимірѣ, князь Андрей поѣхалъ въ Суздаль и въ Ростовъ. Послѣдняго города нельзя было оставить, потому что это былъ первопрестольный городъ. Нельзя сказать, чтобы князь тамъ кланялся лучшимъ людямъ: спина у него была не слишкомъ гибкая. Но всѣмъ извѣстно было, что по волѣ князя Юрія Суздальская земля должна достаться младшимъ сыновьямъ, а старшему назначенъ Кіевъ. Князь Андрей, напротивъ, хотѣлъ самъ остаться въ Суздальской землѣ, а всѣмъ младшимъ братьямъ предоставить югъ, то есть бросить ихъ на произволъ судьбы, чтобы отыскивали себѣ волостей какъ хотятъ и гдѣ хотятъ, только не на сѣверѣ. Для этого надо было, чтобы Ростовъ, Суздаль и другіе города избрали Андрея суздальскимъ княземъ, а чтобы это избраніе состоялось, надо было о немъ похлопотать. Надо было, пріѣхавъ въ Суздаль, созвать лучшихъ людей на обѣдъ, накормить ихъ до отвалу, поговорить ласково, обласкать иной разъ такого человѣка, котораго, по настоящему, слѣдовало-бы казнить злою казнью. Города избрали Андрея всею землею, онъ добился того, чего желалъ, за то возненавидѣлъ и Ростовъ, и Суздаль, и всѣ города, въ которыхъ издавна укоренилось вѣчевое устройство.

Но больше всего не любилъ онъ Новагорода, который въ

послѣдніе годы жизни князя Юрія совсѣмъ отъ рукъ отбился. Новгородцы призывали то одного князя, то другаго, выгоняли того изъ князей, которымъ были недовольны, и не потому чтобы онъ былъ дуренъ, а потому, что его сторонники теряли силу на вѣчѣ, а крикуны умѣли ихъ перекричать. Простаго, прямаго, строгаго приказа князя суздальскаго новгородцы не слушались, какъ они не привыкли слушаться ничьего приказа. Поэтому надо было дѣйствовать на нихъ тамъ, въ самомъ Новгородѣ, тамъ ссорить и мирить людей, подбирать сторонниковъ, и если уже нельзя было изъ новгородцевъ сдѣлать себѣ союзниковъ, то по крайней мѣрѣ подстроивать дѣла такъ, чтобы они не были союзниками непріятелей. Когда Ростиславъ сдѣлался кіевскимъ княземъ, то онъ урядился съ Новгородомъ такъ, что въ Новгородѣ и въ Торжкѣ посадилъ своихъ сыновей, Святослава и Давида Ростиславичей. Князь Андрей вступился въ то время за выгнаннаго изъ Кіева Изяслава, и чтобы повредить Ростиславу въ Новѣгородѣ, послалъ сказать на вѣчѣ: «Будь вамъ вѣдомо, хочу искать Новагорода и добромъ и лихомъ». Новгородцамъ, дѣлать было нечего, ссориться съ ближнимъ и сильнымъ сосѣдомъ изъ за дальняго и слабаго они не хотѣли, и ни на что не рѣшались. Тогда за дѣло взялась Андреева княгиня. Она послала въ Новгородъ брата своего боярина Якима, и подробно наказала ему никакъ не допускать вѣче до согласія.

— Въ нашей семьѣ люди не безъ мозговъ, —говорила она, отпуская брата;—такъ ты мотай себѣ, Якимушка, на усъ. Якуну Мірославичу, посаднику, отъ меня свези поклонъ и дары, и пуще всего тверди, что намъ, суздальскимъ, все равно, кто будетъ у нихъ княземъ, только бы тишина была и покой; Нѣжата есть тоже, человѣкъ богатый: въ прошломъ году пріѣзжалъ сюда, хлѣбъ у насъ покупалъ. Ему свези поклонъ и дары, и тверди, не забывай, тоже самое. И такъ держись, чтобы никто не зналъ чью руку ты тянешь, а мало-мальски пристанутъ къ тебѣ,

говори, что по твоему Новугороду надо держать миръ съ княземъ Андреемъ, потому что у него въ рукахъ ихъ хлѣбъ: можетъ, молъ, и не продать хлѣба, и какъ покойникъ отецъ его, Торжокъ въ одну недѣлю отнять и разорить. А имъ безъ Торжка нельзя, это они лучше всѣхъ знаютъ: въ Новгородской области хлѣбъ-то не родится и рыбьей ловлей они и сыты. Что бы тамъ ни вышло, а пусть шлютъ сюда пословъ, изъ рукъ князя Андрея пусть просятъ себѣ князя. Помни, Якимушка, что князь посылаетъ тебя въ такую трудную и опасную работу за то, что считаетъ тебя умнымъ человѣкомъ. Такъ ты, голубчикъ братецъ, въ грязь лицомъ не ударь.»

И бояринъ Кучка, сидя въ Новѣгородѣ, доказалъ, что онъ годился для такого порученія. Онъ водилъ хлѣбъ-соль и дружбу съ посадникомъ Якуномъ, а подъ рукой подучалъ крикуновъ князя Святослава Ростиславича заточить въ Ладогу, жену его въ монастырь, а посадника выгнать и выбрать Нѣжату. Потомъ, когда онъ намутилъ столько, что уже всѣ передрались и перессорились, его совѣтъ: просить князя изъ рукъ Андрея — былъ принятъ, а князь Андрей велѣлъ взять того-же Святослава Ростиславича, потому что за это время, пока шли неурядицы, онъ успѣлъ урядиться съ кіевскимъ княземъ Ростиславомъ.

— Отчего-же Святослава ты думаешь опять посадить въ Новѣгородѣ? — спрашивалъ онъ около этого времени свою княгиню. — Неужли нельзя найти князя, который-бы уже навѣрное былъ намъ преданъ?

— Я, князь, ничего не говорила про Святослава Ростиславича, — отвѣчала княгиня, — это ты прежде выговорилъ его имя. А я такъ думаю, что Святославъ очень годится: все равно, кого ни посади, новгородскій князь другомъ тебѣ не будетъ, а уже если имѣть врага, такъ лучше, чтобъ онъ былъ недальняго ума. Но по моему бабьему разуму выходитъ такъ, что и это не велика печаль. Главное дѣло въ томъ,

чтобы Новгородъ привыкъ получать князя изъ Суздаля, безъ котораго ему жить нельзя, а не изъ этого глупаго Кіева. Если къ нашей-то Суздальской волости да прибавить Новгородъ съ волостью, то самъ скажи, князь, хорошъ-ли кусочекъ земли это выйдетъ вмѣстѣ? И если со всего-то сѣвера двинуть войско на Кіевъ, такъ много-ли онъ поговоритъ съ нами? А чтобы имѣть столько войска, сколько надобно, слѣдуетъ только отъ братцевъ отдѣлаться.

— Это я и самъ знаю, давно знаю,—сказалъ князь Андрей,—да все какъ-то зазорно, когда русскій князь будетъ въ чужой землѣ скитаться.

— И чего-же тутъ зазорнаго ты видишь—я и не понимаю,—отвѣчала княгиня:—на одномъ столѣ пятерымъ сидѣть нельзя, это и малый ребенокъ знаетъ: нѣтъ мѣста, усѣсться нельзя. По старинѣ выходитъ, что надо этотъ столъ изрубить на мелкія части, такъ чтобы онъ уже никому не годился, чтобы на каждомъ кусочкѣ и одному тѣсно стало. Такъ что же лучше? одному ли усидѣть, да быть сильнымъ, съ тѣмъ, чтобы и люди были цѣлы, или такъ распорядиться чтобы никому ничего не досталось и усобицы въ конецъ разорили бы землю? Изъ-за этихъ глупыхъ княжескихъ усобицъ я вынесла такое горе, которое засѣло мнѣ ножомъ въ самое сердце, и до сихъ поръ деретъ мою душу эта рана: моего отца убилъ князь Юрій. И за что? Что такое онъ сдѣлалъ? На моемъ отцѣ никакой вины не лежало, онъ служилъ князьямъ честно, и за это князь его убилъ! Вся бѣда въ томъ, что много ихъ, этихъ князей, они то и раздираютъ Русскую землю. И до тѣхъ поръ наша земля будетъ слаба, до тѣхъ поръ всякіе половцы, венгры и поляки будутъ рвать ее на части, пока власть княжеская не скопится въ однѣхъ рукахъ. Братья живутъ при тебѣ, и хорошо живутъ, и нечего имъ хотѣть волости, потому что доходовъ ты имъ даешь не меньше, чѣмъ они получили-бы въ своихъ удѣлахъ; да за то земля-то вся

цѣла и вся у тебя въ рукахъ, какъ твой мечъ. А если князья-братья и князья-племянники недовольны, если имъ этого мало—скатертью дорога, на всѣ четыре стороны, пожалуй хоть и на пятую. Если бы только мачиха твоя, а ихъ мать, была не греческая царевна, такъ жить можно-бы спокойно; и если мы когда наживемъ бѣду, то она придетъ прямо отъ мачихи. Эти гречанки всегда бываютъ хитрыя такія, пронырливыя, умѣютъ подкопаться, подластиться, а ты такой довѣрчивый, готовъ слушать, что она тебѣ напоетъ... Дай только брату Васильку, или Всеволоду, или Мстиславу какую нибудь волость, хоть маленькую, хоть одно какое нибудь село въ десять дворовъ, такъ понемногу, понемногу и расползется врозь вся Суздальская земля, какъ расползлась Кіевская. Какой нибудь Василько Ярополчичъ изъ племени Мстислава Всеволодовича, уже имѣетъ гдѣ-то волость и можетъ когда захочетъ идти съ половцами на Кіевъ, забрать его, стать отъ этого старшимъ княземъ всей Русской земли и прислать суздальскому князю Андрею приказъ: идти съ войскомъ помогать ему противъ Давида Юрьевича, который хочетъ его согнать! Нѣтъ, мой ненаглядный князь! Не слушай ты мачихи, не отнимай у самого себя силы, не вводи въ бѣду и въ разоренье всѣхъ своихъ людей.

Князь Андрей любилъ говорить наединѣ съ княгиней о дѣлахъ Русской земли; ему казалось, что княгиня угадывала впередъ его мысли, а потому онъ говаривалъ, что Господь нерѣдко чуднымъ образомъ вкладываетъ мудрыя рѣчи въ младенческія или женскія уста.

Княгиня угадала вѣрно, предсказывая, что греческая царевна, мачиха князя Андрея, надѣлаетъ имъ хлопотъ. Она жила въ Суздалѣ и дѣти при ней, и не трудно ей было найти въ бывшемъ стольномъ городѣ людей, недовольныхъ Андреемъ, особенно между старыми боярами князя Юрія. При немъ первыя мѣста занимали все новые люди, воевода Борисъ Жиди-

славичъ, бояре Якимъ и Петръ Кучковы, родные братья княгини, да любимецъ Анбалъ, ключникъ, вѣдавшій всю княжескую казну, да Ефремъ Моизичъ, изъ жидовъ, по письменной части, а старые заслуженные отцовскіе бояре жили праздно въ Суздалѣ, тогда какъ столица была теперь во Владимірѣ и даже не во Владимірѣ, а въ селѣ Боголюбскомъ. Бояринъ Якимъ Кучка, жившій почти постоянно въ Суздалѣ, чтобы не спускать глазъ съ княгини-мачихи, донесъ однажды, что замышляется худое, что князь Василько, уже сидѣвшій въ Суздалѣ, когда отецъ былъ въ Кіевѣ, хочетъ опять захватить Суздаль, а можетъ быть, если удастся, и Владиміръ. Князь Андрей былъ къ этому приготовленъ продолжительными совѣщаніями съ женою, и только-что услышалъ о суздальскомъ заговорѣ, какъ послалъ боярина Петра съ строгимъ наказомъ: княгиню-мачиху, братьевъ Мстислава, Василька и восьмилѣтняго Всеволода, а также обоихъ племянниковъ Ростиславичей посадить въ сани, къ каждому посадить по вѣрному отроку и, нигдѣ не останавливаясь, везти вонъ изъ Суздальской земли. Черезъ Владиміръ проѣхать ночью, постараться ночью миновать всѣ большіе города и всѣхъ довезти такъ до устья Днѣпра, до Олешья. Тамъ выдать мачихѣ и братьямъ по сту гривенъ, племянникамъ по пятидесяти, и отпустить съ Богомъ къ императору Мануилу: онъ, по родству, приметъ знатно. Съ виноватыми боярами распорядились проще: ихъ имѣнія забрали на князя, а самимъ было приказано уѣзжать куда хотятъ, съ тѣмъ, что если попадутся во владѣніяхъ суздальскаго князя,—не сносить головы.

Устроившись такимъ образомъ, князь Андрей княжилъ спокойно, безъ несогласій, потому что некому было съ нимъ несоглашаться.

На одиннадцатомъ году своего благополучнаго правленія (1168 г.) князь Андрей былъ почти уже такъ силенъ какъ старый Ярославъ; онъ зналъ хорошо свои силы, и могъ не

бояться никого изъ отдѣльныхъ князей, могъ потягаться даже чуть не со всѣми вмѣстѣ. Скоро представился случай показать свои ему силы. По смерти кіевскаго князя Ростислава, старшинство принадлежало черниговскому Святославу Всеволодовичу, а если взять однихъ Мономаховичей, то послѣднему сыну Мстислава Великаго, Владиміру Мстиславичу, или самому суздальскому князю, Андрею Боголюбскому. Но кіевляне выбрали Мстислава Изяславича, князя владимірскаго на Волыни; онъ былъ въ Кіевѣ извѣстенъ; онъ два разъ по доброй волѣ уступалъ Кіевъ старшимъ. Князья-сосѣди уступили ему старшинство, надѣясь, что онъ за это наградитъ ихъ волостями и всѣмъ, что они ни потребуютъ. Но вновь избранный князь не только не исполнилъ ихъ требованій, но еще въ досаду суздальскому князю послалъ въ Новгородъ сына своего Романа. Тогда князья поднялись на него, отдавъ старшинство Андрею Боголюбскому. Поднялась на Кіевъ гроза небывалая, неслыханная. Ростовцы, суздальцы и владимірцы составили главное войско подъ начальствомъ молодаго Ростислава Андреевича съ воеводою Борисомъ Жидиславичемъ. Къ нимъ пристало одиннадцать князей: переяславскій, смоленскій, дорогобужскій, овручскій и многіе другіе съ своими войсками.

Князь Мстиславъ заперся въ городѣ и дрался сильно, но на третій день осаждающіе ворвались въ городъ, и молодой Ростиславъ Андреевичъ велѣлъ взять городъ «на щитъ». Церкви жгли, жителей били или вязали, женъ разлучали съ мужьями и вели въ плѣнъ, младенцы рыдали. Ни одинъ домъ во всемъ городѣ не остался неразграбленнымъ, ни одна церковь не уцѣлѣла. Загорѣлся-было Печерскій монастырь, но монахи успѣли его погасить. На всѣхъ людяхъ въ Кіевѣ было стонъ и тоска, печаль неутѣшная и слезы непрестанныя. Въ первый еще разъ Кіевъ испыталъ разореніе. До сихъ поръ въ княжескихъ спорахъ кіевляне не отстаивали князей, а при

первой опасности просили князя удалиться и принимали другаго. За князя Мстислава они рѣшились постоять, и всѣ до одного заплатили за это потерею имущества, а многіе жизнью, или свободой, или семействомъ. Долго, долго не могъ забыть Кіевъ страшныхъ дней 12 и 13 марта, среду и четвергъ на второй недѣлѣ поста 1169 года. Кіева больше не стало: курились черныя развалины, а жители, оставшіеся на пепелищѣ, бродили какъ тѣни, подбирая тѣла убитыхъ друзей или родныхъ. Не стало Кіева, думали кіевскіе граждане, а кіевскимъ княземъ станетъ ненавистный Боголюбскій Андрей! Хорошъ князь надъ пустымъ мѣстомъ!.. Но какъ же всѣ удивились, когда черезъ нѣсколько дней молодой Ростиславъ объявилъ, что по волѣ его отца, великаго князя Андрея Юрьевича, княземъ въ Кіевъ садится его родной братъ Глѣбъ Юрьевичъ, дотолѣ княжившій въ Переяславлѣ, и впредь Кіевъ будетъ получать князя изъ рукъ великаго князя въ Суздалѣ. Ростиславъ, послѣ такого указа, съ десятью князьями поворотилъ домой, одиннадцатый, Глѣбъ съ переяславскою дружиною остался въ Кіевѣ, сталъ понемногу прибирать въ городѣ и заботиться о томъ, чтобы дать пріютъ уцѣлѣвшимъ жителямъ.

А князь Андрей сидѣлъ все это время въ Боголюбовѣ и удивлялъ народъ великимъ усердіемъ своимъ къ молитвѣ. Часто по ночамъ входилъ онъ одинъ въ храмъ, зажигалъ свѣчи и слезно и усердно молился на колѣнахъ съ поклонами земными; нищимъ раздавалъ милостыни обѣими руками, и кромѣ одного построеннаго имъ монастыря Спасскаго, началъ новый, Вознесенскій, и въ тоже время заложилъ новую церковь во имя Св. Ѳедора Стратилата.

Устроившись съ Кіевомъ на всей своей волѣ, ровно черезъ годъ послалъ онъ сильное войско наказать непокорный Новгородъ. Опять суздальцы, ростовцы, владимірцы, смоляне, муромцы облегли городъ со всѣхъ сторонъ и три дня бились.

Въ концѣ третьяго дня, въ ночь со вторника на среду второй недѣли поста, новгородскій архіепископъ Іоаннъ молился и услышалъ голосъ: Иди на Ильину улицу, въ церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси на стѣну: она спасетъ Новгородъ. На утро Іоаннъ съ новгородцами вознесъ икону на стѣну у Загороднаго конца, между Добрыниной и Прусской улицами. Туча стрѣлъ посыпалась на него, но онъ сошелъ со стѣны благополучно. Князь Романъ Мстиславичъ ударилъ на суздальцевъ и къ вечеру они побѣжали. Новгородцы тогда наловили столько суздальцевъ, что продавали ихъ на рынкѣ за безцѣнокъ: десятерыхъ отдавали за гривну. Эта знаменитая побѣда приписывалась заступничеству чудотворной иконы Богоматери, проявившей знаменіе своей силы. Въ честь иконы установленъ праздникъ Знаменской иконы Божіей Матери; онъ и до сихъ поръ соблюдается православною церковью 27 ноября.

Но у князя Андрея Новгородъ всегда былъ въ рукахъ, безъ всякой войны. Онъ не отпустилъ къ новгородцамъ хлѣба, и тѣ, отложивъ всякое незлобье, просили дать имъ князя. Онъ сначала далъ Рюрика Ростиславича, а потомъ сына своего Юрія.

Черезъ годъ послѣ того пришло извѣстіе, что кіевскій князь Глѣбъ Юрьевичъ умеръ, и въ тоже время люди говорили, что умеръ онъ не спроста, что уморили его тысяцкій Григорій Хотовичъ, Степанецъ и Алекса. Князь повѣрилъ извѣту и послалъ сказать Ростиславичамъ, чтобы ему выдали убійцъ. Его не послушались, и Романъ Ростиславичъ спокойно сѣлъ въ Кіевѣ. Разсерженный князь Андрей велѣлъ своему младшему брату Михаилу быть княземъ въ Кіевѣ, а Ростиславичамъ послалъ сказать, чтобъ они уходили. Но они отвѣчали ему черезъ посла: «Братъ! мы назвали тебя отцомъ себѣ, крестъ тебѣ цѣловали и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотимъ тебѣ добра; но вотъ теперь брата нашего Романа

ты вывелъ изъ Кіева и намъ путь кажешь изъ Русской земли безъ нашей вины: такъ пусть разсудитъ насъ Богъ и сила крестная.» Андрей сильно разсердился, призвавъ мечника Михна и наказалъ ему: «Поѣзжай къ Ростиславичамъ и скажи имъ: не ходите въ моей волѣ, такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату; ты, Давидъ, ступай вонъ въ Берладъ, въ Русской землѣ не велю тебѣ быть; и ты, Мстиславъ, всему зачинщикъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ». Отпустивъ Михна, князь велѣлъ собирать войско, разжигался гнѣвомъ, требовалъ помощи отъ новгородцевъ, сносился съ княземъ смоленскимъ и готовъ былъ выступить въ походъ, когда вернулся къ нему Михно, любимый имъ мечникъ и всегдашній вѣрный посолъ. Какъ только увидѣлъ его князь Андрей, такъ даже опалъ въ лицѣ, весь перемѣнился и на ногахъ не устоялъ: сѣлъ на ближнюю скамью и смотрѣлъ на Михна, какъ на пришельца съ того свѣта: голова и борода у него были острижены. Михно, исполняя установленный обрядъ, сказалъ:

— Князь Мстиславъ приказалъ тебѣ сказать: «Мы до сихъ поръ почитали тебя какъ отца, по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, но какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ».

Но князь Андрей ничего не слыхалъ, и только черезъ нѣсколько времени собрался съ духомъ и проговорилъ:

— И это они смѣли, они смѣли это сдѣлать съ моимъ посломъ? Который изъ нихъ, говори, это смѣлъ? Который могъ подумать, что я его не добуду, хотя на днѣ морскомъ? Мстиславъ? Да? Этотъ мальчишка со мной вздумалъ тягаться? Эй! Прокопій! Позвать мнѣ сейчасъ Ефрема, позвать Бориса Жирославича!... Погоди, востроногій! Куда ты бросился, какъ угорѣлый? Позвать мнѣ княгиню, да Юрія Андреевича!... Нѣтъ, не надо, ступай! Я самъ къ нимъ пойду... А ты, мой

бѣдный Михно! За меня ты такъ пострадалъ, за то-же и я твоей службы не забуду. Поди ты къ Анбалу и вели выдать тебѣ за стриженую голову пятьдесятъ гривенъ серебра, а за бороду сто; волосы дѣло наживное, выростутъ, а полтораста гривенъ я съ мальчишки Мстислава ворочу съ жидовскою лихвою!

Княгиня была оскорблена не менѣе самого князя, нисколько не удивилась, что завтра все войско выступаетъ въ походъ, но сына Юрія отпустить не хотѣла.

— Конечно, я спорить съ тобою не смѣю,—говорила она печально; — но подумай, князь, что нашъ Юрій у насъ послѣдній, и если, чего Боже сохрани, его убьютъ, то что будетъ съ нами? Осиротѣемъ мы съ тобою, и вся мудрая работа твоего княженія съ тобою пропадетъ. Нѣтъ, война нехорошее дѣло, когда идетъ впереди всѣхъ единственный сынъ, да еще такой молодой, такой красавецъ! Богу угодно было отнять у насъ старшаго, Изяслава; нѣтъ четырехъ мѣсяцевъ, какъ умеръ Мстиславъ. Остается одинъ Юрій, и если я его потеряю, то Богъ знаетъ зачѣмъ тогда и мнѣ жить на свѣтѣ. Пусть идетъ Борисъ Жидиславичъ, а моего мальчика оставь мнѣ, князь!...

— Постой, постой, матушка княгиня! — остановилъ ее Андрей:—кто такой, не знаешь-ли ты, Тамарь, царевна грузинская? А, знаешь? Тамарь—жена твоего мальчика, и вотъ уже годъ, какъ онъ женатъ, этотъ мальчикъ, а ты все хочешь въ хлопочкахъ его держать? Да онъ самъ-то захочетъ-ли этого? И какимъ онъ великимъ княземъ послѣ меня останется, когда на войнѣ не бывалъ, драки настоящей не видалъ? И напрасно ты думаешь, что какъ только сѣча, такъ князь и убитъ! Это очень рѣдко бываетъ. Припомни, сколько разъ я самъ спасался изъ сѣчи, сколько разъ отбивался? Не даромъ меня попрекаютъ, что я памятникъ поставилъ своему убитому коню... Нѣтъ, это ты не должна говорить, Юрій пойдетъ, но ему всего

только двадцатый годъ, и конечно не онъ будетъ главнымъ начальникомъ рати. Надо всѣми будетъ начальникомъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, а старику Жидиславичу ты уже сама по-строже накажи, чтобы онъ берегъ Юрія. Конечно, береженаго Богъ бережетъ...

— Бѣдная Тамарь! Что только съ ней будетъ, когда она узнаетъ, что Юрій идетъ въ походъ! — говорила княгиня со слезами на глазахъ;—бѣдняжка ѣхала изъ своей теплой родины, чтобы пригрѣться въ нашей семьѣ; и вдругъ опять одна одинешенька...

— Полно, полно, княгиня!—сказалъ князь Андрей: — а ты ее утѣшь, пригрѣй, приласкай хорошенько. Это у васъ между бабами бываетъ, я знаю: вы умѣете и поплакать вмѣстѣ, и утѣшиться, другъ дружкѣ слезы утереть... А какъ Юрій вернется, наказавъ супротивниковъ своего отца, такъ ей куда какъ сладко будетъ съ нимъ свидѣться!

Черезъ полгода, въ самомъ началѣ зимы, вернулся Юрій Андреевичъ, но не побѣдителемъ, а разбитымъ, пристыженнымъ, ужасно сердитымъ на черниговскаго князя и на воеводу Жидиславича. Онъ такъ объяснялъ бѣгство своего войска изъ-подъ Вышгорода:

— Девять недѣль стояли мы подъ Вышгородомъ, добывали городъ и нашего сопротивника Мстислава. Вдругъ слышимъ: идетъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій со всею Волынскою землею искать себѣ старшинства. Какое тутъ старшинство при насъ, когда тутъ безъ малаго пятьдесятъ тысячъ войска стоитъ за великаго князя Андрея? А черниговскій князь сталъ съ нимъ переговариваться, онъ и ушелъ къ Рюрику въ Бѣлгородъ. Всѣхъ насъ было до двадцати князей, стало-быть двадцать войскъ, а не одно: были новгородцы, что пошли насильно; были смоляне, а имъ все равно, кто возьметъ старшинство, былъ всякій сбродъ, а черниговскій князь не съумѣлъ изо всего этого сброда сдѣлать одно войско. Прошелъ вдругъ

слухъ, что луцкій князь ночью ударитъ намъ въ тылъ, а Мстиславъ изъ Вышгорода вылѣзетъ, и слухъ этотъ пошелъ сначала изъ новгородскаго стана. Я говорилъ дядѣ черниговскому, чтобы онъ отпустилъ меня, пожалуй еще съ кѣмъ нибудь, чтобы разбить волынское войско, а Вышгородъ тѣмъ временемъ не уйдетъ; а онъ все медлилъ. Вдругъ во всемъ уже войскѣ стали громко говорить, что ночью будетъ худо, что ночью ударятъ въ насъ съ двухъ сторонъ. Точно очумѣлъ весь народъ: передъ вечеромъ ударились бѣжать, переправляться черезъ Днѣпръ. Никто ихъ не гонитъ, не трогаетъ, а они мечутся какъ угорѣлые, бросаются въ лодьи, на плоты, а кто такъ и вплавь, захвативъ какое нибудь бревно: перетонуло сколько второпяхъ! Очумѣлъ народъ такъ, что никто ничего не слушаетъ, хоть руби его, хоть на части разсѣкай, а онъ бѣжитъ безъ оглядки, ничего уже не помнитъ и не понимаетъ. Не одному же мнѣ было оставаться въ станѣ! А тѣмъ временемъ изъ Вышгорода выѣхалъ Мстиславъ, ударилъ на отсталыхъ, и, конечно, многихъ перехваталъ руками. За Днѣпромъ вижу я нашего Жидислава: сидитъ на берегу, на песочкѣ, плачетъ съ досады, волосы на себѣ рветъ остальные. Себя мнѣ жалко было, а его, старика, еще больше пожалѣлъ: вѣдь онъ цѣлый вѣкъ свой воевалъ, а такого сраму съ нимъ не бывало... Бояринъ Петръ Кучка стоялъ возлѣ него, утѣшалъ...

Раздосадованный князь Андрей прогналъ сына съ глазъ своихъ долой и долго не хотѣлъ видѣть Бориса Жирославича. Черезъ нѣсколько времени весь Владимiръ всполошился: воевода Жирославичъ найденъ въ своей постели задушеннымъ. Поговорили, покойника похоронили, и удивлялись только, что розыска никакого не было, а какъ будто такъ и быть слѣдовало. Прошло недѣли двѣ, нашли боярина Петра Кучку зарѣзаннымъ въ постели, и городъ всполошился пуще прежняго: вѣдь бояринъ былъ роднымъ братомъ великой княгини. Какъ

только услыхала объ этомъ княгиня, тотчасъ призвала къ себѣ другаго брата, боярина Якима, долго съ нимъ о чемъ-то говорила и уѣхала изъ Боголюбова сначала въ монастырь, во Владиміръ, а оттуда прямо на Москву, помолиться на могилѣ отца. Уѣхала она 27 іюня (1174 г.), а 29-го, утромъ, прошелъ страшный слухъ: будто-бы князя Андрея убили. Въ самомъ дѣлѣ, тѣло его лежало на землѣ, на огородѣ, и первымъ явился надъ нимъ Кузьма кіевлянинъ. Когда онъ плакался надъ тѣломъ, подошелъ къ нему ключникъ Анбалъ. Кузьма, взглянувши на него, сказалъ:

— Анбалъ, вражій сынъ! Дай хоть коверъ, или что нибудь подостлать и прикрыть нашего господина!

— Ступай прочь! — отвѣчалъ Анбалъ; мы хотимъ бросить его собакамъ.

— Ахъ, ты еретикъ! — сказалъ ему на это Кузьма: — собакамъ выбросить? да помнишь-ли ты, жидъ, въ какомъ платьѣ ты сюда пришелъ! Теперь ты стоишь въ бархатѣ, а князь твой нагой лежитъ! Честью тебя прошу, сбрось мнѣ что нибудь!

Анбалъ усовѣстился и сбросилъ коверъ и корзно. Кузьма обвертѣлъ тѣло и понесъ его въ церковь. Козьмодемьянскій игуменъ Арсеній отпѣлъ тѣло и положилъ его въ гробъ; а между тѣмъ въ княжескомъ теремѣ шелъ грабежъ: убійцы Якимъ Кучка, Анбалъ, Ефремъ Моизичъ и еще человѣкъ пятнадцать дѣлили между собою княжеское добро и казну.

Княгиня Улита была въ это время въ Москвѣ; тамъ до нея дошла вѣсть о смерти мужа. Она съ тѣхъ поръ изъ Москвы не выѣзжала, но умерла тамъ въ глубокой старости, потерявъ и послѣдняго сына Юрія.

12.

ПОЛКЪ ИГОРЕВЪ.

(1185 г.)

Изо всѣхъ княгинь въ Русской землѣ княгинѣ Евфросиніи Ярославнѣ воздавался, можетъ быть, самый большой почетъ, хотя мужъ ея, сѣверскій князь Игорь Святославичъ, былъ далеко не самымъ сильнымъ и не самымъ богатымъ княземъ. Да и по роду своему она была не изъ тѣхъ, кому приходилось занимать ума. Отецъ ея, князь галицкій, Ярославъ Владимірковичъ Осмомыслъ, былъ правнукомъ перваго изгоя русскаго, Ростислава, старшаго изъ внуковъ Ярослава Стараго, обдѣленнаго дядями и бѣжавшаго въ Тмуторокань, а матерью была внучка Мономаха, Ольга Юрьевна, дочь Юрія, Суздальскаго князя, прозваннаго Долгорукимъ. По породѣ видно, что ума ей занимать не приходилось.

Мужъ ея, какъ и она, потомокъ Ярослава Стараго, былъ внукомъ Олега Черниговскаго, и между многими женихами она выбрала его, Игоря, за то, что онъ былъ и всѣхъ красивѣе, и всѣхъ мужественнѣе, и далеко не бѣденъ. Конечно, Сѣверское княжество было хоть и не Суздальская земля, и не Кіеву чета, и родинѣ ея Галичу не могла равняться, а земля была богатая. Правда, что половцы, со стороны степи, около сѣверной Украйны, бились какъ саранча, и того только и гля-

дѣли, какъ-бы ворваться; но ни одинъ князь не съумѣлъ-бы такъ защитить свою отчину, какъ Игорь-соколъ Святославичъ, ничья рука съ такою страшною силою не разила поганыя полчища, ничей конь не топталъ такъ смѣло полковъ окаяннаго, безбожнаго и треклятаго Кончака, ни одинъ князь не былъ такъ страшенъ этимъ заклятымъ врагамъ Русской земли и святыхъ церквей.

Княжна Евфросинія Ярославна вышла замужъ рано, какъ въ тѣ времена было въ общемъ обычаѣ; въ 1185 году ей былъ всего только тридцать четвертый годъ, а старшій сынъ ея, пятнадцатилѣтній Владиміръ, сидѣлъ уже съ своимъ кормильцемъ въ Путивлѣ, учился княжить, и готовъ былъ встрѣтить половецкое вторженіе съ настоящею отцовскою удалью. Кромѣ Владиміра у нея были еще три молодца-сына, Олегъ, Святославъ и Романъ, да двѣ дочки, обѣ краше утренней зори. И часто княгиня ѣзжала въ Путивль и подолгу гостила у сына, пока князь Игорь бывалъ въ походѣ, или пока онъ уѣзжалъ въ Трубчевскъ, повидаться съ любимымъ братомъ своимъ Всеволодомъ Святославичемъ. Правда, въ Трубчевскъ любила навѣдываться и сама княгиня: очень уже дружна она была съ княгиней Ольгой Глѣбовной, женой Всеволода. Случалось, ѣзжала и въ Галичъ, погостить у отца, самаго сильнаго изъ южныхъ князей: «онъ высоко сидѣлъ на своемъ златокованомъ столѣ, подпиралъ горы Венгерскія своими желѣзными полками, заступалъ путь королю венгерскому, затворялъ ворота къ Дунаю, отворялъ ворота къ Кіеву». Гостить въ Галичѣ подолгу Евфросинія Ярославна не любила. Тамъ бояре набалованы были дѣдомъ Владиміркомъ, забрали себѣ большую власть, и галицкій князь-отецъ не былъ такъ воленъ, какъ остальные князья на Руси. Княгиня-мать, Ольга Юрьевна, родная сестра суздальскаго князя Всеволода Юрьевича, давно умерла, и когда пріѣзжала къ отцу въ Галичъ сѣверская княгиня, то сидѣла послѣ отца на первомъ мѣстѣ; бояре, а также

заѣзжіе венгерцы и поляки за великую для себя честь считали только поклониться ей, а все не весело было Ярославнѣ, привыкшей къ тому, что въ Сѣверскомъ никто никогда ни малѣйшимъ словомъ не заикался противъ власти ея мужа. Галицкій бояринъ Тудоръ такой же, кажется, бояринъ, какъ кіевскій любимецъ князя Святослава Кочкарь, а все не то, и говоритъ не такъ, и все будто хочетъ показать, что онъ— чуть не равенъ самой княгинѣ. А этого княгиня сѣверская выносить не могла, и съ удовольствіемъ уѣзжала въ свой Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ народъ, отъ самаго малаго до самаго великаго, ходилъ во всей ея волѣ. Не то, чтобы она была сурова, нѣтъ, напротивъ: она была и ласкова, и милостива, умѣла обласкать человѣка, ободрить его, если онъ, бывало, оробѣетъ и смѣшается; но не любила тѣхъ простыхъ людей, не княжескаго рода, которымъ не нужна была ея милость. Ей все казалось, будто они норовятъ стать съ ней рядомъ. Изъ княжескаго, Ярославова рода, она всѣхъ считала своими равными, и какъ бы князь ни былъ бѣденъ, онъ былъ ея почетнымъ гостемъ. Изъ полоцкихъ князей были очень захудалые роды, однако она дочь пинскаго князя Александра Дубровицкаго Өеодору держала какъ родную дочь и никому не сказывая прочила ее въ невѣсты своему второму сыну Олегу (старшаго собиралась она женить на сиротѣ, дочери покойнаго суздальскаго князя Михаила Юрьевича). Ласково также принимала она изгоя Ростислава Иваныча, Берладникова сына, хотя у него не было ни кола, ни двора. Но самъ Ростиславъ смотрѣлъ въ лѣсъ, сколько его ни кормили. Это было оттого, что отецъ Ростислава былъ обиженъ дѣдомъ княгини Евфросиніи, Владиміркомъ Галицкимъ, лишенъ волости и принужденъ скитаться по бѣлу свѣту.

Какъ-то вернулся онъ изъ похода съ Игоремъ Святославичемъ. Князь завезъ его къ себѣ въ Сѣверскій чуть не насильно, отдохнуть. Какъ водится, княгиня Евфросинія встрѣ-

тила полкъ за городомъ: впереди дружины ѣхалъ самъ князь Игорь, по лѣвую руку отъ него братъ, трубчевскій князь буй-туръ Всеволодъ, а по правую — княгиня замѣтила невиданнаго красавца, напоминавшаго ей брата ея Владиміра Ярославича, только гораздо моложе, статнѣе и красивѣе.

— Вотъ тебѣ дорогой гость, Фросинья, — сказалъ Игорь, показывая на незнакомаго витязя: — вдвойнѣ дорогой гость, потому что, первое дѣло, онъ такой же точно правнукъ Володаря Ростиславича, какъ ты правнучка, а второе дѣло — безъ него отвѣдалъ бы я половецкой сабли. Нежданно какъ-то шестеро половцевъ на меня наскочили, а шишакъ-то былъ разрубленъ. Онъ тутъ какъ тутъ, ударилъ какъ Перунъ и показалъ этимъ безбожникамъ, что Ильи Муромцы на Руси еще не перевелись: одного хватилъ черезъ-чуръ крѣпко, до коня разрубилъ, а потомъ черезъ-чуръ легко сталъ помахивать: отъ одного удара двѣ головы покатилось. Мнѣ тоже удалось махнуть разъ другой, вотъ и стало намъ просторно. Безъ этого берладскаго меча, теперь бѣлѣли-бы мои косточки, вороньемъ обчищенныя. А за эту услугу ты устрой такъ, чтобы онъ у насъ въ Сѣверскомъ загостился и цѣлый свѣтъ позабылъ.

Но княгиню можно было и не просить объ этомъ: она такъ была благодарна князю Ростиславу за спасеніе мужа, что чествовала его какъ старшаго брата и не находила словъ, какъ бы высказать ему свою благодарность.

— Этого совсѣмъ и не надо, матушка княгиня, — говорилъ ей Ростиславъ Ивановичъ за ужиномъ; — можно сказать не стоитъ благодарности. Сѣча это такое уже дѣло, что надобно рубиться, и ничего не подѣлаешь, и враговъ считать нельзя, пропадешь. Такое это дѣло, что надо за свой стягъ стоять крѣпче каменной горы, не то что какъ за самого себя, а десять разъ отдать себя, только чтобы стягъ отстоять. Ну и за князя надо стоять какъ за стягъ, потому что князь намъ тотъ же стягъ, безъ него пожалуй что и побѣда намъ не нужна.

Такое это дѣло, что надо избивать врага сколько можно, а своего, даже и не князя, выручать. На шестерыхъ-то поганыхъ, или—сколько ихъ тамъ было—я бы и такъ бросился, еслибъ они на простаго воина напали, не то что на князя. И не я одинъ, всякій воинъ это дѣлаетъ въ сѣчѣ, сплошь и рядомъ, всякій день, безъ этого нельзя, такое ужь дѣло—сѣча. Кинешься на десятерыхъ одинъ, а глядишь, за тобой поспѣлъ еще кто нибудь, а то такъ и двое, трое, вотъ поганыхъ-то и побили. Такое ужь дѣло сѣча, и благодарить тутъ вовсе не за что. Такъ-ли я говорю, Всеволодъ Святославичъ? Это все равно, что благодарить добрый клинокъ за то, что онъ въ рукахъ не разсыпается. Его уже дѣло такое, чтобы рубить исправно.

— Что же ты недобрый такой, князь,—сказала княгиня Евфросинія,—что не даешь благодарить тебя, пожалуй хоть и за то только, что ты исправный клинокъ. Вѣдь ты самъ вѣрно цѣнишь и бережешь мечъ, если попадется исправный, добрый клинокъ, который выдержитъ сѣчу, и другую, и третью. Дай же и мнѣ поберечь тебя, дорогаго сродника, за то, что ты въ эту сѣчу, какъ ты самъ говоришь, рубилъ исправно.

Но изгой Ростиславъ Ивановичъ или не принималъ, или не понималъ благодарности за такое дѣло, которое все равно дѣлать слѣдовало. Но княгиня назвала его сродникомъ, заговорила о его мечѣ, и растревожила всѣ старыя раны молодаго безземельнаго князя. Онъ нахмурился и отвѣчалъ:

— Не одну сѣчу отслужилъ мой мечъ, княгиня Евфросинія Ярославна! Достался онъ мнѣ отъ знаменитаго моего отца, Ивана Берладника, прирожденнаго князя галицкаго, котораго князь Владимірко, твой дѣдъ, лишилъ законнаго удѣла его Звенигородскаго, того самаго Ивана Берладника, за котораго отецъ твой, княгиня, поднималъ и Венгерскую, и Польскую земли на Кіевъ, чтобы только добиться его головы. Слыхала-ли ты, княгиня, о несчастіяхъ Ивана Берладника и о безмѣрной злобѣ на него твоего отца? Такъ этотъ добрый клинокъ

достался мнѣ отъ моего изгнаннаго отца. А что мы съ тобою сродники, княгиня, такъ это я никогда не забуду. Твой отецъ и мой, оба прямые внуки Галицкаго Володаря Ростиславича, забыть этого нельзя, и другой такой примѣръ найдется развѣ только въ Суздальской землѣ.

— Дѣдъ мой виноватъ былъ передъ твоимъ отцомъ,—отвѣчала княгиня Евфросинія кротко, но спокойно;—но и покойный отецъ твой сильно виноватъ былъ передъ моимъ отцомъ, когда взялъ Кучельмину и осаждалъ Ушицу, и хотѣлъ сѣсть на мѣсто моего отца. Но сегодня, князь Ростиславъ, не великодушно ты припоминаешь дочери ссоры нашихъ отцовъ. Тебя я не виню за зло, которое отецъ твой сдѣлалъ Галицкой землѣ, и ты, исправный, добрый мечъ, не вини меня за то зло, какое мой отецъ могъ сдѣлать твоему. Въ этотъ радостный день я могу только помнить добро, какое ты сдѣлалъ моему мужу, и благодарить, благодарить, не смотря на то, что упираешься и не хочешь благодарности. Здѣсь не Галичъ, а Новгородъ Сѣверскій, и я, княгиня Сѣверская, протягиваю руку князю Ростиславу, первѣйшему моему гостю.

— Инъ будь по твоему,—отвѣчалъ добродушный изгой, съ улыбкой протягивая княгинѣ свою руку: — я радъ быть гостемъ у княгини Сѣверской и жалѣю только, что не могу назваться... ну хоть княземъ какого нибудь Пинскаго болота.

Князь Ростиславъ разсмѣялся такъ добродушно, что его горькія воспоминанія или упреки были забыты, и большая стопа вина, привезеннаго черезъ Галичъ изъ Венгерской земли, пошла вокругъ стола и пили за здоровье перваго гостя, а онъ пилъ за здоровье Сѣверской княгини. Еще денекъ онъ пропировалъ въ Сѣверскомъ, а на третій, по утру, сторожа сказали, что молодой князь съ своимъ старикомъ и съ двумя стами берладниковъ выѣхалъ по дорогѣ къ Чернигову. Въ воротахъ онъ пропустилъ своихъ людей впередъ, а самъ велѣлъ стражѣ идти къ князю Игорю, благодарить его за хлѣбъ за соль. О

княгинѣ не сказалъ ни слова. Съ тѣхъ поръ однако, какъ сѣверскій князь ни зазывалъ его съ собою въ походы, онъ постоянно отказывался, не смотря на самыя выгодныя и заманчивыя предложенія.

Другіе князья съ удовольствіемъ гостили въ Новгородѣ Сѣверскомъ, потому что княгиня Евфросинія умѣла принять и угостить не только богато, но дружелюбно и тепло. Особенно пышный пиръ былъ на постригахъ младшаго сына ея Романа (1182 г.). Князей собралось девятеро, не считая брата князя Игоря, буй-тура Всеволода, который былъ не гостемъ, а своимъ человѣкомъ въ Сѣверскомъ. Былъ тогда и двадцатидвухълѣтній Мстиславъ, сынъ князя Святослава. Тогда умная княгиня, какъ слѣдовало хозяйкѣ, не отличала гостей одного отъ другаго, никто не могъ-бы сказать, что кто нибудь былъ здѣсь старшій, и только изрѣдка Мстиславъ замѣчалъ, что она особенно дружелюбно ему улыбалась. Его приходилось немножко отличать потому, что онъ былъ сынъ старѣйшаго на югѣ князя черниговскаго, который только-что сѣлъ на кіевскій престолъ, а княгиня хорошо понимала, какъ важно для сѣверскаго князя было дружественное расположеніе и Чернигова и Кіева.

Постриги считались важнѣйшимъ семейнымъ праздникомъ. Это были четвертыя постриги, которыя княгиня Евфросинія справляла на своемъ вѣку, и въ день праздника всякій разъ много плакала. Всякій русскій князь лѣтъ пяти или шести изъ женскихъ рукъ переходилъ въ мужскія; тутъ отнимались у него няньки и мамки, давался ему кормилецъ; потомъ епископъ или, за неимѣніемъ его, уважаемый игуменъ, въ первый разъ стригъ ему волосы, а самый почетный гость сажалъ его на коня. На постригахъ княгиня всякій разъ какъ будто теряла сына, и хотя материнская любовь и послѣ церемоніи не давала ей спускать глазъ съ сына, но кормилецъ какъ будто отнималъ у нея половину материнской власти.

Плакала она всякій разъ вмѣстѣ съ княгиней Ольгой Глѣбовной, у которой дѣтей не было; но добрая Ольга женскимъ чутьемъ хорошо угадывала материнскія чувства и плакала обыкновенно больше самой матери.

— Гадкіе эти мужчины! — говорила княгиня Ольга, — кромѣ войны ничего у нихъ нѣтъ на умѣ! Младенцу едва шесть лѣтъ минуло, а они его берутъ въ свой полкъ и рады-бы сейчасъ и въ походъ его взять, еслибы только онъ выдержалъ.

— Да, не счастливая наша женская судьба!—замѣчала задумчиво княгиня Евфросинія:—дочерей обучаемъ, воспитываемъ, лелѣемъ, любимъ до шестнадцатаго года, а потомъ отдаемъ мужу; сыновей воспитываемъ, балуемъ, обучаемъ, голубимъ еще меньше, всего только до шести лѣтъ, и отдаемъ на ратное дѣло, потому что кормильцы эти по седьмому году пріучаютъ ихъ къ охотѣ на звѣря, къ крови, ко всякимъ лишеніямъ. Моему Олегу не было еще восьми лѣтъ, а кормилецъ по цѣлымъ суткамъ не давалъ ему перекусить ни черствой корки: водитъ съ собой по лѣсу, бьетъ съ нимъ звѣря дикаго, самъ не ѣстъ и ему не даетъ. Надо, говоритъ, ко всему пріучать. Мальчишка отощалъ, измучился, плачетъ, ѣсть хочетъ, а кормилецъ знай свое толкуетъ: надо привыкать. Я какъ узнала это, такъ едва ему глаза не выцарапала. Конечно, русскій князь долженъ быть закаленъ для боевой и походной жизни, какъ хорошее желѣзо, да зачѣмъ же голодомъ морить мальчишку? Вырости мнѣ богатыря, за это спасибо скажу; а какой можетъ выйдти прокъ изъ голоднаго заморыша!...

На постригахъ Романа былъ бояринъ отъ суздальскаго великаго князя Всеволода. Прислалъ онъ за себя боярина Матѣяша Бутовича, и важный, сановитый бояринъ встрѣтился на праздникѣ съ другимъ, присланнымъ отъ Ярослава Галицкаго, съ Тудоромъ, проворнымъ, вертлявымъ какъ мальчишка. Матѣяшъ Бутовичъ, родомъ изъ Ростова, вздумалъ обижаться,

что не ему даютъ сажать маленькаго княжича на коня. «Я, говоритъ, здѣсь не самъ отъ себя, а за мѣсто великаго князя!» Бояринъ Тудоръ выручилъ изъ непріятности, и придравшись къ тому, что онъ изъ Галича привелъ княжичу въ подарокъ отъ дѣда венгерскаго коня, сталъ говорить, что и онъ здѣсь не самъ отъ себя, а замѣсто дѣда, стало быть ему и приходится сажать. Накричалъ, нашумѣлъ, насмѣшилъ всѣхъ гостей, такъ что князю Игорю не трудно было сдѣлать по своему.

— Великаго князя суздальскаго я почитаю какъ отца,— сказалъ онъ;—великаго князя галицкаго, тестя моего, почитаю какъ отца-же; но троихъ сыновей сажалъ у меня на коня братъ мой любимый князь Трубчевскій Всеволодъ Святославичъ. Пусть-же онъ и четвертаго посадитъ.

Такъ и сдѣлалось. Ростовскій бояринъ пробовалъ было дуться на галицкаго, но Тудоръ совсѣмъ заговорилъ его: похвалилъ его коня, выведеннаго съ Кавказа, расхвалилъ уздечку и сѣдло, привезенныя черезъ Новгородъ изъ-за моря, что-то сказалъ про великую мудрость людей, живущихъ на сѣверѣ, и вечеромъ они разъ по десяти пили за здоровье одинъ другаго. Пиръ былъ въ тоже время на весь міръ, и самые старые сѣверцы не помнили такого богатаго угощенья. Весь городъ Сѣверскъ былъ три дня сряду жирно сытъ и сладко пьянъ на княжескихъ харчахъ.

Въ княжескомъ теремѣ праздники и пированье продолжались цѣлую недѣлю, а потомъ княгинѣ понадобилось ѣхать во Владиміръ. Нужды, по-настоящему, никакой не было; но ей очень понравился молодой Мстиславъ Святославичъ, а за годъ передъ этимъ, когда она ѣздила въ Суздальскую землю, понравилась ей свояченица суздальскаго великаго князя Всеволода, рѣдкой красоты ясыня или черкешенка. На постригахъ рѣшила она, что надобно Мстислава женить, а ясыню выдать замужъ, и для этого сначала свезти жениха во Владиміръ.

Небольшаго труда стоило ей уговорить Мстислава проводить ее на сѣверъ, къ дядѣ. Миръ былъ заключенъ, и княгиня разсчитывала, что если она женитъ Мстислава Святославича на свояченицѣ, то миръ отъ этого только станетъ прочнѣе, а Сѣверскій край будетъ спокойнѣе.

Городъ Владиміръ какъ нарочно выстроенъ былъ для помѣщенія большаго количества гостей, и Мстиславу при дворѣ великаго князя жилось хорошо. Пиры слѣдовали за пирами, и женитьба была пышная. Цѣлый мѣсяцъ послѣ того молодые прожили въ особомъ небольшомъ для нихъ отведенномъ дворѣ или дворцѣ.

Пока княгиня Евфросинія Ярославна пировала во Владимірѣ, князь Игорь Святославичъ оставался на границѣ беречь Русскую землю, а на досугѣ забавлялся охотою съ любимымъ своимъ братомъ Всеволодомъ. Оба они были настоящіе витязи, смѣлые, сильные, неутомимые, неугомонные, и если случалось имъ просидѣть подъ крышею, между стѣнами, цѣлый день сряду, то на другой день они начинали не только скучать, но прямо тосковать, какъ тоскуетъ въ клѣткѣ медвѣдь. Обѣ княгини, Ярославна и Глѣбовна, нерѣдко ворчали за это на мужей, но это было напрасно, потому что звѣрь тоскующій въ клѣткѣ не виноватъ нисколько въ томъ, что его природа требуетъ простора, воли, воздуха, борьбы, чтобы было чѣмъ потѣшить молодецкую силу, расправить острые когти, или крикнуть такъ, чтобы звѣри лѣсные задрожали въ своихъ трущобахъ. Не сидѣлось имъ на мѣстѣ, душно было въ избѣ, покой они считали смертью, оттого и мертвыхъ назвали покойниками. Съ малолѣтства привыкали они владѣть копьемъ, мечомъ, рогатиной, лукомъ, топоромъ, ловко попадали стрѣлой въ летящую дикую утку, и спокойно умѣли выжидать на мѣстѣ нападенія дикаго вепря. Въ сраженіи они какъ звѣри кидались впередъ, и ихъ мышцы, закрытыя тяжелою бронею, по цѣлому дню не отказывались имъ служить въ сѣчахъ, гдѣ

падали люди какъ колосья подъ острою косой. Если не съ кѣмъ было воевать, то они потѣшались охотой, а звѣря всякаго было много, лоси вытаптывали хлѣбные посѣвы, медвѣди обгрызали овесъ на корню, волки рыскали вокругъ воинства, выступавшаго въ походъ, лисицы лаяли и выли на красные щиты. Кромѣ того, что было привольно звѣрю водиться въ неисходныхъ лѣсахъ, народу было немного, люди жили больше по большимъ рѣкамъ, дорогъ вовсе не было и, главное, не было ружей, которыя такъ легко истребляютъ все живое, а еще больше распугиваютъ.

Но охотничьи похожденія, самыя трудныя, самыя опасныя, не удовлетворяли могучихъ витязей стараго времени. Имъ нужна была опасность побольше, чѣмъ встрѣча въ темномъ лѣсу съ медвѣдемъ; имъ нуженъ былъ громъ сѣчи, крики побѣды, стоны раненыхъ, цѣлые потоки крови, потому что жизнь человѣческая, жизнь простаго воина, цѣнилась ни во что. Потеря человѣка, работника была, правда, невыгодна; чтобы добыть новыхъ работниковъ на мѣсто убылыхъ, надо было нахватать много плѣнныхъ; но среди богатаго пира кроваваго боя хозяинъ не жалѣлъ расхода въ нѣсколько сотъ жизней, потому что русскій распировавшійся хозяинъ всегда готовъ пустить всякую копѣйку ребромъ. Въ старое время усобицы между князьями почти не переставали; но это надобно объяснять не ихъ алчностью, не желаніемъ отнять у сосѣда одинъ или два города, пять или шесть деревень, а чаще всего тѣмъ, что князьямъ не сидѣлось дома, что нравъ ихъ требовалъ войны и сила неодолимо стремилась проявиться.

Когда Святославъ Всеволодовичъ укрѣпился въ Кіевѣ (февраль 1184 г.), онъ сталъ думать, какъ бы пойдти на половцевъ въ степь; посовѣтовался съ своимъ сватомъ Рюрикомъ Ростиславичемъ и вмѣстѣ съ нимъ сталъ у Ольжичь, поджидая изъ Чернигова брата Ярослава. А къ Ярославу по-

сланъ былъ крѣпкій приказъ, чтобы собиралъ полки и шелъ на половцевъ. Но Ярославъ кіевскаго брата своего не послушалъ, не потому, чтобы онъ не радъ былъ повоевать наравнѣ съ прочими князьями, а просто потому, что Кіевъ потерялъ уже всякую силу. Мечникъ Жирославъ, присланный въ Черниговъ съ приказомъ выступать въ походъ, былъ принятъ съ обычнымъ почетомъ, какъ водилось принимать посланцевъ отъ старшаго брата; но черниговскій князь обидѣлся уже тѣмъ, что къ нему присланъ не бояринъ, а мечникъ, однако сказалъ, что созоветъ дружину, подумаетъ и отвѣтъ дастъ послѣ думы. А бояре черниговскіе вовсе не думали, что имъ надобно слушаться всякаго кіевскаго приказа, сообщеннаго мечникомъ.

— Твоя воля,—говорилъ одинъ изъ бояръ;—какъ ты скажешь, такъ и будетъ; но кажется, какъ будто Кіевъ слишкомъ заважничалъ. Давно-ли, кажется, самъ князь Святославъ сидѣлъ въ Черниговѣ и не только не слушалъ Кіева, но по два и по три раза въ годъ бивалъ его дружины. А теперь вотъ на-ко! Выступай въ походъ, кидай свои земли, свои семейства, ступай въ степи, голодай, мнѣ такъ угодно! Конечно, Святославъ намъ старшій братъ, да Кіевъ-то давно всякое старшинство потерялъ. Слава Богу! Нынче не тѣ трудныя времена, когда бывало князь Мономахъ дѣлалъ изъ Чернигова что хотѣлъ, когда Черниговъ былъ кіевскимъ пригородомъ. Теперь Черниговъ сталъ самъ по себѣ стольнымъ городомъ своего княжества, такимъ же, какъ Кіевъ, и если есть надо всѣми княжествами глава, такъ это пожалуй Владиміръ Суздальскій, а ужь никакъ не Кіевъ. И что стали бы мы, напримѣръ, дѣлать, еслибы тоже сегодня великій князь Всеволодъ Юрьевичъ прислалъ своего мечника съ приказомъ идти хоть-бы на Новгородъ? Разорваться намъ что-ли съ двумя-то великими князьями? А если разорваться нельзя, то приходится, помимо всякаго приказа, самому тебѣ, князь великій, разсудить, время-ли теперь идти на половцевъ? Хорошо ли будетъ

теперь, захвативъ съ собою князя Святослава и князя Рюрика Ростиславича, поискать въ степи половцевъ?

Другой бояринъ говорилъ:

— Диковинное это дѣло, какъ мѣсто перемѣняетъ человѣка! Сидя здѣсь, Святославъ говаривалъ, что пока свѣтъ стоитъ на свѣтѣ, Кіевъ не станетъ приказывать Чернигову, а какъ только сѣлъ въ Кіевѣ, такъ иприслалъ приказъ. Такъ не дѣлалъ самъ Мономахъ, а все или посовѣтуется съ княземъ, или грамоту пришлетъ. И нарочно, чтобы держать Черниговъ въ черномъ тѣлѣ, прислалъ Жирославку, который служилъ въ моей дружинѣ, проворовался и взятъ къ князю за то, что выше всѣхъ ростомъ.

Остальные бояре тоже ничего не говорили противъ похода, но всѣ одинаково были обижены тѣмъ, что Кіевъ вздумалъ помыкать Черниговомъ. Выходило, что еслибы Кіевъ прислалъ боярина посовѣтоваться о походѣ, то всѣ до одного подали-бы такое мнѣніе, что идти надобно, и выступать сейчасъ-же. Бояре княжескихъ дружинъ точно такъ же любили войну и походы, какъ сами князья; другаго дѣла у нихъ никогда не бывало, и если они отказывались идти, то видно имъ мѣшало что нибудь особенно важное. На этотъ разъ они не шли, оберегая честь своего Чернигова противъ покушеній изъ Кіева. Князь черниговскій не могъ насильно заставить своихъ бояръ идти; онъ зналъ, что они пойдутъ, но биться будутъ неохотно и дѣло кончится худо. Не разъ бывали примѣры, что когда дружина шла противъ воли, то давала непріятелю себя бить и бѣжала съ поля сраженія какъ стадо барановъ. Однако вовсе отказать брату князь Ярославъ тоже не хотѣлъ, потому что Святославъ былъ старшій, и открыто ссориться съ нимъ было невыгодно. Приходилось ѣхать самому, безъ дружины, свезти свой отказъ и смягчить его на сколько возможно. Онъ засталъ старшаго брата у Ольжичъ, и выдержалъ цѣлый потокъ упре-

ковъ. Святославъ сердился на то, что младшій братъ смѣлъ его не послушать и явился одинъ.

— Что ты мнѣ толкуешь—пойдемъ лѣтомъ, —говорилъ онъ брату:—мнѣ лучше знать, когда надобно идти, потому что у меня лазутчики есть, люди, которые доносятъ мнѣ, гдѣ которая орда половецкая стоитъ, что собирается дѣлать, куда на весну пойдетъ. А ты что-же знаешь? Ну, скажи мнѣ, гдѣ теперь Кончакъ съ ордою? Гдѣ Кобякъ съ своими полчищами? То-то вотъ и есть, старшаго-то брата надо слушать! Еслибы твоя дружина не полѣнилась или не заупрямилась, такъ мы теперь по снѣгу накрыли бы хана Кобяка вотъ какъ охотники накрываютъ сѣтью куропатокъ. Ты моими словами не обижайся, я знаю, что ты добрый братъ; но бояръ своихъ ты по-крѣпче прибери къ рукамъ, а то будешь у нихъ на помочахъ ходить, вотъ какъ твой галицкій тезка, что безъ боярскаго согласія не можетъ деревни своей подарить вѣрному своему слугѣ.

Но упреками уже нельзя было помочь дѣлу, и старшій князь съ своею дружиною возвратился въ Кіевъ. По его разсчетамъ слѣдовало въ эту весну хоть немного пощипать половцевъ, и потому онъ рѣшился поднять въ походъ двухъ младшихъ князей, сѣверскаго Игоря и переяславскаго Владиміра Глѣбовича. Эти всегда были готовы выступить въ походъ, и только-что побывалъ у нихъ бояринъ Кочкарь, любимецъ Святослава, оба осѣдлали коней и сошлись на рѣкѣ Сулѣ.

— Свѣтъ очей моихъ, князь Игорь Святославичъ!—сказалъ князь Владиміръ Глѣбовичъ, встрѣчая быстро шедшую дружину:—насилу то я тебя дождался, мое солнышко! Что же теперь? Передохнешь денекъ, или можемъ и мы сниматься и идти?

— Кровь сердца моего, князь Владиміръ Глѣбовичъ!—сказалъ сѣверскій князь:—насилу-то я до тебя добрался, мой мѣ-

сяцъ ясный! Люди мои бодры, но кони притомились, и не отдохнувши мы идти не можемъ.

— Ну, такъ пока тебѣ шатеръ готовятъ, зайди, братъ, ко мнѣ, и отдохни. Завтра передъ свѣтомъ мы и пойдемъ.

Походъ былъ самый скороспѣшный; князь Владиміръ захватилъ съ собою только дружину, а полка не собиралъ: надо было сдѣлать въ степь только легкій набѣгъ, показать половцамъ, что русскіе князья не дремлютъ. У Владиміра было человѣкъ полтораста, у Игоря немного меньше. Дружинники были народъ большею частію отборный, на сытыхъ бодрыхъ лошадяхъ, привычный къ самымъ страшнымъ походнымъ трудамъ. На утро, рано, когда солнце еще не вставало, они засѣдлали коней и бодро, дружно, весело выступили въ походъ, перейдя вразсыпную по льду, покрытому уже водой, глубокій оврагъ, въ которомъ течетъ рѣка Сула. На томъ берегу люди раздѣлились на двѣ дружины, и Игоревцы, не спрашивая никого, стали забирать впередъ. Оба князя ѣхали рядомъ позади всѣхъ, дружелюбно толкуя о своихъ коняхъ и о томъ, какъ вредно давать имъ на походѣ хватать снѣгъ.

— Но уговоримся же, братъ, какъ мы пойдемъ? — сказалъ Владиміръ: — съ этой стороны я въ степи не бывалъ...

— А мнѣ такъ случалось! — возразилъ Игорь: — и до Оскола рѣки я здѣсь по степи всѣ лазы знаю. Не заботься, братъ, я поведу по хорошимъ мѣстамъ, сначала за Пселъ, потомъ за Ворсклу, не тамъ, такъ здѣсь наткнемся на кочевья...

— Конечно знаешь, свѣтъ мой братецъ, — отвѣчалъ Владиміръ; но это еще не все. У меня въ дружинѣ есть тоже человѣкъ десятокъ людей бывалыхъ въ степи. А мнѣ надо уговориться съ тобой, какъ, идя впередъ, идти мнѣ согласно съ твоей думой.

— Такъ и быть, впередъ-то пойду я, мое солнышко Владиміръ Глѣбовичъ. Пойдемъ, ужь такъ и быть, не мѣняя ста-

раго обычая, старшій впереди: противъ тебя-то я лѣтъ на десять или на двѣнадцать постарше буду.

Владиміръ покраснѣлъ отъ досады. Онъ былъ уже двадцативосьмилѣтній мужъ, но въ самомъ дѣлѣ противъ Игоря, которому минуло сорокъ лѣтъ, онъ былъ молодымъ человѣкомъ.

— Да и въ степныхъ походахъ я старше, — прибавилъ Игорь,—и стараго обычая рушить какъ будто не для чего...

— Въ степныхъ походахъ ты старше, это правда,—отвѣчалъ Владиміръ:—но князья-то мы съ тобой не въ степи, а на Руси, и потому старшинство-то за мной. Самъ знаешь, братецъ любезный, кто старше, Переяславль, моя волость, гдѣ сидѣлъ столько лѣтъ Мономахъ, когда на мѣстѣ Новагорода Сѣверскаго были пустынныя дебри, или твой Новый-городъ, поставленный въ одно время съ младенцемъ Курскомъ.

— Мономахъ! Мономахъ! — возражалъ Игорь, начиная сердиться: — давно этимъ именемъ прожужжали всѣмъ намъ уши, какъ будто другихъ князей на Руси и не бывало. Точно, Мономахъ сидѣлъ въ Переяславлѣ, но если уже на то пошло, чтобы поднимать старину, то надобно быть справедливымъ. Кто изъ двухъ родныхъ братьевъ былъ старше? Святославъ, получившій отъ Ярослава Стараго въ удѣлъ княжество Черниговское, или Всеволодъ, которому досталось Переяславское? У Святослава стараго былъ сынъ Олегъ, а этому Олегу я прихожусь прямымъ внукомъ. У Всеволода стараго былъ сынъ Мономахъ, и этому Мономаху приходишься ты, братецъ любезный, не внукомъ, а правнукомъ, стало быть по семейному счету ты мнѣ племянникъ, а не братъ. И какъ же это племянникъ вдругъ старше дяди сталъ? Развѣ можетъ свѣтъ стоять, когда племянникъ впереди дяди ѣздить станетъ? О такихъ порядкахъ, я думаю, никто на свѣтѣ еще не слыхивалъ!

— Такъ Мономахомъ тебѣ уши прожужжали?—спросилъ Владиміръ, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе: — бо-

лятъ у тебя уши отъ имени моего прадѣда, первоначальника русской славы? А у меня такъ болятъ уши, когда я слышу про Святославичей, про Олега и Давида, какъ они разоряли Русскую землю съ половцами, а что дядя иной разъ остается позади племянника, такъ вѣдь это въ вашемъ родѣ такъ водится. Давидовичи и Ольговичи выгнали же своего роднаго дядю Ярослава Святославича изъ Чернигова куда-то въ Муромъ, на край свѣта! Что я прихожусь сыну Ярослава Стараго праправнукомъ, а ты только правнукомъ, это правда, да подумай, дяденька любезный, кто стоитъ на моей лѣстницѣ, и кто на твоей? У меня прапрадѣдъ Всеволодъ Ярославичъ, бывшій княземъ въ Кіевѣ, это разъ. У меня прадѣдъ Мономахъ Всеволодовичъ, про котораго я ничего не скажу, чтобъ у тебя отъ ушей голова не разболѣлась, это два. У меня дѣдъ Юрій Мономаховичъ, который своими долгими руками изъ Суздаля добылъ себѣ Кіевъ, это три. У меня отецъ, Глѣбъ Юрьевичъ, сидѣлъ въ Кіевѣ великимъ княземъ кіевскимъ, это четыре, а я, благодаря Бога, сижу въ Переяславлѣ, на старшемъ столѣ послѣ Кіева. Насчитай, дяденька любезный, такой рядъ кіевскихъ князей въ своемъ родѣ, и поѣзжай съ Богомъ впередъ, тогда я возлѣ твоего стремени ходить буду.

— Про Кіевъ я могу тебѣ сказать, племянникъ, —сказалъ съ твердостью Игорь:—что онъ теперь немногаго стоитъ, и если на него смотрѣть изъ Владиміра, что въ Суздальской землѣ, такъ и не различить Кіева отъ Переяславля, Турова, Трубчевска или Брянска. А вотъ на родъ, на родство, на старшинство хоть съ самаго неба смотри, все будетъ то же, и дядя, откуда хочешь, будетъ старше племянника. Старшинство Мономахова рода вышло отъ людей, а противъ племянника старшинство дяди установлено самимъ Богомъ. Ты началъ счетъ свой съ прапрадѣда Всеволода Ярославича, такъ буду и я съ той же ступени считать. Мой прапрадѣдъ былъ постарше твоего, и былъ онъ твоему прапрадѣду роднымъ

отцомъ, и звали его Ярославомъ Владиміровичемъ Старымъ, это разъ. Посмотримъ теперь, какъ стоятъ наши прадѣды: мой былъ Святославъ Ярославичъ, а твой—племянникъ моего, Мономахъ Всеволодовичъ. Дѣды наши какіе? Мой—Олегъ Святославичъ былъ дядей твоему дѣду Юрію Долгорукому; мой отецъ Святославъ Ольговичъ былъ дядей твоему отцу Глѣбу, моему брату, а если ко всему этому прибавить, что изъ двухъ Ярославичей мой прадѣдъ Святославъ былъ старше твоего прапрадѣда Всеволода, то выйдетъ, что ты, любезный племянникъ, попалъ въ то лукошко, гдѣ яйца вздумали учить курицу. А такому ученью, гляди, не стали бы смѣяться сороки придорожныя. Стяни-ка своихъ людей назадъ, племянникъ. Непригоже имъ идти рядомъ съ дядиной дружиной.

— Эй! Переяславцы! — крикнулъ бѣшенымъ голосомъ князь Владиміръ:—Назадъ! За мной!

Онъ повернулъ коня и поѣхалъ назадъ къ Сулѣ, а за нимъ вразсыпную поскакала его дружина. Игорь посмотрѣлъ ему вслѣдъ, пожалъ плечами и присоединился къ своему отряду. Раздосадованный Владиміръ, вмѣсто того, чтобы идти прямо къ Переяславлю, направился прямо на сѣверъ, и сталъ воевать Сѣверскую землю. Наѣхалъ на село, выжегъ его, людей побралъ въ плѣнъ, и пошелъ дальше, въ другое село, тамъ въ третье, и разорилъ множество народу. Стариковъ онъ не бралъ, а отпускалъ, чтобы было кому сказать князю Игорю, что яйца приходили учить курицу уму-разуму.

— Такъ,—говоритъ,—и скажите сѣверскому князю, что куры нынче глупы стали, такъ яйца ихъ и принялись учить, чтобы сорокамъ придорожнымъ веселѣе было жить на свѣтѣ.

Объ этомъ разбойническомъ набѣгѣ узналъ прежде всѣхъ 14-лѣтній сынъ Игоря, сидѣвшій княземъ въ Путивлѣ, узналъ тутъ-же и кормилецъ его бояринъ Станимиръ Прокопьичъ. Пославъ повѣстить о разореніи Путивльской волости въ Рыльскъ, къ Святославу Ольговичу, онъ выступилъ навстрѣчу

переяславскимъ разбойникамъ; но они не дождались удара и побѣжали, довольные вредомъ, какой успѣли сдѣлать сосѣду.

За этотъ походъ не слѣдуетъ считать Владиміра Глѣбовича очень дурнымъ или очень жестокимъ человѣкомъ. Онъ поступилъ такъ, какъ на его мѣстѣ поступили бы чуть не всѣ русскіе князья. Разореніе простаго рабочаго народа дѣлалось только для того, чтобы потяжеле повредить князю, на котораго этотъ народъ работалъ, а что самому рабочему это тяжко, объ этомъ никто не думалъ, никто на это не обращалъ никакого вниманія.

Между тѣмъ князь Игорь съ своею дружиною шелъ дальше и дальше впередъ и дня черезъ два наткнулся на толпу половцевъ, которые шли къ русскимъ границамъ, чтобы немножко ихъ пограбить. Не думая ни мало, Игорь на нихъ ударилъ и погналъ, избивая половцевъ какъ можно больше. Но время стало неудобное, пошли такіе проливные дожди, что рѣки выступили изъ береговъ и всѣ броды стали покрыты высокою водой. Поневолѣ пришлось ему воротиться, но въ своей волости онъ нашелъ плачъ и разореніе: прошелъ войной князь Переяславскій. Услышавъ, что велѣлъ ему сказать Владиміръ Глѣбовичъ, онъ хотѣлъ было поворотить къ сосѣду и отплатить ему сторицею, но воздержался. Онъ рѣшился побывать прежде въ Путивлѣ, посмотрѣть, что дѣлаютъ княгиня и старшій сынъ, а потомъ—уже ѣхать и мстить.

Въ Путивлѣ онъ былъ встрѣченъ женою и старшимъ сыномъ. Княгиня Евфросинія только-что услышала, что сынъ ея выступилъ въ походъ, какъ пріѣхала въ его удѣлъ, но дружина возвращалась уже въ городъ въ одни ворота, когда княгиня въѣзжала въ другія. Едва дала она воеводѣ Станимиру Прокопьичу сойдти съ коня, какъ начала съ нимъ ссориться.

— И не стыдно это тебѣ, старому грѣховоднику,—говорила она,—взять въ походъ молодаго князя? Развѣ ты не зналъ, какъ отецъ всегда хотѣлъ самъ вести его на первые воинскіе

подвиги? Силъ что-ли у тебя не хватило, что ты взялъ его себѣ въ помогу? Ума что-ли не хватило поберечь своего питомца? Вотъ и отдавай дѣтей этимъ кормильцамъ! Рады въ огонь послать своихъ питомцевъ.

— Вотъ скоро десять лѣтъ князь у меня на рукахъ,— отвѣчалъ кормилецъ,—а я, матушка княгиня, еще ни одного добраго слова отъ тебя не слыхалъ. Душу свою готовъ я положить за молодаго князя, а все негожусь, все не такъ, точно какъ будто я ему злодѣй какой! Еслибы я его, четырнадцатилѣтняго молодца, во время непріятельскаго нашествія отослалъ къ тебѣ въ Сѣверскъ, и выступилъ бы одинъ, такъ онъ не простилъ бы мнѣ этой обиды цѣлый вѣкъ. Можетъ быть онъ пришелъ бы черезъ десять лѣтъ на мою могилу и наплевалъ бы на нее за такой позоръ. А ты, княгиня великая, гнѣвайся на меня сколько хочешь, а я не вижу въ этомъ ничего худаго. Не за тѣмъ наши молодые князья отдаются по пятому или по шестому году кормильцамъ и отбираются отъ бабъ, чтобы мы ихъ держали за печкой. Вотъ погоди, князь Игорь Святославичъ вернется, мы и спросимъ, хорошо ли я сдѣлалъ, что молодаго князя вывелъ въ поле?

— Что мнѣ князь Игорь! — вскричала Евфросинія Ярославна:—что онъ понимаетъ? Что всѣ вы мужчины понимаете! Я мать, и не одинъ изъ васъ не понимаетъ материнскаго чувства! Не дамъ я моего старшаго на закланіе.

Старый воевода Станимиръ Прокопьичъ улыбнулся себѣ въ бороду и сказалъ:

— Святая правда, матушка княгиня, что князь Игорь ему не мать, только не во гнѣвъ твоей княжеской милости будь сказано, онъ отецъ. А у насъ всякій младенецъ знаетъ, что когда говоритъ отецъ, то мать, съ позволенія сказать, молчитъ.

— А когда княгиня говоритъ, — вскричала запальчиво Евфросинія,—то что долженъ дѣлать бояринъ?...

Старый бояринъ зажалъ себѣ ротъ рукою и низко поклонился.

Князь Игорь вернулся въ Путивль и похвалилъ кормильца, а княгиня при этомъ кусала себѣ губы.

— Ну, мой воинъ милый!—говорилъ князь сыну:—попробовалъ настоящаго похода, хотя сѣчи еще не видалъ. Да погоди, не долго тебѣ дожидаться! Не въ нынѣшнемъ году, такъ въ будущемъ, я поведу тебя въ самую средину половецкой земли, и станешь себѣ набивать руку на поганыхъ...

— Ребенка-то съ собою въ степи тащить!—сказала княгиня съ кроткимъ упрекомъ. — Пощади, князь, если не ребенка, то хоть мать!...

— Слышишь, Владиміръ? — сказалъ шутливо Игорь: — скажи-ка матери, мой первенецъ, ребенокъ ты, или нѣтъ?

Владиміръ Игоревичъ зналъ, что этотъ разговоръ такъ и рѣжетъ его мать, какъ ножомъ, по самому сердцу. И въ походъ-то ему хотѣлось, чтобы поскорѣе быть уже совершенно большимъ, и мать-то оставить ему было жалко въ добычу самому мучительному безпокойству, и потому онъ долго не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ потупившись, но когда собрался отвѣтить, то взоръ его быстро скользнулъ по печальному лицу матери и остановился на отцѣ.

— Я не совсѣмъ ребенокъ, отецъ,—отвѣчалъ онъ:—да и не совсѣмъ еще большой. Уставалъ я очень въ этомъ походѣ, всѣ косточки болѣли, и хотя дяденька Станимиръ говорилъ, что на третій день все пройдетъ, привыкну и косточки размаются, однако нѣтъ, не размаялись, и на четвертый день я едва сидѣлъ на конѣ...

— Сыненышъ мой бѣдненькій! —сказалъ, обнимая его, могучій отецъ:—какой ты въ самомъ дѣлѣ у меня жиденькій, да худенькій! Да, погодимъ немного, окрѣпни, позагрубѣй на охотѣ...

А княгиня, оставшись съ сыномъ наединѣ, ласкала и цѣловала его больше прежняго.

— Спасибо тебѣ, милый мой мальчикъ,—говорила она:— ты успокоилъ меня, хоть я и видѣла, что тебѣ это трудно было... Скажи мнѣ, сыночекъ, неужели тебѣ такъ уже очень въ походъ хочется?...

— Очень хочется, мама,—отвѣчалъ сынъ, пряча лицо на груди матери, какъ будто стыдясь этого желанія.

— Да что же хорошаго въ походѣ? Глупый ты, глупый мальчуганъ! Милый мой крошка!

— То хорошо въ походѣ, мама, что это не игрушка, что это настоящее дѣло, и что въ походѣ я уже не буду крошкой, у меня будетъ своя дружина и дядя Станимиръ не будетъ больше ѣздить впереди меня.

— А ты очень его не любишь, своего кормильца?

— Нѣтъ, мама, люблю! Послѣ тебя и отца я его люблю больше всѣхъ на свѣтѣ; да и онъ же меня любитъ! Только я не хочу, чтобы онъ впереди меня ѣздилъ, точно какъ будто я маленькій и самъ за себя постоять не съумѣю!

— Понимаю, понимаю,—сказала княгиня, съ грустнымъ видомъ покачивая головою:—въ походъ идти, значитъ быть уже большимъ, и тебѣ, мой мальчикъ, очень этого хочется поскорѣе. Но какой же ты у меня хорошій, когда ради меня ты отказываешься на время отъ этого удовольствія. Въ самомъ-то дѣлѣ не очень косточки у тебя болѣли? Ты вѣдь мнѣ ни слова объ этомъ не сказалъ?

— Нисколько не болѣли, мама!—отвѣчалъ радостно Владиміръ:—и хоть мнѣ очень хочется поскорѣе быть большимъ, хоть я уже въ самомъ дѣлѣ почти совсѣмъ большой, но еще больше мнѣ хочется, чтобы ты не плакала. Такъ мнѣ больно бываетъ и стыдно, когда я вижу твои слезы, какъ будто я въ нихъ виноватъ...

— Добрый ты у меня, хорошій, мягкій мальчикъ!—ска-

зала княгиня, нѣжнѣе прежняго лаская сына;—и дай Богъ, чтобы ты всегда былъ такимъ добрымъ... Но пойдемъ къ отцу. Онъ не надолго съ нами: скоро хочетъ идти взять свою честь на Переяславскомъ князѣ.

Но весенніе разливы рѣкъ мѣшали князю выступить въ походъ, и онъ только сердился, и злоба его на племянника, разорившаго шесть деревень въ Путивльской волости, накипала больше и больше. За тоже и мщеніе его было страшно, когда онъ дошелъ до населенныхъ переяславскихъ мѣстъ. Прежде всего наткнулся онъ на городъ Глѣбовъ, и съ своею дружиною налетѣлъ какъ соколъ на воронье гнѣздо. Воеводой тамъ сидѣлъ старый, посѣдѣлый въ бояхъ съ половцами Судиміръ, прозванный Желѣзная Рука. Князь Игорь захватилъ его въ плѣнъ, отсѣкъ ему правую руку и отослалъ къ племяннику, велѣвъ ему сказать: «Приходила курица пересчитать яйца въ лукошкѣ». Захватилъ попа и велѣлъ ему идти въ Трубчевскъ, говоря, что онъ ему годится, потому что у него въ волости поповъ мало; захватилъ хорошаго сѣдельника и еще кое-кого изъ мастероваго народа и велѣлъ имъ идти въ Сѣверскъ. Все остальное затѣмъ онъ велѣлъ истребить, и дружина его, какъ стадо голодныхъ волковъ, бросилась на городъ.

Дѣло было къ вечеру, а поутру, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ городъ, курились головни и шипѣли, падая въ лужи застывшей крови. Возлѣ пожарища расположенъ былъ станъ князя Игоря, и его немногочисленная дружина, набравъ себѣ коней, коровъ, меду, серебра, плѣнниковъ, готовила себѣ жирный обѣдъ, собираясь выступить дальше на разореніе вражеской земли. Игорь вышелъ изъ своего шатра посмотрѣть на развалины и увидѣлъ пеструю толпу плѣнниковъ и плѣнницъ. Между ними былъ и вчерашній священникъ, небольшаго роста старичекъ. Онъ сидѣлъ на землѣ, и говорилъ окружающимъ его людямъ, что на все воля Господня, что надо покориться

своей участи и что грѣшно роптать. При видѣ князя, подходящаго къ толпѣ плѣнниковъ, священникъ всталъ, выпрямился во весь свой маленькій ростъ, высоко поднялъ руку и благословилъ князя размашистымъ крестомъ. Тотъ кивнулъ ему головой и хотѣлъ уже отвернуться. Но священникъ сказалъ ему строго:

— Благословляю тебя, князь великій, не потому, чтобы ты заслужилъ благословеніе, а въ надеждѣ, что крестъ Господень образумитъ твое безуміе! Что сдѣлалъ тебѣ городъ Глѣбовъ? Чѣмъ передъ тобою провинились граждане смирные, вчера спокойно работавшіе, а теперь избитые и бездыханные? Что сдѣлала тебѣ моя бѣдная старуха попадья, которую твой воинъ зарубилъ не по злобѣ, а мимоходомъ, какъ неразумный младенецъ срубаетъ хлыстомъ головку съ полеваго цвѣтка? Не уходи, князь! Выслушай...

— Смотри, попъ! — вскричалъ Игорь въ сдержанномъ гнѣвѣ:—въ медвѣжью пасть головой лѣзешь!...

— Не медвѣди вы, а волки сыромахи!—сказалъ священнихъ.—Хуже волковъ раздираете вы землю Русскую, потому что волки утоляютъ свой голодъ, и насытившись не ищутъ другой добычи, не губятъ людей понапрасну. А вашу богопротивную жажду крови ничто утолить не можетъ, ваше мщеніе на людяхъ неповинныхъ остановиться не можетъ. Или вы думаете, что вы только люди, а всѣ остальные звѣри какіе нибудь? Но они будутъ стоять рядомъ съ вами на страшномъ судищѣ Христовѣ, и геенна огненная уготована вамъ, волкамъ родной земли. Или вы думаете, что Божеское всемогущее правосудіе не настигнетъ васъ?...

— Эй, кто нибудь!—крикнулъ князь Игорь:—взять этого съумасшедшаго попа и прогнать его въ шею къ Переяславлю, подальше отъ стана!

Князь сѣлъ на коня и потихоньку поѣхалъ. Воины его замѣтили, что онъ удаляется отъ стана по пути къ Путивлю

и видно не хочетъ больше воевать племянниковой волости. Весь станъ вскорѣ поднялся, и дружина, подгоняя полоняниковъ, пустилась его догонять.

Тѣмъ и кончился этотъ походъ. И въ тѣ темныя времена нерѣдко бывали такія разоренія Русской земли. Князья слушались только своей буйной воли, своей дикой мстительности, мало понимали христіанскую вѣру, многіе изъ нихъ боялись священниковъ и не любили ихъ, и очень немногіе строили церкви и монастыри изъ истиннаго благочестія. Князь Игорь не повѣрилъ священнику, что всѣ люди братья, что не слѣдуетъ убивать и разорять беззащитныхъ, ни въ чемъ не повинныхъ людей; онъ не думалъ отказаться отъ мысли со временемъ, завтра-же, можетъ быть, точно также выместить на мирныхъ людяхъ свою досаду или свой гнѣвъ противъ непріятелей; но онъ какъ-то ослабѣлъ необузданнымъ своимъ духомъ отъ словъ бѣднаго священника, и сердясь на самого себя за эту слабость, угрюмо рѣшилъ, что за шесть разоренныхъ деревень онъ довольно отплатилъ дерзкому племяннику разореніемъ одного города.

Въ Путивлѣ онъ захватилъ княгиню и уѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, не за тѣмъ, чтобъ отдыхать, а хозяйничать. Какъ у всѣхъ тогдашнихъ князей, у него было заведено большое хлѣбопашество, конскіе заводы, пчельники, и за всѣмъ этимъ надо было присмотрѣть. Поэтому князья не любили выходить въ походъ въ рабочее время, а дожидались той поры, когда собранъ хлѣбъ. Да и не въ духѣ какъ-то былъ князь Игорь: нѣтъ-нѣтъ, да и представится ему маленькій священникъ съ сѣденькой бородкой, съ красными, будто наплаканными глазами, не боящійся взмаха его длиннаго меча.

А между тѣмъ князь кіевскій затѣялъ лѣтній походъ. Святославъ Всеволодовичъ собралъ князей переяславскаго, волынскихъ, смоленскихъ, туровскихъ, взялъ галицкій вспомогательный отрядъ и пошелъ внизъ по Днѣпру. Война съ

половцами требовала лѣтняго времени, потому что безъ подножнаго корма для коней нельзя было пробираться далеко, а степные кочевники лѣтомъ разсыпались по степи и приходилось иногда искать ихъ далеко. По правому берегу князья съ войсками шли до Инжира брода, и тамъ перешли на лѣвый. Оттуда младшіе князья пошли на поискъ за половцами, взявъ съ собою болѣе двухъ тысячъ берендѣевъ. Это были тоже, что бродники, разный пришлый бродячій народъ, кто съ бору, кто съ сосенки. Переяславскій князь Владиміръ Глѣбовичъ отпросился у кіевскаго князя идти впереди всѣхъ.

— Моя волость пуста отъ половцевъ,—говорилъ онъ:—такъ пусти меня, батюшка Святославъ, напередъ съ сторожами.

Половцы, передовой отрядъ, ударились бѣжать, только что примѣтили полкъ Владиміра, такъ что нельзя было ихъ догнать. Наши берендѣи воротились, перешли рѣку Ерелъ и стали, а половцы добѣжали до своего хана и тоже остановились. Ханъ Кобякъ подумалъ, что русскихъ немного, только то, что съ Владиміромъ, и рѣшился на него напасть. Дошелъ онъ тоже до рѣки Ерела, и стали половцы пускать стрѣлы въ нашихъ, а наши въ нихъ. Святославъ сейчасъ же узналъ объ этомъ, отправилъ въ помощь къ сторожамъ большіе полки и самъ поспѣшилъ за ними со всѣми силами. Помога такъ ловко подошла обходомъ, что половцы бросились бѣжать, но было поздно. Русскіе побили ихъ множество, въ плѣнъ захватили семь тысячъ человѣкъ, взяли и самого хана Кобяка съ двумя сыновьями и много другихъ князей.

А Игорь тосковалъ въ это время такъ, что даже княгинѣ его жалко стало, а сынъ его Владиміръ жалѣлъ уже о томъ, что сплелъ на себя такую небылицу, будто очень устаетъ. Игорь пробовалъ даже своими руками сѣно косить, уставалъ сильно, но буйный духъ его удовлетворенъ не былъ. Ему надо было разгуляться и забыться въ сѣчѣ, и степь тянула его

къ себѣ, какъ перелетную птицу неодолимое чутье тянетъ осенью въ теплый край.

— Что ты не пойдешь разгуляться, князь мой свѣтлый?— спрашивала его княгиня: — осень стала такая хорошая, въ степи травы манятъ половцевъ въ нашу сторону; походилъ-бы недѣльки три, поберегъ-бы Русскую землю. Вотъ слухи прошли, что кіевскій князь захватилъ хана Кобяка, а на нашу долю достался-бы хоть Кончакъ: и поравнялся-бы Сѣверскъ съ Кіевомъ.

— Да! пойдешь тутъ въ походъ, когда у молодца ноги связаны, у сокола крылья подрѣзаны! — отвѣчалъ угрюмо князь.—Какъ мнѣ въ походъ идти безъ старшаго сына? Что онъ обо мнѣ скажетъ черезъ десять лѣтъ? Что я ему прялку далъ вмѣсто меча въ руки! А какъ его возьмешь, такого хилаго? И въ кого это онъ такой хилый уродился, я ужь и не знаю. Только мнѣ безъ старшаго сына идти негодится, зазорно будетъ, ты сама это знаешь, княгиня.

— На первый бы разъ недалеко сходить,—замѣтила княгиня,—такъ только, разгуляться немного. А небольшой походъ какъ ему не выдержать! Полгода прошло послѣ того, какъ онъ уставалъ такъ сильно; а нынче я была въ Путивлѣ, такъ кормилецъ говоритъ, что онъ все лѣто съ коня не сходилъ: загорѣлый такой, что тебѣ и не узнать его, пополнѣлъ немного, и усъ пробивать начинаетъ легонькимъ такимъ пушкомъ.

— О! вотъ какъ!—вскричалъ князь Игорь: —такъ пошли же ты кого нибудь, чтобъ онъ ко мнѣ сюда пріѣхалъ: полюбуюсь я на молодца, а тамъ посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать... Нѣтъ, не то, съѣзжу я самъ къ нему: авось онъ безъ тебя похрабрѣе будетъ...

Въ самомъ дѣлѣ, князь нашелъ въ сынѣ большую перемѣну: за лѣто онъ укрѣпился, и счастливый отецъ сталъ замышлять уже не столько за себя, сколько за сына, добыть

такой чести, какой не доставалось еще на долю ни одному изъ русскихъ князей. Онъ задумалъ пройти землю половецкую вдоль и поперекъ, истребить всѣ половецкія гнѣзда, добраться до самаго лукоморья и на вѣки вѣчные избавить Русскую землю отъ разорительныхъ вторженій кочевниковъ. Но для этого надо было приготовиться, собрать еще войскъ, прикупить хорошаго оружія, наковать возовъ десятокъ стрѣлъ. Передовой отрядъ поведетъ молодой князь Владиміръ и честь ему будетъ великая, паче отца.

И счастливый отецъ принялся за приготовленія, заранѣе наслаждаясь мыслью, что молодой красавецъ поведетъ такую большую рать. Надо было повидаться съ братомъ Всеволодомъ. Этотъ буй-туръ всегда былъ готовъ идти на половцевъ; но теперь, на такую большую затѣю, мало было его обыкновенной дружины, надо было еще собрать войско, и не торопясь, такъ чтобы войско, если можно, походило на дружину. Пріѣхавъ въ Трубчевскъ, князь Игорь засталъ брата на дворѣ: онъ боролся съ трехгодовалымъ медвѣдемъ и только-что ударилъ его объ землю, какъ сѣверскій князь въѣхалъ въ отворенныя ворота.

— Богъ помочь!—сказалъ онъ брату.

— Спасибо, — отвѣчалъ Всеволодъ; — эй, уберите медвѣдя, да накормить его хорошенько! Пойдемъ, братъ, къ княгинѣ.

За ужиномъ князь Игорь подробно разсказалъ брату, какой великій походъ онъ затѣялъ въ одну сторону за Донъ, въ другую до лукоморья.

— Можно, — отвѣчалъ Всеволодъ, обработывая своими здоровенными зубами кость молодаго вепря.

— Только дружины твоей мало будетъ, — прибавилъ Игорь;—надо будетъ подобрать въ прибавку народу по-чище, по-бодрѣе.

— Можно, — отвѣчалъ Всеволодъ, покончивъ съ костью

и отхлебнувъ меду;—мои куряне народъ боевой, подъ трубами боевыми повиты, подъ шеломами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены, пути и овраги имъ знакомы. Наберется довольно надежнаго народу! А когда выступать?

— Видишь-ли что, въ такой далекій путь на зиму идти нельзя, коней потратимъ; а придется потерпѣть и дождаться весны, или послѣдняго зимняго пути.

— Можно,—опять сказалъ Всеволодъ:—кстати и стрѣлъ еще надо наковать.

Такъ просто дѣло было слажено съ трубчевскимъ княземъ. Съ Святославомъ Ольговичемъ, рыльскимъ княземъ, тоже не трудно было устроить дѣло, потому что онъ былъ родной племянникъ, стало быть по рожденію долженъ былъ ходить около дядина стремени; къ тому же онъ былъ очень молодъ, всего девятнадцати лѣтъ, радъ-радехонекъ былъ идти въ какой угодно походъ, чтобы только быть въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ большимъ. Его кормилецъ Борисъ Черный видалъ всякіе виды, сидя на самомъ краю Русской земли, чуть не всякій годъ дрался съ половцами и привыкъ считать ихъ за стадо волковъ, отъ которыхъ взрослому человѣку всегда можно отбиться.

Позднею зимою, когда уже начинались оттепели (1185 г.), окаянный, безбожный и треклятый Кончакъ пришелъ воевать землю Русскую, поплѣнить города и пожечь ихъ огнемъ. Съ нимъ шелъ бусурманъ, который стрѣлялъ живымъ огнемъ изъ какого-то хитраго, невиданнаго снаряда, были и луки тугіе самострѣльные, которые съ трудомъ натягивали пятьдесятъ человѣкъ. Половцы пришли и стали на рѣкѣ Хоролѣ. Кончакъ хотѣлъ обмануть черниговскаго князя Ярослава Всеволодовича и послалъ къ нему своего человѣка изъ знатныхъ, какъ будто-бы просить мира, а Ярославъ повѣрилъ этому и отправилъ къ нему своего боярина для переговоровъ. Святославъ кіевскій, услышавъ объ этомъ, послалъ сказать Ярославу: «Братъ! Не вѣрь имъ и не посылай боярина: я на нихъ пойду».

Въ самомъ дѣлѣ онъ собралъ войска, взялъ съ собою Рюрика Ростиславича и пошелъ на половцевъ, а впереди пошли молодые князья Владиміръ Глѣбовичъ и Мстиславъ Романовичъ. На дорогѣ встрѣтились имъ купцы, возвращавшіеся изъ земли половецкой, и сказали, гдѣ стоитъ окаянный Кончакъ. Владиміръ и Мстиславъ ударили на него и бились не долго, потому что половцы побѣжали. Наши захватили большой полонъ, взяли и бусурмана, что стрѣлялъ живымъ огнемъ: хитреца привели къ Святославу со всѣмъ его снарядомъ. Князь велѣлъ для пробы выстрѣлить въ него, и такъ удачно, что бѣдняка разнесло на части. Послѣ его смерти никто не зналъ, что дѣлать съ его снарядами, и всѣ ихъ побросали въ воду.

Святославъ посылалъ звать въ этотъ походъ и черниговскаго князя Ярослава; но тотъ не пошелъ, а велѣлъ сказать: «Я уже отправилъ къ Кончаку своего боярина, и не могу идти на своего мужа». Бояринъ Святослава пріѣхалъ и въ Новгородъ-Сѣверскъ къ князю Игорю Святославичу, и тотъ сказалъ:

— Не дай Богъ отрекаться отъ похода на поганыхъ, поганые всѣмъ намъ общій врагъ. Когда выступаетъ князь Святославъ?

— Князь кіевскій выступилъ въ воскресенье,—отвѣчалъ посланный бояринъ,—и теперь уже долженъ быть далеко.

— Какъ въ воскресенье?—возразилъ Игорь:—да вѣдь сегодня четвергъ; какъ же его догнать?

— По птичьи нельзя перелетѣть,—замѣтилъ на это кто то изъ дружины:—приходится намъ пробивать свою дорогу.

— Свою такъ свою!—отвѣчалъ Игорь:—а пути и овраги намъ свѣдомы, и вся Сѣверская земля готова выступить хоть завтра.

И въ самомъ дѣлѣ, послѣднія приготовленія закипѣли; но вдругъ сдѣлалась такая оттепель, что никакъ нельзя было никуда идти. Игорь могъ выѣхать только 23 апрѣля съ дружиною и съ княгинею, которая непремѣнно хотѣла проводить

мужа до Путивля, да и изъ самаго Путивля проводить въ первый большой походъ своего первенца, Владиміра Игоревича. Князь, однакоже, не зажился въ Путивлѣ, зная очень хорошо, что дальнія проводы — лишнія слезы. Войско только переночевало и рано утромъ выступило. Княгиня стояла у стремени сына и не отпускала его, и прощалась въ двадцатый разъ, пока дружина съ воеводою Станимиромъ Прокопьичемъ во главѣ устанавливалась противъ княжескаго двора. Наконецъ князь Игорь отозвалъ сына въ сторону, какъ будто для какого-то дѣла, сказавъ, что сейчасъ же они подъѣдутъ опять. Но только что отъѣхали, какъ скорой рысью понеслись къ воротамъ. А тамъ, за городомъ, сѣверская дружина, снявъ свой таборъ и пообѣдавъ, тоже устанавливалась, поджидая путивльцевъ, которые съ молодымъ княземъ должны были идти впередъ, въ сторожахъ. Княгиню мужъ обманывалъ такъ уже не разъ; и тутъ она поняла, что ей не дадутъ еще разъ проститься съ сыномъ. Надо было однакоже взглянуть на него еще разъ, и она бѣгомъ побѣжала на забрало, то-есть на городскую стѣну. Оттуда она видѣла, какъ воевода Станимиръ Прокопьичъ выѣхалъ съ дружиною изъ города, какъ онъ уступилъ свое мѣсто молодому князю и поѣхалъ возлѣ него съ лѣвой стороны. Она машетъ сыну платкомъ; онъ часто оглядывается, оборачиваетъ коня къ городу, снимаетъ свой золотой шеломъ и наклоняетъ свою русокудрую голову прямо на конскую гриву. Опять и опять онъ оборачивается въ сѣдлѣ, не повертывая коня, и машетъ своимъ шеломомъ. И вотъ сторожевой полкъ идетъ, идетъ все впередъ, дальше въ степь, вотъ начинаетъ пропадать за бугромъ... Чего-же эти-то стоятъ? Что же старый нейдетъ? Чего онъ ждетъ? Отчего онъ такъ далеко отпустилъ впередъ сына?... И княгиня ищетъ глазами мужа, не вдругъ его находитъ, потому что глаза застилаются слезой, и опять взоръ ея переносится къ дальнему бугру, за которымъ пропадаютъ послѣдніе ряды передовой дружины. Вотъ въ той сторонѣ ни-

кого не видно, и слезы хлынули изъ глазъ княгини ручьемъ. Но вдругъ почти подъ ногами княгини грянули трубы, поднялся красный княжескій стягъ и широкою волною развернулся на легкомъ вѣтеркѣ. Передъ стягомъ сидитъ на ворономъ конѣ витязь-красавецъ, мужественный, спокойный, довольный какъ рыба въ водѣ, и что-то приказываетъ Ольстину Олексичу, черниговскому воеводѣ, пришедшему съ своими ковями. Сила исполинская, увѣренность непоколебимая видны въ каждомъ движеніи витязя Игоря Святославича. Вотъ онъ обращается къ городской стѣнѣ, гдѣ стоитъ княгиня, и по его слову красное знамя тихо склоняется къ ней и наклоняется до земли. Вотъ онъ поворачиваетъ коня и ѣдетъ шагомъ по слѣду сторожеваго полка, за нимъ дружина, войско, обозъ съ оружіемъ, и на этотъ разъ слезы въ три ручья хлынули изъ глазъ княгини.

Въ тотъ же день она уѣхала въ Новгородъ Сѣверскій: къ ней обѣщала быть изъ Трубчевска Ольга Глѣбовна, проводивъ мужа.

Обѣ княгини встрѣтились и расплакались, не говоря еще ни слова. Обнявшись, посидѣли онѣ на лавкѣ, дружно поплакали сколько имъ надобно, а потомъ разговорились.

— Уѣхали, княгинюшка? — сказала Ольга Глѣбовна.

— Уѣхали, моя родная, улетѣли мои ясные соколы! — сказала Евфросинія Ярославна.

— Во вторникъ мой Всеволодъ выѣхалъ, разговѣлся, пожилъ дома воскресенье и понедѣльникъ, а во вторникъ — и былъ таковъ.

— Ну да, у нихъ такой уговоръ былъ — выступить во вторникъ на Святой, — продолжала Евфросинія Ярославна. А мы въ Путивлѣ разстались, и такъ у меня защемило сердце, какъ будто чуетъ оно, что никогда мы больше не увидимся.

— Ты, княгинюшка, успокойся, — проговорила Ольга Глѣбовна благоразумнымъ тономъ: — припомни только, род-

ная моя, что всякій разъ, какъ проводишь мужа, ты это самое говоришь. Успокойся, это ноетъ сердце не передъ горемъ, а отъ горя....

— Да, тебѣ хорошо говорить, когда ты одного проводила,— сказала Евфросинія Ярославна:—а я вѣдь двоихъ!..

— Ну, и что же Владиміръ? Я думаю, радехонекъ? — спросила княгиня Ольга.

— Еще-бы не радехонекъ!—подхватила княгиня Евфросинія:—вѣдь онъ изъ сокольяго гнѣзда соколенокъ! Какъ выѣхалъ впереди всѣхъ, такъ-то радостно было на него глядѣть, и... тоскливо тоже...

— Гдѣ-то они теперь, голубчики наши? Все дальше, дальше въ степь забираютъ, и знаешь, княгинюшка, какъ подумаешь только объ этой степи, такъ кажется, будто это не степь, а ночь темная, и въ эту-то ночь они опускаются глубже и дальше...

— Ну, нѣтъ, говорятъ, эта степь чудно какъ хороша: свѣтлый безъ конца просторъ, и прилегаетъ однимъ бокомъ къ морю Сурожскому, гдѣ встарину былъ русскій городъ Тмуторокань. И есть на томъ морѣ великій заливъ, такою лукою вышелъ. До этого самаго лукоморья витязи наши хотятъ дойти. Князь говорилъ, что будетъ назадъ, когда хлѣбъ убирать станутъ. Все-то лѣто придется намъ протосковать, прождать!...

И княгиня опять всплакнула, и слезы облегчили ее. Княгиня Ольга Глѣбовна обѣщала прогостить у нея все лѣто.

А витязи между тѣмъ шли да шли впередъ, и передъ вечеромъ 1-го мая остановились на берегу Донца. Передовой отрядъ, какъ слѣдовало, переправился за рѣку, а главныя силы съ княземъ Игоремъ стали на этой сторонѣ. Солнце было еще на небѣ, а начало темнѣть. Глядь, а солнце стоитъ точно мѣсяцъ на ущербѣ. Всѣ воины подняли головы и всѣ испугались. Дажбогъ-солнце красное прогнѣвалось, закры-

лось отъ воинства сѣверскаго! Быть худу, быть худу! Бояринъ Ольстинъ Олексичъ подъѣхалъ къ князю и говоритъ:

— Не на добро это знаменіе, князь!

Но Игорь Святославичъ никакихъ знаменій не боялся и сказалъ:

— Тайны Божіей никто не знаетъ, а знаменію всякому и всему міру своему Богъ творецъ; увидимъ, что сотворитъ намъ Богъ, на добро или на зло наше. Можетъ быть это означаетъ, что быть худу, только не намъ, а половцамъ, стало быть намъ-то это на добро.

На утро войско перешло за Донецъ и пришло къ Осколу. На этой рѣкѣ пришлось постоять: съ братомъ Всеволодомъ давно было условлено, что онъ пойдетъ изъ Трубчевска и изъ Курска своею особою дорогой и на Осколѣ будетъ поджидать брата, а то такъ братъ его подождетъ. Черезъ два дня передовой полкъ Всеволода прибылъ и сказалъ, что Трубчевскій князь къ ночи будетъ. Неумѣвшій сидѣть на мѣстѣ, неугомонный Игорь поѣхалъ къ нему навстрѣчу.

— Что, братъ любезный, такъ запоздалъ?—спросилъ онъ брата:—ничего худаго не случилось? Все было благополучно?

— Особеннаго ничего,—отвѣчалъ Всеволодъ:—только эти дураки, въ ожиданіи труднаго похода, такъ раскормили лошадей, что надо было ихъ очень беречь и не давать вдругъ спадать съ тѣла. Если бы я не остерегся, то пожалуй растерялъ бы всѣхъ лошадей.

— А теперь какъ?

— Ну, теперь, подтянувшись, выровнявшись, и отлично выдержатъ трудный походъ. А которая не выдержитъ, теперь уже не бѣда: недалеко уже до половецкихъ табуновъ, перемѣнимъ!

— Такъ завтра съ утра и тронемся въ путь?

— Можно, — отвѣчалъ Всеволодъ съ своимъ обычнымъ богатырскимъ спокойствіемъ.

Поутру, только-что народъ поѣлъ каши, всѣ полки выступили дальше, къ рѣкѣ Сальницѣ, по очаровательной, цвѣтущей степи. Трава была уже высока; теплыя, сухія майскія ночи давали войску отдыхать безъ шатровъ, кони и волы паслись привольно, и далекій походъ воинственныхъ дружинъ походилъ скорѣе на большую прогулку. Молодой начальникъ передоваго полка, въ первый разъ въ своей жизни совершая настоящій воинскій подвигъ, далеко во всѣ стороны посылалъ своихъ сторожей, и когда они возвращались, онъ каждаго разспрашивалъ самъ. Чтобы хорошенько понять, въ чемъ состоитъ дѣло сторожа, онъ однажды отправился самъ; но Станимиръ Прокофьичъ не отпустилъ его съ простымъ воиномъ, а отправился самъ. И вотъ, когда передовой отрядъ передъ вечеромъ остановился возлѣ степнаго оврага, молодой князь съ своимъ кормильцемъ сѣли на свѣжихъ коней, которые для этого велись въ поводу, обогнули оврагъ и скорою рысью поѣхали прямо на востокъ. Передъ ними разстилалась гладкая, ровная степь; сочная трава, испещренная тысячами весеннихъ цвѣтовъ, уже достигала лошади до колѣна, поэтому топота лошадинаго почти не было слышно. Старый кормилецъ толковалъ своему птенцу, что имъ надо дѣлать:

— Смотрѣть надо въ оба, пуще всего смотрѣть, только бы не наткнуться намъ на нихъ какъ нибудь невзначай. Пуще всего надо бы намъ увидать дымокъ, а по степи въ вечернюю пору далеко его видно...

— Постой, дядя,—прервалъ его, останавливая коня, молодой князь:—что это лаетъ? Словно собака!

— Лисица это лаетъ съ своимъ подвываньемъ, — отвѣчалъ кормилецъ:—какъ это ты не узналъ? Впрочемъ, къ ночи у всякаго звѣря не тотъ языкъ, что днемъ. Вонъ расклектались орлы... Одинъ летитъ такъ низко, что можно перо разсмотрѣть: видно, ночуетъ недалеко. А тѣ, что въ вышинѣ, полетятъ на ночлегъ далеко. Они уже сыты теперь и летятъ

прямо, въ одну сторону съ нами, къ Дону великому. Ну, ѣдемъ-же!

— Подожди, дяденька! Дай полюбоваться! — отвѣчалъ Владиміръ. — Я вѣдь въ первый разъ вижу привольную степь на такомъ просторѣ! У насъ въ отрядѣ всегда народу такъ много, говоръ, смѣхъ, точно на торгѣ.... А вотъ слушай.... Что это?

— Да волки воютъ по оврагамъ! Волковъ-то не узналъ! Здѣсь имъ въ степи житье! Звѣря всякаго дикаго много, ну и половецкія стада тоже обижаютъ... Да пусть ихъ воютъ на здоровье. А наше главное дѣло въ томъ, чтобы какъ-нибудь добыть языка и узнать гдѣ эти половецкія кочевья. Вѣдь этотъ народъ на одномъ мѣстѣ не сидитъ и никакъ его въ степи не найдешь. На десять верстъ только въ сторону отъ него возьмешь, ну и разошлись. А надобно добыть человѣка и разспросить что и какъ...

Долго еще и подробно старый кормилецъ поучалъ своего питомца всѣмъ правиламъ и трудностямъ сторожевой службы, и время было уже за полночь, когда они вернулись къ стану, чтобы послать на свое мѣсто другихъ сторожей. И долго еще молодой князь не могъ заснуть. Отойдя шаговъ на триста отъ своихъ людей, онъ улегся на попонѣ и долго еще прислушивался къ звукамъ ночи и наслаждался ея благоуханіемъ.

На шестнадцатый день похода прибѣжали сторожа съ рѣки Сальницы и сказали: «видѣли мы непріятелей: непріятели наши ѣздятъ наготовѣ, такъ ступайте скорѣй, или ворочайтесь домой, потому что не наше теперь время». Начальникъ передоваго отряда отослалъ этихъ сторожей къ отцу, а самъ изготовился къ битвѣ. Поспорилъ еще тутъ съ старикомъ Станимиромъ Прокофьичемъ. Загорѣлось у юноши ретивое, захотѣлъ онъ ударить въ непріятеля одинъ и прогнать его, и велѣлъ было онъ своему полку двинуться впередъ. Воины послушались своего князя, но кормилецъ сказалъ:

— Не дѣло ты задумалъ, Володя. Нельзя намъ идти однимъ, не спросясь отца. Онъ за это насъ не похвалитъ.

— Не твое это дѣло, бояринъ Станимиръ Прокофьичъ,— отвѣчалъ гордо князь,—и я тебя не спрашиваю. Не при тебѣ развѣ князь Игорь Святославичъ отдалъ передовой полкъ мнѣ?

— При мнѣ, Володя, успокойся, голубчикъ, и выслушай. На непріятеля хорошо бываетъ ударить, хотя бы онъ былъ вдесятеро сильнѣе насъ, когда онъ ничего не ждетъ; а когда онъ наготовѣ, то не годится, нельзя, все равно, что по доброй волѣ въ петлю лѣзть. Я этого позволить не могу, воля твоя.

— Я развѣ спрашиваю твоего позволенія, бояринъ?— сказалъ, глядя на него черезъ плечо, Владиміръ.

— И все-таки пойдешь?—спросилъ кормилецъ.

— Пойду.

— Ну такъ вотъ что я тебѣ скажу,—отвѣчалъ старикъ, ложась на землю:—поѣзжай черезъ меня и пусть весь полкъ черезъ меня переѣдетъ. Не хочу я пережить такого сраму, чтобы мой питомецъ по своей волѣ въ петлю залѣзъ!

Поспорили еще, и молодой князь уступилъ своему кормильцу и дождался большаго полка. Самъ Игорь подошелъ, выслушалъ все дѣло и сказалъ: «если мы теперь не бившись возвратимся, то стыдъ намъ будетъ хуже смерти. Поѣдемъ на милость Божію». И поѣхали. Всю ночь ѣхали, а въ обѣденное время встрѣтили полки половецкіе: поганые собрались отъ мала до велика и стояли по той сторонѣ рѣки Суюра. Игорь построилъ шесть полковъ: въ срединѣ сталъ самъ съ своею дружиною, по правую сторону поставилъ полкъ брата Всеволода, по лѣвую племянника Святослава, а впереди два полка рядомъ, сына Владиміра и ковуевъ черниговскихъ; еще впереди всѣхъ стояли стрѣльцы, выбранные ото всѣхъ полковъ. Игорь сказалъ: «Братцы, нашли мы, чего искали, такъ ударимъ!»—И ударили.

Изъ половецкихъ полковъ выѣхали стрѣльцы, пустили по стрѣлѣ въ русь, и бросились бѣжать. Русь не успѣла еще переѣхать рѣку, какъ побѣжали и остальные половцы. Владиміръ перешелъ рѣку, погнался за ними, началъ ихъ бить и хватать въ плѣнъ, а старшіе князья, Игорь и Всеволодъ, шли потихоньку, не распуская своего полка, и велѣвъ тоже Святославу потѣшиться. Половцы пробѣжали мимо своихъ вежъ; русскіе заняли всѣ ихъ войлочные шатры и захватили многое множество плѣнныхъ. Три дня стояли сѣверскіе полки на мѣстѣ и веселились. Игорь говорилъ:

— Братья наши съ великимъ княземъ кіевскимъ Святославомъ ходили на половцевъ и бились съ ними, озираясь на Переяславль, въ землю половецкую не смѣли войти, а мы теперь въ самой землѣ половецкой, поганыхъ перебили, жены и дѣти ихъ у насъ въ плѣну; теперь пойдемъ на нихъ за Донъ и до конца истребимъ ихъ; когда тамъ побѣдимъ, пойдемъ на Лукоморье, куда и дѣды наши не хаживали, и возьмемъ до конца свою славу и честь.

— Можно, — отвѣчалъ на это буй-туръ Всеволодъ.

На другой день послѣ побѣды воротился молодой начальникъ передоваго полка. Игорь обнялъ его и спросилъ кормильца:

— Ну что, хорошо поработалъ твой питомецъ, молодой нашъ воинъ?

— Работаетъ, — отвѣчалъ Станимиръ Прокофьичъ, — ничего; только пылу себѣ слишкомъ много даетъ; надо-бы поспокойнѣе. Да ничего, при молодыхъ когтяхъ безъ этого нельзя, это у него пройдетъ.

На третій день воротился съ погони племянникъ Святославъ Ольговичъ. Онъ считалъ себя старымъ воиномъ, потому что ему шелъ двадцатый годъ, но его кормилецъ Борисъ Черный не покидалъ его.

Игорь сталъ тогда говорить своимъ князьямъ и боярамъ:

— Богъ далъ намъ побѣду, честь и славу; мы видѣли полки половецкіе, много ихъ было, но всѣ-ли они тутъ были собраны? Пойдемъ теперь въ ночь, а остальные пусть идутъ за нами завтра утромъ.

На это Святославъ Ольговичъ отвѣчалъ дядѣ:

— Я такъ далеко гонялся за половцами, что кони мои устали; если теперь опять поѣду, то останусь на дорогѣ.

Дядя Всеволодъ говорилъ тоже, что лучше переночевать и поутру идти уже всѣмъ вмѣстѣ.

— Мы теперь залѣзли въ самую средину половецкой земли, — говорилъ онъ, — и всю эту тину замутили и взбудоражили съ самаго дна. Теперь она поднимется и будетъ на насъ осѣдать со всѣхъ сторонъ. Такъ теперь намъ надо быть вмѣстѣ, чтобы крѣпче встряхнуться.

Игорь согласился съ умною рѣчью брата, и войско русское еще разъ заночевало на мѣстѣ.

По обширнымъ степямъ русское войско искало половецкихъ ордъ наудачу, но половцы сами въ своихъ степяхъ были дома, одна орда хорошо знала, гдѣ кочуетъ другая, и какъ только Игоревъ полкъ углубился въ степи, тотчасъ же конные люди поскакали отъ одной вежи къ другой съ вѣстями о русскомъ вторженіи. Вся степь всполохнулась; и къ рѣкѣ Сальницѣ, а потомъ къ Суюру и къ Каялѣ стали собираться ихъ треклятыя силы. Къ тому же еще прибѣжалъ во-свояси безбожный Кончакъ, разбитый недалеко отъ Днѣпра молодыми князьями Владиміромъ Глѣбовичемъ и Мстиславомъ Романовичемъ, услышалъ, что Игоревъ полкъ забрался въ самое нутро половецкаго простора, и поспѣшилъ тоже на востокъ. Солнце еще не вставало въ пятницу утромъ, когда сторожа стали будить князя Владиміра Игоревича. Одинъ говорилъ: «Съ полночи идетъ гулъ, словно подступаютъ къ намъ, и если послушать у самой земли, то слышенъ топотъ большаго войска». Другой говорилъ: «Съ запада гулъ такой, будто

вихорь несется. Это на насъ идутъ». Третій говорилъ: «Гудитъ что-то далеко съ полуденной стороны, и не разобрать, а видно великія силы валятъ». Четвертый говорилъ: «Съ восточной стороны словно буря несется, всю степь захватила; и счету нѣтъ этимъ силамъ вражескимъ».

Владиміръ тотчасъ разбудилъ отца. Заря занималась, соловьи замолкли, когда князь Игорь вышелъ изъ своего шатра. Сѣвъ на коня и привставъ на стременахъ, онъ увидѣлъ, что направо и налѣво, со всѣхъ сторонъ, поднялась пыль и сквозь пыль уже знамена плещутъ. И со всѣхъ сторонъ враги подходятъ, и отъ Дона, и отъ синя моря, обступаютъ нашихъ отовсюду! Отовсюду бѣсовы исчадья понеслися съ гиканьемъ и крикомъ. Молча, русь, отпоръ кругомъ готовя, подняла щиты свои багряны.

Подъѣхалъ къ Игорю Ольстинъ Олексичъ, и говоритъ:

— Князь! Спастись еще можно! Бѣги съ своими, пока не сомкнулся вражескій кругъ.

Князь Игорь спросилъ брата:

— Согласенъ ты бѣжать, буй-туръ Всеволодъ?

— Не можно! — отвѣчалъ Всеволодъ и вытащилъ изъноженъ свой длинный мечъ.

Тогда князь Игорь обратился къ боярамъ и сказалъ:

— Если побѣжимъ, то конечно спасемся, но пѣшіе всѣ погибнутъ, и будетъ на насъ грѣхъ передъ Богомъ, что ихъ выдали. Уже лучше — умремъ-ли, живы-ли будемъ, всѣ вмѣстѣ.

Всѣ, кто былъ верхомъ, сошли съ коней; солнце пышно поднялось и скоро скрылось за узкую черную тучу. Загикали со всѣхъ сторонъ половцы и понеслись на окруженный со всѣхъ сторонъ полкъ. Какъ туча грозовая разражается молніей, такъ брызнула во всѣ стороны русская рать желѣзными стрѣлами. И посыпались со всѣхъ сторонъ поганые, какъ перезрѣлыя яблоки осыпаются съ яблони, когда ударитъ въ

Къ стр. 575.

Какой-то безбожникъ повисъ на раненой рукѣ Игоря.

нее вѣтеръ. Началась сѣча великая. Половцы наскакивали, безчисленные, какъ саранча, и разбивались о ковуевъ, въ кованыхъ панцыряхъ, о сѣверцевъ съ длинными копьями, о курянъ, привычныхъ къ бою. Но и въ великомъ полку Игоревѣ было много раненыхъ и убитыхъ. Бились крѣпко весь день до вечера. Самому Игорю вонзилась въ руку толстая половецкая стрѣла и горячая кровь полилась на притоптанную траву. Пришлось князю сѣсть на коня. Бились крѣпко вечеръ и ночь; полкъ изнемогалъ отъ усталости и жажды, потому что враги оттѣснили нашихъ отъ рѣки. На разсвѣтѣ ковуи замѣшались и побѣжали. Игорь поскакалъ къ нимъ, чтобъ удержать бѣглецовъ; но толпа половцевъ окружила его, какой-то безбожникъ повисъ на его раненой рукѣ, другой повисъ на другой, поводья изъ рукъ вырвали, другіе ухватили за ноги... Въ тоже время красный стягъ княжескій упалъ въ руки врагамъ.

Въ это время буй-туръ Всеволодъ отбивался отъ враговъ, золотымъ посвѣчивая шлемомъ. Куда ни кинется, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія; но простору нѣтъ витязю, тѣсно ему и мечемъ размахнуться. И видитъ князь Игорь, какъ страшный мечъ брата поднимается и опускается, но копья половецкія со всѣхъ сторонъ на него одного ощетинились. Сталъ молиться князь Игорь, чтобы Богъ скорѣе послалъ ему конецъ, только бы не видѣть гибели возлюбленнаго брата! А гдѣ-то сынъ, молодой витязь? Гдѣ племянникъ, храбрый Ольговичъ? Всему, всему конецъ! Отъ Суюра до Каялы покрыта земля мертвыми тѣлами. Не достало у храбрыхъ русичей кроваваго вина, и пиръ кончился: воины сватовъ напоили, а сами полегли за землю русскую. Въ полѣ травы съ жалости поникли, деревья съ печали приклонились!... Игорь очнулся ночью, на войлокѣ, возлѣ шатра половчанина Чилбука. Онъ не зналъ, что братъ его захваченъ другимъ половчаниномъ Кзичемъ, племянникъ Святославъ Ольговичъ Елчукомъ, а

сынъ Владиміръ Коптемъ, что всѣ они живы, и раны ихъ не опасны. И вспомнилъ тогда Игорь грѣхи свои передъ Господомъ Богомъ.

— Много убійствъ сотворилъ я, Господи! Много крови пролилъ христіанской, не щадилъ христіанъ, а когда взялъ городъ Глѣбовъ, сколько несчастныхъ, ни въ чемъ не повинныхъ людей тогда пострадало! Отцовъ оторвали отъ дѣтей, братьевъ отъ братьевъ, женъ отъ мужей, дочерей отъ матерей... Правъ былъ тогда этотъ маленькій священникъ! Все это я сдѣлалъ, и не достоинъ болѣе жить. Вижу наказаніе Божіе... Гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? Гдѣ брата моего сынъ? Гдѣ мой сынъ Владиміръ? Гдѣ бояре думающіе, мужи храбрые, ряды полчные? Гдѣ кони и оружіе многоцѣнное? Господь воздалъ мнѣ по беззаконію моему; но зачѣмъ Господь на одного меня не обрушилъ всей тяжести наказанія, и далъ погибнуть столькимъ неповиннымъ?... Правъ былъ маленькій священникъ! Всѣ бѣды и всѣ напасти Руси — отъ нашихъ княжескихъ усобицъ!

Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ,
Широко течетъ печаль по Руси;
А князья куютъ себѣ крамолу,
А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ,
Собираютъ дань по бѣлкѣ съ дыму...
А все храбрый Всеволодъ да Игорь!
Это мы зло лихо разбудили;
Усыпилъ-было его могучій
Святославъ, князь кіевскій великій,
Былъ грозой для хановъ половецкихъ,
Наступилъ на землю ихъ полками,
Притопталъ ихъ холмы и овраги,
Возмутилъ ихъ рѣки и озера,
Изсушилъ потоки и болота!

А того поганаго Кобяка
Изъ полковъ желѣзныхъ половецкихъ
Словно вихрь исторгъ изъ лукоморья,
И упалъ Кобякъ во стольный Кіевъ,
Въ золотую гридню къ Святославу...
Нѣмцы, греки и венеціане,
И моравы хвалятъ Святослава,
И корятъ всѣ Игоря, смѣются,
Что на днѣ Каялы половецкой
Потопилъ онъ русскую рать-силу,
Рѣку русскимъ золотомъ засыпалъ,
Да на ней же самъ съ сѣдла златаго
На сѣдло кощея пересаженъ...
Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
Тамъ въ землѣ родной поутру
Ранымъ-рано ласточкой щебечетъ:
«По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу багрянъ рукавъ въ Каялѣ;
Оботру кровавы раны князю
На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ!...»
Тамъ она въ Путивлѣ ранымъ рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Вѣтръ, вѣтрило! Что ты, господине,
Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ мужа.
Въ небесахъ подъ облака бы вѣялъ,
По морямъ кораблики лелѣялъ.
А то вѣешь, вѣешь-развѣваешь
На ковыль траву мое веселье....»
Тамъ она въ Путивлѣ ранымъ-рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ.... *)

*) Изъ перевода А. Н. Майкова.

Цѣлый годъ князь Игорь Святославичъ пробылъ въ плѣну половецкомъ. Двадцать человѣкъ его берегли день и ночь, но пакостей ему не творили, позволяли ѣздить на охоту съ соколами, слушались его и позволили даже вызвать изъ Русской земли священника со святою службою: неизвѣстно было долго-ли онъ въ плѣну пробудетъ. Но за молитвы многихъ христіанъ, которые плакали по немъ, защитникѣ земли, Господь избавилъ его. Между половцами нашелся человѣкъ, по имени Лаворъ: пришла ему добрая мысль и сталъ онъ говорить Игорю: «Пойду съ тобою въ Русь». Игорь долго не вѣрилъ ему, но потомъ послушался, особенно совѣтовъ своихъ приближенныхъ. Нельзя было бѣжать ни днемъ, ни ночью, потому что сторожа стерегли его; только и можно было, что на самомъ солнечномъ закатѣ. И послалъ князь къ Лавору своего конюшаго сказать ему: «Переѣзжай на ту сторону рѣки съ конемъ поводнымъ». Дѣло было къ вечеру; половцы напились своего кумысу, и время было удобное. Конюшій пришелъ и сказалъ князю Игорю, что ждетъ его Лаворъ. Князь всталъ въ ужасѣ и трепетѣ, поклонился образу Божію и кресту честному, говоря: «Господи сердцевѣдче! Спаси меня, недостойнаго!» — надѣлъ на себя крестъ, икону, поднялъ стѣну шатра и вылѣзъ вонъ. Сторожа играли и веселились, думая, что князь спитъ...

Вѣтеръ воетъ, проносясь по степи,
И шатаетъ вежи половецки;
Шелеститъ, шуршитъ ковыль высокій,
И шумитъ гудитъ земля сырая....
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь Игорь,
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряетъ,
На быстра добра коня садится,
По лугамъ Донца, что волкъ, несется,
Что соколъ, летитъ въ сырыхъ туманахъ,

Лебедей, гусей себѣ стрѣляетъ
На обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ.
Что соколъ летитъ князь свѣтлый Игорь,
Что сѣръ волкъ Лаворъ за нимъ несется,
Студену росу съ травы стряхая.
Ужь лихихъ коней давно загнали.
Говоритъ Донецъ: «Охъ, князь ты Игорь,
Величанья-жь ты себѣ да добылъ,
А Кончаку всякаго проклятья,
Русской всей землѣ свѣтла веселья!»

—

Отвѣчалъ Донцу князь свѣтлый Игорь:
«Донче, Донче, ты ли тихоструйный!
И тебѣ да будетъ величанье,
Что меня ты на волнахъ лелѣялъ,
Зелену траву мнѣ стлалъ въ постелю,
На своемъ серебряномъ побрежьѣ;
Теплой мглою на меня ты вѣялъ
Подъ темной зеленою ракитой,
Сѣрой уткой сторожилъ на руслѣ,
На струяхъ — чиркомъ, на вѣтрахъ — чайкой...»

—

Не сороки — чу — застрекотали:
Ѣдутъ Гзакъ съ Кончакомъ въ злу погоню!

—

Молвитъ Гзакъ Кончаку на погонѣ:
«Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
Ужь млада соколика не пустимъ,
А поставимъ друга въ чистомъ полѣ,
Разстрѣляемъ стрѣлами златыми».

—

И въ отвѣтъ Кончакъ ко люту Гзаку:
«Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,

Сокольца опутаемъ потуже
Крѣпкой цѣпью, красною дѣвицей».

—

Гзакъ въ отвѣтъ Кончаку слово молвитъ:
«Коль опутать красною дѣвицей,
Не видать ни сокольца младаго,
Не видать ни красной намъ дѣвицы;
А ихъ дѣтки бить начнутъ насъ въ полѣ,
Здѣсь же, въ нашемъ полѣ половецкомъ *).

Князь Игорь съ Лаворомъ, загнавши лошадей, одиннадцать дней шли пѣшкомъ до города Донца; оттуда онъ поѣхалъ въ свой Новгородъ Сѣверскій, и такъ обрадовалъ жену, красавицу Ярославну, что та глазамъ своимъ не вѣрила. На разспросы жены о сынѣ, князь отвѣчалъ, что ему живется хорошо, хоть и въ плѣну, что онъ съ нимъ не видался ни разу, потому что онъ живетъ въ другой ордѣ, но слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что онъ здоровъ, возмужалъ, живетъ рядомъ съ самимъ Кончакомъ и въ его семьѣ сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ.

— И лошадье молоко пьетъ? — спросила Ярославна.

— Да какъ же не пить, ласточка моя сизокрылая! — отвѣчалъ Игорь. — Вѣдь надо же что нибудь пить? А тамъ ничего нѣтъ другаго!

— Бѣдненькій, бѣдненькій мой Володя! — вскричала княгиня и расплакалась. Ей казалось ужаснымъ несчастьемъ пить кумысъ.

Но когда черезъ нѣсколько лѣтъ она узнала, что ея Володя женился на дочери хана Кончака и съ своей молодою женой ѣдетъ домой, она долго не могла утѣшиться и все упрекала мужа, какъ это онъ позволилъ сыну жениться Богъ знаетъ на комъ!

*) Изъ переложенія А. Н. Майкова.

— Какъ Богъ знаетъ на комъ?—возражалъ князь Игорь:—ханъ половецкій такой же ханъ, какъ я ханъ Сѣверской земли. Къ тому же никто меня и не спрашивалъ....

— Да какъ же это! — тосковала княгиня: — невѣстка моя, и вдругъ — лошадье молоко пьетъ!.. Господи! Чѣмъ я Тебя прогнѣвила!...

Но князь Владиміръ Игоревичъ былъ очень счастливъ съ молодою женой, которая, правда, никакъ не могла научиться хорошо говорить по-русски; за то ея мужъ совершенно чисто говорилъ по-половецки.

А князь Игорь Святославичъ послѣ того много и счастливо воевалъ съ половцами.

13.

ИЗГОЙ.

(1189 г.)

Самый богатый человѣкъ во всемъ Смоленскѣ, конечно, Ефремъ Моизичъ. Лѣтъ четырнадцать тому назадъ онъ поставилъ себѣ въ Смоленскѣ небольшой деревянный домъ и большіе прочные каменные сараи, и зажилъ съ своею старою женой Сарой и молоденькой дочерью Рахилью. Водилъ онъ знакомство только съ богатыми людьми, ходилъ къ Внѣзду Борыничу, тысяцкому, ходилъ къ Ивану Настаевичу, богатому боярину, бывалъ, хоть и не часто, у Ивана Ручечника, и ихъ принималъ у себя, и умѣлъ угостить по-русски. Ему и нельзя не знать всѣхъ обычаевъ, не даромъ онъ прожилъ столько лѣтъ въ близкой милости у князя Андрея Боголюбскаго, и во Владимірѣ, и въ селѣ Боголюбовѣ. Родомъ онъ не русскій, но по нашему говоритъ чисто и только немного картавитъ. Досужія бабы говорятъ, что богатство его нажитое при князѣ Андреѣ, особенно награбленное при его смерти, пахнетъ кровью; но дѣловымъ людямъ некогда это разбирать, и отъ знакомства съ нимъ никто не бѣгалъ. Особенно выгодно было торговымъ людямъ съ нимъ водиться, потому что онъ, какими-то судьбами, зналъ все, что дѣлается на свѣтѣ. Пантелеймонская попадья увѣряетъ, что къ нему по вечерамъ ходятъ какіе-то

люди въ длинныхъ балахонахъ, иногда ночью слышится на дворѣ его крикъ на чужомъ какомъ-то языкѣ, и потомъ эти люди куда-то пропадаютъ. Въ разговорѣ съ настоятельницей Свято-Троицкаго монастыря она признавалась, что однажды, осенью, она чуть не цѣлую ночь просидѣла у открытаго окна, чтобы подсмотрѣть, ночуетъ-ли у Ефрема запыленный, оборванный странникъ, который пришелъ къ нему передъ вечеромъ.—«И дождалась таки, мать моя! Ушолъ послѣ того, какъ у тебя ударили къ заутрени. Старый христопродавецъ не пріютилъ его, не оставилъ переночевать. Что нибудь онъ да замышляетъ, вотъ помяни ты мое слово. Окно-то у меня почти прямо противъ его воротъ, я и просидѣла. Думаю себѣ: нѣтъ, врешь! меня не перехитришь, старый сычъ! Ужь начто отецъ Іоаннъ упрямъ, а вѣдь ничего-же со мной не подѣлаетъ!»

Пріѣзжіе изъ Кіева, изъ Вышгорода, изъ Владиміра Волынскаго, когда бывали въ Смоленскѣ, непремѣнно къ нему навѣдывались, подолгу не засиживались, но просиживали непремѣнно глазъ на глазъ. Вышгородскій тысяцкій Радило раза два въ годъ навѣдывался. Жираславъ Васильичъ, волынскій бояринъ, повидимому, былъ ему пріятелемъ. Одинъ разъ пріѣзжалъ къ нему князь Юрій Андреевичъ, сынъ великаго князя Суздальскаго, и прожилъ три дня. Люди Ефрема Моизича тогда совсѣмъ съ ногъ сбились, отыскивая то курей, то баранины, то утокъ, то гусей. Самъ-то Ефремъ хоть и богатъ, но ѣстъ не жирно, и часто по цѣлымъ недѣлямъ держитъ семью на хлѣбѣ и водѣ. Но князь Юрій Андреевичъ разстался съ нимъ не добромъ, не смотря на трое сутокъ усерднаго угощенья. Садясь въ сани, онъ кричалъ на Ефрема, грозилъ ему кулакомъ, ругался, и когда лошади уже тронулись, онъ все кричалъ: «Іуда! Іуда! Предатель!»

Князь Юрій Андреевичъ вовсе было выѣхалъ изъ предмѣстья, поговорилъ что-то съ ямщикомъ, круто поворотилъ

назадъ и остановился противъ небольшаго высокаго бревенчатаго дома.

— Здѣсь?—спросилъ онъ ямщика:—ты навѣрно знаешь?

— Неужели мнѣ не знать? — отвѣчалъ ямщикъ: — его у насъ всякій мальчишка знаетъ. Изгой у насъ только одинъ и есть, Ростиславъ Иванычъ. Всѣ берладники къ нему только и ходятъ, у него и пристаютъ...

Князь соскочилъ съ саней и ударилъ въ желѣзное кольцо дубовой калитки. Прождавъ нѣсколько времени, онъ опять ударилъ кольцомъ и повернулъ его. Калитка отворилась, и онъ вошелъ на чистый дворъ. Со двора поднялся онъ по лѣстницѣ ступеней двадцать и очутился въ просторныхъ сѣняхъ. Постоявъ немного, онъ прислушался немного, услышалъ за дверью голоса и вошелъ въ избу. Когда разошелся паръ, вошедшій съ нимъ въ теплую горницу, онъ увидѣлъ собесѣдниковъ: у самой двери сидѣлъ сгорбленный старикъ въ бѣлой рубахѣ. Черепъ его былъ вовсе безъ волосъ и такъ загорѣлъ, что казался дубленымъ. Пожелтѣвшая отъ старости борода вздрагивала всякій разъ, какъ ножъ его соскакивалъ съ палки, которую онъ строгалъ. Ноги его были окутаны въ чистыя бѣлыя онучи, плотно обмотанныя ремнями отъ чистыхъ свѣжихъ лаптей.

— Добро пожаловать!—сказалъ онъ, поднимая на вошедшаго князя свою безволосую голову и смотря на него однимъ глазомъ: другой пропалъ въ страшномъ ударѣ саблей или рогатиной, какъ видно было по широкому рубцу, который прошелъ по лбу, черезъ глазъ и по щекѣ.

Дальше, подъ образами, сидѣлъ хозяинъ, князь Ростиславъ Иванычъ, одѣтый немногимъ богаче, только на шеѣ у него висѣла дорогая золотая цѣпь. Противъ него, у стола, на лавкѣ, сидѣла гостья, честная вдова Виринея Ивановна, въ кокошникѣ, повязанномъ дорогимъ платкомъ и въ парчевой душегрѣѣ. Хозяинъ и гостья съ любопытствомъ смотрѣли на во-

шедшаго князя, который не думалъ снимать шапки и осматривался съ недоумѣніемъ, какъ будто не туда попалъ.

— Добро пожаловать, если добрый человѣкъ, — сказалъ хозяинъ.

Тогда гость снялъ шапку, остался въ одной скуфьѣ, и сотворилъ крестное знаменіе передъ образами. Хозяинъ всталъ, поклонился и сѣлъ. Гость бросилъ на скамью дорогую шубу и остался въ бархатномъ полукафтаньѣ.

— Не князь-ли ты Юрій Андреевичъ? — спросилъ его хозяинъ.

— Онъ и есть,—отвѣчалъ гость; — а ты не князь-ли Ростиславъ Ивановичъ?

— Я самый,—отвѣчалъ хозяинъ; — слышалъ я, что ты въ здѣшнемъ городѣ давно, чуть не четвертый день гостишь?

— Уже успѣли это разнести сороки на хвостахъ? — сказалъ князь Юрій; — да, я прожилъ у этого христопродавца, стараго отцовскаго слуги, Ефрема: дѣло до него было. Тутъ гостья встала, распрощалась и ушла.

— Ну каково-же онъ поживаетъ, почтенный Ефремъ Моизичъ?—спросилъ немножко насмѣшливо Ростиславъ.

— Э, что ему дѣлается, собакѣ!—отвѣчалъ Юрій: — живетъ, и еще сто лѣтъ пожалуй, проживетъ.

— А ко мнѣ ты какъ-же, князь, послѣ него-то? За дѣломъ-же?—продолжалъ разспрашивать неласково Ростиславъ.

— Да ты какъ будто сердитъ на меня, князь?—спросилъ гость, непривычный къ такимъ встрѣчамъ.

— Сердитъ не сердитъ,—отвѣчалъ Ростиславъ; — только ужь очень удивляюсь тебѣ, князь Юрій Андреевичъ. Ты меня прости, и сердца на меня не держи, если я тебѣ всю правду скажу. Спроси у кого хочешь, кто обо мнѣ слыхалъ, что правду я скажу всегда и всякому, и отъ тебя правды не утаю, этого святаго дѣла, правды, у тебя не украду. Не возьму я въ толкъ, чѣмъ я отъ тебя заслужилъ такую обиду, что ты ко

мнѣ отъ стараго сыча Ефрема пожаловалъ? Чѣмъ я заслужилъ такой позоръ, что мой единокровный князь побывалъ сначала у завѣдомаго убійцы своего отца, потому что всякая ворона во Владимірѣ знаетъ какъ былъ заговоръ, какъ Якимъ Кучка Анбалъ, Ефремъ и еще человѣкъ пятнадцать сговаривались убить и убили покойнаго князя Андрея, отца твоего, въ Боголюбовѣ; погостилъ у убійцы и потомъ заѣхалъ къ изгою Ростиславу Галицкому, который не замѣченъ ни въ какомъ безчестномъ поступкѣ. Ты вѣдь не чужой убитому-то. Чужому человѣку дѣла нѣтъ, убилъ-ли кого Ефремъ, зарѣзалъ-ли онъ своего благодѣтеля, а родному сыну слѣдовало-бы объ этомъ подумать. Сыну убитаго можно увидать убійцу, но развѣ за тѣмъ только, чтобы его зарѣзать. Другихъ дѣлъ никакихъ быть не можетъ, это ужь какъ ты тамъ хочешь...

— Видишь-ли, князь, ты на это не съ той стороны смотришь, — отвѣчалъ князь Юрій, нисколько не смущаясь; — кровомщеніе дѣло хорошее, правильное, я не спорю; но когда есть другія дѣла, важнѣе, то приходится это святое дѣло отложить. У меня затѣвается дѣло слишкомъ важное, чтобы я могъ заниматься посторонними дѣлами; у меня идетъ съ женою борьба не на животъ, а на смерть, борьба за грузинскій престолъ, стало быть думать мнѣ о томъ, что случилось пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Боголюбовѣ мнѣ нельзя, не должно. Напротивъ, когда идетъ борьба, то человѣкъ хватается за все, что только подъ руку попало, готовъ схватить и грязный камень, обрызганный кровью, если онъ можетъ пособить ему одолѣть врага. Въ этомъ скверномъ Ефремѣ я видѣлъ такой окровавленный камень и нагнулся было, чтобъ его поднять, вотъ и все.

— Ну, пока пусть будетъ по-твоему, — сказалъ князь Ростиславъ, — но какъ-же? Сказывали, ты съ женою помирился?

— Ни во вѣки вѣковъ я съ ней не помирюсь! — вскри-

чалъ Юрій; — это ехидна, змѣя подколодная! Но ты всего дѣла не знаешь. Теперь вотъ съ небольшимъ шестнадцать лѣтъ прошло, какъ покойный мой отецъ, по просьбѣ матери, княгини Улиты, согласился отпустить меня въ Грузію. Тамъ надо было выдать замужъ царевну Тамарь. Былъ тамъ одинъ человѣкъ, по имени Абулазанъ, богачъ, съ большими связями. Онъ велъ большую торговлю по Хвалынскому морю, по Волгѣ, бывалъ въ Болгарахъ и слышалъ тамъ, какъ покойный отецъ великій князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій повоевалъ Болгары. Тамошніе люди насказали ему, что отцу повинуются триста здѣшнихъ царей, и еще разныя басни. Снарядили меня богато, я былъ мальчишкой, жениться былъ радъ, невѣста красавица, какъ они тамъ говорятъ: солнце всѣхъ властителей, утренняя заря царей, ну, къ тому же и царевна. Вѣнчаніе было черезъ недѣлю послѣ того, какъ меня привезли, я и поѣхалъ во Владиміръ. Потомъ послалъ меня отецъ воевать Кіевъ, потомъ послалъ въ Новгородъ. Я былъ въ Новѣгородѣ когда онъ скончался. Во Владиміръ нечего было и думать возвращаться, заѣхалъ только на Москву повидаться съ матерью, да и проѣхалъ съ женой въ Грузію. Тамъ въ Тифлисѣ, наговорила она на меня такихъ страстей, что уши вянутъ, и особенно налегала на то, что я испиваю. И ничего, не особенно я испиваю, а столько, сколько надобно человѣку. Вѣдь еще князь Владиміръ говаривалъ, что Руси веселіе есть пити. Добилась таки она своего: развели меня съ нею, и повезли въ Царьградъ. Наградили по-царски, это правда, а все таки увезли, а она, эта ехидна, осталась въ Тифлисѣ царицей, а я живи на чужой сторонѣ. Вотъ сколько тамъ времени прошло, Абулазанъ даетъ мнѣ знать, что можно попытать счастья. Пріѣзжаю какъ снѣгъ на голову, царица моя едва успѣла скрыться, знатные люди на моей сторонѣ, и вотъ я сталъ царемъ грузинскимъ. Это у васъ на Руси слышно было?

— Какъ же не слышно? Очень слышно было.

— Хорошо, царствую. Нашлись однако и у нея доброжелатели. Собрала она кое-какого сброду, больше изъ горцевъ, и идетъ на Тифлисъ. Я тоже выступилъ съ войскомъ, да она, ехидна, меня обманула: какъ завидѣла меня, такъ отступила. Я за ней, да на радости, признаться сказать, немножко погулялъ съ тамошними боярами. Она въ это время на меня и ударь. Какъ увезли меня изъ сѣчи, я и не помню. Ну самъ ты посуди, можно это дѣло такъ оставить? Неужели мужъ долженъ уступить женѣ? Она вѣдь теперь сидитъ царицей, а по настоящему царь-то грузинскій я, а она, сосудъ діавольскій, больше ничего, и надобно мнѣ, какъ слѣдуетъ мужу, этотъ сосудъ разбить и выкинуть вонъ, и сѣсть на столѣ отцовъ и дѣдовъ...

Ростиславъ разсмѣялся тому, что князь Юрій такъ неловко обмолвился, будто въ Грузіи у него были отцы и дѣды. Но въ Русской землѣ это было такое обычное выраженіе для опредѣленія законности чьихъ нибудь правъ, что князь обмолвился совершенно добросовѣстно.—Такъ погулялъ, князь, съ тамошними боярами? — спросилъ съ усмѣшкою Ростиславъ.

— И погулялъ, да, такъ чтожъ? — отвѣчалъ нѣсколько обиженно князь Юрій;—и опять добуду свой престолъ.

— Ну, я думаю, что добыть тебѣ столъ немножко потруднѣе будетъ, нежели потерять, — сказалъ Ростиславъ задумчиво;—особенно если обращаться къ помощи такихъ людей, какъ Ефремъ Моизичъ.

— Я знаю, что глупо сдѣлалъ, три дня потерялъ, отвѣчалъ съ досадою князь Юрій: — за то теперь я обратился къ такому человѣку, который и рукой пособитъ и головой...

— Это ко мнѣ то? — спросилъ съ добродушною улыбкою князь Ростиславъ: — были тутъ у насъ двое нищихъ, сговорились купить себѣ село, и стали считать свою складчину: у одного корка въ сумѣ, у другаго горсть гороху. Ну и раз-

думали. Такъ-то вотъ мы съ тобой, сошлись два изгоя, чтобы добыть царство Грузинское.

— Какъ тамъ хочешь, а изгоемъ я себя не признаю, — отвѣчалъ обидѣвшись гость. — Я царь грузинскій, царемъ меня признаетъ половина, даже тричетверти моего народа, и мнѣ осталось только сѣсть на свое мѣсто, туда, гдѣ я уже сидѣлъ. А изгоемъ я никогда не бывалъ...

— Постой, князь,—остановилъ его Ростиславъ:—ты думаешь, кажется, что изгой, это что нибудь дурное, зазорное, нехорошее? Такъ ты не смущайся, изгоемъ быть совсѣмъ не стыдно. Изгой есть князь изъ великой семьи русскихъ князей, потомокъ Владиміра святаго. Божіимъ попущеніемъ ему изъ отчины не досталось ничего, злые люди все отняли; но если честь съ него не снята, то онъ такой-же князь, какъ и всякій другой. Покойный отецъ мой, знаменитый изгой, Иванъ Ростиславичъ, прозванный Берладникомъ, восемнадцать лѣтъ княжилъ въ Звенигородѣ Галицкомъ и чести не потерялъ оттого, что родной дядя, великій злодѣй и клятвопреступникъ Владимірко Володаревичъ злохитростно лишилъ его удѣла... Вы, сѣверные князья, мало знаете, что у насъ дѣлается въ Галицкой землѣ. Про Кіевъ вамъ все извѣстно, а Волынь, Галичъ, это мелочь, о которой рѣдко и слышать приходится. У князя Ярослава стараго было много сыновей, былъ сынъ Владиміръ, старшій изо всѣхъ; онъ умеръ гораздо раньше отца, оставивъ сына Ростислава, который бѣжалъ отъ дядей въ Тмуторокань. У него было три сына, Володарь и Василько, знаменитый страдалецъ, злодѣйски ослѣпленный въ Бѣлгородѣ. Володарь, мой прадѣдъ, былъ такой-же точно правнукъ Ярослава, какъ Юрій Суздальскій, твой дѣдъ. У Володаря было два сына, Владимірко, клятвопреступникъ, и Ростиславъ, мой дѣдъ. У Владимірка былъ одинъ сынъ Ярославъ, женатый на твоей теткѣ, Ольгѣ Юрьевнѣ, а у Ростислава одинъ же сынъ, мой отецъ, Иванъ Ростиславичъ Бер-

ладникъ. Ярославъ Владимірковичъ умеръ два года тому назадъ и оставилъ сына Владиміра, а Иванъ Ростиславичъ умеръ двадцатьсемь лѣтъ тому назадъ и оставилъ одного-же сына, меня. Разсказать такъ-же вотъ про тебя и твой родъ, такъ куда какъ похоже будетъ. У Юрія Суздальскаго было много сыновей; одинъ изъ нихъ Андрей сѣлъ въ Суздалѣ и братьевъ прогналъ. Послѣ него остался одинъ сынъ, ты, а тебя прогналъ родной дядя...

— Пойми ты, князь, — сказалъ съ досадой Юрій; — не хочу я считать кто я такой въ Русской землѣ! Въ Грузіи я царь, вотъ что! Въ Грузіи я не изгой, и опять буду царемъ, только помоги ты мнѣ!...

Ростиславъ недовѣрчиво и отрицательно покачалъ головой, но Юрій не отставалъ.

— Ты мнѣ прямо скажи, — продолжалъ онъ, — что ты возьмешь, чтобы поднять тысячъ пять твоихъ берладниковъ и переправиться съ ними черезъ Русское море въ мою Грузію? Урядимся по чести, и получай задатокъ...

— Нѣтъ, князь, не пойду, — отвѣчалъ смиренно Ростиславъ.

— Отчего-же не пойдешь, братъ любезный? — возражалъ запальчиво Юрій: — не какое-нибудь зазорное дѣло я тебѣ предлагаю, дѣло чистое, честное. Вѣдь отецъ твой нанимался же съ своими берладниками у Святослава Ольговича, это всѣ знаютъ. У Святослава онъ взялъ тогда 200 гривенъ серебра и 12 гривенъ золота и ушелъ тогда къ Ростиславу Мстиславичу Смоленскому. Послѣ того у дѣда моего служилъ, и въ Суздалѣ и въ Кіевѣ, служилъ потомъ у Изяслава Давыдовича... А я тебѣ заплачу хорошія деньги, не то, что плачивали твоему отцу. Слава Богу, Грузія — край богатый, не то что какой-нибудь Суздаль или Смоленскъ.

— Нѣтъ, погоди, князь, — возразилъ спокойно Ростиславъ: — о моемъ отцѣ, при мнѣ, надо говорить не такъ, и

еслибы ты мнѣ былъ не братъ, то я поговорилъ-бы съ тобой иначе. Мой отецъ никогда не продавалъ своего меча всякому встрѣчному. Онъ бралъ содержаніе на свою вольную дружину, потому что ей надо было ѣсть и пить, и велъ ее только туда, гдѣ была правда; только правый человѣкъ, обиженный человѣкъ могъ сказать ему: помоги! И онъ помогалъ. Обидчикъ давалъ-бы ему золотую гору, онъ пальцемъ-бы за него не двинулъ, не то что дружину свою вести на обиженнаго. Любимый воинскій кличъ его былъ: Правда! За праваго Богъ! И во имя правды онъ рубилъ такъ, какъ старинный богатырь Илья Муромецъ. Нанимался! Нѣтъ, у смоленскаго князя онъ жилъ не по найму, а по дружбѣ, и точно, смоленскій князь содержалъ его берладниковъ, потому что отцу моему нечѣмъ было ихъ кормить. У дѣда твоего, Суздальскаго Юрія, Долгорукаго, онъ жилъ въ любви-же, а не въ службѣ и поссорился съ нимъ за правду. Князь Юрій тѣснилъ всякаго, и праваго и виноватаго, а больше всего доставалось отъ него новгородцамъ. Держали тогда въ Новѣгородѣ Ярослава Изяславича, сына кіевскаго Изяслава, а Юрій за это крѣпко былъ золъ. Вотъ и прослышалъ онъ однажды, что новгородцы пошли дань собирать въ Двинскую область и что пошло ихъ немного. Онъ и говоритъ отцу: поди перехвати новгородцевъ...

— Нѣтъ, князь, не такъ это было!—вставилъ свою рѣчь старый Исавръ, строгавшій у дверей какую-то палку:—дѣло было при мнѣ, и я его какъ теперь помню. Тогда старшій Юрьевичъ еще не возвращался съ юга; отецъ посылалъ его подкапываться и подъискиваться подъ Изяслава, и покойный князь Иванъ крѣпко ворчалъ на это. У него была вѣра, чтобы бить въ грудь, прямо, а подкапываться сзади—никогда. Призываетъ Юрій князя Ивана и говоритъ: за данью вышли новгородцы, зашли далеко въ Двинскую область, за Устюгъ. Это тамъ городъ у нихъ былъ поставленъ, Устюгомъ назы-

вается. Зашли не въ большомъ числѣ, и надо такъ думать, что вся великая двинская дань собрана. Перехвати ты эту дань, четверть твоя, а три четверти мои. А тогда новгородцы крѣпко воевали Суздальскую область, подъ самый Ярославль подходили. Такъ они, говоритъ, насъ разоряютъ, а мы ихъ пощиплемъ, вотъ и поравняемся. Князь Иванъ и говоритъ: Пошли ты меня лучше подъ Ярославль: сидитъ тамъ князь Андрей съ великимъ войскомъ, нейдетъ ихъ прогонять, такъ справедливѣе будетъ и народъ христіанскій отъ разоренія избавить, и добычу отнять. Поспорили. Юрій говоритъ, что на Волгу новгородцы пришли въ великихъ силахъ, и встрѣчаться съ ними невыгодно, а на Двинѣ ихъ человѣкъ двѣсти, не больше: ступай на Двину. Только я своего князя вдоль и поперекъ зналъ; думаю, прогуляемся мы на Устюгъ понапрасну, потому что если передъ сѣчей нельзя крикнуть: за правду Богъ! — то мой князь и рукъ марать не станетъ. Не такой былъ человѣкъ. Хорошо, пошли на Устюгъ, сначала рѣкой Унжей, по льду, а тамъ горой, прямо на полночь. Отъ языковъ узнаемъ, что еще не опоздали, идемъ все впередъ. Вотъ и говоритъ мнѣ князь Иванъ: Слушай-ка, старый товарищъ!—а я съ нимъ еще въ Берладѣ сошелся,—поѣзжай ты навстрѣчу новгородцамъ, скажи: идетъ на васъ Иванъ Берладникъ, такъ вы за добра ума уходите, а не уйдете завтра, такъ мы васъ накроемъ и съ данью совсѣмъ. Новгородцы народъ легкомысленный, понадѣялись на это и запоздали. Имъ-бы торопиться надо, а они, по простотѣ, что ли, позамѣшкались. Завтра мы пропустили, а на послѣзавтра и идемъ. Они было думали, что мы съ ними цѣловаться идемъ, а мы какъ по службѣ слѣдовало, пустили по стрѣлѣ, по другой и ударили. Тутъ только они догадались, побѣжали. Князь Иванъ поотсталъ отъ насъ, а то всегда впереди ѣзжалъ; поотсталъ, ѣдетъ, посмѣивается, и меча не вынималъ. Послѣ такого похода воротились мы, князь Юрій поджидалъ насъ, и въ

кладовыхъ велѣлъ мѣсто приготовить мѣха двинскіе складывать. И осердился-же онъ тогда, осердился и князь Иванъ, а Юрій кричитъ, Иванъ кричитъ, ну и разошлись. Тогда князю Ивану нечѣмъ стало кормить свою дружину, распустилъ всѣхъ, при немъ только я остался, да одинъ слуга изъ чеховъ, по прозванью Кочкарь: хорошій былъ, душевный человѣкъ. Тутъ князь Юрій и заперъ князя въ тюрьму. Вотъ какъ было дѣло...

— Ну хорошо,—сказалъ Юрій Андреевичъ;—я вѣрю, и знаю, и слыхалъ не разъ про кличъ князь Ивана. А мое дѣло таково, что за него взяться никому не зазорно: возстановить законнаго Грузинскаго царя. А кромѣ тебя, князь, этого некому сдѣлать. Заѣзжалъ я въ вашъ Берладъ, и никакого тамъ толку не добился. Спрашиваю гребцовъ черезъ Прутъ переѣзжая, далеко-ли еще до Берлада, а они говорятъ, что мы ужь и въ Берладѣ. А по берегу Прута нарыты землянки, а на берегъ вытянуты ладьи, да кругомъ землянокъ невысокій валъ съ частоколомъ, вотъ и весь Берладъ. По берегу бродитъ народъ, рыбаки невода тянутъ, а на меня никто и не смотритъ. Спрашиваю, какъ бы мнѣ повидать кого нибудь старшаго, — смѣются, говорятъ, что старшій у нихъ бываетъ только въ походѣ, а дома всѣ до одного старшіе. «Ну кто-же у васъ былъ старшимъ въ послѣднемъ походѣ?» —«Непріятели убили, говорятъ, того старшаго, когда уходили изъ цареградскаго пролива.» Говорю: «у меня дѣло есть, я такой-то, сынъ великаго князя Андрея Боголюбскаго, мужъ царицы Грузинской Тамары, царь Грузинскій.» Стали толковать, что они Грузію довольно хорошо знаютъ и любятъ, въ рѣку Ріонъ входили, берега богатые, добычливые, и вино тамъ доброе; одинъ нашолся изъ нашихъ суздальскихъ, бѣглый холопъ: видалъ онъ меня, и съ женой, призналъ. Грузинъ человѣка два три нашлось, тоже бѣглыхъ, и тѣ признали; новгородцы тоже тамъ, и тоже узнали меня. Ну, думаю, теперь пойдетъ

дѣло на ладъ. Купилъ у жида вина, началась попойка, гуляли вплоть до вечера. На завтра опять гулянка; пѣсню про меня сложили глупую, преглупую, пѣли такъ, что нѣтъ такого молодца, это про меня то, пропилъ царство, да и радъ, а теперь поитъ Берладъ. Съ недѣлю я тамъ прожилъ, а каши не сварилъ. Спасибо, нашелся старый, престарый галицкій бѣглецъ, и говоритъ: Ты тутъ ничего не подѣлаешь, на новое дѣло мы не поднимемся съ новымъ человѣкомъ; на новое дѣло пойдемъ только со своимъ человѣкомъ; и есть на Руси такой человѣкъ одинъ, Рачуйло Волковичъ, изъ новгородскихъ удальцовъ: того мы знаемъ и съ нимъ пойдемъ, если онъ поведетъ. И другой человѣчекъ есть, мы его тоже своимъ считаемъ, и отца его любили какъ брата роднаго. Это сынъ нашего берладника Ивана, галицкій князь Ростиславъ. Только кличъ кликнетъ, только слово скажетъ, не станемъ и спрашивать куда, и сколько дадутъ, а пойдетъ весь Берладъ какъ одинъ человѣкъ. Такъ видишь-ли, князь братъ, какая у тебя великая сила! Будь у меня только половина твоей силы, я завтра-же сталъ-бы опять царемъ Грузинскимъ и согналъ-бы со свѣту эту ехидну Тамарь. Идешь, что-ли, братъ? И честно мое дѣло, и почетно, и прибыльно, потому что Грузія богата, не какому нибудь Суздалю чета. Идешь, что-ли, князь-братъ? Да? Идемъ?

— А не помнишь-ли ты, князь, какъ звали этого старика въ Берладѣ?—спросилъ его старый Исавръ, отложившій свое строганье въ то время, когда князь Юрій заговорилъ о Берладѣ.

— Избыгнѣвъ Ивачевычъ его величали,—отвѣчалъ Юрій, вполовину оборотясь къ старику.

Исавръ какъ будто помолодѣлъ, выпрямился, просіялъ, протянулъ заскорузлую руку къ Ростиславу и проговорилъ:— Да, это онъ, Избышка! А говорили будто убитъ! Онъ и есть, мой землячокъ дорогой!...

— А что, дяденька Исавръ? — спросилъ его Ростиславъ

съ большимъ дружелюбіемъ: — и теперь-бы ты не прочь въ Берладъ перебраться?

— Вотъ если бы не ты у меня на рукахъ остался,—отвѣчалъ старикъ, — то дня-бы не прожилъ въ городахъ, сбѣжалъ-бы въ привольное мѣсто... Одно только такое мѣсто на всемъ свѣтѣ и осталось, привольный Берладъ...

— Что-же, князь братъ, ты мнѣ скажешь? — спросилъ Юрій, недовольный перерывомъ.

— Нѣтъ, князь, не пойду!—отвѣчалъ попрежнему смиренно Ростиславъ.—И прежде всего дѣло это, на мой взглядъ, нечистое. Погоди, не горячись, дай мнѣ досказать... Въ Галичѣ сидитъ теперь венгерскій королевичъ Андрей, сынъ короля Бѣлы. Владиміръ Ярославичъ, князь Галицкій, просилъ помоги у венгерскаго короля. Тотъ вошелъ въ Галичину, завоевалъ ее, посадилъ тамъ сына Андрея, а князя увезъ въ Венгрію и посадилъ въ башню. Слышалъ я, что Андрей съ венграми крѣпко притѣсняетъ народъ, что житья нѣтъ отъ него. Но пусть-бы даже онъ былъ тише воды, ниже травы, все-таки онъ галицкому доброму народу не годится, потому что онъ чужой. Галичане вѣрно не сказали спасибо королю Белѣ III за то, что онъ посадилъ чужака на галицкій столъ. А скажутъ-ли мнѣ спасибо жители Грузіи, когда я приведу къ нимъ чужаго и силой посажу въ цари?... Нѣтъ, погоди, дай досказать. У нихъ есть теперь царица Тамарь, своя она у нихъ, единокровная съ ними, и управляетъ какъ Богъ ей на душу положитъ, а ты будешь вовсе чужой. Пусть ты правду говоришь, что многіе тамошніе бояре зовутъ тебя, что тебѣ стоитъ только показаться, такъ вся Грузія за тебя и встанетъ! И съ Богомъ, ступай, и садись на свой столъ въ Тифлисѣ, и пусть тамъ люди за тебя рѣжутся сколько имъ надобно. А если нѣтъ? Если два три злодѣя своей земли зовутъ тебя только за тѣмъ, чтобы подъ шумокъ выместить старыя обиды да набить себѣ сундуки, такъ помогать этому

честно-ли? Если-бы Тамарь сидѣла во Владимірѣ и ты пришелъ-бы меня звать прогонять ее,—я и разговаривать-бы не сталъ, а сѣлъ-бы на коня, да опоясалъ-бы отцовскій мечъ. А прогонять прирожденную царицу и сажать чужаго человѣка за то только, что онъ по женѣ царь—не честно, стало быть не пойду. А второе дѣло, чтобы поднять Берладъ на какое нибудь дѣло, нужно много серебра, а у тебя ничего нѣтъ. Еслибы у тебя было серебро, сталъ-ли-бы ты трое сутокъ жить у христопродавца Ефрема? За деньгами ты пріѣзжалъ къ нему, больше ни за чѣмъ, уѣхалъ съ пустыми руками и вспомнилъ, что гдѣ то въ Смоленскѣ затерялся какой-то берладникъ, котораго Берладъ, спасибо ему, за правду помнитъ. И отъ берладника ничего не добьешься, такъ знаешь ли что: пока что, пока въ Тифлисѣ еще сидитъ спокойно супруга твоя, не пообѣдать-ли намъ? Щи въ печкѣ, время подошло настоящее, можно и перекусить...

Какъ ни уговаривалъ князь Юрій, онъ ничего не добился отъ упрямаго и честнаго хозяина. Старый Исавръ, собирая на столъ, переходилъ отъ поставца къ столу, и раза два, проходя за спиною гостя, хитро подмигивалъ на него хозяину, своимъ одинокимъ глазомъ. Пообѣдали, послѣ обѣда, какъ водится выспались, и князь Юрій Андреевичъ, въ великой досадѣ, но мягко упрекая брата за то, что онъ не хочетъ помочь брату, тогда какъ ему стоитъ только кличъ кликнуть, уѣхалъ.

— Скатертью дорога! — сказалъ старый Исавръ, кланяясь затворенной двери, когда гость вышелъ: — просимъ не поминать лихомъ, а еще того лучше, коли забудешь! Помѣшалъ только, супостатъ этакой, нашей свахѣ, а вела она такія рѣчи, какъ будто и на дѣло похоже.

— Ну ужь и дѣло! Полно пожалуйста, — отвѣчалъ князь:—это она передъ всякимъ великимъ постомъ со своими невѣстами набивается.

— И ничего тутъ нѣтъ худаго!—возражалъ старый вор-

чунъ: — и распрекрасно бы было, еслибъ женился. Ольга Внѣздовна дѣвушка скромная, семьи хорошей, и ея приданое, при случаѣ, пригодится.

— А какъ случай-то подвернется, такъ вѣдь придется бросить ее здѣсь, а самому...

— Не бойся, князь, не бойся!—продолжалъ Исавръ:—ты ее тогда спроси только, желаетъ-ли она быть княгинею Галицкой земли? Такъ она тебѣ въ землю поклонится, только уѣзжай-ты, батюшка князь, хоть на годъ, хоть на два, да возвращайся княземъ, не изгоемъ. Правда, что дѣвушки любятъ человѣка, а не князя, а тоже не прочь и княгинями ходить! Княжескій-то вѣнецъ, можетъ быть, изъ всѣхъ нарядовъ самый нарядный. Ты вотъ спроси ее самъ.

Въ это время вошла честная вдова Виринея Ивановна, помолилась образамъ, не торопясь поклонилась хозяину, отвѣсила поклонъ Исавру и затораторила, не успѣвъ еще усѣсться: — Послала я дѣвку посмотрѣть что у тебя тутъ дѣлается. велѣла глазъ не спускать, и въ случаѣ если гость этотъ грузинскій уѣдетъ, бѣжать ко мнѣ и повѣстить. Успѣла только платъ накинуть, да бѣжать. Вьюга такая стала, мятель, такъ сугробы и переметаетъ, а я знай-себѣ иду. И думаю: свои-то рѣчи я всѣ сказала, а отвѣта никакого не получила, а безъ отвѣта нельзя же мнѣ быть, никуда глазъ нельзя показать.

— Послушай ты меня, тетенька Виринея Ивановна, умная твоя голова!—отвѣчалъ Ростиславъ: —снеси ты отъ меня поклонъ боярину Внѣзду Борыничу и скажи, что за Ольгу Внѣздовну я душу свою положить готовъ, но для рѣчей о добромъ дѣлѣ теперь не пришло время, на мнѣ лежитъ тяжелая забота, и въ эту заботу втягивать молодую боярышню я считаю грѣхомъ. Если же сваха Виринея Ивановна затѣяла такіе добрые разговоры безъ его вѣдома, такъ чтобъ онъ простилъ мнѣ ея глупость. Такъ и скажи, тетенька...

— Что ты, что ты, князь!—заговорила сваха:—въ умѣ ли ты? Нѣтъ, ты вовсе рехнулся! Развѣ не самъ ты мнѣ сказалъ, что наша Ольга первая невѣста не въ Смоленскѣ только, а можетъ быть во всей Русской землѣ? Сказывалъ ты это, или нѣтъ? Стало быть чего же еще нужно умной бабѣ? Я и смекнула, что, стало быть, князь женится, а я сосватаю, такъ я и сказала Внѣзду Борыничу. А онъ, посмотрите-ка, люди добрые! Онъ отъ своихъ словъ отрекается, меня въ такія дуры ставитъ, что послѣ этого мнѣ и глазъ никуда нельзя будетъ показать!

— Погоди, тетенька, ты не горячись! — остановилъ ее князь:—точно, я говорилъ, что она первая невѣста на свѣтѣ, а говорилъ-ли, что я-то женихъ? Вотъ еслибъ я это сказалъ, такъ сватай, Богъ съ тобой. А я вовсе и не женихъ, тетенька, такъ ты немножко поспѣшила. Припомни только, какъ у насъ разговоръ вышелъ: ты пришла и стала мнѣ выхвалять Рахиль Ефремовну и ея приданое богатое. А я что сказалъ? Я и говорю, что она точно, красавица, но у нея одинъ порокъ, котораго уже ничѣмъ не вытравишь, тотъ, что она дочь завѣдомаго вора и убійцы, а тутъ къ слову и пришлось сказать про Ольгу Внѣздовну. Да еще вотъ я тебѣ что скажу: обработай ты это дѣло такъ, чтобы мнѣ не стыдно было встрѣтиться съ Внѣздомъ на улицѣ, чтобъ и къ нему пойти можно было. А если такъ не обработаешь, то я тебя такъ ему роспишу, что онъ тебя на порогъ къ себѣ не пуститъ, слышишь? А онъ мнѣ повѣритъ, онъ знаетъ, что я, кромѣ правды, никогда ничего не говорю. Поняла?

— Какъ не понять, князь? — отвѣчала присмирѣвшая сваха:—я скажу, что ты свадьбу отложить хочешь, пока тамъ съ дѣлами управишься.

— Не моги и думать!—вскричалъ Ростиславъ:—ничего знать не хочу, о сватовствѣ никогда я не говорилъ, и всю

вину этого глупаго дѣла ты на себѣ и неси, все оно сталось отъ твоего глупаго досужества.

Виринея Ивановна была очень огорчена неудачею своего сватанья, и попробовала уговорить князя, разспрашивать, отчего бы ему не жениться, доказывала, что съ женинымъ богатствомъ онъ заживетъ какъ слѣдуетъ князю, а не такимъ бобылемъ. Но князь отвѣчалъ ей, что отчего онъ не женится— это не бабьяго ума дѣло, а что онъ живетъ бобылемъ, такъ ему это нравится.

Такъ и разстались, и князь нѣсколько разъ не добромъ поминалъ черезчуръ усердную сваху.

Черезъ нѣсколько дней князь увидалъ тысяцкаго Внѣзда Борынича со всею семьею въ соборѣ, у обѣдни. Старый тысяцкій былъ суровъ и гнѣвенъ, и на обычный поклонъ князя отвернулся. Ольга Внѣздовна была одѣта почти по-вдовьи и закутана въ такую густую фату, что лица нельзя было разсмотрѣть. Князю стало досадно, что добрый человѣкъ на него ни за что ни про что сердитъ, опечаленъ, огорченъ, видитъ въ немъ чуть не врага изъ-за глупой бабы. Его честная душа не могла выносить такой неправды, и на паперти, когда бояринъ раздавалъ нищимъ милостыню, князь подошелъ къ нему.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой по душѣ, бояринъ, — сказалъ онъ старику.

— Говори, князь, я слушаю,—отвѣчалъ тысяцкій.

— Не здѣсь, бояринъ; мнѣ надо съ тобой глазъ на глазъ переговорить.

— Отчего-жь не при народѣ? — печально отвѣчалъ тысяцкій:—дочь моя довольно уже ославлена въ городѣ твоимъ сватаньемъ и отказомъ...

— Какъ ославлена? Что ты говоришь! Хочешь, бояринъ, при всѣхъ тебѣ въ ноги поклонюсь? Хочешь? Хочешь безъ шапки цѣлый день передъ твоими окнами простою?.. Ты меня

знаешь, бояринъ, честный-ли я былъ человѣкъ? Дай мнѣ перемолвить съ тобой наединѣ...

Князь говорилъ съ такимъ жаромъ, что бояринъ печально улыбнулся, протянулъ ему свою руку и сказалъ:

— Посмотримъ, какъ тебѣ можно будетъ оправдаться... Пойдемъ ко мнѣ... Впрочемъ нѣтъ, тебѣ нѣтъ больше входа въ мой домъ.... Къ тебѣ тоже зазорно идти мнѣ, оскорбленному отцу... Хочешь, иди къ отцу Ивану, что противъ Ефрема Моизича живетъ? Жену его выпроводимъ ко мнѣ, пожалуй и его тоже... Хочешь?..

— На край свѣта пойду, — отвѣчалъ Ростиславъ, — только чтобы ты узналъ всю сущую правду.

— Такъ иди съ Богомъ туда, и я слѣдомъ буду.

Попадья видѣла уже, что бояринъ съ княземъ разговаривали на паперти, знала городскіе слухи и никакъ не могла понять, что бы это значило. Каково же было ея удивленіе, когда вошелъ къ ней князь Ростиславъ, а потомъ, черезъ нѣсколько времени, отецъ Іоаннъ съ самимъ тысяцкимъ. Всхлопоталась она, принесла пирогъ, три солонки и съ десятокъ ножей, и стояла, не зная что еще дѣлать. Но когда мужъ объяснилъ ей, что тысяцкій позвалъ ихъ къ себѣ на пирогъ, а самъ останется, чтобы слова два перемолвить съ княземъ, она сѣла и сказала, что ей, какъ хозяйкѣ, ни за что нельзя уйти изъ дому, и что она не уйдетъ, если даже разрѣжутъ ее на части. Отецъ Иванъ уговаривалъ ее нѣсколько времени шопотомъ и все было напрасно, пока не напалъ на слабую струну: «Мы вѣдь хозяина-то дождемся и все равно прежде всѣхъ узнаемъ въ чемъ дѣло!» — сказалъ онъ, и попадья, накинувъ шугай, рѣшилась оставить гостей хозяйничать. Идя мимо своихъ оконъ, она замедлила шагъ и внимательно всматривалась; но князь и тысяцкій слѣдили за ней глазами изъ разныхъ оконъ, и она все еще не могла ничего догадаться.

— Я слушаю, князь, — сказалъ тысяцкій, садясь на лавку возлѣ стѣны.

— Слушай, бояринъ, — отвѣчалъ князь, — и знай, что только твое горе, твоя печаль развязываютъ мнѣ языкъ, и я скажу тебѣ тайну, которой никто на свѣтѣ не долженъ бы знать. Ты слыхалъ, конечно, что дѣлается въ нашей дальней Галицкой землѣ. Послѣ князя Володаря галицкаго остались два сына, мой дѣдъ Ростиславъ и знаменитый клятвопреступникъ Владимірко. Разными предательствами и измѣнами онъ отнялъ наши владѣнія, и отецъ мой, семнадцать лѣтъ княжившій въ Звенигородѣ, долженъ былъ бѣжать, и ушелъ въ Берладъ. У Владимірка остался одинъ только сынъ Ярославъ, сидѣвшій въ Галичѣ. Другой внукъ Володаря, мой отецъ, былъ изгоемъ и скитался по чужимъ землямъ. Трудно придумать, чего только не дѣлалъ Ярославъ, чтобы добыть моего отца изъ Русской земли, чтобы ослѣпить его, подобно тому, какъ былъ ослѣпленъ другой мой прадѣдъ Василько Ростиславичъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда Юрій Долгорукій завладѣлъ Кіевомъ, Ярославъ Владиміровичъ потребовалъ, чтобы Юрій выдалъ ему отца моего. Юрій нуждался въ Ярославѣ и вздумалъ подарить отца Ярославу, и послалъ за отцомъ въ Суздаль. Привезли его въ Кіевъ скованнаго, а послы отъ Ярослава ждутъ, и съ ними дружина, человѣкъ сто, чтобы везти отца въ Галичъ. Тутъ митрополитъ и игумены вступились и сказали: «Грѣшно тебѣ, князь, цѣловавши крестъ, держать Ивана въ такой нуждѣ, да еще теперь хочешь выдать его на убійство». Юрій послушался митрополита, отца не выдалъ, однако отправилъ его въ цѣпяхъ назадъ въ Суздаль. А въ Черниговѣ сидѣлъ тогда князь Изяславъ Давидовичъ. Услышавъ, что отца везутъ опять въ Суздаль, онъ послалъ своихъ людей, отца перехватили и привезли въ Черниговъ. Тутъ цѣпи съ него сняли. Послѣ того вскорѣ князь Юрій, объѣвшись пирога, умеръ и въ Кіевѣ

сѣлъ Изяславъ Давидовичъ. Съ нимъ пріѣхалъ и мой отецъ и жилъ тогда въ Кіевѣ. Въ Галичѣ у него были друзья, и съ нимъ сносились; были люди недовольные Ярославомъ, и не мудрено, что всѣмъ хотѣлось имѣть княземъ честнаго Ивана Ростиславича. Ярославъ потребовалъ выдачи отца, но Изяславъ Давидовичъ велѣлъ ему сказать, чтобъ онъ сначала прислалъ ему свою правую руку. Тогда Ярославъ подговорилъ всѣхъ князей русскихъ, венгерскаго короля и польскихъ князей, чтобы только были помощниками ему на Ивана. Всѣмъ онъ наобѣщалъ и волостей, и серебра, и золота, и всѣ они прислали пословъ требовать выдачи отца... Я это все разсказываю тебѣ, чтобы показать, какъ боялся отца Ярославъ и какъ онъ старался его добыть. Стало быть было же у отца моего право на Галичъ. Не стану я разсказывать, какъ отецъ мой не хотѣлъ доводить Изяслава до войны, ушелъ къ половцамъ, отъ нихъ въ Берладъ, пришелъ въ Галицкую область съ половцами и берладниками. Онъ не хотѣлъ дать имъ на разграбленіе городъ Ушицу, половцы и оставили его, а между тѣмъ черезъ стѣны и валы перебѣжали къ нему чуть не всѣ простые люди изъ города. Вотъ какой человѣкъ былъ мой отецъ. Послѣ того, какъ половцы бросили князя, который не давалъ имъ грабить свою родную землю, онъ бросилъ все, берладниковъ отпустилъ, и сталъ жить въ Кіевѣ. Князь Изяславъ умеръ, отецъ мой уѣхалъ въ Грецію и сталъ хлопотать у императора объ устройствѣ города Берлада. Но этотъ городъ устроить не легко, потому что народъ вольный, собирается отовсюду и никакихъ властей не признаетъ. Такъ, ничего не сдѣлавъ, онъ умеръ въ Солуни двадцать восемь лѣтъ тому назадъ. Я остался послѣ него двухлѣтнимъ и жилъ въ Кіевѣ. Меня воспитывала какая-то почтенная попадья. Но я ее не помню: меня взялъ отъ нея мой старикъ Исавръ, боевой товарищъ отца, который въ Солуни и глаза ему закрылъ и похоронилъ. Старикъ увезъ меня сначала въ

Любечь, а потомъ сюда, въ Смоленскъ, научилъ меня грамотѣ, хотя самъ и не грамотенъ, и понятно, по сту разъ пересказалъ мнѣ каждый шагъ отца. Когда я пришелъ въ возрастъ, то подобно моему отцу служилъ съ своими берладниками не князьямъ кіевскимъ, черниговскимъ, переяславскимъ, а правдѣ, и никто на свѣтѣ не можетъ сказать, чтобы я когда стоялъ на сторонѣ обидчика. Это знаютъ всѣ, это вѣдаютъ и нѣкоторые бояре и многіе простые люди въ Галицкой землѣ. Не разъ, недовольные княземъ Ярославомъ, подсылали ко мнѣ и пріѣзжали за мной; но идти разорять свою родину я не могу, рука не поднимется, а безъ разоренія никакъ бы не обошлось, еслибы я пошелъ выгонять Ярослава. Но вотъ, два года тому назадъ, умеръ мой дядя Ярославъ и сѣлъ на столѣ галицкомъ двоюродный братъ Владиміръ. Всѣ слухи, какіе до меня доходили, говорятъ, что князь Владиміръ любитъ пить, а не любитъ думу думать съ своими боярами, и другія дѣла слыхалъ, за которыя никто его не хвалилъ. Во Владимірѣ Волынскомъ сидѣлъ тогда Романъ Мстиславичъ; онъ-то и сталъ подучать галицкихъ бояръ, чтобы они выгнали Владиміра и взяли его, Романа. Согласились многіе бояре, собрали полки и утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ. Владиміръ собралъ много золота и серебра, жену, двоихъ сыновей и уѣхалъ къ венгерскому королю. А тамъ сидѣлъ, да и теперь сидитъ король Бела III, человѣкъ умный и мужественный. Онъ охотно согласился помочь Владиміру и пошелъ съ своими полками къ Галичу. Романъ былъ уже тогда въ Галичѣ, но увидѣвъ, что венгерскіе полки ему не подъ-силу, захватилъ остатокъ княжеской казны и бѣжалъ на Волынь. Бела король привезъ съ собой Владиміра, устроилъ въ Галицкой землѣ всѣ дѣла, но князя увезъ съ собой обратно въ Венгрію, а въ Галичѣ оставилъ сына Андрея съ большою дружиною. Мой двоюродный братъ сидитъ теперь въ башнѣ, въ тюрьмѣ, а на галицкомъ столѣ чужеземецъ, въ

Галичѣ стоитъ иноземное войско, и страшно слышать, что дѣлаютъ тамъ эти злодѣи. Для того, чтобы Андрей былъ спокойнѣе, король Бела забралъ съ собою въ Венгрію лучшихъ бояръ нашихъ и держитъ ихъ за приставами. Вотъ какія дѣла дѣлаются въ нашемъ Галичѣ.

Теперь я скажу тебѣ въ чемъ великая моя забота, и ты самъ увидишь, что за этой заботой не долженъ я никого втягивать съ собою въ петлю, особливо дѣвушку, о которой я сказалъ этой сорокѣ Виринеѣ, что она лучшая невѣста въ цѣломъ свѣтѣ, да жалко, что я не женихъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ прошедшемъ году лѣтомъ, пріѣхалъ сюда галицкій бояринъ Сѣрославъ Константинычъ звать меня на прадѣдовскій столъ, на Галичъ; можетъ быть ты замѣчалъ, что лѣтомъ я пропадалъ мѣсяца на два. Это я ѣздилъ въ Берладъ, побывалъ тайно и въ Галичѣ. Что это за край благословенный! Какая земля! Какіе урожаи! Какъ богато живутъ мужики! Еслибы здѣшній народъ хоть однимъ глазкомъ посмотрѣлъ какъ тамъ родитъ земля, то весь поголовно сбѣжалъ бы туда. Берладъ, спасибо ему, встрѣтилъ меня дружелюбно, обѣщалъ столько дружины, сколько мнѣ понадобится. Но въ Галичѣ я не совсѣмъ доволенъ остался: злоба-ли на иноземцевъ тамъ еще не созрѣла, или, можетъ быть, бояре берегутъ отцовъ своихъ и сыновей, что забраны въ Венгрію королемъ Белой и живутъ тамъ въ заложникахъ. Хотятъ они меня, это такъ, этому я вѣрю, ждутъ, зовутъ, увѣряютъ, что какъ только я покажусь хоть съ двумя, съ тремя тысячами, такъ все галицкое войско перейдетъ на мою сторону. Но есть тоже такіе бояре, что держатся за королевича Андрея всѣми силами, особенно двое, трое бояръ по-знатнѣе: ихъ сыновья въ Венгріи, въ этомъ все и дѣло. Въ началѣ зимы король Бела, боясь нападенія на Галицкую землю, двинулъ туда еще войско, тысячъ десять, и стало моей Галичинѣ тяжеле прежняго. Грабежъ идетъ повседневный, и еслибы не разсказывали вѣр-

ные люди, повѣрить нельзя. Съ мѣсяцъ назадъ былъ здѣсь волынскій бояринъ Жирославъ, и грамоту привезъ отъ нашихъ изъ Галича. Дѣло, кажется, зрѣетъ, и вотъ теперь со дня на день ожидаю еще вѣстей, которыя меня могутъ спугнуть отсюда, какъ морозы вспугиваютъ перелетную птицу. Скажи ты самъ, дорогой Внѣздъ Борыничъ, смѣю-ли я, сидя такъ, на юру, можетъ быть наканунѣ выѣзда, свататься, затѣвать веселье, когда завтра, можетъ быть, придется сложить голову подъ венгерскими кривыми саблями. Давно мнѣ сватаютъ богатую невѣсту, Галицкую землю, и я радъ отдаться ей всею душою: какъ подумаю только о ней, душа такъ и замретъ. Смѣю-ли я въ тоже время думать о твоей Ольгѣ Внѣздовнѣ?.. Эта глупая баба Виринея все напутала; я и не думалъ ни минуты сватать Ольгу Внѣздовну... Развѣ что послѣ, когда...

— Договаривай, князь, договаривай, что послѣ?—спросилъ тысяцкій.

— Ну что, извѣстно что: когда въ Галичѣ устроится дѣло успѣшно, тогда сватовъ и пришлю.

— Вотъ и дѣло!—сказалъ тысяцкій съ глубокимъ вздохомъ, какъ будто съ него свалилась большая тяжесть.—Ну, князь, ты открылъ мнѣ великую тайну, которой никому открывать не слѣдовало. У меня это какъ въ могилѣ, твоя тайна цѣла будетъ; но за это открою же и я тебѣ тайну, не такую крупную, но въ жизни дѣвушки великую: не водится отцу говорить объ этомъ, да ужь, куда ни шло, тайна за тайну. Я такъ счастливъ, что съ дочерью живу душа въ душу и знаю всѣ ея помышленія. Не разъ она говорила мнѣ, что ты ей по нраву пришелся, и я ей говаривалъ, что еслибы такого жениха Богъ послалъ, какъ твоя милость, то останется только благодарить Создателя. Такъ и привыкла она къ этой мысли, сроднилась съ нею. А тутъ Виринея сватать пришла, а въ тотъ же день пришла съ отказомъ. Путаетъ что-то, вы-

вертывается, вертитъ хвостомъ, да ужь дѣлать нечего: на чистоту-то выходитъ, что женихъ отказался. А видитъ Богъ, что мы за тебя ни о чемъ не думали дальше твоего изгойства, твоей бѣдности, твоего честнаго сердца, твоей правды. Намъ тебя нужно было, человѣка, который служитъ правдѣ, и моя Ольга сама честный человѣкъ, такой, что и въ шутку не терпитъ неправды. И вдругъ что же намъ помѣшало? Что ты, неровенъ часъ, будешь княземъ великой Галицкой земли? Не знаю, какъ моя дочь на это посмотритъ, а по мнѣ такъ это по крайней мѣрѣ добраго дѣла не портитъ. Такая невѣста, какъ Галицкая земля, по моему, настоящей невѣстѣ помѣшать не можетъ. Пойдемъ-ка, князь, ко мнѣ, поговоримъ съ ней объ этомъ. А что можетъ быть разстаться придется, такъ вѣдь гдѣ же это бываетъ, чтобы невѣста съ женихомъ неразлучно жила вплоть до вѣнца? Все же она, по крайности, на цѣпочкѣ тебя отпуститъ, и одно звено будетъ у тебя на рукѣ, а другія у нея. Ей-то оно легче будетъ. Дѣло-ли я говорю?

— Если такъ, если въ самомъ дѣлѣ Ольга Внѣздовна уже думала обо мнѣ благосклонно, — отвѣчалъ князь, — то конечно дѣльнѣе этого дѣла и выдумать нельзя.

Они пошли ко двору тысяцкаго, но старику пришлось раза два остановить своего спутника:—Раньше меня хочешь придти, князь? Ну, съ Богомъ, поспѣши!.. И Ростиславъ замѣчалъ, что онъ шелъ черезчуръ скоро, такъ что старику мудрено было за нимъ поспѣвать.

Полныя сѣни слугъ встрѣтили хозяина и гостя, а въ отворенной двери въ столовую тысячиха Зоя Глѣбовна отвѣшивала гостю низкій поклонъ. За ней попадья впивалась глазами въ хозяина и въ гостя; дальше, по другую сторону накрытаго стола, отецъ Іоаннъ бесѣдовалъ съ Ольгой Внѣздовной, которая ровно ничего не слыхала изъ его разумныхъ рѣчей, и съ Мамелфой Константиновной, женой боярина

Ивана Ручечника; а самъ бояринъ въ другомъ углу толковалъ съ обрусѣвшимъ нѣмцемъ, пріѣхавшимъ изъ Новгорода въ Смоленскъ по торговымъ дѣламъ.

— А мы думали, что застанемъ васъ за обѣдомъ!—сказалъ хозяинъ, входя въ столовую. Благослови, отецъ Іоаннъ, Садись, князь, гдѣ хочешь, хоть подлѣ меня, хоть дальше, по ту сторону Ольги. Можетъ быть тебѣ съ невѣстой переговорить о чемъ надо....

Тутъ попадья взвизгнула: «ахъ!» и бросилась поздравлять невѣсту. Мамелфа Константиновна стала поздравлять съ добрымъ дѣломъ хозяйку, Зою Глѣбовну, бояринъ Ручечникъ кланялся хозяину, а степенный нѣмецъ поздравлялъ всѣхъ. Отецъ Іоаннъ, обратясь къ образамъ, шепотомъ молился.

Вѣсти изъ Галичины не заставили себя долго ждать. Къ князю Ростиславу стали чаще и чаще навѣдываться какіе-то люди, гостили недолго и пропадали. Къ Ефрему Моизичу также стали приходить люди въ длинныхъ балахонахъ, и передъ масляницей Іоаннова попадья стала замѣчать, что въ городѣ никогда не бывало такъ много чужихъ людей: ходятъ какіе-то оборванцы, смотрятъ нахально, какъ будто хозяева на базарѣ, а покупать ничего не покупаютъ, кромѣ хлѣба. Дѣло въ томъ, что у князя Ростислава завязались окончательные переговоры съ Берладомъ, и обыкновенно тихій дворъ князя Ростислава сдѣлался шуменъ, какъ таборъ. На масляницѣ пріѣхалъ Сѣрославъ Константиновичъ, галицкій бояринъ, и такъ говорилъ Ростиславу:

— Я къ тебѣ, князь, отъ всей земли. Намъ уже вовсе житья не стало отъ этихъ проклятыхъ венгровъ, и у всякаго, у всякаго на языкѣ только ты одинъ, нашъ прирожденный князь. Волынскій Романъ набивается въ князья, да какъ его взять, когда онъ такой легкомысленный? Уѣзжая къ намъ изъ Владиміра, онъ Волынскую землю отдалъ брату, говоритъ:

«эта земля мнѣ не надобна». А какъ ненадобна? Еслибы галицкія-то силы съ волынскими соединить въ одной рукѣ, такъ можетъ быть съ королемъ Белой еще можно было бы поспорить. А ему не надобна земля! И прогулялъ свою землю, а изъ Галича выгналъ его король: братъ его назадъ во Владиміръ не пустилъ, онъ и скитается, и не знаетъ куда пристать. Но мы всѣ цѣловали крестъ, что какъ только твой стягъ покажется, такъ мы всѣ поголовно подъ твой стягъ перейдемъ. Безъ тебя намъ шевельнуться нельзя; королевичъ Андрей окруженъ венграми, войска отецъ ему прислалъ много, а насъ хоть и не мало, да, у насъ рукъ много, только головы недостаетъ, только твоего стяга у насъ не хватаетъ.

— Я готовъ идти, почтенный бояринъ, — отвѣчалъ князь; — и голову сложить согласенъ для милой родины, и княземъ въ ней сѣсть готовъ, чтобъ избавить ее отъ чужеземцевъ. Меня останавливаетъ только одно, какъ бы не пролилось слишкомъ много крови, да понапрасну? Моя кровь не считается, это пустяки. Вы-то готовы-ли тамъ? Вѣдь помнишь, въ прошедшемъ году, когда я былъ въ Галичѣ и слугой твоимъ разъѣзжалъ по боярамъ? Много-ли тогда мы согласныхъ нашли? Хоть бы напримѣръ Степанъ Тудоровичъ? За сына онъ крѣпко боится, а потерять ему сына, если онъ встанетъ на королевича Андрея.

— Да, Степанъ Тудоровичъ? А не слыхалъ ты, что съ нимъ было? Сына его увезли въ Венгрію, а ему осталась дочь. Такъ эту самую дочь венгерскій бояринъ Гіулай у Степана насильно отнялъ, да дней черезъ десять и прогналъ отъ себя прочь. Бѣдняжка умерла дня за четыре до моего выѣзда, выплакалась вся, извелась, а Степанъ Тудоровичъ одичалъ и готовъ этихъ венгровъ живыхъ ѣсть, безъ соли. Нѣтъ, князь! ты мнѣ вѣрь! Ненависть созрѣла, злоба въ насъ накопилась, накипѣла, душитъ насъ, давитъ, и мы ждемъ не дождемся хорошей бранной бури и грозы, чтобы воздухъ очи-

стился! Принеси ты намъ эту бурю, князь Ростиславъ Ивановичъ! Дай ты намъ эту грозу, пусть она весь край разоритъ, пусть она половину всѣхъ насъ вырветъ и броситъ на вѣтеръ, только бы унесла она безъ остатка поганыхъ иноплеменниковъ! Нельзя намъ такъ жить! Задохнемся мы всѣ до послѣдняго! Навезли съ собой эти венгры латинскихъ поповъ, а у насъ народъ православный, къ храмамъ Божіимъ усердный. Что-жь они? Въ Троицкой церкви конюшню устроили, а соборный храмъ Константина и Елены въ свою кирку оборотили. Надо было поглядѣть, что они продѣлывали, когда старались изъ православнаго храма выкуривать православный духъ: народъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на это, поналегъ, и ихъ старшаго попа, будто бы епископа, и раздавилъ какъ муху. Сто сорокъ четыре висѣлицы на другой день поставили вокругъ церкви и повѣсили правыхъ и виноватыхъ, только чтобы вышло ровно двѣнадцать дюжинъ. Такъ если въ тебѣ течетъ русская кровь, если ты точно потомокъ великаго Володаря, ты ни на минуту не долженъ задумываться и летѣть къ намъ тою грозною, страшной бурей, которой мы просимъ денно и нощно у Господа Бога. Ну погибнутъ въ Венгріи человѣкъ двадцать бояръ и дѣтей боярскихъ, заложниковъ. Да что же это зло значитъ противъ великаго добра освобожденія родины! Они погибнутъ, да, погибнутъ можетъ быть въ страшныхъ мукахъ, да за то же и мы натѣшимся: тысячъ двадцать венгровъ перерѣжемъ. А если дѣло повести умненько, то можно захватить королевича Андрея и размѣнять его на всѣхъ нашихъ заложниковъ. Это будетъ уже твое дѣло....

И много еще говорилъ бояринъ Сѣрославъ Константиновичъ, и слова его дышали глубокою ненавистью къ иноземцамъ и пламенною любовью къ родинѣ. Старый Исавръ слушалъ огненную рѣчь, слушалъ, наконецъ всталъ со скамьи, снялъ со стѣны тяжелый мечъ покойнаго князя Ивана Бер-

ладника, расправилъ его перевязь и подошелъ сзади къ Ростиславу. Князь не примѣтилъ этого движенія и слушалъ какъ бы въ глубокой задумчивости. Но не дослушавъ какую-то рѣчь боярина, онъ всталъ, перекрестился и сказалъ спокойно: «Иду!» Исавръ надѣлъ ему черезъ плечо ременную перевязь меча, вышелъ въ сѣни и вернулся тоже опоясанный мечомъ. Потомъ, собирая на столъ, онъ отстегнулъ мечи у себя и у князя, но перевязей не снималъ: онъ считалъ себя уже въ походѣ.

Бояринъ Сѣрославъ, видя рѣшимость князя, не сталъ и отдыхать послѣ обѣда, сказавъ, что онъ успѣетъ выспаться въ саняхъ, и уѣхалъ по дорогѣ въ Оршу. Отпустивъ гостя, Ростиславъ выспался такъ, какъ будто не принималъ такого великаго рѣшенія, и пошелъ въ домъ нареченнаго тестя. Бояринъ Внѣздъ встрѣтилъ гостя съ кружкой стариннаго меду и хотѣлъ было произнести свое обычное привѣтствіе, но остановился, замѣтивъ на князѣ мечъ. Обыкновенно-то онъ ходилъ съ небольшимъ охотничьимъ ножомъ.

— Походъ?—спросилъ онъ нѣсколько испуганно и въ тоже время радостно.

— Походъ!—отвѣчалъ князь Ростиславъ.

Боярышня Ольга, сидѣвшая въ той же горницѣ за пяльцами, раньше отца замѣтила мечъ на женихѣ, и глазки ея сверкнули радостью и тотчасъ затуманились набѣжавшею слезой.

— Ну, и дай Богъ успѣха!—сказалъ бояринъ и отпивъ меду, передалъ кружку Ростиславу. Онъ поднесъ ту же кружку Ольгѣ и подалъ ей, спрашивая, не пожелаетъ-ли ему того же и она?

Держа кружку передъ собою, Ольга подняла на него свои глаза, блестѣвшіе слезами, и сказала:

— Какъ же не желать самой себѣ успѣха?—и отпила глотокъ меду.

— Теперь, когда это рѣшено, — сказалъ тысяцкій, усаживаясь на скамью,—можно поближе подойти къ дѣлу. Чуя походъ моего дорогаго зятя, я собралъ кое-какіе долги, порылся въ старыхъ ларцахъ и насчиталъ полторы тысячи гривенъ. Я тебѣ это серебро сегодня велю снести, какъ ты домой пойдешь. Если мало, ты, князь, скажи: завтра же соберу еще тысячу, а нужно будетъ, такъ и двѣ... Чего же ты задумался? Мало будетъ? Эти берладники, правда, ненасытный народъ!...

— Нѣтъ, не то,—отвѣчалъ князь;—а я думаю, что вѣдь это имѣніе Ольги я буду бросать по дорогамъ.

— Мы уже говорили объ этомъ съ отцомъ, Ростиславъ,— сказала Ольга;—это имущество поможетъ тебѣ войти на прадѣдовскій столъ, но мы даемъ это не даромъ; за это ты и меня съ собой рядомъ посадишь.

Ольга боялась, что ея женихъ не захочетъ брать денегъ, станетъ отказываться, и потому спѣшила высказать заготовленный доводъ, который долженъ былъ успокоить князя.

— Я не о томъ думаю,—отвѣчалъ правдивый князь: — мнѣ приходитъ въ голову, что если неудача какая? Вѣдь все это добро пропадетъ безъ остатка....

— Не смѣй и думать этого! — вскричала Ольга: — вѣдь въ Галичѣ люди не слѣпы, понимаютъ какой это князь Ростиславъ; да и Берладъ за тебя, и бродниковъ разныхъ возьмешь... А если будетъ неудача, то есть такая страшная, крайняя неудача, о которой я говорить не хочу, то много-ли мнѣ надо будетъ послѣ того въ монастырѣ?...

Въ этотъ вечеръ князь долго просидѣлъ у невѣсты, говорилъ, что завтра онъ пойдетъ проститься съ самимъ смоленскимъ княземъ Давидомъ Ростиславичемъ, потомъ будетъ у обѣдни, затѣмъ пообѣдаетъ у тысяцкаго и прямо отъ него поѣдетъ съ Исавромъ въ дальній путь.

Какими-то судьбами, должно быть чрезъ своихъ длинно-

полыхъ земляковъ, Ефремъ Моизичъ въ тотъ вечеръ узналъ, что въ Галичинѣ приготовляется что-то рѣшительное, и что галицкіе бояре разсчитываютъ на князя Ростислава Иваныча. Старый сановникъ князя Андрея Боголюбскаго зналъ очень хорошо, что Ростиславу нельзя съ мѣста тронуться безъ денегъ, и разсчитавъ, что дѣло должно кончиться очень выгодно для князя умнаго, правдиваго, всѣми любимаго, неустрашимаго, онъ рѣшилъ предложить ему взаймы тысячи три, четыре гривенъ, чтобы потомъ получить уже изъ Галича, изъ столицы, ровно втрое. Онъ разсчитывалъ, что весь оборотъ можетъ кончиться въ пять, ну въ шесть мѣсяцевъ, и деньги воротятся въ сундуки съ хорошимъ приростомъ, особенно если онъ назначитъ цѣлый годъ сроку. Трудность состояла въ томъ, какъ войти въ сношеніе съ княземъ, который его знать не хотѣлъ, никогда ему на улицѣ не кланялся и въ разговорахъ съ другими отзывался о немъ нехорошо. На это Ефремъ сердился, но когда дѣло шло о такомъ хорошемъ барышѣ, то онъ умѣлъ проглотить, не морщась, еще и не такую обиду: бивалъ же его иногда въ запальчивости покойный князь Андрей Боголюбскій. И вспомнилъ онъ про честную вдову Виринею Ивановну. Если она умѣла, думалъ онъ, такъ выгодно пристроить дочку тысяцкаго (хотя Ростиславъ гораздо умнѣе сдѣлалъ-бы, если бы женился на Рахили Ефремовнѣ), то конечно она успѣетъ пристроить и деньги. Надо только хорошенько втолковать ей въ чемъ дѣло, какой приростъ серебра требуется, а князь не въ первый разъ выступаетъ въ походъ и знаетъ, конечно, что въ Берладѣ, какъ и вездѣ на бѣломъ свѣтѣ, сухая ложка ротъ деретъ. Рано утромъ на другой день послалъ онъ за Виринеею и долго объяснялъ ей какъ надобно приступить къ дѣлу и какъ онъ желаетъ получить долгъ обратно.

Ростиславъ собирался прощаться къ князю Давыду, когда Виринея Ивановна вошла къ нему на дворъ. Тамъ человѣкъ шесть слугъ тысяцкаго укладывали въ большія сани какіе-то

узлы и ларцы. Она поздоровалась съ ними, называя каждаго по имени, и спѣшила подняться на широкую лѣстницу.

— Съ походомъ, князь Ростиславъ Ивановичъ, поздравляю,—сказала она, входя въ горницу,—съ великимъ счастьемъ поздравляю! А я къ тебѣ съ хорошими вѣстями, съ деньгами, князь. Въ походъ ты идешь, денегъ надо вашему брату непроглядную кучу, а я знаю что у тебя ихъ не больно много, вотъ и поспѣшила: какъ же, думаю, князь-то мой на такое великое дѣло безъ денегъ собирается.

— Спасибо, голубушка,—отвѣчалъ князь ласково:—въ нашемъ дѣлѣ, правда твоя, нужна куча серебра, а пожалуй и золота, такъ что тутъ о сотнѣ гривенъ и разговаривать нечего.

— Неужели-же я не знаю?—возразила обидѣвшись Виринея:—я эти дѣла довольно хорошо знаю, и пришла къ тебѣ съ тремя тысячами; а если надо, то и четыре, и пять могу предоставить.

— Откуда-же у тебя, тетенька, такой обозъ денегъ? — спросилъ Ростиславъ, засовывая пальцы въ перстатыя рукавицы.

— Не твоя это печаль, а надо, такъ бери! — отвѣчала Виринея.

— Нѣтъ, тетенька! Такъ дѣла не дѣлаются. Не зная откуда деньги, какъ ихъ взять?

— А хоть бы Ефрема Моизича деньги! Какъ онъ завсегда понимаетъ обращеніе съ князьями, такъ онъ и видитъ, что тебѣ надобно помочь дойти до твоего стола дѣдовскаго въ Галичѣ, и говоритъ: сходи, Виринея Ивановна, къ нашему князю, и если онъ желаетъ, то могу дать сколько надобно, и три, и четыре, и пять тысячъ гривенъ...

— Нѣтъ, Виринея Ивановна, спасибо! — сказалъ спокойно Ростиславъ:—снеси ты отъ меня поклонъ Ефрему Моизичу, и скажи ему, что я знаю, какъ онъ понимаетъ обраще-

ніе съ князьями, какъ узналъ это князь Андрей Боголюбскій; да скажи ему, что серебра его мнѣ не надобно, что это Іудины деньги, кровью пахнутъ. Такъ и скажи. Прощай, тетенька.

И князь вышелъ изъ дому, направляясь къ теремному двору.

Князь смоленскій, Давыдъ Ростиславичъ, принялъ его, какъ всегда, дружелюбно и ласково. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ покачалъ головою довольно сомнительно.—«Богъ устроитъ все по святой своей волѣ, —сказалъ онъ наставительно:— будущее неизвѣстно, и я тебѣ желаю всякаго успѣха. Но знаешь-ли ты, что великій князь суздальскій приходится роднымъ дядей князю Владиміру Галицкому, сидящему теперь временно въ венгерской неволѣ? Покойный князь галицкій Ярославъ, который такъ безпощадно гналъ твоего отца, былъ женатъ на родной сестрѣ суздальскаго великаго князя Всеволода Юрьевича, на Ольгѣ Юрьевнѣ, а нынѣшній, Владиміръ Галицкій, женатъ на Болеславѣ Святославовнѣ, дочери Святослава Всеволодовича. Подумай, что если ты успѣешь добыть себѣ Галичъ, то два русскіе князя будутъ тебѣ врагами за то, что тогда Владиміръ лишится стола галицкаго. А великій князь суздальскій—не такой врагъ, чтобы можно было имъ пренебрегать. Императоръ Нѣмецкой земли Фридрихъ Барбаросса, стало быть твой будущій сосѣдъ, если ты въ своемъ дѣлѣ успѣешь, съ суздальскимъ княземъ пересылается. Ты объ этомъ обо всемъ подумалъ-ли толкомъ? Видишь, другъ мой, я это все говорю по дружбѣ къ тебѣ. Тебя я люблю какъ сына, а покойнаго отца твоего любилъ какъ дядю. Когда еще онъ жилъ въ Смоленскѣ, онъ насъ любилъ всѣхъ пятерыхъ Ростиславичей, и баловалъ, и на охоту съ собой бралъ... Давно это было, о, какъ давно!..

Но Ростиславъ зналъ очень хорошо все, что возражалъ на его намѣреніе князь Давыдъ, и разсказалъ въ какомъ ужасномъ теперь положеніи Галицкая земля.—А если князь суз-

дальскій приходится по матери роднымъ дядей заключенному въ венгерской башнѣ Владиміру, то что-же онъ смотритъ вотъ уже два года? Отчего онъ не потребуетъ его освобожденія? Если онъ пересылается съ императоромъ Нѣмецкой земли Фридрихомъ Барбароссой, отчего-же онъ не потребуетъ, чтобъ императоръ приказалъ своимъ королямъ посадить Владиміра на галицкій столъ? Нѣтъ, князь великій! Что бы тамъ ни вышло, хотя бы мнѣ пришлось потомъ уступить Галичъ Владиміру, я все-таки пойду въ Галицкую землю и выгоню иноплеменниковъ, которые поганятъ Русскую землю!..

— Ну, въ добрый часъ! Съ Богомъ! — возразилъ князь Давыдъ. — Сегодня ѣдешь? Ну, хорошо. Вѣрно у обѣдни будешь? Я приду и помолюсь вмѣстѣ съ тобою и напутственный молебенъ отслужу...

Обѣдню и напутственный молебенъ слушали всѣ, кто любилъ князя Ростислава, а любилъ его всякій, кто только зналъ. Виринея Ивановна въ церкви не была; на бѣду свою не былъ также и Ефремъ Моизичъ, хотя онъ никогда не пропускалъ службы, на которой былъ самъ князь Давыдъ. Во время обѣдни опять пріѣхалъ въ Смоленскъ князь Юрій Андреевичъ, грузинскій царь. Онъ уѣзжалъ на Москву, въ городъ своей матери, пожилъ у нея, посовѣтовался, погоревалъ, хотѣлъ взять серебра; но у старухи доходы были небольшіе, расходовъ на содержаніе монастыря было много и она не могла помочь сыну деньгами. За то совѣтовъ надавала она много, и князь Юрій порѣшилъ ими воспользоваться. Поэтому-то, пріѣхавъ въ Смоленскъ, онъ вошелъ прямо въ домъ къ Ефрему Моизичу. Слуги не хотѣли его пустить къ Ефрему, но гнѣвный князь растолкалъ ихъ и вошелъ въ горницу. Тамъ никого не было. Онъ прошелъ дальше, прошелъ еще горницы три и вступилъ въ свѣтлицу, куда обыкновенно никто посторонній не входилъ. Это была горница дочери, Рахили Ефремовны; туда запрятался перепуганный Ефремъ, когда заслышалъ, что

слуги не помѣшали непрошеному гостю войти. Рахиль, покрытая фатою, стояла спиною къ двери; изъ-за нея, присѣвъ до земли, выглядывалъ Ефремъ и со страхомъ, но сердито кричалъ: гдѣ же это видано, чтобы честный князь врывался насильно въ дѣвичью горницу? Старая Сара, съ кочергою въ рукѣ, стояла неподалеку отъ двери, готовая защищать мужа. — «Поди сюда, Іуда!—сказалъ князь, не замѣчая какъ смѣшно было положеніе Ефрема. Я тебѣ зла не сдѣлаю, хотя бы и слѣдовало тебя, убійцу моего отца, тутъ-же зарѣзать.»

— Помилуй Богъ! — вскричалъ Ефремъ: — я убійца? Я былъ такъ преданъ покойному князю Андрею...

— Не ври, Іуда! — вскричалъ Юрій: — я вѣдь изъ Москвы, былъ у матери, она мнѣ все разсказала!..

— А не все, вѣрно не все!—отвѣчалъ Ефремъ, выходя изъ своей засады. — Княгиня Улита могла разсказать, что она знала про заговоръ, что она сама, можно сказать, мстила ненавистному мужу за смерть любимаго брата!..

— Постой, жидъ! Что ты такое путаешь? Моя мать знала про заговоръ? Моя мать—участница отцовскаго убійства? Ты смѣешь это говорить?..

— А какъ-же, свѣтлый князь! Это всѣ знаютъ. Княгиня уѣхала тогда въ Москву, когда это несчастіе случилось; и послѣ того ни въ Боголюбовѣ, ни во Владимірѣ не бывала. Бояринъ Якимъ Степанычъ и велъ все дѣло, а я... да сохрани Богъ! Я ничего, ничего не зналъ!

Князь нѣсколько времени сидѣлъ въ задумчивости, потомъ всталъ и сказалъ:—Ну, мнѣ некогда теперь это разбирать: меня ждетъ Тифлисъ. Вотъ что, Іуда! Тебѣ все простится, все отпустится, если ты мнѣ сейчасъ-же отсчитаешь три тысячи серебряныхъ гривенъ.

Ефремъ скорчилъ плаксивое лицо, сталъ жаловаться, что у него отродясь такой кучи денегъ не было, что времена те-

перь трудныя, что за княземъ Романомъ у него пропала тысяча гривенъ.

— Такъ не дашь, Іуда?—спросилъ князь съ спокойною злостью.

— Пусть я провалюсь на этомъ самомъ мѣстѣ, если у меня есть такая куча серебра, — отвѣчалъ онъ съежившись.

— Ну и провались!—вскричалъ Юрій, выхватилъ ножъ и воткнулъ его въ грудь еврея. Старуха бросилась къ мужу, а бѣдная Рахиль, откинувъ покрывало, съ ужасомъ уставилась своими огромными глазами на убійцу, и какъ будто замерла на мѣстѣ. Юрій, взглянувъ на нее тогда въ первый разъ въ жизни, окаменѣлъ отъ ужаса: еврейка Рахиль глазами, обликомъ, ростомъ, какъ двѣ капли воды походила на грузинку Тамарь. Онъ вздрогнулъ, вскричалъ не своимъ голосомъ «Тамарь?» и бросился на нее съ окровавленнымъ ножомъ. Оставивъ за собою два окровавленныя тѣла, весь забрызганный кровью, онъ ускакалъ, прежде нежели кончилось напутственное молебствіе.

На паперти князю Давыду донесли о томъ, что въ городѣ случилось двойное убійство: князь Юрій Андреевичъ зарѣзалъ Ефрема и его дочь. Князь Давыдъ заказалъ двѣ панихиды, вздохнулъ и произнесъ изреченіе изъ закона: «Бояринъ за вину отвѣчаетъ головою, а князь — отнятіемъ волости. У князя Юрія волость отнята и ему отвѣчать нечѣмъ. Къ тому же тутъ видѣнъ перстъ Божій: сынъ отомстилъ за смерть отца...»

За обѣдомъ у тысяцкаго кто-то сказалъ объ убійцѣ Ефрема, но въ тѣ суровыя времена убійства не были рѣдкостью, собственноручная расправа случалась безпрестанно, и всѣ тотчасъ забыли и объ убитомъ, особенно потому, что проводы живаго и его блестящія надежды были для всѣхъ очень занимательны. Послѣ обѣда, послѣ самыхъ горячихъ пожеланій и горячихъ слезъ, невѣста, улыбаясь сквозь слезы, съ трудомъ принесла изъ угла тяжелый мечъ жениха; онъ

нагнулся и она надѣла ему перевязь черезъ плечо. Опять начались цѣлованія, пожеланія и слезы. Отецъ Іоаннъ надѣлъ на шею князю небольшой образъ Спасителя, и Ростиславъ сѣлъ въ сани, гдѣ уже дожидался его старый Исавръ. Дюжая тройка тронула, и Ольга Внѣздовна упала на шею матери, и рыдала до тѣхъ поръ, пока, отведенная въ свѣтлицу, не заснула. Долго она всхлипывала и во снѣ, но потомъ успокоилась и проснулась только передъ вечеромъ. Щеки ея горѣли какъ жаръ, глазки блестѣли искорками и озирались кругомъ съ удивленіемъ: она видѣла во снѣ, будто смотрится въ гладкое большое серебряное зеркало, и такъ къ ней шелъ княжескій вѣнецъ, надѣтый низко, на самый лобъ, что она никогда не бывала такою красавицей.

Князь Ростиславъ ѣхалъ быстро, спокойный, счастливый тѣмъ, что онъ исполняетъ священный долгъ, полный увѣренности въ томъ, что онъ успѣетъ въ своемъ великомъ дѣлѣ. Старый Исавръ, торопя возчиковъ, разъ по пяти каждый день повторялъ: «Только бы намъ въ Берладѣ застать этого Избышку, такъ хорошо бы! Не ушелъ бы куда въ походъ! Непосѣдъ онъ у меня, старый чортъ!..» Дорога лежала на Кіевъ, но изъ осторожности надо было этотъ городъ объѣхать, чтобы кто нибудь не призналъ знаменитаго изгоя и не далъ знать въ Галичъ. Надо было-бы явиться въ Галичѣ врасплохъ; но если этого нельзя было, то покрайней-мѣрѣ слѣдовало какъ можно дольше продержать приготовленія въ тайнѣ. Къ тому же кіевскій князь Святославъ Всеволодовичъ, человѣкъ до крайности осторожный, тоже сталъ-бы отговаривать отъ похода, какъ и смоленскій Давыдъ. Да и въ такомъ важномъ дѣлѣ чѣмъ меньше разговоровъ, тѣмъ лучше.

— Застать-бы только дома стараго чорта! — говорилъ Исавръ въ шестнадцатый день благополучнаго пути, когда небольшая лодка, нанятая для переѣзда за Дунай, отчаливала отъ берега въ Олешьѣ, на днѣпровскомъ устьѣ.

— Лишь-бы старый чортъ дома былъ! —говорилъ Исавръ черезъ нѣсколько дней, когда лодка на всѣхъ парусахъ бѣжала въ устье великой рѣки Дуная. Но вотъ наконецъ поворотъ въ рѣку Прутъ, а вотъ еще черезъ нѣсколько дней, и Берладъ. По берегу лежатъ на боку лодки; народъ какъ-то безъ толку толчется; рыбаки тянутъ сѣти; поется гдѣ-то лихая пѣсня; въ другомъ мѣстѣ слѣпой гусляръ словно за душу тянетъ, вытягивая пѣсню про князя Святислава Стараго, какъ онъ подъ Доростоломъ билъ греческаго царя Цимисхія.

— За правду Богъ! —крикнулъ князь Ростиславъ, поднявшись въ лодкѣ и выпрыгивая на берегъ.

— Аминь! — отвѣчало нѣсколько голосовъ, и вокругъ пріѣзжихъ стала собираться кучка народу. Исавръ пошелъ розыскивать землянку Избыгнева, нашелъ, но хозяина не было дома. За это Исавръ опять обозвалъ его старымъ чортомъ, но успокоился, узнавъ, что онъ выѣхалъ только рыбки половить и къ вечеру будетъ.

На другой день чуть не половина города разбрелась въ степи ловить одичалыхъ коней, а еще дня черезъ два двѣ тысячи отборныхъ головорѣзовъ на разношерстныхъ лошадяхъ, съ самымъ разнообразнымъ, но отличнымъ оружіемъ, собрались за городомъ нестройною толпою. Добыли коня и для Ростислава, и для Исавра, и началась продолжительная церемонія цѣлованія креста. Подъ высокоподнятымъ стягомъ стоялъ князь Ростиславъ и возлѣ него православный священникъ съ крестомъ. Когда отслуженъ былъ молебенъ и стягъ окропленъ святой водой, князь поцѣловалъ крестъ, и вслѣдъ за нимъ подходилъ каждый изъ товарищей, и также цѣловалъ крестъ. Затѣмъ воинство выступило на освобожденіе Галицкой земли отъ иноплеменниковъ и латинянъ.

Берладники шли тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ слишкомъ за сорокъ лѣтъ велъ ихъ знаменитый Иванъ Ростиславичъ. Надо было идти гористымъ берегомъ вверхъ по рѣкѣ

Пруту, потомъ перевалить черезъ горы на Днѣстръ, а тамъ уже Галичъ—рукой подать. Но изъ бывшихъ въ томъ походѣ съ Иваномъ уцѣлѣли только двое, Исавръ и Избыгнѣвъ. Они ѣхали рядомъ и тихо толковали про доброе старое время, а князь Ростиславъ съ удовольствіемъ слушалъ ихъ толки. «Нѣтъ, братъ Исавръ! Не тѣ нынче стали времена!—говорилъ Избыгнѣвъ, сидя на сѣдлѣ прямо, какъ двадцатилѣтній юноша, и закинувъ на плечо свое длинное легкое копье. — Плоше нынче становится народъ, не то, что прежде! Ничего, дерутся, только нѣтъ, все не то. У насъ бывало какъ? Если мы ударили, такъ стало быть врагъ долженъ бѣжать, либо помирать. Такая вѣра у насъ была, и съ этой вѣрой побѣда. Или ты бѣги, или помирай, какъ тамъ знаешь, это твое дѣло, а наше дѣло бить. А нынѣшніе—что? Въ прошломъ году ходили тоже нашихъ человѣкъ семьсотъ пятьдесятъ съ новгородцемъ Рагуйлой Волковичемъ, къ Переяславскому князю. Что же ты думаешь? Ушли на утекъ. Какъ это еще Господь Богъ терпитъ на свѣтѣ нашъ Берладъ! Сквозь землю-бы ему надобно отъ стыда провалиться. Вотъ какіе нынче берладники стали. Правда, что половцевъ тысячъ пять на нихъ навалилось; такъ неужели-же мы-бы, напримѣръ, побѣжали? А? какъ ты на счетъ этого думаешь?»

— А такъ я думаю, что бѣжать никогда не разсчетъ,— отвѣчалъ Исавръ: — оно невыгодно, потому что въ догонку очень уже просто бить человѣка. Одно слово — не разсчетъ. А какъ ты на него покрѣпче ударишь, душа у него въ пятки уйдетъ, ну и коси его какъ траву. И ежели насъ тысяча, а ихъ пять, то какъ же можно! Разумѣется, имъ бѣжать надобно, либо помирать. Это у насъ съ старымъ княземъ бывало, ну и этотъ, мой питомецъ, доказалъ столько разъ, какъ онъ отцовскую память почитаетъ. На счетъ того, чтобъ бѣжать, это, какъ-бы сказать? зазорно какъ-то и вспоминать

про такое срамное дѣло, да еще въ походѣ. Неужли намъ надо чего-нибудь такого бояться?

— Нѣтъ, съ такимъ княземъ, какъ нашъ, этого не будетъ,—сказалъ успокоительно Избыгнѣвъ:—да и народъ же мы отобрали: все больше старики, которые во всѣхъ дѣлахъ бывали, и суздальцы, и молдаване, и греки есть между ними, и поляки, и грузины, и чехи, и ясы, что ни есть самый прогорѣлый народъ. Надо только, чтобы князь не очень-то говорилъ о томъ, что галицкіе полки къ намъ перейдутъ. Объ этомъ говорить не годится. Еще перейдутъ, либо нѣтъ, а народъ будетъ этого ждать, вмѣсто того, чтобы дѣло дѣлать. А что уже это за войско, которое ждетъ что скажетъ непріятель! Не войско это, а сволочь, и народъ баловать такими рѣчами не годится...

Первый пограничный городъ былъ Кучельмина. Провѣдавъ приближеніе Ростислава съ берладниками, жители связали венгерскаго своего намѣстника и человѣкъ пятьдесятъ венгерскихъ воиновъ, и отдали ихъ на руки берладникамъ. Городъ покорился, и князь выступилъ дальше. Черезъ день подошли къ городу Ушацѣ. Венгровъ тамъ было много, но берладники наскочили такъ быстро, что непріятели не успѣли затворить воротъ. Въ самыхъ воротахъ бѣшеная свалка навалила груду тѣлъ, но венгры уступили, головорѣзы вломились въ городъ и въ острогѣ не осталось ни одного врага. Ушаца ликовала точно въ Святый праздникъ, хотя дѣло было еще на вербной недѣлѣ, и въ церквахъ народъ молился за князя всей Галицкой земли Ростислава Ивановича. Здѣсь въ первый разъ послѣ выѣзда изъ Смоленска князь ночевалъ подъ крышей, въ чистой горницѣ, въ постели.

А въ Смоленскѣ между тѣмъ за успѣхи князя Ростислава возносились самыя горячія, искреннія молитвы. Каждый Божій день Ольга Внѣздовна въ церкви, покрытая фатой, молилась о своемъ женихѣ, а Зоя Глѣбовна о нареченномъ зятѣ,

и по мѣрѣ того, какъ время проходило, все больше и больше матерью и дочерью овладѣвало безпокойство. Только старый тысяцкій, какъ будто не смущаясь нисколько, подшучивалъ надъ задумчивостью дочери, или объяснялъ ей сколько времени надобно ѣхать до Берлада и какіе жениху придется дѣлать объѣзды. Онъ по пальцамъ считалъ во сколько дней изъ Берлада можно войску дойти до Галича и какія неудачи могли встрѣтиться гонцу, котораго долженъ былъ послать Ростиславъ изъ Галича. «А военное-то дѣло? Его тоже, кажется, надобно считать, когда рѣчь идетъ о войнѣ. Что если между началомъ то и концомъ придется какая нибудь осада? Слыхали вы объ этомъ, или нѣтъ? Стоитъ на холмѣ городъ, кругомъ его крутой валъ, или прямо стѣна; передъ валомъ ровъ глубокій съ водой, а на валу стоитъ частоколъ: дубовыя бревна въ два обхвата, а между ними противъ узенькой щели стоитъ по человѣку съ лукомъ. И надобно эту махину взять, а какъ ты ее возьмешь? Сжечь этотъ частоколъ или тынъ? Стрѣлы съ огнемъ пускать? Да вѣдь въ городѣ живые люди сидятъ, стрѣлу-то съ огнемъ сбросятъ и огонь погасятъ. Стоишь, бывало, подъ городомъ то, хоть пальцы себѣ до локтей обкусай съ досады, такъ ничего не подѣлаешь. Подкопы пробовали, чтобы подрыться и подъ ровъ, и подъ валъ, да выйти гдѣ-нибудь въ городѣ; такъ вѣдь легкое-ли дѣло такой подкопъ продѣлать? Ну и стоишь, только стараешься какъ нибудь ровъ заметать чѣмъ попало, чтобы къ самымъ-то стѣнамъ, къ тыну руки приложить... А сколько на это времени уходитъ! Страсть!...»

— Скажи мнѣ, отецъ, — спросила однажды Ольга Внѣздовна:—всегда это такъ бываетъ, что князь впереди всѣхъ въ сѣчу бросается?

— Да полно ты, голубка моя!—отвѣчалъ отецъ, поглаживая русую головку дочери:—не думай ты объ этомъ, брось... Экая неотступная! Ну, конечно, впереди, а то ничего не бу-

детъ. Бывали у насъ и такіе князья, что въ одиночку, съ какими нибудь десятью богатырями, врѣзывались въ непріятельское войско и прорубали себѣ дорогу насквозь. Такъ-то бывало съ кіевскимъ княземъ Изяславомъ; князь Андрей Боголюбскій тоже одинъ разъ въ молодости такъ занесся: глядь назадъ, а дружина-то вся назади, а кругомъ враги. И это ничего, бываетъ, что отобьется... Ты что же головкой мотаешь, моя красавица, моя дѣвочка?

— Я, отецъ, не хочу, чтобы было сраженіе, — отвѣчала задумчиво Ольга: — князь Ростиславъ долженъ сѣсть въ Галичѣ безъ боя, если правда все то, что говорили галицкіе бояре. Сраженія не нужно. А если будетъ сѣча, то я уже знаю, что все пропало. Ростиславъ бросится впереди всѣхъ, и буду я... вдовою...

И дѣвушка плакала, плакала такъ, что отецъ начиналъ наконецъ сердится, но пособить ничему не могъ.

Виринея Ивановна, сидя какъ-то вечеромъ у Ивановой боярыни Мамелфы Константиновны, говорила ей съ нѣкоторою важностью: — «Вижу я, мать моя боярыня, что Галицкая земля безъ своего князя совсѣмъ изведется, потому что тамъ сидитъ королевичъ венгерскій, сынъ Бѣлаго короля. И жалость меня взяла такая, что и разсказать нельзя. Думаю я, какъ бы мнѣ Галицкой-то землѣ дать законнаго князя? Ужь на что законнѣе князя Ростислава Иваныча? Только у него на этотъ самый походъ денегъ нѣтъ. Однако эту бѣду можно умомъ развести, не даромъ Виринея Ивановна считается умной женщиной. И думаю: взять-бы деньги у этого стараго чудака тысяцкаго, да и отдать Ростиславу на галицкое дѣло! Жалко будетъ старому скупцу, да за то послѣ благодарить будетъ. И сосватала. Князь-то, простая душа у него, сказала — было и руками и ногами уперся, однако я его скрутила: не даромъ Господь Богъ умомъ меня не обидѣлъ.»

А Мамелфа Константиновна, выспавшись послѣ неимо-

вѣрно жирнаго обѣда, отдувалась, сидя на лежанкѣ, помахивая на себя платкомъ и попивала кружка за кружкой холодный квасъ прямо со льду.

Галицкій королевичъ Андрей очень скоро услышалъ, что берладники съ княземъ Ростиславомъ вступили въ его владѣнія. Прежде всего заподозрилъ онъ, что это галицкіе бояре призвали Ростислава, собралъ ихъ къ себѣ и сталъ приводить ко кресту въ присутствіи венгерскихъ воеводъ. Были между ними и правые, не знавшіе о сношеніяхъ съ Ростиславомъ; они цѣловали крестъ охотно; были и виноватые, былъ даже самъ Сѣрославъ Константиновичъ, недавно вернувшійся изъ Смоленска: и тѣ цѣловали крестъ, потому что на площади рабочіе ставили съ десятокъ висѣлицъ. На другой день послѣ присяги галицкіе полки, а впереди ихъ венгерскіе, выступили противъ берладниковъ. Стали они по дорогѣ къ Ушацѣ на отлогости холма, такъ что вся поляна передъ ними видна была какъ на ладони. Простояли такъ дня три, и увидѣли наконецъ знакомый галичанамъ, но уже забытый ими стягъ стараго Берладника Ивана. Дрогнуло все галицкое войско. На полянѣ впереди всѣхъ ѣхали три всадника, одинъ молодой и по бокамъ его два старика. За ними дюжій парень везъ высокую ветхую бѣлую хоругвь, сильно изорванную временемъ и непогодами; но цѣлъ былъ и невредимъ нашитый на ней черный крестъ. За этимъ стягомъ ѣхали знаменитые берладники, съ которыми не любили встрѣчаться и двое на одного присяжные головорѣзы венгерцы. На два полета стрѣлы берладники остановились. Самъ королевичъ Андрей былъ тутъ съ своимъ войскомъ. Зная, что въ его рядахъ готовилась измѣна, онъ не трогался съ мѣста, не начиналъ сраженія, чтобы въ суматохѣ боя не перебѣжали нѣкоторые полки, а можетъ быть и всѣ галичане. Тутъ всякая минута казалась часомъ: обѣ рати стояли другъ противъ друга, одна въ двѣ тысячи, другая тысячъ въ десять венгерцевъ и во столько-же галичанъ. Королевичъ Андрей не могъ бояться

за исходъ сраженія: десять на одного окружили-бы легко маленькій отрядъ берладниковъ и не дали-бы уйти ни одному человѣку; но еслибы галичане рѣшились ударить на венгерцевъ сзади, а берладники спереди, то дѣло могло бы кончиться худо. Вдругъ позади, въ лѣвой рукѣ, гдѣ стоялъ съ своимъ отрядомъ бояринъ Сѣрославъ Константиновичъ, послышались клики: за правду Богъ! и тысячи три пѣшихъ воиновъ стали обходить венгерскіе полки съ лѣвой стороны, направляясь къ берладникамъ. Туча стрѣлъ полетѣла въ нихъ изъ венгерскихъ рядовъ; они бросились вразсыпную, и очень скоро бояринъ Сѣрославъ, прискакавшій къ Ростиславову стягу, горячо пожалъ князю руку и расцѣловалъ его. Остальные галичане не трогались; пѣшіе воины частію дошли до берладниковъ, частію воротились, и такъ прошло еще нѣсколько минутъ.

— Обманули?.. сказалъ князь, обращаясь къ боярину.

— Трусы! бездѣльники!—говорилъ задыхаясь въ безсильной злобѣ бояринъ.

— Слушай, князь!—сказалъ тогда старый Избыгнѣвъ:— видишь, что они тебя обманули? Поѣзжай прочь!

— Нѣтъ, братъ!—отвѣчалъ князь:—они мнѣ цѣловали крестъ ты знаешь на чемъ, они обманули, хотятъ моей головы,—такъ Богъ имъ судья и тотъ крестъ, что мнѣ цѣловали! А я не могу теперь идти назадъ, мнѣ наскучило скитаться по чужимъ землямъ, хочу голову положить на своей отчинѣ!...

Еще съ минуту простоялъ князь на одномъ мѣстѣ какимъ-то потеряннымъ. Въ эту минуту онъ вовсе позабылъ Смоленскъ и невѣсту, въ немъ только страдалъ обманутый князь, оскорбленный витязь, человѣкъ, который готовился принести всего себя въ жертву для великаго дѣла освобожденія родины, а выходило, что никто въ этой жертвѣ не нуждается, и онъ готовъ былъ горько посмѣяться надъ самимъ собой. Вдругъ онъ обернулся къ берладникамъ и крикнулъ: «Спасибо вамъ, братцы, за дружбу. Насъ обманули! Повора-

чивай коней, и на всѣхъ рысяхъ домой, въ Берладъ! Съ Богомъ!» Потомъ онъ обернулся къ венгерцамъ, выхватилъ свой тяжелый мечъ, поднялъ коня вскачь и ринулся на непріятелей съ крикомъ: «За правду Богъ!» И плотные ряды венгровъ съ удивленіемъ видѣли, какъ берладники поворотили коней и поскакали прочь, а четыре всадника, два старца съ копьями и двое молодыхъ съ обнаженными мечами рядомъ несутся на враговъ какъ вихрь. Вотъ четверо изъ передняго ряда венгерской пѣхоты свалились мертвые, еще десятеро потоптаны лошадьми, еще падаютъ и падаютъ люди, между тѣмъ вокругъ четвертыхъ бойцовъ смыкаются непріятельскіе ряды, удары мечей, рогатинъ и алебардъ сыплются на нихъ. Трое упали съ лошадей, у четвертаго рука съ тяжелымъ мечемъ еще поднимается надъ толпой и падаетъ какъ громъ. Но вотъ и эта рука повисла, всадникъ упалъ и все затихло. Раненые стонали, сбитые съ ногъ поднимались, мертвыхъ поднимали товарищи; тѣла четверыхъ всадниковъ приказано нести къ королевичу, который только и заботился, чтобы всѣ ряды стояли смирно, не шевелясь.

Изъ копій тотчасъ устроены были носилки; тѣла уложены и впереди всѣхъ поднесли королевичу изувѣченное тѣло боярина Сѣрослава, потомъ тѣло старика Избыгнѣва; его сѣдая голова, отдѣленная отъ туловища, перекатывалась по носилкамъ. За нимъ несли Ростислава, онъ былъ тяжко раненъ въ шею, въ ногу, въ руку, но еще дышалъ. Послѣднимъ несли старика съ голымъ бурымъ черепомъ и съ желтою бородою: у него была рана въ лѣвой рукѣ, да возлѣ стараго рубца по правому глазу новый рубецъ, глубже прежняго. Королевичъ Андрей подозвалъ своего лекаря и велѣлъ ему лечить Ростислава и стараго его товарища такъ усердно, какъ онъ сталъ-бы лечить его самого. «Эти два молодца будутъ повѣшены,— прибавилъ онъ:—такъ ты мнѣ ихъ къ висѣлицѣ приготовь, чтобы знали какъ почетно умираютъ.»

Къ стр. 626.

Четыре всадника съ обнаженными мечами несутся на враговъ какъ вихрь.

Воины положили раненыхъ на землю, сняли съ нихъ вооруженіе, и лекарь возился съ ними цѣлый часъ. Потомъ ихъ понесли въ Галичъ такъ бережно, какъ будто несли полные стаканы съ драгоцѣнною жидкостью и боялись ихъ расплескать. Вокругъ носилокъ шло тысяча человѣкъ пѣшей венгерской стражи и двѣсти всадниковъ. Въ городѣ сейчасъ-же стало извѣстно, чѣмъ кончился походъ, и вокругъ тюрьмы, гдѣ лежали двое раненыхъ, съ утра до вечера стояли толпы народа. Люди стали толковать, что раненъ князь Ростиславъ Иванычъ, законный православный князь, и шепотомъ стали поговаривать, что ему можно теперь присягнуть, и отнять его у венгровъ. Ропотъ въ городѣ становился сильнѣе; вокругъ тюрьмы поставили двѣ тысячи человѣкъ и биричи на базарѣ кричали, что кто подойдетъ къ тюрьмѣ на полетъ стрѣлы, въ того будутъ стрѣлять.

А между тѣмъ Ростиславъ опомнился, оглянулся и увидѣлъ на другой кровати залѣпленнаго пластырями Исавра. Онъ сидѣлъ и угрюмо смотрѣлъ на князя. —Ну вотъ и опомнился! — сказалъ онъ сердито: — и зачѣмъ опомнился? умирать-бы надобно, князь!

— Эхъ, Исаврушка! — отвѣчалъ слабымъ шепотомъ князь:—все-бы отдалъ, только бы однимъ глазкомъ въ Смоленскъ заглянуть!...

— Вѣдь это мы въ тюрьмѣ, надо быть въ Галичѣ,—сказалъ догадливый Исавръ, — и что они съ нами дѣлать станутъ, это любопытно-бы знать.

— Это все равно! — возражалъ князь: — а вотъ что любопытно, въ Смоленскѣ что дѣлается? Плачетъ моя Оля бѣдная!...

Бѣдный Ростиславъ скоро опять впалъ въ забытье, и въ болѣзненныхъ сновидѣніяхъ мерещилось ему, какъ Ольга Внѣздовна, покрытая густою фатой, стоитъ на колѣняхъ въ соборной церкви и горько, горько плачетъ. Потомъ мерещилось

ему, что надъ нею совершается обрядъ постриженія и онъ держитъ покрывало и хочетъ ее покрыть...

Въ это время нѣмецкій лекарь королевича Андрея прислушивался какъ нѣсколько венгерскихъ бояръ толковали объ опасности народнаго возстанія въ Галичѣ, о томъ, какъ и гдѣ разставить на ночь войско, куда вывести галицкіе полки. Онъ громко усмѣхнулся, такъ что королевичъ оглянулся на него и видѣлъ, какъ лекарь пожимаетъ плечами.

— Что ты смѣешься?—спросилъ Андрей.

— Очень много хлопотъ причиняетъ тебѣ мой больной,—отвѣчалъ лекарь,—а по моему можно сразу угомонить городъ, такъ что войско можетъ спать спокойно.

— Говори-же, какъ быть?...

— Есть у меня баночка такая,—продолжалъ лекарь,—съ мазью: мягкая, нѣжная мазь, успокоиваетъ и боль, и больнаго; чудная мазь, отъ которой раненый не проснется. Такъ по моему, пока я схожу въ свою горницу за этой мазью, можно бы велѣть ударить въ колоколъ, какъ звонятъ по знатномъ покойникѣ, и велѣть служить панихиду по князѣ Ростиславѣ и рабѣ Божіи Исаврѣ: а я мазь приложу, и прежде нежели кончится панихида, можно будетъ спокойно отпустить стражу по домамъ.

Венгерскіе бояре похвалили догадливаго лекаря; черезъ полчаса ударили въ колоколъ, а еще черезъ полчаса тѣла Ростислава и Исавра начали холодѣть гробовымъ холодомъ: мазь подѣйствовала хорошо.

Боярыня Ольга Внѣздовна, получивъ объ этомъ извѣстіе, постриглась въ дѣвичьемъ монастырѣ, не смотря на слезы и мольбы своего стараго отца.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Bayerische Staatsbibliothek München

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Razin, Aleksej Egorovič

Otkuda pošla russkaja zemlja i kak stala byt' Russkaja istorija v pově
stjach A. Razina i V. Lapina

Bd.: 1.

Sanktpeterburg, Moskva 1878

P.o.russ. 66-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11377734-0